

A close-up, high-contrast photograph of a woman's eye. The eye is a striking green color with a dark pupil and a light-colored iris. The eyelids are heavily shadowed, and the skin around the eye is fair. The background is dark and out of focus.

гостья

СТЕФАНИ МАЙЕР

НОВЫЙ РОМАН ОТ СОЗДАТЕЛЬНИЦЫ ЛЕГЕНДАРНОЙ
САГИ «СУМЕРКИ»

Annotation

Земля — в опасности! Наше место скоро займут Души — лишённые плотской оболочки пришельцы, вытесняющие из человеческих тел разум и замещающие его разумом собственным. Большая часть человечества уже погибла. Немногие выжившие скрываются в жалкой попытке отсрочить неизбежное... Теперь Душа пытается захватить тело юной Мелани. Однако происходит неожиданное: Мелани и её Душа вынуждены сосуществовать в одном теле. Гостию надлежало выследить и выдать землян-повстанцев, с которыми связана Мелани, но она помогает своей носительнице. Человечество скоро окажется в рабстве у бессмертных хозяев? Так случится, если девушка, стоящая между миром завоевателей и миром людей, не совершит невозможное!

- [Стефани Майер](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6 Преследование](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8 Любовь](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Эпилог](#)

Стефани Майер

Гостья

Моей матери, Кэнди, которая научила меня, что в любой истории главное — любовь.

Вопрос

Тело — мой дом,
мой конь, мой пес.
Что делать мне,
если умрешь?
Где мне прилечь,
Как мне скакать,
С кем дичь ловить?
Как же мне быть
без скакуна,
что резв и горд?
Как же понять
чертополох
или клад впереди,
Раз тело, мой пес
умный, издох?
Как там вверху,
на небесах,
без крыши и дверей
ветер в глазах,
как прокатиться
на облаках?

Мэй Свенсон

Пролог

Внедрение

Целителя звали Брод в глубокой воде.

Он был Душой, а значит, по природе сама доброта: терпеливый, честный, высоконравственный, умеет сочувствовать — и полон любви. Беспокойство редко посещало Целителя. А уж раздражение — тем более. Однако поскольку Брод в глубокой воде жил внутри человеческого тела, иногда он поневоле раздражался.

Стараясь не обращать внимания на шепоток студентов практикантов в дальнем углу операционной, он плотно сжал губы — выражение, которое плохо сочеталось с обычно улыбчивым лицом.

Даррен, постоянный ассистент, заметил гримасу и похлопал Целителя по плечу.

— Им просто любопытно, — негромко произнес он.

— Внедрение — стандартная процедура. Ничего любопытного или захватывающего. Любая Душа с улицы ее выполнит, если понадобится. Пустая трата учебного времени... не на что тут смотреть. — Брод в глубокой воде с удивлением распознал резкие нотки в своем обычно умиротворенном голосе.

— Они еще ни разу не видели взрослого человека, — напомнил Даррен.

Целитель удивленно приподнял бровь.

— Они что, слепые? Никогда в зеркало не заглядывали?

— Ты знаешь, о чем я: дикого человека. Еще бездушного. Из мятежников.

Брод посмотрел на безвольное тело девушки, ничком лежащее на операционном столе. Он вспомнил состояние, в котором Искатели привезли это бедное разбитое тело в Лечебницу, и жалость наполнила сердце. Сколько же ты натерпелась, детка...

Разумеется, сейчас она в идеальном состоянии — полностью излечена. Брод об этом позаботился.

— Обыкновенное человеческое лицо, — прошептал Целитель Даррену. — У всех Душ такое. А как проснется, станет одной из нас.

— Просто для них это так волнующе.

— Лучше бы проявили хоть каплю уважения. Душа, которую мы

сегодня имплантируем, не заслужила, чтобы на предназначенное ей тело глазели. Ей и так несладко придется во время акклиматизации. Несправедливо заставлять ее проходить через это.

Говоря «это», Брод подразумевал отнюдь не любопытствующих студентов. В голосе снова зазвучали резкие нотки.

Даррен ободряюще похлопал Целителя по плечу.

— Все будет хорошо. Искателям нужна информация... При слове «искатели» Брод в глубокой воде смерил Даррена взглядом, который иначе как свирепым не назовешь. Даррен потрясенно заморгал.

— Извини, — тотчас спохватился Целитель. — Не хотел. Просто я переживаю за эту Душу.

Он посмотрел на криоконтейнер у стола. Ровный, тусклый свет индикатора указывал на то, что резервуар занят и пребывает в режиме заморозки.

— Ее специально выбрали для этого задания, — примирительно заговорил Даррен. — Исключительной отваги Душа. Ее жизни говорят сами за себя. Полагаю, она и сама бы вызвалась, если бы могла выбирать.

— А кто из нас не вызвался бы, когда речь идет о высшем благе? Но сейчас... во благо ли это? Вопрос не в ее готовности, просто у любой, даже самой отважной, Души есть свой предел.

Практиканты также обсуждали замороженную Душу. Брод ясно различал слова; шепот стал громче, голоса звенели от возбуждения.

— Она жила на шести планетах.

— Я слышал, что на семи.

— Говорят, она каждый свой срок меняла вид носителя.

— Как такое может быть?

— Почти всеми побывала: Цветком, Медведем, Пауком...

— И Водорослью, и Летучей мышью...

— И даже драконом!

— Не может быть, чтоб на семи.

— На семи или больше. Начинала еще на Истоке.

— Да ты что?! На самом Истоке?

— Тише, пожалуйста! — вмешался Целитель. — Тех из вас, кто не желает осваивать профессию молча, прошу покинуть помещение.

Все шестеро студентов пристыженно умолкли и чуть расступились.

— Приступим.

Все было готово: соответствующие препараты разложены возле девушки, длинные рыжеватые волосы убраны под операционную шапочку, стройная шея открыта. Девушка медленно дышала, накачанная

снотворным. На золотистой загорелой коже не различить и следа недавнего... происшествия.

— Даррен, запускай оттаивание.

Седовласый ассистент уже стоял наготове возле криоконтейнера, держа руку на регуляторе. Он щелкнул предохранителем и остановил крутящийся диск. Красный огонек над серебристым цилиндром замигал все быстрее и быстрее, меняя цвет.

Брод в глубокой воде сосредоточился на лежащем без сознания теле: точными короткими движениями сделал надрез у основания черепа, sprыснул жидкостью, которая остановит кровь, пока он будет расширять отверстие. Целитель аккуратно, стараясь не повредить, раздвинул шейные мышцы, обнажив бледный позвонок.

— Душа готова, Целитель, — сообщил Даррен.

— Отлично. Неси.

Брод чувствовал присутствие Даррена, знал, что ассистент стоит наготове — они не первый год работали вместе. Целитель расширил отверстие.

— Пошла, — прошептал он.

Показалась рука Даррена: в сложенной ладони серебрилась еще не проснувшаяся Душа.

Целитель много раз видел незащищенную Душу и неизменно поражался ее красоте. Душа сияла в ослепительном свете операционной ярче, чем прибор, поблескивающий в его руке. Покачиваясь и пульсируя, она вытянулась на ладони, радуясь свободе. Тонкие, воздушные соединения развевались тысячей нежных серебристых нитей. И хотя каждая Душа была по своему прекрасна, эта просто завораживала.

Не он один наслаждался зрелищем. До Целителя донесся тихий вздох Даррена и восхищенное перешептывание студентов.

Даррен осторожно вложил крохотное искрящееся существо в раскрытое отверстие. Душа плавно скользнула в предложенное место, вплетаясь в чужое тело. Брод в глубокой воде любовался умением, с которым она обживала новый дом. Соединения крепко обернулись вокруг нервных центров, разрастаясь, проникая в недоступные глазу глубины, проворно, ловкими движениями захватывая мозг, глазные нервы, ушные каналы. Вскоре на виду остался лишь крохотный мерцающий сегмент.

— Молодец, — прошептал он Душе, зная, что та не слышит. Уши принадлежали девушке, а она спала крепким сном.

Осталась рутина: завершить операцию. Он очистил и залечил рану, смазал клейким бальзамом края разреза, которые тут же сомкнулись над

новым жильцом, и щеточкой втер порошок от шрамов в тонкую полоску, оставшуюся на шее.

— Безупречно, как всегда, — сообщил ассистент. Отчего-то, по непонятной причине, помощник Целителя пожелал сохранить имя тела реципиента.

Брод в глубокой воде вздохнул.

— Бездарный день.

— Ты просто выполнял свой долг. Ты же Целитель.

— В данном случае от наших трудов больше вреда, чем пользы.

Даррен уже начал уборку. Наверное, он не знал, что ответить. Целитель следовал Призванию, и этого Даррену было достаточно.

Однако Брод в глубокой воде был Целителем до мозга костей. Он не сводил тревожного взгляда с безмятежного, погруженного в сон тела: едва оно очнется, как от безмятежности не останется и следа. Весь ужас, пережитый девушкой перед концом, обрушится на невинную Душу, которую он только что своими руками поместил внутрь.

Целитель наклонился и шепнул ей на ухо, страстно желая — скорее всего, тщетно — достучаться до получившей новый дом Души:

— Удачи тебе, маленькая странница. Пусть тебе повезет!

Глава 1

Воспоминание

Я знала, что все начнется с конца, а для этих глаз конец означал смерть. Меня предупреждали.

Не «этих» глаз. Моих глаз. Моих. Теперь это я.

Думала я на новом, странном, языке — сбивчивом и бестолковом. Совершенно беспомощном по сравнению со многими предыдущими, и в то же время непостижимым образом текучем и выразительном. Порой даже красивом. Теперь он мой. Мой родной язык.

Следуя инстинкту, я надежно закрепилась в мыслительном центре этого тела, цепко вплелась в каждый вдох, подчинила каждый рефлекс, слилась с другим существом, стала им.

Не «это» тело, мое тело.

Действие лекарства проходило: туман в голове рассеялся. Я сосредоточилась и потянулась к первому — а точнее, последнему — воспоминанию... последние минуты, пережитые этим телом, память о конце. Меня не раз предупреждали о том, что сейчас произойдет. Человеческие эмоции намного сильнее, губительнее, чем чувства любого из моих прошлых видов. Я старалась подготовиться.

Память заработала... Не зря меня предостерегали: к такому подготовиться невозможно.

На меня обрушился ураган красок и звуков. Холод на ее коже, боль в теле — разрывающая, жгущая. Резкий металлический вкус на языке. И еще появилось новое, пятое, чувство, которого я никогда прежде не испытывала: в ее мозгу молекулы воздуха превращались в странные послания, приятные и предупреждающие... Запахи... Они отвлекали, сбивали с толку — меня, но не ее память. Памяти было не до новых запахов. В памяти остался лишь страх.

Страх лишал сил, подгонял непослушные, нескладные конечности вперед и в то же время сковывал. Убегать, спастись — все, что оставалось.

Я не справилась.

Чужое воспоминание — пугающее, сильное и ясное — захлестнуло поставленный мной блок, ворвалось, и меня засосал ад последних минут ее жизни. Я была ею, и мы бежали.

Темно. Ничего не вижу. Не вижу пола, не вижу своих вытянутых рук.

Бегу вслепую, прислушиваясь к звукам погони, но слышу лишь стук в висках.

Холодно... И больно, хотя это уже не важно. Как же здесь холодно.

Воздух в ее носу казался отталкивающим. Неприятным... Неприятный запах. На миг ощущение дискомфорта выдернуло меня из воспоминания — лишь на миг, а затем снова втянуло внутрь, и глаза наполнились слезами ужаса.

Я пропала, мы пропали. Это конец.

Они уже рядом, дышат в спину. Я слышу их шаги... целая толпа! А я одна. Я не справилась.

Искатели окликают меня. От их голосов сводит живот. Меня сейчас стошнит.

— Все будет хорошо, — лжет одна, пытаюсь меня успокоить... Выигрывает время. Слышно, как тяжело она дышит.

— Осторожно, — предупреждает криком второй.

— Не поранься, — умоляет третий. Проникновенный, заботливый голос.

Заботливый!

Кровь ударила в голову, и я чуть не задохнулась от жгучей ненависти.

За все мои жизни я ни разу не испытывала подобных эмоций. Отвращение еще на секунду оторвало меня от воспоминания. Пронзительный, высокий плач ударил по ушам и отозвался в голове. Оцарапал дыхательные пути... В горле зашипало.

«Крик, — подсказало мое тело. — Ты кричишь».

Я замерла, пораженная, и звук резко оборвался. Это было не воспоминание.

Мое тело, оно... Она думала! Говорила со мной!

Но тут удивление отступило перед силой воспоминания.

— Осторожнее! — кричат они. — Впереди опасность! «Опасность сзади!» — мысленно кричу я в ответ. Но я вижу, что они имели в виду. Тусклый свет мерцает где-то впереди, в конце коридора. Не стена, не запертая дверь — не тупик, которого я так боялась, но ожидала. Черная дыра.

Шахта лифта. Заброшенная, пустая и проклятая, как и все здание.

Некогда укрытие, теперь могила.

Я бросаюсь вперед, чувствуя, как накатывает волна облегчения. Выход есть. Да, выход — уход из жизни, в котором спасение.

«Нет, нет, нет!» — Это уже моя, и только моя мысль. Я изо всех сил пыталась отделиться от той, предыдущей, но мы слились воедино и со всех

ног бежим к нашей гибели.

— Осторожнее! — В криках слышится отчаяние.

Я понимаю, что они не успеют, и мне хочется смеяться, представляя, как их руки хватают воздух в каких-то дюймах позади меня. Я бегу быстро, даже не задерживаюсь в конце коридора и с разбега бросаюсь в отверстие.

Пустота проглатывает меня. Ноги тщетно молотят воздух. Руки пытаются найти, за что ухватиться, что-нибудь твердое. Холодный воздух бьет в лицо, как смерч.

Звук удара я слышу раньше, чем чувствую... Ветра больше нет...

Зато пришла боль... Боль повсюду... Прекратите.

«Слишком низко», — шепчу я, преодолевая боль. Когда же это закончится? Когда?...

Чернота поглотила мучения, и я благодарно расслабилась, радуясь, что страшное воспоминание наконец-то закончилось. Чернота заслонила все, освободив меня. Я глубоко вдохнула, успокаиваясь, — привычка этого тела. Моего тела.

Но затем краски вернулись, и неистовая волна памяти снова накрыла меня.

«Нет!» — запаниковала я, испугавшись холода, боли и самого страха.

Но это было другое воспоминание. Воспоминание внутри другого, последнего — как последний глоток воздуха — и все же, каким то-непостижимым образом, ярче и сильнее.

Чернота заслонила все, оставив одно лицо.

Лицо, которое выглядело для меня настолько же чужим, как для этого нового тела — безликие змеевидные щупальца моего прошлого носителя. Лицо, словно на картинках, с помощью которых меня готовили к этому миру. Их было сложно различить, разобраться в крохотных нюансах форм и оттенков — единственных показателях индивидуальности. Все одинаковые, как на подбор: посередине нос, над ним глаза, под ним губы, уши по бокам. Все чувства, кроме осязания, сосредоточены в одном месте. Череп обтянут мышцами и кожей, волосы — на самом верху и на странных щетинистых полосках над глазами. У некоторых мужских особей щетина покрывает и нижнюю челюсть. Цвет варьируется оттенками коричневой гаммы: от бледно кремового до почти черного. Как еще их различишь, если не по цвету?

Это лицо я бы узнала из миллиона.

Я не могла отвести глаз от правильного, золотисто коричневатого прямоугольника с чуть выступающими скулами. Волосы, покрывавшие только верх головы и щетинистые полоски над глазами, были всего на

несколько тонов темнее, чем кожа, — если не считать нескольких соломенно желтых прядок. Радужка глаз — чуть темнее волос, но тоже со светлыми крапинками. Крохотные морщинки вокруг глаз; ее воспоминания подсказали, что это следы улыбок и яркого солнечного света.

Я не знала, что здесь принято считать красивым, но вдруг ясно увидела, что передо мной — воплощение красоты. От него невозможно было оторваться. И как только я поняла, лицо исчезло.

«Мое», — пронеслась чужая мысль, которой там было не место. И я снова застыла, пораженная. Здесь должна быть только я. Почему же мысль прозвучала так уверенно, так отчетливо?...

Невозможно. Откуда ей взяться? Теперь это я.

«Мое, — обрушилась я на нее, в каждую букву вложив всю свою властность и силу. — Все здесь мое».

«Почему же тогда я ей отвечаю?» — спросила я себя, и тут мои размышления прервал звук голосов.

Глава 2

Подслушанный разговор

Где-то совсем рядом со мной тихие голоса вели приглушенный разговор.

— Боюсь, для нее это слишком, — мягко произнес глубокий мужской голос. — Впрочем, как и для любого. Столько насилия! — В тоне явно прозвучало отвращение.

— Она только раз вскрикнула, — с ноткой ликования ответил более высокий и резкий женский голос, словно подчеркивая, что победа остается за ней.

— Знаю, — согласился мужчина. — Она очень сильная. Другие и с меньшим бы не справились.

— Она справится, я с самого начала говорила.

— Может, вам стоит поменять Призвание, — колко ответил собеседник. «Сарказм», — подсказала память. — Стать Целителем, например, как я?

Женщина издала звук, означающий веселье. Смех.

— Это вряд ли. Нам, Искателям, как-то ближе другие диагнозы.

Мое тело знало это слово, это название: «Искатели». По спине побежали мурашки — остаточная реакция. Разумеется, мне-то незачем бояться Искателей.

— Я порой гадаю, как вы справляетесь с инфекцией человечности, — все еще раздраженно произнес мужчина. — Насилие — часть вашей жизни. Неужели врожденный темперамент ваших тел настолько силен, что вы получаете удовольствие от всех этих ужасов?

Меня удивил обвинительный тон. Этот разговор был похож... похож на спор. Нечто, знакомое моему телу, но не мне.

Женщина защищалась.

— Мы не выбираем насилие. Мы с ним сталкиваемся по необходимости. Вам, остальным, повезло, что есть кто-то, готовый выполнять грязную работу. Мы трудимся ради вашего же спокойствия.

— Когда-то трудились. Думаю, скоро ваша профессия исчезнет.

— Взгляните на эту кровать, и вы поймете, что заблуждаетесь.

— Всего лишь человеческая девушка, одна и без оружия! Да уж, страшна угроза!

Женщина с силой выдохнула. Вздых.

— Может быть, вы знаете, откуда она пришла? Откуда взялась в центре Чикаго, давным-давно цивилизованного города, в сотнях миль от любого очага сопротивления? Как ей это удалось, одной?

Она задавала вопросы так, словно заучила их наизусть и не ждала ответов.

— Это ваши проблемы, не мои, — сказал мужчина. — Моя задача — помочь этой Душе как можно безболезненнее адаптироваться в новом теле. И вы мне мешаете.

Постепенно настраиваясь, приспособливаясь к новому миру ощущений, я только сейчас поняла, что речь обо мне. Я та Душа, о которой они говорят. «Душа» — слово, у которого был еще и другой, новый для меня, смысл; слово, так много значившее для моего носителя. На каждой планете мы выбирали себе новое имя. Душа. Полагаю, весьма уместное определение. Невидимая сила, что управляет телом.

— Мои вопросы не менее важны, чем ваши обязанности.

— А вот с этим я бы поспорил.

Послышалось какое-то движение, и женский голос внезапно перешел на шепот.

— Когда она будет готова отвечать? Действие снотворного уже, наверное, проходит.

— Дайте ей отдохнуть. Пусть сама во всем разберется и выберет время. Представьте, какой она испытает шок, осознав, что находится в носителе бунтарке, которая к тому же пыталась совершить самоубийство, изувечить тело! Как можно в мирное время обречь себя на такое! — Голос его звенел от переполнявших чувств.

— Она сильная... — Женщина перешла на успокаивающий тон. — Видите, как легко она справилась с первым, самым страшным, воспоминанием?!

— Ради чего?... — пробормотал мужчина, по видимому, не ожидая ответа.

Но женщина ответила:

— Нам необходима информация...

— «Необходима», — утверждаете вы. Тут скорее не необходимость, а ваша прихоть.

— И кто-то должен ее для нас достать, — продолжила женщина. — А судя по тому, что я знаю об этой Душе, она бы ни за что не отказалась от подобного испытания. Как ее называют?

Последовало долгое молчание. Женщина ждала.

— Странница, — наконец неохотно произнес собеседник.

— Совершенно верно, — согласилась она. — Я не располагаю официальной статистикой, но все говорит о том, что она из немногих, если вообще не единственная, кто так много путешествовал. Да, имя Странница прекрасно ей подойдет, пока она не выберет новое.

Он промолчал.

— Впрочем, она может принять имя реципиентки... Хотя нам оно неизвестно — в базе данных она не зарегистрирована: ни отпечатков пальцев, ни скана глазной сетчатки.

— Нет, человеческое имя Странница не возьмет, — пробормотал мужчина.

Она отозвалась примирительно:

— Каждому — свое утешение.

— Из-за ваших методов поиска Страннице утешение ой как понадобится.

Послышались резкие звуки — цокот каблучков по твердому полу. Женщина заговорила где-то в стороне от мужчины.

— Вы слишком болезненно реагируете на первые дни вторжения, — сказала она.

— А вы, судя по всему, — на мирное время.

Женщина рассмеялась, но как-то фальшиво — совсем невесело. Видимо, мой разум уже приноровился улавливать истинный смысл по малейшим нюансам интонации.

— Вы не совсем понимаете суть моего Призвания. Долгие часы, проведенные над документами и картами. В основном бумажная работа. И намного меньше столкновений или насилия, чем вы думаете.

— Десять дней назад в погоне за этим телом вы не чурались смертоносного оружия.

— Это скорее исключение, чем правило, вы уж мне поверьте. Не забывайте: если бы не бдительность Искателей, оружие, к которому вы питаете такое отвращение, давно обратилось бы против нашей расы. Люди убивают нас при первой возможности, без всяких угрызений совести. Те, кто испытал на себе враждебность аборигенов, считают нас спасителями.

— Вы говорите так, будто идет война.

— Да, война. Именно так это воспринимают остатки человеческой расы.

Слова звенели у меня в ушах. Тело на них отреагировало: дыхание участилось, сердце забилось быстрее. Рядом с кроватью, на которой я лежала, стоял прибор, отмечая все изменения глухим пиканьем. Впрочем,

Целитель и Искательница слишком увлеклись выяснением отношений и не обращали на него внимания.

— Должны же они понимать, что эта война давно проиграна. Какое у нас численное преимущество? Миллион к одному? Думаю, цифры вам известны.

— По нашим оценкам, наши шансы гораздо выше, — нехотя признала она.

Казалось, это признание удовлетворило Целителя и заставило слегка сбавить обороты. Какое-то время он молчал.

Я использовала это время, чтобы оценить ситуацию. Много было очевидно. Я находилась в Лечебнице, восстанавливалась после некой особо травмирующей операции внедрения. Разумеется, тело было предварительно полностью излечено. От поврежденных тел избавлялись.

Я поразмыслила над противоречиями, возникшими между Целителем и Искательницей.

Согласно информации, которую я получила перед отлетом, Целитель был по своему прав. Столкновения с оставшимися немногочисленными группами людей давно прекратились. Планета под названием Земля стала такой же мирной и уютной, как выглядела из космоса: заманчиво зелено-голубой, в пуховой пелерине белоснежных облаков. Теперь здесь жили Души, а значит — воцарилась гармония.

Словесная перепалка между Целителем и Искательницей была вещью немыслимой, слишком агрессивной. «Интересно, — подумала я, — неужели те странные, расходящиеся волнами слухи, что шелестели в сознании этого... этого...»

Я отвлеклась, пытаюсь вспомнить название своего последнего носителя.

У нас было имя, это я помнила. Но, покинув предыдущего носителя, я позабыла все названия. Мы использовали куда более простой язык, безмолвный язык мысли, соединявший всех в единое, общее сознание. Жизненно важная способность, если ты навеки врос корнями в густой черный ил.

Я могла описать этот вид на моем новом — человеческом — языке. Мы жили на дне огромного океана, покрывавшего всю поверхность нашего мира — мира, у которого тоже было имя, но, увы, забылось и оно. На каждом из нас росло по сто рук, а на каждой руке — по тысяче глаз, и когда мы соединялись мыслями, весь океан оказывался в поле нашего зрения. В звуках мы не нуждались, и потому не слышали. Вкус воды, вкупе со зрением, давал нам всю необходимую информацию. Высоко-высоко над

водой висело солнце, мы ощущали его вкус, питались им.

Описание далось без труда, но имя этих созданий так и не нашлось в памяти. Я вздохнула, пожалев об утраченном знании, и вернулась к размышлениям об услышанном.

Души, как правило, говорили только правду. Искатели, конечно, особый случай, но лгать друг другу не было смысла. Мысленный язык моего предыдущего носителя просто не годился для лжи: и захочешь — не соврешь. Но, прикованные к морскому дну, мы развлекались, рассказывая друг другу истории. Умение рассказывать истории считалось самым ценным талантом, поскольку всем приносило пользу.

Порой факты в наших историях так тесно переплетались с вымыслом, что, пусть даже те и не ввали, в общем потоке трудно было выловить крупницы истины.

Мы думали о новой планете Земле — такой сухой, разнообразной, полной воинственных и злобных обитателей, мы с трудом себе их представляли — и ужас наш порой отступал перед возбуждением. Вокруг новой, захватывающей темы тут же стали роиться новые истории. Сообщения о войнах — войны! нам приходится воевать! — сперва были точны, но вскоре обросли неправдоподобными подробностями и превратились в миф. Если рассказы противоречили официальной информации, само собой, я верила рассказам.

Но ходили и такие слухи: слухи о людях носителях, настолько сильных, что Душам приходилось покидать их тела. О реципиентах, чье сознание противилось и не давалось. О Душах, что подчинялись воле человека, а не наоборот. Сказки. Дичь. Безумие.

Но как же они схожи с обвинениями, которые выдвигает Целитель...

Я прогнала эту мысль. Вероятно, он просто, как и многие из нас, испытывает отвращение к Призванию Искателей. Разве можно добровольно выбрать путь насилия и войны? Кому приятно выслеживать сопротивляющихся носителей? У кого хватит мужества лицом к лицу столкнуться с печально известной жесточенностью этого вида, человеческим врагом, который убивает так легко, так бездумно? Здесь, на этой планете, Искатели превратились в... ополченцев — мой новый мозг предоставил новый, непонятный термин. Большинство считало, что стезя Искателей привлекает лишь самые нецивилизованные, самые неразвитые Души, худших представителей нашего вида.

Впрочем, на Земле слово «искатель» обрело новый смысл. Никогда прежде ни одно занятие так не извращали. Никогда прежде Искателям не приходилось участвовать в столь кровавых и жестоких схватках. Никогда

прежде столько Душ не жертвовали собой. Искатели стали мощным защитным щитом, и Души этого мира были в неоплатном долгу перед ними: за безопасность и истребление угрозы, за риск окончательной смерти, которому те охотно подвергали себя день за днем, и за новые тела, что продолжали поступать.

Теперь, когда опасность практически миновала, выяснилось, что благодарность слабеет. Неприятный сюрприз — по крайней мере, для этой Искательницы.

Несложно представить вопросы, которые она мне задаст. Я знала, что Целитель пытался выиграть для меня время, чтобы я привыкла к новому телу.

Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь Искательнице. Каждая Душа всем существом предана своему народу.

Поэтому я глубоко вздохнула и приготовилась. Монитор зарегистрировал движение. Я тянула время — попросту говоря, трусила. Информацию для Искательницы придется черпать в жестоких воспоминаниях, которые недавно ввергли меня в такой ужас. Но больше всего пугал голос, столь явственно звучавший в моей голове. Сейчас он безмолвствовал. Всего лишь воспоминание — вот что она такое.

Бояться не нужно. Ведь не зря же меня зовут Странницей. Я заслужила это имя.

Я еще раз глубоко вздохнула и, крепко сжав зубы, погрузилась в пугающие воспоминания.

Я проскочила самый конец — на сей раз обошлось без потрясений. Быстро проматывая кадры, снова пробежала через темноту, морщась, стараясь не чувствовать. Все закончилось быстро.

Как только я преодолела этот барьер, стало легче выискивать нужную информацию: мимо проносились вещи и места, которые уже не так пугали. Я увидела, как она добралась в этот холодный город на украденной, выбранной из-за неприметного вида машине. Как бродила по темным улицам Чикаго, зябко кутаясь в пальто.

Она тоже что-то искала. Здесь были другие, такие же, как она — во всяком случае, она на это надеялась. Кто-то особенный. Подруга... нет, кто-то близкий. Сестра... но не родная... двоюродная.

Слова приходили все реже и реже, и сперва я не могла понять почему. Что-то забыто? Потеряно в результате травмы, чуть не приведшей к смерти? Или я еще не совсем очнулась? Я изо всех сил старалась сохранить ясность мысли. Незнакомое ощущение. Может быть, снотворное еще действовало? Я чувствовала, что проснулась; разум мой метался в поисках

ответов и не находил их.

Попробуем зайти с другой стороны.

Что ей здесь нужно? Она должна найти... «Шэрон» — я выудила имя — и они...

Я уткнулась в стену.

Пустота, ничто. Я попыталась ее обойти, но не нашла краев. Как будто кто-то стер информацию, которую я искала.

Как будто этот мозг поврежден.

Меня окатила волна гнева, жаркая и необузданная. Я задохнулась от неожиданности. Мне говорили об эмоциональной нестабильности человеческих тел, но подобной реакции я не ожидала. За все восемь прожитых жизней ни одна эмоция меня так не поражала.

Я почувствовала, как пульсирует жилка на шее, как стучит за ушами.

Руки сами сжались в кулаки.

Стоящий поблизости аппарат зарегистрировал учащение сердечного ритма. Тут же последовала реакция: бодрый приближающийся цокот каблучков Искательницы, а следом и более тихое шарканье — видимо, шаги Целителя.

— Добро пожаловать на Землю, Странница, — произнес женский голос.

Глава 3

Сопротивление

— Она не распознает новое имя, — пробормотал Целитель.

Меня привлекло незнакомое ощущение. Приятная перемена в воздухе с той стороны, где стояла Искательница. «Аромат», — поняла я. Не вяжущийся с этой стерильной, лишенной запахов комнатой. «Духи», — подсказал новый разум. Цветочный, пьянящий запах...

— Вы меня слышите? — спросила Искательница, прерывая мой анализ. — Она очнулась?

— Не спешите, — голос Целителя звучал мягче, чем раньше.

Я не открыла глаза. Не хотела отвлекаться. Разум подсказал мне нужные слова и тон, который выразит все то, что мне хотелось сказать.

— Значит, меня поместили в поврежденное тело, чтобы добыть нужную информацию, — это так, Искательница?

Последовал вздох — удивленно возмущенный — и что-то теплое коснулось моей кожи, накрыло руку.

— Разумеется, нет, — заверил мужчина. — Есть вещи, на которые даже Искатели не решатся.

Искательница снова вздохнула. «Зашикала» — поправила меня моя память.

— Тогда почему этот разум работает со сбоями? — Молчание.

— Судя по показаниям сканера, все идеально, — сказала наконец Искательница (не убеждая, скорее с вызовом, словно желая поспорить). — Тело полностью излечено.

— От почти удавшейся попытки самоубийства. — Прозвучало натянуто: я все еще злилась. Я не привыкла к гневу. Было сложно его сдерживать.

— Все прошло идеально... — Целитель ее перебил.

— Что не так? — спросил он. — Речевая функция явно в норме.

— Память. Я пыталась найти сведения, которые нужны Искательнице.

Ни звука. Но что-то изменилось. Атмосфера, так накалившаяся после моих обвинений, разрядилась. Мне стало интересно, как я это определила. Станным образом помимо пяти чувств я обладала еще одним, скрытым, не до конца освоенным. Интуиция? Это было почти правильное слово. Как будто пяти чувств недостаточно.

Искательница прокашлялась, но заговорил Целитель.

— Э-э, — сказал он. — Пусть вас не беспокоят частичные, э-э... сложности с памятью. Не то чтобы мы ожидали именно этого, но, учитывая обстоятельства, ничего удивительного.

— Не понимаю, о чем вы.

— Носитель входила в число мятежников. — В голосе Искательницы послышалось возбуждение. — Люди, которые знают, что их ждет после внедрения, труднее подчиняются. Ваш реципиент все еще пытается сопротивляться.

Они замолчали, ожидая ответа. Сопротивление? Носитель блокирует мне доступ? Внезапно нахлынула горячая волна гнева.

— Вплетение прошло успешно? — Мой голос исказился, проходя сквозь сжатые зубы.

— Да, — произнес Целитель. — Все восемьсот двадцать семь щупиков надежно закреплены в ключевых местах.

Столько соединений не было задействовано ни в одном из моих предыдущих носителей; всего сто восемьдесят один щупик остался свободен. Может быть, именно из-за количества вплетений так сильны новые эмоции.

Я решила открыть глаза. Нужно было перепроверить слова Целителя, убедиться, что остальная часть меня работает.

Свет. Яркий, режущий. Я снова закрыла глаза. Последний свет, который мне довелось видеть, проникал сквозь толщу океана. Но эти глаза видели свет и поярче, так что вполне справлялись. Я чуть-чуть их приоткрыла, так, чтобы щелку прикрывали ресницы.

— Погасить свет?

— Нет, Целитель. Глаза привыкнут.

— Очень хорошо. — Он явно одобрял, что я так быстро обживаю новое тело.

Оба терпеливо ждали, пока я открою глаза. Мой разум опознал среднего размера палату в медицинском учреждении. Больница. Панели потолка белые с черными вкраплениями. Время от времени через определенный интервал панели сменялись прямоугольными лампами. Стены светло-зеленые — успокаивающий цвет, но еще и цвет болезни. Неудачный выбор, на мой свежее-обретенный взгляд.

Стоявшие передо мной люди были поинтереснее комнаты. Слово «врач» прозвучало в голове, едва я увидела Целителя, одетого в бирюзовое одеяние без рукавов. Униформа. На лице его росли волосы странного цвета; рыжие, подсказала мне память.

Рыжие! Вот уже три мира я не различала цветов. И даже этот золотисто-рыжий цвет вызвал ностальгию.

Для меня его лицо казалось обычным, человеческим, но память определила: «доброе».

Меня отвлекло нетерпеливое сопение Искательницы.

Она была очень маленького роста и если бы стояла беззвучно, я бы еще не скоро ее заметила, разглядывая Целителя. Неприметная, сгусток мрака в светлой комнате. Вся в черном — от шеи до запястий — консервативный костюм поверх шелковой водолазки. Волосы, тоже черные, до подбородка, зачесаны за уши. Тон кожи темнее, чем у Целителя. Смуглая.

Отличия в выражениях человеческих лиц были незначительными, почти неуловимыми. Впрочем, память подсказала мне, что выражает лицо женщины. Сдвинутые над темными, навывкате глазами брови давали ясный образ... Это был даже не гнев. Напряженность. Раздражение.

— Как часто такое случается? — спросила я, снова переводя взгляд на Целителя.

— Не часто, — признал Целитель. — В нашем распоряжении не так то много половозрелых реципиентов. Несозревшие особи довольно податливы. Но вы же сами настояли на взрослом носителе...

— Да.

— Обычно все наоборот. Человеческий век куда короче, чем мы привыкли.

— Все это я знаю. Скажите... а вы лично не сталкивались прежде с этим... сопротивлением?

— Лично? Только однажды.

— Расскажите об этом случае. — Я помолчала и добавила, уже вежливее: — Пожалуйста.

Целитель вздохнул.

Искательница принялась постукивать пальцами по предплечьям. Признак нетерпения. Она не хотела ждать.

— Это случилось четыре года назад, — начал рассказ Целитель. — Одна Душа настаивала на взрослом носителе мужского пола. В нашем распоряжении оказался мужчина, который проживал среди мятежников с самых первых дней вторжения. Этот человек... знал, что произойдет, если его поймают.

— Так же, как и мой носитель.

— Да. — Он прокашлялся. — Для той Души это была лишь вторая жизнь. Она прибыла из Слепого мира.

— Из Слепого мира? — переспросила я, непроизвольно наклонив голову.

— Ой, простите, вы же не знаете наших прозвищ. По моему, вы там побывали. — Он достал из кармана устройство, компьютер, и быстро пробежал глазами. — Да, ваша седьмая планета, в восемьдесят первом секторе.

— Слепой мир? — снова переспросила я, на этот раз неприязненно.

— Ну... вообще-то, тем, кто там жил, больше по душе название «Поющий мир».

Я медленно кивнула. Уже лучше.

— А те, кто не был, зовут его планетой Летучих мышей, — пробормотала Искательница.

Я смерила ее взглядом. В сознании замелькали образы мерзкого летающего грызуна, и глаза мои сузились.

— Насколько я понимаю, Искательница, вам там бывать не доводилось, — с усмешкой заметил Целитель. — Поначалу мы называли эту Душу Наперегонки с песней: свободный перевод прежнего имени в... Поющем мире. Но вскоре он выбрал имя своего носителя: Кевин. И вопреки намеченному для него Призванию Музыкального исполнительства (в соответствии с его прошлым), выбрал предыдущее занятие носителя — а именно, стал механиком. Это насторожило его Утешителя, но все оставалось в пределах нормы — до тех пор, пока Кевин не стал жаловаться на провалы в памяти. Его вернули в Лечебницу, где мы провели самые разные исследования, выискивая малейшие отклонения в мозге носителя. Некоторые Целители отмечали различия в поведении и личностных проявлениях пациента. На все расспросы он отвечал, что не помнит некоторых своих действий и заявлений. Мы вместе с Утешителем продолжили наблюдение и пришли к выводу, что телом Кевина временами управляет носитель.

— Управляет? — Мои глаза округлились. — Без ведома Души? Носитель вернул себе тело?

— К сожалению, да. Кевин не справился, не смог подавить носителя. Сил не хватило.

Меня тоже сочтут слабой? А может, я и правда слабая, раз не добралась до ответов? Даже немощная, раз ее мысли существовали в голове, где место оставалось лишь для памяти? Я-то всегда считала себя сильной. Меня передернуло. Мысль о слабости была постыдной.

Целитель продолжал:

— После ряда событий было решено...

— Каких событий?

Целитель не ответил, отвел взгляд.

— Каких событий? — настаивала я. — Полагаю, я имею право знать.

Он вздохнул.

— Имеете. Кевин... напал на Целителя, когда был... не в себе. — Он поморщился. — Кулаком сбил его на пол и, пока тот лежал без сознания, вытащил скальпель. Мы нашли Кевина без чувств. Носитель пытался вырезать Душу из тела.

Ко мне долго не возвращался дар речи. Наконец я выдохнула:

— Что с ними стало?

— К счастью, реципиент недолго удерживал контроль, обошлось без серьезных повреждений. Кевина пересадили в незрелую особь. Состояние буйного носителя оставляло желать лучшего, и было решено, что нет смысла его сохранять.

— Сейчас Кевин — семилетний мальчик, совершенно обычный... правда, он так и оставил себе имя Кевин. Его опекуны внимательно следят, чтобы он постоянно находился под воздействием музыки, в чем вполне преуспели... — Последние слова, видимо, должны были, по возможности, подсластить пилюлю!

— Почему? — Я откашлялась, стараясь вновь обрести голос. — Почему никто не понес ответственность?

— Вообще то, — вмешалась Искательница, — во всех брошюрах ясно говорится, что ассимиляция взрослой человеческой особи проходит гораздо сложнее, чем ассимиляция ребенка. Рекомендуются использовать юных носителей.

— У Кевина сложностей было предостаточно, — прошептала я.

— Да, но вы же предпочли пренебречь рекомендациями. — Она сложила руки, словно призывая к примирению, потому что мое тело напряглось, и от этого жесткая ткань на узкой койке зашуршала. — Я вас не виню. Детство крайне утомительно. К тому же ясно, что вы особенная Душа. Нисколько не сомневаюсь, что вы прекрасно справитесь. Это всего лишь очередной носитель. Уверяю вас, вскоре она полностью вам подчинится.

Глядя на Искательницу, я удивлялась, как ей вообще хватило терпения ждать — к примеру, моей акклиматизации. Чувствовалось, что она разочарована, ждет от меня ответов... ко мне вернулось незнакомое ощущение злости.

— А вам не приходило в голову, что вы сами могли бы покопаться в этом теле в поисках ответов? — спросила я.

Она напряглась.

— Я не Попрыгунья. — Что она имеет в виду?

— Еще одно прозвище — пояснил Целитель. — Для тех, кто не доводит жизненный цикл носителя до конца.

Я кивнула. Во всех мирах подобный процесс назывался по-разному, но нигде и никто никогда не шутил на эту тему. Я оставила расспросы и выдала Искательнице все, что могла.

— Ее звали Мелани Страйдер. Родилась в Альбукерке, Нью-Мексико. Вторжение застало ее в Лос-Анджелесе, она пряталась в глуши несколько лет, пока не повстречала... Гм. Простите, это я попробую выяснить позже. Тело пережило двадцать лет. Она приехала в Чикаго из... — Я покачала головой. — Было несколько этапов, но она всегда выживала в одиночку. Машина краденая. Искала двоюродную сестру, Шэрон, надеялась, что та осталась человеком. Ни с кем не встречалась и не контактировала, пока мы ее не нашли. Но... — Я напряглась, пытаясь пробиться через очередную стену пустоты. — Полагаю... я не уверена, но... кажется, она оставила где-то записку...

— Значит, она думала, что кто-то будет ее искать? — не выдержав, спросила Искательница.

— Да. Она... нужна кому-то. Если она не встретится с... — Я сжала зубы, надавив изо всех сил на черную стену неведомой толщины. Я билась об нее, и пот градом катился со лба. Искательница и Целитель притихли, давая мне сосредоточиться.

Я стала думать о другом... громкий, незнакомый шум двигателя, бешеный всплеск адреналина всякий раз, как на дороге появляется очередной автомобиль. Это уже кое-что, пока мне никто не мешал. Я поплыла дальше по волнам памяти, пропустив холодную прогулку по ночному городу, — до самого здания, в котором меня нашли.

Не меня, ее. Мое тело дрожало.

— Не напрягайтесь так... — начал было Целитель. Искательница на него шикнула.

Я чуть задержалась на ужасном моменте, когда меня обнаружили: жуткая, застилающая разум ненависть к Искателям. Ненависть была злом, она жгла. Я едва могла ее выносить. Но я позволила памяти течь свободно, надеясь отвлечь, ослабить защиту.

Она пыталась спрятаться и не находила укрытия; огрызком карандаша на куске картона нацарапала записку, в спешке просунула ее под дверь. Не просто случайную дверь.

— Пятая дверь по пятому коридору на пятом этаже. Ее послание там.

В руке Искательницы мелькнул миниатюрный телефон; она принялась что-то быстро в него нашептывать.

— Она думала, здание безопасно, — продолжила я. — Все знали, что оно пойдет под снос. Она не поняла, как вы ее обнаружили. Вы нашли Шэрон?

Я похолодела от ужаса, руки покрылись мурашками. Этот вопрос задала не я.

Этот вопрос задала не я, но он прозвучал так естественно. Искательница ничего не заподозрила.

— Двоюродную сестру? Нет, других мы не нашли, — ответила она, и мое тело облегченно расслабилось. — Этого носителя заметили, когда она входила в здание. Поскольку здание подлежало сносу, гражданин, который ее увидел, проявил бдительность и позвонил нам, и мы осмотрели здание. Мы не знали, удастся ли вообще кого-то поймать. Вы можете уточнить место встречи?

Я пыталась.

Так много воспоминаний, и каждое четкое, яркое. Я увидела сотни мест, где никогда не была, впервые услышала их названия. Дом в Лос-Анджелесе с высокими лиственными деревьями во дворе. Палатка и костер на лесной лужайке, неподалеку от города Уинслоу в штате Аризона... Пустынный скалистый пляж в Мексике. Пещера где-то в Орегоне, вход в которую надежно закрыт завесой дождя. Палатки, хижины, самодельные укрытия. Со временем названий становилось все меньше. Она не знала, да и не желала знать, где находится.

Страницей теперь звали меня, но ее воспоминания подходили этому имени не меньше моих. Только я странствовала по собственной воле. Вспышки памяти всегда окрашивал страх, страх затравленного существа. Не странствие, бегство.

Я старалась прогнать жалость и сфокусироваться на воспоминаниях. Меня не интересовало, где она была, а лишь куда она направлялась. Я копалась в картинках, связанных со словом «Чикаго», но попадались лишь обрывочные образы. Я пошире раскинула сеть. Как там, в пригороде? «Холодно», — подумала я. Было холодно, и это ее беспокоило.

Где? Надавила я, и стена вернулась.

Я резко выдохнула.

— Рядом с городом, где-то на природе... в национальном парке, подальше от жителей. Раньше она там не бывала, но дорогу знает.

— Как скоро? — спросила Искательница.

— Скоро. — Ответ пришел сам собой. — Сколько времени я здесь

нахожусь?

— На лечение выделили девять дней, нужно было убедиться в полном исцелении тела, — сказал Целитель. — Сегодня, на десятый, состоялось внедрение.

Десять дней. По телу прокатилась мощная волна облегчения.

— Слишком поздно, — констатировала я. — Для встречи... и даже для записки. — Я чувствовала реакцию носителя — слишком отчетливо чувствовала. Она почти... торжествовала. Я позволила ей произнести свою мысль вслух, чтобы попытаться понять, о ком речь. — Он не придет.

— Он? — Искательница жадно ухватила за местоимение. — Кто?

Черная стена упала — куда резче, чем в прошлый раз, но с опозданием, пусть и на долю секунды.

В памяти снова всплыло лицо: красивое, с золотистой загорелой кожей и лучистыми глазами. Лицо, что так ясно представало перед мысленным взором и будило странное, необъяснимо приятное чувство где-то внутри.

Стена с грохотом встала на место, и тут же нахлынуло горькое негодование: недостаточно быстро.

— Джаред, — проговорила я. Мои губы озвучили чужую мысль так быстро, словно она исходила от меня. — Джаред в безопасности.

Глава 4

СНЫ

Слишком темно для такой жары или слишком жарко для такой темноты. Одно из двух явно лишнее.

Я сижу в темноте, скрючившись под жидким пустынным кустарником, истекаю потом. Вот уже четверть часа, как машина выехала из гаража. Свет не горит. Дверь во двор приоткрыта на пару дюймов: включен испарительный охладитель. Я представляю себе, как влажный, прохладный воздух дует сквозь сетку. Мечтаю об этой прохладе.

Урчит живот, и я напрягаю мышцы пресса, чтобы его унять. Здесь так тихо, что слышен каждый шорох. Ужасно хочется есть.

Но другая потребность сильнее — еще один голодный рот ждет меня там, далеко, надежно укрытый во мраке пещеры, которая стала нашим временным домом. Тесное, покрытое вулканической породой место. Что с ним станет, если я не вернусь? Вся тяжесть материнской ответственности — но ни опыта, ни знаний. Чувство полной беспомощности. Джейми голоден.

Других домов рядом нет. Я слежу за домом с тех пор, как на небе жарко сияет белое солнце... Кажется, собаки у них тоже нет.

Я чуть разгибаюсь — икроножные мышцы протестующе воют, — но лишь до пояса, стараясь слиться с кустом. На краю оврага мягкий песок, тусклая дорожка в свете звезд. Машин не слышно.

Как только эти монстры вернутся, тут же все поймут. А выглядят как приятная пара чуть за пятьдесят. Они сразу догадаются, кто я, и начнется охота. Нужно успеть скрыться. Я очень надеюсь, что они весь вечер проведут в городе. Сегодня пятница, кажется. Они так ловко перенимают наши привычки — разницу трудно заметить. Наверное, поэтому им и удалось победить.

Дворовая ограда по пояс высотой. Я легко, беззвучно перепрыгиваю.

Во дворе гравий, приходится идти осторожно, чтобы под ногами не шуршало. Я добираюсь до плитки над фундаментом.

Ставни открыты. Даже в неярком свете звезд видно, что в комнатах нет движения. Пара живет просто, и я им за это признательна. Все видно как на ладони. Правда, и мне укрыться негде, ну да все равно прятаться уже поздно.

Сначала открываю дверь с проволочной сеткой, за ней — стеклянную. Двери беззвучно распахиваются. Осторожно ступаю по плитке — привычка. В доме никого.

Прохладный воздух, словно райская благодать.

Кухня слева. Поблескивают гранитные поверхности.

Снимаю с плеча холщовый мешок и первым делом заглядываю в холодильник: открываю дверцу, загорается свет, и я на миг пугаюсь, но тут же нахожу кнопку и зажимаю ее большим пальцем ноги. Свет ослепляет меня. Нет времени ждать, пока привыкнут глаза, я действую на ощупь.

Молоко, сырная нарезка, остатки еды в пластиковой миске. Хорошо бы курица с рисом; я видела, как он готовит ужин. Это нам на сегодня.

Сок, пакет с яблоками. Морковь. Вполне доживет до утра. Я торопливо перехожу к кладовке. Нам нужны продукты, которые будут храниться долго.

Пока я собираю все, что смогу унести, зрение возвращается. М-м-м, шоколадное печенье. Я просто умираю от желания открыть пачку прямо сейчас, но сжимаю зубы и приказываю животу замолчать.

Мешок заполняется слишком быстро. Этого хватит на неделю, не больше, даже если есть совсем по чуть-чуть. А я не в настроении есть по чуть-чуть; хочется объесться. Рассовываю по карманам батончики из хлопьев.

Чуть не забыла. Я перехожу к раковине и наполняю флягу. Потом опускаю голову и пью прямо из под крана. Вода смешно булькает в пустом желудке.

Теперь, закончив, я начинаю паниковать. Хочется поскорее отсюда выбраться.

Где цивилизация, там смерть.

По пути к выходу я смотрю под ноги, чтобы не упасть с тяжелым мешком, и потому замечаю темный силуэт у входа, лишь когда моя рука уже на двери.

Раздается сдавленное ругательство, и в то же мгновение у меня изо рта вырывается дурацкий испуганный визг.

Я разворачиваюсь и бегу к входной двери, надеясь, что она не закрыта или хотя бы открывается изнутри.

Я не успеваю сделать и двух шагов, как грубые, сильные руки хватают меня за плечи и дергают обратно. Слишком большие и сильные для женских. Низкий голос подтверждает мою правоту.

— Один звук — и ты мертва, — хрипло угрожает он. Потрясенная, я чувствую, как в шею вдавливается что-то тонкое и острое.

Странно. Мне не должны были давать выбора. Кто этот монстр? Никогда не слышала, чтобы они нарушали правила. Я даю единственный верный ответ.

— Режь, — цежу я сквозь зубы. — Давай. Не хочу стать грязным паразитом!

Я ждала, сердце щемило. Каждый его удар отдавался именем: Джейми, Джейми, Джейми. Что же теперь с тобой будет?

— Умно, — бормочет мужчина. Непохоже, что он обращается ко мне. — Искательница, небось... У, Ищейка проклятая! Ловушка, значит. Как они узнали? — Нож исчезает, но его место тут же занимает рука, твердая, как металл.

Он так крепко сжимает мне горло, что я едва могу вздохнуть.

— Где остальные? — Он усиливает хватку.

— Я одна! — хриплю я. Нельзя, чтобы он нашел Джейми. Что Джейми будет делать без меня? Джейми хочет есть!

Я бью его локтем в живот — как больно! Пресс у него железный, совсем как руки. Странно. Такие мышцы бывают у работяг и качков, а среди паразитов ни тех, ни других не наблюдается.

А ему хоть бы хны, даже дыхание не сбилось. В отчаянии со всей силы бью пяткой по ноге. Удар застает его врасплох, и он теряет равновесие. Я вырываюсь, но он успевает схватить мой мешок, и снова притягивает меня к себе. Его рука опять сдавливает мне горло.

— Что-то больно шустрая для этих миролюбивых паразитов...

Его слова — бессмыслица. Я считала, они все одинаковые, но, оказывается, есть среди них и психи.

Я извиваюсь и царапаюсь — как бы высвободиться? Вонзаю ногти в его руку, но хватка на шее становится лишь крепче.

— Я убью тебя, я не шучу. Будешь знать, как воровать тела.

— Давай, ну...

Он вдруг охает, и я гадаю, не задела ли его снова. Новых синяков у меня вроде нет...

Он отпускает руку и хватает меня за волосы. Ах, вот в чем дело: собирается перерезать мне горло! Я напрягаюсь и жду. Вот-вот опустится нож.

Но рука ослабляет хватку, и его пальцы, шершавые и теплые, начинают нащупывать что-то на моей шее, сзади.

— Невозможно, — выдыхает он.

Что-то с глухим стуком падает на пол. Он выронил нож? Я пытаюсь придумать, как бы его поднять. Может, упасть? Рука на моей шее слишком

расслаблена, он меня не удержит. Я слышала, где примерно приземлился нож.

Вдруг он резко меня разворачивает. Что-то щелкает, и свет ударяет мне в левый глаз. Я охаю и пытаюсь уклониться. Его правая рука покрепче захватывает мои волосы. Свет перепрыгивает к правому глазу.

— Не верю, — шепчет он, — ты человек...

Ладони обхватывают мое лицо, я пытаюсь освободиться, но его губы крепко прижимаются к моим.

На долю секунды я застываю. Меня еще в жизни никто не целовал. Не таким поцелуем. Родители лишь чмокали в щеки и лоб, когда-то давно. Я думала, что уже никогда этого не почувствую. Не уверена, правда, что успеваю почувствовать поцелуй — слишком много паники, ужаса, адреналина.

Я резко вскидываю колено.

Он хрипит, согнувшись, и я вырываюсь. Наверное, он ждет, что я побегу к входной двери, поэтому я ныряю ему под руку и бросаюсь к открытому черному входу. Я смогу обогнать его — даже с моим грузом. У меня есть фора, он все еще стонет от боли. Я знаю, куда бегу, — если не оставить следов, в темноте ему меня не найти. Я не уронила ничего из еды, и это хорошо. Жаль только, батончики пропали.

— Подожди! — кричит он. «Заткнись!» — думаю я, но молчу.

Он бежит за мной. Его голос все ближе и ближе:

— Я не один из них! «Так я и поверила!»

Я ускоряюсь, не отрывая взгляд от дороги. Папа раньше говорил, что я бегаю, как гепард. Когда-то давно, еще до конца света, я была самой быстрой в команде, чемпионкой штата по легкой атлетике.

— Послушай! — кричит он изо всех сил. — Смотри! Я докажу. Остановись, посмотри на меня!

«Это вряд ли».

Я скатываюсь в овраг и мчусь через кустарник.

— Я не знал, что кто-то еще остался! Пожалуйста, мне надо с тобой поговорить! — Его голос раздается совсем рядом. — Прости, что поцеловал тебя! Это было глупо! Просто я так долго был один!

— Заткнись, — я произношу негромко, но знаю, что он слышит. Он близко. Меня еще в жизни никто не догонял. Я поднажимаю.

Он тяжело дышит, но ускоряется вместе со мной.

Что-то большое налетает сзади, сбивая с ног. Я чувствую во рту вкус земли, и тут меня придавливает чем-то тяжелым — я едва могу дышать.

— По... дожди... дай... отдышусь, — пыхтит он.

Он сползает и переворачивает меня лицом к себе. Садится на меня верхом, зажав мне руки ногами. Давит мою еду. Я рычу и пытаюсь выгнуться.

— Смотри, вот, сейчас покажу! — твердит он. Он достает из заднего кармана какой-то цилиндр и крутит кончик. Цилиндр выстреливает лучом света.

Он светит фонариком себе в лицо.

В свете фонаря кожа отдает желтизной. Я вижу выступающие скулы, узкий нос и резко очерченный прямоугольник подбородка. Губы, достаточно полные для мужских, растянуты в улыбке. Брови и ресницы выгорели на солнце.

Но он показывает мне другое.

Его глаза, в свете фонаря — лучистая жидкая охра — настоящие, в них светится человечность. Свет фонаря перепрыгивает из правого зрачка в левый.

— Смотри! Видишь? Я такой же, как ты.

— Покажи шею. — В моем голосе недоверие. Лучше я буду думать, что это какой-то подвох. Я не понимаю, в чем смысл, но тут что-то не так. Надежды больше нет.

Уголки его рта опускаются.

— Ну... Разве недостаточно глаз? Ты же видела, я не один из них.

— Тогда почему ты не хочешь показать мне шею?

— Потому что у меня там шрам, — признается он.

Я снова изгибаюсь, пытаюсь выползти, и его рука пригвозждает мое плечо.

— Сам нанес, для маскировки, — объясняет он. — У меня же нет таких шикарных волос, как у некоторых. Думаю, получилось похоже. Правда, больно было — жуть.

— Слезь с меня.

Он медлит, а затем легким движением поднимается на ноги, протягивает мне руку ладонью вверх.

— Пожалуйста, не убегай. И чур не лягаться.

Я не двигаюсь с места: если попробую убежать, он меня поймает.

— Кто ты? — интересуюсь я шепотом. Он улыбается:

— Меня зовут Джаред Хоу. Я уже больше двух лет ни с кем не разговаривал... наверное, выгляжу как сумасшедший, уж прости. А тебя как зовут?

— Мелани, — шепчу я.

— Мелани, — повторяет он. — Если б ты только знала, как я рад тебя

видеть.

Я пристально смотрю на него, не выпуская из рук мешок. Он медленно протягивает руку. И я за нее берусь.

И только когда мои пальцы с готовностью обхватывают его запястье, я понимаю, что верю ему.

Он помогает мне встать, но не убирает руку.

— И что теперь? — настороженно спрашиваю я.

— Ну, задерживаться тут нельзя. Зайдешь со мной в дом? Я забыл свой мешок. С холодильником ты меня опередила.

Я качаю головой.

Кажется, он вдруг понимает, что я на грани, вот-вот сломаюсь.

— Тогда подожди меня, ладно? — почти умоляет он. — Я мигом. Только наберу нам еды.

— Нам?

— Неужели ты думаешь, что я тебя отпущу? — Я не хочу, чтобы он меня отпускал.

— Я... — Неужели я не доверюсь другому человеческому существу? Мы семья, часть вымирающего братства. — Я спешу. Мне далеко идти и... Джейми уже заждался.

— Так ты не одна? — понимает он. На его лице отражается замешательство.

— С братом. Ему всего десять, и он очень боится, когда я ухожу. Мне полночи до него добираться. Наверное, думает, что меня поймали. Он очень голоден. — словно в подтверждение мой желудок громко ворчит.

Улыбка Джареда возвращается, теперь она еще лучистее.

— Подвезти?

— Подвезти? — эхом повторяю я.

— Давай договоримся. Ты подождешь, пока я наберу еды, а я отвезу тебя, куда скажешь, на моем джипе. На машине быстрее, чем своим ходом, даже такой бегунье, как ты.

— У тебя есть машина?

— Еще бы. А ты думала, я пешком сюда пришел? Я думаю о шести долгих часах пути и хмурюсь.

— Глазом не успеешь моргнуть, как вернешься к брату, — обещает он. — Только никуда не уходи, ладно?

Я киваю.

— И, пожалуйста, поешь. Я не хочу, чтобы твое урчание нас выдало. — Он улыбается, и в уголках глаз собирается сеточка морщинок. Мое сердце ухает куда-то вниз, и я понимаю, что если понадобится, я буду

ждать его всю ночь до утра.

Он все еще держит мою руку, но наконец медленно, не сводя с меня глаз, ее отпускает. Отступает на несколько шагов и останавливается.

— Только больше так не бей, пожалуйста, — умоляет он, касаясь моего подбородка, и снова меня целует.

На этот раз я чувствую поцелуй. Его губы мягче рук и горячие — жарче, чем раскаленный воздух вечерней пустыни. Засосало под ложечкой — трудно дышать. Руки непроизвольно тянутся к нему. Я прикасаюсь к теплой коже щеки, к жесткой щетине на шее. Пальцы проводят по вспухшей складочке на коже... рубец... чуть ниже линии волос.

Я захожусь криком.

Я проснулась вся в поту. В полусне пальцы ощупывали тонкую полоску шрама на шее у позвоночника, оставшуюся после внедрения: едва заметное бледно розовое пятнышко. Снадобья Целителя делали свое дело.

Грубый шрам Джареда никого не обманет.

Я зажгла ночник и подождала, пока выровняется дыхание. Адреналин струился по венам: сон казался таким реальным!

Новый сон, но по сути неотличимый от других, мучивших меня уже не первый месяц. Нет, не сон. Воспоминание.

Мои губы до сих пор чувствовали прикосновение горячих губ Джареда. Руки раскинулись, не спрашивая разрешения, шаря по смятой постели, ища и не находя, пока, наконец, не сдались, беспомощно упав на кровать. Сердце ныло.

Я моргнула, стряхивая нечаянную слезу. Сколько еще я продержусь? Как вообще кто-то выживает в этом мире, в этих телах, чья память не желает оставаться в прошлом? Чьи эмоции так сильны, что мне не с чем их сравнить!

Сон все не шел. На следующий день я буду совсем разбита, но еще много часов пройдет, прежде я успокоюсь. Лучше уж выполнить свой долг и покончить с этим. Может, хоть тогда я избавлюсь от неподобающих мыслей.

Я заправила постель и побрела к компьютеру, одиноко стоящему на голом столе. Несколько секунд загорался экран, еще несколько секунд... и вот почтовая программа открыта. Адрес Искательницы просто найти — в моем списке всего четыре контакта: Искательница, Целитель, мой новый работодатель и его жена, она же — моя Утешительница.

«Мой носитель, Мелани Страйдер, была не одна, — напечатала я, не утруждая себя приветствием. — Его зовут Джейми Страйдер, ее брат».

На краткий миг я ужаснулась ее контролю. Прошло столько времени, а

я даже не подозревала о существовании мальчика — и не потому, что он ничего не значил для нее, а потому, что она защищала его пуще других секретов. Были ли у нее другие важные тайны? Настолько священные, что она берегла их даже от моих снов? Неужели она так сильна? Мои пальцы дрожали, вбивая остальную информацию.

«Судя по всему, подросток лет тринадцати. Они разбили временную стоянку — вероятно, где-то к северу от города Кейв Крик в Аризоне. Впрочем, это было несколько лет назад, но на всякий случай можно свериться с картой. Если узнаю что-то новое, сообщу, как обычно».

Я отправила письмо. И едва оно ушло, меня накрыла волна ужаса.

Только не Джейми!

Ее голос столь отчетливо прозвучал у меня в голове, словно я сама произнесла что-то вслух. Меня пробил дрожь... и тут же охватило нестерпимое желание снова написать Искательнице, извиниться, сказать, что это всего лишь глупые сны. Объяснить, что я еще не проснулась, попросить не обращать внимания на сонный бред.

Чужое желание. Я выключила компьютер.

«Ненавижу тебя», — прорычал голос в моей голове.

— Тогда, может, тебе стоит уйти, — выпалила я. От звука моего голоса, отвечающего ей вслух, меня снова пробрала дрожь.

Она впервые с самого внедрения заговорила со мной.

Она совершенно точно становилась сильнее. Как и сны.

Завтра мне все равно придется посетить моего Утешителя. При этой мысли мои глаза наполнились слезами досады и унижения.

Я вернулась в постель, накрыла лицо подушкой и постаралась ни о чем не думать.

Глава 5

Безутешность

— Приветствую вас, Странница! Располагайтесь, почувствуйте себя как дома.

Я стояла на пороге кабинета Утешительницы, не решаясь войти.

Она улыбнулась — едва заметное движение уголков губ. За долгие месяцы я научилась понимать выражения человеческих лиц, различать едва заметное подергивание и сокращение мускулов. Утешительницу явно позабавило мое нежелание войти, и в то же время она была разочарована тем, что моя скованность так и не прошла.

Обреченно вздохнув, я шагнула в небольшую, ярко оформленную комнату и заняла свое обычное место — подальше от нее, в красном кресле.

Она сжала губы.

Чтобы не встречаться с ней взглядом, я уставилась в открытое окно, разглядывая плывущие по небу облака. Воздух в комнате был со слабым привкусом океанской соли.

— Итак, Странница. Давненько вы ко мне не заглядывали.

Я виновато на нее посмотрела.

— Я вам написала насчет прошлой встречи. Нужно было позаниматься с одним студентом...

— Да, я знаю. — Она снова едва заметно улыбается. — Я получила ваше письмо.

Для своего возраста она была привлекательной — с человеческой точки зрения. Седина ей шла: собранные в свободный хвост длинные пряди не пепельно серые, а белоснежные. И я еще ни у кого не встречала такого интересного изумрудного цвета глаз.

— Простите, — сказала я. Кажется, она ждала ответа.

— Все нормально, я вас понимаю. Вам нелегко сюда приходиться. Вы искренне жалеете, что возникла подобная необходимость, и напуганы, потому что с вами это происходит впервые.

Я разглядывала паркет.

— Да, Утешительница.

— Я же просила вас называть меня Кэти.

— Да... Кэти. Она усмехнулась.

— Что, Страница, никак не привыкнете к человеческим именам?

— Нет. Честно говоря, все это сильно смахивает... на капитуляцию.

Я посмотрела на нее. Утешительница медленно кивнула.

— Что ж, в вашем случае это вполне объяснимо. Я снова потупилась, проглотив обидные слова.

— Давайте поменяем тему, — предложила Кэти. — Вы по-прежнему получаете удовольствие от своего Призвания?

— По-прежнему. — Это было уже проще. — Начался новый семестр. Я боялась, что мне надоест... ну, повторение одного и того же материала... но оказалось, что это не так. Старые истории каждый раз звучат по-разному.

— Курт хорошо о вас отзывается. Говорит, что ваш курс один из самых востребованных в университете.

Мои щеки загорелись от похвалы.

— Приятно слышать. Как ваш супруг?

— У Курта все замечательно, спасибо. Наши носители в превосходной для их лет форме. Думаю, у нас впереди еще долгая жизнь.

Мне стало любопытно, останется ли она в этом мире, переселится ли в другого человеческого носителя, когда придет время, или отбудет. Но затрагивать некоторые щекотливые темы было ни к чему, и поэтому я сказала:

— Мне нравится преподавать. Должно быть, это как-то связано с моим Призванием в качестве Водоросли, почти не пришлось переучиваться. Я так благодарна Курту...

— Это им с вами повезло. — Кэти тепло улыбнулась. — Вы знаете, как сложно заполучить профессора истории, который побывал хотя бы на двух планетах учебной программы? Вам же довелось жить почти на каждой. Да к тому же на самом Истоке! Любая школа на этой планете вас с руками оторвет. Курт собирается загрузить вас так, чтобы даже времени на мысли о переходе в другое место не оставалось.

— Почетного профессора истории, — поправила я. Кэти улыбнулась, а затем тяжело вздохнула — улыбка медленно угасла.

— Вы так давно ко мне не заглядывали... я уж было подумала, что проблемы решились сами собой. А потом я вдруг поняла: может, вы не приходите, потому что становится все хуже.

Я молчала, разглядывая свои руки.

Светло-коричневая кожа — бронзовый загар, который никогда не сходил, неважно, проводила я время на солнце или нет. Над левым запястьем одна темная веснушка. Ногти коротко подстрижены. Мне не

нравились длинные ногти. Они неприятно царапали кожу. Пальцы у меня были и без того такими тонкими и длинными, что с длинными ногтями выглядели странно... даже для человека.

Утешительница подождала немного и спросила:

— Интересно, мои догадки верны?

— Кэти. — Я медленно выговорила ее имя. Еле слышно. — Почему вы оставили человеческое имя? Чтобы чувствовать... единение? Я про носителя? — Мне хотелось спросить и о выборе Курта, но это был слишком личный вопрос даже для супруги: задавать его нужно было самому Курту. Я, наверное, и так проявила бестактность, но Кэти рассмеялась.

— Ну, конечно же, нет. Разве я вам не рассказывала? Хм. Может, и нет: моя работа слушать, а не говорить. Большинству Душ, с которыми я общалась, не требовалась такая поддержка, как вам. Знаете ли, я ведь прибыла на Землю в составе одной из первых партий, когда люди еще и понятия о нас не имели... Жила среди соседей-людей. Мы с Куртом несколько лет выдавали себя за наших носителей. Даже когда мы захватили прилегающую область, люди все равно то и дело забредали. Вот так я и стала Кэти. И потом, чтобы перевести мое предыдущее имя, потребовалось бы целых четырнадцать слов, и никаких уменьшительно-ласкательных. — Она улыбнулась. Косой лучик солнца упал на ее глаза, и на стене заплясал серебристо-зеленый отблеск. На миг изумрудная радужка заиграла переливами.

Неужели эта кроткая женщина была в числе первопроходцев? С минуту я переваривала услышанное, глядя на нее новыми глазами, с гораздо большим уважением. Я никогда не относилась серьезно к Утешителям — до сего дня не возникало повода. Они были для тех, кто борется, для слабаков, я стыдилась сюда приходить; теперь же, услышав историю Кэти, я несколько раскрепостилась. Кэти понимала, что такое сила.

— Сложно было? — спросила я. — Притворяться одной из них?

— Нет, не очень. Разумеется, ко многому пришлось привыкать... так много нового. Эмоции били через край. Сперва получалось только одно: следовать привычной модели поведения.

— А Курт... Вы сами решили остаться с супругом вашего носителя? Когда «все закончилось»?

Больной вопрос, и Кэти сразу же это уловила. Она поменяла позу, подобрала под себя ноги и ответила, устремив взгляд куда-то над моей головой.

— Да, я выбрала Курта... а он — меня. Конечно, поначалу это было всего лишь задание. Естественно, проводя так много времени вместе, выполняя опасную миссию, мы привязались друг к другу. Видите ли, у Курта как у ректора университета было много знакомых, приятелей. Наш дом стал пунктом внедрения. Веселые были времена. К нам в гости приходили люди, а выходили от нас собратья. Мы старались проворачивать все как можно быстрее и без лишнего шума — вы же знаете, как эти существа склонны к насилию. Каждый день мы жили в ожидании смерти, в постоянном возбуждении и часто — в страхе. По-моему, достаточно причин, чтобы остаться вместе после того, как необходимость в секретности отпала. И я могла бы солгать, успокоить, сказав, что все так просто. Однако... — Она покачала головой и поглубже вжалась в кресло, буравя меня взглядом. — За многие тысячелетия люди так и не разобрались в том, что такое «любовь». Что в ней от тела, а что — от разума? Что по воле случая, а что предначертано судьбой? Почему идеальные браки рушатся, а неподходящие пары живут в любви и согласии? Они не знали ответов, и я не знаю. Любовь просто есть, и все. Моя носитель любила носителя Курта, и их любовь не умерла, когда разумы поменяли владельцев.

Она слегка нахмурилась и пристально посмотрела на меня. Я сгорбилась в кресле.

— Мелани все еще тоскует по Джареду, — констатировала Кэти. Моя голова против воли кивнула. — Вы по нему тоскуете.

Я зажмурилась.

— Сны продолжаются?

— Каждую ночь, — пробормотала я.

— Расскажите о них. — Ее тихий голос уговаривал.

— Не хочу вспоминать.

— Знаю. Но попробуйте. Это поможет.

— Как? Как мне поможет, если я скажу вам, что каждый раз, закрывая глаза, я вижу его лицо? Что каждое утро просыпаюсь и плачу, оттого, что его нет рядом? Что воспоминания настолько сильны, что я больше не могу отличить, где ее, где мои?

Я замолчала и стиснула зубы.

Кэти протянула мне белый носовой платок. Я не двинулась с места. Утешительница подошла ко мне, уронила платок мне на колени, села на подлокотник моего кресла и стала ждать.

Моего упрямства хватило на полминуты. Я со злобой вцепилась в кусочек белой ткани и вытерла глаза.

— Ненавижу.

— В первый год все плачут. Человеческие эмоции захлестывают. Так или иначе, но все мы немного дети. Раньше я не могла сдержать слез при виде заката. А порой плакала от умиления, почувствовав вкус арахисового масла. — Она погладила меня по голове, нежно поддела пальцами прядку, которую я заправляю за ухо.

— Такие чудесные, шелковистые волосы, — заметила она. — И каждый раз все короче и короче. Почему вы их не отращиваете?

Я уже не сдерживала слез: от гордости не осталось и следа, защита пала.

К чему отговорки, что за короткими легче ухаживать? Если уж на то пошло, я пришла сюда выговориться и получить помощь... может, мне и вправду помогут.

— Это не нравится ей. Она любит длинные. — Вопреки моим ожиданиям, Утешительница не заохала.

Кэти хорошо знала свое дело. Ее слегка бессвязный ответ последовал всего через полсекунды.

— Вы... Она... она так сильна?

С моих губ слетела страшная правда.

— Да, если того пожелает. Наша история нагоняет на нее скуку. К примеру, когда я работаю, она все больше дремлет. Но все равно она здесь, внутри. Иногда я чувствую, что она ничуть не слабее меня. — Мой голос стих до шепота.

— Странница! — ужаснулась Кэти. — Что же вы мне раньше не сказали, что все так плохо? И давно это?

— Становится все хуже. Она все сильнее, но не настолько сильна, как Целитель рассказывал — помните, про Кевина? Контроль она пока не захватила. И не захватит. Я ей не позволю! — В голосе у меня появились истерические нотки.

— Конечно, этого не случится, — успокаивала она. — Конечно, нет... Нужно было раньше мне сказать, что вы так... несчастны. Вам стоит показаться Целителю.

Вся в растрепанных чувствах, я не сразу поняла, что она имеет в виду.

— Целителю? Вы хотите, чтобы я сменила тело?

— Никто не осудит ваш выбор, Странница. Если носитель дефективен...

— Дефективен? Проблема не в ней, а во мне. Я слишком слаба для этого мира! — Я сидела, униженная, уронив голову на руки. Слезы душили.

Кэти осторожно меня приобняла. Я так старалась совладать с бурей эмоций, что не отодвинулась, хотя и считала объятия делом интимным.

Мелани тоже не пришла в восторг от идеи обниматься с чужаками.

Само собой, она все слышала и сейчас, когда я наконец признала ее власть, торжествовала. Злорадствовала. Если меня переполняли чувства, ее всегда было сложнее контролировать.

Я попыталась успокоиться и поставить нахалку на место.

«Это ты не на своем месте». Ее мысль была тиха, но отчетлива. Неужели все так плохо? Она уже настолько сильна, что может говорить со мной, когда пожелает. Это было почти так же ужасно, как в первые минуты после пробуждения.

«Уходи. Теперь я здесь живу». «Ни за что».

— Страница, дорогая, нет. Вы не слабая, мы обе это знаем.

— Гм.

— Послушайте. Вы сильная. Необычайно сильная. Наш вид во многом единообразен, но вы выделяетесь из массы, вы храбрая. И ваши прошлые жизни — лучшее тому доказательство.

— Прошлые, может быть, а эта? Куда делась моя сила?

— Люди более индивидуальны, чем мы, — продолжала Кэти. — Они очень разные, и некоторые сильнее других. Я действительно верю, что любого другого Мелани сломала бы за считанные дни. Может, это случай, может, судьба, — судя по всему, столкнулись два самых сильных представителя наших видов.

— И сравнение явно не в нашу пользу, верно? — Она меня поняла.

— Она не побеждает, Страница. Я ведь сейчас говорю с вами. А она лишь тень в уголке вашего сознания.

— Она разговаривает со мной, Кэти. Думает о чем-то своем. У нее даже есть свои секреты.

— Но она же не говорит вместо вас? Я бы на вашем месте и слова не выдавила.

Я не ответила. Я чувствовала себя слишком несчастной.

— Думаю, вам стоит задуматься о реплантации.

— Кэти, вы только что сказали, что она сломает любую другую Душу. Не знаю, соглашусь ли я с вами... возможно, вы всего лишь выполняете свою работу и пытаетесь меня утешить. Но если она и правда так сильна, нечестно передавать ее кому-то другому только потому, что я «не справилась». Вы бы согласились ее взять?

— Я не хотела вам говорить, чтобы не расстраивать.

— Это значит, что...

— Вряд ли это тело признают годным для повторного использования.

— О-о!

По спине побежали мурашки, причем ужас охватил не только меня.

Мысль показалась неприемлемой. Я так легко не сдамся. Все долгие годы, пока моя последняя планета — мир Водорослей, как ее здесь называли, — вращалась вокруг своих солнц, я ждала. И хотя постоянно ощущать себя вкопанной оказалось куда сложнее, чем представлялось, хотя жизнь Водоросли показалась бы вечной на этой планете, я не сменила тело, до конца прошла жизненный цикл носителя.

Отказ от тела выглядел расточительством, неблагодарным и неправильным, насмешкой над Душами, над самой нашей сутью. Мы делали наши миры лучше — в противном случае мы их просто не заслуживали. Вдобавок мы были бережливы. Все, что нам доставалось, мы улучшали, делали более красивым и мирным. А люди, грубые и разнузданные, так часто убивали друг друга, что убийство стало частью их жизни. За тысячелетия они изобрели разнообразные истязания: даже сухие официальные выкладки приводили меня в ужас. Войны бушевали почти на каждом континенте — узаконенное убийство, убийство по приказу, порочное и весьма эффективное. Представители мирных наций отворачивались, чтобы не видеть, как их сородичи умирают от голода на их пороге. Богатые ресурсы планеты распределялись неравномерно. И что самое мерзкое, их отпрыски — новое поколение, на которое мой вид чуть ли не молится, надежда на будущее — слишком часто становились жертвами жутких преступлений. И виноваты в этом не незнакомцы, воспитатели и опекуны. Страшными ошибками и алчностью люди подвергли опасности весь земной шар. Сравнивая вчерашний день с сегодняшним, нельзя не признать, что благодаря нам Земля стала лучше.

«Вы уничтожаете целые виды, а потом похваляетесь друг перед другом».

Я сжала руки в кулаки.

«Вот избавлюсь от тебя — и дело с концом», — напомнила я ей.

«Валяй, узаконь мое убийство». Я блефовала, но и Мелани тоже.

О, она-то верила, что хочет умереть. В конце концов, она же бросилась в шахту лифта. Но это был миг паники и поражения. Совсем другое дело — смотреть на происходящее со стороны, с лучшего места в первом ряду. Я чувствовала, как адреналин — адреналин, вызванный ее страхом, — заструился по жилам при мысли о более сговорчивом теле.

Хорошо бы снова быть одной. Ни с кем не делиться. Восторженно познавать этот мир, такой волнующий и новый, не отвлекаясь на злобное

выселенное нечто, которому давно пора выметаться из чужой головы, где ему больше не рады.

Я рассматривала эту возможность, и где-то на задворках моего разума Мелани испуганно вздрогнула...

Меня передернуло от одной мысли об отказе от тела. Мне, Странице, сдаться? Опустить руки?

Признать свое поражение и попытаться еще раз, в другом — безвольном, но беспроблемном — носителе?

Я покачала головой. Об этом не может быть и речи.

К тому же... это стало моим телом. Я привыкла к нему. Мне нравилось каждое движение его мышц, каждый сгиб суставов и натяжение сухожилий. Я свыклась с отражением в зеркале. Загорелая кожа, острые скулы, копна шелковистых рыжеватых волос, карий омут глаз — все это было моим.

Я нуждалась в себе. И не хотела, чтобы то, что мне принадлежало, разрушили.

Глава 6 Преследование

За окнами смеркалось. День, слишком жаркий для марта, все длился и длился, словно не желал закончиться и освободить меня. Хлюпая носом, я комкала в руке платок.

— Кэти, вам, наверное, пора. Курт будет волноваться.

— Он поймет.

— Я же не могу тут вечно сидеть. К ответу мы так и не приблизились.

— Быстрые решения не по моей части. Вы ведь настроены против смены носителя...

— Да.

— Значит, понадобится время. От бессилия я сжала зубы.

— Все пройдет гораздо быстрее и легче, если вы примете помощь.

— Я не пропущу ни одного приема, обещаю.

— Надеюсь, что не пропустите, хотя я не совсем это имела в виду.

— Вы хотите сказать... помощь со стороны? — Вновь пережить сегодняшнее унижение на глазах у незнакомца?! — Вы прекрасная Утешительница — одна из лучших.

— Я говорю не о другом Утешителе. — Она растянулась в кресле. — Скажите, Странница, у вас есть друзья?

— Коллеги по работе? Я почти каждый день вижусь с другими преподавателями. С некоторыми студентами общаюсь после занятий...

— Вне школы?

Я тупо на нее уставилась.

— Человеческим носителям нужно общение. Вы не привыкли к одиночеству, дорогая. Вы делились мыслями с целой планетой...

— Там особо не разгуляешься... — Шутка не удалась.

Едва улыбнувшись, Кэти продолжила:

— Вы так отчаянно боретесь со своей проблемой, что ничего вокруг не замечаете. Возможно, вам как раз стоит расслабиться. Вы говорили, что Мелани не проявляет активности во время лекций... ее клонит в сон. Возможно, общение с вашими коллегами также заставит ее скучать.

Я задумчиво морщила губы. Мелани, расслабленная долгим сеансом терапии, с отвращением отреагировала на подобное предложение.

Кэти кивнула.

— Забудьте о ней, это ваша жизнь.

— Звучит разумно.

— К тому же у этих тел есть физические потребности, и притом весьма специфические. Инстинкт размножения — самое сложное, с чем нам — тем, кто был в первой волне, — пришлось столкнуться. Поверьте мне, люди замечают, если эти инстинктивные порывы не контролируются. — Она улыбнулась, закатила глаза и, не увидев ожидаемой реакции, со вздохом скрестила руки. — Да ладно вам, Странница. Вы же знаете, о чем я.

— Да уж, — пробормотала я. Мелани беспокойно шевельнулась. — Я ведь рассказывала вам о снах...

— Нет, речь не о воспоминаниях. Ваше тело никогда ни на кого не реагировало — чисто на химическом уровне?

Я хорошенько обдумала ее вопрос.

— Что-то не замечала.

— Вы бы заметили, поверьте. — Кэти с усмешкой покачала головой. — Иногда бывает полезно присмотреться, знаете ли.

Отвращение Мелани растворилось в моем. Кэти заметила мою гримасу.

— Не позволяйте ей решать, с кем вам общаться. Не позволяйте управлять вами.

Мои ноздри раздулись. Я подождала, сдерживая гнев, к которому так и не успела привыкнуть.

— Она не управляет мной. — От гнева защемило горло. — Вы-то не особо утруждались поиском партнера. Может, и вами управляли?

Не обращая внимания на мою злость, она обдумала вопрос.

— Может, и так, — наконец произнесла Утешительница. — Сложно судить. Но ваша мысль мне понятна. — Она зацепила нитку из шва на блузке и словно вдруг осознав, что не смотрит мне в глаза, решительно сложила на груди руки и распрямила плечи. — Кто знает, что достается нам от каждого носителя, независимо от планеты? Полагаю, лишь время может ответить на этот вопрос. Затихнет ли она сама, отойдет ли в сторонку, позволив вам выбрать кого-то помимо этого Джареда, или же... что ж, Искатели свое дело знают. Они уже его ищут, и, может быть, вы им поможете, что-то вспомните.

Я похолодела: до меня постепенно доходил смысл ее слов — но Утешительница, кажется, ничего не заметила.

— Может, им удастся найти возлюбленного Мелани, и вы сможете быть вместе. Если его чувства так же сильны, как ее, полагаю, новая Душа не устоит.

— Нет! — Не знаю, кто из нас закричал. Может, и я. Меня затрясло от

обуревавшего ужаса, и я вскочила.

Слезы, которые только что текли ручьем, высохли, дрожащие руки сжались в кулаки.

— Странница?

Но я уже бежала к двери, давясь словами, которые нельзя произносить, которые явно принадлежали ей, но отчего то казались родными и понятными. Они не могли быть моими. Их нельзя произносить.

Это все равно, что убить его. Он перестанет быть собой, а другой мне не нужен. Я хочу Джареда, а не чужака в его теле! Тело само по себе ничего не значит!

Я бросилась на улицу; Кэти что-то кричала мне вслед. Мой дом находился недалеко от офиса Утешительницы, но темнота сбила меня с толку. Только через два квартала я поняла, что бегу не в том направлении.

На меня глазели. На мне не было спортивного костюма, к тому же я не бежала трусцой, а неслась, словно за мной гнались. Но никто не лез; все смущенно отводили глаза — наверное, думали, что я привыкаю к носителю, раз веду себя как ребенок.

Я перешла на шаг, повернув на север, чтобы обогнуть офис Кэти.

Моя ходьба скорее напоминала бег. Ноги быстро быстро стучали по тротуару, словно в ритм какой-то песенке. Шлеп-шлеп-шлеп по асфальту. Нет, для ритма барабанов слишком много злобы. Неистово: шлеп-шлеп-шлеп. Как будто кого-то бьют. Холодок пробежал по спине.

Вдали показался фонарь над дверью: моя квартира. Пройти всего ничего. Но я не стала переходить дорогу.

Меня мутило. Со мной это случилось впервые, но память услужливо напомнила всю гамму ощущений при рвоте. На лбу выступила холодная испарина, в ушах загудело. По всей видимости, мне предстоит испытать это на себе.

Вдоль тротуара шел газон. Рядом, за фонарем, виднелась аккуратно подстриженная живая изгородь. Не тратя времени на поиски места получше, я поковыляла к свету и обняла фонарь. От тошноты кружилась голова.

Да уж, меня определенно сейчас вырвет.

— Странница, это вы? Странница, вам нездоровится?

Голос показался смутно знакомым. Только этого не хватало: зрителей, которые смотрят, как я склонилась над кустом и изрыгаю остатки ужина.

— Кто ваш Целитель? — спросил голос откуда-то издалека, прорываясь сквозь гул в ушах. Рука коснулась моей согнутой спины. — Вызвать «скорую»?

Я хорошенько прокашлялась и покачала головой. Второго приступа ждать не приходилось: желудок опустел.

— Нет, все в порядке. — Я выпрямилась, не отпуская фонарь, подняла глаза и увидела, кто застал меня в минуту слабости.

Искательница из Чикаго крутила в руке сотовый. Я смерила ее пристальным взглядом и снова склонилась над листьями. Плевать, что тошнить уже нечем, главное — не видеть ее лица.

Пока пустой желудок тщетно тужился, меня осенило: она здесь не просто так.

О нет! Только не это, нет, нет, нет!

— Зачем? — Я задыхалась, дурнота и паника мешали говорить. — Зачем вы приехали? Что случилось? — В висках стучали неутешительные слова Утешительницы.

Я взглянула на руки, вцепившиеся в лацканы черного костюма Искательницы, и только через две секунды поняла, что руки мои.

— Хватит! — прошипела она, меняясь в лице. Я ее трясла.

Руки разжались, ладони закрыли лицо.

— Извините! — выдохнула я. — Не знаю, что на меня нашло.

Искательница наградила меня злым взглядом и поправила одежду.

— Вы нездоровы, и, вероятно, я вас напугала.

— Не ожидала вас увидеть, — пролепетала я. — Зачем вы приехали?

— Давайте сначала заглянем в Лечебницу. Если это грипп, его легко вылечить. Не стоит испытывать новое тело на прочность.

— Грипп тут ни при чем. Я не больна.

— Отравление? Тогда нужно сообщить властям, где вы купили несвежие продукты.

Ее назойливость начинала действовать на нервы.

— Это не отравление. Я совершенно здорова.

— Вы должны показаться Целителю. Беглый осмотр... носителя нужно беречь. Нельзя быть такой безответственной. При нашем-то уровне здравоохранения...

Я глубоко вздохнула, борясь с желанием снова в нее вцепиться. Я была на целую голову выше. В драке ей меня не одолеть.

В драке? Я развернулась и быстро зашагала к дому. Слишком много эмоций. Надо срочно успокоиться, пока я чего-нибудь не натворила.

— Страница! Подождите! Целитель...

— Целитель мне не нужен, — не оборачиваясь, ответила я. — Просто... слегка захлестнули эмоции. Все уже прошло.

Искательница не ответила. Пока я гадала, как она истолкует мои слова,

сзади застучали каблучки. Оставив дверь открытой — все равно войдет! — я подошла к раковине, наполнила стакан и прополоскала рот. Она молча ждала. Склонившись над раковиной, я внимательно разглядывала сливное отверстие.

Ее терпение быстро иссякло.

— Вот что, Странница... кстати, вы еще не сменили имя? Вдруг вам неприятно, когда вас так называют?

Я не отрывала взгляд от раковины.

— Меня все еще зовут Странница.

— Занятно. А я думала, вы из тех, кто сам выбирает себе имя.

— Я выбрала. Меня устраивает имя Странница.

Мне уже давно стало ясно, что в пикировке, которую я подслушала в свой первый день в Лечебнице, была виновата Искательница. Такой вызывающей Души мне не доводилось встречать за все девять жизней. Мой первый Целитель, Брод в глубокой воде, один из добрейших и мудрейших Душ, — и тот не выдержал. Это успокаивало...

Я повернулась к Искательнице, которая расположилась на диване, всем своим видом показывая, что не спешит уходить. На ее губах играла самодовольная улыбка, глаза навывкате насмешливо щурились. Я едва сдержала злость.

— Зачем вы приехали? — повторила я вопрос, стараясь говорить ровным голосом. Я не позволю ей второй раз вывести меня из себя.

— От вас давно не было никаких новостей, вот я и решила заехать. Наше дело пока не продвинулось.

Пальцы сжали край раковины, но голос не выдал охватившего меня облегчения.

— Это лишнее. К тому же прошлой ночью я отправила вам сообщение.

Ее брови сошлись, придав ей вид одновременно сердитый и раздосадованный, как будто в ее гневе виноват кто-то другой. Искательница достала карманный компьютер и несколько раз ткнула в экран.

— Ах да, я еще не проверяла почту, — сухо произнесла она и притихла, просматривая полученный текст.

— Я отправила его рано утром, — сказала я. — В полусне. Наверное, часть я вспомнила, а часть мне просто приснилась.

Слова Мелани сами сорвались с языка; я даже добавила эдакий легкомысленный смешок в конце — от себя. Да, я слукавила. Пошла на обман. Искательнице незачем знать, что я слабее своего носителя.

В кои-то веки Мелани не злорадствовала над моим признанием. Она была слишком рада, слишком благодарна, что я ее не выдала, пусть и по

своим, меркантильным, соображениям.

— Занятно, — пробормотала Искательница. — Еще один на воле... — Она покачала головой. — Видно, мир еще не скоро наступит. — Было видно, что мысль о хрупкости мира ее не только не ужасает, а напротив — радует.

Я прикусила губу.

«Отрекись от письма совсем, скажи, что мальчик тебе приснился», — попросила Мелани.

«Не глупи, — одернула я ее. — Она нас раскусит».

Можно представить, каким отталкивающим характером обладала Искательница, раз даже мы с Мелани помирились.

«Ненавижу ее». — Шепот Мелани был пропитан ядом, едким ядом.

«Знаю, знаю». — Мне не хотелось признаваться, но я чувствовала... то же самое. Ненависть непростительна. Но эта Искательница... трудно было испытывать к ней приязнь. Невозможно.

Искательница прервала мой внутренний диалог.

— Значит, никаких других направлений, кроме этого места на карте, вы не укажете?

Мое тело отреагировало на раздраженный тон.

— Ни о каких местах на карте речь не идет. Это лишь ваше предположение. И отвечая на ваш вопрос: нет, не укажу.

Она укоризненно зацокала языком.

— Но вы же описали ориентиры.

— Мне так показалось. Это все, что я разобрала.

— А что так плохо? Никак не справитесь с вашим человеком? — Она громко рассмеялась... надо мной.

Я встала к ней спиной и постаралась взять себя в руки. Представила, что ее там нет. Что я стою одна в своей строгой кухоньке — стою и гляжу в окно на кусочек ночного неба, на три уместившиеся в нем яркие звезды... Ну, условно одна.

Пока я разглядывала крохотные точки, мерцающие в темноте, знакомые бессвязные ориентиры — из снов и скомканных воспоминаний, — сменяя друг друга, прокручивались в голове.

Первый: тягучая, неровная кривая, резкий поворот на север, еще один поворот в обратную сторону — и снова на север, на этот раз дольше, а затем внезапный спуск южнее, постепенно опять переходящий в пологую кривую.

Второй: изломанный зигзаг, четыре резких угла, пятая линия обрывается — будто срезали...

Третий: ровный подъем и ответвление — длинный тонкий палец протягивается на север и возвращается обратно.

Непонятно... Явная бессмыслица. Но я знала, что для Мелани это важно. С самого начала знала. Она хранила эту тайну как никакую другую — почти как воспоминания о брате. До прошлой ночи я и не подозревала о существовании мальчика. Я гадала, почему она сдалась. Может, чем громче звучал голос в моей голове, тем меньше у нее оставалось сил на секреты. Может, она снова оступится, и я пойму, что значат эти странные ориентиры. Они явно что-то значат... Куда-то ведут.

В воздухе еще висел отголосок смеха Искательницы, а я вдруг осознала, почему так важны эти воспоминания.

Ну, конечно, по ним можно вернуться к Джареду. К ним обоим, Джареду и Джейми. Куда же еще? Разве есть другие места, которые так много для нее значат?... Нет, не вернуться, попасть, потому что ни один из них еще не пользовался этими ориентирами. Для нее они были такой же загадкой, как и для меня, до тех пор пока...

Стена не успела опуститься, потому что Мелани отвлеклась, сосредоточившись на Искательнице, на которую я перестала обращать внимание. Только когда она забилась в моей голове, я услышала шум шагов за спиной и сообразила, что Искательница идет ко мне.

Искательница вздохнула.

— Я ждала от вас большего. Если верить личному делу.

— Жаль, что вы не смогли самолично выполнить это задание. Наверное, в два счета раскусили бы мятежного носителя. — Я не повернула головы. Мой голос оставался ровным.

Она хмыкнула.

— В первое время и без мятежных носителей хватает работы.

— Знаю. Я сама участвовала в нескольких заселениях.

Искательница фыркнула.

— И долго вы усмиряли Водоросли? Побегать, наверное, за ними пришлось?

Я старалась говорить спокойно.

— На Южном полюсе проблем не было. На Севере, впрочем, все прошло не так гладко. Из-за грубой ошибки мы потеряли все северные кущи. — Печаль произошедшего эхом отозвалась в моих словах. — Тысячи разумных существ не приняли нас, предпочли уснуть вечным сном: спрятали листья и умерли от голода без солнц.

«Повезло им», — прошептала Мелани. В ее мысли не было яда, лишь одобрение всплывшей в памяти трагедии.

«Такая утрата!..» — Я пропустила через себя боль воспоминаний, чувство умирающего разума, агонию тысяч и тысяч родных существ, обрушившуюся на нас с сестрами.

«Как ни взгляни — все смерть».

Искательница заговорила, и я попыталась сосредоточиться на одном разговоре.

— Да. — В ее голосе слышалось смущение. — Прокол вышел.

— Иногда не стоит слишком сильно давить... — Она не ответила и отступила на несколько шагов.

Все знали, что массовое самоубийство произошло из-за оплошности Искателей, которые недооценили неподвижных донных обитателей и опрометчиво приступили к первому заселению, не подготовившись к полномасштабной ассимиляции. Когда они поняли, на что готовы пойти — и охотно идут — Водоросли, было уже слишком поздно. Груз криоконтейнеров со спящими Душами был слишком далеко: к его прибытию северных куц больше не существовало.

Я неотрывно смотрела в лицо Искательнице, стараясь понять, какое впечатление произвели мои слова.

Никакой реакции: она стояла, вперив взгляд в бледную пустоту голой стены напротив.

— Простите, больше ничем не могу помочь, — твердо произнесла я, давая понять, что разговор окончен, и приготовилась выдворить незваную гостью из своего дома. «Из нашего дома», — язвительно напомнила Мелани. Я вздохнула... Она нагтела на глазах. — Понимаю, вам пришлось проделать долгий путь. Очень жаль.

— Работа такая, — пожала плечами Искательница. — Я занимаюсь только вами и останусь здесь до тех пор, пока не найду остальных. Глядишь, рано или поздно повезет — так что привыкайте.

Глава 7

Столкновение

— Да, Лицом к солнцу? — Я обрадовалась, что поднятая рука прервала лекцию. Сегодня я чувствовала себя не в своей тарелке даже за кафедрой. Моей сильной стороной, единственным достижением был личный опыт, которым я делилась. Телу-носителю не слишком повезло с образованием: еще подростком Мелани пустилась в бега. В этом семестре мне впервые пришлось рассказывать о незнакомом мире. Без сомнения, студенты замечали разницу.

— Простите, что перебил, но... — Седовласый мужчина запнулся, пытаясь сформулировать вопрос. — Я правильно понимаю? Огнееды действительно... глотают дым горящих Цветоногов? Едят? — Он старался не показать ужаса. Разве Душа вправе судить другую Душу? Впрочем, он с планеты Цветов... неудивительно, что он болезненно воспринял участь сходной формы жизни в другом мире.

Меня всегда поражало, как некоторые Души отдаются заботам миров, в которых обитают, переставая замечать остальную Вселенную. Хотя справедливости ради надо заметить, что, когда Огненный мир приобрел свою дурную славу, Лицом к солнцу вполне мог находиться в криоспячке.

— Да, из дыма Цветоногов они получают все необходимые питательные вещества. В этом и заключается основная дилемма, так сказать, наболевший вопрос Огненного мира. Именно поэтому планету так и не закрыли, хотя было достаточно времени ее заселить. Также там отмечен высокий процент перемещений... При открытии Огненного мира доминирующий вид — Огнееды — ошибочно сочли единственной разумной формой жизни на планете. В силу своих культурных предрассудков Огнееды не признавали Цветоногов равными, поэтому прошло немало времени после первой волны заселения, прежде чем Души поняли, что убивают мыслящих существ. С тех пор ученые Огненного мира сосредоточили усилия на поиске альтернативной диеты. К работе привлекли Пауков, но от одной планеты до другой — сотни световых лет пути. Полагаю, что проблема вскоре будет решена, и у нас появится надежда на ассимиляцию Цветоногов. А пока жестокость сведена к минимуму. Никаких сжиганий заживо и тому подобного.

— Но как они могут... — Лицом к солнцу умолк, не в силах

договорить.

Кто-то другой закончил его мысль:

— Какая жестокая экосистема. Почему же от планеты не отказались?

— Естественно, это обсуждалось, Роберт. Однако мы так легко от планет не отказываемся. Для многих Душ Огненный мир стал домом, их нельзя выселить принудительно. — Я отвела взгляд и углубилась в записи, всем своим видом показывая, что не желаю продолжать разговор.

— Но это же варварство!

Физически Роберт был младше остальных студентов — честно говоря, по возрасту с ним сравнился бы разве что мой носитель — и считался совсем ребенком с другой, более важной, точки зрения. Земля стала его первым миром — даже Мать до посвящения была землянкой. По кругозору Роберт уступал старшим Душам, привычным к путешествиям. Я гадала, каково это: с рождения, без предварительной подготовки, оказаться в мире всепоглощающих чувств. Ну как тут сохранить объективность? Стараясь об этом не забывать, я терпеливо ответила:

— Каждый мир неповторим. Только на личном опыте можно понять чужую культуру...

— Вы ведь никогда не жили в Огненном мире, — перебил он меня. — Наверняка, по тем же причинам... Вы побывали почти везде, а эту планету пропустили...

— Выбор планеты — это очень личное, интимное решение, Роберт. Придет время, ты сам в этом убедишься. — Мой тон ясно указывал, что тема закрыта.

«Может, скажешь им? Ты ведь согласна, что это варварство, злое и жестокое. Чувствуешь иронию? То-то же. Так чего ты ждешь? Не можешь признать, что Роберт дело говорит? Что в нем больше человеческого, чем в остальных вместе взятых?»

Обретя голос, Мелани стала совершенно невыносимой. Как тут сосредоточиться на работе, когда голова кругом идет от ее подколов?

За спиной у Роберта шевельнулась темная тень.

Искательница, как всегда в черном, подалась вперед, проявив живой интерес к разговору.

Я подавила желание осадить ее взглядом — не хотелось, чтобы и без того смущенный Роберт по ошибке решил, что взгляд предназначается ему. Мелани заворчала. Она хотела, чтобы я поставила нахалку на место. Искательница следовала за нами по пятам, и это послужило Мелани хорошим уроком: наивная, она думала, что сильнее меня ненавидеть некого.

— Наше время подходит к концу, — с чувством облегчения объявила я. — В следующий вторник выступит приглашенный лектор, который ответит на все ваши вопросы. Хранитель огня, новый житель нашей планеты, более подробно, основываясь на собственных впечатлениях, расскажет нам о заселении Огненного мира. Уверена, вы с уважением отнесетесь к нашему гостю и юному возрасту его носителя. Благодарю за внимание.

Студенты медленно потянулись к выходу, многие переговаривались между собой, пока собирали вещи. Мне вспомнились слова Кэти о дружбе, но желания присоединиться к чьей-нибудь компании не появилось. Для меня они чужаки.

Для меня? Или для Мелани? Трудно сказать. Может, я нелюдима от природы? Моя биография служила лучшим тому подтверждением. Ни на одной планете я ни с кем не вступала в близкие отношения, нигде не задерживалась дольше, чем на один жизненный цикл.

Роберт и Лицом к солнцу оживленно спорили о чем-то в дверях. Я догадывалась, о чем.

— Рассказы об Огненном мире накаляют атмосферу.

Я вздрогнула. За моим плечом стояла крошечная Искательница. Обычно о ее приближении извещал громкий стук каблуков, но на этот раз она надела туфли — само собой, черные, — на плоской резиновой подошве.

— Не могу сказать, что люблю эту тему, — вежливо ответила я. — Предпочитаю делиться личным опытом.

— Класс так бурно отреагировал.

— Да.

Она выжидающе на меня смотрела. Я собрала свои записи и отвернулась к своей сумке.

— Да и вы тоже.

Я осторожно, не оборачиваясь, положила бумаги в сумку.

— Интересно, почему вы не ответили на вопрос.

Она ждала моего ответа. Я промолчала.

— Так почему вы не ответили?

Я развернулась, не скрывая раздражения.

— Потому что вопрос не относился к лекции, потому что Роберту нужно научиться себя вести, и потому что я сама решаю, на какие вопросы отвечать.

Я закинула сумку на плечо и направилась к двери. Искательница засеменила рядом, стараясь успеть за моими длинными ногами. Мы молча

прошли по коридору. На улице, среди раскаленных полуденным солнцем пылинок, летающих в солоноватом воздухе, она снова заговорила:

— Вы собираете где-нибудь осесть? Как насчет этой планеты? Кажется, вам близки их... чувства.

Я вскипела: она явно желала меня оскорбить. Я пока не знала, как именно... Мелани обиженно заворочалась.

— Не понимаю, куда вы клоните.

— Скажите мне одну вещь, Страница. Вам их жалко?

— Кого? — озадаченно спросила я. — Цветоногов?

— Нет, людей.

Я резко остановилась, и Искательница чуть не врезалась в меня. До моего дома оставалось несколько кварталов, и я все еще надеялась от нее отделаться, хотя и не исключала, что она напросится в гости. Но ее вопрос застал меня врасплох.

— Людей?

— Да. Вам их жалко?

— А вам?

— Нет. Они были жестокой расой. Учитывая их повадки, им еще повезло, что они выжили.

— Не все они были плохими.

— Жестокость у них в крови. Генетическая предрасположенность. А вот вы их, похоже, жалеете.

— Тут есть что терять, вам не кажется? — Мы стояли на парковой дорожке между двумя увитыми плющом домиками. Темно-зеленый цвет плюща радовал глаз, особенно на фоне выцветших красных кирпичей. В нежно-золотистом воздухе витал солоноватый привкус океана, разносилось медоносное благоухание цветов. Легкий ветерок ласкал обнаженные руки. — Ни в каком другом мире вы не получите таких ярких ощущений. Как не жалеть людей, у которых все это отобрали? — По лицу Искательницы невозможно было ничего прочесть. Я попробовала другой подход: — В каких мирах вам довелось побывать?

Она было смутилась, но тут же расправила плечи.

— Ни в каких. Я с самого начала жила на Земле.

Это меня удивило — совсем дитя, не старше Роберта.

— Всего на одной планете? И сразу пошли в Искатели? — Она кивнула и вздернула подбородок.

— Что ж. Это ваше решение. — Я двинулась дальше. Может, если не лезть в ее секреты, она ответит мне тем же...

— Я говорила с вашей Утешительницей...

«А может, и не ответит», — буркнула Мелани.

— Что? — опешила я.

— Судя по всему, у вас проблемы не только со сбором нужной мне информации. Вы не думали о том, чтобы выбрать более гибкого носителя? Она ведь вам советовала?

— Кэти вам этого не говорила! — Искательница просияла.

— Ей и не пришлось. Я неплохо умею читать по человеческим лицам. И вижу, когда мой вопрос бьет в точку.

— Да как вы смеете? Отношения между Душой и Утешителем...

— Святая святых? Я знаю правила. Но в вашем случае привычные способы расследования дали сбой. Пришлось проявить фантазию.

— Думаете, я скрываю от вас нечто, в чем призналась Утешительнице? — От ярости я не трудилась скрыть отвращение.

Моя злость Искательницу не беспокоила. Видимо, учитывая особенности ее характера, такие реакции были ей не в новинку.

— Нет. Вы наверняка говорите мне все, что знаете... Вот только ищете плохо. Такое случается. Вы сочувствуете своему носителю, позволяете ее воспоминаниям управлять вашим поведением. Вероятно, уже слишком поздно. Вам лучше переместиться, может, другим с ней повезет больше.

— Ха! Да Мелани с потрохами их съест!

Лицо Искательницы застыло. Она ни о чем не догадывалась, даже если ей и удалось что-то выудить у Кэти! Она считала, что Мелани влияет на меня бессознательно, через память...

— Занятно, что вы говорите о ней в настоящем времени. — Я пропустила ее слова мимо ушей, пытаюсь скрыть свою промашку.

— Вы напрасно думаете, что кто-то другой сумеет сломить волю моего носителя.

— Есть только один способ выяснить.

— А что, есть желающие? — спросила я с отвращением в голосе.

Она ухмыльнулась.

— Мне разрешили попытаться. Много времени это не займет. Моего носителя пока придержат.

Я старалась дышать глубоко и ровно. Меня трясло, а Мелани от ненависти лишилась дара речи. Мысль об Искательнице внутри меня — пусть я и знала, что меня тут не будет, — показалась настолько отвратительной, что меня чуть не вывернуло, как на прошлой неделе.

— Жалко, что я не Попрыгунья. Плохо для вашего расследования.

Глаза Искательницы сузились.

— Что ж, я готова ждать. Меня никогда не интересовала история, но

раз так, придется пройти полный курс.

— Вы только что сказали, что уже слишком поздно, из ее памяти ничего не извлечешь, — напомнила я, пытаюсь унять дрожь в голосе. — Вам пора бы забыть об этом деле.

Она пожала плечами и натянуто улыбнулась.

— Наверняка поздно... для добровольной информации. Впрочем, даже если вы откажетесь сотрудничать, она сама нас на них выведет.

— Выведет?

— Конечно, стоит ей взять верх, и с вами повторится история того слабака, Наперегонки с песней, ставшего Кевином. Помните? Который напал на Целителя.

Задыхаясь от гнева, я пожирала ее глазами.

— Да. Вероятно, это лишь вопрос времени. Ваша Утешительница не сообщала вам статистику, нет? Хм, в любом случае, она не располагает последними данными. Шансы на успешный исход в тех случаях, когда человеческий носитель начинает сопротивляться, — меньше двадцати процентов. Как вам такая новость? Уже сейчас меняют все данные. Взрослых носителей больше не будет... Риск слишком велик. Мы теряем Души. Не пройдет и года, как она заговорит с вами, заговорит через вас, станет самостоятельно принимать решения.

Я не шелохнулась, на лице не дрогнул ни один мускул. Искательница встала на цыпочки, пытаюсь заглянуть мне в глаза. Ее голос вдруг стал низким и бархатистым — слишком уж она хотела меня убедить.

— Вы этого хотите, Странница? Пропасть? Раствориться в чужом сознании? Стать еще одним телом носителем? Будет только хуже. Вы потеряете себя. Она победит, и вы исчезнете. Разве что кто-то вмешается... Может, вас переместят, как Кевина. И вы станете девчушкой по имени Мелани, которая играет с машинками, хотя должна бы любить музыку. Или что там предпочитает ваша Мелани?

— Шансы — меньше двадцати процентов? — прошептала я.

Она кивнула, усмехнувшись.

— Вы теряете себя, Странница. Все миры, весь накопленный опыт — впустую. Я читала в вашем личном деле, из вас может выйти полноценная Мать. Если бы посвятили себя Материнству, по крайней мере, ваши знания не пропали бы. Что вы с собой делаете? О Материнстве вы подумали?

Я зарделась, отпрянула от нее.

— Простите, — пробормотала она, изменившись в лице. — Это было невежливо. Забудьте о моих словах.

— Я иду домой. Оставьте меня в покое.

— Не могу, Странница. Я выполняю свою работу.

— Столько усилий ради какой-то горстки людей! Откуда такое рвение? Какой смысл в вашей работе? Мы победили! Пора бы и вам влиться в общество, заняться чем-то полезным.

Ни вопросы, ни обвинения ее не задели.

— Повсюду, где наш мир соприкасается с их миром, царит смерть. — Она произнесла эти слова миролюбиво, и на миг под злобной маской словно проступил другой человек. Меня удивило, как искренне она верит в свои слова. Раньше я считала, что она выбрала Призвание Искателя, потому что втайне наслаждалась насилием. — Нельзя позволить, чтобы от рук вашего Джареда или вашего Джейми гибли Души. Пока на планете не установится полный мир, моя работа будет востребована. Пока где-то прячутся джареды, я останусь на страже. Пока такие вот мелани водят нас за нос...

Я повернулась к ней спиной и широкими шагами направилась к дому: если хочет, пусть догоняет бегом.

— Не потеряй себя, Странница! — вопила она мне в след. — Время на исходе! — Она замолчала, а затем крикнула еще громче: — Сообщи, как сменишь имя на Мелани.

Расстояние между нами увеличивалось, ее голос затихал вдали, но она упрямо следовала за мной. Последняя неделя была утомительной — лицо Искательницы, которое маячило в заднем ряду на каждой лекции, ежедневный цокот каблучков за спиной, — но не шла ни в какое сравнение с тем, что меня ждало впереди. Искательница превратит мою жизнь в ад.

Мелани яростно забилась под сводом черепа.

«Давай сделаем так, чтобы ее поперли с работы. Скажем ее начальству, мол, неподобающе себя ведет. Напала на нас. Наше слово против ее...»

«В человеческом мире... — напомнила я, почти сожалея, что подобный поступок невозможен. — У нас нет начальства как такового. Все работают сообща, на равных. Есть управленцы, которые собирают информацию, есть советники, которые принимают решения на основе полученной информации, но они не вправе принудительно снять с задания кого бы то ни было. Понимаешь, у нас все устроено таким образом...»

«Да плевать, как у вас все устроено. Нам-то что делать? Придумала: давай ее убьем!»

Перед глазами встал непрощенный образ: руки сжимаются на шее Искательницы.

«Вот потому на Земле под нашей опекой стало куда лучше», — заметила я.

«Не кочевряжься. Тебе не меньше моего понравится».

Образ возвращается: в нашем воображении лицо Искательницы синеет — и нас накрывает жгучая волна удовольствия.

«Это не я, это ты».

Я говорила правду: меня мутило от одной мысли об убийстве. Но кое в чем моя правда граничила с ложью, потому что я была бы счастлива навсегда избавиться от Искательницы.

«Что будем делать? Я не сдамся. Ты не сдашься. А эта Искательница, ищейка проклятая, и подавно не сдастся. Как пить дать».

Я не ответила. Что тут скажешь?

В моей голове ненадолго наступило затишье. Приятное ощущение. Мне хотелось продлить тишину, но, к сожалению, существовал лишь один способ вернуть покой. Стоит ли платить такую высокую цену? Был ли у меня выбор?

Мелани мало-помалу успокоилась. К тому времени как я выходила из дома, впервые закрывая дверь на все замки — человеческое изобретение, бесполезное и бессмысленное в идеальном мире Душ, — она предалась размышлениям.

«Надо же!.. Никогда бы не подумала, что у вас все так устроено».

«Представь себе, мы весьма серьезно относимся к подобным вопросам. Спасибо за интерес». — Явный сарказм в моем тоне ее не задел.

Мелани еще какое-то время раздумывала над своим открытием, но как только я включила компьютер и открыла страничку с расписанием полетов, она переключилась на меня.

«Куда ты собралась?»

В мыслях Мелани блеснула искорка паники, в поисках ответа она стала копошиться у меня в голове — словно перышком щекотала, — и я решила сэкономить ей силы:

«Я еду в Чикаго».

Паника разрасталась как пожар.

«Зачем?»

«Искательнице я не доверяю. Мне нужно поговорить с Целителем и принять решение». Она надолго замолчала. «Решение меня убить?» «Вот именно».

Глава 8 Любовь

— Вы боитесь летать? — В голосе Искательницы проступало насмешливое недоверие. — Вы восемь раз пересекли космические просторы, но боитесь перелета в Аризону?

— Во-первых, я не боюсь. Во-вторых, космические просторы я пересекала в состоянии криосна, не имея ни малейшего представления о происходящем. И в-третьих, моего носителя укачивает в воздухе.

Искательница закатила глаза.

— Так примите лекарство! А если бы Целитель не переселился в Аризону? До Чикаго на машине добирались бы?

— До Чикаго — нет, а до Тусона доеду. Заодно и новый мир посмотрю. Пустыня завораживает...

— Скорее нагоняет скуку.

— К тому же я никуда не спешу, мне нужно побыть одной. — Я сделала ударение на последнем слове и сопровождала сказанное выразительным взглядом.

— Все равно не понимаю, зачем куда-то ехать. Здесь хватает компетентных Целителей.

— А мне спокойнее с Целителем Брод в глубокой воде. У него есть опыт в подобных вопросах, а я подозреваю, что информации, которой я располагаю, недостаточно. — И я снова многозначительно на нее посмотрела.

— Странница, вы бы поспешили. Я заметила некоторые признаки...

— Простите, но, по-моему, вы судите предвзято. О поведении человека мне известно достаточно, и признаки манипуляции я различу не хуже вашего.

Искательница злобно на меня посмотрела. Я укладывала во взятый напрокат автомобиль то немного, что решила взять с собой: одежду на неделю и необходимые гигиенические принадлежности. Вещей было мало, но оставляла я и того меньше. За долгие месяцы стены моей маленькой квартиры оставались голыми, а полки — пустыми. Наверное, меня не тянуло здесь обосноваться.

Искательница торчала на тротуаре возле открытого багажника, забрасывая меня ехидными вопросиками и замечаниями каждый раз, когда я оказывалась рядом. По крайней мере, в одном я была уверена: следом она не увяжется — характер не тот. Искательница наконец сообразила, что все

уговоры бесполезны, я к ней не присоединюсь, так что ей придется в одиночку лететь в Тусон. Я вздохнула с облегчением: не хватало еще, чтобы она маячила рядом в придорожных кафе, дежурила у дверей туалета на заправочных станциях, учиняла очередной допрос на каждом светофоре. Меня передернуло от этой мысли. Если новое тело — единственный способ избавиться от Искательницы... что ж, стоит об этом подумать.

Впрочем, можно поступить и по-другому: забыть этот мир, как страшный сон, и переселиться на десятую планету. Вычеркнуть из памяти неудачный опыт. Земля осталась бы крошечным пятнышком в моей безупречной во всех других смыслах биографии.

Но куда переселиться? На уже знакомую планету? Поющий мир был одним из моих любимых, но променять зрение на слепоту? Планета Цветов очаровывала... Но хлорофилловые жизненные формы почти лишены эмоций. Я бы тосковала по ритмам человеческого мира.

На новую планету? Было одно недавнее приобретение — здесь, на Земле, новых носителей прозвали дельфинами за неимением более точного слова, хотя те больше походили на стрекоз, чем на морских млекопитающих. Высокоразвитый вид, и подвижный к тому же, но после долгого существования в виде Водоросли мысль об очередной водной планете внушала отвращение.

Нет, мне так много еще хотелось попробовать на Земле. Ничто во всей Вселенной не влекло меня так сильно, как маленький тенистый дворик на тихой улице или бескрайнее пустынное небо из воспоминаний Мелани.

Мелани от комментариев воздержалась. С тех пор как я приняла решение отыскать Брод в глубокой воде, своего первого Целителя, она как-то притихла. Чем объяснялась ее отчужденность: хотела ли она показать, что не опасна и не будет обузой? Затаилась перед вторжением Искательницы? Готовилась к смерти?... или к бою? А может, собиралась взять надо мной верх?

Каким бы ни был ее план, она отдалилась от меня, притаившись где-то в затылке.

Я в последний раз зашла в дом, проверить, не забыла ли чего. Комната выглядела пустой. Предыдущий жилец обустроился по минимуму — тарелки в кухонном шкафу, подушки на кровати, лампы на тумбочках; если я не вернусь, следующему жильцу много менять не придется.

На выходе меня застал телефонный звонок: я хотела подойти, но не успела. Автоответчик сработал после первого звонка. Звонивший услышал туманные объяснения: «Я уезжаю до конца семестра, лекции отменяются, пока не будет найдена замена». Без указания причин. Часы над телевизором

показывали восемь утра. Наверняка звонил Курт: получил мое чуть более подробное электронное сообщение, отправленное прошлой ночью. Я так мучилась угрызениями совести из-за сорванного семестра, словно решила сменить тело. Возможно, такой мой поступок, уход от обязанностей, подготавливал почву для следующего, слишком позорного пока, решения. Мне стало не по себе и, хотя я никуда не спешила, как-то вдруг расхотелось слушать сообщение автоответчика.

Я еще раз оглядела пустую квартиру. Не имело смысла что-то здесь оставлять, в жилище, так и не ставшем мне домом. У меня было странное чувство, что не только Мелани, но и вся эта планета отвергает меня — и неважно, как сильно я хочу прижиться. Как будто мне не дано пустить здесь корни. Я криво ухмыльнулась при мысли о корнях. Какой-то суеверный бред лез в голову.

Мне еще не доводилось иметь носителя, верившего в приметы и суеверия. Ощущение показалось забавным, словно за тобой следит кто-то невидимый. По спине побежали мурашки.

Я плотно закрыла за собой дверь, но не прикоснулась к замкам, пережитку прошлого. Сюда никто не войдет, пока я не вернусь, — или пока не вселится новый жилец.

Не глядя на Искательницу, я села в машину. Мне нечасто приходилось водить, да и Мелани тоже, поэтому я немного нервничала. Впрочем, я не сомневалась, что скоро обвыknусь.

Искательница просунулась в открытое окно с пассажирской стороны.

— Жду вас в Тусоне.

— Разумеется. — Я завела мотор и, пряча улыбку, отыскала кнопку стеклоподъемника. Искательница отскочила от машины.

— А может... — начала она, переходя на крик в попытке прорваться сквозь шум двигателя и закрытое окно. — Может, последую вашему примеру и прокачусь с ветерком. Посмотрим, кто из нас кого обгонит.

Сказано это было для того, чтобы вывести меня из себя. Я старалась не показывать виду, что у нее получилось. Устремив взгляд прямо перед собой, я осторожно вывела автомобиль на дорогу.

Я почти сразу отыскала выезд на шоссе, а дальше следовала за дорожными знаками, указывающими путь из Сан-Диего. Вскоре знаки закончились, а вместе с ними — и шанс не туда повернуть. Через восемь часов — путь недолгий — я буду в Тусоне. Может, заночую в каком-нибудь городке. Я бы с удовольствием задержалась где-нибудь, если б точно знала, что Искательница будет ждать на месте, изводясь от нетерпения, а не попретя следом.

Меня то и дело обгоняли другие машины, владельцы которых, в отличие от меня, стремились попасть в свои неведомые пункты назначения. Я же все время поглядывала в зеркало заднего вида, высматривая хвост, да к тому же еле плелась.

Напрасно я ждала, не мелькнет ли в проносящихся мимо автомобилях знакомое лицо. Не стоило вестись на злую шутку Искательницы; долгий путь и ее темперамент казались несовместимыми. Однако... взгляд продолжал ее искать.

Мне довелось побывать на западе, у океана, я путешествовала на юг и на север, вдоль Калифорнийского побережья, но на восток не выезжала ни разу. Цивилизация быстро осталась за спиной, и вскоре меня окружали лишь холмы и скалы, предваряющие безлюдный простор пустыни.

Чем дальше я отъезжала от города, тем расслабленнее себя чувствовала — тревожный знак. Негоже так радоваться одиночеству. Души нуждались в обществе. Мы жили и работали, сливаясь в гармонии, — все одинаковые: миролюбивые, дружелюбные, честные. Откуда это чувство облегчения от разлуки с себе подобными?... Неужели Мелани постаралась?

Нет, Мелани дремала где-то на задворках сознания.

Такого спокойствия я не чувствовала с тех самых пор, как она повторно подала голос. За окном стремительно проносились мили, пролетали мрачные дикие скалы и пыльные пустоши, заросшие низкорослым кустарником, — до скуки однообразные. Я поняла, что, сама того не желая, еду слишком быстро. Здесь не на чем было отдохнуть глазу, не за что зацепиться мысли. Позевывая, я гадала, почему в памяти Мелани пустыня смотрелась куда более красочно и маняще. Что особенного в этом безжизненном месте?... В поисках ответа я бесцеремонно вторглась в ее разум.

Окружавшая нас голая местность, покрытая скудной растительностью, не интересовала Мелани. Она грезилась о другой пустыне, красной, изрезанной каньонами, полной особой магии. Она даже не попыталась меня остановить и словно вообще не заметила вторжения. Я еще раз спросила, в чем причина ее отстраненности. Мыслей о борьбе не было: наоборот, мне показалось, она готовится к смерти.

В воспоминаниях она будто прощалась со мной, уходила в другое, излучающее счастье место. Сюда я была допущена впервые. В укромной расщелине, рассекавшей склон из красного песчаника, почти на уровне ливневых паводков, разместилось своеобразное жилище. Нелепое место, в стороне от любых троп и стежек — никто не станет искать в такой глуши. Ни удобств, ни электричества. В воспоминаниях Мелани смеется, стоя у

ямки в песке, — воду насосом качают из-под земли.

— Лучше любого водопровода! — Джаред сдвигает брови, и морщинка на переносице становится глубже. Кажется, его смущает мой смех. Боится, что мне не понравилось? — Никаких следов, никто и не догадается, что мы тут.

— Мне нравится, — торопливо отвечаю я. — Как в старых фильмах. Тут здорово.

Улыбка, которая почти не покидает лицо Джареда — он даже во сне улыбается, — становится шире.

— Некоторые вещи даже в старых фильмах не увидишь. Пойдем, покажу, где туалет.

Джейми вприпрыжку бежит впереди, темные волосы развеваются на бегу, смех эхом разносится по узкому каньону. Он теперь все время скачет, худой мальчишка с потемневшей от солнца кожей. Я не понимала, какая тяжесть легла на эти узкие плечики. Теперь, когда с нами Джаред, Джейми заметно оживился. Тревога уже не омрачает его лицо, уступив место улыбке. Оказывается, мы оба куда выносливее, чем я думала.

— Кто это все построил?

— Отец и старшие братья. Я тоже немного помогал — или скорее путался под ногами. Отец застолбил за собой это местечко, и чихать он хотел на правила. Он даже не стал выяснять, кому принадлежит земля: никаких разрешений, никакой бумажной волокиты! — Джаред смеется, запрокидывая голову. Солнце танцует на золотых прядках волос. — По бумагам этого места не существует. Правда, удобно? — И, как бы невзначай, берет меня за руку.

Моя кожа вспыхивает от его прикосновения. Удивительно приятное чувство, только вот грудь как-то странно щемит.

Джаред все время вот так до меня дотрагивается, словно хочет убедиться, что я здесь, рядом. Понимает ли он, что со мной творится, когда его теплая ладонь накрывает мою? Бьется ли его сердце так же часто, как мое? Или он просто рад, что больше не один?

Взявшись за руки, мы проходим под небольшой купой тополей, чья зелень так ярко выделяется на красном песчанике, что у меня рябит в глазах. Здесь Джаред счастлив — счастлив по-настоящему. Я тоже счастлива — как же сложно привыкнуть к этому чувству!

Он не целовал меня с той первой ночи, когда я закричала, обнаружив шрам на его шее. Может, не хочет? Поцеловать его первой? А что, если ему не понравится?

Джаред смотрит на меня и улыбается: вокруг глаз лучиками

появляется паутинка тоненьких морщинок. Мне становится интересно, действительно ли он так красив, как мне кажется, или же все дело в том, что он последний человек на Земле, если не считать нас с Джейми.

Нет, вряд ли. Он на самом деле прекрасен.

— О чем задумалась, Мел? — спрашивает Джаред. — О чем-то важном, наверное? — Он смеется.

Я пожимаю плечами, а внутри все трепещет.

— Здесь красиво. — Он смотрит вокруг.

— Да. Потому что здесь дом.

— Дом, — негромко повторяю я. — Дом.

— Твой дом тоже, если ты не против.

— Я не против. — Ощущение такое, будто каждая пройденная за последние три года миля вела сюда. Будь моя воля, мы бы ни за что не покинули это место, хотя я и понимаю, что придется. Еда не растет на деревьях. Не в пустыне, уж точно.

Он сжимает мне руку: кажется, сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Наслаждение, почти неотличимое от боли.

Картинка смазалась: Мелани прокрутила в памяти тот жаркий день до того момента, когда солнце скрылось за красными стенами каньона. Я устремилась за ней, загипнотизированная бескрайними просторами и пролетающими мимо высохшими кустами. Однообразие кружило голову.

Я украдкой заглядываю в узкую спальню. Матрас всего в нескольких дюймах от грубых каменных стен с обеих сторон.

Меня переполняет радость: Джейми спит в настоящей постели, на мягкой подушке. Он раскинул в стороны длинные тощие руки и ноги, заняв почти весь матрас. В жизни Джейми гораздо крупнее, чем мальчик в моей голове. Почти десять — скоро станет взрослым. Только вот для меня он всегда будет ребенком.

Джейми дышит ровно, сон его крепок и безмятежен — по крайней мере, сейчас.

Я тихонько прикрываю дверь и возвращаюсь на диванчик, где сидит Джаред.

— Спасибо, — шепчу я, хотя Джейми сейчас и из пушки не разбудишь. — Нехорошо получается. Диванчик для тебя слишком короткий. Может, ляжешь с Джейми?

Джаред посмеивается.

— Мел, ты всего на несколько дюймов ниже меня. Спи уж там. В следующий раз, как пойду за продуктами, присмотрю себе раскладушку.

Мне это не нравится по множеству причин. Он что, собрался куда-то?

И если так, возьмет ли он нас с собой? Он что, думает, что я до конца жизни буду спать с Джейми?

Джаред обнимает меня за плечи и притягивает к себе. Я пододвигаюсь, хотя от тепла его тела снова щемит сердце.

— Чего насупилась? — спрашивает он.

— Когда ты... когда мы уедем? — Он пожимает плечами.

— Собранной еды хватит на несколько месяцев. Если хотите пожить здесь подольше, я сделаю набег-другой на близлежащие помойки. Наверняка ты уже устала от скитаний.

— Устала, — соглашаюсь я и делаю глубокий вдох, для храбрости. — Но куда ты, туда и я.

Он крепче меня сжимает.

— Мне это по душе. Как подумаю о разлуке... — Он тихонько смеется. — Может, это прозвучит странно, но я бы скорее умер... Не слишком выпренне?

— Нет, я тебя понимаю.

Должно быть, он чувствует то же, что и я. Разве он сказал бы так, если бы не воспринимал меня как женщину?

Я вдруг понимаю, что — впервые с той самой ночи, когда мы познакомились, — Джаред со мной наедине: впервые дверь разделяет нас двоих и спящего Джейми. Мы много ночей провели без сна, перешептываясь, рассказывая друг другу истории, веселые и ужасные, и Джейми всегда пристраивал голову у меня на коленях. Мое дыхание учащается, стоит мне подумать о закрытой двери.

— Вряд ли тебе понадобится раскладушка, — вырывается у меня.

Я чувствую на себе его вопросительный взгляд, но не могу на него ответить. Слишком поздно, сказанного не вернуть.

— Не волнуйся, мы останемся тут, пока не закончится еда. Этот диванчик — просто царское ложе по сравнению с местами, в которых мне доводилось спать.

— Я о другом, — говорю я, все так же не поднимая глаз.

— Ты будешь спать на кровати. И никаких возражений я не потерплю.

— И не об этом, — почти шепчу я. — Просто... диван подошел бы Джейми, еще долго бы ему прослужил. А я могла бы спать... с тобой...

Молчание. Мне хочется посмотреть на его реакцию, но я не решаюсь поднять глаза. Вдруг я увижу отвращение? Я же не переживу... Вдруг он меня прогонит?

Теплые, мозолистые пальцы берут меня за подбородок. Наши взгляды встречаются, и мое сердце замирает.

— Мел, я... — Его улыбка погасла.

Я пытаюсь отвернуться, но он держит мой подбородок — взгляд отвести не получается. Неужели он не чувствует искру, пробежавшую между нашими телами? Неужели нет? Но почему тогда я чувствую? Как будто между нами, словно цветок меж страниц толстой книги, зажато плоское солнце, которое сжигает бумагу. Может, для него это что-то другое? Неприятное?

Джаред отворачивается; теперь он, а не я, отводит глаза, но не отпускает мой подбородок и чуть слышно шепчет:

— Не стоит, Мелани. Ты ничего мне не должна. — Мне трудно глотать.

— Я не хочу... Я не чувствую себя обязанной. И ты... ты тоже ничем мне не обязан. Забудь.

— Такое не забывается, Мел.

Он вздыхает, и мне хочется провалиться сквозь землю. Хочется сдаться — отдать свой разум пришельцам, если это единственный способ исправить ошибку. Я бы отдала все будущее за две прошедшие минуты. Все бы отдала.

Джаред тяжело вздыхает, напряженно смотрит в пол, сжимает челюсти.

— Мел, так быть не должно. Только потому, что мы вместе, потому что мы последние мужчина и женщина на Земле... — Я впервые вижу, чтобы он так мучительно подбирал слова. — Это не значит, что ты должна чем-то жертвовать. Я не из таких... Ты не обязана...

Он выглядит таким расстроенным и хмурым, что я начинаю снова говорить, хотя, еще не открыв рот, понимаю, что совершаю ошибку.

— Я о другом, — бормочу я. — Я не говорю, что чувствую себя «обязанной», и ты не «из таких». Нет. Конечно же не из таких. Просто...

Просто я люблю его. Я крепко сжимаю зубы, чтобы не пасть еще ниже. Нужно прикусить этот противный язык, пока он окончательно все не испортил.

— Просто что? — не сдается он.

Я пробую помотать головой, но его пальцы все еще крепко держат мой подбородок.

— Мел?...

Я вырываюсь и изо всех сил качаю головой.

Он придвигается ближе, лицо его внезапно меняется: на нем отражается борьба — новое, незнакомое выражение. И чувство, что меня отвергли, от которого щипало в глазах, отчего-то проходит.

— Поговори со мной... пожалуйста, — тихо произносит он.

Я чувствую его дыхание на своей щеке и на несколько секунд теряю способность мыслить. Вижу его глаза и забываю о своем позоре, забываю, что совсем недавно хотела замолчать навсегда.

— Если бы из всех людей в мире мне надо было выбрать, с кем отправиться на необитаемую планету, я бы выбрала тебя, — шепчу я. Солнце между нами разгорается. — Я всегда хотела быть с тобой. И не только... не только разговаривать. Когда ты прикасаешься ко мне... — Я несмело провожу по теплой коже его плеча — и под кончиками пальцев словно пробегают искры. Его рука обнимает меня. Чувствует ли он этот жар? — Я не хочу, чтобы ты останавливался. — Хочется точнее подобрать слова, но не могу. Ничего страшного. Я и так уже во всем призналась. — Если ты не чувствуешь ко мне того же, я пойму. Ты только скажи, — в отчаянии вру я.

— О, Мел! — выдыхает он и притягивает меня к себе. На его губах искры жарче всего, раскаленные. Я не понимаю, что делаю, но это уже не важно. Его руки в моих волосах, в моем сердце — его огонь. Я не могу — не хочу — дышать.

Его губы ловят мое ухо, а когда я снова пытаюсь их найти, Джаред удерживает мое лицо.

— Это чудо — больше, чем чудо, — что я нашел тебя, Мелани. Если бы мне пришлось выбирать между прошлой жизнью и тобой, я бы выбрал тебя. Не пожалел бы пять миллиардов жизней.

— Так нельзя.

— Нельзя иначе.

— Джаред, — выдыхаю я, пытаюсь снова дотянуться до его губ. Он отстраняется, будто хочет что-то сказать. Разве нужно что-то еще говорить?

— Но...

— Но? — Какие тут могут быть «но»? Какие могут быть «но», если между нами такая искра?

— Тебе всего семнадцать, Мелани. А мне уже двадцать шесть.

— И что?

Он не отвечает. Его руки медленно гладят мне плечи, заливая их огнем.

— Ты что, издеваешься? — Я отстраняюсь, чтобы видеть его лицо. — Мы пережили конец света, а тебя волнуют какие-то условности?

Он громко сглатывает, прежде чем продолжить.

— Большинство условностей существуют не просто так, Мел. Я буду последним негодяем, если тобой воспользуюсь. Ты слишком юна.

— Юность умерла. Все выжившие — древние старики. — В уголках

его рта пробивается улыбка.

— Может, ты и права. Но спешить все равно ни к чему.

— Чего ждать? — требую я ответа. Он медлит, обдумывая ответ.

— Что ж, для начала поговорим... о вещах прозаических. — Пытается меня отвлечь, увести от темы разговора?

Похоже на то. Не верится, что разговор принимает подобный оборот. Если он на самом деле меня хочет, это не имеет смысла.

— Понимаешь, — сбивчиво объясняет он, и кажется, что под золотистым загаром проступает румянец смущения. — Когда я обустроивал это место, то не планировал... гостей. То есть... — Остальное он выпаливает одним махом: — Противозачаточными средствами не запасся.

— Но... — Я мучительно морщу лоб.

С его лица ушла улыбка, и я впервые замечаю, как оно искажается от злобы — никогда бы не подумала, что Джаред на это способен.

— Не хочу, чтобы мой ребенок родился в этом мире.

До меня доходит смысл его слов, и я сжимаюсь, представив невинную кроху, открывающую глаза в подобном месте. Мне и так с лихвой хватает глаз Джейми, которого не ждет ничего хорошего — даже при самом лучшем раскладе.

Джаред вдруг снова становится Джаредом. Лучики вокруг глаз собираются в морщинки.

— И потом, у нас еще есть время... все обдумать. — Кажется, он опять уходит от разговора. — Ты хоть понимаешь, сколько времени прошло с тех пор, как мы встретились? Всего четыре недели.

Я поражена.

— Не может быть!..

— Двадцать девять дней. Я считаю.

Я пытаюсь вспомнить. Не может быть, чтобы всего за двадцать девять дней Джаред сумел так изменить нашу жизнь. Как будто мы с Джейми все время были с ним. Два или три года...

— Время у нас есть, — повторяет Джаред.

Меня охватывает дурное предчувствие, приступ паники надолго лишает дара речи. Он с тревогой следит за переменой в моей лице.

— Но ты же не знаешь... — Безысходность, которая отступила, когда он меня нашел, настигает вновь, как удар хлыста. — Никто не знает, сколько времени нам осталось: месяцы, дни, часы...

Он смеется, согревая меня своим смехом, и касается губами сердитой складочки между нахмуренными бровями. — Не волнуйся, Мел. Наш союз заключен на Небесах. Ты моя судьба. Никому — слышишь, никому! — я

тебя не отдам.

Не спрашивая моего согласия, Мелани вернула меня в настоящее — к узкой ленте шоссе, выходящей через аризонскую пустыню под безжалостным полуденным солнцем. Я смотрела на пустоту впереди и ощущала пустоту внутри.

Ее мысль легким вздохом пронеслась в голове: «Если б знать, сколько нам осталось».

У меня по щекам текли слезы... наши с ней общие слезы.

Глава 9

Откровение

Я неслась к развязке Десятой магистрали. Солнце клонилось к закату. Перед глазами мелькали только бело-желтые полосы дорожной разметки да изредка — большой зеленый знак, направляющий меня все дальше на восток. Я спешила.

Куда? Наверное, просто стремилась поскорее вырваться, убежать от боли, от грусти, от щемящей тоски по безнадежно утерянной любви. Значило ли это — избавиться от человеческого тела? Больше ничего в голову не приходило. Конечно же, я все-таки задам вопросы Целителю, но решение уже принято. «Попрыгунья. Трусиха», — я мысленно повторяла эти слова, пытаясь с ними примириться.

Если бы только нашелся способ спасти Мелани от Искательницы! Это было сложно... а точнее — невозможно.

Впрочем, стоит попробовать, что я и пообещала Мелани, но она меня не слышала. Она все еще дремала.

«Сдалась, — подумала я. — Сдалась теперь, когда уже слишком поздно...»

Незаметно для себя я очутилась в красном каньоне из ее сна. Как я ни старалась сосредоточиться на проносящихся мимо машинах, на лайнерах, скользящих к аэропорту, на тонкой дымке облаков, гонимых ветром, грезы Мелани не отпускали меня. Лицо Джареда всплывало в памяти тысячу раз — и каждый раз под другим углом. Джейми — кожа до кости — рос стремительно, у меня на глазах. Мои руки исстрадались по ним обоим — невыносимое, пронзительное и жестокое чувство, сильнее любой боли. Я должна была вырваться.

Я почти вслепую ехала по узкой двухполосной автостраде. Пустыня стала еще однообразнее и мертвее, потускнела, утратила краски. В Тусон я доберусь задолго до ужина. Ужин. Сегодня я еще не ела, и от одной мысли об ужине живот заворчал.

Искательница меня уже дожидается. Живот скрутило, и голод мгновенно сменился тошнотой. Нога машинально отпустила педаль газа.

Я сверилась с картой на пассажирском сиденье. Следующая остановка будет в местечке под названием Пикачо Пик. Может, там удастся перекусить, выкроить еще несколько драгоценных минут до встречи с

Искательницей.

Едва я подумала об этом необычном названии — Пикачо Пик — последовала странная, приглушенная реакция от Мелани. Непонятно, в чем же дело? Она была тут раньше? Я поискала воспоминание, подходящую картинку или запах, но ничего не нашла. Пикачо Пик. И снова: вспышка интереса, которую Мелани старалась скрыть. Что значило для нее это слово? Она отступила, спряталась от меня в далекие воспоминания.

Мне стало любопытно. Я нажала на газ, чтобы проверить, навевает ли ей что-нибудь вид этого места.

Одинокий горный пик необычной формы — не слишком большой, но возвышающийся над низкими, изломанными холмами, что виднелись ближе к дороге, — постепенно вырисовывался на горизонте. Мелани наблюдала за тем, как скала растет, и притворялась, что ей безразлично.

Зачем притворяться, когда и так все ясно? Но все же Мелани оттолкнула меня с невероятной силой. Глухая стена — толще обычной (а я то думала, ее давным-давно нет) — заслонила все.

Я постаралась не обращать внимания на Мелани — не хотелось признаваться, что она стала сильнее. Вместо этого я занялась изучением пика, отслеживая его очертания на фоне бледного раскаленного неба. В них было что-то знакомое, хоть я и не сомневалась: ни одной из нас не доводилось здесь бывать.

Словно пытаюсь меня отвлечь, Мелани погрузилась в яркое воспоминание о Джареде, чем застала меня врасплох.

Я дрожу, кутаясь в куртку, и ловлю последние гаснущие лучи закатного солнца, которые пробиваются в гущу колючих зарослей. Я говорю себе, что на самом деле не так холодно. Просто мое тело еще не привыкло.

Руки, что внезапно ложатся мне на плечи, не пугают меня, несмотря на весь мой страх перед незнакомым местом и бесшумность приближения. Мне слишком хорошо знакома их приятная тяжесть.

— К тебе легко подкрасться. Даже сейчас в его голосе улыбка.

— Ты и шага не успел сделать, как я тебя заметила, — отвечаю я, не оборачиваясь. — У меня глаза на затылке.

Теплые пальцы гладят мне лицо — от виска до подбородка. По коже разливается огонь.

— Ты похожа на прячущуюся в зарослях дриаду, — шепчет он мне на ухо. — Ты прекрасна, как в сказке.

— Надо будет посадить побольше кустов вокруг хижины.

Он фыркает, и мои глаза закрываются, а губы складываются в улыбку.

— Нет нужды, — говорит он. — Ты всегда так выглядишь.

— Сказал последний мужчина на Земле последней женщине накануне расставания, — говорю я, и улыбка тает. Сегодня неподходящий день для улыбок.

Он вздыхает. Его дыхание согревает мою замерзшую на лесном холоде щеку.

— А вот об этом Джейми с тобой еще поспорит.

— Джейми — ребенок. Ты за него отвечаешь.

— Хорошо, согласен. Только при одном условии, — объявляет Джаред. — Ты возвращаешься целая и невредимая, а я выполняю свою часть сделки. Иначе — не пойдет. — Всего лишь шутка, но я принимаю ее близко к сердцу. Кто знает, что может случиться, когда мы расстанемся?

— Что бы ни случилось.

— Ничего не случится. Не волнуйся. — Слова, которые почти не имеют смысла. Пустое сотрясение воздуха. Но значение и не важно, главное — я слышу его голос.

— Ладно.

Он прижимает меня к себе, и я кладу голову ему на грудь. Не знаю, с чем сравнить его запах. Он ни на что не похож, как запах можжевельника или дождя в пустыне.

— Мы с тобой не потеряем друг друга, — обещает он. — Я всегда тебя найду. — Он же Джаред, он не может оставаться серьезным дольше двух секунд. — Где бы ты ни пряталась. В прятки тебе со мной не тягаться, в этом деле я спец.

— До десяти хоть досчитаешь?

— Даже подглядывать не буду.

— Тебе водить, — бормочу я, а к глазам подкатывают слезы.

— Не бойся. Ты справишься. Ты сильная, ты ловкая, ты умная. — Он убеждает себя, не меня.

Почему я его покидаю? Мало шансов, что Шэрон еще человек. Впрочем, едва я увидела ее лицо в новостях, у меня не мелькнуло и тени сомнения.

Это был обычный набег за продуктами, один из тысячи. Обчищая холодильник и кладовку, мы включили телевизор — как обычно, когда чувствовали, что нас никто не потревожит. Хотели узнать прогноз погоды; не смотреть же скучнейшие сводки в духе «как прекрасно нам живется», которые паразиты называют новостями! Сперва я заметила волосы — огненно-рыжая вспышка, уникальный цвет.

Перед глазами до сих пор стоит выражение ее лица: взгляд искоса, на

камеру. Взгляд, говорящий: «Я невидимка. Вы меня не видите». Она шла слишком медленно, слишком сильно старалась не выделяться из толпы, затеряться.

Похитители тел так не ходят.

Что Шэрон делает посреди огромного города Чикаго?

Есть ли там другие? Без вариантов, нужно отправляться на поиски. Если где-то есть другие люди, мы должны их найти.

Мне придется идти одной. Шэрон никого к себе не подпустит, кроме меня — ну, меня она тоже не подпустит, но, может быть, хотя бы выслушает. Я точно знаю, где она прячется.

— А ты? — хриплым голосом спрашиваю я. Я не уверена, что физически вынесу томительное расставание. — Ты справишься?

— Нас никому не разлучить, Мелани — ни Богу, ни черту.

Не давая мне передохнуть или хотя бы утереть выступившие слезы, Мелани швыряет в меня еще одно воспоминание.

Джейми свернулся клубочком у меня под рукой — он больше не помещается. Ему приходится все время подбирать неуклюжие, угловатые, все время мешающие руки и ноги. Руки Джейми постепенно наливаются силой и мускулами, но пока он еще ребенок — дрожит, весь сжался. Джаред загружает машину. Если бы Джаред был с нами, Джейми не показал бы, что боится. Джейми старается быть храбрецом, как Джаред.

— Я боюсь, — шепчет он.

Я целую его волосы, темные-темные. Даже здесь, в зарослях смолистых колючек, они пахнут песком и солнцем. Кажется, что он часть меня: разделить нас — все равно что содрать соединяющую нас кожу.

— Джаред о тебе позаботится. — Я должна казаться храброй, во что бы то ни стало должна.

— Я знаю. Я за тебя боюсь. Боюсь, что ты не вернешься. Как папа.

Я вздрагиваю, вспоминая ужас, боль и страх того дня, когда сгинул отец. Впрочем, тело его в один прекрасный день вернулось, пытаюсь навести на нас Ищеек. Никогда не заставлю Джейми еще раз пережить подобное!

— Я вернусь. Я всегда возвращаюсь.

— Мне страшно, — твердит он. Надо быть храброй.

— Все будет хорошо, — обещаю я. — Я вернусь, вот увидишь. Ты же знаешь, я не обману. Только не тебя, Джейми.

Его дрожь стихает. Он в меня верит. Он мне доверяет. И еще одно воспоминание.

Я слышу их этажом ниже. Еще несколько минут, а то и секунд, — и

меня найдут. Я корябаю слова на грязном клочке газеты. Почти неразборчиво, но если Джаред обнаружит записку, он все поймет.

«Не успела. Люблю тебя, люблю Джейми. Не возвращайтесь домой».

Я не только разбила им сердце, я лишила их укрытия. Я представляю наше маленькое жилище в каньоне, заброшенное навсегда. А если не заброшенное, то ставшее могилой. Вижу, как мое тело ведет туда Ищеек. Улыбку на моем лице, когда там застанут...

— Хватит, — громко обрываю я, содрогнувшись от резкой боли. — Хватит! Я тебя поняла. Я тоже не могу без них жить. Довольна? Рада, что не оставила мне выбора? Выход один — избавиться от тебя. Соскучилась по Ищейке? Тьфу, по Искательнице? Б-р-р! — Меня передергивает, как будто Искательница собралась вселиться в меня.

«Есть другой выход», — мягко нашептывает Мелани.

— Правда? — саркастически отзываюсь я. — Может, покажешь, какой?

«Посмотри и поймешь».

Гора впереди выделялась над окружающим пейзажем: одинокая скала посреди равнины. Мелани направила мой взгляд по контуру, пройдясь по неровному, двузубчатому гребню: тягучая, неровная кривая, потом — резкий поворот на север, еще один поворот в обратную сторону — и снова на север, на этот раз дольше, а затем внезапный спуск южнее, постепенно опять переходящий в пологую кривую.

Не на север и на юг, как мне всегда представлялось в ее отрывочных воспоминаниях, а вверх и вниз.

Очертания горного пика. Линии, которые вели к Джареду и Джейми. Первая линия, первый ориентир.

Я найду их.

«Мы найдем их, — поправила меня Мелани. — Ты не знаешь всех направлений. Это как с хижинкой, я никогда не говорю тебе всего».

— Не понимаю. Куда она ведет? Куда может привести гора? — Едва я представила, что Джаред рядом, что я могу увидеться с Джейми, сердце забилось быстрее.

Она показала мне ответ.

— Это всего лишь линии. А дядя Джеб просто старый чудак. Полный чудик, как и все родственники по отцовской линии. — Я пытаюсь вырвать альбом из рук Джареда, а он даже не замечает моих усилий.

— Полный чудик, как мама Шэрон? — парирует он, все еще изучая темные карандашные отметки, портящие обложку старого фотоальбома. Единственная вещь, уцелевшая за годы наших скитаний. Даже записи,

оставленные моим выжившим из ума дядей Джебом во время его последнего визита к нам, навевают ностальгию.

— Один — ноль в твою пользу.

Если Шэрон еще жива, то только потому, что ее мать, полоумная тетушка Мэгги, на пару с дядей Джебом претендовала на звание самого безумного члена сумасшедшей семейки Страйдер. Отца эта семейная черта, можно сказать, обошла стороной — по крайней мере, у нас не было секретного бункера на заднем дворе, — остальные же его братья и сестра, тетя Мэгги, дядя Джеб и дядя Гай ревностно верили в любые теории заговора. Дядя Гай умер еще до того, как остальных смело вторжение — в дорожной аварии, такой обыкновенной, что ни Мэгги, ни Джеб не смогли ни к чему придраться.

Отец любовно прозвал их «Чокнутые». «Думаю, пора навестить Чокнутых», — заявлял он, и мама стонала. В результате подобные заявления звучали отнюдь не часто.

В один из таких редких визитов в Чикаго Шэрон отвела меня в потайное убежище матери. Мы, конечно же, попались — у тетушки Мэгги повсюду стояли ловушки. Шэрон устроили выволочку, и хотя я поклялась, что никому не скажу, у меня было чувство, что тетушка Мэгги не успокоится, пока не построит новый тайник.

Но я помню, где находился первый. Я представляю себе Шэрон, живущую, как Анна Франк, в самом центре оккупированного города, среди врагов. Мы должны ее найти и взять к себе.

Джаред прерывает мои размышления.

— Именно чудики и должны были выжить. Люди, предсказавшие приход Большого Брата. Люди, которые заподозрили всех вокруг еще до того, как все вокруг сделались опасными. Люди, заранее подготовившие укрытия. — Джаред улыбается, не выпуская из рук альбом. А затем его голос мрачнеет. — Люди вроде моего отца. Если бы он и мои братья не схватились за оружие... Спрятались бы с нами, и все.

Я слышу боль в его голосе и говорю чуть мягче.

— Ладно. Тут ты прав, согласна. Только вот эти линии ничего не значат.

— Скажи мне еще раз, что он сказал, когда нарисовал их.

Я вздыхаю. Дядя Джеб спорил с папой. Дядя Джеб пытался убедить папу, что никому нельзя доверять. Папа отшучивался. Дядя Джеб схватил со стола фотоальбом и... нацарапал на обложке какие-то линии. Папа рассердился, сказал, что мама будет ругаться. Джеб ответил: «Мать Линды просила вас всех ее навестить, ведь так? Вот так, ни с того ни с сего?»

Расстроилась, что приедет только Линда? Я тебе вот что скажу, Тревор: Линда вернется на удивление покладистой. О, конечно, она может притвориться, что сердится, но разницу ты заметишь». Тогда это казалось полной бессмыслицей, но папу слова Джеба сильно расстроили. Он велел дяде убираться, тот уперся, стал предупреждать, просил опомниться, пока не поздно, схватил меня и прошептал: «Не давайся им, девочка. Иди с самого начала, по линиям. Дядя Джеб приготовил безопасное место». После этого отец и вышвырнул его за дверь.

Джаред рассеянно кивает, все еще изучая линии.

— С начала... по линиям... Наверняка они что-то значат.

— Значат? Эти каракули? И на карту-то не похоже: даже не соединяются между собой.

— Взгляни, в первой точно что-то есть. Что-то знакомое. Я где-то уже такое видел!

Я вздыхаю.

— Может, он сказал тете Мэгги, и у нее есть карта получше.

— Может, — соглашается Джаред, не отрывая взгляд от каракулей дяди Джеба.

Мелани тащит меня в прошлое, к какому-то давнему воспоминанию — воспоминанию, которое долго от нее ускользало. Я с удивлением понимаю, что она соединила эти два кусочка, старый и свежий, совсем недавно. Когда я уже была здесь. Поэтому-то линии, самый-самый заветный ее секрет, все-таки просочились через прочные заслоны, — слишком внезапно она наткнулась на разгадку.

В этом расплывчатом детском воспоминании Мелани сидит на коленях отца и держит в младенческих ручках с пухлыми пальчиками все тот же альбом — правда, пока не такой потрепанный. Странное ощущение — видеть свое тело в детстве.

Открыта первая страница.

— Помнишь, где это? — спрашивает папа, показывая на старую пожелтевшую фотографию наверху страницы. За долгие годы бумага совсем истончилась — снимок сделан каким-нибудь прапрапрадедушкой.

— Отсюда пошли все Страйдеры, — отвечаю я, повторяя урок.

— Верно. Это старое ранчо Страйдеров. Тебя однажды туда возили, года полтора тебе было, не помнишь, наверное. — Папа смеется. — Эта земля принадлежала Страйдерам с самого начала...

Фотография всплывает в памяти: фотография, на которую она смотрела тысячу раз, но не видела. Черно-белый, выцветший снимок.

Бревенчатый дом посреди пустыни; на переднем фоне — невысокая ограда из поперечных досок; между оградой и домом — размытые силуэты лошадей. А дальше, за всем этим, знакомый резкий профиль...

По верхнему краю, на желтоватом фоне карандашом нацарапаны слова: «Ранчо Страйдеров, 1904, утром в тени...»

— В тени Пикачо Пика, — тихо произношу я.

«Он тоже догадался бы, даже если они так и не нашли Шэрон. Я знаю, Джаред понял бы. Он умнее меня, и у него есть фотография — наверное, он раскрыл секрет даже раньше меня... Может быть, он совсем рядом».

При этой мысли Мелани охватило такое возбуждение, что глухая стена в моей голове растворилась.

Теперь я видела все их путешествие, видела, как они с Джаредом и Джейми пробираются окольными тропами, всегда ночью, в неприметной краденой машине. Неделями. Видела, как они расстались в лесопарке неподалеку от города, так непохожем на привычную пустыню. Холодный лес, где ждали Джаред и Джейми, в некотором роде был безопаснее скудной пустынной растительности — за толстыми ветвями деревьев хотя бы можно было укрыться. Впрочем, незнакомые звуки и запахи казались куда опаснее.

Затем разлука, воспоминание, болезненное до дрожи, которое мы дружно поспешили проскочить. Дальше — заброшенное здание, где пряталась Мелани, высматривая в окна соседний дом. Там, между стен или в потайном подвале, она надеялась встретить Шэрон.

«Зря я тебе показала, — устало подумала Мелани. Ее утомил наплыв воспоминаний, попытки убедить и сдержать меня. — Ты скажешь им, где ее искать. Ее ты тоже убьешь».

— Да, — вслух проговорила я. — Я выполню свой долг.

«Почему? — прошептала она сонно. — Разве это сделает тебя счастливой?»

Я не хотела с ней спорить и поэтому промолчала.

Гора надвигалась. Еще немного — и мы окажемся под ней. Показалась небольшая автозаправка с магазинчиком и закусочной, а рядом — заасфальтированная площадка, место для домов на колесах. Сейчас, в разгар летней жары, она почти пустовала.

Что теперь? Остановиться пообедать — или, скорее, поужинать?

Заправиться и ехать дальше в Тусон, чтобы поделиться недавними открытиями с Искательницей?

Эта мысль внушала такое отвращение, что пустой желудок запротестовал. Я непроизвольно сжала челюсти, ударила по тормозам, и

машина с визгом встала посреди дороги. Мне повезло, что сзади никто не ехал. Никто не остановился, не стал предлагать помощь и проявлять заботу. Шоссе пустовало. Солнце пекло, и асфальт местами почти таял в облаке густого марева.

Почему же я чувствовала себя предательницей, собираясь поступить, как велел долг? В моем первом языке, истинном языке Души, на котором говорили только на планете Истоке, не было слова «предательство» или «предатель». И даже слова «верность» — потому что без противоположного понятия оно тоже теряет смысл.

И все же, едва подумав об Искательнице, я испытала глубокое чувство вины. Нельзя говорить ей о том, что я узнала. Нельзя? Почему? Я торопливо отвергла подобные рассуждения. Стоять здесь, ждать и слушать уговоры носителя — вот настоящее предательство. Немыслимое для Души.

И все-таки я знала, чего хочу, — так страстно и жадно я не хотела ничего за все мои восемь жизней. Стоило зажмуриться на солнце, под веками плясал образ Джареда — не воспоминание Мелани, а мое воспоминание о ее воспоминании. Она ничего мне не внушала. Она лишь ждала, почти неощутимая в моей голове, — я представила, как она, словно бы затаив дыхание, покорно ждала моего решения.

Я не могла отделить себя от желаний этого тела. Я проникла в него глубже, чем предполагала. Я хотела, или хотело оно? Разве была хоть какая-то разница?

В зеркале заднего вида блеснул на солнце бампер — вдалеке показалась машина.

Я нажала на педаль газа и медленно вырулила к придорожному магазинчику. Выбора не оставалось.

Глава 10

Поворот

Прозвенел колокольчик: в магазинчик зашел еще один посетитель. Я подскочила с виноватым видом и нырнула за полку с товарами, которые мы рассматривали.

«Ты ведешь себя как преступница», — упрекнула Мелани.

«Вовсе нет», — отрезала я.

Ладони покрылись холодным потом, несмотря на жару в тесном магазинчике. Широкое окно пропускало слишком много солнца, так что работающий на всю мощь гудящий кондиционер едва справлялся.

«Какой брат?» — спросила я.

«Тот, что побольше».

Я ухватила огромный брезентовый рюкзак, с виду способный вместить гораздо больше, чем я могла унести, и повернула за угол, к бутилированной воде с другой стороны полки.

«Мы возьмем три галлона, — решила она. — Так у нас будет три дня на поиски».

Я глубоко вздохнула, убеждая себя, что дальше определенной черты не зайду: я всего лишь пыталась выудить у нее больше координат, вот и все. Как только передо мной предстанет ясная картина, я найду кого-нибудь — возможно, Искателя, не такого мерзкого, как приставленная ко мне, — и передам информацию. Просто я ответственно подхожу к делу, уверяла я себя.

Мой неумелый самообман выглядел так жалко, что Мелани не обращала на него ни малейшего внимания. Наверное, и впрямь было слишком поздно, не зря Искательница меня предупреждала. Напрасно я не полетела с ней в Аризону.

«Слишком поздно? Если бы! — проворчала Мелани. — Я не могу тебя принудить. Я даже руку сама не могу поднять». — В ее мысли слышался стон разочарования.

Я посмотрела на свою руку, которая покоилась на бедре вместо того, чтобы тянуться за водой, вопреки воле Мелани. Я ощущала ее нетерпение, отчаянное желание поскорее отправиться в путь, снова податься в бега, словно мое вмешательство было лишь случайным недоразумением, о котором пора благополучно забыть.

Она наградила меня мысленным эквивалентом усмешки и тут же засуетилась. «Давай, — торопила она. — Поехали! Скоро стемнеет».

Вздохнув, я взялась за самую большую упаковку бутылок с водой, потянула... и с трудом перехватила ее у нижней полки. Руки едва не выскочили из суставов.

— Издеваешься? — вырвалось у меня. «Заткнись!»

— Что-то случилось? — С другого конца прохода меня окликнул покупатель — невысокий, сутуловатый мужчина.

— М-м, ничего страшного, — пробормотала я, пряча глаза. — Просто с весом не рассчитала.

— Вам помочь?

— Нет, нет, — поспешно отказалась я. — Я возьму другую, поменьше.

Он вернулся к выбору картофельных чипсов.

«Нет, не возмешь, — возразила Мелани. — Я и не такие тяжести носила. Ты совсем нас запустила, Странница», — раздраженно добавила она.

«Прости», — рассеянно ответила я. Мелани впервые назвала меня по имени!

«Ногами упирайся!»

Я боролась с упаковкой, прикидывая, как далеко смогу ее унести. По крайней мере, до кассы доволокла. С огромным облегчением я взвалила эту тяжесть на край стойки, сверху положила рюкзак и добавила коробку батончиков мюсли, пакет донатсов и чипсы с прилавка у кассы.

«В пустыне нам понадобится вода, а не еда... Мы все не унесем».

«Я есть хочу, — оборвала я Мелани. — Тут все легкое».

«Все равно тебе нести, — нехотя уступает она, и тут же велит: — Возьми карту».

Я нашла то, что ей было нужно — топографическую карту округа, — на кассе, среди прочих товаров. Очередной реквизит для ее шарады.

Кассир, седой мужчина с дежурной улыбкой, отсканировал штрих-код с батончиков.

— Путешествуете? — приветливо поинтересовался он.

— Гора здесь красивая.

— Тропа на вершину начинается вон там. — Кассир взмахнул рукой, показывая направление.

— Найду, — торопливо пробормотала я, отволакивая со стойки тяжелый, норовящий выскользнуть из рук груз.

— Только не засиживайтесь наверху до темноты, а то заблудитесь.

— Хорошо, спасибо.

Мелани мысленно испепелила услужливого старика.

«Он просто пытался помочь. Он и вправду обо мне беспокоится», — напомнила я.

«У меня от вашего брата мурашки по коже, — съязвила она. — С чужими не заговаривают, или тебя не учили?»

«Среди нас чужаков нет», — виновато ответила я.

«Никак не могу привыкнуть, что не нужно платить, — сказала она, меняя тему. — Зачем тогда штрих-коды?»

«Для учета товара, для чего же еще. А ты думала, он будет в голове держать, кто что берет? И потом, какой смысл в деньгах, если никто никого не обманывает? — Я прикусила язык, чувство вины обожгло почти до боли. — Кроме меня, разумеется».

Мелани смутилась и затихла, испугавшись глубины моих переживаний, волнуясь, что я передумаю, и сосредоточилась на силе своего желания поскорей уехать отсюда, двигаться к цели. Ее тревога просочилась и в меня, я невольно прибавила шаг.

Я дотащила покупки до машины и поставила на землю у пассажирской двери.

— Позвольте вам помочь.

Я вздрогнула и обернулась: ко мне подошел тот, другой, покупатель, мужчина с пластиковым пакетом в руках.

— Э-э, спасибо, — только выдавила я. Сердце бешено колотилось.

Мы замерли. Мелани напряглась, словно готовясь убежать, а он неторопливо загрузил наши покупки в машину. «Не бойся. Он всего лишь предложил помощь». Она продолжала смотреть на него с недоверием.

— Спасибо, — повторила я.

— Рад был помочь. — Он захлопнул дверцу и, не оборачиваясь, пошел к своей машине.

Я залезла на водительское сиденье и взяла пакет с чипсами.

«Открой карту, — велела она. — Подожди, пусть он уедет».

«Никто за нами не следит». — Я со вздохом развернула карту одной рукой — в другой был пакет чипсов. Неплохо было бы выяснить поточнее, куда мы направляемся.

«Куда теперь? — спросила я. — Где начинать, мы знаем, а дальше-то что?»

«Посмотри вокруг, — приказала она. — Если отсюда не видно, попробуем с южного склона».

«Что не видно?»

Она вызывает в памяти знакомую картину: изломанный зигзаг, четыре

резких угла, пятая линия обрывается — будто срезали... Теперь и я вижу — четыре зубчатые горные вершины и словно обрывающаяся пятая...

Я вгляделась в линию горизонта, с востока на запад. В очертаниях горы на севере ясно вырисовывался знакомый образ.

«Вот она! — Голос Мелани звенел от возбуждения. — Вперед!»

Она хотела, чтобы я вышла из машины и шла на своих двоих.

Я покачала головой и снова уткнулась в карту. Гребень горы находился за много миль от нас. К чему пешком идти от автостоянки через всю пустыню, если существовал другой выход.

«Давай мыслить разумно», — предложила я, водя пальцем по тонкой черте на карте, — в нескольких милях на восток отсюда к горе вела безымянная дорога.

«Вот именно, — ехидно согласилась Мелани. — Давно пора».

Мы легко отыскали грунтовую дорогу: бледный шрам утоптанной пыли на поросшей редким кустарником земле, на котором едва умещалась одна машина. В другом месте растения давно бы уже взяли свое, в пустыне же у них уйдет много лет, чтобы оправиться. Въезд преграждала ржавая цепь, которая свободно болталась между двумя деревянными столбиками. Я вышла, торопливо сняла цепь со столба, уложила ее рядом с другим и вернулась к заведенной машине, молясь, чтобы никто не остановился и не предложил помощь. Все чисто, на шоссе никого не было. Я въехала на тропинку и быстро вернула цепь на место.

Наконец асфальт остался позади и мы обе вздохнули с облегчением. Я расслабилась: больше не нужно было лгать — ни словом, ни молчанием. Наедине с собой я почти не ощущала своей измены.

В пустыне Мелани чувствовала себя как дома. Она знала названия всех местных колючек и мурлыкала их имена, словно приветствуя старых друзей: «Креозотовый куст, фукьерия, чолья, опунция, месkitовое дерево...»

Чем дальше мы отъезжали от шоссе, от ловушек цивилизации, тем сильнее оживала Мелани. Наш автомобиль не годился для поездок по бездорожью, и об этом напоминала каждая ямка и выбоина, но на машине, пусть даже трясущейся, мы доберемся быстрее. Мелани порывалась вылезти и бежать во всю прыть, под защиту пекущего зноя пустыни.

Вероятно, все-таки придется идти пешком — на мой взгляд, слишком рано, на ее взгляд — слишком поздно. Я чувствовала бурлящее в ней желание. Свобода. Вернуть телу знакомый ритм пружинящей походки, снова вырваться на волю. На мгновение я представила себе, как это страшно — томиться в тюрьме собственного тела, не в силах ни на что

влиять. В ловушке. В безысходности.

Я вздрогнула и снова сосредоточилась на дороге, стараясь избавиться от смешанного чувства жалости и стыда. Ни один носитель не заставлял меня так стыдиться моей сущности. Правда, они не торчали и не ныли в моей голове...

Солнце уже приближалось к вершинам холмов на западе, длинные тени ложились на дорогу, мешая объезжать камни и выбоины. Тут-то и случилась наша первая размолвка.

«Вот оно!» — возликовала Мелани, как только на востоке показалась гладкая стена скалы, от которой отходил длинный тонкий палец, устремившийся в небо.

Она хотела немедленно свернуть — что будет с машиной, ее не заботило.

«Может, сначала доедем до первой отметки?» — предложила я. Едва заметная грунтовая дорога вилась в более менее правильном направлении, и я боялась с нее съезжать. Если съеду, то как потом вернусь? Я же собиралась вернуться...

Солнце коснулось темной, зубчатой линии горизонта на западе, и я представила себе Искательницу. Интересно, что она подумает, когда поймет, что я не доехала до Тусона? Я расхохоталась. Мелани тоже понравилась эта картина: Искательница рвет и мечет. Ищейка... Как быстро она вернется в Сан-Диего после того, как сообразит, что от нее отделились? И как она поступит, обнаружив, что меня там нет? Что меня нигде нет?

Я не слишком хорошо представляла, где я в это время буду находиться.

«Смотри, вымоина. Широкая, машина проедет — давай туда», — настаивала Мелани.

«Пожалуй, не стоит».

«Скоро стемнеет, все равно придется остановиться. Только время зря терять!» — Немой вопль разочарования.

«Или выиграть. Время-то мое, или ты забыла?»

Вместо слов Мелани мысленно потянулась к вымоине неподалеку.

«Зато я лучше знаю, что делать», — безмолвно бесилась она.

«Может, покажешь мне остальные линии? — предложила я. — Пока не стемнело».

«Нет уж, — рывкнула она. — Без тебя разберусь». «Не глупи».

И снова она отказалась отвечать: надулась, потому что я поехала дальше, к четырем зубчатым вершинам.

Едва солнце скрылось за холмами, ночь слизнула краски дня; на

мгновение пустыня окрасилась в оранжевый, а затем почернела. Я притормозила, ощупала рукой приборную доску в поисках переключателя фар.

«Спятила? — прошипела Мелани. — Нас же заметят».

«Ну и что делать?»

«Надеюсь, сиденье раскладывается».

Оставив двигатель включенным, я прикинула, какие есть варианты кроме ночевки в автомобиле посреди чернильной безлюдной пустыни. Мелани спокойно ждала, зная, что я ничего не придумаю.

«Это безумие! — Я заглушила мотор и вытащила ключи. — Полнейшее. Тут никого нет. Мы заблудимся и ничего не найдем». — Я смутно представила себе всю опасность нашей безумной авантюры: поход наобум в раскаленную пустыню, никаких шансов на возвращение. Мелани куда яснее понимала, что нам грозит, но предпочла не делиться со мной подробностями.

Мои обвинения остались без ответа. Мелани такие мелочи не волновали. Она готова была до конца своих дней бродить по пустыне, только бы не возвращаться к моей прежней жизни. Даже если не будет Искательницы... Ищейки...

Я до отказа откинула спинку кресла: все равно неудобно. Заснуть, пожалуй, не удастся. Голова вдруг стала какой-то пустой, мысли не шли: слишком много было такого, о чем я запрещала себе думать. Мелани тоже молчала.

Между крошечным мраком безлунной ночи и прикрытыми веками большой разницы не было. Я закрыла глаза — и на удивление легко погрузилась в сон.

Глава 11

Жажда

— Ладно! Ты была права, признаю! — сказала я вслух. Все равно рядом не было ни души.

Мелани обошлась без «громких» упреков, но ее укоризненное молчание говорило само за себя.

Я никак не хотела выходить из ставшей бесполезной машины. Бензин кончился, машина по инерции прокатилась чуть дальше и застряла в неглубокой вымоине, оставленной последним серьезным дождем. За лобовым стеклом раскинулась бескрайняя пустыня — вид, от которого внутри все сжималось.

«Нужно двигаться дальше, Страница. Скоро станет совсем жарко».

Мы бы продвинулись намного дальше, намного ближе к цели, но я израсходовала четверть бака на упрямые попытки подъехать вплотную ко второму ориентиру, где обнаружилось, что третий камень с той точки не виден. Оставшееся горючее ушло на обратный путь, так что дальше придется тащиться пешком. Впрочем, сама виновата.

Я неторопливо погрузила бутылки в рюкзак и нарочито медленно собрала оставшиеся овсяные батончики. Мелани сгорала от желания отправиться в путь. Ее нетерпение не давало сосредоточиться, мешало думать... о том, например, что нас ждет впереди.

«Ну же, ну же, ну же», — подгоняла она, пока я, одеревеневшая, неловко выбиралась из машины. Я выпрямилась, и позвоночник отозвался болью — из-за ночи, проведенной в скрюченном положении, а не из-за тяжести рюкзака, который оказался не таким уж и тяжелым, едва привыкли плечи.

«Спрячь машину», — велела Мелани, сопроводив приказ картинкой: я обламываю ветки колючего кустарника и обкладываю ими серебристый кузов.

«Зачем?»

Она подивилась моей недогадливости. «Чтобы нас не нашли».

«А если я хочу, чтобы меня нашли? Что нас ждет в этом пекле? Как попасть домой?»

«Домой? — переспросила она, подкинув мне парочку безрадостных картинок: пустая квартира в Сан-Диего, мерзкая ухмылочка Искательницы,

точка на карте, обозначенная Тусон и... кусочек красного каньона — короткая, случайно проскользнувшая счастливая вспышка. — А где он, твой дом?»

Пропустив совет мимо ушей, я повернулась спиной к машине. Я и так слишком далеко зашла и не собиралась отрезать все пути к отступлению. Машина поможет меня найти. Тот, кто меня спасет, услышит простое объяснение: я заблудилась. Потерялась... сбилась с пути... сошла с ума.

Я направились вдоль вымоины, тело быстро перестроилось на размашистый шаг. Не так я ходила по тротуарам в университет и обратно домой — совсем не так. Ноги непривычно легко несли меня вперед по растрескавшейся земле.

«А если бы все сложилось иначе? — спрашивала я себя, углубляясь все дальше в пустыню. — Что, если бы Целитель остался в Чикаго? Что, если бы я поехала другой дорогой?»

И лишь странное щемящее чувство — чувство, что Джаред и Джейми, возможно, совсем рядом, где-то в этом пустынном месте, — не позволяло отказаться от бессмысленного плана.

«Точно не знаю, — призналась Мелани. — Наверное, я бы попыталась, если бы рядом не было других Душ. Я и сейчас-то боюсь. Вдруг они оба погибнут из-за тебя?»

Мы с ней содрогнулись от одной только мысли.

«Но сейчас, когда мы так близко... я должна была попробовать. Прощу тебя... — Голос ее стал просящим, умоляющим, сама кротость. — Пожалуйста, не выдавай их. Пожалуйста».

«Я и сама... Вряд ли причиню им вред. Я скорее...»

Что? Умрешь сама? Умрешь, но не сдашь беглецов Искателям?

Я снова содрогнулась, и это ее успокоило. Ее успокоило, а меня напугало до смерти.

Промоина вела дальше на север. Мелани предложила свернуть напрямую к третьей отметке, каменному выступу, словно перст устремленному в ясное небо на востоке.

Я цеплялась за эту промоину, как прежде за машину. По ней можно было вернуться на дорогу, и дальше, по дороге — к шоссе. Долгие мили пути, несколько дней, не меньше, а свернув... свернув, я официально обрезала пути назад.

«Нужно надеяться, Странница. Мы найдем дядю Джеба, или он найдет нас».

«Если он еще жив, — добавила я и со вздохом выбралась из промоины, направившись дальше в унылую пустыню, до самого горизонта

заросшую кустарником. — Не понимаю, что значит надеяться. Для меня надежда — пустой звук».

«Тогда просто поверь».

«Кому? Тебе?»

Я рассмеялась, и раскаленный воздух обжег горло. Она быстро сменила тему.

«Подумай, может быть, уже вечером мы их увидим».

Мы обе страстно этого желали; два лица — мужчины и ребенка, всплыли в памяти... в ее и моей одновременно. Я ускорила шаг, не уверенная, что ноги слушаются именно меня.

Солнце пекло нещадно. Волосы на голове намokли от пота, футболка прилипла к телу. Пополудни задул обжигающий ветер, и песок полетел мне в лицо. Сухой воздух всосал пот, залепил пыльной коркой волосы, и парусом — пропитанным солью парусом — надул футболку. Я шла и шла вперед...

Мелани считала, что я пью слишком часто, ругала меня из-за каждого глотка, грозила, что на завтра не хватит. Но я и так во многом ей уступила, а потому сделала вид, что не слышу. Я пила, когда хотелось пить, а пить хотелось почти ежеминутно.

Ноги сами шли вперед, словно по заданной кем-то программе. Песок ритмично поскрипывал, создавая музыкальный фон, приглушенный и однообразный.

Смотреть было не на что: кругом однообразные спутанные пучки ломкого кустарника. Убаюканная унылостью пейзажа, я следила лишь за контуром гор на фоне бледного выцветшего неба, сверяла очертания каждые несколько шагов, пока не поняла, что смогу нарисовать их с завязанными глазами.

Картинка словно застыла. То и дело я вскидывала голову в поисках четвертого ориентира: большого округлого уступа, выщербленного с одного края. Мелани показала его мне лишь сегодня утром. Я надеялась, это последний указатель, потому что наши силы были на исходе. Однако Мелани явно что-то скрывала... казалось, нашему путешествию не будет конца.

Батончики я сгрызла еще днем — даже не заметила, как исчез последний.

Вслед за закатом стремительно опустилась ночь, и Мелани стала присматривать место для ночлега.

«Вот, — заявила она. — Только давай ляжем подальше от чольи. Ночью будешь ворочаться».

Я в ужасе уставилась на ворсистый кактус, покрытый пухом белесых колючек.

«Провести ночь на голой земле? Прямо здесь?»

«Есть другие предложения? — Она почувствовала панику в моем голосе и смягчилась, словно из милосердия. — Слушай, тут лучше, чем в машине. По крайней мере, можно вытянуться. И жара: местной живности будет не до тебя...»

— Живности? — вслух возмутилась я. — Живности? В голове замелькали неприятные обрывки ее воспоминаний: отталкивающего вида насекомые, клубки змей...

«Не волнуйся! — Мелани заметила, что я вся напряглась и шарю взглядом по песку, готовясь в случае чего дать стрекача, и попыталась меня успокоить. — Никого не трогай, и никто не тронет тебя. И потом, ты для них слишком крупная добыча».

В памяти промелькнула новая картинка: средних размеров животное, питающееся падалью, — койот.

— Красота... — Я опустила на корточки и поежилась: темнота таила опасность. — Быть съеденной дикими псами. Кто мог подумать, что все закончится так грустно... Как банально... Погибнуть в пасти грызодера с планеты Туманов и то лучше. По крайней мере, не так обидно.

Мелани хмыкнула, и я представила, как она закатывает глаза.

«Ой, как маленькая. Никто тебя тут не съест. Ложись давай, завтра будет еще тяжелее».

— Спасибо, утешила, — буркнула я... Ну вот, уже командует. Как там, в людской поговорке: «Протяни палец, руку по локоть откусит»?... На споры сил не осталось: веки слипались, щека коснулась жесткой каменистой почвы, и я тут же провалилась в сон.

Не успела я глаз сомкнуть, как наступил рассвет... С самого утра припекало слепящее яркое солнце. Я проснулась, стряхнула налипший песок и мелкие камушки и обнаружила, что едва могу поднять правую руку — отлежала. Разогнав мурашки в онемевшей руке, я полезла в рюкзак за водой.

Мелани была против... но кто ее слушал?... Я принялась разгребать бутылки в поисках вчерашней, початой накануне: пустая, полная, пустая, пустая... и вот тут до меня дошло.

Со смутной тревогой я пересчитала заново. Дважды пересчитала. Пустых было на две больше... Больше половины...

«Говорила же, пить надо реже».

Вместо ответа я закинула рюкзак за спину, не сделав ни глотка. Во рту

было горько и сухо, словно песка насыпали, — ужасно. Стараясь не водить шершавым, как наждачная бумага, языком по зубам, не замечая скрипящий на зубах песок, я пошла дальше.

Солнце пекло все нещаднее. С едкой желчью во рту я еще худо бедно смирилась, но не замечать жалобы желудка оказалось куда сложнее. Внутренности скручивало, живот будто приплясывал, выпрашивая несуществующую еду. К вечеру голод стал невыносимым.

«Ерунда, — криво усмехнулась Мелани, — бывало и хуже».

«Тебе-то? Кто б сомневался», — съязвила я. Мне было не до воспоминаний о ее небывалой выносливости.

Я в очередной раз машинально вскинула голову и окинула мутным взглядом горизонт. Из-за северной гряды невысоких скал вдруг выскочил утес, похожий на большую луковицу с едва заметным сколотым зубчиком. Хорошие новости пришли вовремя; еще немного, и я бы совсем пала духом. Теперь ноги сами несли меня на север.

«Думаю, дошли, — решила Мелани, которая ликовала не меньше меня. — Ищем следующий ориентир».

Сперва на восток. На север, на запад, и снова на север.

Вот он, маршрут.

Воодушевленная находкой, я позабыла про усталость и прибавила шагу. Мелани подгоняла: подбадривала, стоило мне сбросить темп, нашептывала о Джареде и Джейми, стоило мне заскучать. Я все шла и шла и, хотя в горле жутко жгло и першило, без одобрения Мелани не делала ни глотка.

Я с удивлением отметила, что начинаю собой гордиться. И будто бы в награду, рядом зазмеилась тропинка, ведущая на север — как раз в нужном направлении.

Мелани, однако же, заупрямилась.

«Тут что-то не так», — заладила она.

Светло-желтая лента утрамбованного песка едва различимо вилась среди кустов. Полустертые следы от колес — наметки двойной колеи, ставшие одной тропой.

«Нам все равно по пути. — Я шагала по центру дороги. — Все лучше, чем ломиться через колючки».

Мелани промолчала, но я заразилась ее тревогой и теперь не просто искала следующий ориентир — два вулканических пика близнеца, сросшихся в идеальную букву «М», — а озиралась в поисках опасности...

Если бы не наша паранойя, возможно, я не сразу бы его заметила. Серое пятно... Я заморгала, не веря глазам, и попыталась стряхнуть с

ресниц налипшую пыль... Для камня слишком яркий цвет, для дерева — слишком ровные очертания. Я щурилась на солнце, теряясь в догадках.

Я еще раз моргнула, и пятно вдруг приобрело отчетливые очертания... Небольшое выцветшее строение, совсем рядом.

Поддавшись приступу паники Мелани, я опрометью бросилась с узкой тропки в сомнительное укрытие худосочного кустарника.

«Постой. Тут давно уже никто не живет».

«С чего ты взяла?» — Мелани упиралась изо всех сил, и мне пришлось сосредоточиться, чтобы сделать хоть шаг вперед.

«Ну кому здесь жить? Мы, Души, живем ради общества». — В моем объяснении слышалась вполне понятная горечь: ведь сама-то я, физически и метафорически, забралась в самую глушь. Почему я оставила общество Душ? Почему я словно... словно не хотела быть одной из них? Да и хотела ли вообще? Может, в этом кроется причина моих скитаний, вереницы недопрожитых жизней? Неужели я всегда была ущербной личностью, или это из-за Мелани? Изменила меня эта планета или раскрыла мою истинную сущность?

Мелани было не до моих переживаний — ей хотелось, чтобы я побыстрее убралась от странного строения. Хоровод ее мыслей вырвал меня из задумчивости.

«Успокойся, — велела я, пытаюсь сосредоточиться, отделить свои мысли от ее. — Если тут кто и живет, так это люди. Среди Душ отшельников не бывает, поверь мне. Может, дядя Джеб...»

Она оттринула подобные предположения. «Вот так, в открытую, не выживешь. Ваши тщательно обыскивают все жилища. Обитатели убежали отсюда или стали одними из вас. Дядя Джеб нашел бы укрытие лучше».

«Если бы те, кто тут жил, стали одними из нас, — заверила ее я, — они давно переселились бы. Только человек может жить так...» — Я попятилась, внезапно тоже испугавшись.

«Что?» — вскинулась она, когда мой страх пригвоздил нас к месту, и стала перебирать мои мысли, силясь понять, что я такого увидела.

Впрочем, я не увидела ничего нового.

«Мелани, а что, если там люди... но не дядя Джеб, не Джаред, не Джейми? Что если нас найдут другие?»

Она обдумала этот вариант.

«Ты права. Нас сразу же убьют. Точно».

Я попыталась сглотнуть, избавиться от привкуса ужаса в пересохшем рту. «Никого там не будет. Откуда? — рассуждала она. — С вашей-то дотошностью... Если кто и выжил, то лишь те, кто спрятался заранее».

Значит, ты точно знаешь, что тут нет твоих, а я — что нет наших. Вот и пошли, проверим. Может, найдем что-нибудь полезное, оружие какое-нибудь».

Меня передернуло от ее мыслей об острых ножах и длинных металлических инструментах, которые можно превратить в дубинки. Только не оружие.

«Хм. И как такие бесхребетные создания сумели нас одолеть?»

«Числом и хитростью. Каждый из вас, даже ребенок, в сто раз опаснее любого из нас. Но вы как один термит в муравейнике. Нас миллионы, и все дружно, душа в душу, работают ради общего блага».

Я описывала единство Душ, и меня охватило щемящее ощущение потерянности и страха. Кто я?

Держась кустов, я подошла к небольшому строению. С виду это был обычный дом, хижина у дороги. Зачем его построили тут, в знойной пустыне?

Тут явно давно не жили. Дверной проем зиял, двери не было, в пустых рамах окон торчали осколки стекла. Песок собрался у порога, засыпал пол хижины. Серые выцветшие стены, казалось, покосились от ветра.

Я осторожно подошла к пустому проему, пытаюсь унять беспокойство... Наверняка мы будем тут одни... как и вчера, как сегодня. Желанная тень звала и манила. Я отбросила страх и шагнула внутрь, все еще прислушиваясь, но ноги сами, уверенно и быстро, несли меня вперед. Я метнулась в сторону, прижавшись спиной к стене, инстинктивно, — эта привычка выработалась за долгое время скитаний Мелани, — и застыла, ослепшая, не решаясь двинуться дальше, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте.

Как мы и думали, хижина оказалась пуста. Внутри не было никаких признаков присутствия хозяев. Посреди комнаты стоял скособоченный стол, кренясь на двух оставшихся ножках, металлический табурет одиноко ржавел рядом. Сквозь дыры в изношенном, черном от грязи ковре проглядывал цемент. Вдоль одной из стен с проржавевшей раковиной выстроились кухонные шкафчики — некоторые без дверец; небольшой, по пояс высотой, холодильник стоял нараспашку, являя взору темное заплесневелое нутро. У дальней стены примостился голый каркас дивана, над которым все еще висела — почти ровно — картина: собаки, играющие в покер.

«Уютно тут, — подумала Мелани. Она расслабилась и теперь ехидничала. — Мебели больше, чем в твоей квартире».

Я бросилась к раковине.

«Мечтать не вредно», — услужливо подбодрила Мелани.

Разумеется, было бы расточительством сохранить подачу воды в такое глухое место; Души тщательно следили за подобными мелочами. Но я все равно крутила ветхие краны — один настолько проржавел, что развалился у меня под рукой.

Я направилась к шкафчикам, опустилась на жуткий ковер, чтобы как следует все осмотреть. Осторожно, двумя пальцами, я открыла дверцу, не желая потревожить какое-нибудь ядовитое пустынное животное, которое могло устроить тут логово.

Первый шкафчик оказался пуст, на месте задней стенки виднелись деревянные перекладки стены. У следующего не было дверцы, зато внутри лежала пыльная стопка старых газет. Мне стало интересно. Я вытащила одну, стряхнула пыль на грязнувший пол и глянула на дату.

— С человеческих времен, — хмыкнула я. Я не нуждалась в датах для подтверждения.

В глаза бросился заголовок: «Отец насмерть обварил кипятком трехлетнюю дочь». С фотографии улыбалось ангельское светловолосое личико. Это была вовсе не первая страница, куда попадали самые отвратительные ужасы. Ниже красовался снимок мужчины, за два года до даты выпуска газеты объявленного в розыск за убийство жены и двоих детей; в заметке говорилось, что, возможно, подозреваемого видели в Мексике. Два человека погибли и три получили травмы в дорожной аварии, произошедшей по вине пьяного водителя. Ведется следствие по делу о подозрительном самоубийстве банкира одного из местных банков. Растлитель малолетних пошел на сделку с обвинителями и был отпущен на свободу. Труп пропавшей собаки найден в мусорном ящике.

Я поежилась и бросила газету обратно в стопку.

«Это исключение, а не правило», — тихонько подумала Мелани, стараясь, чтобы ужас моего свежего восприятия не коснулся ее воспоминаний о тех годах, обесцветив их.

«Ну и как тут не решить, что у нас получится лучше? Что, возможно, вы не заслуживаете всех богатств, которые вам даны?»

Ее ответ сочился ядом: «Если хотели очистить планету, могли бы просто нас взорвать».

«Это все выдумки ваших фантастов; у нас нет подобных технологий».

Она даже не улыбнулась моей шутке.

«К тому же это было бы расточительно. Земля — чудесная планета... Гм, не считая этой мерзкой пустыни, разумеется».

«Вот так мы и догадались, что вы здесь, кстати, — сказала она, вновь

подумав о жутких газетных заголовках. — Из вечерних новостей исчезли криминальные сводки, педофилы и нарики выстроились в очереди в больницы, потек приторный сироп — вот чем вы себя выдали».

«Ужас какой, исчезли криминальные сводки!» — иронично заметила я, переходя к очередному шкафчику.

Я потянула тугую дверцу на себя... и наткнулась на золотник.

— Крекеры! — завопила я, хватая выцветшую полураздавленную пачку. За ней лежала еще одна, выглядевшая так, словно кто-то на нее наступил. — «Твинкиз»...

«Вот сюда погляди», — мысленно подтолкнула меня Мелани, указывая на три пыльные бутылки с отбеливателем, стоящие в самой глубине.

«Зачем тебе отбеливатель? — спросила я, разрывая упаковку с крекерами. — Плеснуть кому-нибудь в лицо? Шибануть по голове бутылкой?»

К моей величайшей радости, крекеры, пусть и превратились в крошево, сохранились под пластиком. Я высыпала крошки в рот и, почти не разжевывая, проглотила. Мне не терпелось поскорее отправить их в живот.

«Открой бутылку и понюхай, — велела Мелани, оставив без внимания мой комментарий. — Отец так хранил воду в гараже. Остатки отбеливателя не дают воде зацвести».

«Сейчас, сейчас». — Я прикончила один пластиковый лоточек с крекерами и принялась за следующий. Они пахли затхлостью, но даже затхлость казалась амброзией по сравнению со вкусом у меня во рту. Лишь прикончив третий лоточек, я заметила, что трещины на губах и в уголках рта горят от соли.

Я потянулась за одной из бутылок, надеясь, что Мелани не ошиблась.

Руки стали слабыми и непослушными. Нам с Мелани это не понравилось. Насколько ухудшилось наше состояние? Насколько еще хватит сил?

Крышка была слишком плотно прикручена, я даже подумала, не приплавилась ли она.

В конце концов мне удалось открутить ее зубами. Я осторожно вдохнула, не горя желанием нанюхаться едкого отбеливателя. Химический запах едва ощущался. Я принюхалась. Определенно это была вода — застоявшаяся, несвежая, и все-таки вода. Я сделала глоточек. Не чистый горный родник, но сойдет. Я принялась жадно пить.

«Полегче», — предупредила Мелани, и пришлось с ней согласиться. Нам повезло, что мы набрали на этот запас, и не стоило безрассудно его

тратить. К тому же теперь, когда соль перестала жечь, мне захотелось чего-нибудь посушественней. Я подняла упаковку «Твинкиз» и слизнула три раздавленных кекса.

Последний шкафчик был пуст.

Едва голод улегся, нетерпение Мелани передалось и мне. Не встретив возражений, я быстренько покидала добычу в рюкзак и переложила пустые бутылки в раковину. Емкости из под отбеливателя весили немало, но это была приятная ноша. Сегодня ночью мне не придется засыпать на песке, изнемогая от голода и жажды. Вместе с глюкозой по жилам потекла энергия; я выбежала наружу, под слепящее полуденное солнце.

Глава 12

Неудача

— Не может быть! Ты перепутала! Как же так?

Неверящим взглядом я уставилась вдаль, и неверие быстро сменялось ужасом.

Прошлым утром я позавтракала последним сплюснутым кексом, днем нашла раздвоенную вершину и снова повернула на восток. Мелани сообщила последние координаты, и я чуть с ума не сошла от радости. Прошлой ночью я допила воду. На четвертые сутки.

Нынешнее утро осталось в памяти смутным сочетанием слепящего солнца и отчаянной надежды. Время было на исходе, и, обшаривая взглядом горизонт в поисках последней метки, я паниковала. Ориентир — широкое плоское плато, окруженное тупоконечными пиками — просто-напросто никуда не уместался. Я вглядывалась изо всех сил, но в плотном частоколе гор на востоке и на севере не нашла ни единого просвета, где могло бы спрятаться наше плато...

Солнце еще светило с востока, мне в лицо, и, пока утро не перешло в день, я остановилась передохнуть. Я так ослабла, что становилось страшно. Мышцы болели, но не от долгой ходьбы. Да, физические нагрузки и проведенная на голой земле ночь давали о себе знать, однако, это была другая, прежде незнакомая боль. Тело изнывало без влаги, и иссушенные мышцы протестовали. Я знала, что долго не продержусь.

Я повернулась на запад, на миг убрав лицо из под солнечных лучей, и вдруг увидела...

Широкий контур с зубцами гор по краям. Ошибки быть не могло: далеко-далеко на западе, мерцая и расплываясь в дымке, словно мираж, над пустыней темным облаком нависло плато. Все это время мы шли не туда. Последний ориентир находился на западе... Нас разделяло расстояние большее, чем мы прошли за весь поход.

— Не может быть... — снова прошептала я.

Мелани замерла у меня в голове, оцепенела, пораженная, отчаянно пытаюсь примириться с новой страшной действительностью. Я ждала ее ответа, взгляд блуждал по странно знакомым очертаниям, и вдруг на меня обрушилась вся тяжесть ее скорби и понимания. Я упала на колени. Безмолвный вопль — признание краха — отозвался в голове, добавив

новый оттенок моей боли. Дыхание сбилось — беззвучное всхлипывание, без слез. Солнце поползло вверх по спине, пропитало жаром мои волосы.

К тому времени как я взяла себя в руки, моя тень лежала крохотным кружком у ног.

Я заставила себя подняться. Острые камушки врезались в кожу, я их не стряхивала и не отрываясь смотрела на плато, что давно дразнило меня далеким знойным маревом на западе.

Наконец, сама не понимая зачем, я зашагала дальше.

Я знала одно: на этот раз шла я самостоятельно. Мелани крохотной капсулой боли съежилась в моем сознании — в коконе, который она сплела вокруг себя. Помощи от нее ждать не приходилось.

«Хрум... хрум...» — крошился гравий под медленными шагами.

— Свихнувшийся старик, — пробормотала я, и грудь сотряс внезапный приступ хриплого кашля, рвавшегося из горла. Я кашляла и никак не могла прокашляться и, только когда глаза защипало от подступавших сухих невозможных слез, вдруг поняла, что хохочу. — Нет... Ничего там нет, и никогда не было... — выдыхала я в истерике и, словно пьяная, брела вперед, оставляя за собой цепочку неровных следов.

«Нет! — Мелани выглянула из своего кокона на защиту „истины“, за которую цеплялась до последнего. — Это я, я виновата. Я все напутала».

Теперь я хохотала над ней, и обжигающий ветер уносил мой смех.

«Подожди... постой... — Она попыталась отвлечь меня от „уморительной“ смехотворности нашего положения. — А вдруг... то есть... А что если они тоже пошли этим путем?»

Ее страх передался мне, и хохот оборвался — как отрезало. Я поперхнулась горячим воздухом, все тело трясло. Наконец дыхание восстановилось, от недавнего черного юмора не осталось и следа. Взгляд инстинктивно заметался в поисках свидетельств, что я не первая жертва пустыни. Вокруг раскинулись бескрайние просторы, и все же я не могла не высматривать... останки.

«Нет. Нет, конечно! — Теперь Мелани успокаивала себя. — Джаред слишком умен. Он бы не отправился в путь, как мы: вот так, без подготовки. Ни за что не поставил бы под угрозу жизнь Джейми».

«Ну разумеется, — согласилась я, позавидовав ее уверенности. — Во всем мире не сыщешь второго дурака, который сюда полез бы. Джаред, наверное, и проверять не стал. А может, вообще не догадался... Эх, и зачем ты такая умная...»

Я почти машинально переставляла ноги. Мне все равно столько не пройти. Даже если бы каким-то чудом нас перенесло к подножию плато,

что потом? Я была совершенно уверена, что там ничего нет. На спасение надеяться не приходилось.

— Мы умрем, — сказала я и удивилась: в хрипящем голосе не было страха. Просто констатация факта. Солнце жаркое. Пустыня сухая. Мы умрем.

«Да». — Мелани тоже была спокойна. Проще примириться со смертью, чем признать, что нашими действиями руководила прихоть безумца.

«И тебя это не волнует?»

Она на мгновение задумалась.

«По крайней мере, я не опустила руки. И победила. Я их не выдала. Не причинила им вреда. Сделала все, что от меня зависело, чтобы найти их. Я пыталась их найти... и умерла за них».

Ответить я смогла только через девятнадцать шагов. Девятнадцать раз под ногами вяло и бессмысленно хрустнул песок.

«А ради чего умираю я? — Высохшие слезные протоки снова защипало. — Наверное, потому, что проиграла? Поэтому, да?»

Песок хрустнул тридцать два раза, прежде чем она ответила.

«Нет, — медленно подумала она. — Вряд ли. Пожалуй... Ну, наверное... Ты умираешь, чтобы стать человеком. — Мелани уловила двойной смысл фразы, и в ее мыслях проскользнуло что-то похожее на улыбку. — После стольких планет и носителей ты наконец нашла место и тело, ради которого готова умереть. Мне кажется, ты нашла свой дом, Странница».

Песок хрустнул десять раз.

У меня больше не было сил разжать губы.

«Жаль, не получилось остаться здесь подольше».

Ее ответ я уже не уловила. Возможно, она пыталась меня утешить. В знак благодарности, что привела ее в пустыню умирать. Она победила, осталась в своем теле до конца.

Мой шаг стал сбивчивым. Мышцы молили о пощаде, как будто я могла им чем-то помочь. Думаю, сама я бы остановилась прямо там, но Мелани, как всегда, оказалась сильнее меня.

Внезапно я ощутила ее не только в мыслях, но и во всем теле. Мой шаг стал шире и ровнее. Усилием воли она тащила мое полумертвое тело к недостижимой цели.

Предвкушение бессмысленной борьбы вызвало у нее нежданную радость. Точно так же, как я ощущала ее, она чувствовало мое тело. Мое тело, ставшее моей слабостью, подарило ей контроль. Она упивалась

возможностью свободно передвигать ноги и руки, какими бы бессмысленными не были движения. Она наслаждалась тем, что снова может это делать. Даже муки медленной смерти померкли.

«Как ты думаешь, там что-то есть? — спросила она. — После смерти?»

«Ничего, — ответила я твердо и уверенно. — Поэтому мы и зовем это окончательной смертью».

«Души не верят в загробную жизнь?»

«У нас слишком много жизней. Ждать чего-то еще... уже слишком. Всякий раз, покидая носителя, мы словно умираем и вновь возрождаемся — в следующем. Однако за моей смертью здесь возрождения не последует».

Мы долго молчали. Наши ноги передвигались все медленнее и медленнее.

«А ты? — наконец спросила я. — Ты веришь в жизнь после смерти?» — Я разворошила ее воспоминания о конце человеческого мира.

«Некоторые вещи не умирают».

Мы обе ясно понимали, о чем идет речь. Любовь, что мы испытывали к Джареду и Джейми, казалось, будет длиться вечно. Я попыталась понять, по силам ли смерти разрушить нечто настолько яркое и жизнестойкое. Возможно, любовь останется жить с Мелани в каком-нибудь сказочном месте с жемчужными воротами. Не со мной.

Будет ли мне легче без этой любви? Трудно сказать. Казалось, она стала частью меня.

Мы продержались лишь несколько часов. Даже Мелани, с ее несокрушимой силой воли, не могла требовать большего от сдающего тела. Мы почти ничего не видели, захлебывались сухим воздухом, жаждали — и не находили — живительного кислорода. Из растрескавшихся губ вырывались стоны боли.

«На этот раз ты вляпалась по-настоящему», — слабо поддразнила я. Мы брели к высохшему деревцу, которое на несколько футов возвышалось над низким кустарником. Прежде чем упасть замертво, хотелось добраться до тонких полосок тени.

«Да, — согласилась она. — По-настоящему».

Мы добрались до цели. Едва мертвое дерево простерло над нами свою паутинистую тень, ноги отказались нас слушаться. Мы распростерлись ничком и уткнулись лицом в песок, мечтая больше никогда не видеть проклятого солнца, хватая ртом обжигающий воздух, слушая свое хриплое дыхание. Так продолжалось вечно.

Наконец мы закрыли глаза. Веки изнутри были яркими и красными. Мы перестали чувствовать сетку тени; может быть, она больше не падала на нас.

«Сколько еще?» — спросила я.

«Не знаю, я умираю впервые... Час? Больше?»

«Откуда мне знать».

«И где бродит этот койот, когда так нужен?»

«Может быть, нам повезет... нам не страшен грызодер...» — Мысли Мелани бессвязно блуждали.

На большее нас не хватило. Не было сил сосредоточиться, составлять слова в предложения. Слишком много боли на нас обрушилось. Все мышцы в нашем теле взбунтовались в судорожной борьбе со смертью.

Мы не боролись. Мы отдались на волю судьбы и ждали, время от времени погружаясь в воспоминания. Пока сознание не затуманилось, мы напевали про себя колыбельную. Этой колыбельной мы убаюкивали Джейми, когда земля была слишком жесткой, или ночь слишком холодной, или страх не давал уснуть. Брат уложил голову нам на грудь, мы приобняли его. А потом словно сами уткнулись в чье-то большое и сильное плечо, и новая колыбельная убаюкала нас.

Свет в веках потемнел, но не от смерти. Опустилась ночь, и это опечалило нас. На жаре мы бы продержались меньше.

Темнота и тишина длились вечность. А затем раздался звук.

Мы едва обратили на него внимание. Может, нам послышалось. Может, наконец пришел койот. Хотелось ли нам этого? Неизвестно. Мы потеряли ход мыслей, забыли о звуке.

Что-то встряхнуло нас, дернуло за онемевшие руки, потащило. У нас не осталось сил на слова, но мы надеялись, что все произойдет быстро. Мы ждали укуса. Вместо этого последовал толчок, и наше лицо повернули к небу.

Полилась вода — влажная, прохладная, невозможная. Она стекала по глазам, смывая песок. Веки затрепетали, заморгали, стряхивая стекающие капли.

Нам было не до песка в глазах. Подбородок вытянулся вверх, отчаянно ища воду, слепой рот раскрывался и закрывался, как клюв только что вылупившегося птенца.

Нам послышалось, что кто-то вздохнул.

А затем в рот полилась вода, мы принялись глотать, захлебнулись и закашлялись. Вода пропала, и наши слабые руки потянулись к ней. Кто-то твердым движением похлопал нас по спине, и дыхание восстановилось.

Руки все еще хватали воздух в поисках воды.

На этот раз явственно прозвучал вздох.

Что-то прижалось к растрескавшимся губам, и вновь потекла вода.

Мы жадно пили, на этот раз аккуратнее, только бы снова не забрали воду.

Мы пили до тех пор, пока не заболел живот. Струйка воды становилась все тоньше, наконец иссякла совсем, и мы хрипло запротестовали. Еще одна емкость прижалась к нашим губам, и мы исступленно пили, пока не опустела и она.

Казалось, еще глоток — и желудок взорвется, и все равно мы заморгали, пытаясь сфокусировать взгляд на воде. Было слишком темно, не видно ни единой звезды. Мы моргнули еще раз и поняли, что темнота ближе, чем небо. Над нами навис мрачный, как ночь, силуэт.

Зашуршала ткань, и песок скрипнул под каблуком. Фигура выпрямилась, послышался резкий звук — звук расстегивающейся молнии, взрезавший ночную тишину.

Лезвие света пронзило глаза. Мы застонали от боли, и наша рука взметнулась козырьком к закрытым глазам. Даже сквозь опущенные веки сияние казалось слишком ярким. Свет исчез, и прямо над нами послышался еще один вздох.

Мы осторожно приоткрыли ослепшие глаза. Тот, кто склонился над нами, не произнес ни слова. В воздухе повисло напряжение, но нам было все равно. Было сложно думать о чем-то, кроме воды у нас в животе, и о том, где бы найти еще. Мы постарались сосредоточиться и разглядеть нашего спасителя.

Несколько минут мы щурились и моргали, пока не различили тускло выделяющееся во мраке белое пятно под темным лицом. Мелькнула мысль: «Борода — как у Санта Клауса». Откуда-то из глубин памяти выплыли другие черты лица. Все сходилось: крупный нос с раздвоенным кончиком, широкие скулы, густые седые брови, глубоко посаженные глаза с морщинистыми веками. Черты виднелись нам лишь намеками, но мы знали, как это лицо будет выглядеть при свете дня.

— Дядя Джеб, — удивленно прохрипели мы. — Ты нас нашел.

Он сидел на корточках подле нас. Услышав свое имя, он чуть качнулся на каблуках.

— Н-да... — Грубоватый голос всколыхнул сотни воспоминаний. — Н-да... бедолага...

Глава 13

Приговор

— Они здесь? — Слова вылетели сами, как вода, попавшая в легкие. Помимо воды меня волновал лишь этот вопрос. — Они добрались?

В темноте невозможно было прочитать выражение лица дяди Джеба.

— Кто? — спросил он.

— Джейми! Джаред! — Наш шепот взвился, словно крик. — Джаред был с Джейми. Наш брат! Они тут? Дошли?

Ответ последовал почти сразу.

— Нет. — Твердо, без эмоций и без жалости в голосе ответил он.

— Нет... — прошептали мы. Мы не повторяли за ним, а протестовали — зачем вернули жизнь? Зачем?! Мы снова закрыли глаза и прислушались к боли в теле, чтобы хоть немного отвлечься от боли внутри.

— Послушай, — через некоторое время произнес дядя Джеб. — Мне тут нужно кое-что уладить. Отдохни немного, я за тобой вернусь.

Мы не стали открывать глаза, не понимали значения слов, мы слышали только звуки. Шаги захрустели, удаляясь. Мы не знали, куда он пошел, да и не хотели знать.

Они пропали. Не оставалось ни способа их найти, ни надежды. Мы никогда их больше не увидим: Джаред и Джейми исчезли — а уж они-то исчезать умели.

Вода и ночная прохлада вернули ясность сознания, такую нежеланную сейчас. Мы перевернулись на живот и снова зарылись лицом в песок. Мы слишком устали, истощение перешло в новое, болезненное состояние. Надо уснуть, только бы не думать...

И мы погрузились в сон.

Проснулись мы все еще ночью, но на востоке уже угрожающе занимался рассвет — горы окрасились тусклым багрянцем. Во рту ощущался привкус земли, и поначалу мы не сомневались, что дядя Джеб нам приснился. Ну конечно же.

Этим утром думалось яснее, и мы почти сразу заметили странный предмет у нашей правой щеки — явно не камень и не кактус. Мы потрогали его — твердый, гладкий — и подтолкнули: внутри маняще заплескалась вода.

Дядя Джеб на самом деле побывал здесь и оставил нам флягу.

Мы осторожно сели: казалось, что мы вот-вот переломимся пополам, как высохший прут. Вообще-то мы чувствовали себя лучше. Должно быть, вода делала свое дело. Боль притупилась, и впервые за долгое-долгое время нам захотелось есть.

Непослушными пальцами мы отвернули крышку. Фляга была не полной, но воды хватило, чтобы желудок снова растянулся — наверное, успел съежиться. Мы выпили все до последней капли — к черту экономию!

В предрассветной тишине брошенная фляга упала на песок с глухим стуком. Теперь мы окончательно проснулись, вздохнули, жалея, что забытие прошло, и уронили голову на руки. Что дальше?

— Зачем ты дал этой твари воду, Джеб? — возмутился сердитый голос где-то позади.

Мы резко перевернулись, оперлись коленями. Увиденное не укладывалось в голове, сердце оборвалось.

Вокруг дерева, под которым я сидела, полукругом стояло девять человек. Все они были именно людьми. Я ни разу не видела таких гримас у представителей моей расы. Губы кривились от ненависти, открывая оскаленные по-звериному зубы. Брови нависли над горящими злобой глазами.

Шесть мужчин и две женщины, почти все крупнее меня. Внезапно я с ужасом поняла, почему они так странно держат руки перед собой, крепко зажав в них какие-то предметы. Они сжимали оружие: кто — короткие ножи, наподобие тех, что были у меня на кухне, прочие — клинки подлиннее, а один грозил огромным тесаком. Такой нож на кухне не пригодится. Мелани услужливо подсказала название: «Мачете». Другие держали длинные палки, металлические и деревянные. Дубинки.

Среди них я признала дядю Джеба. В руках он небрежно сжимал предмет, который мне еще не доводилось видеть лично, только в воспоминаниях Мелани, как и тесак мачете. В руках дяди Джеба было ружье.

Я глядела с ужасом, Мелани же — с изумлением, поражаясь количеству выживших. Восемь человек. Она считала, что Джеб здесь один — в лучшем случае, вдвоем с кем-то. При виде стольких уцелевших представителей человеческой расы ее сердце запело от радости.

«Идиотка, — одернула ее я. — Взгляни на них. Разве не видишь?»

Я заставила ее увидеть происходящее моими глазами: от фигур в темных джинсах и хлопковых рубашках, побуревших от грязи, исходила почти осязаемая угроза. Даже если когда-то они и были людьми, в данную минуту они превратились в нечто другое, стали варварами, чудовищами,

жаждущими нашей крови.

В каждой паре глаз — смертный приговор.

Мелани с неохотой пришлось признать, что я права. В эту минуту ее обожаемые люди предстали в худшем своем проявлении — как в газетных заголовках из заброшенной хижины. На нас смотрели убийцы.

Лучше было бы умереть еще вчера. Зачем дядя Джеб спас нам жизнь?

От этой мысли меня передернуло. В голове замелькали истории о человеческих зверствах. К горлу подступила тошнота. Я постаралась сосредоточиться. Иногда люди не сразу убивают врагов — хотят выпытать у них сведения... или надругаться над телами...

Разумеется, я сразу вспомнила о тайне, которую они попытаются у меня выведать. Тайне, которую я никогда, ни за что не выдам, что бы со мной ни делали. Я скорее покончу с собой.

Я сумела утаить свой заветный секрет от Мелани с помощью ее же защитного приема: выстроила мысленную стену, чтобы спрятать информацию. Раньше в этом не было нужды.

Мелани почти не проявила интереса и даже не пыталась пробиться. Сейчас, когда оказалось, что не ей одной есть что скрывать, ее занимали заботы поважнее.

А стоило ли хранить от нее мою тайну? Мелани сильнее меня; я не сомневалась, что она выдержит любую пытку. А сколько выдержу я, прежде чем выдать им все секреты?

Меня чуть не стошнило. Самоубийство вызывало у меня отвращение: то же убийство, только хуже. Мелани придется пройти через те же пытки и смерть, что и мне. Я решила подождать до тех пор, пока другого выхода не останется.

«Нет, они на это не пойдут. Дядя Джеб ни за что не даст меня в обиду».

«Дядя Джеб не знает, что ты здесь», — напомнила я. «Скажи ему».

Я перевела взгляд на знакомое лицо. Густая седая борода не давала рассмотреть выражение рта, но глаза не пылали, как у остальных. Краешком глаза я заметила, что некоторые переводят взгляд с меня на него. Они ждали от него ответа на вопрос, который так пугал меня. Дядя Джеб не обращал на них внимания, он смотрел на меня.

«Я не могу ему сказать, Мелани. Он не поверит. А если они заподозрят ложь, то решат, что я Искательница. Наверняка они по опыту знают, что только Искательница придумает легенду наподобие этой, чтобы попытаться к ним проникнуть».

Мелани пришлось признать, что я права. Само слово «искательница»

заставило ее содрогнуться от ненависти, и она знала, что у этих людей будет точно такая же реакция.

«Все равно это ничего не изменит. Им достаточно того, что я — Душа».

Темноволосый здоровяк с поразительно светлой кожей и ясными голубыми глазами с отвращением хмыкнул, сплюнул на землю и шагнул вперед, чуть занеся мачете.

Лучше уж быстрая смерть. Лучше погибнуть от этой грубой руки, чем от своей собственной. Лучше умереть, чем превратиться в злобного зверя, чем замарать себя чьей-то кровью, пусть даже и своей.

— Спокойно, Кайл, — неторопливо, почти небрежно бросил Джеб.

Здоровяк замер и скривился.

— В чем дело? Ты же вроде проверил. Она одна из них. — Знакомый голос... Так вот кому не понравилось, что Джеб дал мне воду!

— В общем, да. Но есть небольшая проблемка.

— В смысле? — задал вопрос мужчина, который стоял рядом с Кайлом; в глаза бросалось сходство — судя по всему, братья.

— Видишь ли... Ко всему прочему, она еще и моя племянница.

— Уже нет, — отрезал Кайл, сплюнул и решительно шагнул ко мне. По напряженному движению плеч стало ясно, что словами его уже не остановить. Я зажмурилась.

Сзади дважды щелкнул металл, и кто-то ахнул. Я приоткрыла один глаз.

— Охолони, говорят тебе! — Голос дяди Джеба звучал расслабленно, но руки крепко сжимали ружье, ствол которого уперся Кайлу в спину. Здоровенный детина замер с занесенным мачете в двух шагах от меня.

— Джеб! — ужаснулся брат Кайла. — Ты чего?

— Отойди от девочки, Кайл.

Кайл в ярости развернулся к Джебу.

— Это не девочка, Джеб.

Джеб пожал плечами, но не опустил оружие.

— Надо бы кое-что обсудить...

— Доктор выудит из нее все что надо, — угрюмо предложил женский голос.

Я съежилась: сбывались мои худшие страхи. Только что Джеб назвал меня племянницей, и я было понадеялась на их милость... Вот дура! Этого невозможно представить ни на секунду. Смерть — единственная милость, на которую способны эти существа.

Женщина, что упомянула доктора, оказалась ровесницей дяди Джеба,

если не старше. Возраст ее угадывался не сразу из-за темно-пепельной, а не снежно-белой седины. Морщины, избороздившие лицо, собрались в сердитые складки, но за ними неуловимо проступало что-то знакомое.

Мелани сравнила старушечье лицо с другим, более гладким лицом из своих воспоминаний.

— Тетя Мэгги? Ты тут? Как? А Шэрон... — Слова, слетавшие с моих губ, принадлежали Мелани. Я была бессильна — долгое пребывание в пустыне сделало ее сильнее и ослабило меня. А может, я слишком отвлеклась, гадая, с какой стороны прилетит смертельный удар. Я готовилась к нашей смерти, она же радовалась воссоединению с семьей.

Удивленный возглас Мелани оборвали на полуслове. Мэгги рванулась вперед с прытью, никак не сочетавшейся с ее хрупким обликом. Рука с черным ломиком, на которую был устремлен мой взгляд, осталась опущенной, а свободная рука взметнулась и с силой хлестнула меня по лицу.

Моя голова дернулась. Мэгги отвесила мне еще одну пощечину.

— Меня не одурачишь, паразитка. Мы вас изучили. Знаем, как вы умеете нам подражать.

Я потрогала языком внутреннюю поверхность щеки: вкус крови.

«Больше так не делай, — отругала я Мелани. — Я же предупреждала...»

Мелани, казалось, утратила дар речи.

— Ну-ну, Мэгги, — примирительно произнес Джеб.

— Ты мне тут не нукай, старый дурак! Да она небось целую армию за собой приведет. — Старуха отпрянула, глядя на меня, как на готовую к броску змею, и встала рядом с братом.

— Что-то я никого не вижу, — возразил Джеб. — Эй, там, — крикнул он, и я удивленно вздрогнула. И не только я. Джеб махал левой рукой, сжимая в правой ружье. — Сюда!

— Заткнись, — прошипела Мэгги, толкнув его в грудь. Я успела убедиться в ее недюжинной силе, но Джеб не шелохнулся.

— Она одна, Мэг. Она едва дышала, когда я ее нашел, — да и сейчас не в лучшей форме. Сороконожки так собой не жертвуют. Они бы спасли ее куда раньше, чем я. Кем бы она ни была, она пришла одна.

В голове возник образ длинного насекомого с множеством лапок, но связи я не уловила.

«Он говорит о тебе», — перевела Мелани и наложила изображение мерзкого жука на мое воспоминание о ясной серебряной Душе. Сходства я не заметила.

«Интересно, откуда он знает, как вы выглядите», — рассеянно поинтересовалась Мелани. Она узнала об истинном облике Души только из моих воспоминаний.

Мне было некогда гадать вместе с ней. Джеб направился ко мне, а следом за ним потянулись остальные. Рука Кайла застыла на плече Джеба — не то останавливая, не то отталкивая.

Джеб переложил ружье в левую руку и протянул мне правую. Я смотрела на нее с опаской, ожидая удара.

— Пошли, — ласково поторопил дядя Джеб. — Мы почти дома, дальше — сама.

— Нет! — буркнул Кайл.

— Она пойдет с нами. — На этот раз в голосе Джеба проскочили жесткие нотки. Стало видно, как под бородой заходили желваки.

— Джеб! — крикнула Мэгги.

— Здесь я хозяин, мне и решать.

— Старый дурак! — прорычала она.

Джеб взял меня за руку и рывком поставил на ноги: не грубо, без жестокости, скорее торопливо. Впрочем, наибольшая жестокость — сохранить мне жизнь ради своих грязных планов.

Я стояла, покачиваясь на затекших ногах.

За спиной у Джеба неодобрительно зашипели голоса.

— Ладно, кто ты там есть, — все так же ласково обратился он ко мне. — Давай выбираться отсюда, пока не стало слишком жарко.

Брат Кайла положил руку на плечо Джебу.

— Ты что, покажешь этой твари, где мы живем?

— Да это неважно, — прошипела Мэгги. — Все равно она никому уже ничего не расскажет.

Джеб вздохнул и снял с шеи прятанный под бородой платок.

— Вот ерунда какая... — пробормотал он, делая из заскорузлой от пота ткани повязку.

Он завязывал мне глаза, а я стояла, не шелохнувшись, борясь с паникой, которая усилилась оттого, что я перестала видеть своих врагов.

Джеб направлял меня, положив на спину руку; никто другой не был бы так нежен.

Мы тронулись в путь — по моему, на юг. Сперва все молчали, лишь песок хрустел под ногами. Земля была ровной, но я постоянно спотыкалась... ноги не слушались. Джеб терпеливо ждал, почти заботливо направляя меня.

Пока мы шли, взошло солнце. Некоторые прибавили шагу, обогнали

нас и направились куда-то вперед. Судя по звукам, со мной и Джебом мало кто остался. Наверное, по моему виду решили, что охранники не понадобятся — в полуобмороке от голода, я едва переставляла ноги, голова кружилась.

— Ты же не собираешься ему рассказывать? — раздался укоризненный голос Мэгги.

— Он имеет право знать, — сурово ответил Джеб.

— Жестокий поступок, Джебедея.

— Жизнь — жестокая штука, Магнолия.

Я никак не могла решить, кто из этих двоих пугает меня больше: Джеб, который так упорно старался оставить меня в живых, или Мэгги, которая волновалась из-за жестокости больше брата, но первая упомянула о «докторе» — от одного этого слова на меня накатывал тошнотворный ужас.

Несколько часов мы шли в тишине, пока ноги не отказались меня слушать. Джеб опустил меня на землю и снова, как ночью, приложил к губам флягу.

— Как сможешь идти, дай знать. — Голос Джеба звучал участливо, но, по-моему, он всего лишь играл роль.

Кто-то нетерпеливо вздохнул.

— К чему это, Джеб? — спросил знакомый мужской голос. Похоже, один из братьев здоровяков. — Для дока? Мог бы сразу сказать. Ни к чему было наставлять на Кайла ружье.

— На Кайла стоило бы почаще наставлять оружие, — пробормотал Джеб.

— Дело ведь не в сочувствии, — продолжил здоровяк. — После всего, что ты видел...

— После всего, что я видел, только последний негодяй не научился бы сочувствовать. Впрочем, не в сочувствии дело. Если бы я испытывал хоть толику сочувствия к этому бедному созданию, я бы дал ей умереть.

Даже в раскаленном воздухе пустыни меня пробрала дрожь.

— В чем тогда? — потребовал ответа брат Кайла. После долгой паузы рука Джеба прикоснулась к моей, и я вцепилась в нее — без чужой помощи мне было не подняться на ноги. Другая его рука с силой уперлась мне в спину, и я снова пошла вперед.

— В любознательности, — тихим голосом сказал Джеб. Никто не ответил.

Пока мы шли, я раздумывала над некоторыми очевидными фактами. Во-первых, я была не первой Душой, которую они схватили. Наверняка ловля Душ поставлена на поток. Этот «доктор» уже пытался выудить

ответы из других жертв.

Во-вторых, их попытки не увенчались успехом. Если бы какая-то из Душ отказалась от самоубийства и раскололась под людскими пытками, я бы им не понадобилась. Меня бы милосердно умертвили сразу.

Однако, как ни странно, я никак не могла представить свою быструю смерть или попытаться ее приблизить. Умереть было бы просто, даже не пришлось бы пачкать руки. Стоило лишь солгать — выдать себя за Искательницу, сообщить, что мои коллеги идут по следу, разразиться угрозами. Или сказать правду — признаться в том, что Мелани все еще живет во мне, что она и привела меня сюда.

Они увидят лишь ложь, попытку уверить их в том, что сознание человека продолжает существовать после имплантации... В эту вероломную, заманчивую ложь так хочется верить! Они тут же решат, что я из Искателей, мне даже и заявлять об этом не придется. Они сочтут это ловушкой, избавятся от меня по-быстрому и найдут новое место, где прятаться, подальше отсюда.

«Наверно, ты права, — согласилась Мелани. — Я бы так и сделала».

Но пока боль не пришла, и я не спешила попасть в объятия смерти; инстинкт выживания накрепко запечатал рот. Мелькнуло воспоминание о последней встрече с Утешительницей — это было словно на другой планете... Самоубийственная с виду попытка Мелани настоять на том, чтобы я отказалась от этого тела — блеф, но весьма эффективный. Мне тогда еще подумалось, что невозможно безучастно наблюдать за чужой смертью со стороны, сидя в мягком кресле.

Прошлой ночью мы с Мелани молились о смерти, но тогда смерть витала в дюймах от нас. Теперь, когда я снова встала на ноги, все было иначе.

«Я тоже не хочу умирать, — шепнула Мелани. — Но, может быть, ты ошибаешься и они сохранили нам жизнь по другой причине. Не понимаю, зачем им... — Ей не хотелось думать о том, что нас ждет. Я была уверена, что ей в голову придут вещи пострашнее, чем мне. — Какую тайну они так хотят у тебя выведать?»

«Эту тайну я не открою никогда и никому, даже тебе».

Смелое заявление. Но ведь боль еще не пришла...

Прошло около часа. Солнце стояло прямо над нами, жар огненной короной лежал на волосах. Неожиданно привычный уже хруст песка сменился гулким эхом. Джеб все еще шел по песку, как и я, но у идущих впереди под ногами уже была новая почва.

— Смотри, осторожно, — предупредил меня Джеб. — Пригнись.

Я запнулась, не уверенная, куда смотреть или как смотреть, когда глаза завязаны. Рука отпустила спину, надавила на затылок, принуждая пригнуться. Я наклонилась всем телом. Шея одеревенела.

Джеб снова повел меня вперед. Теперь и наши шаги отдавались гулким эхом: песок и камни явно остались позади, почва под ногами была ровной и твердой.

Солнце скрылось — оно больше не обжигало кожу и не палило волосы.

Я сделала еще шаг. Воздух изменился: никаких дуновений, я просто «вошла» в него. Сухой ветер пустыни исчез. Здесь воздух был неподвижным, прохладным, даже слегка влажным — ощущался вкус и запах затхлости.

И у меня, и у Мелани скопилось множество вопросов. Ей хотелось задать свои, но я хранила молчание. Никакие слова нас не спасли бы.

— Ладно, можешь выпрямиться, — разрешил Джеб.

Я медленно подняла голову.

Даже с завязанными глазами было ясно, что вокруг темно. У краев повязки проступала сплошная чернота. За спиной нетерпеливо топтались остальные, ожидая, когда мы двинемся в путь.

— Сюда, — произнес Джеб и повел меня дальше.

Шаги отдавались эхом совсем близко — должно быть, мы находились в замкнутом пространстве. Я все еще непроизвольно пригибала голову.

Мы прошли еще немного, развернулись и, казалось, по кривой дуге направились обратно. Дорога пошла под уклон, который с каждым шагом становился все круче, и Джеб одной рукой меня поддерживал. Я цеплялась за его грубую ручищу и, спотыкаясь, брела в темноту — как долго, не знаю. Вероятно, путь казался дольше, чем был на самом деле, потому что каждую минуту растягивал страх.

Мы еще раз повернули, а затем пол пошел вверх.

Одеревенелые ноги отказывались идти, и там, где тропинка стала круче, Джебу пришлось тащить меня наверх. Чем дальше мы заходили, тем сильнее тянуло сыростью и затхлостью, но чернота не менялась. Слышно было лишь наши шаги да их близкое эхо.

Постепенно тропинка выравнилась, начала петлять и закручиваться по-змеиному.

Наконец то по краям повязки забрезжил долгожданный свет. Мне хотелось, чтобы повязка сползла сама, потому что я боялась ее стянуть. Наверное, было бы не так страшно, если бы я знала, где и с кем нахожусь.

Вместе со светом пришел звук. Станный неразборчивый гул, похожий

на перешептывание. Почти как шелест водопада.

Гул становился все громче, по мере того как мы подходили ближе, и все меньше походил на шум воды. Высокие и низкие тона перемешивались гулким многоголосием и отдавались эхом. Будь в нем побольше стройности, его можно было бы сравнить с неумолкающей музыкой, какую мне довелось слушать и петь в Поющем мире. Тьма под повязкой воскресила воспоминание о слепоте.

Мелани разгадала эту какофонию раньше меня. Я никогда еще не слышала подобных звуков, потому что прежде не жила среди людей.

«Спорят и ругаются, — догадалась она. — Много народу...»

Звук манил ее. Значит, тут были еще люди?

Даже восемь выживших стали для нас обеих сюрпризом. Куда мы попали?

Руки потянулись сзади к моей шее, и я поспешила от них увернуться.

— Спокойно! — Джеб снял с моих глаз повязку.

Я заморгала, и тени вокруг меня приобретали узнаваемые очертания: грубые, неровные стены, щербатый потолок, истоптанный пыльный пол. Мы находились под землей, в каком-то природном пещерном образовании. Неужели мы так глубоко забрались? Мне казалось, мы дольше поднимались вверх, чем опускались.

Стены и потолок из красновато-бурого камня, испещренные неглубокими дырами, походили на швейцарский сыр. Края нижних дыр истерты, но у отверстий над моей головой они выступали рельефнее и выглядели острее.

Свет шел из широкой дыры впереди, по форме не сильно отличающейся от других, усеявших своды пещеры. Это был вход, ведущий в другое, куда лучше освещенное место. Мелани сгорала от нетерпения, поражаясь и радуясь количеству выживших. Я медлила, внезапно осознав преимущество слепоты перед зрением.

Джеб вздохнул.

— Прости, — очень тихо, так, чтобы расслышала лишь я, пробормотал он.

Я попробовала сглотнуть и не смогла. Руки мои дрожали, как листья на ветру, голова кружилась, но, возможно, виной тому был голод. Джеб втолкнул меня в широкое отверстие, и я застыла, не веря своим глазам.

Туннель вел в огромный зал. Потолок был слишком ярким и слишком высоким — словно искусственное небо. Я постаралась разглядеть, откуда идет свет, но слепящие лучи больно врезались в глаза.

Гул стих, и в огромной пещере внезапно воцарилась мертвая тишина.

По сравнению со сверкающим в вышине потолком пол казался тусклым. Какое-то время глаза привыкали к очертаниям фигур впереди.

Толпа. Другого слова не подобрать — передо мной стояла человеческая толпа, молчащая и неподвижная. Все взгляды устремились на меня, и в каждом горело знакомое мне с рассвета выражение — жгучая и беспощадная ненависть.

Мелани ошеломлено считала: десять, пятнадцать, двадцать... двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь...

Мне же было все равно, сколько их тут, я пыталась ей втолковать, что это ничего не значит. Убить меня, убить нас... Двадцати человек для этого не нужно. Я попробовала открыть ей глаза, объяснить, насколько шатко наше положение, но в ту минуту ей, погруженной в человеческий мир из ожившей мечты, было не до моих предостережений.

Из толпы вышел человек. Мой взгляд метнулся сперва к его рукам, ища оружие. Руки были сжаты в кулаки — иной угрозы я не заметила. Щурясь от непривычно слепящего света, я разглядела вызолоченный солнцем загар... такой знакомый...

Вдруг забрезжил проблеск надежды: у меня перехватило дыхание, голова закружилась... Я подняла глаза и увидела его лицо.

Глава 14

Конфликт

Для нас обеих это было слишком... увидеть его здесь, сейчас, когда мы уже смирились с мыслью, что больше его не увидим, успели поверить, что навсегда его потеряли. Я замерла, не в силах пошевелиться. Мне хотелось посмотреть в глаза дяде Джебу, понять, зачем он разбил мне сердце своим ответом тогда, в пустыне, но я не могла оторвать взгляд от лица Джареда. Смотрела и не находила ответа.

Мелани отреагировала иначе.

— Джаред, — вскрикнула она, и хрип вырвался из моего израненного горла.

Она рывком увлекла меня вперед, почти совсем как в пустыне, подчинив себе мое застывшее тело. Единственное различие: на сей раз она это делала против моей воли.

Я не успела ее остановить.

Раскинув руки, она кинулась к нему. Я мысленно окликнула ее, пытаюсь предупредить. Напрасно: она меня не слушала. Она вообще словно забыла о моем присутствии.

Мелани, пошатываясь, шла к нему, и никто даже не пытался ее остановить — никто, кроме меня. Еще чуть-чуть, и она до него дотронется... Вот только она не заметила того, что видела я. Она не заметила, как изменилось лицо Джареда за долгие месяцы разлуки, как оно ожесточилось... Как вдруг исказились его черты. Не заметила, что на этом новом лице не осталось места улыбке, которую она помнила — родной, прятавшейся в краешках глаз улыбке. Лишь однажды, давно, ей довелось увидеть, как его лицо темнеет, лишь однажды в глазах у него мелькнула угроза, но разве могло сравниться то выражение с угрозой, что сверкала в них сейчас!.. Она не заметила — а может, не хотела замечать.

Его руки были длиннее моих.

Прежде чем Мелани дотянулась до него моими пальцами, рука Джареда поднялась в замахе и тыльная сторона ладони врезалась мне в скулу. Страшной силы удар подкосил меня, я стукнулась головой о камень, мое тело глухо рухнуло на пол, глаза закатились. В ушах стоял звон, все плыло. Я изо всех сил цеплялась за ускользящее сознание.

«Глупо, ой, глупо, — простонала я Мелани. — Я же тебе говорила, не

надо».

«Джаред здесь, Джаред жив, Джаред здесь», — бессвязно, словно слова привязавшейся песенки, бубнила она.

Я попыталась сфокусировать взгляд, но странный потолок слепил. Я отклонила голову от света, и едва удержалась от стога: скула раскалывалась от дикой боли. А ведь это всего лишь один удар, на который я сама и напросилась. Что же со мной сделают долгие часы планомерных побоев?

Рядом прошаркали ноги; мой взгляд неосознанно взметнулся в поисках новой угрозы... надо мной стоял дядя Джеб. Он вроде бы собирался протянуть мне руку, но обернулся и передумал. Стараясь не застонать, я приподняла голову и увидела то, что видел он.

Джаред направлялся к нам. Лицо его исказилось от ярости — совсем как у тех варваров, там, в пустыне, — но даже в гневе оно было не пугающим, а прекрасным. Сердце дрогнуло и забилося... Мне хотелось смеяться над собой. Мой родной, любимый Джаред шел меня убивать. Всматриваясь в кровожадное выражение любимых глаз, я молила, чтобы ярость взяла верх над расчетом. Хотя нет... Я лукавила: умирать не хотелось.

Взгляды Джеба и Джареда встретились. Казалось, прошла вечность. Джаред стиснул зубы, Джеб сохранял невозмутимость. Наконец Джаред сердито выдохнул и отступил. Молчаливое противостояние закончилось.

Джеб протянул мне руку и, поддерживая меня за спину, помог встать. Тошнило, голова кружилась и раскалывалась от боли. Если бы не пустой желудок, меня наверняка бы вырвало. Ноги не держали: я шаталась и норовила завалиться вперед. Джеб поймал меня и крепко ухватил за локоть.

Джаред наблюдал за нами, скрипя зубами. Эта идиотка опять рванулась к нему, но я уже оправилась от потрясения и могла рассуждать здраво — в отличие от Мелани. Больше ей не вырваться. Я прочно отгородила ее мысленными заслонами.

«Сиди тихо. Он же меня ненавидит. Что бы ты ни сказала, будет только хуже. Мы умрем».

«Но Джаред жив. Джаред здесь», — канючила она.

Тишина распалась, по пещере пошел шепоток, со всех сторон одновременно, словно по какому-то незамеченному мной сигналу. Мне никак не удавалось различить, о чем они шепчутся.

Я оглядела толпу — все взрослые, ни одной детской фигурки. Сердце ныло, с языка Мелани рвался вопрос. Я твердо отказала. Здесь нас ждали лишь злоба и ненависть: злоба на лицах незнакомцев, злоба на лице Джареда.

Толпа расступилась, пропуская высокого худощавого мужчину — под его кожей явственно выступали кости. Волосы выцвели, не разобрать — то ли светло-каштановые, то ли темно-русые. Меня привлекли тонкие черты его лица с мягким, беззлобным выражением. Все уступали дорогу этому непритязательному на вид человеку. Видимо, его здесь уважали. Джаред, однако, не сдвинулся с места и не сводил с меня глаз. Высокий незнакомец обошел его, словно какое-то препятствие — например, лежащий на дороге камень.

— Так, так, — со странной веселостью в голосе произнес он, подходя ко мне. — Я на месте. Что тут у нас?

Ответила возникшая подле него тетя Мэгги:

— Джеб нашел эту тварь в пустыне. Когда-то она была нашей племянницей, Мелани. Похоже, шла по оставленным Джем ориентирам. — Она смирив Джеба уничижительным взглядом.

— Х-м-м... — Сухопарый с любопытством обратил на меня странный, оценивающий взгляд. Казалось, он остался доволен увиденным. Я никак не могла понять, что же ему так понравилось.

Пряча глаза, я перевела взгляд на яркие волосы его спутницы.

«Шэрон!» — вскрикнула Мелани. Двоюродная сестра Мелани по моим глазам поняла, что я ее узнала, и ее лицо застыло.

Я грубо оттеснила Мелани на задворки сознания: «Т-с-с!»

— Х-м-м, — повторил незнакомец и протянул руку к моему лицу. Я отпрянула, метнувшись к Джебу. — Не бойся! — Высокий ободрительно улыбнулся. — Я не сделаю тебе больно.

Он снова протянул руку. Я снова дернулась к Джебу, но тот убрал руку и подтолкнул меня вперед. Высокий осторожно коснулся моей скулы чуть ниже уха и мягко повернул мне голову. Его пальцы нежно ощупывали шею сзади — он изучал шрам, что остался после моего внедрения.

Краешком глаза я следила за выражением лица Джареда. Действия незнакомца явно его расстроили, и я знала почему — Джаред ненавидел тонкую розовую полоску на моей шее...

Джаред нахмурился, но я с удивлением заметила, что его лицо уже не пышет злобой. Он хмурился, выдавая свое смущение.

Высокий убрал руку, пожевал губами, в глазах блеснул огонек.

— Она вполне здорова, если не считать последствий крайнего истощения, обезвоживания и недоедания. Впрочем, воды в нее влили предостаточно, так что об обезвоживании речи уже нет. Ну что ж... — И он странно и, видимо, неосознанно задвигал руками, как бы омывая их. — Приступим.

И тут в голове у меня щелкнуло... Все сходилось: его слова, краткий осмотр — этот мягкий с виду человек, пообещавший не делать мне больно, и был доктор.

Дядя Джеб тяжело вздохнул и закрыл глаза.

Доктор протянул мне руку, ожидая ответного жеста. Я сжала кулаки за спиной. Он снова участливо на меня посмотрел, оценивая горящий в моих глазах ужас. Уголки его рта опустились, но он не хмурился, а лишь обдумывал свои дальнейшие действия.

— Кайл, Иен? — окликнул он, оглядываясь в поисках помощников. Два темноволосых брата здоровяка выступили из толпы. У меня затряслись коленки.

— Мне нужна ваша помощь. Пожалуй, придется... — Рядом с Кайлом доктор казался не таким уж и высоким.

— Нет.

Все обернулись к несогласному. Мне не требовалось оборачиваться на знакомый голос, но я все равно подняла взгляд.

Брови Джареда сошлись на переносице, рот сжался в страшной гримасе. Буря эмоций отражалась на его лице, и сложно было выделить какую-то одну: злость, неповиновение, смущение, ненависть, страх... Боль.

Доктор моргнул, его лицо удивленно вытянулось.

— Джаред?... Что-то не так?

— Да.

Все ждали. Джеб старательно кусал губы, как будто пытался прогнать с лица наползающую ухмылку. Если я угадала, значит, старик отличался весьма своеобразным чувством юмора.

— А именно? — спросил доктор. Джаред ответил сквозь зубы.

— Я тебе скажу, что не так, док. Скажи мне, что лучше: отдать ее тебе или позволить Джебу всадить пулю ей в лоб? В чем разница?

Я вся дрожала. Джеб похлопал меня по плечу.

Доктор снова моргнул.

— Н-да... — вот и все, что он сказал. Джаред сам ответил на свой вопрос:

— Разница в том, что если это сделает Джеб, по крайней мере, она умрет достойно.

— Джаред... — Голос доктора звучал ласково, эту же интонацию он использовал, когда говорил со мной. — С каждым разом мы узнаем все больше. Может быть, на этот раз...

— Ха! — фыркнул Джаред. — Что-то я не замечаю особого прогресса, док.

«Джаред нас защитит», — еле слышно подумала Мелани.

Я не могла сосредоточиться, с трудом складывала слова. «Не нас, а лишь твоё тело».

«Хоть что-то...» — Её голос звучал как бы издалека, а не из моей раскалывающейся головы.

Шэрон встала перед доктором. Странно, она как будто пыталась его защитить.

— Нельзя упускать такую возможность, — жестко проговорила она. — Мы все понимаем, как тебе нелегко, Джаред, но не тебе решать. Нужно действовать в интересах большинства.

Джаред злобно на неё посмотрел.

— Нет, — рявкнул он, именно рявкнул, а не шепнул, но почему-то голос прозвучал приглушенно. Все вдруг стало каким-то тихим. Губы Шэрон двигались, её палец яростно тыкал в Джареда, однако до меня доносилось только тихое шипение. Они не сдвигались с места, но вдруг куда-то поплыли.

Темноволосые здоровяки братья со злобными лицами наступали на Джареда.

Я попыталась поднять руку... мышцы не слушались. Губы Джареда раскрылись, лицо покраснело, жилы на шее вздулись так, словно он кричал, но я ничего не слышала. Джеб отпустил мой локоть, мелькнул серый ствол ружья.

Я отпрянула при виде оружия, пусть даже направленного на кого-то другого, и потеряла равновесие. Комната медленно накренилась набок и опрокинулась.

— Джейми... — выдохнула я. Перед глазами плясали цветные огоньки.

Лицо Джареда, злобное, яростное, внезапно нависло надо мной.

— Джейми? — на этот раз в моем голосе был вопрос.

— Джейми? — хриплый голос Джеба ответил откуда-то издалека. — С ним все хорошо. Джаред его привел.

Искаженное лицо Джареда быстро таяло в темном тумане, застилавшем глаза.

— Спасибо, — прошептала я. Все вокруг поглотила тьма.

Глава 15

Под охраной

Дезориентация исчезла. Я пришла в себя, четко представляя, где нахожусь, и решила не открывать глаз, дышать ровно — в общем, притворяться спящей. Я намеревалась как можно больше узнать о своем положении.

Хотелось есть. Желудок сжимался и сердито ворчал. Эти звуки вряд ли меня выдадут: наверняка живот бурчал и во сне.

Голова раскалывалась. Неясно, какую роль тут сыграла усталость, а какую — перенесенные накануне побои.

Я лежала на твердой поверхности, жесткой и почему-то дырявой — не плоской, а странно выгнутой, словно дно огромной миски. Лежать было неудобно, спина и бедра ныли из-за полусогнутой позы. Возможно, боль меня и разбудила, потому что отдохнувшей я себя совсем не чувствовала.

Было темно — это я поняла даже с закрытыми глазами. Не крошечная тьма, просто очень темно. В затхлом, удушливом воздухе чувствовалась сырость и странный едкий привкус, который как будто лип к небу. Здесь было прохладнее, чем в пустыне, но из-за влажности почти так же неуютно. Я снова вспотела — вода, которую дал мне Джеб, искала путь обратно, через поры.

Дыхание отдавалось эхом всего в нескольких футах от меня. Возможно, я просто слишком близко лежала к одной из стен, но почему-то я была уверена, что нахожусь в очень небольшом помещении. Я прислушивалась из всех сил: эхо вроде бы шло с обеих сторон.

Стало быть, я находилась где-то в пещерах, куда привел меня Джеб. Если открыть глаза, увижу большое углубление в красновато-буром камне, испещренное дырами, как сыр.

Тишину нарушали только звуки, издаваемые моим телом. Опасаясь открывать глаза, я полагалась на свои уши и без конца вслушивалась в напряженное безмолвие... безрезультатно. Неужели меня оставили без охраны? На роль охранника подошел бы дядя Джеб с его вездесущим ружьем или кто-нибудь менее жалостливый. Оставить меня одну... это не вязалось с жестокими человеческими нравами, с естественным страхом и ненавистью, которые они ко мне испытывали.

Разве что...

Я попыталась сглотнуть, но страх комком встал в горле. Нет, меня не оставили одну, если только не решили, что я умерла или вот-вот умру. Наверняка в этих пещерах существовали места, откуда не возвращаются.

Воображение услужливо дорисовало жуткую картину: меня опустили на дно глубокой шахты или замуровали в тесную могилу. Я задышала чаще, ища в спертom воздухе признаки того, что кислород кончается. Легкие растянулись от глубокого вдоха, готовые исторгнуть зарождающийся крик. Я покрепче сжала зубы и сдержалась.

И вдруг что-то резко заскрежетало на полу у самого моего уха.

Мой пронзительный визг прорезал замкнутое пространство, я открыла глаза, отпрянула от зловещего лязга, вжалась в неровную каменную стену, закрыла руками лицо и больно стукнулась головой о низкий потолок.

Тусклый свет осветил совершенно круглое входное отверстие каменной, похожей на пузырь камеры, просунувшееся в дыру лицо Джареда и протянутую ко мне руку. Крепко сжав губы, Джаред следил за моей панической реакцией, на его лбу билась жилка. Я пыталась прийти в себя, а он все стоял и пожирал меня горящими от гнева глазами. Наконец сердце забило ровнее, дыхание выровнялось. Я встретила с ним взглядом и вспомнила, что при желании Джаред мог быть бесшумным, как призрак. Теперь понятно, почему я не слышала, что он сидит у входа.

Но я ведь точно что-то слышала. Едва я об этом вспомнила, как вытянутая рука Джареда дернулась и скрежет повторился. У моих ног лежал отломанный кусок пластика, служивший подносом. А на нем...

Я вцепилась в открытую бутылку с водой, прильнула губами к горлышку, не обращая внимания на гримасу отвращения, что исказила лицо Джареда. Само собой, позже я еще обольюсь горячими слезами, но в ту секунду меня интересовала лишь вода. Смогу ли я теперь спокойно смотреть на воду? Учитывая, что жить мне оставалось всего ничего, ответ, вероятно, был отрицательным.

Джаред исчез за круглым входом — в проеме виднелся лишь край рукава. Тусклый искусственный свет голубоватого оттенка мерцал где-то рядом с Джаредом.

Бутылка с водой наполовину опустела, и тут мое внимание привлек новый запах, суливший кое-что помимо утоления жажды. Я снова посмотрела на поднос.

Еда. Меня кормят?

Большой ломоть хлеба, рядом миска с прозрачной жидкостью, остро пахнущая луком. Наклонившись над миской, я рассмотрела темные кусочки на дне. Рядом лежали три белых клубня. Наверно, какие-то овощи,

только я не могла понять какие.

На эти открытия мне понадобилось всего несколько секунд, но в эти короткие мгновения мой желудок чуть не выпрыгнул через рот, пытаясь дотянуться до еды.

Я вгрызлась в черную корочку. Явно здешней выпечки, хлеб был из непросеянной муки, неочищенные крупинки и шелуха застревали в зубах. Мякоть зернистая, но запах! М-м-м... Ничего вкуснее я в жизни не ела, даже божественное крошево «Твинкиз» из хижины в пустыне с этим не сравнится. Челюсти работали, как заведенные, и все равно не поспевали. После каждого глотка в животе урчало. Впрочем, скоро выяснилось, что я переоценила свои возможности — отвыкший от пищи желудок реагировал слишком болезненно.

Не обращая внимания на дискомфорт, я принялась за жидкость, которая оказалась супом. Суп пошел легче. Не считая лукового запаха, вкус был мягким, зеленые кусочки на дне — нежными и мясистыми. Я выхлебала все до последней капли, жалея, что нет добавки, и чуть не вылизала миску, чтобы ничего не пропало. Белые овощи оказались волокнистыми и пресными на вкус — какие-то коренья, не столь питательные, как суп, и не столь вкусные, как хлеб, но за неимением лучшего вполне сошли. Я не наелась, даже не утолила голод — и, наверное, сжевала бы поднос, если бы не опасалась обломать зубы.

Лишь когда я доела, до меня вдруг дошло, что меня не должны кормить. Разве что Джаред проиграл, уступил меня доктору... Но тогда почему Джаред меня охраняет?

Я оттолкнула пустой поднос, и он со скрежетом проехал по полу. Я съежилась, вжалась в стенку каменного пузыря, дожидаясь, пока поднос заберут. В этот раз Джаред даже не взглянул на меня.

— Спасибо, — шепнула я. Он, разумеется, не ответил, даже бровью не повел. На этот раз и рукав рубашки скрылся, но я не сомневалась: Джаред у входа.

«Поверить не могу, что он поднял на меня руку», — изумленно думала Мелани. Она до сих пор была под впечатлением, а вот я ни капельки не удивилась. Ударил, и ладно — хорошо хоть не убил...

«Куда ты делась? — спросила я. — Заварила кашу, а сама в кусты... Некрасиво».

Она пропустила мое замечание мимо ушей.

«А я-то думала, он не сможет. Что бы ни случилось. Я бы ни за что не смогла».

«Еще как смогла бы. Если бы он пришел к тебе с отражающими

зрачками, ты бы поступила так же. Люди по природе своей агрессивны». — Я вспомнила, как когда-то она мечтала задушить Искательницу. Казалось, с тех пор пролетели месяцы, хотя на самом деле прошло всего лишь несколько дней. Странно... Непонятно, как за столь короткий срок я умудрилась так вляпаться.

Мелани попыталась быть честной с собой.

«Нет, не смогла бы. Только не Джареда... и не Джейми... Я не могла бы причинить Джейми вред, даже если он...» — Она запнулась, отказываясь думать о подобном исходе.

Она говорила правду. Даже если бы наш Джейми стал кем-то или чем-то еще, ни у одной из нас не поднялась бы рука...

«Это другое. Материнское. Трезвый расчет тут бессилён. Слишком много эмоций».

«Материнство — эмоциональное состояние. Даже для вас, Душ».

Я промолчала.

«Как думаешь, что теперь будет?»

«Ты же у нас эксперт по людям, — напомнила я. — Кажется, все довольно скверно. С чего бы им так стараться поставить нас на ноги? На ум приходит лишь одна причина...»

Запечатленные в памяти подробности зверств из истории человечества перемешались со статьями старой газеты, найденной накануне. Огонь — одна из самых страшных пыток. Когда-то давно Мелани случайно обожгла правую ладонь, схватившись за раскаленную сковороду. Я помнила страшную боль ожога — внезапную, острую, всепоглощающую. Но тот ожог был случайным — быстро приложили лед, компрессы, смазали лекарством. А каково придется, если боль будут причинять умышленно, продлевая и растягивая пытку...

Мне еще не доводилось жить на планете, где происходили бы подобные жестокости, пусть даже до появления Душ. Безусловно, в этом мире смешалось все самое возвышенное и самое низкое — самые удивительные чувства... и самые низменные пороки, самые мрачные злодеяния. Вероятно, это закономерно: без минусов не существует плюсов, без горя — радости. Станут ли Души исключением из этого правила? Получится ли у них использовать светлые стороны этого мира, поборов темные?

«Я... Когда он тебя ударил, я кое-что почувствовала», — отвлекла меня Мелани. Она говорила медленно, выдавливая слова, словно через силу.

«Представь себе, я тоже. — Удивительно, как просто мне давался сарказм после долгого общения с Мелани. — Рука у него тяжелая, не

спору».

«Я о другом. Мне... — Она надолго умолкла, а затем выпалила на одном дыхании: — Я думала, что наши чувства к Джареду... они, ну... исходят от меня. Мне казалось... я могу их контролировать».

Мысли, которые стояли за ее словами, были яснее слов.

«Ты считала, что тебе удалось привести меня сюда по твоему желанию. Что ты управляешь мной, а не наоборот. — Я старалась подавить досаду. — Тебе казалось, ты можешь мной манипулировать».

«Да. — Голос ее был печален, но не оттого, что я огорчилась: она не хотела признавать свою ошибку. — А на самом деле...»

Я слушала.

Слова опять полились потоком: «Ты тоже любишь его, но не так, как люблю я. Иначе. Пока он был далеко, я не замечала, и только когда ты впервые его увидела... Как же так? Как трехдюймовый червяк мог влюбиться в человека?»

«Червяк?»

«Прости. Ну, эти ваши... конечности...» «Не совсем. Это скорее антенны. И в распрямленном состоянии они куда длинней трех дюймов». «Но ты же не человек».

«У меня человеческое тело. Пока я в нем, я человек. Если бы не твои воспоминания о Джаред... Ты сама во всем виновата».

Она задумалась. Ей не понравилась эта мысль.

«Значит, если бы ты поехала в Тусон, в новом теле ты бы его разлюбила?»

«Мне очень, очень хочется в это верить».

Ни меня, ни ее не устраивал подобный ответ. Я уткнулась лицом в колени. Мелани сменила тему.

«По крайней мере, я спокойна за Джейми. Я знала, что с Джаредом он будет в безопасности... Вот бы его увидеть...»

«Я об этом даже не заикнусь!» — Меня затрясло, когда я представила, какой ответ последует на подобную просьбу.

Одновременно я сгорала от желания увидеть лицо мальчика. Мне хотелось убедиться, что он действительно здесь, в безопасности, что его кормят, что за ним ухаживают так, как никогда не смогла бы Мелани. Так, как хотелось бы мне, несостоявшейся Матери. Кто споет ему колыбельную? Кто расскажет сказку на ночь? Новый, озлобленный Джаред не станет тратить время на подобные пустяки. Кто согреет Джейми, кто утешит, кто прогонит страхи?...

«Интересно, ему сообщат, что я здесь?» — спросила Мелани.

«Думаешь, стоит?» — ответила я вопросом на вопрос. Ее мысли прозвучали глухо, словно шепотом. «Не знаю... Мне хочется, чтобы он знал: я сдержала обещание».

«Ну конечно, сдержала. — Мелани не переставала меня удивлять. — Ты же вернулась...»

«Спасибо», — едва слышно поблагодарила она. Не знаю, что она имела в виду — мои слова или ситуацию в целом: ведь это я привела ее сюда.

Я вдруг поняла, что очень устала. Мелани тоже устала, это чувствовалось. Теперь, когда я утолила муки голода и в некотором роде насытилась, даже боль во всем теле не помешает мне заснуть. Какое-то время я раздумывала, боялась лишний раз пошевелиться... однако в конце концов желание лечь и вытянуться пересилило, и я потихоньку заворочалась смелее. В итоге я устроилась в тесном каменном мешке, просунув ноги в круглое отверстие. Мне не особенно это нравилось: Джаред мог решить, что я собираюсь сбежать, но он никак не отреагировал. Вместо подушки я подложила под уцелевшую щеку локоть и, стараясь не обращать внимания на боль в спине и неудобную позу, закрыла глаза.

Мне казалось, я сплю, но, наверное, я все-таки дремала, потому что, как только вдалеке раздался звук шагов, я тут же проснулась. На этот раз я сразу же открыла глаза. Мало что изменилось — все тот же тусклый свет, проникающий сквозь круглую дыру входа; Джареда снаружи по-прежнему не видно. Кто-то шел сюда — шаги явно приближались. Я осторожно убрала ноги от входа и скрючилась у дальней стены, чувствуя себя слишком уязвимой...

Распрямиться бы... Однако низкий потолок каменного пузыря едва позволял встать на колени.

За пределами моей темницы происходило какое-то движение. Мелькнула брючина Джареда.

— А, вот ты где! — В гулкой тишине слова прозвучали так громко, что я даже подскочила. Знакомый голос: один из братьев здоровяков — Кайл, обладатель мачете.

Джаред промолчал.

— Так не пойдет, Джаред, — произнес другой, более рассудительный голос. Возможно, младший брат, Иен. Голоса братьев были бы похожи, не срывайся Кайл так часто на крик и злобный звериный рев. — Мы все кого-то потеряли — черт, да можно сказать, всех близких. Это просто смешно.

— Раз по твоей милости тварь не досталась доку, она сдохнет прямо

сейчас, — прорычал Кайл.

— Нельзя ее тут держать, — подхватил Иен. — Рано или поздно она сбежит и выдаст нас.

Джаред отступил на шаг и встал напротив входа в камеру.

До меня дошел смысл услышанного, и сердце заколотилось. Меня не подвергнут пыткам. Меня не убьют — по крайней мере, не сейчас. Джаред настоял, чтобы меня держали в плену.

Плен... Каким же сладким показалось мне это слово.

«Я же тебе говорила, он нас защитит».

— Не усложняй ситуацию, Джаред, — произнес незнакомый мужской голос. — Не лезь не в свое дело.

Джаред ничего не ответил.

— Джаред, не нарывайся. Мы же все тут братья. Не вынуждай нас. — Кайл не блефовал. — Отойди.

Джаред не сдвинулся с места.

Сердце у меня затрепетало, заколотилось о ребра. Стало трудно дышать. Страх парализовал Мелани, мысли ее бессвязно блуждали.

Они готовы его избить. Эти безумцы, люди, нападают на своего же сородича.

— Джаред, послушай... — обратился к нему Иен. Джаред не ответил.

Звук тяжелых шагов... прыжок — как будто что-то тяжелое с размаху налетело на что-то твердое. Кто-то охнул, послышалось сдавленное бульканье, словно кого-то душили.

— Нет! — закричала я и метнулась в дыру.

Глава 16

Поручение

Выбираясь из каменного мешка, я в кровь расцарапала щиколотки и ладони об истертый порожек. Было больно. Я рывком распрямилась и отдышалась. Кровь отлила от головы, перед глазами все плыло, но я упрямо намеревалась отыскать Джареда и встать между ним и нападавшими.

Все замерли и уставились на меня. Джаред стоял спиной к стене, низко опустив сжатые в кулаки руки. Перед ним, держась за живот, распластался на земле Кайл. Иен и незнакомец, стоявшие чуть в стороне, от удивления остолбенели. Я воспользовалась внезапностью. В два нетвердых, но широких шага я очутилась между Кайлом и Джаредом.

Первым пришел в себя Кайл. Я находилась меньше чем в футе от него, и он пихнул меня в плечо, утягивая к полу, но кто-то ухватил меня за запястье и рывком поставил на ноги.

Осознав, что он делает, Джаред отбросил мою руку, словно обжегся серной кислотой.

— Полежай обратно, — рявкнул он и толкнул меня, но не так сильно, как Кайл. Я споткнулась и отлетела на два шага к дыре.

Снаружи вход в камеру казался круглым черным отверстием в стене пещеры побольше, которая отличалась от крохотного каменного мешка лишь формой и размером: она походила не на пузырь, а на трубу. Небольшая лампа с неизвестным мне топливом тускло мерцала на полу. Странные тени плясали на лицах людей, превращая их в оскаленные морды чудовищ.

Я снова шагнула к ним, заслонив Джареда.

— Вам нужна я, — обратилась я к Кайлу. — Оставьте его в покое.

На миг, показавшийся мне вечностью, воцарилась тишина.

— Хитрая гадина! — В распахнутых глазах Иена мелькнул ужас.

— Я сказал, обратно полежай, — шикнул сзади Джаред. Я слегка обернулась, не желая выпускать из виду Кайла.

— Ты не обязан защищать меня, рискуя собой. Джаред изменился в лице и собрался отшвырнуть меня обратно, ко входу в камеру.

Я отпрыгнула прямо в руки своих убийц.

Иен поймал меня за локти и заломил их назад, за спину. Я сопротивлялась, но он был слишком силен. Хрустнули суставы, я охнула.

— Не тронь ее! — Джаред бросился вперед.

Кайл вцепился ему в шею борцовским захватом. Незнакомец повис у Джареда на руке.

— Не бейте его! — взвизгнула я, вырываясь из крепких рук.

Локоть Джареда врезался Кайлу в живот. Кайл охнул и разжал хватку. Джаред увернулся от противников, сделал выпад назад, и его кулак встретился с носом Кайла. Темно красная кровь брызнула на стены, закапала на лампу.

— Прикончи тварь, Иен! — завопил Кайл, нагнул голову и с разбегу влетел в Джареда, оттолкнув его к третьему нападавшему.

— Нет! — в один голос выкрикнули мы с Джаредом. Иен выпустил мои руки и сжал мне горло, перекрыв дыхание. Я тщетно скребла его пальцы короткими ногтями. Он усилил хватку, оторвав меня от пола.

Я задыхалась, легкие горели, боль становилась невыносимой. Извиваясь всем телом, я хотела избежать боли, а не рук убийцы.

Что-то щелкнуло.

Этот звук я слышала лишь однажды, но хорошо запомнила. И остальные тоже. Все застыли на месте, хотя Иен так и не убрал рук с моей шеи.

— Кайл, Иен, Брандт — назад! — гаркнул Джеб. Никто не пошевелился — лишь мои пальцы продолжали скрести, а ноги по-прежнему дергались в воздухе.

Джаред внезапно поднырнул под неподвижное плечо Кайла и прыгнул на меня. Я увидела летящий в лицо кулак и закрыла глаза.

Громкое «шмяк» прозвучало у меня над ухом. Иен взвыл, я рухнула на пол и осталась лежать у его ног, ловя ртом воздух. Джаред отступил, бросил на меня сердитый взгляд и встал рядом с Джебом.

— Вы у меня в гостях, парни, не забывайте, — рявкнул Джеб. — Я же сказал, не трогать девушку. Она такая же гостя, как и вы... Во всяком случае, пока — и я не потерплю, чтобы ее убивали у меня в доме.

— Джеб, — простонал Иен надо мной. Он поднес руку ко рту, отчего голос прозвучал глухо. — Джеб, это безумие.

— Что ты предлагаешь? — возмущенно спросил Кайл. Его лицо было все в крови — мрачное, жестокое зрелище. Вот только в голосе не слышалось боли, только едва сдерживаемая кипящая ярость. — Может, нам пора сменить убежище? Скажи, долго ты еще будешь сюсюкаться с этой тварью, как с ручной зверушкой? И что ты с ней сделаешь, когда тебе надоест изображать из себя Бога? Отвечай!

Странные слова Кайла стучали в висках. Сюсюкаться, как со

зверушкой? Джеб назвал меня своей гостьей... Что это, еще одно слово, означающее пленницу? Неужели целых два человека не жаждали ни моей смерти, ни вырванного под пытками признания? Просто чудеса какие-то.

— Вопрос не по адресу, Кайл, — сказал Джеб. — Не мне решать.

Вряд ли можно было придумать более обескураживающий ответ. Все четверо: Кайл, Иен, Брандт и Джаред ошеломленно уставились на Джеба. Я по-прежнему лежала у ног Иена, соображая, как бы незаметно пробраться обратно в свою дыру.

— Не тебе? — наконец отозвался Кайл, все еще не веря своим ушам. — Тогда кому? Хочешь поставить вопрос на голосование? Так дело уже решено. Мы с Иеном и Брандтом уполномочены коллективом.

Джеб помотал головой, не сводя глаз с мужчин.

— Никаких голосований. Это пока еще мой дом.

— Тогда кому? — перешел на крик Кайл.

Джеб взглянул на кого-то из них, а затем снова вернулся к Кайлу.

— Решение за Джаредом.

Все, включая меня, уставились на Джареда, который от неожиданности замер с разинутым ртом, пораженный не меньше остальных, а затем громко скрипнул зубами и с неприкрытой ненавистью посмотрел на меня.

— За Джаредом? — переспросил Кайл, снова глядя на Джеба. — Ерунда какая! — Он совершенно потерял самообладание и захлебывался от злости. — Он же заинтересованное лицо! Почему? Как он может судить?

— Джеб, я не... — забормотал Джаред.

— Ты за нее отвечаешь, Джаред, — твердо произнес Джеб. — Разумеется, если повторится что-либо подобное, можешь на меня рассчитывать, я помогу за ней следить и все такое. Но все решения остаются за тобой. — Кайл возразил было, но Джеб жестом его остановил. — Кайл, давай взглянем на это дело иначе: представь себе, что кто-то нашел твою Джоди и привел сюда. Ты согласишься, чтобы я, или док, или общее голосование решали ее судьбу?

— Джоди погибла, — прошипел Кайл побелевшими губами и посмотрел на меня с тем же выражением, что и Джаред.

— Что ж, если бы ее тело забрело сюда, решение бы принимал ты. Или тебя такой вариант не устраивает?

— Большинство...

— Мой дом, мои правила, — грубо оборвал Джеб. — Разговор окончен. Никаких голосований. Никаких казней. Вы трое сообщите остальным: с сегодняшнего дня вводится новое правило.

— Еще одно? — пробурчал под нос Иен. Джеб пропустил его слова мимо ушей.

— Если, пусть это и маловероятно, нечто подобное повторится, решение принимает тот, кому принадлежит тело. — Джеб ткнул ружьем в сторону Кайла, и затем — в направлении коридора. — Убирайтесь. И чтобы ноги вашей тут не было. Скажите всем, что этот коридор под запретом. Здесь позволено находиться только Джареду. Увижу, что кто-то тут околачивается, стреляю без предупреждения. Уяснили? Давайте, живее. — Он снова наставил оружие на Кайла.

Удивительно: трое убийц дружно отступили, даже не огрызнувшись на прощание!

Мне очень хотелось верить, что ружье в руках Джеба было блефом. С первой встречи Джеб произвел на меня впечатление доброго человека. Он ни разу не поднял на меня руку, в его взгляде не было явной враждебности. Судя по всему, он один из тех двоих, кто не желал мне зла. Да, Джаред старался сохранить мне жизнь, но я видела, как нелегко ему давалось это решение. В любой миг он может передумать. На его лице отражалась внутренняя борьба: наверняка он отчасти хотел побыстрее со всем этим покончить — особенно теперь, когда Джеб взвалил всю ответственность на его плечи. Пока я анализировала ситуацию, Джаред смотрел на меня, и отвращение ясно проступало в каждой его черточке.

Однако судя по тому, с какой скоростью воинственная троица растворилась в темноте, Джеб вряд ли блефовал. Скорее всего, под маской добряка скрывался человек не менее жестокий и опасный, чем остальные. Наверняка Джеб пользовался оружием и прежде, для убийств, а не для угроз — иначе ему так не повиновались бы.

«Времена такие, отчаянные, — прошептала Мелани. — Мы не можем позволить себе быть добрыми в созданном вами мире. Мы беженцы, исчезающий вид. Это вопрос жизни и смерти».

«Т-с-с! Не время спорить. Мне нужно сосредоточиться».

Джаред и Джеб ощутимо расслабились. Джаред протянул Джебу руку ладонью вверх, полусогнув пальцы. Джеб ухмылялся в густую бороду, как будто происходящее доставило ему удовольствие. Станный человек.

— Пожалуйста, не взваливай это на меня, — сказал Джаред. — В одном Кайл прав: я не сумею принять трезвое решение.

— Никто и не говорит, что решать нужно прямо сейчас. Она вроде никуда пока не собирается. — Джеб ухмыльнулся, бросил взгляд в мою сторону и, незаметно для Джареда, быстро закрыл и снова открыл один глаз. Подмигнул? — Она так намучилась, пока сюда добиралась... Думай,

времени море.

— Тут нечего думать. Мелани мертва. Но я не могу... не могу, Джеб, я просто не... — казалось, Джаред не в силах договорить.

«Скажи ему».

«Я пока не готова умирать».

— Тогда не думай, — посоветовал Джеб. — Может, позже решение придет само собой. Не спеши.

— А что с ней-то делать? Не сторожить же тут круглосуточно...

Джеб покачал головой.

— Какое-то время придется. Все устаканится. Через пару недель даже Кайл перебесится.

— Пару недель? Ты предлагаешь все это время ее охранять? Нам столько всего надо...

— Знаю, знаю, — вздохнул Джеб. — Что-нибудь придумаем...

— Это еще не все. — Джаред взглянул на меня, и на его лбу забились жилки. — Где ее держать? У нас даже тюрьмы нет.

Джеб с улыбкой повернулся ко мне.

— Ты ведь не доставишь нам хлопот, правда? Я смотрела на него, потеряв дар речи.

— Джеб... — растерянно пробормотал Джаред.

— Не переживай за нее. Во-первых, она будет у нас под присмотром. Во-вторых, ей никогда отсюда не выбраться — она элементарно заблудится. И в-третьих, она не настолько глупа. — Джеб приподнял густую белую бровь и обратился ко мне: — Ты же не станешь искать встречи с Кайлом и его друзьями? Они к тебе особой любви не питают — думаю, ты заметила.

Я молчала. Непринужденный, шутливый тон Джеба настораживал.

— Слишком уж ты с ней церемонишься, — пробормотал Джаред.

— Меня так воспитали, уж прости. — Джеб положил руку Джареду на плечо и легонько похлопал. — Послушай, ты всю ночь сторожил. Я тебя сменяю. Иди поспи.

Джаред хотел было возразить, но снова взглянул на меня, и лицо его ожесточилось.

— Как скажешь, Джеб. И я... я не... Я не возьму на себя ответственность за это существо. Если считаешь нужным, убей ее.

Меня передернуло.

Джаред сердито наблюдал за моей реакцией, а затем резко развернулся и пошел вслед за остальными. Джеб глядел ему вслед. Воспользовавшись моментом, я забралась обратно в свою нору.

Джеб устроился на полу у входа, с кряхтением потянулся, хрустнул

суставами. Вскоре он начал тихонько насвистывать какую-то веселенькую мелодию.

Я забилась в самый дальний угол и сидела там на корточках, обхватив руками колени. Дрожь расплзалась от поясницы вверх по спине, руки тряслись, зубы стучали, несмотря на влажную жару пещеры.

— Пожалуй, можно и прикорнуть, — сказал Джеб, обращаясь то ли ко мне, то ли к самому себе. — Завтра предстоит трудный день.

Примерно через полчаса дрожь унялась. В полном изнеможении я решила последовать совету Джеба. Пол казался еще неудобнее, чем раньше, но через несколько секунд я провалилась в сон.

Меня разбудил запах еды. На этот раз, открыв глаза, я с трудом поняла, где нахожусь. Руки охватила дрожь — непроизвольная паническая реакция.

На полу пещеры лежал вчерашний поднос, с теми же самыми подношениями. Джеб сидел у входа, боком ко мне, глядя в конец длинного овального коридора, и насвистывал. Мучаясь от жуткой жажды, я села и схватила открытую бутылку с водой.

— Доброе утро, — кивнул мне Джеб.

Я замерла с бутылкой в руке. Он отвернулся и снова засвистел.

Лишь теперь, утолив жажду, я ощутила неприятное стойкое послевкусие. Похожий привкус ощущался в воздухе, но вода пахла сильнее.

Я быстро поела, оставив суп напоследок. По сравнению с прошлой трапезой мой желудок радостно востепенулся, куда охотнее принимал пищу и почти не ворчал.

Основные потребности были удовлетворены, и тело вспомнило об остальных. Я оглядела тесную темную нору. Выбирать не приходилось, но мысль о том, что придется подать голос и попроситься наружу, пусть даже у чудаковатого, дружелюбного Джеба, вселяла в меня ужас.

Я раскачивалась взад и вперед, мучимая сомнениями. От долгого пребывания в скрюченной позе бедра ныли.

— Гм... — Джеб снова смотрел на меня, лицо под седой бородой залила краска. — Ты тут уже давно... Прогуляться не хочешь?

Я кивнула.

— Мне самому не мешает прогулка, — радостно сообщил Джеб и на удивление проворно вскочил на ноги.

Я подползла к краю своей норы, с опаской поглядывая на странного охранника.

— Покажу тебе нашу уборную, — продолжил он. — Только имей в виду, придется пройти через... что-то вроде главной площади, если можно так выразиться. Не волнуйся. Полагаю, все уже в курсе. — Джеб

бессознательно погладил ружье.

Я поперхнулась. Мочевой пузырь, казалось, вот-вот лопнет, я едва терпела боль. Но пройти через сборище злобных убийц? Разве не проще принести ведро?

Джеб оценил заматавшуюся в моих глазах панику, заметил, как я попятилась обратно — и поджал губы, мысленно прикидывая, как лучше поступить. Затем развернулся и зашагал вниз по коридору.

— Пошли, — окликнул он, даже не обернувшись.

Я живо представила, что будет, если Кайл застанет меня здесь одну, и сорвалась вдогонку. Я неуклюже протиснулась в дыру и торопливо заковыляла следом на негнущихся ногах. Все тело ныло, но, распрямившись, я почувствовала облегчение — мучительное и одновременно прекрасное чувство, сильнее всякой боли.

Я почти нагнала Джеба в конце коридора. Сквозь высокий обломанный овал выхода зияла тьма. Я помедлила, оглядываясь на небольшую лампу, которую Джеб оставил на полу — единственный источник света в темных пещерах. Может, взять ее с собой?

Джеб оглянулся. Я кивнула, показывая на лампу, и вновь перевела взгляд на Джеба.

— Оставь. Я знаю дорогу. — Он протянул мне свободную руку. — Я тебя поведу.

Я долго смотрела на протянутую руку, а затем, послушавшись позывов мочевого пузыря, медленно и осторожно вложила в нее свою ладонь — едва касаясь. Пожалуй, с тем же чувством я дотронулась бы до змеи.

Джеб вел меня в темноту уверенным, быстрым шагом. Длинный туннель резко петлял в разных, чуть ли не противоположных направлениях. На очередном повороте я поняла, что безнадежно запуталась. Я не сомневалась, что это делается намеренно, по той же причине, по которой Джеб не стал брать лампу. Он предпочитал, чтобы я не имела возможности изучить дорогу из этого лабиринта.

Интересно, откуда взялось это место, как Джеб его нашел и как сюда добрались остальные? Я покрепче сжала губы: самым разумным решением было держать язык за зубами. Я и сама не понимала, на что рассчитываю. Выгадать еще несколько дней жизни? Унять боль? Что еще мне оставалось? Я знала только, что не готова к смерти, в чем днем раньше честно призналась Мелани; мой инстинкт самосохранения был развит не хуже, чем у любого среднестатистического человека.

Еще один поворот — и вдалеке наконец замаячил свет. Впереди лежала узкая расщелина, залитая ярким, чистым светом, который не

походил на искусственный синеватый свет лампы в моей пещере. Проход был слишком узок для двоих. Джеб шел впереди, я — следом, как на буксире. На свету я вновь обрела зрение и осторожно выдернула ладонь из легонько сжимавшей ее руки Джеба. Он никак не отреагировал, просто перенес освободившуюся руку на приклад ружья.

Мы оказались в коротком туннеле. Яркий свет лился из арки показавшегося впереди проема. Стены были из того же дырчатого красноватого камня.

До меня донеслись голоса: тихие, в отличие от назойливого гула недавней толпы. Сегодня нас не ждали. Представляю, какую реакцию вызовет наше с Джебом появление. Ладони покрыла холодная испарина, стало трудно дышать. Я придвинулась к Джебу поближе, но так, чтобы его не касаться.

— Спокойно, — пробормотал он. — Они тебя боятся больше, чем ты их.

Никакой уверенности в этом у меня не было. Даже если Джеб и прав, страх в человеческом сердце порождает ненависть, а ненависть — насилие.

— Я не дам тебя в обиду, — пробубнил Джеб, как только мы подошли к проему. — Ничего, привыкнут.

Я хотела спросить, что это значит, но он уже шагнул в проход. Я прошаркала следом, держась на полшага за Джебом, стараясь укрыться в его тени. Мне было страшно, но перспектива отстать и столкнуться с кем-нибудь из здешних обитателей пугала сильнее.

Нас встретила неожиданная тишина.

Мы снова оказались в гигантской, ярко освещенной пещере, куда меня привели в первый раз. Сколько времени прошло с тех пор? Я понятия не имела. Потолок по-прежнему горел слишком ярко, источник света было не разглядеть. Свод пещеры не испещряли углубления; рассеянные отверстия продолжались десятками проходов — в прошлый раз я этого не заметила. Одни отверстия казались огромными, другие — едва ли в человеческий рост; некоторые были естественного происхождения, иные — если не вырубленные целиком, то, по крайней мере, подправленные вручную.

Несколько человек смотрели на нас из этих проходов, остановившись на полпути. Еще больше людей находились в главной пещере, занимались какими-то своими делами, но, увидев нас, застыли — наше появление застигло их врасплох. Какая-то женщина так и осталась стоять, нагнувшись к шнуркам. Другой мужчина что-то объяснял своим товарищам, занесенная в жесте рука замерла в воздухе. Еще один слишком резко остановился и чуть не упал. Качнувшись, он резко поставил на пол ногу — звук эхом

пронесся по огромному залу.

С моей стороны было вопиюще неправильно испытывать благодарность к мерзкому орудию убийства в руках Джеба, но тем не менее... Если бы не ружье, меня, вероятно, уже бы растерзали. Эти люди, не задумываясь, искалечили бы Джеба, лишь бы добраться до меня. Впрочем, даже оружие не гарантировало безопасность — стрелять пришлось бы в кого-то одного.

Мерзкая картина в моей голове стала невыносимой. Я попыталась сосредоточиться на непосредственном окружении, ведь и без того все было достаточно скверно.

Джеб ненадолго остановился, зажал ружье у пояса, направил ствол от себя. Он окинул взглядом пещеру, останавливаясь на каждом — на одном за другим. Много времени это не заняло: я насчитала меньше двадцати человек. Удовлетворенный результатом, Джеб направился в левую сторону пещеры. Как тень, я скользнула за ним; кровь стучала в висках.

Джеб решил не пересекать пещеру напрямую, а пойти вдоль левой стены. Сперва меня удивил такой маршрут, а потом я заметила темное пятно в центре пола — очень большой кусок, который все обходили стороной. Я отметила эту аномалию, не вдаваясь в подробности, и даже не поинтересовалась, для чего, собственно, она предназначалась, — меня сковал страх.

Мы шли по безмолвному залу, и люди потихоньку оживали. Склоненная женщина разогнулась и проводила нас взглядом. Жестикულიровавший мужчина сложил руки на груди. Глаза смотрели с суровым прищуром, лица исказила сдерживаемая ярость. Впрочем, никто не сделал и шага в нашу сторону, никто не открыл рта. Что бы Кайл с остальными ни рассказывали о своей стычке с Джебом, похоже, надежды Джеба оправдались.

В редколесье человеческих фигур я узнала Мэгги и Шэрон, глазающих на нас с разинутыми ртами. Выражение лиц ошеломленное, в глазах — холод. Они смотрели не на меня, а на Джеба, который даже не взглянул в их сторону.

Казалось, мы целую вечность добирались до другого конца пещеры. Джеб направился к небольшому выходу, что чернел на фоне яркого освещения. От взглядов, направленных мне в спину, затылок горел, но обернуться не хватало духу. Люди по-прежнему молчали. Что, если они направятся за нами? Я с облегчением юркнула в темноту нового туннеля. Джеб мягко взял меня за локоть, и на этот раз я не отпрянула. Гул голосов позади так и не возобновился.

— Прошло лучше, чем я ожидал, — шепнул Джеб, ведя меня дальше. Я удивилась и обрадовалась своему неведению: лучше уж не знать, чего же он ожидал.

Земля под ногами пошла под уклон. Впереди замерцал тусклый свет.

— Спорим, ты никогда не видела ничего похожего на мое жилище. — Голос Джеба вновь повеселел. — Местечко что надо, а? — Он на миг умолк, давая мне возможность ответить, а затем продолжил: — Еще в семидесятые его нашел. А точнее, оно — меня. Я провалился в расщелину над большим залом — другой бы расшибся насмерть, но я малый крепкий, выжил. Пришлось искать выход. Не поверишь, пока я отсюда выбирался, готов был камни грызть от голода. Я тогда один на ранчо жил, так что показать некому было. Изучил каждую трещинку, каждый выступ и понял, какие тут таятся возможности. Ну и решил до поры до времени оставить все в секрете — так сказать, про запас... на будущее. Такие уж мы, Страйдеры, предусмотрительные — всегда парочка тузов в рукаве.

Тусклый свет шел из отверстия в потолке, размером с кулак, и ярким кружком выделялся на полу. Наконец в глубине прохода показался еще один освещенный участок.

— Тебе наверняка интересно, как образовались эти пещеры. — Еще одна пауза, покороче. — Мне вот точно было. Я провел кое-какие исследования. Тут кругом лавовые протоки — вникаешь? Когда-то здесь располагался вулкан. А точнее, и сейчас есть, и, похоже, вполне себе действующий, как ты скоро сама убедишься. Все эти пещеры и отверстия — пузыри воздуха, попавшие в остывающую лаву. За несколько десятков лет я вложил в это место немало труда. Что-то было несложным — соединить туннели оказалось не таким уж и трудным делом, ну а кое-где пришлось проявить смекалку. Видела потолок в большой пещере? На то чтобы довести его до ума, ушли годы.

Мне было очень интересно, но я не могла заставить себя подать голос. Решила, что безопаснее промолчать.

Уклон стал круче. В полу появились грубые ступеньки, довольно прочные с виду. Джеб уверенно вел меня по ним. Мы спускались все глубже. Казалось, воздух вокруг нагревается и все больше пропитывается влагой.

Где-то впереди раздался шум голосов, и я напряглась. Джеб мягко коснулся моей руки.

— Сейчас начнется самое интересное, тебе понравится, — пообещал он.

Широкий открытый свод мерцал рассеянным светом, чистым и белым,

как в большом зале, только здесь он рассыпался множеством танцующих бликов. Как и все непонятное, эта пещера с ее странным освещением пугала меня.

— Вот мы и пришли, — с воодушевлением объявил Джеб, таща меня за собой в проход. — Что скажешь?

Глава 17

Гости

Мы словно вошли в парилку: влажный и густой пар окутывал, горячей росой оседал на коже. Я непроизвольно раскрыла рот, чтобы сделать глоток воздуха, ставшего вдруг очень плотным. Запах усилился — привязчивый металлический привкус, такой же, как в местной воде.

Нарастающий гул, многоголосие басов и сопрано, казалось, звучал отовсюду, усиленный многократным эхом. Я тревожно вглядывалась в клубы горячих испарений, пытаюсь различить, откуда идут голоса. Свет был слишком ярким — потолок сверкал, как в большой пещере, только гораздо ближе. Лучи плясали в водяной взвеси, создавая ослепительный переливающийся занавес. Из всех сил напрягая глаза, я в испуге ухватила за руку Джеба.

К моему удивлению, странный тягучий гул не изменился при нашем появлении. Наверное, нас еще не заметили.

— Душновато тут, — извиняющимся тоном произнес Джеб, разгоняя пар у лица. Он сказал это как бы между делом, но так громко, что я подскочила. Голос прозвучал расслабленно, словно рядом никого не было. Перешептывание, однако, не стихало.

— Вообще-то я не жалуюсь, — продолжал Джеб. — Если бы не это место, я бы давно погиб, еще когда в первый раз застрял в пещерах. Ну и конечно, без него мы не смогли бы тут прятаться. А без убежища мы бы все уже были мертвы, понимаешь?

Он заговорщически подтолкнул меня локтем.

— Идеальное расположение. Я бы и сам не спланировал лучше. Куда мне с моими пластилиновыми макетами!

Его хохот немного разогнал пар, и я рассмотрела помещение.

В клубах пара через просторную пещеру текли две реки. Так вот что за гул стоял в ушах — быстрые потоки бурлили и пенились в берегах из красноватого вулканического камня. Теперь понятно... здесь и в самом деле никого не было, кроме нас.

В пещере протекали река и ручеек. Ручеек был ближе к нам — сплетенная из нескольких неглубоких потоков лента быстро текла, серебрясь в лучах света, и казалось, вот-вот выплеснется и зальет пологий каменный берег... В напевном журчании слышался женский голос,

высокий и тонкий.

Река вторила грубым мужским басом — вся в густых клубках пара, поднимающегося из черных воронок у дальней стены. Вода, запертая внизу, под слоями камня, чернела в широких круглых вымоинах в полу пещеры. Где-то в глубине этих темных, опасных с виду дыр едва виднелся стремительный бурный поток, который нес свои воды к невидимой и непостижимой цели. Из-за тепла и пара казалось, что река кипит: даже ее голос был похож на звук кипящей воды.

С потолка свисало несколько длинных, узких сталактитов, капающих на растущие им навстречу сталагмиты. Три такие пары соединились, образовав тонкие черные колонны, покрытые блестящей водяной пленкой.

— Осторожнее тут, — предупредил Джеб. — В горячем ручье течение довольно быстрое. Упадешь — пиши пропало. Уже был случай... — Он склонил голову, видимо, вспомнив что-то, хотя лицо его оставалось непроницаемым.

Я испытала внезапный ужас при мысли о темных вихревых течениях подземной реки, представила, как падаю в это бурлящее варево, и содрогнулась.

Джеб легонько похлопал меня по плечу.

— Не бойся. Главное — смотри под ноги, и все будет хорошо. — Он указал в дальний конец пещеры, где в ее глубинах исчезал ручей. — Там, в первой пещере, находится купальня. Мы выкопали в полу замечательную глубокую ванну. Существует расписание, кто когда ванну принимает, но вообще тут можно не стесняться — все равно темно хоть глаз выколи. Помещение хорошее, теплое, рядом ручей, и не обожжешься, как в первом горячем источнике. Дальше, в расщелине, есть еще одна комната. Мы расширили вход, чтобы было удобно. Это последняя пещера — дальше вода уходит под землю. Поэтому мы решили сделать из нее уборную. Гигиенично и практично. — Он сказал это самодовольным тоном, словно в удачном природном расположении пещер была его заслуга. Впрочем, он ведь обнаружил и обустроил здесь все, так что частично его гордость была оправданна.

— Мы экономим батареи, и большинство из нас ориентируется здесь с закрытыми глазами, но поскольку это твой первый раз, вот, возьми...

Джеб достал из кармана фонарик и протянул мне. В памяти всплыла наша первая встреча: он нашел меня, умирающую, в пустыне, посветил в глаза фонариком и понял, кто я. Не знаю почему, но мне стало грустно.

— Надеюсь, тебе не взбредет в голову выбираться отсюда вплавь, — предупредил Джеб. — Река уходит под землю.

Кажется, он ждал от меня знака, что я усвоила предупреждение, и я кивнула. Я взяла из его рук фонарь, стараясь не делать резких движений.

Он ободряюще улыбнулся.

Я быстро направились в указанном Джебом направлении — журчание воды отнюдь не облегчало моих мучений. Оставшись одна, я чувствовала себя странно. А вдруг кто-нибудь затаился в темноте пещер, понимая, что рано или поздно мне придется сюда прийти? Услышит ли Джеб шум борьбы за ревом потока?

Я осветила купальню фонариком, в поисках засады. Мигающие в свете фонаря тени выглядели жутковато, зато я не нашла никакого подтверждения своим страхам. «Ванна» оказалась размером с небольшой бассейн и очень темной. В ней можно было спрятаться с головой, если задержать дыхание... Я торопливо прошла сквозь узкую щель в стене, спасаясь от разыгравшегося воображения. Вдали от Джеба на меня нахлынула паника: дыхание участилось, в ушах стоял гул, в висках бешено стучало. Обратно я почти бежала.

Джеб стоял на том же месте, в той же позе, и это было как бальзам для моих расшатанных нервов. Дыхание и пульс выровнялись. Я никак не могла понять, почему этот безумный человек так успокаивающе на меня действует. Наверное, Мелани права насчет «отчаянных времен».

— Ну как, сойдет для сельской местности? — спросил он с гордой улыбкой. Я снова кивнула и вернула фонарь.

Мы отправились назад по темным переходам.

— Эти пещеры — настоящий подарок. Если б не они, мы бы ни за что не выжили такой большой группой. Магнолия и Шэрон неплохо справлялись — там, в Чикаго, но сильно рисковали, прячась вдвоем. Хорошо, когда есть компания. Чувствуешь себя человеком.

Джеб еще раз придержал меня за локоть, помог забраться по грубым ступенькам.

— Прости за... жилище, которое тебе предоставили. Это самое безопасное место, какое я смог придумать. Вообще, даже странно, что ребята так быстро тебя нашли. — Он вздохнул. — Что ж, у Кайла... есть свои причины. А вообще, все к лучшему. Может, привыкнет со временем. Может, подыщем тебе что-нибудь поуютнее. Я что-нибудь придумаю... По крайней мере, пока я с тобой, тебе не нужно торчать в этой норе. Если хочешь, можешь сидеть со мной в коридоре. Вот только с Джаредом... — Джеб умолк.

Я слушала его извинения, не веря своим ушам; я и не надеялась на подобную доброту, никогда не думала, что этот вид способен на

сострадание к врагу. Я легонько похлопала по ладони, лежащей на моем локте, нерешительно, показывая, что поняла и постараюсь не доставить хлопот. Я не сомневалась: Джаред мечтает, чтобы я поскорее исчезла.

Джеб совершенно верно расценил мое безмолвное согласие.

— Вот и умница, — сказал он. — Со временем все образуется. А док пусть лучше людей лечит. Лично я считаю, что от тебя, от живой, будет куда больше толку.

Мы стояли близко, и он почувствовал, как я задрожала.

— Не волнуйся. Сейчас док не будет тебя беспокоить... Дрожь не унималась. Джеб обещал только «сейчас». Не существовало никаких гарантий, что Джаред не передумает. А вдруг он решит, что мой секрет важнее, чем тело Мелани? Я знала, если это произойдет, я сильно пожалею, что Иен не доделал свое дело. Я сглотнула, чувствуя синяк, который расплылся по всей шее; горло болело даже внутри.

«Если б знать, сколько нам осталось», — как-то давным-давно сказала Мелани, когда я еще контролировала свою жизнь.

Ее слова звенели у меня в ушах. Мы вновь вышли в большую пещеру, на «главную площадь», полную людей, совсем как прошлой ночью. Все взгляды устремились к нам: в адресованных Джебу читалось «предатель», в тех, что предназначались мне, — «смерть». Я не поднимала глаз от каменного пола. Джеб перехватил ружье наизготовку.

На самом деле, это был лишь вопрос времени. Страх и ненависть витали в воздухе. Джеб не сможет долго меня защищать.

Я с облегчением протиснулась в узкую расселину, ведущую к петляющему черному лабиринту и моему убогому пристанищу; может, хоть там мне дадут побыть одной.

Большая пещера заполнилась злобным шипением — словно разворошили змеиное гнездо. Захотелось ускорить шаг.

Джеб тихонько посмеивался. Чем дальше, тем страннее он себя вел. Непостижимое чувство юмора, загадочное поведение.

— Тут порой скучновато, знаешь ли, — пробормотал он. Джеб ставил меня в тупик. — Может, когда им надоест злиться, они оценят развлечения, которые я им доставляю.

Наш путь сквозь темноту вился змеей, и я совершенно не узнавала дороги. Наверное, Джеб выбрал другой маршрут, чтобы окончательно меня запутать. Вроде бы мы шли дольше. Наконец за очередным поворотом замаячил свет лампы.

Я приготовилась к встрече с Джаредом. Если он вернулся, то будет очень зол. Наверняка он не одобрит вылазку Джеба, какой бы

необходимостью она ни была продиктована.

За углом, у стены рядом с лампой, отбрасывая длинную тень в нашу сторону, виднелась чья-то ссутуленная фигура — явно не Джаред, меньше и худощавее. Моя рука непроизвольно впилась в плечо Джеба, и я вгляделась в сторбившийся силуэт. Некрупный, сухопарый и жилистый. Даже в тусклом свете голубой лампы его кожа отливала густым загаром, шелковистые черные волосы свободно спадали до плеч.

У меня подогнулись колени, вцепившаяся в плечо Джеба рука искала поддержки.

— Ради бога! — раздраженно воскликнул Джеб. — Неужели никто здесь не может хранить тайну дольше суток? Черт знает что! Кучка сплетников... — Он сбился на ворчание.

Я даже не пыталась вникнуть в сказанное Джебом; я оказалась вовлеченной в самую жестокую схватку за мою жизнь — за все прожитые жизни.

Я чувствовала Мелани каждой клеточкой своего организма. Нервные окончания затрепетали, узнавая ее привычное присутствие. Мышцы дернулись, предвосхищая ее рывок. Губы задрожали в попытке раскрыться. Я подалась всем телом к мальчику в коридоре — всем телом, потому что руки не слушались.

Мелани многому научилась за те несколько раз, когда я уступала или теряла власть над собой, и мне всерьез пришлось с ней биться — так тяжело, что лоб покрылся испариной. Но сейчас я не умирала в пустыне. Я не испытывала ни слабости, ни головокружения, и на этот раз меня не захватило врасплох неожиданное появление человека, которого мы считали потерянным навсегда; я давно знала, что эта встреча состоится. Мое выносливое тело быстро восстанавливалось, силы уже вернулись ко мне. Владение телом придавало мне уверенности и решимости.

Я изгнала Мелани из всех членов, лишила всех точек опоры, всех завоеваний, откинула назад, на задворки сознания, где и приковала к месту.

Ее капитуляция стала внезапной и безоговорочной. Вздох Мелани походил на стон.

Одержав победу, я ощутила необъяснимое чувство вины.

Мелани стала для меня чем-то большим, чем сопротивляющийся носитель, который излишне усложняет жизнь. За недели, проведенные вместе, мы притерпелись друг к другу, можно даже сказать, сдружились, особенно после того, как нас объединила борьба против общего врага — Искательницы, которую Мелани называла Ищейкой. В пустыне, когда надоевшей навис нож Кайла, я радовалась, что умру, не запятнав свою совесть

убийством Мелани, — уже тогда она для меня значила больше, чем просто тело. Но сейчас, казалось, нас связывало нечто большее. Я жалела, что причинила ей боль.

Впрочем, это было необходимо, а она, по видимому, отказывалась понимать. Любое не вовремя сказанное слово, любой необдуманный шаг означал немедленную казнь. Ее порывы, слишком эмоциональные и необузданные, не привели бы ни к чему хорошему.

«Доверься мне, — сказала я. — Я пытаюсь сохранить нам жизнь. Знаю, ты не хочешь верить, что твои люди способны причинить нам вред...»

«Но это же Джейми!» — прошептала она. Она отчаянно рвалась к мальчику, и я снова почувствовала слабость в коленях.

Я попробовала беспристрастно взглянуть на угрюмого подростка, который сгорбился, скрестив руки на груди, у стены туннеля; попыталась увидеть в нем незнакомца и соответственным образом спланировать свою реакцию или отсутствие таковой. Моя попытка провалилась. Передо мной сидел Джейми, и он был прекрасен, и я — я, не Мелани — раскинула руки, чтобы обнять его. Из глаз хлынули слезы — хотелось думать, что они не заметны в тусклом свете лампы.

— Джеб, — сказал Джейми вместо приветствия. Он скользнул по мне взглядом и отвел глаза.

Как повзрослел его голос! Неужели Джейми так быстро вырос? Горькое чувство вины пронзило меня: ему только недавно исполнилось четырнадцать. Мелани подсказала мне дату — в тот самый день мне приснился сон о нем. Целыми днями она отчаянно таила от меня свою боль, прятала воспоминания, пытаясь уберечь мальчика, но во сне память взяла свое. А я отправила сообщение Искательнице. Ищейке.

Я содрогнулась: какая же я была бессердечная.

— Малыш, что ты тут делаешь? — потребовал ответа Джеб.

— Почему вы мне не сказали? — ответил вопросом на вопрос Джейми.

Джеб промолчал.

— Это Джаред так решил? — настаивал Джейми.

— Что ж, теперь ты знаешь. Легче тебе от этого? Мы просто хотели...

— Защитить меня? — хмуро перебил мальчик. Когда он успел ожесточиться? Нет ли в этом моей вины? Есть, конечно.

Мелани забилась в рыданиях. Ее громкий плач отвлекал меня, голоса Джареда и Джейми звучали словно издалека.

— Отлично, Джейми. Значит, в защите ты не нуждаешься. Чего же ты

хочешь? — Столь быстрая капитуляция, похоже, обескуражила мальчика. Его взгляд заметался между мною и Джебом, и наконец, поборов себя, Джейми выпалил:

— Я хочу поговорить с ней... с ним. — От неуверенности его голос вновь стал мальчишеским.

— Она не слишком-то разговорчива, — сообщил ему Джеб, — но ты все-таки попробуй.

Джеб отцепил мои пальцы от своего предплечья, опустил на пол у стены, поерзал, устраиваясь поудобнее. Ружье осталось лежать у него на коленях. Джеб откинул голову, оперся о стену, закрыл глаза — и мгновенно уснул.

Я стояла, не двигаясь, стараясь не смотреть на Джейми, но ничего не получалось.

Джейми, удивленный сговорчивостью Джеба, широко распахнутыми глазами смотрел на прикорнувшего у стены старика. Джейми казался совсем ребенком. Прошло несколько минут; Джеб не шелохнулся. Джейми снова посмотрел на меня, и выражение его темных глаз стало жестче. В этом сердитом взгляде ребенка, который изо всех сил старался казаться большим и храбрым, я увидела страх и боль. Всхлипы Мелани не прекращались, а у меня задрожали колени — вот-вот подогнутся. Я медленно отодвинулась к стене, прислонилась к ней спиной, сползла на пол и обхватила колени руками, стараясь сжаться в клубок.

Джейми следил за мной настороженным взглядом, а затем сделал четыре медленных шага в мою сторону и мельком посмотрел на Джеба, который по-прежнему не шевелился и не открывал глаз. Джейми опустил на колени рядом со мной, и на его лице вдруг появилось напряженное выражение. Сейчас он выглядел совсем взрослым. С лица маленького мальчика на меня грустно взглянули глаза мужчины, и сердце у меня оборвалось.

— Ты не Мелани, — тихо произнес он.

Мне хотелось поговорить с ним, я должна была ему ответить, но, помедлив, я лишь покачала головой.

— Но ты в ее теле. — Очередная пауза, и я снова кивнула.

— А что у тебя... у нее с лицом?

Я представила, как выглядит мое лицо, и пожала плечами.

— Кто это тебя так? — Джейми нерешительно протянул палец, почти коснувшись моей шеи. Я не двигалась, не испытывая желания отшатнуться от этой руки.

— Тетя Мэгги, Джаред и Иен, — бесстрастно перечислил Джеб.

Мы с Джейми вздрогнули от неожиданности. Джеб не шелохнулся, глаза его по-прежнему были закрыты — сама безмятежность. Казалось, будто он ответил на вопрос Джейми сквозь сон.

Джейми подождал немного и снова, с тем же напряженным выражением, повернулся ко мне.

— Ты не Мелани, но ты хранишь все ее воспоминания и еще много чего, так?

Я опять кивнула.

— Ты знаешь, кто я?

Я попыталась проглотить слова, но с губ сорвалось:

— Джейми. — Мой голос дрогнул, с нежностью произнеся родное имя.

Он удивленно заморгал и шепнул в ответ:

— Верно...

Мы одновременно взглянули на неподвижного Джеба и посмотрели друг на друга.

— Ты помнишь, что с ней случилось? — спросил он. Я поморщилась и медленно кивнула.

— Мне надо знать, — прошептал он. Я замотала головой. — Мне надо знать, — повторил Джейми дрожащими губами. — Я уже не ребенок. Рассказывай!

— Это не очень... приятно, — выдохнула я, не в силах остановиться. Мне было очень трудно ему отказать.

Джейми нахмурился, сведя ровные черные брови над широко распахнутыми глазами.

— Расскажи, пожалуйста, — шепнул он.

Я бросила взгляд на Джеба: похоже, он подглядывал за нами сквозь ресницы.

— Ее заметили, когда она заходила в запретную зону, — чуть слышно начала я. — Догадались, что что-то не так, и вызвали Искателей. Ищеек.

Джейми вздрогнул.

— Ищейки гнались за ней, вынуждали сдаться, загнали ее в угол... Она спрыгнула в шахту лифта.

Меня передернуло при воспоминании о боли. Загорелое лицо Джейми побелело.

— Она не погибла? — прошептал он.

— Нет. У нас очень умелые Целители. Ее быстро заштопали и вселили в нее меня. Я должна была выяснить, как ей удалось выжить.

Я рассказала слишком много. Джейми вроде бы не заметил, что я

проговорила, но Джеб медленно открыл глаза и пристально посмотрел на меня. Больше он ничем себя не выдал.

— Почему ей не дали умереть? — Джейми с трудом сглотнул, сдерживая всхлип — осмысленное страдание взрослого, а не ребенка, которого страшит неизвестность.

Мучительные звуки! Хотелось протянуть руку и приласкать его, обнять и утешить. Я сжала руки в кулаки и постаралась сосредоточиться на его вопросе. Взгляд Джеба скользнул по моим рукам и вернулся обратно, к лицу.

— От меня ничего не зависело, — пробормотала я. — Когда это произошло, я находилась в криоконтейнере в глубоком космосе.

Джейми снова удивленно заморгал. Он ожидал другого ответа и пытался перебороть какое-то новое чувство. В глазах Джеба светилось любопытство.

То же любопытство, хотя и более настороженное, взяло верх над Джейми.

— Откуда вы пришли? — спросил он.

Сама того не желая, я улыбнулась: настойчивости Джейми не занимать.

— Издалека. С другой планеты.

— С какой... — начал Джейми, но его неожиданно прервали.

— Какого черта? — заорал Джаред, в ярости застывший у поворота в конце туннеля. — Какого черта, Джеб! Мы же договорились не...

Джейми вскочил на ноги.

— Джеб меня сюда не приводил. А вот ты должен был. — Джеб вздохнул и медленно поднялся. Ружье скатилось с его колен на пол, в нескольких дюймах от меня. Я испуганно отпрянула.

Джаред отреагировал иначе. Он бросился ко мне, в несколько прыжков покрыв длинный коридор. Я вжалась в стену и вскинула руки, закрывая лицо. Джаред подхватил ружье.

— Тебе что, жить надоело? — Он ткнул стволом Джебу в грудь.

— Уймись, Джаред, — устало произнес Джеб и взял ружье. — Она и пальцем не дотронется до этой штуки, даже если я оставлю ее без присмотра на всю ночь. Не видишь, что ли? — Он направил ствол в мою сторону, и я отпрянула. — Она не Ищейка, это точно.

— Заткнись, Джеб!

— Отстань от него, — выкрикнул Джейми. — Он ничего не сделал.

— Ты! — Джаред обернулся к сердитой худенькой фигурке. — Марш отсюда, или я за себя не ручаюсь!

Джейми не сдвинулся с места, сжав кулаки. Джаред вскинул сжатые в кулаки руки.

Пораженная, я приросла к месту. Почему они так кричат друг на друга? Они же одна семья, связь между ними прочнее любых кровных уз. Джаред не ударит Джейми — у него рука не поднимется! Мне хотелось сделать что-нибудь, но любой мой поступок их только разозлит.

На этот раз Мелани была спокойнее меня.

«Он не причинит Джейми вреда, — уверенно подумала она. — Этого просто не может быть».

Джейми и Джаред стояли друг напротив друга, словно враги. Я испугалась.

«Не нужно было нам сюда приходить. Посмотри, сколько горя мы им причиняем», — простонала я.

— Зря вы от меня скрывали, — сквозь зубы выдавил Джейми. — И зря ее избili. — Он ткнул пальцем в мою сторону.

Джаред сплюнул.

— Это не Мелани. Она никогда не вернется, Джейми.

— Это ее лицо, — настаивал Джейми. — И ее шея. Тебе что, приятно видеть на ней синяки?

Джаред опустил руки, закрыл глаза и тяжело вздохнул.

— Джейми, оставь меня в покое и немедленно убирайся, иначе я тебя выставлю отсюда. Я не шучу. Я так больше не могу, ясно? Всему есть предел. Давай отложим этот разговор. — Джаред открыл глаза, исполненные невыносимой боли.

Джейми посмотрел на Джареда, и гнев медленно сполз с его лица.

— Прости, — пробормотал он. — Я пойду... но я еще вернусь.

— Это я после обдумаю, а сейчас уходи. Пожалуйста.

Джейми пожал плечами, бросил на меня еще один изучающий взгляд и удалился быстрым широким шагом. У меня заныло сердце — как жаль упущенного времени!

Джаред посмотрел на Джеба.

— И ты уходи! — сухо проговорил он.

— Честно говоря, по-моему, тебе стоит отдохнуть. Я посижу за...

— Иди уже!

Джеб задумчиво наморщил лоб.

— Ладно. Как скажешь. — И пошел в глубь коридора.

— Джеб? — окликнул его Джаред.

— Чего тебе?

— А ты ее застрелишь прямо сейчас, если я попрошу? — Джеб не

замедлил шага, не взглянул на нас и четко ответил:

— Придется. Я своих правил не нарушаю, поэтому сто раз подумай, прежде чем просить.

Дядя Джеб растворился во мраке.

Джаред посмотрел ему вслед. Я не стала дожидаться, пока Джаред пронзит меня пасмурным взглядом — юркнула в свое неудобное убежище и свернулась калачиком в дальнем углу.

Глава 18

Скука

Остаток дня я провела в полной тишине, которая прервалась только раз, да и то на мгновение, когда Джеб принес нам с Джаредом еду. Кладя поднос у входа в мою крохотную пещерку, он улыбнулся мне, как бы извиняясь.

— Спасибо, — прошептала я.

— Не за что, — произнес Джеб.

Джаред, раздраженный нашим коротким диалогом, недовольно буркнул что-то — первый раз за целый день. Я не сомневалась, что он сидит где-то у входа, хотя снаружи не доносилось даже легкого дыхания.

Это был очень долгий день, скомканный и муторный. Я испробовала все возможные позы, но так и не смогла вытянуться поудобнее. Поясница беспрестанно ныла.

Мы с Мелани много думали о Джейми. Больше всего мы переживали, не навредило ли ему наше появление здесь, не причиняем ли мы ему боль и теперь. Стоило ли это исполненного обещания?

Время потеряло значение. Рассвет был снаружи или закат? Под землей для меня все смешалось. У нас с Мелани кончились темы для разговора — мы равнодушно перебирали наши общие воспоминания, словно переключали телевизионные каналы, не останавливаясь ни на одном. Однажды я задремала, но из-за неудобной позы не сумела толком заснуть.

Наконец возвратился Джеб, и я готова была расцеловать его морщинистое лицо. Он заглянул ко мне в камеру и лукаво улыбнулся.

— Как насчет еще одной прогулки? Я нетерпеливо закивала.

— Я ее свожу, — буркнул Джаред. — Давай ружье! Я замерла, скрючившись у выхода из пещеры.

— Ступай, — кивнул мне Джеб.

Покачиваясь на затекших ногах, я выбралась и оперлась на протянутую Джебом руку. Джаред застонал от омерзения и отвернулся, вцепившись в ружье побелевшими пальцами. Мне не нравилось оружие в руках Джареда — лучше бы оно оставалось у Джеба.

Джаред в отличие от Джеба не делал никаких поблажек и сразу же, не дожидаясь меня, устремился в темноту туннеля.

Я едва за ним поспевала — он шел почти беззвучно и не направлял

меня, поэтому приходилось идти, вытянув одну руку перед собой, а другой держась за стену, чтобы никуда не врезаться. Я дважды упала, споткнувшись на неровном полу. Джаред не помог мне подняться, но подождал, пока я встану на ноги. Один раз, на относительно прямом участке туннеля, я подошла слишком близко и случайно коснулась рукой его спины, между лопаток. Он отскочил и сердито зашипел.

— Прости, — прошептала я, чувствуя, как к щекам приливает кровь. Джаред не ответил, лишь ускорил шаг, и теперь мне было еще сложнее за ним угнаться.

Наконец вдалеке замаячил свет.

Я растерялась — мы шли другим путем? Впереди не сверкала белым сиянием большая пещера. Свет был приглушенный, рассеянный. Но я вроде бы узнала узкую расщелину, служившую входом... И лишь оказавшись внутри огромного, наполненного гулким эхом пространства, я поняла, в чем причина — наступила ночь.

Лившееся сверху тусклое мерцание походило на лунный, а не на солнечный свет. Я воспользовалась щадящим глаза освещением и изучила потолок, пытаясь разгадать его секрет. Высоко-высоко над головой мягко сияли сотни крошечных лун, которые располагались под потолком в виде случайных скоплений, некоторые — в стороне от остальных. Я удивленно покачала головой. Даже глядя на источник света, я никак не могла сообразить, в чем дело.

— Пошли, — сердито позвал ушедший вперед Джаред.

Я вздрогнула и поспешила за ним, жалея, что позволила себе отвлечься. Видно было, как сильно его раздражает необходимость лишний раз со мной говорить.

Наконец мы добрались до пещеры с подземными реками. Я не надеялась получить фонарь и оказалась права. С потолка, как и в большой пещере, лился тусклый свет, только миниатюрных лун было всего чуть больше двадцати.

Джаред стиснул зубы и уставился в потолок, а я нерешительно направилась к дальней пещере с черным бассейном. Я подумала, что если я оступлюсь и упаду в кипящий подземный источник, Джаред воспримет это как вмешательство судьбы. Я осторожно, по стеночке, стала пробираться в глубь купальни.

«Думаю, он расстроится, — заявила Мелани. — Если мы упадем».

«Вряд ли. Возможно, это всколыхнет боль потери, но он обрадуется, что избавился от меня».

«Потому что он тебя не знает», — прошептала Мелани и неожиданно

затихла, словно ее внезапно покинули силы.

Я замерла. Неужели Мелани только что сделала первый комплимент в мой адрес?

— Быстрее там, — рывкнул из-за стены Джаред. Подгоняемая страхом, я торопливо закопошилась в темноте.

По возвращении оказалось, что Джеб дожидается нас у голубой лампы; у его ног лежали два комковатых цилиндра и два неровных прямоугольника. Раньше я их тут не замечала. Наверное, пока нас не было, он их откуда-то принес.

— Ты здесь сегодня спишь или я? — небрежным тоном обратился Джеб к Джареду.

Джаред посмотрел на сложенные у ног Джеба предметы и коротко ответил:

— Я обойдусь одним спальником. Джеб приподнял густую бровь.

— Эта тварь — не человек. Ты сказал, что решаю я, так что отвали.

— Она же не зверь какой. Даже с собаками так не поступают.

Джаред только крепче стиснул зубы.

— Ты ведь жестокостью никогда не отличался, — мягко произнес Джеб, поднял один из валиков, закинул его на плечо и прихватил один из прямоугольников — подушку.

— Прости, милая, — сказал он, проходя мимо, и похлопал меня по плечу.

— Перестань! — прорычал Джаред.

Джеб пожал плечами и неторопливо побрел прочь. Я поспешила укрыться в своей норе: забила поглубже, свернулась калачиком, — мне вдруг захотелось, чтобы меня никто не видел.

Вместо того чтобы как обычно беззвучно затаиться в наружном туннеле, Джаред расстелил спальник прямо у входа в мою тюремную камеру. Он хорошенько взбил подушку (возможно, намеренно громко, чтобы я заметила), растянулся на подстилке и скрестил руки на груди, так что в отверстии виднелись только его сложенные руки и часть живота.

Его кожа была темно-золотистого оттенка, как в моих недавних снах. Удивительно — часть моего сна лежала во плоти всего в пяти футах от меня. Нереально.

— Мимо меня не проберешься, — предупредил он и зевнул. Его сонный голос звучал мягче, чем раньше. — Попробуешь — убью.

Я не ответила. Его предупреждение меня задело. С какой стати мне пробираться мимо него? Куда мне идти — в лапы варваров, которые только и ждут чего-нибудь в этом роде? А даже если, допустим, мне каким-то

чудом удастся мимо них проскользнуть, куда дальше? Обратно в пустыню, которая чуть меня не зажарила до смерти в прошлый раз? Неужели он думает, что я на такое способна? Какой коварный план по уничтожению их мирка, по его мнению, я вынашиваю? Неужели я выгляжу настолько всемогущей? Я же беззащитна, совсем...

Джаред погрузился в глубокий сон, стал метаться и дергаться, как в воспоминаниях Мелани. Такое случалось, если он был сильно расстроен. Его пальцы сжимались и разжимались, а я гадала, не мою ли шею они сдавливают во сне.

В полной тишине прошло несколько дней — может быть, целая неделя, не знаю. Джаред молчаливой стеной встал между мной и остальным миром, ограждая меня и от плохого, и от хорошего. Я слышала лишь свое дыхание; видела лишь черную пещеру, круг бледного света, знакомый поднос с одним и тем же пайком, короткие, украдкой, взгляды Джареда; касалась лишь пористых каменных стен; чувствовала лишь вкус горькой воды, черствого хлеба, пресного супа, волокнистых кореньев, — снова и снова, изо дня в день.

Это было весьма странное сочетание: постоянный страх, непрерывный физический дискомфорт и мучительное однообразие. Сложнее всего было вынести убийственную скуку. Моя тюрьма служила камерой сенсорной депривации.

И я, и Мелани боялись сойти с ума.

«Мы слышим голоса в голове, — заметила она. — Это опасный признак».

«Мы разучимся говорить, — переживала я. — Сколько времени мы уже ни с кем не общаемся?»

«Четыре дня назад ты поблагодарила Джеба за принесенную еду, и он ответил. Ну, мне кажется, что прошло четыре дня... По крайней мере, с тех пор мы спали четыре раза. — Она вздохнула. — Хватит грызть ногти, я еле избавилась от этой вредной привычки».

Отросшие ногти меня нервировали.

«Да ладно тебе. О вредных привычках недолго придется беспокоиться».

Джаред запретил Джебу носить мне еду. Теперь кто-то оставлял поднос в конце коридора, и Джаред его забирал. Меня кормили одним и тем же — хлеб, суп и овощи — два раза в день. Иногда приносили вкусности для Джареда, пакетики со знакомыми названиями: «Ред вайнс», «Сникерс», «Поп тартс». Интересно, как люди добывают эти лакомства?

Разумеется, я не думала, что он со мной поделится, но иногда

спрашивала себя, не рассчитывает ли он на это. Я с удовольствием слушала, как он ест, демонстративно чавкая и причмокивая, — наверное, с той же целью, с какой взбивал подушку в первую ночь.

Как-то раз Джаред медленно открыл пакет «Читос», и густой запах сырной отдушки поплыл по пещере... манящий, аппетитный. Джаред не спеша, с громким дразнящим хрустом, отправил в рот горстку чипсов.

В животе у меня громко заурчало, и я звонко расхохоталась. Мне не удалось даже припомнить, когда еще я так смеялась, если не считать приступа жуткой истерики в пустыне, которую вряд ли можно было назвать смехом. Меня и раньше-то, еще до того как я сюда попала, трудно было развеселить. Но по какой-то причине мне показалось ужасно смешным то, как разошелся мой желудок от одного запаха каких-то чипсов. Я не смогла сдержать смех. Определенно, признак надвигавшегося сумасшествия.

Моя выходка почему-то задела Джареда — он поднялся и пропал из виду. Вскоре хруст послышался откуда-то издалека. Я выглянула в отверстие: Джаред сидел в темном конце коридора, спиной ко мне. Я поспешно втянула голову — а вдруг он обернется и заметит, что я подглядываю? С тех пор он старался держаться в конце коридора и только на ночь укладывался у входа в мою тюрьму.

Дважды в день — или, точнее, два раза за ночь, поскольку людей я не видела, — Джаред выводил меня в пещеру с реками. Несмотря на страх, это было самое приятное: единственная возможность отдохнуть от тесноты крохотной пещерки, в которой приходилось сидеть, скрючившись в три погибели. Каждый раз было все сложнее залезать обратно.

Три раза за неделю, всегда ночью, приходили люди. В первый раз это был Кайл.

Я проснулась оттого, что Джаред внезапно вскочил на ноги.

— Убирайся, — предупредил он, поднимая ружье.

— Заглянул проверить, — сказал Кайл. Его голос звучал издалека, но довольно громко и грубо. Я сразу поняла, что это не его брат. — Однажды тебя здесь не будет. Или будешь слишком крепко спать.

Вместо ответа Джаред взвел курок.

Раздался удаляющийся смех Кайла.

Кто-то заходил еще два раза, но я не определила кто. Может быть, снова Кайл, или Иен, или тот, третий, чьего имени я не помнила. Дважды меня будил шум — Джаред вскакивал и грозил непрошеному гостю ружьем. В полной тишине. Тот, кто «заглянул проверить», не утруждал себя разговором. Выпроводив очередного гостя, Джаред быстро засыпал. В отличие от меня.

На четвертый раз произошло кое-что новенькое.

Я дремала, а Джаред вдруг проснулся и быстрым движением перекатился на колени. Чертыхаясь, он схватил ружье.

— Спокойно, — пробормотал кто-то издалека. — Я пришел с миром.

— Расскажи кому-нибудь другому, — огрызнулся Джаред.

— Просто поговорить. — Голос приближался. — Ты тут сидишь и многое пропускаешь... Нам тебя не хватает.

— Не сомневаюсь, — саркастически ответил Джаред.

— Слушай, опусти оружие. Если бы я собирался с тобой драться, пришел бы не один.

— Как твой братец поживает? — спросил Джаред с ехидцей и непринужденно прислонился к стене напротив, но ружье не опустил. Похоже, ему нравилось дразнить нового посетителя.

Шея заныла — будто чувствуя, что виновник ее синяков и ссадин находится совсем рядом.

— Все еще злится на тебя из-за носа, — сказал Иен. — Впрочем, Кайлу не привыкать, но я все равно передам ему твои извинения.

— Как бы не так.

— А, ну ладно. Врезать Кайлу всегда приятно.

Они тихонько посмеялись, словно старые друзья, что как-то не вязалось с небрежно наставленным на Иена ружьем. Судя по всему, в этом жутком месте людей связывали прочные узы. Сильнее родственных.

Иен присел на матрас рядом с Джаредом. Тускло-голубой свет лампы четко обрисовал темный профиль, идеальный нос — ровный, орлиный, как у античной статуи. Значило ли это, что в отличие от брата, которому так часто ломали нос, он лучше ладит с людьми? Или он просто умел вовремя увернуться?

— Чего ты хочешь, Иен? Ты же не только за извинениями явился.

— А что, Джеб не сказал тебе?

— Что именно?

— Они прекратили поиски. Даже Ищейки. — Джаред ничего не ответил, но вокруг него ощутимо сгустилось напряжение.

— Мы внимательно следили, думали, что-то изменится, только они не особо старались: ограничили поиски зоной вокруг брошенной нами машины, а последние несколько дней, похоже, просто искали тело. Две ночи назад нам повезло — поисковая партия не закопала объедки, запах съестного привлек стаю койотов, да только их спугнула одна из оставших Ищеек. Койоты на нее напали и утащили на добрую сотню ярдов в пустыню, прежде чем остальные услышали крики и пришли на помощь.

Само собой, другие Ищейки были при оружии. Койотов быстро разогнали, пострадавшая Ищейка отделалась царапинами, и они решили, что нечто подобное случилось с нашей гостьей.

Оказывается, они шпионили за поисковым отрядом Ищеек и сумели многое разузнать. Как им это удалось? От этой мысли я вдруг почувствовала себя странно уязвимой, по коже побежали мурашки. Мне совсем не нравилось, что из какого-то совершенно незаметного укрытия люди могли в полной безопасности вести наблюдение за ненавистными Душами.

— В общем, лагерь свернули, все разъехались: Ищейки отказались от поисков, добровольцы разошлись по домам. Никто ее не ищет. — Иен повернулся ко мне, и я пригнулась — может быть, в пещере темно, и он меня не заметит, разглядит лишь черный силуэт. — Полагаю, ее официально объявили погибшей, если они регистрируют подобные случаи, как мы раньше. Джеб всем повторяет как заведенный: «Я же вам говорил!» — всех уже замучил.

Джаред проворчал что-то неразборчивое — я уловила лишь имя Джеба, — а потом вздохнул и сказал:

— Ну и ладно. Наверное, все закончилось.

— Похоже на то. — Иен на миг запнулся и добавил: — Разве что... Впрочем, пустяки, наверное...

Джаред снова напрягся; ему не нравилось, когда от него утаивали подробности.

— Выкладывай.

— Собственно, это заботит только Кайла, а ты же знаешь Кайла. — Джаред хмыкнул в знак согласия. — А у тебя чутье на такие вещи, так что меня интересует твое мнение. Потому я и пришел в «запретную зону» — с риском для жизни, можно сказать, — иронично заметил Иен и продолжил внезапно посерьезневшим голосом: — Понимаешь, есть тут... одна Ищейка — да еще и с «глоком».

Я не сразу поняла употребленное им слово — в словаре Мелани его не было. Наконец я сообразила, что он говорит о каком-то виде оружия, и меня затошнило от мечтательного, полного зависти тона Иена.

— Кайл первым заметил, что она выделяется на общем фоне. Казалось, остальные на нее не обращают особого внимания — очевидно, решения принимает не она. Нет, она пыталась раздавать указания, но ее никто особо не слушал. Интересно, что она им говорила?...

Меня передернуло.

— А когда поиски свернули, — продолжал Иен, — ее такое решение

явно не устроило. Знаешь, эти паразиты обычно такие любезные... А тут даже странно: я впервые видел что-то похожее на ссору — бледное подобие, конечно, но эта, недовольная, явно нарывалась, только остальные Ищейки к ней прислушиваться не стали и уехали.

— А что недовольная? — спросил Джаред.

— Села в машину и поехала в Финикс, но с полдороги повернула обратно, в Тусон, а потом снова направилась на запад.

— Все еще ищет.

— Или запуталась. Она остановилась в магазинчике у горы, еще раз поговорила с работающим там паразитом, хотя его уже опрашивали.

— Х-м-м... — Джаред, похоже, заинтересовался предложенной головоломкой.

— Потом она поперлась пешком в гору, вся в черном с головы до ног — небось, спеклась там заживо, тупица мелкая!

Тело мне свела судорога, я вскочила и съежилась у дальней стены камеры, закрыв лицо руками. Крохотное пространство наполнилось шипением, и лишь когда оно стихло, я поняла, что шипела сама.

Два лица склонились над входом. Лицо Иена оставалось в тени, а свет падал на окаменевшее лицо Джареда.

— Что это? — спросил пораженный Иен.

Мне хотелось затихнуть, исчезнуть, но тело охватила дрожь.

Джаред отошел и вернулся с лампой.

— Посмотри на ее глаза, — пробормотал Иен. — Она напугана.

Я не отрывала глаз от Джареда. Он сверлил меня взглядом, изучал, раздумывал над словами Иена, пытаюсь понять причину моего поведения.

Дрожь не унималась.

«Она никогда не уймется», — всхлипнула Мелани. «Знаю», — простонала я в ответ.

Когда наша неприязнь успела превратиться в страх? У меня внутри все переворачивалось. Почему она не желает признать меня мертвой? А если бы я и в самом деле погибла, она все равно продолжала бы поиски?

— Ищейка в черном, кто она? — неожиданно набросился на меня Джаред. Губы у меня затряслись, но я не ответила: безопаснее было промолчать.

— Ты же можешь говорить, я знаю, — прорычал Джаред. — С Джебом и Джейми ты говорила, поговоришь и со мной.

Он забрался в пещеру, сложившись в три погибели, пригнулся под низким сводом, и это его разозлило. Вероятно, он предпочел бы разговаривать, возвышаясь надо мной.

Бежать было некуда, я и так забила в самый дальний угол. Мы с трудом помещались в пещере. Дыхание Джареда щекотало мне кожу.

— Говори, что тебе известно, — приказал он.

Глава 19

Отчаяние

— Что за Ищейка в черном? Почему она продолжает поиски? — Оглушающий крик Джаредда эхом раскатился по пещере. В ожидании первого удара я закрыла лицо руками.

— Эй, Джаред... — пробормотал Иен. — Может, лучше мне...

— Уйди!

Голос Иена зазвучал ближе, раздался скрежет: Иен попытался втиснуться в каморку, слишком тесную даже для двоих.

— Она слишком напугана, говорить не будет. Дай ей прийти в...

Джаред сдвинулся с места — что-то царапнуло по полу, послышался глухой стук. Иен выругался. Я выглянула из-под пальцев: Иен куда-то скрылся, а Джаред стоял ко мне спиной.

Иен застонал и сплюнул.

— Второй раз, — проворчал он. Видимо, из-за несвоевременного вмешательства Иену достался предназначавшийся мне удар.

— Схлопочешь и в третий, — пригрозил Джаред, развернулся и посветил мне в лицо лампой, которой только что ударил Иена. После долгой темноты пещера озарилась сиянием.

Джаред взгляделся в меня при новом освещении и четко, отдельно произнес:

— Кто. Такая. Ищейка.

Я опустила руки и посмотрела в его безжалостные глаза. Меня мучила мысль, что кто-то другой пострадал из-за моего молчания — пусть даже этот кто-то однажды пытался меня убить. Какая-то неправильная пытка.

Джаред заметил во мне перемену, и выражение его лица смягчилось.

— Если ты ответишь на мой вопрос, — тихо промолвил он, — я тебя не ударю.

В общем-то, мне ничего не мешало ответить: его вопрос не имел ничего общего с тайной, которую я обязалась хранить всеми силами.

— Говори, — давил Джаред. В его жестком взгляде сквозили разочарование и глубокая тоска.

Струсил ли я? Хотелось верить, что так и было — что мой страх перед болью взял верх. Но настоящая причина, по которой я заговорила, была гораздо более жалкой.

Мне хотелось сделать ему приятное, несмотря на то, что он так яростно меня ненавидел.

— Ищейка... — начала я. Мой голос охрип и огрубел из-за долгого молчания.

— Знаем, что Ищейка, — нетерпеливо перебил Джаред.

— Нет, не просто Ищейка, — прошептала я. — Моя Ищейка.

— Что ты имеешь в виду, твоя Ищейка?

— Прикрепленная ко мне, преследующая меня. Из-за нее... — У меня чуть не вырвалось слово, означавшее наш смертный приговор. Я почти сказала «мы». Чистейшая правда, которую он принял бы за грязнейшую ложь — за попытку сыграть на его чувствах, нажать на больное место. Он ни за что не поверит, что его сокровенное желание осуществилось, он увидит лишь опасную лгунью, глядящую на него глазами любимой девушки.

— Из-за нее... — не выдержав, напомнил Джаред.

— Из-за нее я сбежала, — выдохнула я. — Из-за нее я пришла сюда. — Не совсем правда, но и не совсем ложь.

Джаред озадаченно уставился на меня, обдумывая услышанное.

Иен снова заглянул в дыру, и его ярко-голубые глаза удивленно раскрылись. На бледных губах алела темная кровь.

— Ты сбежала от Ищейки? Ты, одна из них! — Джаред мучительно пытался взять себя в руки, чтобы возобновить допрос. — Почему она тебя преследует? Что ей надо?

Я сглотнула; звук вышел неестественно громким.

— Ей нужен был ты. Ты и Джейми. Его лицо посуровело.

— И ты пыталась привести ее сюда? — Я покачала головой.

— Я не... я... — Как объяснить? Он никогда не примет правду.

— Что?

— Я... не хотела ей говорить. Мне она не нравилась. — Он растерянно заморгал.

— Разве у вас там не всеобщая любовь?

— В идеале, да, — призналась я, заливаясь краской.

— Кому ты рассказала об этом месте? — спросил из-за плеча Джареда Иен. Джаред нахмурился, но не отвел взгляда с моего лица.

— Никому. Я не могла сказать... Я просто увидела линии, набросок в альбоме. Я срисовала их для Ищеек... но мы не знали, что они означают. Она все еще считает, что это дорожная карта. — Меня как будто прорвало. Я медленно произносила каждое слово, боясь проговориться.

— Как это «не знала, что они означают»? Ты же здесь. — Джаред

занес руку для удара, но сдержался.

— Я... У меня были проблемы... с моей... с ее памятью. Я не понимала... До некоторых воспоминаний невозможно было добраться, словно их стеной обнесли. Поэтому мне и назначили Ищейку, дожидаться, когда я выужу всю информацию... — Лишнее, лишнее. Я прикусила язык.

Иен и Джаред переглянулись — они никогда не слышали ничего подобного. Мне доверия не было, но им отчаянно хотелось, чтобы мой рассказ оказался правдой. Хотелось слишком сильно, и это их пугало. Джаред колко выкрикнул:

— А воспоминания обо мне, до них ты добралась?

— Долгое время не могла.

— А потом ты все рассказала Ищейке.

— Нет.

— Нет? Почему нет?

— Потому что... к тому времени, как я вспомнила... Мне не хотелось ей говорить.

Иен таращил глаза от изумления.

Голос Джареда изменился, стал мягче, вкрадчивее. Лучше бы он кричал.

— Почему ты не хотела ей говорить?

Я крепко сжала зубы: этот секрет не имел ничего общего с моей тайной, но я была готова вытерпеть любые пытки, лишь бы Джаред не узнал. Мою решимость подстегивало не чувство самосохранения, а глупая оскорбленная гордость — ни за что не признаюсь, что люблю человека, который меня так сильно презирает.

Джаред посмотрел мне в глаза и, наверное, осознал, чего ему будет стоить мой ответ. Он отступил — скорее всего, вернется к этому позже, если к тому времени я буду в состоянии отвечать на вопросы.

— Почему ты не смогла добраться до некоторых воспоминаний? Это... нормально? — Новый вопрос таил неменьшую опасность. Мне впервые пришлось лгать в открытую.

— Она упала с большой высоты. Тело было повреждено. — Ложь давалась мне с трудом, и Джаред с Иеном сразу почувствовали фальшь моего безыскусного ответа. Джаред чуть наклонил голову к плечу; Иен недоуменно приподнял черную бровь.

— Почему эта Ищейка не бросила поиски? — спросил он.

На меня вдруг навалилась усталость. Допрос может продлиться всю ночь и наверняка затянется. Рано или поздно я ошибусь. Я тяжело опустилась на пол у стены и закрыла глаза.

— Не знаю, — прошептала я. — Она не похожа на другие Души. Она... неприятная.

У Иена вырвался удивленный смешок.

— А ты, ты похожа на другие... Души? — спросил Джаред.

Я открыла глаза и устало на него посмотрела. «Идиотский вопрос», — подумала я, зажмурилась, зарылась лицом в колени и обхватила голову руками.

То ли Джаред понял, что больше ничего от меня не добьется, то ли сам устал от неудобной позы. Он подхватил лампу, с кряхтением протиснулся в отверстие пещеры и со стоном потянулся.

— Неожиданно, — прошептал Иен.

— Наверняка, вранье, — отозвался Джаред. Я едва различала слова. Наверное, они и не догадывались, что эхо доносит до меня их разговор. — Только вот... не пойму, в чем она пытается нас убедить... В чем тут загвоздка?

— Вряд ли она врет. Ну, не считая одного раза. Заметил?

— Часть игры.

— Джаред, ты когда-нибудь видел, чтобы паразиты ввали? Кроме Ищеек, разумеется.

— Значит, она Ищейка.

— Ты серьезно?

— Другого объяснения нет.

— Она... оно совершенно не похоже на Ищейку. Если бы Ищейка знала, где нас искать, то привела бы с собой целое войско.

— И они ничего бы не нашли. Но она... оно ведь сюда проникло!

— Оно раз десять могло погибнуть...

— И все-таки оно еще дышит, а?

Они надолго замолчали. Хотелось вытянуться и лечь, но шуметь не стоило. Скорей бы Иен ушел, я бы тогда поспала! Адреналин вымывался из кровеносной системы, а вместе с ним — и все мои силы.

— Наверное, стоит поговорить с Джебом, — прошептал Иен.

— Замечательная мысль! — Голос Джареда сочился сарказмом.

— Помнишь первую ночь? Когда оно прыгнуло между тобой и Кайлом? Странно это.

— Оно просто пыталось выжить, избежать...

— Чтобы Кайл ее убил? Отличный план.

— Сработало же.

— Сработало ружье. Она что, знала, что Джеб придет?

— Оно запудрило тебе мозги.

— Вряд ли. Не знаю почему... По-моему, она хочет, чтобы мы просто оставили ее в покое. — Иен встал. — И знаешь, что самое непонятное?

— Что?

— Я почувствовал себя виноватым, чертовски виноватым, когда она от нас шарахнулась. Да еще эти синяки у нее на шее.

— Нельзя идти на поводу у этой твари, — взволнованно заметил Джаред. — Это же не человек!

— Ага, раз не человек, значит, и боли не чувствует? — прозвучал удаляющийся голос Иена. — Думаешь, ей не больно? Девушку же избили — мы избили!

— Уймись, — шикнул Джаред.

— Пока, Джаред. Еще увидимся.

После ухода Иена Джаред долго не мог успокоиться, все расхаживал по пещере, потом сел на матрас, заслонив свет, и что-то забормотал себе под нос. Я устала ждать, когда он наконец ляжет, и с трудом растянулась на полу, похожем на доньшко миски. Джаред вскочил на ноги, услышав шум, а потом снова забормотал.

— Виноватым, — сердито бурчал он. — Мозги ему запудрила. И Джеб, и Джейми туда же. Пора с этим кончать. Глупо оставлять ее в живых.

Руки у меня снова покрылись гусиной кожей. Главное — не паниковать всякий раз, как ему придет на ум меня прикончить! Я перевернулась на живот, давая отдых спине. Джаред снова дернулся и погрузился в раздумья. Я не выдержала и уснула.

Я проснулась, а Джаред все еще сидел на своем матрасе, локти на коленях, подперев голову кулаком.

Спала я часа два, не больше, но от нервного напряжения снова заснуть не удавалось — меня тревожил визит Иена. Из-за его странной реакции Джаред может решить, что меня нужно еще сильнее изолировать. Виноватым Иен себя чувствует, видите ли... Неужели трудно было промолчать? Когда он меня душил, совесть его не мучила. Мелани тоже бесилась из-за Иена и нервничала, понимая, к чему могут привести его сомнения.

Через несколько минут наши с ней переживания прервали.

— Да я это, я! — раздался голос Джеба. — Не заводись. — Джаред взвел курок.

— Давай, малыш, пристрели меня. Смелей. — С каждым словом голос Джеба приближался.

Джаред вздохнул и опустил ружье.

— Пожалуйста, уходи.

— Есть разговор, — сказал Джеб и уселся напротив входа, кивнув в мою сторону. — Эй, привет!

— Как я это ненавижу, — пробурчал Джаред.

— Ага.

— Иен рассказал мне про Ищеек...

— Знаю. Только что с ним говорил.

— Отлично. Ну и чего ты хочешь?

— Дело не в том, чего хочу я, а в том, что нужно всем. У нас припасы на исходе, не мешало бы устроить вылазку.

— А-а! — Похоже, Джаред рассчитывал услышать что-то другое. Помолчав немного, он предложил: — Пошли Кайла.

— Хорошо, — легко согласился Джеб.

Джаред вздохнул. Похоже, блеф ему не удался. Джеб перехватил инициативу, и Джареду пришлось спасовать.

— Нет, только не Кайла. Кайл слишком... — Джеб хмыкнул.

— Ну да, в прошлый раз он один ходил, так чуть нас всех не подставил. Лезет, не подумав. Может, Иена послать?

— А этот слишком много думает.

— Брандт?

— Долгие походы не для него — запаникует на второй же неделе, ошибок наделает.

— Ладно, тогда сам выбери кандидата.

Время шло. Джаред все вздыхал, но так и не нашел подходящего ответа.

— Двоих, что ли, послать? Иена и Кайла? — спросил Джеб. — Может, сбалансируют один другого.

— Как в прошлый раз? Ладно, я понял, кроме меня идти некому, — вздохнул Джаред.

— Ты лучший, — согласился Джеб. — С твоим появлением наша жизнь переменялась.

Мы с Мелани согласно кивнули. «Неудивительно».

«Джаред волшебник. Мы с Джейми чувствовали себя в полной безопасности: пока Джаред был с нами, к нам даже близко не могли подобраться. Если бы в Чикаго отправился Джаред, у него все получилось бы».

Джаред дернул плечом в мою сторону.

— А что с...

— Буду за ней приглядывать. Кстати, возьми с собой Кайла. Так будет проще.

— Отсутствие Кайла и твой присмотр «время от времени» ничего не решат. Она... Оно долго не протянет.

Джеб пожал плечами.

— Постараюсь справиться. Большого обещать не могу. — Джаред задумчиво закивал.

— Ты сколько тут пробудешь? — спросил Джеб.

— Не знаю, — прошептал Джаред.

Воцарилась тишина, но через пару минут Джеб принялся тихонько насвистывать. Джаред резко выдохнул — видимо, все это время он сдерживал дыхание.

— Сегодня ночью пойду. — Слова давались Джареду с трудом, в них была покорность, но было и облегчение. Голос его чуть смягчился. Джаред словно избавился от тяжелого груза и взвалил на плечи новый, куда более желанный — как раньше, до моего появления здесь. Он отказался от попыток сохранить мне жизнь: пускай природа — точнее, суд толпы — возьмет свое. Меня убьют, но он не станет мстить виноватым, не станет горевать. Все это слышалось в трех произнесенных словах.

Люди часто используют для обозначения печали метафору «разбитое сердце». Мелани когда-то и сама произносила эти слова. Я всегда считала это гиперболой, общепринятым описанием того, что не имеет физиологической подоплеки, вроде «зеленой тоски», а потому не ожидала внезапной боли в груди. Я рассчитывала на тошноту, на ком в горле, может быть, даже на слезы. Но откуда взялась эта боль, резкая, свербящая, раздражающая грудную клетку? Как же так?

Грудь не просто болела: внутри словно что-то сжималось, рвалось в разные стороны. Сердце Мелани тоже было разбито — как если бы мы вырастили отдельный орган, компенсируя раздвоенность сознания. Двойное сердце для двойного разума. В два раза больнее.

«Он уходит, — всхлипывала Мелани. — Мы больше никогда его не увидим». Ее нисколько не заботило, что мы погибнем. Мне хотелось поплакать вместе с ней, но кто-то в этом теле должен был мыслить трезво. Я прикусила ладонь, сдерживая рыдание.

— Вероятно, так будет лучше всего, — сказал Джеб.

— Тогда попрошу ребят... — В мыслях Джаред был уже где-то далеко, вдали от этого тесного, душного подземелья.

— Я обо всем позабочусь. Береги себя.

— Спасибо, Джеб. Думаю, скоро увидимся, если повезет.

— Удачи, и до встречи.

Джаред вручил Джебу ружье, рассеянно отряхнулся и ушел — как

всегда, быстрым шагом. Голова занята другими мыслями, ни единого взгляда в мою сторону, ни капли интереса к моей дальнейшей судьбе.

Звук шагов становился все глуше и наконец затих...

Забыв о существовании Джеба, я прижала ладони к лицу и зарыдала.

Глава 20

Свобода

Джеб дал мне выплакаться и, пока я всхлипывала, не произнес ни слова. Сдавленные рыдания в конце концов затихли, но Джеб заговорил со мной только спустя полчаса после этого.

— Ты там случаем не уснула?

Я слишком привыкла к тишине, и отвечать мне не хотелось.

— Вылезай, разомни кости, — предложил он. — От одной мысли об этой дурацкой норе у меня спина начинает болеть.

Целую неделю меня сводила с ума тишина, хотелось с кем-то пообщаться, а вот сейчас это желание совершенно пропало. Однако отказываться от предложения Джеба я не собиралась. Тело само метнулось к выходу.

Джеб сидел на подстилке, закрыв глаза и скрестив ноги. Я трясла затекшими руками и ногами, разминала плечи и наблюдала за реакцией Джеба. Казалось, он спит — совсем как в тот раз, когда приходил Джейми.

Когда я в последний раз видела Джейми? Как он там?

Мое и без того измученное сердце больно екнуло.

— Ну как, получше? — спросил Джеб, открывая глаза. Я пожала плечами.

— Знаешь, все будет хорошо. — Он улыбнулся. — Все, что я наговорил Джареду... Хм, не то чтобы я соврал. Скорее сказал ему то, что он хотел услышать, а уж правду или ложь — это с какой стороны посмотреть. — Я уставилась на него, не понимая ни слова.

— Джареду надо отдохнуть. Не от тебя, детка, — быстро добавил Джеб. — От ситуации. Вдалеке отсюда ему будет проще отстраниться и взглянуть на все со стороны.

Откуда Джеб так точно знал, какие слова на меня подействуют? И с какой стати Джеба заботило мое отношение к его словам или моя боль в спине? Его доброе расположение в некотором смысле меня пугало, потому что ему не находилось объяснений. Действия Джареда еще можно было понять. Попытки Кайла с Иеном меня убить, добродушная готовность доктора замучить меня до смерти — их поведение также выглядело логичным. Только не доброта. Чего Джеб от меня хотел?

— А ну, не кукситься, — велел Джеб. — Тут есть и свои плюсы.

Джаред из-за тебя совсем соображать перестал, уперся, как баран, и ни в какую. Но пока он временно исчез с нашего горизонта, можно позволить себе кое-какие удобства.

Я недоуменно нахмурилась, соображая, куда он клонит.

— Так вот, — продолжил Джеб. — Это помещение обычно используется как кладовка. Как Джаред с ребятами вернутся, нужно будет где-то хранить добычу. Придется подыскать для тебя другое место, попросторнее. С кроватью. Что скажешь? — Он улыбнулся, словно заманивая. Должно быть, вот-вот скажет, что пошутил.

К моему удивлению, его глаза цвета линялых джинсов вдруг подобрели. Что-то в выражении этих глаз тронуло меня, и к горлу подступил комок.

— Милая, все, больше не нужно сидеть в этой норе. Самое страшное позади.

Этим честным глазам невозможно было не поверить. Я снова закрыла лицо руками и заплакала. Джеб поднялся на ноги и неловко похлопал меня по плечу. Кажется, он не мог смотреть, как я плачу.

— Ну-ну... — пробормотал он.

На этот раз я быстро взяла себя в руки, утерла слезы и робко улыбнулась. Джеб одобрительно кивнул.

— Вот и умница! — Он снова похлопал меня по плечу. — Вот посидим тут, пока Джаред не уйдет, а то еще поймает нас... — Джеб заговорщически улыбнулся. — А уж без него-то мы поразвлекаемся!

Я вспомнила, как он «развлекался», держа других на мушке. Он заметил мое выражение и хмыкнул.

— Не волнуйся, лучше отдохни. Сейчас тебе даже этот куцый спальник покажется пуховой периной. Ложись, ложись! — велел Джеб. — Хорошенько выспаться не помешает. Я за тобой присмотрю.

Растрогавшись — на глаза опять навернулись слезы, — я упала на спальник, положила голову на подушку. Джеб назвал его куцым, мне же он показался божественным. Я распрямилась в полный рост, подняла руки и сладко, до самых кончиков пальцев, потянулась. Захрустели суставы. Спальник словно обнял меня, поглаживая больные места. Я вздохнула.

— Вот это другое дело, — пробормотал Джеб. — Когда знаешь, что кто-то страдает под твоей крышей — это как болячка, которая свербит, а почесать нельзя.

Тихо напевая, он опустил на пол чуть поодаль. Я провалилась в сон.

Спала я очень долго, без боли, без ночных посетителей, без страхов. И все бы хорошо, если бы не подушка, напомнившая мне, что Джаред ушел.

Она все еще хранила его запах. Приятный, в отличие от моего.

«Остались только сны», — одиноко вздохнула Мелани.

Сон я помнила смутно. Впрочем, стоило заснуть покрепче, мне всегда снился Джаред.

— Доброе утро, — бодрым голосом сказал Джеб.

Я разлепила веки и посмотрела на него. Неужели он просидел у стены всю ночь? Усталым он не выглядел, только я вдруг почувствовала себя виноватой в том, что прибрала себе лучшее место.

— Ребята давным-давно ушли, — объявил Джеб. — Как насчет небольшой экскурсии? — Привычным движением он сунул ружье в петлю на пояс.

Я удивленно смотрела на него. Экскурсия?

— Ну же, не трусь. Никто тебя не тронет. Рано или поздно тебе придется научиться здесь ориентироваться.

Он протянул мне руку, и я не задумываясь приняла ее. От услышанного голова шла кругом. Ориентироваться здесь? Зачем? И что значит «рано или поздно»? Он что, думает, я долго продержусь?

Джеб помог мне подняться на ноги и повел вперед. Идти по темным туннелям, опираясь на чью-то руку, было очень просто — совсем не приходилось напрягаться.

— Ну что, — пробормотал Джеб. — Наверное, начнем с правого крыла. Сперва подыщем тебе местечко попримечней. Потом кухня... — Он подробно расписывал мне дальнейший маршрут.

Мы перешагнули через узкую расщелину, вошли в освещенный туннель, что вел в яркую пещеру. До нас донесся гул голосов, и у меня пересохло во рту. Джеб все болтал и болтал, то ли не замечая, то ли не желая замечать моего страха.

— Спорим, сегодня морковь проросла, — сказал он, подводя меня к главной площади. Свет слепил, и я не видела тех, кто там стоял, но чувствовала на себе их взгляды. Внезапно воцарившаяся тишина, как и прежде, была зловещей.

— Ага, — ответил сам себе Джеб. — Свежая зелень — ты только глянь, красота-то какая...

Он остановился, жестом приглашая посмотреть. Я прищурилась, силясь увидеть, на что он показывает. Глаза не слушались, взгляд метался по всей пещере, привыкая к темноте. Пусть не сразу, но я разглядела, о чем он говорил. В пещере собралось человек пятнадцать, и все они враждебно смотрели на меня. Но помимо этого, они были заняты каким-то делом.

Широкий темный квадрат, занимавший центральную часть пещеры,

уже не выглядел темным. Одна его сторона зеленела курчавыми молодыми ростками, как и говорил Джеб. Это и впрямь было красиво — и удивительно.

Ничего странного, что это место все обходили стороной — это же грядки! Огород...

— Морковь? — прошептала я. Джеб ответил довольно громко.

— На зеленой половине. На другой половине шпинат. Через несколько дней взойдет.

Люди вернулись к работе, хотя время от времени все еще на меня поглядывали. Теперь, когда я узнала огород, было довольно просто понять, чем они занимаются, — от большой бочки на колесах тянулись шланги.

— Поливка?

— Верно. На такой жаре все быстро сохнет.

Я кивнула, соглашаясь. Был еще совсем рано, а я уже вспотела. Идущий сверху жар казался удушающим. Я снова попыталась изучить потолок, но свет слепил глаза. Дернув Джеба за рукав, я кивнула на сверкающий свет.

— Что это?

Джеб улыбнулся: казалось, мое любопытство ему льстит.

— Как это делают фокусники — при помощи зеркал. Сотен зеркал. У меня ушла уйма времени на то, чтобы их сюда доставить. И не представляешь, сколько работы занимает чистка — хорошо, что всегда есть помощники. Видишь ли, тут всего четыре отверстия в потолке, явно недостаточно для моей задумки. Вот и пришлось зеркала устанавливать. Что скажешь? — Он гордо расправил плечи.

— Поразительно, — выдохнула я. — Великолепно.

Джеб кивнул, довольный произведенным впечатлением.

— Ну, пойдем дальше, — предложил он. — Сегодня еще многое предстоит сделать.

От большой пещеры отходил широкий природный туннель — новая, незнакомая мне территория. Мышцы у меня напряглись, я с трудом переставляла ноги, которые вдруг сделались ватными.

Джеб слегка похлопал меня по руке, делая вид, что не замечает, как я нервничаю.

— Здесь в основном находятся спальни и складские помещения. Эта часть пещер проходит под самой поверхностью, так что со светом тут проще.

Он указал на яркую, тонкую трещину в своде, откуда падал луч света диаметром в ладонь.

Мы дошли до широкой развилки — даже не совсем развилки, скорее она напоминала спрута, раскинувшего во все стороны щупальца туннелей.

— Третий слева, — сказал Джеб и выжидающе на меня посмотрел.

— Третий слева? — откликнулась я.

— Верно. Не забудь. Тут легко заплутать, а тебе это небезопасно: дорогу не подскажут, а прибить могут.

Я поежилась и пробормотала со скрытым сарказмом:

— Спасибо большое.

Джеб рассмеялся, как будто мой ответ ему понравился.

— Против правды не попрешь. Оттого что я скажу все как есть, хуже не станет.

Лучше тоже не стало, однако я решила промолчать. Я постепенно приходила в себя, мне нравилось, что со мной снова разговаривают. Джеб, при всех его странностях, был интересным собеседником.

— Раз, два, три... — отсчитал он и повел меня в третий проход слева, мимо круглых входов, прикрытых чем-то вроде дверей: отрезами узорчатой материи или дверцами шкафов, кое-как прилаженными друг к другу. В одном из проемов, скособочившись над входом, стояли настоящие двери: одна створка деревянная, покрашенная красным, другая — серая, металлическая.

— ...Семь. — Джеб остановился у невысокого проема. Уединенность этого жилища охраняла симпатичная ярко-зеленая ширма, которая вполне могла служить украшением изысканной гостиной. Шелк был расшит ветвями цветущих вишен. — Думаю, сгодится на время. Единственное более менее приличное место. Все равно эта комната несколько недель будет пустовать, а к тому времени, как она снова понадобится, придумаем для тебя что-нибудь получше.

Он отодвинул ширму, и нас озарил приветливый свет — ярче, чем в коридоре.

Комната вызвала во мне странное головокружение — вероятно, из-за того, что при всей ее тесноте стены словно взмывали ввысь. Я словно очутилась в какой-то башне или на дне глубокой шахты. Нет, мне не доводилось посещать подобные места, но именно эти сравнения пришли Мелани на ум. Высокий потолок покрывали многочисленные трещины, которые закручивались и переплетались, подобно стебелькам света. Выглядело это весьма ненадежным, даже опасным, однако Джеб не выказывал страха и уверенно шагнул внутрь.

На полу, занимая почти все пространство (с каждой из трех сторон оставалось примерно по ярду), лежал двуспальный матрас. Две подушки и

два одеяла постелены по отдельности, каждое — на своей половине матраса. Создавалось впечатление, что здесь живут двое. Толстая деревянная планка — что-то вроде ручки грабеля — горизонтально крепилась вдоль дальней стены на высоте плеч, в отверстиях, которыми был усеян напоминавший швейцарский сыр камень. На этой вешалке висело несколько футболок и две пары джинсов. Деревянный стул занимал углубление в стене, а под ним лежала стопка потрепанных книг в бумажных обложках.

— Кто? — шепотом спросила я Джеба. Здесь все настолько пропиталось духом прежнего обитателя, что, казалось, кто-то стоит рядом.

— Один из ребят, он ушел в поход с остальными. Так что комната, считай, незанята. Вернется он нескоро, а к тому времени мы тебе что-нибудь подыщем.

Мне это не понравилось — не сама комната, а мысль, что придется тут остаться. Несмотря на простоту обстановки, тут явно ощущалось присутствие владельца. Вряд ли ему понравится, что меня заселили в его комнату. Он будет вне себя.

Джеб словно угадывал мои мысли, а может, ему и угадывать не приходилось — у меня на лице и так все было написано.

— Ну-ну, — сказал он. — Не переживай. Тут я хозяин, и это одна из гостевых комнат в моем доме. Я сам решаю, кого считать своим гостем. Сейчас ты у меня в гостях, и я отдаю это место тебе.

Мне это по-прежнему не нравилось, но Джеба расстраивать не хотелось. Я дала себе слово, что ничего здесь не трону, даже если для этого придется спать на полу.

— Ну что, пошли дальше? Запомни: третий коридор слева, седьмая дверь.

— С зеленой ширмой, — добавила я.

— Вот именно.

Джеб повел меня обратно, через просторное помещение с огородом, по периметру вдоль стены, на другую сторону, в самый большой туннель. Мы снова прошли мимо поливальщиков. Они застыли и повернулись к нам, словно опасаясь стоять ко мне спиной.

Туннель был хорошо освещен: яркие расщелины в потолке вряд ли имели естественное происхождение — слишком уж часто они встречались.

— Теперь мы еще ближе к поверхности. Здесь суше, но и жарче.

Действительно, из парилки мы словно попали в жаровню. Воздух здесь был не такой спертый и душный. На языке чувствовался вкус пустынной пыли.

Впереди зазвучали новые голоса. Я попыталась успокоиться. Раз уж Джеб настаивает на том, чтобы ко мне относились как... как к человеку, как к желанному гостю, придется к этому привыкнуть. Надо перебарывать приступы тошноты. И все равно к горлу подкатил комок.

— Кухня — сюда, — сказал Джеб.

Поначалу мне показалось, что мы попали в другой туннель, заполненный людьми. Я вжалась в стену, стараясь держаться подальше.

Кухня представляла собой длинный коридор с высоким сводом, почти как в моем новом жилище. Яркий свет обжигал. В потолке вместо узких расщелин в толще камня зияли огромные круглые дыры.

— Готовить приходится по ночам — из-за дыма, а в дневное время мы используем это помещение в качестве столовой.

Разговоры резко оборвались, и все присутствующие услышали слова Джеба. Я попыталась спрятаться за его спиной, но он спокойно направился дальше.

Наше появление прервало завтрак — или обед.

Люди — человек двадцать — сидели, теснясь друг к другу. Ничего похожего на большую пещеру. Мне хотелось уткнуться взглядом в пол, но я не могла удержаться и украдкой оглядывала комнату. На всякий случай. Мое тело напряглось, готовясь пуститься в бегство, хотя... куда мне было бежать?

По обеим сторонам прохода тянулись длинные каменные насыпи из кусков вулканической породы, с прожилками из более светлого вещества — цемента? — который виднелся в местах стыков и скреплял их вместе. Сверху насыпи перекрывали плиты из другого камня: ровные, буроватого оттенка, залитые все тем же светло-серым составом. В итоге получилась довольно ровная поверхность, напоминавшая длинную стойку или стол. Было очевидно, что эти сооружения используются и в том, и в ином качестве. На них-то и сидели или стояли за ними, как за стойкой. Наше появление застало едоков врасплох, они замерли, даже ломти хлеба не донесли от стола к разинутым ртам. Все потрясенно наблюдали, как Джеб продолжает свою маленькую экскурсию.

Некоторые из присутствующих были мне знакомы: Шэрон, Мэгги и доктор сидели в ближайшей ко мне группке. Тетя и кузина Мелани сверлили Джеба злобными взглядами. Меня вдруг охватило странное, но невероятно отчетливое чувство: даже если бы я в тот миг встала на голову и во весь голос затянула песни из воспоминаний Мелани, мои родственницы все равно не удосужились бы даже мельком взглянуть в мою сторону. Доктор, наоборот, разглядывал меня с неприкрытым и почти

дружелюбным любопытством, от которого меня до мозга костей пробрал ледяной холод.

В дальнем конце похожего на коридор помещения я заметила высокого мужчину с черными как вороново крыло волосами. Мое сердце оборвалось. Я-то думала, что Джаред возьмет с собой враждебно настроенных братцев, облегчив тем самым задачу Джеба: пусть маленький, но шанс, что я выживу. Впрочем, это был младший из братьев, Иен — он с запозданием, но все-таки проявил хоть какие-то признаки раскаяния. Если бы вместо него остался Кайл, все оказалось бы гораздо хуже. Однако это служило слабым утешением, и мое сердце по-прежнему бешено колотилось.

— Все уже наелись, так быстро? — громко, с нескрываемым сарказмом, спросил Джеб.

— Что-то аппетит пропал, — пробормотала Мэгги.

— А ты, — спросил он, поворачиваясь ко мне. — Есть хочешь?

По столовой пронесся тихий ропот.

Я помотала головой — несильно, но решительно. Я даже не знала, голодна ли, зато точно знала, что не смогу есть перед толпой, которая с удовольствием сожрала бы меня заживо.

— А я вот проголодался, — прогремел Джеб и направился к проходу между столами. Меня же словно пригвоздили к полу, сделалось плохо от одной мысли, что эти люди смогут до меня дотянуться. Я вжалась в стену. Шэрон и Мэгги смотрели, как Джеб подошел к большой пластиковой кастрюле на стойке и взял булку. Остальные уставились на меня — казалось, стоит мне пошевелиться, они набросятся. Я затаила дыхание.

— Ну что, пойдем дальше, — позвал Джеб и неторопливо пошел обратно, жуя на ходу. — Похоже, им не до еды. Такой уж тут народ, чуть что — сразу отвлекаются.

Я не вглядывалась в лица, ждала, что кто-нибудь вот-вот рванется ко мне, а потому заметила Джейми, только когда он встал. Он был на голову ниже сидевших рядом взрослых, но выше двоих малышей, которые устроились у стойки напротив. Джейми легким движением соскочил со скамьи и последовал за Джебом. Мальчик сосредоточенно насупился, словно решал в уме какое-то сложное уравнение, и смотрел на меня исподлобья. Теперь не только я затаила дыхание. Присутствующие переводили напряженные взгляды с меня на брата Мелани.

«Ох, Джейми!» — подумала Мелани. Она ненавидела это печальное, взрослое выражение на его лице, а я, наверное, ненавидела его даже сильнее. Ведь это не из-за нее, из-за меня оно появилось.

«Если бы мы только могли его стереть», — вздохнула она.

«Слишком поздно. Что тут поделаешь?»

Этот вопрос я задала риторически, но мы с Мелани все равно пытались найти на него ответ. Тщетно — за тот короткий миг, что у нас был, мы ничего не придумали; я не сомневалась, что ответа не существует в принципе. И все-таки мы обе знали: как только закончится эта глупая экскурсия и мы останемся наедине со своими мыслями, мы примемся искать, снова и снова. Если выживем...

— Что тебе нужно, детка? — спросил Джеб, не поднимая глаз.

— Хотел узнать, чем вы занимаетесь. — Джейми старался, чтобы его голос звучал равнодушно. Не вышло.

Джеб подошел ко мне и повернулся к Джейми.

— Вот, решил устроить ей экскурсию. Как любому новичку.

По толпе пронесся недовольный шепоток.

— Можно мне с вами? — попросил Джейми. Шэрон яростно замотала головой, лицо ее перекосилось от злобы.

Джеб не обратил на нее внимания.

— Я не против... если будешь вести себя прилично. — Джейми пожал плечами.

— Без проблем.

Пришлось идти с ними — я сцепила пальцы рук перед собой и крепко их сжала. Мне так хотелось убрать немые отросшие прядки волос с глаз Джейми, задержать ладонь на его шее... Только это наверняка бы плохо кончилось.

— Пошли, — сказал Джеб нам обоим. Он повел нас обратно тем же путем, каким мы сюда попали. Я шла между Джебом и Джейми, который старался глядеть в пол, но то и дело украдкой посматривал на меня, а я — на него. Иногда наши взгляды встречались, и мы торопливо отводили глаза.

На полпути к выходу из большого зала за нашими спинами слышались осторожные шаги. Я метнулась в сторону, обхватив одной рукой Джейми — так, чтобы заслонить его от любого, кто пытался приблизиться сзади.

— Эй! — запротестовал Джейми, но руку не откинул. Джеб молниеносно выхватил ружье.

Иен и доктор замерли, подняв руки над головой.

— Мы тоже умеем вести себя прилично, — сказал доктор.

Этот человек с ласковым голосом и добродушной улыбкой — местный палач — внушал мне несказанный ужас. В зловещей ночной темноте любой ожидает нападения. А в ясный солнечный день? Куда бежать, если

неизвестно, где затаилась опасность?

Джеб прищурился и посмотрел на Иена, ствол ружья качнулся, следуя за взглядом владельца.

— Я не хотел ничего плохого, Джеб. Вот увидишь, я буду паинькой, как док.

— Хорошо, — коротко согласился Джеб, убирая оружие. — Только не испытывай мое терпение, а то у меня руки чешутся, так и подмывает кого-нибудь пристрелить.

Я громко охнула. Мои спутники повернулись ко мне, заметили отразившийся в моих глазах ужас. Первым рассмеялся док, и вскоре хохотали все, даже Джейми.

— Он пошутил, — шепнул Джейми мне на ухо. Его рука приподнялась и как будто потянулась к моей, но он торопливо сунул ее в карман шортов. Моя рука защитным жестом все еще прикрывала его грудь. Я с неохотой ее опустила.

— Ну что, повеселились и хватит, — грубовато объявил Джеб и устремился вперед. — Никто вас ждать не собирается, так что пошевеливайтесь, раз уж увязались.

Глава 21

Имя

Я старалась держаться рядом с Джебом, чуть впереди, — хотелось быть как можно дальше от двух идущих за нами мужчин. Джейми шел примерно посередине, не уверенный, с кем он хочет быть.

На оставшейся части экскурсии Джеба сосредоточиться было трудно. Внимание блуждало: второй огород с грядками, где в жгучих лучах сверкающих зеркал колосилась высокая пшеница; широкая пещера с низким потолком, которую Джеб назвал «комнатой отдыха», что находилась глубоко под землей и пребывала в крошечной тьме: по уверению Джеба, те, кому хотелось поиграть, приносили с собой лампы. Слово «игра» не имело никакого смысла среди этой группки напряженных, озлобленных людей, пытающихся выжить, но я не стала уточнять. Обнаружился и крохотный источник с неприятным серным запахом, который, по словам Джеба, иногда использовался в качестве второй уборной, потому что для питья эта вода не годилась.

Мое внимание разрывалось между мужчинами позади и мальчиком сбоку.

Иен с доктором держали себя в руках и, судя по всему, нападения не замыслили, но мне казалось, что глаза мои вот-вот вылезут на затылок — так хотелось оглянуться, высмотреть, не летит ли удар. Мужчины тихонько шли следом, время от времени негромко переговариваясь между собой. В их репликах то и дело проскакивали незнакомые имена, названия мест и вещей, что, возможно, относились к миру снаружи, а может быть, к тому, что находилось в пещерах. Для меня они были пустыми звуками.

Джейми ничего не говорил, зато часто на меня смотрел. Я тоже на него поглядывала, если удавалось отвлечься от наблюдения за спутниками. В общем, оставалось совсем немного времени на то, чтобы удивляться вещам, которые показывал Джеб, а он продолжал как ни в чем не бывало.

Длина туннелей поражала — никогда бы не подумала, что под землей скрываются такие расстояния. Часто мы шли в полной темноте, но Джеб с остальными шли, не останавливаясь: видимо, знали пещеры как свои пять пальцев, и отсутствие света ничуть их не смущало. Мне же было сложнее, чем вдвоем с Джебом. В крошечной тьме любой звук, казалось, таил угрозу. Даже в непринужденной болтовне Иена и доктора мне слышался

подлый заговор.

«Паранойя», — заявила Мелани.

«Пусть, если это поможет нам выжить».

«Ты лучше уделяй побольше внимания словам Джеба. Это поразительно».

«Вот ты и слушай, а у меня времени нет».

«Я слышу и вижу только то, что видишь и слышишь ты, Странница, — сказала она и тут же сменила тему: — Как думаешь, Джейми переживает? Выглядит он вроде неплохо».

«Он словно... настороже».

Мы как раз выходили на свет после длинного перехода в прелой темноте.

— Это самое южное ответвление системы туннелей, — на ходу объяснял Джеб. — Не слишком комфортабельно, зато целый день светло. Поэтому мы расположили тут больничное крыло. Здесь хозяйничает док.

Едва Джеб объявил, где мы находимся, мои ноги словно приросли к каменному полу, а взгляд, полный ужаса, перескакивал с лица Джеба на лицо доктора.

Так, значит, это ловушка? Выпроводить несговорчивого Джареда и заманить меня сюда? Как я могла прийти сюда по собственной воле! Вот дура...

Мелани была напугана не меньше. «Да уж, только подарочной обертки не хватает...»

Мои спутники уставились на меня: Джеб — с непроницаемым видом, доктор — с огромным удивлением. Впрочем, страха он не выказывал, в отличие от меня.

Я чуть не отпрыгнула, едва не сбросила руку, коснувшуюся моего предплечья, но вовремя остановилась: слишком знакомым показалось это прикосновение.

— Не волнуйся, — сказал Джейми, робко дотронувшись до моей руки. — Все в порядке. Правда, дядя Джеб? — Он доверчиво посмотрел на старика. — Все ведь в порядке?

— Само собой. — Выцветшие голубые глаза Джеба оставались ясными и спокойными. — Просто показываю ей наше жилище.

— О чем речь-то? — проворчал сзади Иен: ему не нравилось, что он чего-то не понимает.

— Ты решила, что мы привели тебя сюда специально, к доку? — Вместо того чтобы ответить Иену, Джейми обратился ко мне. — Мы бы ни за что так не поступили. Мы же пообещали Джареду.

Я смотрела на его искреннее лицо и старалась поверить.

— А-а! — До Иена наконец дошло, и он рассмеялся. — Неплохой план. Странно, что мне не пришло в голову.

Джейми наградил взрослого сердитым взглядом и похлопал меня по руке.

— Не бойся, — сказал он.

Джеб продолжил как ни в чем не бывало:

— Мы поставили тут несколько коек на случай, если кто-нибудь заболит или поранится. Пока нам в этом смысле везло. У дока не слишком много работы. — Джеб улыбнулся. — Когда твои сородичи взяли верх, они выбросили все наши лекарства. Сложно раздобыть то, что нужно.

Я рассеянно кивнула, потому что никак не могла взять себя в руки. Помещение выглядело вполне невинно, словно использовалось только для лечения, но у меня внутри все сжалось.

— Что тебе известно об инопланетной медицине? — вдруг спросил доктор и чуть наклонил голову вбок, наблюдая за мной. Глаза его светились неподдельным интересом.

Я смотрела на него и молчала.

— Да ладно, поговори с доком, — подбодрил меня Джеб. — Вообще-то он человек неплохой.

Я помотала головой, но мое молчание истолковали неправильно: вообще-то я собиралась ответить на вопрос доктора, сказать им, что я ничего не знаю.

— Да не выдаст она секретов фирмы, — скривился Иен. — Верно, красавица?

— Повежливее, Иен, — гаркнул Джеб.

— Это секрет? — осторожно, но с любопытством, поинтересовался Джейми.

Я снова мотнула головой. Все в замешательстве посмотрели на меня. Док озадаченно покачал головой. С глубоким вздохом я ответила:

— Я не Целитель. Я не знаю, как работают лекарства. Знаю только, что они действуют — и именно излечивают, а не убирают симптомы. Никаких проб и ошибок. Разумеется, от человеческой медицины избавились.

Все четверо ошеломленно уставились на меня. Сперва они удивлялись, когда я не захотела отвечать, а теперь удивлялись, что я ответила. Людям не угодишь.

— Твои соплеменники почти ничего не поменяли, — спустя некоторое время задумчиво ответил Джеб. — Только медицину, да еще вместо самолетов теперь космические корабли. В остальном все по-прежнему...

Внешне, по крайней мере.

— Мы хотим ощутить этот мир и не собираемся в нем что-то менять, — прошептала я. — Но если речь заходит о здоровье, любая философия отходит на задний план.

Я прикусила язык — похоже, опять наговорила лишнего. Вряд ли людям интересно выслушивать лекцию по нашей философии. Кто знает, что их разозлит? Или нарушит их хрупкое терпение?

Джеб задумчиво кивнул и повел нас дальше. Экскурсия по пещерам в медицинском крыле продолжалась, но уже без прежнего энтузиазма. Мы повернули обратно в черный коридор, и Джеб погрузился в молчание. Умолкли и остальные. Я мысленно перебирала сказанные мной слова, пытаюсь понять, что рассердило моего странного, непредсказуемого гида. Поведение остальных, их враждебность и подозрительность еще можно было объяснить. А как объяснишь поступки Джеба?

Экскурсия внезапно оборвалась в огромной пещере с грядками проросшей моркови, которые зеленым ковром устилали темный пол.

— Представление закончено, — буркнул Джеб, глядя на Иена с доктором. — Займитесь делом.

Иен, усмехнувшись, повернулся к доктору, но оба послушно направились к самому большому выходу, ведущему, насколько я запомнила, на кухню. Джейми медлил; он смотрел им вслед, но с места не двигался.

— Пойдешь со мной, — обратился к нему Джеб, чуть смягчившись. — Дело есть.

— Хорошо, — согласился Джейми. Ему очень понравилось, что его выбрали.

По пути в жилую часть пещер Джейми снова шел рядом со мной. Мы свернули в третий проход слева, и, к моему удивлению, Джейми, казалось, точно знал, куда идти. Джеб шел чуть позади, но Джейми остановился, как только мы подошли к зеленой ширме, закрывавшей седьмую комнату. Он сдвинул ширму и пропустил меня вперед, сам же остался в коридоре.

— Побудешь тут немного? — попросил меня Джеб.

Я обрадовалась, что меня оставят одну, нырнула в проем и остановилась в нескольких дюймах от входа. Чем теперь заняться? Мелани напомнила про книги, которые остались от прежнего обитателя комнаты, а я возразила, что поклялась ничего тут не трогать.

— У меня есть дела, — обратился к Джейми Джеб. — Еда сама собой не появится. Готов поработать охранником?

— Конечно, — сказал Джейми с ясной улыбкой и расправил худую грудь.

Джеб вложил ружье в нетерпеливые руки Джейми.

— Вы что, спятили? — воскликнула я, да так громко, что сперва даже не узнала свой голос, словно всю жизнь говорила шепотом.

Они оба ошеломленно посмотрели на меня.

Спустя мгновение я стояла рядом с ними и чуть было не ухватила за холодный металл ствола, чуть было не вырвала ружье из рук мальчика, но вовремя остановилась. Не потому, что боялась быть убитой, нет. Просто в некоторых вещах я уступала людям: даже ради спасения Джейми я не могла пересилить себя и дотронуться до оружия.

Вместо этого я повернулась к Джебу.

— О чем вы думаете? Давать оружие ребенку? Он же может погибнуть!

— Джейми столько всего перенес, что вполне заслужил право называться мужчиной. Он умеет обращаться с оружием.

Услышав похвалу, Джейми распрямил плечи и крепче прижал к груди ружье.

Беспечность Джеба меня поражала.

— Что если за мной придут, а он окажется здесь? Ты подумал, чем это может кончиться? Это не шутки! Он может пострадать из-за меня.

В лице Джеба не дрогнул ни один мускул.

— Да ничего с ним не случится. Уверен.

— А я вот не уверена. — Я снова сорвалась на крик. Голос эхом отдавался от стен пещеры — наверняка его услышали, но мне было наплевать. Пока Джеб тут, пусть приходят. — Если ты так уверен, то оставь меня одну, и будь что будет. Но не рискуй жизнью Джейми!

— Ты о мальчике беспокоишься или боишься, что он воспользуется оружием против тебя? — спросил Джеб почти скучающим голосом.

Я заморгала, гнев как рукой сняло. Об этом я не подумала. Я беспомощно посмотрела на Джейми, встретила его удивленный взгляд и поняла, что ему, как и мне, подобная мысль не приходила в голову.

Минута ушла на то, чтобы вспомнить, какие доводы я собиралась привести. За это время Джеб переменялся: жесткий взгляд, поджатые губы — он словно готовился добавить последний штрих к этой картинке, которая, похоже, начала ему надоедать.

— Дай оружие Иену, да кому угодно, — сказала я спокойно и ровно. — Только мальчика не ввязывай.

Губы Джеба растянулись в широкой, во все лицо, улыбке, которая странным образом напомнила мне точащую когти кошку.

— Это мой дом, детка, и я поступаю так, как считаю нужным. Всегда.

Джеб, насвистывая на ходу, не спеша пошел вниз по коридору. Я изумленно смотрела ему вслед. Едва он скрылся из виду, я повернулась к Джейми, который хмуро наблюдал за мной.

— Я не маленький, — пробасил он, воинственно вздернув подбородок. — Все, хватит... ступай в свою комнату.

Приказ прозвучал совсем несерьезно, но я подчинилась: все равно мне больше нечем было заняться. Спор был проигран по всем статьям.

Я села и прислонилась спиной к стороне каменного дверного проема — стороне, где можно было укрыться за полусложенной ширмой и при этом наблюдать за Джейми. Я обхватила руками колени и занялась тем, чем мне предстояло заниматься до тех пор, пока не закончится все это безумие, — своими переживаниями.

Кроме того, я старательно прислушивалась, не раздадутся ли вдали шаги. Неважно, что утверждал Джеб, — я ни за что не допущу, чтобы Джейми рисковал собой в роли охранника. Я лучше сама выйду, не дожидаясь, пока попросят.

«Да», — беспрекословно согласилась Мелани.

На несколько минут Джейми застыл у входа, крепко сжимая ружье — наверное, он не слишком хорошо себе представлял обязанности охранника. Потом он принялся расхаживать взад вперед перед ширмой, но после пары проходов, очевидно, решил, что выглядит глупо. Наконец он опустился на пол у открытого прохода, пристроил ружье на коленях, а подбородок — на сложенных ладонях. Спустя долгое время раздался вздох. Работа охранника оказалась куда менее захватывающей, чем он воображал.

Мне никогда бы не наскучило на него смотреть.

Через пару часов он стал украдкой на меня поглядывать. Его губы несколько раз приоткрылись, словно он хотел что-то сказать, но потом передумал.

Я уткнулась подбородком в колени и стала ждать, пока он переборет себя. Мое терпение было вознаграждено.

— Слушай, а планета, с которой ты прилетела, перед тем как стать Мелани... — наконец заговорил Джейми. — Какая она? Похожа на нашу?

Ход его мыслей застал меня врасплох.

— Нет, — сказала я. Наедине с Джейми можно было оставить шепот и перейти на обычный голос. — Нет, там все по-другому.

— Расскажи, — попросил он, чуть наклонив голову набок — он всегда так делал, когда заслушивался сказками, которые Мелани рассказывала ему на ночь.

И я рассказала.

Я рассказала ему все о затопленной планете Морских водорослей. Рассказала о двух солнцах, об эллиптической орбите, о серых водах, о неподвижности корней, о поразительном зрении тысячи глаз, о бесконечных разговорах миллионов беззвучных голосов, что слышали друг друга.

Он заворуженно слушал.

— А другие места? — спросил он, как только я замолкла, вспоминая, не пропустила ли что-нибудь. — Существуют другие инопланетяне? — Он рассмеялся, почувствовав несурзность своего вопроса. — Ну, кроме этих Водорослей?

Я тоже рассмеялась.

— Ну конечно. И их куда больше, чем инопланетян на Земле.

— Расскажи.

Пришлось рассказать ему о Летучих мышах Поющего мира, об их музыкальной слепоте, об удивительной способности летать; о планете Туманов, где обитателей согревает густой белый мех и четыре сердца, что разгоняют горячую кровь по жилам, и где лучше обходить стороной грызодеров; о планете Цветов, на которой царит цвет и свет...

Внезапно Джейми прервал меня новым вопросом:

— А зеленые человечки с треугольными головами и большими черными глазами? Ну, те, что разбились в Розвелле? Это ваши?

— Нет, не наши.

— Так это все придумано?

— Не знаю... Может, и нет. Мы живем в большой, густонаселенной Вселенной.

— Как же вы сюда попали, если не с зелеными человечками? Ведь для передвижения тела нужны и все такое...

— Верно, — согласилась я, удивленная, как быстро он все схватывает. Хотя чему тут было удивляться — он смышленный, впитывает все как губка. — В самом начале мы использовали наши паучьи сущности.

— Паучьи?

Я рассказала ему о поразительных Пауках, обладателях блестящего, самого невероятного разума из всех, встреченных нами. У каждого Паука — по три мозга, по одному в каждой части разделенного на сегменты тела. Пауки решали для нас любые, самые невозможные проблемы, но при этом их настолько увлекал холодный анализ, что мало какая проблема интересовала их самих. Из всех носителей Пауки больше всех приветствовали наше вторжение. Они почти не заметили разницы, и им даже понравилось, что мы предоставили им цель. Души, которые

высадились на поверхность планеты Пауков перед внедрением, сообщили, что она серая и холодная, — ничего удивительного, что Пауки видели все в черно-белом спектре и почти не ощущали перепадов температур. Жизненный цикл Пауков был короток, но новое поколение от рождения получало знания родителей, поэтому информация не терялась.

Я прожила один короткий жизненный цикл среди Пауков, а потом покинула планету, не испытывая желания вернуться. Ни поразительная ясность мысли, ни ответы на любой вопрос, что приходили сами, без усилий, ни пляшущие колонки цифр не могли заменить эмоций и ярких красок, которые почти не ощущались внутри этих тел. Я не понимала, как можно довольствоваться подобным существованием, но планета прекрасно функционировала тысячи земных лет. Она была открыта для заселения по единственной причине: Пауки очень быстро размножались, откладывали огромное количество яиц.

Я перешла к рассказу о завоевании Земли.

Пауки были нашими лучшими инженерами — сконструированные ими корабли, проворные и незаметные, легко скользили меж звезд. Тела Пауков оказались почти такими же удобными в использовании, как и их умы: у каждого сегмента — четыре длинные ноги, из-за чего, собственно, их и прозвали Пауками, на каждой ноге — по двенадцатипалой ладони. Пальцы с шестью суставами, гибкие и сильные, как стальные прутья, приспособлены к самым тонким операциям. Похожие на пучок прутьев, невысокие и тонкие, Пауки с легкостью проникли на планету. Они были сильнее людей, умнее и, конечно, подготовленнее...

Я осеклась на полуслове: на щеке Джейми блеснул прозрачный кристаллик.

Он сидел, плотно сжав губы, уставившись в пустоту. По щеке у него медленно стекала крупная соленая капля.

«Дура! — набросилась на меня Мелани. — Ты что, не понимаешь, как твой рассказ его задел?»

«А ты что, не могла раньше меня предупредить?»

Мелани не ответила. Наверняка ее не меньше, чем меня, увлекло повествование.

— Джейми, — хрипло прошептала я. От одного вида его слез почему-то запершило в горле. — Джейми, прости меня. Я не подумала.

Джейми помотал головой.

— Все в порядке. Я сам попросил, хотел узнать, как все произошло. — За сердитым, грубым тоном скрывалась боль.

Желание утереть ему слезы было неосознанным. Сперва я попыталась

не обращать внимания: я все-таки не Мелани. Но слезинка словно застыла, как будто и не собиралась падать. Глаза Джейми по-прежнему смотрели в никуда, губы дрожали. Я протянула руку и провела пальцами по его щеке; слеза растеклась по коже и исчезла. И снова, повинувшись инстинкту, я не отдернула руку, а прижала ее к теплой щеке, лаская его лицо.

Поначалу Джейми притворился, что не замечает, а затем, с закрытыми глазами, прильнул ко мне, уткнулся щекою в плечо — совсем как когда-то, — и зарыдал. Он плакал, но не слезами ребенка — и тем священнее и трогательнее были эти слезы, скорбь взрослого мужчины, хоронящего свою семью.

Руки мои обвились вокруг Джейми — как он подрост! — и я заплакала вместе с ним.

— Прости меня, — повторяла я снова и снова. Я словно просила прощения за все: за то, что мы наткнулись на эту планету; за то, что мы ее выбрали; за то, что мне досталась его сестра; за то, что я привела ее сюда и причинила ему боль... За свой рассказ, который довел его до слез.

Его рыдания стихли, но я не отвела рук — мне не хотелось его отпускать. Казалось, мое тело с самого начала изнывало от желания его обнять, но я осознала это, лишь когда желание осуществилось. Непостижимая связь матери и ребенка, столь крепкая на этой планете, — я ее все-таки постигла. Готовность отдать жизнь за другого — что может быть прочнее этой связи? Я и прежде понимала незыблемость данной истины, но не догадывалась, почему это происходит. Теперь же я знала, почему мать с готовностью отдаст жизнь за свое дитя, и знание это навсегда изменило мое видение Вселенной.

— Да, видно плохо ты мои уроки усвоил!

Мы отпрянули друг от друга. Джейми вскочил на ноги, а я сжалась у стены.

Джеб наклонился и поднял с пола ружье, о котором мы оба забыли.

— За оружием надо приглядывать, Джейми. — Голос Джеба звучал мягко, сглаживая укор. Старик взъерошил лохматую шевелюру Джейми.

Джейми отдернул голову и залился краской.

— Прости, — пробормотал он, развернулся, словно собираясь убежать, и вдруг остановился и посмотрел на меня. — Я не знаю, как тебя зовут.

— Меня называли Странницей, — прошептала я.

— Странницей? — Я кивнула.

Он кивнул и зашагал прочь, красный от смущения.

Едва лишь Джейми скрылся из виду, Джеб оперся о камень и

опустился на пол у стены. Как и Джейми, ружье он держал на коленях.

— Интересное тебе дали имя... — К Джебу, похоже, вернулось словоохотливое настроение. — Может, как-нибудь расскажешь, почему тебя так называли? Интересно же. Только вот звучит имя длинновато, тебе не кажется? Страница...

Я уставилась на него.

— Ты не против, если я буду называть тебя коротко: Анни? Произносится легче.

На этот раз он ждал ответа. Я пожала плечами. «Детка» или другие странные человеческие словечки — какая разница? Лишь бы не хулили.

— Ну что же, Анни... — Джеб улыбнулся, довольный своей придумкой. — Приятно, что мы поняли друг друга. Как старые друзья.

Он снова широко, от уха до уха, улыбнулся; я не удержалась и улыбнулась в ответ, хотя улыбка у меня вышла не радостная, а вымученная — ведь Джеб считался моим врагом. Вдобавок, скорее всего, он выжил из ума. Но он был моим другом. Разумеется, он меня убил бы, если бы понадобилось, но без всякого удовольствия. А разве можно требовать большего от друга человека?

Глава 22

Перелом

Джеб закинул руки за голову и с задумчивым видом уставился в темный потолок. Его словоохотливое настроение не исчезло.

— Знаешь, я долго старался представить себе, каково это — быть схваченным. Я не раз видел, как вы нас ловите, несколько раз даже чуть сам не попался. Вот я и задумался, на что это похоже. Как полагаешь, когда в твою голову лезут, оно больно? Между прочим, я видел, как это делается.

Я раскрыла глаза от удивления, а он и бровью не повел.

— Похоже, все вы используете какое-то обезболивающее — хотя это пока всего лишь догадки. От боли никто не кричит, так что вряд ли применяются пытки. — Я поморщилась. Пытки. Нет, пытки — это по человеческой части. — Интересные вещи ты тут мальцу рассказывала.

Я напряглась, а он вдруг тихо рассмеялся.

— Ну да, я все слышал. Подслушивал, признаюсь. Прощения не прошу, потому что это был отличный рассказ, к тому же мне ты ни за что бы не открылась, а вот Джейми — другое дело. Меня аж зацепило: и про Летучих мышей, и про Водоросли, и про Пауков. Наводит на мысли. Всегда зачитывался безумными историями про внеземную жизнь, научной фантастикой и всяким таким. Прямо захлеб читал. А этот малец, он как я, — все книги по два, три раза перечитал. Ему твой рассказ только в радость. Да и мне тоже. У тебя талант.

Я потупила взгляд, чувствуя, как смягчаюсь, теряю бдительность. Я повелась на лесть, как и любой другой в этом уязвимом для эмоций теле.

— Все думают, что ты нас выслеживала, чтобы сдать Ищейкам.

Меня всю передернуло от этого слова. Челюсть свело, я прикусила язык. Во рту появился вкус крови.

— А зачем еще? — продолжил он, притворившись, что не заметил моей реакции. — Только сдается мне, они стали жертвами стереотипа. Я один любопытствую... ну сама посуди, что за странный план: пуститься в странствие по пустыне без плана, без карты, без подмоги? — Он усмехнулся. — Странствия — вот что по твоей части, верно, Анни?

Он наклонился и подтолкнул меня локтем в бок. Я уставилась в пол, нерешительно поглядывая на Джеба. Он рассмеялся.

— На мой взгляд, твой маршрут пролегал в двух шагах от

самоубийства. Тебе, должно быть, знакомы методы Ищеек? Так вот, ничего общего с ними я не увидел. Если рассуждать здраво, мыслить логически... Итак, у тебя не было ни прикрытия, ни способа вернуться. Значит, ты преследовала иную цель. С тех пор как ты сюда попала, ты не отличалась разговорчивостью, только с мальцом и пообщалась, но я слушал, что ты говорила, и сделал кое-какие выводы. Полагаю, ты пошла на заведомую гибель, потому что помешалась на поисках этого мальчика и Джареда.

Я закрыла глаза.

— Только вот с чего бы? — спросил Джеб, как бы размышляя в ожидании моего ответа. — Значит, вот как я это себе представляю: или ты и впрямь отличная актриса — супер Ищейка, какая-то новая порода, хитрее прежней, — с неким хитроумным планом, который мне не постичь, или ты не играешь. Первый вариант как-то не вяжется с твоими поступками, и я отказываюсь в него верить. А вот если ты не играешь... — Он помолчал. — Я давно слежу за вашим братом. И все время ждал, когда же они изменятся, ну, когда перестанут изображать из себя людей, потому что играть-то уже было не для кого. Я все следил и ждал, а они продолжали вести себя, как люди. Оставались в прежних семьях, в солнечные дни выезжали на природу, сажали цветы, рисовали картины и так далее, вплоть до мелочей. Я все гадал, а не очеловечились ли вы, не повлияли ли мы на вас, в конечном итоге.

Он подождал, давая мне возможность ответить. Я молчала.

— Несколько лет назад я увидел кое-что, что меня потрясло. Пожилые мужчина и женщина — ну, или, скорее, тела пожилых мужчины и женщины. Прожили вместе так долго, что обручальные кольца почти вросли в кожу. Они держались за руки, и он поцеловал ее в щеку, а она залилась краской, словно под всеми этими морщинами пряталась юная девушка. И тогда мне пришло в голову: вы чувствуете то же самое, что и люди, потому что вы больше не кукольники, управляющие марионетками, вы стали нами.

— Да, — прошептала я. — У нас те же чувства. Человеческие чувства. Надежда, боль, любовь.

— Значит, если ты не играешь... что ж, тогда я уверен, что ты любишь их обоих. Ты, Анни. Не просто тело Мелани, а ты сама.

Я уронила голову на руки. Этот жест был равносильен признанию, но мне уже было все равно — сил держать это в себе не осталось.

— Значит, я угадал. Но все-таки интересно, что стало с моей племянницей? Что с ней произошло, что грозит мне? Если кого-то засовывают тебе в голову, куда деваешься ты сам?... Исчезаешь?

Пропадаешь безвозвратно? Это похоже на смерть? Или на сон? Ощущаешь ли внешний контроль? И ощущает ли твое присутствие новый хозяин? А может, ты сидишь, запертый в собственном теле, и заходишься в беззвучном крике?

Я сидела очень тихо, стараясь выглядеть невозмутимо.

— Очевидно, вы отказываетесь от прежнего поведения и воспоминаний. Что же касается сознания... Похоже, некоторые люди не желают сдаваться без боя. Черт, я вот точно сражался бы до последнего — я еще тот упрямец, любой подтвердит. Я по натуре боец. Как и все, кто остался. И, знаешь, я уверен на все сто, что Мелани тоже билась до конца.

Он не отрывал взгляда от потолка, а я уткнулась в пол — разглядывала его, изучая узоры на красно-серой пыли.

— Да, я много об этом думал...

Теперь, даже не поднимая головы, я чувствовала на себе его взгляд. Я не шевелилась, только медленно вдыхала и выдыхала, на что уходили все мои силы. Пришлось сглотнуть; язык все еще кровоточил.

«И мы думали, что он из ума выжил? — удивилась Мел. — Он всех насквозь видит. Да он гений».

«Одно другому не мешает».

«Но это же значит, что нам больше не надо молчать. Он знает». — В Мелани проснулась надежда. Последнее время она совсем притихла и почти не появлялась. В относительно благополучные периоды ей было сложнее сосредоточиться. Она выиграла главную битву — привела нас сюда. Ее тайнам больше ничто не угрожало; ее воспоминания больше не предадут ни Джареда, ни Джейми. Теперь, когда необходимость сражаться отпала, ей было сложнее найти в себе силы, чтобы поддерживать разговор — даже со мной. А сейчас ее словно оживила мысль о том, что нас обнаружили, что другие люди признали ее существование.

«Джеб знает, да. Но это ничего не изменит».

Она подумала о том, как Джеба воспринимали остальные.

«Ты права, — вздохнула Мелани. — А вот Джейми, мне кажется... ну, он не знает и даже не догадывается... мне кажется, он „чувствует“ правду».

«Может быть. Но пойдет ли это ему — да и нам с тобой — во благо или во вред, выяснится только к развязке».

Джеб несколько секунд помолчал, а затем снова пустился в пространные размышления вслух.

— Да, любопытно. Правда без всяких «бах, тарарах», как в кинофильмах, которые мне нравились. И все равно интересно. Хочется побольше узнать об этих «Паучках». Мне правда любопытно... честное

слово.

Я вздохнула и подняла голову.

— Что вам рассказать?

Он улыбнулся, глаза его сузились в щелочки.

— Три мозга, верно? — Я кивнула.

— А глаз сколько?

— Двенадцать — по одному на каждый сустав ног и тела. Вместо век глаза защищают волоски — вроде множества ресничек из металлической стружки.

Он кивнул, глаза его светились.

— Они мохнатые, как тарантулы?

— Нет. Скорее... покрыты панцирем — чешуйками, как у рептилий или рыб.

Я прислонилась к стене, приготовившись к долгой беседе.

Джеб не разочаровал меня. Я потеряла счет заданным вопросам. Он ждал подробностей — внешний вид Пауков, их повадки, и как они освоились на Земле. Он невозмутимо выслушал подробности завоевания; напротив, казалось, эта часть рассказа понравилась ему даже больше других. На меня обрушивались бесконечные вопросы, то и дело перемежаемые улыбочками. На рассказ о Пауках ушли часы, пока Джеб не удовлетворил свое любопытство в этой области и не заинтересовался Цветами.

— Ты почти ничего не объяснила, — напомнил он. Пришлось поведать ему о самой прекрасной и самой безмятежной из планет. Едва я замолкала, чтобы перевести дыхание, как он вворачивал новый вопрос. Ему нравилось предугадывать мои ответы, и он не сильно расстраивался, когда в очередной раз попадал пальцем в небо.

— Значит, они, как венерина мухоловка, насекомых едят? Готов поспорить, что и ты ела. А может, даже что-нибудь покрупнее — птиц, например, или птеродактилей!

— Нет, мы питались солнечным светом, как и большая часть местных растений.

— Ну, мой способ явно веселее. — Иногда я даже смеялась вместе с Джебом.

Мы только перешли к Драконам, как показался Джейми, который принес ужин на троих.

— Привет, Странница, — произнес он немного смущенно.

— Привет, Джейми, — отозвалась я робко, опасаясь, что он стесняется сблизившей нас сокровенности, ведь для него я была врагом.

Однако Джейми уселся между мной и Джебом, скрестил ноги и поставил поднос с едой прямо в центре нашего укромного уголка. Я умирала от голода, к тому же я вещала так долго, что во рту пересохло. Я взяла миску с супом и в несколько глотков ее прикончила.

— Как же я не смекнул, что сегодня в столовой ты отказалась от обеда из вежливости. Анни, если хочешь есть, то так и говори. Мысли я читать не умею.

Я бы оспорила последнее утверждение, если бы мой рот не был занят разжевыванием горбушки.

— Анни? — спросил Джейми.

Я кивнула, давая понять, что не возражаю.

— А ведь ей вроде как подходит это имя? — Джеба прямо распирало от гордости, меня бы не удивило, если бы он похлопал себя по спине — так, для пущего эффекта.

— Вроде как, — согласился Джейми. — Вы о Драконах говорили?

— Ага, — с воодушевлением подтвердил Джеб, — только не о ящероподобных. Эти Драконы желеобразные. Хотя они могут летать... что-то в этом роде. Воздух там гуще, тоже наподобие желе. Они, можно сказать, плавают, а дышат кислотой — неплохая замена огню, что скажешь?

Пока Джеб посвящал Джейми в подробности существования Драконов, я набросилась на свою и чужие порции, осушила бутылку с водой. Однако едва я прекратила жевать, Джеб снова принялся за вопросы.

— А эта кислота, она...

Джейми в отличие от Джеба вопросов не задавал, и в его присутствии я тщательнее подбирала слова. Однако и сам Джеб случайно или намеренно обходил щекотливые темы, поэтому моя осторожность оказалась излишней.

Свет медленно угасал, и вскоре весь коридор погрузился во тьму. Глаза мои успели привыкнуть к сумраку: серебристого света тонких тусклых бликов луны вполне хватало, чтобы разглядеть мужчину и мальчика, которые сидели рядом со мной.

Ночь шла, и Джейми все ближе пододвигался ко мне. Джеб выразительно посмотрел на меня — оказывается, на протяжении всего рассказа я машинально гладила шевелюру мальчика. Я смущенно отдернула руку. Наконец Джеб широко зевнул и потянулся — так заразительно, что мы с Джейми последовали его примеру.

— Ты хороший рассказчик, Анни, — сказал Джеб, когда с потягушками было закончено.

— Я этим занималась... раньше. Читала лекции в университете в Сан-Диего. Преподавала историю.

— Преподаватель! — обрадовался Джеб. — Да это же замечательно. Нам как раз нужны учителя. Шэрон, дочка Мэг, учит троих детей, но она многого не знает. Она неплохо разбирается в математике и в точных науках. А вот с историей...

— Я преподавала нашу историю, — перебила я, не дожидаясь, пока он продолжит. — Какой из меня учитель? У меня даже образования нет.

— Лучше ваша история, чем ничего. Нам, людям, полезно знать эти вещи. Пора нам понять, что наша Вселенная — куда более густонаселенное место, чем мы привыкли считать.

— Но я же не настоящий учитель, — в отчаянии напомнила я. Неужели Джеб на полном серьезе полагал, что кто-то здесь согласится хотя бы мой голос слушать, не говоря уже о каких-то историях? — Я была кем-то вроде почетного профессора — вернее, приглашенного лектора. Меня выбрали только за... ну, только потому, что мое имя столь же известно, как и количество планет, на которых я побывала.

— Вот об этом я и собирался спросить, — самодовольно произнес Джеб. — О твоём преподавательском опыте мы побеседуем позже. Скажи лучше, почему тебя называли Страницей? Я слышал много странных имен, Сухая вода, Пальцы в небо, Кверх тормашками — само собой, вперемешку со всякими Пэм и Джимами. И знаешь, мне до чертиков интересно, почему так повелось.

Я терпеливо ждала, пока он договорит.

— Ну, обычно Душа пробует пожить на одной-двух планетах — в среднем, на двух — и выбирает ту, что ей больше нравится. Когда телу приходит время умирать, она просто переходит в нового носителя того же вида на той же планете. Смена одного вида на другой сильно дезориентирует. Большинство Душ ненавидят это состояние. Некоторые никогда не покидают планету, на которой родились. Бывает, что Душа не сразу находит свою планету, тогда приходится действовать методом проб и ошибок. Один из моих знакомых поменял пять планет, пока не остался с Летучими мышами. Мне там нравилось — я сама ее едва не выбрала. Если бы не слепота...

— И на скольких планетах ты жила? — понизив голос, спросил Джейми. Рука его каким-то образом оказалась в моей.

— Эта девятая, — призналась я, нежно сжимая его пальцы.

— Ух ты, девятая! — выдохнул он.

— Поэтому меня и попросили почитать лекции. Статистику может зачитать любой, а у меня личный опыт обитания почти на всех планетах, которые мы... захватили. — Я споткнулась на этом слове, но Джейми,

кажется, оно не задело. — Лишь на трех планетах я не была — а точнее, теперь на четырех. Совсем недавно открыли новый мир.

Я ждала, что Джеб встрянет с вопросами о новом мире или о тех, что я пропустила, но он лишь задумчиво теребил кончик своей бороды.

— А почему ты нигде не задержалась? — спросил Джейми.

— Не нашла места, где мне хотелось бы остаться.

— А Земля? Как думаешь, ты тут останешься?

Его по-детски наивная уверенность вызвала у меня улыбку — как будто мне позволят сменить носителя. Мне бы в этом хоть месяц прожить...

— На Земле... очень интересно, — пробормотала я. — Труднее, чем где-либо, но интересно.

— Труднее, чем на планете с промерзшей атмосферой и грызодерами? — спросил он.

— По-своему, да. — Как объяснить, что планета Туманов наступала на тебя лишь снаружи — куда сложнее, когда тебя атакуют изнутри.

«Атакуют...» — усмехнулась Мелани.

Я зевнула. «Я не имела в виду тебя лично, — пояснила я. — Я думала о неуправляемых эмоциях, которые всегда меня подводят. Но ты ведь и в самом деле на меня нападала. Захлестнула меня своими воспоминаниями».

«Было у кого учиться», — усмехнулась она. Ее отчего-то сильно тревожила рука Джейми, лежащая в моей. В Мелани медленно, но верно, зарождалась новая, неопознанная мной эмоция: нечто на грани гнева, с толикой вожделения и каплей отчаяния.

«Ревность», — просветила меня Мелани.

Джеб снова зевнул.

— Ты уж прости старого невежу. Ты же небось с ног валишься — весь день на ногах, а тут еще я со своими расспросами. Ничего не скажешь, гостеприимный хозяин... Пойдем, Джейми, дадим Анни поспать.

Я совершенно вымоталась. День казался нескончаемым, и слова Джеба лишь подтвердили это впечатление.

— Хорошо, дядя Джеб. — Джейми легким движением вскочил на ноги и подал руку старику.

— Спасибо, малыш. — Джеб с кряхтением поднялся. — И тебе спасибо, — добавил он, обращаясь ко мне. — Такой интересной беседы у меня не было... хм, да, наверное, никогда. Любопытство — страшная сила, Анни, так что побереги голос, он тебе еще пригодится. Ага, вот и он! Как раз вовремя.

Послышался звук приближающихся шагов. Я машинально метнулась в

глубь комнаты и тут же спохватилась: внутри луна светила ярче.

Меня удивило, что за всю ночь мимо нас никто не прошел; с виду в этом коридоре проживало немало народу.

— Извини, Джеб. Разговаривал с Шэрон и сам не заметил, как задремал.

Я сразу узнала этот вкрадчивый вежливый голос. У меня вдруг прихватило живот, и я пожалела о сытном ужине.

— Да ничего страшного, док, — сказал Джеб. — Мы тут неплохо провели время. Будет возможность, непременно попроси ее рассказать тебе парочку историй — получишь массу удовольствия. Только не сегодня. У нее уже глаза слипаются. Увидимся утром.

Доктор расстелил матрас перед входом в пещеру — совсем как Джаред.

— Присмотри за этой штуковиной! — Джеб положил ружье рядом с матрасом.

— Как ты, Анни? — спросил Джейми. — Ты дрожишь. — Я сама не осознавала, что меня всю трясет. Ответить я не смогла — из-за кома в горле.

— Ну ладно, ладно! — успокоил меня Джеб. — Я попросил дока подежурить. Не волнуйся. Док — человек чести.

Доктор улыбнулся сонной улыбкой.

— Я тебя не трону... Анни, верно? Честное слово. Ты спи, а я посторожу.

Я прикусила губу, но дрожь не унималась. Впрочем, Джеб, похоже, решил, что вопрос улажен.

— Спокойной ночи, Анни. Спокойной ночи, док, — сказал он и ушел.

Джейми обеспокоенно взглянул на меня.

— Док хороший, — шепнул он.

— Пошли, малыш, мы и так тут засиделись! — окликнул его Джеб, и Джейми поспешил вслед за дядей.

Я посмотрела на доктора, ожидая перемен, но лицо его оставалось расслабленным, и к ружью он не прикасался. Док растянулся на коротковатом для него матрасе — ноги немного свисали. В лежащем положении он словно уменьшился в размерах и резко похудел.

— Спокойной ночи, — сонно пробормотал он.

Конечно же, я не ответила. Я наблюдала за ним в тусклом свете луны, соизмеряя движения его груди — вверх, вниз — с собственным, колотящимся в висках пульсом.

Дыхание доктора постепенно замедлилось, стало глубже, и он

принялся тихонько похрапывать.

Возможно, он всего лишь притворялся, но если и так, я ничего не могла с этим поделать. Я беззвучно продвигалась в глубь пещеры, пока не уперлась спиной в краешек матраса. Я уже давно пообещала себе, что ни к чему здесь не прикоснусь, но теперь решила, что если свернуться калачиком в изножье кровати, то это никому не повредит. Пол был неровный и очень жесткий.

Тихое сопение доктора успокаивало; впрочем, если он притворялся, то по храпу можно было точно определить, где находится мой охранник. «Если уж мне суждено умереть, то так тому и быть», — решила я и принялась готовиться ко сну. Я устала как собака — очередное выраженьице Мелани. Я смежила веки. Матрас казался таким мягким... Я расслабилась, устроилась поудобнее, но внезапно рядом со мной послышалось тихое шарканье... Я в ужасе вытаращила глаза и разглядела тень на фоне залитого светом луны потолка. Снаружи как ни в чем не бывало сопел доктор.

Глава 23

Признание

Тень была огромной и бесформенной. Разбухшая в верхней части, она нависала надо мной, раскачиваясь над моим лицом. Я закричала, но крик застрял в горле, и вышел лишь сдавленный писк.

— Т-с-с, это я, — шепнул Джейми. Что-то грузное и округлое скатилось с его плеч и мягко плюхнулось на пол. Свет луны обрисовал настоящую худую тень Джейми.

Я хватала ртом воздух.

— Прости, — прошептал Джейми и присел на краешек матраса. — Глупо, наверное. Я не хотел будить дока, не подумал, что ты так испугаешься. Как ты? — Он похлопал меня по лодыжке — она оказалась к нему ближе всего.

— Лучше всех, — фыркнула я, с трудом переведя дыхание.

— Прости, — повторил он.

— Что ты здесь делаешь, Джейми? Почему не спишь?

— Заснешь там, как же. Дядя Джеб храпит как... как стадо слонов.

Его ответ показался мне бессмысленным.

— Ты обычно спишь в комнате дяди Джеба? — Джейми зевнул и расстелил скатанный спальник — тот самый сброшенный на пол тюк, который так напугал меня.

— Нет, обычно я сплю в одной комнате с Джаредом. Он не храпит, ты же знаешь.

Я знала.

— Тогда почему ты не лег в комнате Джареда? Боишься спать один? — Я не могла его за это винить. Ведь я сама, казалось, жила в непрекращающемся страхе.

— Боюсь? — возмутился он. — Нет. Это комната Джареда. И моя.

— Что? — обомлела я. — Джеб поселил меня в комнате Джареда?

Я поверить не могла. Джаред меня убьет. Нет, сперва он убьет Джеба, а уже потом — меня.

— Это и моя комната тоже. И я разрешил Джебу отдать ее тебе.

— Джаред будет в бешенстве, — прошептала я.

— Моя комната, что хочу, то и делаю, — заносчиво пробормотал Джейми и тут же добавил: — А мы ему и не скажем. Ему вовсе не

обязательно знать.

— Удачная мысль, — согласилась я.

— Ты что, не рада будешь, если я с тобой переночую? А то дядя Джеб так храпит...

— Рада, конечно. Но мне кажется, этого делать не стоит. — Джейми обиженно нахмурился.

— Но почему?

— Потому что здесь небезопасно. Иногда по ночам за мной приходят люди.

Он удивленно посмотрел на меня.

— Правда?

— У Джареда всегда было под рукой ружье — они уходили ни с чем.

— Кто приходил?

— Не знаю. Кайл часто заглядывал, но есть и другие... — Джейми кивнул.

— Вот и хорошо, если я останусь. Доку может понадобиться помощь.

— Джейми...

— Я не ребенок, Анни. Я могу за себя постоять. Очевидно, чем больше мы спорили, тем упрямее он настаивал на своем.

— Тогда ложись на кровать, — сдалась я. — Я посплю на полу. Это твоя комната.

— Так не пойдет. Ты моя гостья. — Я тихонько фыркнула.

— Ну уж нет! Кровать твоя.

— Ничего подобного.

Он улегся на матрас и скрестил руки на груди.

Спорить с Джейми было бесполезно. Что ж, придется дожидаться, пока он заснет, и сделать по-своему. Джейми всегда спал крепко, как убитый. Мелани переносила спящего мальчика, куда хотела, он и глазом не моргнет.

— Возьми мою подушку, — сказал Джейми. — Что ты там скрючилась внизу?

Я вздохнула и перебралась наверх.

— Вот это другое дело, — одобрил он. — Не подкинешь мне подушку Джареда?

Я потянулась было к подушке у меня под головой; Джейми вскочил, нагнулся ко мне и схватил другую. Я снова вздохнула. Какое-то время мы молчали, прислушиваясь к свистящему дыханию доктора.

— А док ведь несильно храпит? — прошептал Джейми.

— Тебя не разбудит, — согласилась я.

— Устала?

— Угу.

— А-а...

Я ждала, что он снова заговорит, но он затих.

— Ты что-то хотел? — спросила я.

Он ответил не сразу, что-то обдумывал. Я терпеливо ждала.

— Если я кое о чем тебя спрошу... ты мне скажешь правду?

Настал мой черед помедлить.

— Я многого не знаю, — уклонилась я от прямого ответа.

— Это ты знаешь, наверняка. Когда мы шли... с Джебом... Он мне кое-что рассказал. Но я не знаю, прав ли он.

Мелани вдруг встрепенулась.

Голос Джейми был тише, чем мое дыхание.

— Дядя Джеб думает, что Мелани, возможно, все еще жива. Внутри тебя. То есть я хочу сказать...

«Мой Джейми», — вздохнула Мел. Я ничего не ответила ни ему, ни ей.

— Я не знал, что такое случается. Ведь случается же, да? — Его голос сорвался: Джейми боролся со слезами. Он повзрослел, а взрослые не плачут, и второй раз за день мне стало горько. В груди растекалась боль.

— Скажи, Анни?

«Скажи ему. Пожалуйста, скажи, что я его люблю», — умоляла Мелани.

— Почему ты молчишь? — Теперь Джейми и вправду плакал, хоть и пытался приглушить рыдания.

Я сползла с кровати, втиснулась в узкое жесткое пространство между кроватью и матрасом, обхватила рукой сотрясаемого рыданиями мальчика, прижалась лицом к его волосам. Его теплые слезы стекали мне на шею.

— Анни, скажи, Мелани жива? Пожалуйста!

Наверняка Джеб все это нарочно подстроил — проницательный старик уж точно заметил, как легко Джейми пробивает мою защиту. Возможно, Джеб искал подтверждения своей теории и был не прочь воспользоваться мальчиком. Что предпримет Джеб, когда раскроется опасная правда? Как применит полученную информацию? Похоже, он не желает мне зла... но могу ли я доверять ему? Люди — хитрые, вероломные создания, мне не предугадать их темные планы, моему виду подобное казалось непостижимым.

Джейми дрожал всем телом.

«Он же страдает!» — стонала Мелани, безрезультатно пытаясь перехватить контроль.

Нет, на Мелани все не свалишь, какую бы страшную ошибку мы ни

совершали. Я знала, кто в тот миг говорит.

— Она обещала, что вернется? — едва слышно шепнула я. — Скажи, Мел хоть раз нарушила свое слово?

Джейми обнял меня, крепко-крепко прижался ко мне и долго не отпускал. Через несколько минут послышалось:

— Мел, я тебя люблю.

— Она тоже тебя любит. Она очень рада, что ты тут, живой и невредимый.

Слезы у меня на щеках успели высохнуть, оставив на коже тонкие соленые следы, а он все молчал.

— А другие? — прошептал Джейми, когда я уже почти задремала. — Другие тоже остаются?

— Нет, — с грустью ответила я. — Нет. Мелани особенная, не такая, как все.

— Она сильная и храбрая.

— Очень.

— То есть... — Он прервался и шмыгнул носом. — Скажи, а папа мог остаться?...

Я сглотнула, пытаюсь избавиться от комка в горле. Не помогло.

— Нет, Джейми, вряд ли. Во всяком случае, не так, как Мелани.

— Почему?

— Он вывел на вас Искате... Ищеек. Ну, точнее, не он, а Душа в его теле. Твой отец ни за что бы вас не выдал, если бы мог. А твоя сестра просто заперла вас в памяти — долгое время я даже не догадывалась, что ты существуешь. Она и привела-то меня сюда лишь после того, как убедилась, что я не смогу вам навредить.

Я снова наговорила лишнего. Вдобавок доктор больше не храпел. Стояла тишина... Я мысленно себя отругала.

— Вот это да! — воскликнул Джейми.

Я прошептала ему в самое ухо, чтобы доктор не слышал:

— Да, она очень сильная.

Джейми напрягся, стараясь меня расслышать, нахмурился и бросил взгляд в сторону входа. Он, видимо, понял то же самое, что и я, поскольку наклонился ко мне и тихо шепнул:

— Но почему ты так поступила? Чтобы защитить нас? Поэтому?

— Да. Я хочу вас защитить.

— Почему?

— Мы с твоей сестрой... провели много времени вместе. Она разделила со мной свои чувства. И я... тоже... тебя полюбила.

— И Джареда?

Я стиснула зубы от огорчения — надо же, Джейми так быстро все улавливает!

— Конечно, я и Джареда тоже защищаю.

— Он тебя ненавидит, — с явным сожалением констатировал Джейми.

— Да. Как и все. — Я вздохнула. — Я их не виню.

— Кроме Джеба. И меня.

— Может быть, ты подумаешь-подумаешь и тоже меня возненавидишь.

— Но ведь когда Мелани схватили, тебя тут даже не было. Ты не выбирала мою маму, или отца, или Мел. Ты ведь была в космосе?

— Да. Но я то, что я есть. Я поступила как любая Душа. До Мелани я сменила немало носителей, и ничто мне не мешало... забирать чужие жизни. Снова и снова. Вот так я и живу.

— А Мелани тебя ненавидит? — Я на миг задумалась.

— Не так, как раньше.

«Нет. Совсем не ненавижу. Уже давно».

— Она говорит, что давно перестала меня ненавидеть, — почти беззвучно промолвила я.

— Как... как она себя чувствует?

— Рада, что мы сюда добрались, рада видеть тебя. И ей все равно, что нас скоро убьют.

Джейми застыл в моих объятиях.

— Они не посмеют! Раз Мелани жива!

«Из-за тебя он расстроился, — жаловалась Мелани. — Зря ты ему сказала. Он еще не готов».

— Они не поверят, — прошептала я. — Решат, что я пытаюсь тебя одурачить. Если ты им расскажешь, они еще больше захотят меня убить. Только Ищейки умеют врать.

Джейми вздрогнул.

— Но ты-то не врешь, я точно знаю, — спустя какое-то время сказал он. Я пожала плечами. — Я не позволю им ее убить. — В тихом, как дыхание, голосе звучала непоколебимая решимость.

Я обмерла при мысли, что втягиваю Джейми в заваренную мной же кашу. Я подумала о варварах, среди которых мы жили. Если Джейми попытается меня защитить, спасет ли мальчика его юный возраст? Сомнительно. Мысли заматались в поисках хотя бы одного способа разубедить упряма.

Джейми вдруг заговорил спокойным тоном, словно четко знал ответ.

— Джаред что-нибудь придумает. Он всегда находит выход.
— Джаред тоже не поверит. Он больше всех разозлится.
— Если не поверит, он все равно защитит Мелани. На всякий случай.
— Посмотрим, — пробормотала я. Позже надо будет подобрать нужные слова и доводы, которые подействуют исподволь, незаметно.

Джейми задумчиво притих. Наконец его дыхание стало ровным, рот приоткрылся. Я дождалась, пока Джейми крепко уснет, перелезла через него и бережно перенесла с пола на кровать. Мальчик весил больше, чем когда-то, но я справилась. Он так и не проснулся.

Я вернула подушку Джареда на место и растянулась на матрасе.

«Что ж, — подумала я, — словно на раскаленной сковороде побывала». Но я слишком устала, чтобы размышлять о последствиях, и вскоре провалилась в сон.

У входа кто-то насвистывал. Я открыла глаза. Щели в потолке сверкали отраженным солнечным светом. Свист оборвался.

— Наконец-то, — пробормотал Джеб.

Я перекатилась на бок и посмотрела на него. Рука Джейми соскользнула с моего плеча. Должно быть, ночью он меня обнял — точнее, не меня, а свою сестру.

Джеб стоял в дверном проеме, скрестив руки на груди.

— Доброе утро, — сказал он. — Выспалась?

Я потянулась, решила, что чувствую себя достаточно отдохнувшей, и кивнула.

— Ой, только давай не будем снова играть в молчанку, — заявил он, хмурясь.

— Извините, — пробормотала я. — Спасибо, я выспалась.

При звуке моего голоса Джейми пошевелился.

— Анни? — спросил он.

Забавно, но меня почему-то тронуло, что, еще не до конца проснувшись, он произнес мое дурацкое новое имя.

— Да?

Джейми заморгал и откинул спутанные волосы с глаз.

— Дядя Джеб!

— Моя комната тебе не подошла, парень?

— Ты очень громко храпишь, — сказал Джейми и зевнул.

— Похоже, я тебя так ничему и не научил... — заметил Джеб. — Как так вышло, что твоя гостья спит на полу?

Джейми недоуменно огляделся и нахмурился.

— Не ругай его, — попросила я Джеба. — Он улегся спать на полу, а я

перенесла его, когда он заснул.

Джейми фыркнул.

— Мел всегда так делала.

Я округлила глаза, пытаюсь подать ему знак.

Джеб хихикнул. На его лице появилось вчерашнее кошачье выражение, которое словно говорило: «Вам меня не перехитрить». Он пнул край спального.

— Ты уже проспал целый урок. Давай-ка дуй в класс, а то Шэрон разозлится.

— Да она все время злится, — пожаловался Джейми, но быстро вскочил на ноги.

— Ну-ка, шустрой. Одна нога здесь, другая там. — Джейми взглянул на меня и исчез в коридоре.

— Ну что же, — сказал Джеб. — Честно говоря, хватит нам с тобою нянчиться. У меня много дел. Здесь все при деле, в охранников играть некогда. Так что сегодня я займусь хозяйством, и ты пойдешь со мной.

Я обомлела. Он смотрел на меня: ни тени улыбки.

— Не смотри на меня так, ничего с тобой не случится, — проворчал он и похлопал по ружью. — Детский сад закончился.

Да, с этим не поспоришь. Я сделала три глубоких вдоха, пытаюсь успокоиться. Кровь так громко стучала в висках, что когда он снова заговорил, я едва расслышала слова.

— Пошли, Анни. Делу время, потехе час. — И он быстро вышел из комнаты.

Я сначала растерялась, а затем метнулась следом за ним. Джеб не шутил — его силуэт уже почти скрылся за углом. Я бросилась вдогонку, в ужасе от мысли, что на кого-нибудь наткнувшись в этой заселенной части пещер. Я догнала Джеба у большой развилки, резко замедлила шаг и пристроилась рядом. Старик даже не посмотрел в мою сторону.

— Пора засеивать северо-восточное поле. Сперва нужно подготовить почву. Надеюсь, ты руки запачкать не боишься. А как закончим, не помешало бы помыться. — Он потянул носом воздух и засмеялся.

Я залилась краской стыда, но сделала вид, что не расслышала последнюю фразу.

— Руки запачкать не боюсь, — пробормотала я.

Незасеянное северо-восточное поле находилось в стороне от основного коридора. Может быть, удастся поработать вдвоем.

Как только мы вошли в пещеру с главной площадью, навстречу стали попадаться люди, которые, как обычно, провожали меня злобными

взглядами. Некоторых я уже запомнила: женщину среднего возраста с седой косой я видела вчера в команде поливальщиков — с ней был приземистый краснолицый мужчина с солидным брюшком и редующими русыми волосами. Спортивного сложения женщина с темным загаром — это она нагнулась завязать шнурки, когда меня первый раз вывели в дневное время. Еще одна загорелая женщина с полными губами и заспанными глазами сидела за обедом на кухне рядом с двумя темноволосыми ребятами — мать с сыновьями? Мэгги наградила Джеба неодобрительным взглядом и отвернулась от меня. Мы прошли мимо бледного, болезненного вида мужчины с седыми волосами, которого я видела впервые, а потом встретили Иена.

— Эй, Джеб, — радостно поздоровался Иен. — Куда собрались?

— Рыхлить грядки на восточном поле, — пробурчал Джеб.

— Помочь?

— Вот так бы раньше! Давно пора заняться чем-нибудь полезным, — пробормотал Джеб.

Иен принял ответ за согласие и пристроился сзади, в ногу со мной. От его взгляда моя кожа покрылась мурашками.

Мы прошли мимо юноши, который вряд ли был намного старше Джейми — его темные волосы топорщились ершиком над лбом.

— Привет, Уэс, — сказал Иен.

Уэс промолчал, проводил нас взглядом. Иен засмеялся, увидев выражение его лица.

Невдалеке мы заметили доктора.

— Привет, док, — поздоровался Иен.

— Иен, здравствуй! — Рубашка доктора перепачкалась темной, грубого помола мукой. В руках он держал большой ком теста. — Доброе утро, Джеб, Анни.

— Доброе, — ответил Джеб. Я смущенно кивнула.

— Еще увидимся, — сказал док, торопливо удаляясь со своей ношей.

— Анни? — переспросил Иен.

— Моя идея, — сказал Джеб. — По-моему, ей подходит.

— Интересно, — заметил Иен.

Наконец мы добрались до северо-восточного участка, и мои надежды рухнули. На поле собралось больше народу, чем встретилось нам в коридоре, — пять женщин и девять мужчин. Они прервали свои занятия и, естественно, злобно на меня уставились.

— Не обращай внимания, — шепнул мне Джеб и невозмутимо направился к куче инструментов, беспорядочно сваленных у ближайшей

стены. Он просунул ружье в петлю на поясе, выбрал мотыгу и две лопаты.

Он отошел, и я почувствовала себя уязвимой. Иен стоял позади — мне было слышно его дыхание. Остальные испепеляли меня взглядами, не выпуская из рук мотыг и тяпок. Я прекрасно понимала, что эти орудия, которые с легкостью крошат грунт, с тем же успехом раскрошат человеческое тело. Судя по выражениям на некоторых лицах, не мне одной это пришло на ум.

Джеб вернулся и вручил мне лопату. Я взялась за гладкий, изношенный деревянный черенок, прикидывая вес. После того как в глазах людей я заметила жажду крови, в голову лезли мысли об оружии. Мне это не нравилось. Вряд ли я сумею поднять на кого-то руку, даже если придется просто блокировать удар.

Джеб вручил мотыгу Иену. Острый почерневший металл выглядел угрожающе. Пришлось собрать в кулак силу воли и подавить жгучее желание отойти подальше.

— Пойдем в дальний угол.

В этой длинной солнечной пещере Джеб выбрал место, где было меньше всего народа. Идущий впереди Иен дробил твердую земляную корку, я шла следом, разравнивая куски покрупнее, а сзади следовал Джеб, который разбивал крупные комья острым краем лопаты, превращая их в сносную почву.

По гладкой коже Иена струился пот — под палящим жаром сверкающих зеркал он снял рубашку. Сзади побряхтывал Джеб. Мне, похоже, досталась самая легкая часть работы. Впрочем, жаль, что мне не дали задание потруднее: оно требовало бы полной отдачи и мне было бы не до страха. Я съеживалась и вздрагивала от каждого движения остальных работников.

Иен вгрызался мотыгой в твердую землю — для этого требовались сильные руки и разработанные мышцы спины. Я решила взять на себя часть работы Джеба, заранее разбивая комки земли на куски помельче. Немного полегчало: теперь мне было чем занять глаза и приходилось сосредотачиваться на работе.

Время от времени Иен ходил за водой. Невысокая блондинка, которую я вчера видела на кухне, судя по всему, разносила воду работникам, но нас игнорировала. Иен каждый раз приносил воду на троих. Не нравилось мне, что он так резко переменился. Неужели он и впрямь больше не желал мне смерти? Или просто ждал подходящего случая? Вода здесь имела странный привкус серы — теперь и это казалось подозрительным. Я старалась не поддаваться паранойе.

Чтобы занять глаза и прогнать из головы дурные мысли, я целиком ушла в работу и не заметила, как закончилась последняя грядка. Я остановилась машинально, вслед за Иеном. Не выпуская из рук мотыгу, он поднял их над головой; хрустя суставами, потянулся и даже не заметил, как я вся сжалась при виде занесенной мотыги. До меня вдруг дошло, что все вокруг прекратили работу. Я окинула взглядом участок свежевскопанной земли, идущий через всю пещеру, и поняла, что поле готово.

— Молодцы, — громко поблагодарил работников Джеб. — Завтра полем и засеем.

Помещение наполнилось тихим гулом голосов и лязгом складываемых у стены инструментов. Часть разговоров звучала непринужденно; в некоторых ощущалось напряжение — должно быть, из-за меня. Иен протянул руку, и я отдала ему лопату, чувствуя, как мое и без того плохое настроение опускается ниже плинтуса. Без сомнения, «мы», брошенное Джебом, включало и меня. Завтра будет не легче.

Я мрачно уставилась на Джеба, а он только улыбался в ответ. В его улыбке сквозило самодовольство, как будто он читал мои мысли и это ему явно нравилось.

Он подмигнул мне, мой безумный друг. Да уж, очевидно, от человеческой дружбы большего ждать не приходилось.

— До завтра, Анни, — через всю пещеру выкрикнул Иен и рассмеялся. Все повернулись к нам.

Глава 24

Терпимость

Запашок от меня шел еще тот, что правда, то правда.

Я потеряла счет проведенным здесь дням: сколько прошло? Больше недели или больше двух? Все это время я ни разу не сменила одежду, в которой отправилась в тот злосчастный поход по пустыне. Хлопчатобумажная желтая футболка так пропиталась солью, что задубела, собралась гармошкой и покрылась темно-бурыми разводами, в тон скальной породе. Мои короткие волосы встали дыбом и покрылись твердой коркой грязи; они беспорядочно торчали во все стороны, склеившись на макушке в жесткий гребень, как у какаду. Я не помнила даже, как выгляжу, и теперь лицо мое представлялось мне в двух оттенках бурого: бурая грязь и бурые заживающие синяки.

Приходилось согласиться с Джебом — не помешало бы принять ванну, а заодно и переодеться, иначе какой смысл мыться? Джеб предложил мне вещи Джейми, пока мои не просохнут, но не хотелось портить то небольшое, что оставалось у Джейми, — я бы только все растянула. Слава богу, Джеб не додумался предложить мне вещи Джареда. Остановились на старенькой, но чистой фланелевой рубашке Джеба с оторванными рукавами и паре старых штопанных тренировочных штанов, которые он давным-давно не носил. Сейчас они свисали с моего локтя — руки у меня были заняты кучкой дурно пахнущих, кое-как слепленных комков, которые, по утверждению Джеба, являлись ни чем иным, как самодельным кактусовым мылом. Мы с ним направлялись в комнату с двумя реками.

И снова мы оказались не одни, и снова меня постигло жуткое разочарование. Трое мужчин и одна женщина — та самая, с седой косой, — наполняли ведра водой из ручья. Из купальни доносился громкий плеск, и кто-то звонко смеялся.

— Дождемся своей очереди, — сказал Джеб.

Джеб прислонился к стене. Я застыла рядом, чувствуя себя неуютно под взглядами четырех пар глаз; сама-то я всматривалась в горячий темный поток, бурлящий под пористым полом.

После недолгого ожидания из купальни вышли трое: спортивного вида женщина с карамельным загаром, блондинка, которую я видела впервые, и двоюродная сестра Мелани Шэрон. Вода с их мокрых волос стекала на

футболки. Как только они нас заметили, смех оборвался.

— Добрый день, красавицы! — сказал Джеб, приподняв воображаемую шляпу.

— Привет, — бросила загорелая спортсменка. Шэрон и блондинка притворились, что не заметили нас.

— Ну что, Анни, — сказал Джеб. — Купальня в твоём распоряжении.

Я мрачно на него взглянула и стала осторожно пробираться в дальнюю комнату. До края воды оставалось несколько шагов, поэтому я сняла туфли — сразу почувствую, если замочу ноги.

Меня окружала крошечная тьма. Чернильная поверхность озера таила под темной водой неведомые опасности. Я содрогнулась. Но чем дольше я буду тянуть, тем дольше мне придется оставаться здесь, поэтому я сложила чистую одежду рядом с обувью, вцепилась в кусок вонючего мыла и стала мелкими шажочками продвигаться вперед, пока не наткнулась на край водоема.

По сравнению с парилкой в большой пещере вода казалась прохладной.

Приятное чувство. Страх не пропал, но я наслаждалась прелестью купания. Я давным-давно забыла, что такое прохлада.

Не снимая грязной одежды, я по пояс зашла в воду. Струйки течения закручивались вокруг щиколоток. Хорошо, что озеро проточное — иначе я бы наверняка испортила воду; слишком много грязи на мне налипло. Я по плечи погрузилась в чернильную воду и принялась водить грубым мылом по одежде, решив, что это самый надежный способ стирки. В тех местах, где мыло касалось кожи, началось сильное жжение. Я сняла намыленные вещи и принялась их отстирывать: тщательно выполоסקала каждую вещь, пока не смылся весь пот и слезы, выжала одежду и положила туда, где вроде бы лежала моя обувь.

Голую кожу мыло жгло еще сильнее, но ради того, чтобы снова стать чистой, я готова была вытерпеть любой зуд. Едва я намылилась, все тело защипало, а кожу головы как будто ошпарили кипятком. Синяки и ссадины были более чувствительны, чем остальная кожа, — должно быть, еще не сошли. Я с облегчением положила едкое мыло на каменный бортик и принялась смывать его, снова и снова — так же, как поступила с одеждой.

Я пробиралась обратно со странным чувством облегчения и сожаления. Купаться было очень приятно, так же, как, несмотря на жжение, было приятно почувствовать себя чистой. Но я слишком устала от полной слепоты и воображаемых опасностей, которые якобы таились в темноте. Я пошарила вокруг, нашла сухую одежду, быстро ее натянула и сунула

сморщившиеся от воды ступни в туфли. В одной руке я несла мокрые вещи, в другой — обмылок, осмотрительно держа его двумя пальцами.

Джеб засмеялся, глядя на злополучное мыло.

— Жжется, да? Мы пытаемся это исправить. — Он обернул руку полой рубашки, и я вложила мыло в его протянутую ладонь.

Я не ответила на его вопрос, потому что мы были не одни; за ним выстроилась молчаливая очередь — пять человек, все с полевых работ.

Иен стоял в очереди первым.

— Выглядишь лучше, — сообщил он мне, то ли удивленно, то ли с раздражением — по его тону сложно было понять.

Он протянул к моей шее длинные белые пальцы. Я отшатнулась, и он быстро отвел руку.

— Извини, — пробормотал он.

Непонятно, за что Иен извинялся: за синяк или за то, что меня напугал? Вряд ли он просил прощения за то, что пытался меня убить. Наверняка он все еще желал моей смерти. Впрочем, спрашивать его я не собиралась. Я пошла дальше, и Джеб устремился следом.

— Что ж, все прошло не так уж и плохо, — сказал Джеб по пути через темный коридор.

— Ага, — пробормотала я. В конце концов, меня пока не убили. А это всегда плюс.

— Завтра будет лучше, — пообещал он. — Мне всегда нравилось заниматься огородом: просто чудо, сколько жизни таит в себе мертвое с виду семечко. Вот так смотришь и думаешь: а может, и ты, старый хрыч, на что сгодишься? Хотя бы на удобрение! — Джеб рассмеялся своей шутке.

Мы добрались до пещеры с большим огородом, и Джеб повел меня не на запад, а на восток.

— Только не говори, что ты не проголодалась, пока мы копали, — сказал он. — Обслуживанием номеров я не занимаюсь. Придется тебе есть вместе с остальными.

Я потупилась и, скорчив гримасу, послушно последовала за ним на кухню.

Хорошо, что еда была такой же, как всегда, потому что, если бы неким волшебным образом передо мной вдруг материализовался бифштекс или пакетик с чипсами, я бы все равно не заметила бы разницы. Я с трудом заставляла себя глотать — боясь издать хоть звук в мертвой тишине, встретившей мое появление. Народу на кухне было немного — с десяток человек стояли у стоек, поедая черствые булки и жидкий суп. При моем появлении все стихли. Интересно, сколько еще это будет продолжаться.

Как оказалось, ровно четыре дня.

И ровно столько же времени у меня ушло на то, чтобы понять, чего добивается Джеб, какие мотивы стоят за его превращениями из гостеприимного хозяина в ворчливого надзирателя и обратно.

На следующий день после рыхления я помогала засеивать и поливать то же поле. Теперь рядом с нами работали другие люди — судя по всему, тут существовали специальные смены. В эту группу входила Мэгги и женщина с шоколадным загаром — ее имени я не помнила. Все работали молча, в неестественной тишине — молчаливый протест, вызванный моим присутствием.

Иен работал с нами, явно не в свою смену, и мне это не нравилось.

Обедать снова пришлось на кухне. Неловкое молчание нарушил Джейми, который обедал с нами. Он наверняка заметил, как все стихли, но нарочно вел себя так, кроме нас — Джейми, Джеба и меня, на кухне никого не было. Джейми болтал без умолку: рассказывал об уроках Шэрон, гордо заявил, что ему попало за ответ вне очереди, и пожаловался, что в наказание Шэрон слишком много ему задавала. Джеб слегка его пожурил. В отличие от меня у них неплохо получалось делать вид, что ничего не происходит. Джейми стал меня расспрашивать, как прошел день, но я лишь уткнулась в тарелку, отделяясь односложными ответами. Он, похоже, расстроился, но давить на меня не стал.

Ночью все повторилось с точностью до наоборот: Джейми забрасывал меня вопросами до тех пор, пока я не взмолилась, чтобы он дал мне хоть немножечко поспать. Джейми заявил права на свою комнату, заняв сторону кровати, где раньше спал Джаред, а мне отдал свою половину. Все снова стало почти как раньше, в воспоминаниях Мелани, и ей это нравилось.

Джеб тоже был не против.

— Теперь не придется искать охранника. Не забывай, всегда держи ружье под рукой, — сказал он Джейми.

Я снова запротестовала, но они отказались меня слушать. По ночам Джейми клал ружье рядом с собой, на другую сторону кровати, а меня из-за этого мучили кошмары.

На третий день я работала на кухне. Джеб показал мне, как замешивать тесто из грубой муки, как оно должно подниматься и как лепить из него булки, а позже, когда стемнело, научил разводить огонь под большой каменной печкой.

В разгар дня Джеб ушел.

— Схожу за мукой, — пробормотал он, теребя ремешок, крепивший на поясе ружье.

Три молчаливые женщины, которые месили тесто рядом с нами, не поднимали глаз.

Я по локти завязла в липком тесте и принялась его оттирать, порываясь пойти за Джебом. Джеб улыбнулся, бросил взгляд в сторону потупившихся женщин, покачал головой и выскочил из кухни, не дав мне опомниться.

Я замерла и, затаив дыхание, уставилась на блондинку, которую встретила в купальне, женщину с седой косой и мать с заспанными глазами. До них вот-вот дойдет, что они спокойно могут меня убить: ни Джеба, ни ружья, мои руки по локоть в кадке с липким тестом — в общем, никаких препятствий. Однако женщины продолжали месить и лепить, словно не осознавая бросающуюся в глаза истину. Я долго стояла не дыша и в конце концов вернулась к работе, пока они не смекнули, что к чему.

Джеб отсутствовал целую вечность. Наверное, муку ему пришлось молоть, и потому он так долго не возвращался.

— Долго же тебя не было, — сказала женщина с седой косой.

Теперь я точно знала, что Джеб вернулся, и что это не игра моего воображения. Он с глухим стуком уронил мешок на пол.

— Тяжело ведь! Сама попробуй, Труди. — Труди хмыкнула.

— Наверное, частенько останавливался передохнуть.

— А то! — ухмыльнулся Джеб.

Мое сердце, которое колотилось, как у птахи, забилося чуть ровнее.

На следующий день мы мыли зеркала в помещении с кукурузным полем. По словам Джеба, эту работу приходилось выполнять ежедневно: из-за влажности и пыли, оседавшей на зеркалах, свет становился слишком тусклым и не мог питать растения. Иен снова работал с нами: он забрался на деревянную лестницу, которую должны были удерживать мы с Джебом. Это оказалось непросто, учитывая вес Иена и шаткость самодельной лестницы. К концу дня мои руки онемели и отнимались от боли.

По дороге на кухню я заметила, что Джеб без ружья. Коленки у меня подогнулись, как у испуганного жеребенка, я вздрогнула и остановилась.

— Что с тобой, Анни? — невинным голосом спросил Джеб.

Я бы ответила, если бы рядом, не спуская с меня внимательного взгляда живых синих глаз, не стоял Иен. Поэтому я просто укоризненно посмотрела на Джеба и снова пошла рядом, удивленно качая головой. Джеб фыркнул.

— В чем дело? — обратился Иен к Джебу, как будто меня тут не было.

— А я почему знаю? — заявил Джеб; он лгал, как умеют лгать только люди: гладко, как ни в чем не бывало.

Такая умелая ложь наводила на мысль, что он нарочно забыл сегодня

ружье, оставил меня одну вчера и так упорно навязывал мне человеческое общество — ведь это очень удобный способ убить меня, не запачкав руки. Неужели и его дружба всего лишь притворство? Очередная ложь?

Вот уже четвертый день я обедала на кухне.

Джеб, Иен и я зашли в длинную жаркую комнату, смешались с толпой людей, негромко обсуждающих произошедшее за день, — и ничего не произошло.

Ничегошеньки.

Не было внезапной тишины. Никто не замолчал, не наградил меня уничижительным взглядом. Нас словно вообще не заметили.

Джеб подвел меня к пустующей стойке и отправился за хлебом для нас троих. Иен расположился рядом, небрежно повернувшись к сидящей напротив девушке, уже знакомой мне блондинке — он называл ее Пейдж.

— Как дела? Справляешься без Энди? — поинтересовался он.

— Все хорошо, только переживаю очень, — ответила она, кусая губы.

— Он скоро вернется, — сказал Иен. — Джаред всегда всех приводит. У него талант. С тех пор как он здесь, у нас не было никаких происшествий, никаких проблем. С Энди все будет в порядке.

Как только он упомянул Джареда, у меня проснулся интерес, и Мелани, в последнее время дремавшая, встрепенулась — но Иен больше ничего не сказал, похлопал Пейдж по плечу и повернулся к Джебу за своей порцией.

Джеб уселся рядом со мной и удовлетворенно оглядел комнату. Я тоже осмотрелась, пытаюсь взглянуть на все его глазами. Наверное, тут всегда так было в мое отсутствие. Сегодня на меня не обращали внимания. Скорее всего, им надоело на меня отвлекаться.

— Все потихоньку налаживается, — прокомментировал Иен, обращаясь к Джебу.

— Я так и знал. Мы же разумные люди. — Я тихонько поморщилась.

— В данный момент да, — сказал Иен. — Пока мой брат далеко.

— Вот именно, — согласился Джеб.

Интересно, Иен причислил себя к разумным людям. Заметил ли он, что Джеб не вооружен? Я сгорала от любопытства, но рисковать, указав ему прямо, не решалась: вдруг он все-таки не заметил?

Обед продолжался так же, как и начался. Очевидно, ко мне привыкли.

После обеда Джеб сказал, что я заслужила небольшой отдых. Он снова проводил меня до самой двери, разыгрывая из себя джентльмена.

— Приятного тебе вечера, Анни, — сказал он, коснувшись воображаемой шляпы. Я глубоко вдохнула, набралась смелости и...

— Джеб, погодите.

— Да?

— Джеб... — Я замялась, решая, как бы повежливее это сказать. — Я... ну, может быть, это глупо, но мне-то казалось, что мы друзья.

Я всматривалась в его лицо в поисках малейшей перемены, которая означала бы, что он собирается мне соврать. Доброта в его чертах казалась искренней, но, кто знает, может, это хитрая уловка?

— Конечно же, друзья, Анни.

— Тогда почему вы хотите, чтобы меня убили? — Его косматые брови удивленно нахмурились.

— Так, и с чего ты взяла, милая? — Я перечислила доказательства:

— Вы не взяли с собой ружье. А вчера оставили меня одну.

— Мне казалось, ты ненавидишь оружие, — улыбнулся Джеб.

Я ждала ответа.

— Анни, если бы я желал твоей смерти, ты бы и одного дня не прожила.

— Знаю, — пробормотала я смущенно. — Я уже запуталась.

Джеб залился смехом.

— Нет, я не желаю твоей смерти! В том-то и дело. Я старался, чтобы к тебе привыкли и потихоньку, сами того не понимая, смирились с твоим присутствием. Это как варить лягушку.

Я наморщила лоб: непонятное сравнение.

— Если бросить лягушку в кипящую воду, она оттуда выпрыгнет, — объяснил Джеб. — А вот если посадить ее в кастрюлю с прохладной водой и поставить на медленный огонь, лягушка не догадается о том, что происходит, пока не станет слишком поздно. Вареная лягушка. Простой пример, как постепенными действиями добиться своего.

Я надолго задумалась. Сегодня в столовой люди перестали обращать на меня внимание. Джеб добился своего: ко мне привыкли. От этой мысли во мне проснулась надежда. Казалось бы, нелепо в моей ситуации, но я вновь надеялась, и мир вокруг вдруг заиграл новыми красками.

— Джеб?

— Да?

— А кто я: лягушка или вода? Он рассмеялся.

— А вот тут уж думай сама. Иногда полезно покопаться в своей душе. — Он снова рассмеялся, на этот раз громче, и собрался уходить. — Прости за каламбур.

— Пойдите... можно еще вопрос?

— Само собой. Я бы сказал, теперь твоя очередь, после всех наших

расспросов.

— Почему вы решили стать моим другом?

Он поджал губы, раздумывая над ответом.

— Знаешь, я ведь любознательный человек, — начал он, и я кивнула. — Так вот, я часто наблюдал за вами, Душами, но ни разу с вами не разговаривал. А вопросы все скапливались и скапливались... К тому же я всегда считал, что при желании можно найти общий язык с кем угодно. И мне хотелось опробовать свои теории на практике. И тут подвернулась ты — очень милая девушка. Мне было интересно подружиться с Душой, и я горжусь, что у меня это получилось.

Он подмигнул мне, отвесил церемонный поклон и удалился.

Оттого что Джеб рассказал о своих планах, легче мне не стало.

Он больше никогда не брал с собой ружье. Я не знала, куда оно делось, но была признательна, что Джейми, по крайней мере, больше не приходится класть его себе под бок. Конечно, я переживала, что Джейми остался без защиты, и все-таки без ружья опасности было меньше. Так мальчик не представлял собой угрозы, никто не причинил бы ему вреда. Да и за мной больше не приходили.

Джеб начал давать мне мелкие поручения: «Сбегай на кухню за хлебом, я что-то проголодался. Принеси ведро с водой, эту грядку нужно полить. Забери Джейми с урока, мне надо с ним поговорить. Как там шпинат, взошел? Сбегай посмотри. Помнишь дорогу через южные туннели? Отнеси доку послание».

Всякий раз, как я выполняла эти простые задания, меня бросало в дрожь от страха. Я старалась незаметно проскочить через большие помещения и темные коридоры и едва не бежала, липла к стенам и смотрела в пол. Иногда, как раньше, разговор обрывался при моем появлении, но чаще всего меня просто не замечали. Всего лишь раз мне показалось, что моя жизнь висит на волоске: я зашла за Джейми и прервала урок Шэрон, которая взглянула на меня так, словно была готова броситься на меня и растерзать. Я кое-как пролепетала свою просьбу, Шэрон кивнула и отпустила Джейми. Джейми взял мою дрожащую руку и объяснил мне, что Шэрон всегда так смотрит на тех, кто осмеливается прервать ее урок.

Тяжелее всего пришлось, когда Джеб послал меня за доктором, потому что Иен вызвался показать мне дорогу. Наверное, я могла бы отказаться, только вот Джеб принял предложение Иена, а это значило, что Джеб доверяет ему мою жизнь. Мне ни капельки не хотелось проверять, насколько оправданно подобное доверие, но проверки было не избежать. Если Джеб ошибался в Иене, тот все равно очень скоро добился бы своего.

Поэтому я пошла в темный длинный южный туннель вместе с Иеном, как на расстрел.

Я пережила первую половину пути. Док получил послание. Он, похоже, не удивился, увидев маячившего позади меня Иена. Возможно, у меня разыгралось воображение, но, по-моему, они обменялись многозначительными взглядами. Я ждала, что меня вот-вот привяжут к одной из кушеток дока. От одного вида медицинского кабинета меня тошнило.

Док поблагодарил меня и отправил обратно, сославшись на занятость. Непонятно, над чем он работал: рядом с ним лежало несколько раскрытых книг и ворох бумаг с какими-то рисунками.

На обратной дороге любопытство пересилило страх.

— Иен, — сказала я; впервые назвать его по имени оказалось не так-то просто.

— Да? — Казалось, он удивлен, что я обратилась к нему.

— Почему ты до сих пор меня не убил? — Он фыркнул.

— Вопрос в лоб.

— Ты же мог. Джеб разозлился бы, но вряд ли бы тебя застрелил. — Что я несу? Я его уговариваю? Пришлось спешно прикусить язык.

— Знаю, — спокойно сказал он. Стало тихо, только звук наших шагов, тихий и приглушенный, эхом отдавался от стен туннеля. — Это не совсем честно, — наконец заговорил Иен. — Я много думал, и мне непонятно, что изменится, если тебя убить. Не казнить же рядового за военные преступления какого-нибудь генерала. Так вот, я не верю в безумные теории Джеба — хотелось бы верить, но, как бы заманчиво они не выглядели, правды в них от этого не прибавится. Прав он или нет, ты, похоже, не желаешь нам зла. Судя по всему, ты искренне привязана к мальчику. Странно наблюдать, и все же... В общем, до тех пор, пока от тебя не исходит опасность, убивать тебя кажется... жестоким что ли. Ну, одной неприкаянной Душой будет больше, что с того?

Я задумалась. «Неприкаянная» — это определение как нельзя лучше ко мне подходило. Найду ли я когда-нибудь, где-нибудь свое место?

Как странно, что именно Иен оказался таким добрым человеком. Я и не догадывалась, что слово «жестокость» имеет для него отрицательное значение.

Пока я размышляла, он молчал.

— Если ты не собираешься меня убивать, то почему сегодня пошел со мной?

Иен ответил не сразу.

— Я не уверен, что... — Он осторожно подбирал слова. — Джеб считает, что все улеглось, а я не совсем с ним согласен. Есть тут люди... В общем, мы с доком решили присматривать за тобой по возможности. На всякий случай. Мне кажется, отправлять тебя одну в южный туннель было рискованно. Впрочем, Джеб любит риск, он всегда испытывает удачу на прочность.

— Вы... вы с доком пытаетесь меня защитить?

— Чудной мир, верно?

— Самый чудной из миров, — помедлив, ответила я.

Глава 25

Принуждение

Прошла еще неделя или две — точно не знаю, время здесь не имело никакого значения, — но отношение ко мне по-прежнему оставалось странным.

Я работала с людьми каждый день, не обязательно с Джебом. Иногда со мной был Иен, иногда док, а иногда — только Джейми. Я полола грядки, месила тесто и прибиралась на кухне. Носила воду, готовила луковый суп, стирала одежду в дальнем конце темного водоема и жгла руки, лепя едкое мыло. Все вносили свою лепту, а поскольку у меня не было права тут находиться, я старалась работать в два раза усерднее остальных. Я знала, мне никогда не заработать себе место, но старалась хотя бы не быть в тягость.

Прислушиваясь к разговорам, я немного лучше узнала людей, которые меня окружали, и запомнила их имена. Лили, женщина с карамельным загаром, попала сюда из Филадельфии. У нее было отличное чувство юмора, и она ладила со всеми, потому что никогда не злилась. Уэс, юноша с лохматой темной шевелюрой, все время на нее смотрел, а она делала вид, что ничего не замечает. Ему было всего девятнадцать, и он сбежал из городка Юрика в штате Монтана. Мамашу с заспанным взглядом звали Люсина. Старшего ее сына звали Исая, а младший родился уже здесь, в пещерах, и ему дали имя Фридом, «свобода». Роды принимал док. Я не слишком часто видела этих троих: похоже, мать старалась держать сыновей подальше от меня. Джефри, лысеющий краснолицый муж Труди, не расставался со своим другом детства, Хитом. Труди, Джефри и Хит сбежали все вместе, как только началось вторжение. Уолтер, бледный седовласый мужчина, был нездоров, но док не мог определить болезнь. Без лаборатории и анализов диагноза не поставишь, да и нужных лекарств все равно не было. По мере того как появлялись новые симптомы, док все больше склонялся к мысли, что речь идет об одной из форм рака. Я с болью наблюдала, как несчастный страдает от заболевания, которое проще простого вылечить. Уолтер быстро утомлялся, но всегда выглядел жизнерадостным. Седящую блондинку, которая разносила воду в мой первый день работы в поле, звали Хайди — темный цвет ее глаз резко контрастировал с оттенком волос. Трэвис, Джон, Стенли, Рид, Кэрл,

Виолетта, Рут-Энн... по крайней мере, я знала всех по именам. Колония состояла из тридцати пяти человек, шестеро из которых, включая Джареда, участвовали в вылазке. В пещерах осталось двадцать девять человек и один нежеланный пришелец.

Я также разузнала побольше о своих соседях.

Иен с Кайлом обитали в пещере недалеко от моей, в той самой, с двумя настоящими дверями. В знак протеста против моего присутствия Иен поначалу ночевал в комнате Уэса, в другом коридоре, но уже через две ночи вернулся обратно. Остальные пещеры по соседству тоже временно пустовали. Джеб сообщил, что их жильцы боятся меня, чем немало меня позабавил. Двадцать девять гремучих змей боялись одинокой полевки?

Пейдж вернулась в соседнюю пещеру, где она жила со своим гражданским мужем Энди, который ушел вместе с Джаредом. Пейдж очень скучала по Энди. Лили и Хайди занимали первую пещеру, с занавесками в цветочек; Хит жил во второй, со скрепленной клейкой лентой картонкой; в третьей, занавешенной полосатым одеялом, обитали Труд и Джефри. Пещера Рида и Виолетты располагалась чуть дальше по коридору, и на входе в нее висел потрепанный и покрытый пятнами восточный ковер. Четвертая пещера в этом коридоре принадлежала доку и Шэрон, а пятая — Мэгги. Впрочем, эти трое возвращаться, похоже, не собирались.

Док и Шэрон жили вместе, и Мэгги — в те редкие моменты, когда у нее возникала охота пошутить, — со свойственным ей сарказмом подтрунивала над дочерью: любая мать мечтает видеть в зятях врача, но понадобилось, чтобы вымер весь род людской, и лишь тогда Шэрон подыскала себе идеальную партию.

Шэрон ничем не походила на девушку из воспоминаний Мелани. Может статься, годы, прожитые вдвоем с угрюмой Мэгги, превратили Шэрон в несколько улучшенную версию матери? Их отношения с доком зародились уже после моего появления, но поведение Шэрон несколько не смягчилось.

О неожиданном романе Шэрон и дока мне рассказал Джейми — Шэрон и Мэгги при мне старались не разговаривать. Они сопротивлялись сильнее других, демонстративно меня игнорировали и открыто проявляли враждебность.

Я спросила у Джейми, как Шэрон и Мэгги попали сюда — правда ли, что они самостоятельно отыскивали Джеба, опередив Джареда и Джейми? Похоже, мальчик понял, что меня на самом деле интересовало — неужели все усилия Мелани оказались напрасными?

Джейми поведал мне, как Джаред показал ему последнюю записку

Мелани, как объяснил, что она не вернется... На этом Джейми запнулся, и по его лицу видно было, как тяжело им это далось. После этого они сами отправились на поиски Шэрон. Джареду пришлось объясняться с Мэгги под наставленной на него старинной саблей.

Мэгги и Джаред быстро расшифровали головоломку Джеба, и все четверо добрались до пещер еще до моего переезда из Чикаго в Сан-Диего.

Как ни странно, говорить с Джейми о Мелани оказалось несложно. Пусть Мелани почти нечего было сказать, но она всегда включалась в наши с ним беседы, смягчая его боль, сглаживая мою неловкость. Мелани редко подавала голос, и он звучал приглушенно; время от времени я даже сомневалась, действительно ли его слышу, или это лишь мое представление о том, что она может подумать.

Впрочем, хоть она и молчала, мы оба чувствовали ее присутствие.

— Почему Мелани притихла? — однажды ночью спросил меня Джейми.

В кои-то веки он не расспрашивал меня о Пауках и Огнеедах. Мы весь день собирали морковь и оба выбились из сил, а у меня скрутило спину.

— Ей сложно разговаривать, куда сложнее, чем нам с тобой. Видимо, то, что она хочет сказать, не стоит таких усилий.

— Чем она занимается столько времени?

— Думаю, слушает. А вообще-то не знаю.

— А сейчас ее слышно?

— Нет.

Я зевнула, и Джейми умолк — заснул, наверное. Меня тоже клонило в сон.

— Как думаешь, она уйдет? Исчезнет насовсем? — вдруг прошептал Джейми. На последнем слове его голос сорвался.

Я не умела лгать, а если бы и умела, вряд ли бы смогла солгать Джейми. Я старалась не думать о том, что стояло за моими чувствами к нему. Если уж я испытала самую большую любовь моих девяти жизней, первое ощущение настоящей семьи, материнский инстинкт к чуждой инопланетной жизненной форме, то какая, в сущности, разница? Я спрятала эти мысли подальше.

— Не знаю, — призналась я и искренне добавила: — Надеюсь, что нет.

— Она тебе так же симпатична, как и я? А раньше вы друг друга ненавидели?

— Она мне нравится, но по другому. И я никогда по-настоящему ее не ненавидела, даже в самом начале. Я очень ее боялась и злилась, что из-за нее не могу быть как все. Но я всегда восхищалась силой, а Мелани —

сильная личность, я таких еще не встречала.

— Ты ее боялась? — рассмеялся Джейми.

— Думаешь, твоя сестра не способна никого напугать? Помнишь, однажды ты забрался на самый верх каньона и поздно вернулся домой — по словам Джареда, она накинулась на тебя как бешеная?

Джейми хихикнул. Я была рада, что мне удалось отвлечь его от непростого вопроса.

Я из кожи вон лезла, чтобы поддерживать мир с новыми соседями: мне казалось, что ради хорошего отношения я пойду на все, соглашусь на любую, самую сложную, самую грязную работу... Как выяснилось, я ошибалась.

— Я тут подумал... — сказал Джеб недели через две после того, как все «устаканилось».

Я уже начинала ненавидеть этот его любимый зачин.

— Помнишь, я говорил насчет того, чтобы ты поработала тут учителем?

— Да, — сухо ответила я.

— Ну так как?

Времени на раздумья не потребовалось.

— Нет.

Мой отказ неожиданно вызвал резкий укол вины. Прежде мне не приходилось изменять Призванию. Я почувствовала себя эгоисткой. Хотя... тут была совсем другая ситуация. Все равно что попросить меня о самоубийстве...

Он нахмурился, похожие на мохнатых гусениц брови сползли вместе.

— Почему нет?

— Думаете, Шэрон это понравится? — ровным голосом спросила я: один, но, вероятно, самый весомый аргумент.

Все еще хмурясь, Джеб кивнул: он понял мою точку зрения.

— Это для общего блага, — проворчал он. Я фыркнула.

— Для общего блага? Пристрелить меня — это вы называете общим благом?

— Анни, ты слишком узко мыслишь. — Джеб завел спор, как будто мой ответ тянул на серьезную попытку его переубедить. — Нам представилась редкая возможность узнать много нового. Было бы непростительно ее упускать.

— Вряд ли кто-то захочет посещать мои лекции. Я еще могу побеседовать с вами или с Джейми, но...

— Мне плевать, кто тут чего хочет, — гнул свое Джеб. — Им будет полезно. Как брокколи вместо шоколада. Чем больше мы узнаем о Вселенной, тем лучше — не говоря уже о новых жителях нашей планеты.

— Что это изменит, Джеб? Думаете, я подскажу вам способ уничтожения Душ? Помогу переломить ситуацию? Все давно кончено, Джеб.

— Пока мы здесь, ничего не кончено. — Разумеется, он снова меня поддразнивал. — Я не жду, что ты станешь предателем и выдашь нам секрет какого-нибудь супероружия. Просто, на мой взгляд, нам нужно больше знать о мире, в котором мы живем.

Я вздрогнула при слове «предатель».

— Я не могла бы выдать секрет супероружия, даже при желании. У нас нет никаких слабых мест, ни одной ахиллесовой пяты: ни врагов в глубинах космоса, способных прийти вам на помощь, ни вируса, который стер бы нас с лица земли, не затронув вас. Простите.

— Ладно, не парься. — Он сжал руку в кулак и шутливо ткнул меня в плечо. — Знаешь, тут чертовски скучно. Так что не удивляйся, если люди вдруг захотят послушать твои рассказы.

Я знала, что Джеб так просто не отстанет — он не умел смиряться с поражением.

За обедом я обычно сидела с Джебом и Джейми, если тот не учился и не выполнял каких-нибудь поручений. Иен всегда усаживался рядом, хоть и немного в стороне. Я с трудом воспринимала его в новой роли добровольного телохранителя. Слишком хорошо, чтобы быть правдой, — а значит, с человеческой точки зрения, тут таился некий коварный замысел.

Как-то раз за ужином ко мне подсел док — через несколько дней после моего отказа учить людей «для их же блага».

Шэрон осталась сидеть на своем обычном месте, в самом дальнем углу. Сегодня она ужинала в одиночестве, без матери. Доктор направился ко мне, но она даже не обернулась. Огненная грива Шэрон, собранная в пучок на затылке, открывала напрягшуюся шею и сгорбленную спину, застывшую в немом упреке. Мне тут же захотелось встать и уйти, чтобы не давать ей повода.

Джейми заметил паническое выражение в моем взгляде и взял меня за руку. У него развилась сверхъестественная способность чувствовать мой испуг. Я вздохнула и осталась на месте. Слишком уж покорно я потакала всем желаниям этого мальчишки, это наводило на тревожные мысли.

— Как дела? — непринужденно спросил док, скользнув за соседний стол.

Иен, сидевший неподалеку, развернулся вполоборота, как бы показывая, что он с нами. Я пожала плечами.

— А мы сегодня варили суп, — объявил Джейми. — До сих пор глаза щиплет.

Док вытянул вперед ярко красные ладони.

— Мыло.

Джейми рассмеялся.

— Твоя взяла.

Док шутливо поклонился и повернулся ко мне.

— Анни, можно задать один вопрос... — Он умолк. Я подняла глаза.

— Я вот думаю... Из всех планет, где ты побывала, какой вид физиологически ближе всего к людям? — Док наклонился вперед, подперев подбородок ладонями.

Я заморгала.

— Почему вы спрашиваете?

— Биологическая особенность вида такая — любопытство. Меня заинтересовали ваши Целители... Где они научились «излечивать, а не маскировать симптомы» — кажется, ты так выразилась? — Мягкий голос доктора разносился дальше, чем обычно. Несколько человек посмотрели в нашу сторону: Труды, Джефри, Лили, Уолтер...

Я крепче обхватила себя руками, стараясь сжаться, стать незаметной.

— Это уже два вопроса, — пробормотала я.

Док улыбнулся и жестом пригласил меня продолжить. Джейми сжал мне руку. Я вздохнула.

— Вероятно, Медведи с планеты Туманов.

— Где грызодеры? — прошептал Джейми. Я кивнула.

— А в чем сходство? — выпытывал доктор.

Я мысленно усмехнулась: тут явно приложил руку Джеб — однако продолжила.

— У них много общего с млекопитающими: шерсть, теплокровность. Их кровь несколько отличается от вашей, но, по сути, выполняет те же функции. Они обладают эмоциями, сходными с людскими, у них есть потребность в социальном общении и творчестве.

— В творчестве? — Док придвинулся ближе, словно увлеченный услышанным. — Как это?

Я посмотрела на Джейми.

— Ты знаешь. Почему бы тебе не рассказать доку?

— А вдруг я что-нибудь напутаю?

— Не напутаешь.

Он посмотрел на доктора, тот кивнул.

— Ну, у них удивительные руки, — восторженно начал Джейми. — У них что-то вроде сдвоенных суставов: гнутся в обе стороны. — Он растянул пальцы, словно пытаясь выгнуть их в другую сторону. — Одна сторона мягкая, как ладошка, а другая — вся словно покрыта лезвиями! Они режут лед, ваяют ледяные скульптуры, строят города с кристальными замками, которые никогда не тают! Очень красивые... Скажи, Анни? — Он повернулся ко мне за поддержкой.

— Они видят в другом световом спектре, — подтвердила я. — Лед переливается всеми цветами радуги. Города — предмет их гордости. Медведи все время стараются сделать их еще более прекрасными. Я встречала одного Медведя, его звали... ну, скажем так, Творящий сияние, только на их языке это звучит красивее: он в совершенстве чувствовал лед, и великолепные творения являлись ему во сне. Мне довелось любоваться его скульптурами — одно из самых прекрасных моих воспоминаний.

— Им снятся сны? — тихо спросил Иен.

— Не такие красочные, как у людей, — усмехнулась я.

— Откуда ваши Целители берут информацию о физиологии новых видов? Они прибыли на нашу планету во всеоружии. В начале вторжения неизлечимые пациенты покидали больницы на своих двоих... — Узкий лоб дока пересекла глубокая морщина. Как и все люди, он ненавидел захватчиков, но в отличие от остальных еще и завидовал им.

Мне не хотелось отвечать. К этому времени нас слушала вся столовая, а время сказочек про Медведей с их ледяными скульптурами прошло. Мы перешли к истории поражения человечества.

Док сосредоточенно хмурился.

— Они... берут образцы, — пробормотала я.

— Похищение инопланетянами, — понимающе ухмыльнулся Иен.

Я не обратила на него никакого внимания. Док пожевал губами.

— Логично.

Воцарилась тишина, как в мой первый приход на кухню.

— А откуда вы взялись? — спросил доктор. — То есть тебе известна история вашего зарождения как вида, вашего развития?

— Мы появились на Истоке, — ответила я. — И до сих пор там живем. Там я... родилась.

— Это очень необычно, — перебил меня Джейми. — Уроженцы Истока очень редко встречаются. Души стараются не покидать Истока, правда, Анни?

Я с сожалением сообразила, что не стоило ночи напролет так подробно отвечать на его вопросы. Мои щеки залил румянец — я знала, что последует дальше.

— Те, кто оттуда уезжают, становятся... кем-то вроде знаменитости, да? Как члены королевской семьи. Там прохладно, — продолжал Джейми. — И много-много разноцветных слоистых облаков. Это единственная планета, на которой Души могут долго обходиться без носителя. И носители на Истоке тоже очень красивые, у них есть крылья, и много специальных щупиков, и большие серебристые глаза.

— Они помнят, как сформировались отношения носитель-паразит? Как началась колонизация?

Джейми посмотрел на меня и пожал плечами.

— Мы всегда так жили, — медленно, с неохотой начала я. — По крайней мере, насколько себя помним. Нас обнаружил другой вид — Стервятники, хотя это название скорее соответствует их сущности, чем внешнему виду. Добрыми их не назовешь. Позже выяснилось, что мы можем внедряться в них так же, как в первоначальных носителей. Мы перехватили контроль, воспользовались их технологией, заняли их планету, а затем последовали вслед за ними на планету Драконов и в Летний мир — чудесные места, где Стервятники, к сожалению, показали свой норов. Поэтому мы развернули колонизацию, но наши носители размножались медленнее нас, а их жизненный цикл был значительно короче. Так что нам пришлось отправиться дальше, в глубь Вселенной...

Я умолкла. Ко мне обратилось множество взглядов, лишь Шэрон по-прежнему смотрела в другую сторону.

— Ты говоришь так, как будто сама там была, — тихонько заметил Иен. — Как давно это произошло?

— Динозавры уже вымерли, а люди еще не появились. Меня еще не было, но я помню кое-что из воспоминаний, которые дошли до меня через многие поколения матерей моей матери.

— Сколько же тебе лет? — спросил Иен и наклонился ко мне, пронизав меня взглядом сияющих голубых глаз.

— Земных? Я не знаю.

— Приблизительно? — настаивал он.

— Наверное, несколько тысяч, — пожала плечами я. — Я потеряла счет времени из-за криосна.

Иен отпрянул, пораженный.

— Ого! Вот это возраст, — выдохнул Джейми.

— На самом деле я младше тебя, — шепнула я ему. — Мне и года нет.

Все время чувствую себя ребенком.

Уголки губ Джейми приподнялись. Ему понравилась мысль, что он может быть старше меня.

— А как у вас происходит старение? — спросил доктор. — Каков естественный срок жизни вашего вида?

— У нас его нет, — сообщила я. — Пока есть здоровые носители, мы можем жить вечно.

Тихое перешептывание разнеслось по всей пещере. Что это — злость? испуг? отвращение?... Я не разобрала. Не надо было торопиться с ответом: я понимала, что значат для них мои слова.

— Красота! — злобно бросил кто-то. Голос доносился со стороны Шэрон, которая так и не повернулась.

Джейми сжал мне руку, заметив в моих глазах желание убежать.

На этот раз я мягко высвободилась.

— Я наелась, — прошептала я, хотя хлеб так и остался лежать нетронутым, и бросилась вон.

Джейми побежал за мной, нагнал меня в большой пещере с огородом и вручил оставленный на столе хлеб.

— Очень-очень интересно, правда, — сказал он. — И, по моему, никто особенно не расстроился.

— Это все Джеб придумал, да?

— Ты так хорошо рассказываешь. Когда все это поймут, им захочется тебя послушать. Как нам с Джебом.

— А если я не хочу никому ничего рассказывать?

— Ну... Тогда не рассказывай. — Джейми непонимающе нахмурился. — Мне же ты рассказываешь!

— Это другое. Ты как я. — Я могла бы сказать: «Ты же не хочешь меня убить», но решила его не расстраивать.

— Как только люди узнают тебя получше, ты им понравишься. Как Иену с доком.

— Джейми, Иену с доком я не нравлюсь. Просто они отличаются болезненным любопытством.

— Ничего подобного!

— Ох! — простонала я. Мы наконец-то добрались до нашей комнаты. Я отодвинула ширму и бросилась на матрас. Джейми куда спокойнее последовал за мной, сел рядом и обхватил руками колени.

— Не злись, — умолял он. — Джеб хочет как лучше. — Я снова застонала.

— Ты привыкнешь.

— Док теперь будет приставать ко мне при каждом моем появлении на кухне?

— Или Иен. Или Джеб, — смущенно подтвердил Джейми.

— Или ты.

— Нам всем интересно.

Я вздохнула и перевернулась на живот.

— И часто Джебу приходится напоминать о своих порядках?

Джейми задумался, а затем кивнул.

— Ага, почти все время.

Я откусила большой кусок хлеба, прожевала и заметила:

— Наверное, я теперь буду есть тут.

— Иен собрался тебя расспросить на прополке шпината. Это не Джеб ему велел, он сам.

— Замечательно.

— А у тебя неплохо выходит сарказм. Я думал, паразиты, то есть Души, не любят злого юмора. Только веселый.

— Здесь они быстро ему научатся, поверь. — Джейми рассмеялся и взял меня за руку.

— Но ты ведь не страдаешь с нами, правда? Не чувствуешь себя несчастной? — с тревогой спросил он.

Я прижала его руку к своей щеке:

— У меня все хорошо.

Я говорила чистейшую правду.

Глава 26

Возвращение

Так, даже не давая своего согласия, я стала учителем, как и хотел Джеб.

Мои «уроки» проходили неформально. Каждый вечер после ужина я отвечала на вопросы. Оказалось, пока я была согласна этим заниматься, Иен, док и Джеб не приставали ко мне в течение дня — таким образом, я могла работать спокойно. Мы всегда собирались на кухне; мне нравилось помогать с выпечкой во время рассказа — я выкраивала время на обдумывание неприятных вопросов, к тому же всегда было чем занять глаза, когда не хотелось встречаться с кем-то взглядом. Меня это вполне устраивало: да, мои слова могли их расстроить, зато дела всегда приносили пользу.

Мне не хотелось признавать, что Джейми прав. Разумеется, меня недолюбливали, и были совершенно правы — ведь я не одна из них. Джейми я нравилась, впрочем, тут речь шла о странной химической реакции, которая противоречила здравому смыслу и от мальчика не зависела. И Джебу я нравилась, но Джеб был немного того. А вот для поведения других людей не существовало подобных оправданий.

Не то чтобы меня вдруг полюбили, но... все же произошли перемены.

Я это заметила на следующий день после ужина с расспросами доктора. Труди, Лили, Джейми и я стирали белье в темной купальне.

— Анни, передай мне мыло, пожалуйста, — попросила Труди.

Меня как токомшибануло: я впервые слышала свое имя из женских уст. Онемев, я передала ей кусок и смыла с рук едкие остатки.

— Спасибо, — добавила она.

— Не за что, — пробормотала я. На последнем слоге мой голос дрогнул.

Днем позже я искала Джейми перед ужином и наткнулась в коридоре на Лили.

— Привет, Анни! — кивком поздоровалась она.

— Здравствуй, Лили, — ответила я, в горле пересохло. Вскоре вопросы стали задавать не только док и Иен. К моему удивлению, одним из самых активных оказался болезненный Уолтер, с лицом землистого серого цвета. Он бесконечно расспрашивал меня о Поющем мире и Летучих мышах.

Даже молчальник Хит, за которого обычно говорили Труд и Джефри, заинтересовался Огненным миром и завороченно слушал мои рассказы об этой планете, хотя я не очень ее любила. Он забрасывал меня вопросами, пока не испытал практически все известные мне подробности. Лили интересовала техника: космические корабли, доставлявшие нас с планеты на планету, техника пилотирования, навигация в глубоком космосе, топливо...

Именно ей я объясняла про криоконтейнеры: их видели многие, но мало кто понимал, для чего они предназначены. Робкий Уэс, обычно сидевший рядом с Лили, спрашивал не о других планетах, а о Земле. Как у нас все устроено? Ни денег, ни вознаграждения за труд — почему общество Душ до сих пор не развалилось? Я попыталась объяснить, что это не слишком отличается от нашей жизни в пещерах, где все работали без денег, а плоды наших трудов делились честно, на всех.

— Да, — покачивая головой, перебил меня Уэс. — Но здесь все по-другому: для лодырей у Джеба есть ружье.

Все посмотрели на Джеба, тот подмигнул, и все рассмеялись. Джеб заглядывал почти на каждый урок, но не принимал в них участия, а сидел, задумавшись, в уголке, то и дело улыбаясь.

Джеб оказался прав насчет «средства против скуки»; как ни странно, несмотря на то, что у всех имелись ноги, ситуация напомнила мне Морские водоросли. Там существовало особое название для тех, кто развлекал других, вроде Утешителей, Целителей или Искателей. Я была одним из «рассказчиков», поэтому превращение в учителя здесь, на Земле, не стало чем-то новым, по крайней мере, в профессиональном плане. И на морском дне, и вечерами на кухне, наполненной ароматом свежее выпеченного хлеба, мы были в своеобразном заточении. Мои рассказы вносили свежую струю, новые впечатления, давали передышку от однообразного изматывающего труда, от созерцания одних и тех же тридцати пяти лиц, от одинаково печальных воспоминаний об утраченных близких, на время избавляли от страха и отчаяния, давно уже ставших привычными спутниками. Во время моих уроков на кухне было полно народу. Только Шэрон и Мэгги неизменно пропускали занятия.

Примерно на четвертой неделе моего так называемого учительства жизнь в пещерах снова переменилась.

В битком набитой кухне, помимо привычной парочки, отсутствовали Джеб и док. На соседнем столе стоял жестяной поднос с подошедшими булочками, готовыми к выпечке. Труд ежеминутно проверяла, не подгорела ли предыдущая партия.

Если Джейми знал историю, которую я собиралась рассказать, я поручала ему вести урок. Лицо мальчика загоралось воодушевлением, он жестикулировал, рисуя в воздухе картины. Хайди захотелось узнать побольше о Дельфинах, и я попросила Джейми по возможности ответить на ее вопросы. Люди всегда с грустью расспрашивали о новой планете, колонизируемой Душами. Дельфины казались им зеркальным отражением их самих в первые годы вторжения. Темные глаза Хайди под светлой челкой источали сочувствие.

— Они ведь больше похожи на больших стрекоз, чем на рыб, так, Анни? — Джейми частенько просил моего подтверждения, только вот никогда не дожидался ответа. — Они кожистые, с тремя, четырьмя или пятью комплектами крыльев — в зависимости от возраста, да? Они вроде как летают по воде — там вода легче нашей, не такая плотная. У них пять, семь или девять ног, смотря какого они пола, так, Анни? Там есть три разных пола. У Дельфинов очень длинные руки с крепкими сильными пальцами, приспособленными для строительства. Они возводят целые подводные города из жестких придонных растений — что-то вроде наших деревьев, хотя и не совсем. Их цивилизация развита меньше нашей, правда, Анни? Даже кораблей космических пока не изобрели или, там, телефонной связи. В техническом плане люди их превосходят.

Труди вынула поднос с румяными булочками, и я приготовилась сунуть поднос с подошедшим тестом в раскаленную, дымящую печь. Пришлось расталкивать народ, балансируя с подносом в руках.

Тут снаружи, в конце коридора, поднялся шум. Сложно было судить, откуда он доносится — акустика пещер самым причудливым и непредсказуемым образом искажала звуки.

— Эй! — воскликнул Джейми. Я обернулась и успела увидеть, как его затылок исчезает за дверью.

Я, как насадка, двинулась за ним.

— Подожди, — сказал Иен. — Он вернется. Расскажи еще о Дельфинах.

Иен сидел на стойке рядом с духовкой — слишком жарко, на мой вкус. Он протянул руку и схватил меня за запястье. Я дернулась, избегая внезапного контакта, но осталась на месте.

— Что там происходит? — спросила я.

В коридоре кто-то торопливо переговаривался. В общем гуле слышался голос Джейми. Иен пожал плечами.

— Кто знает? Может, Джеб... — Он сделал вид, что его это не слишком-то интересует. Нарочитое безразличие в его голосе не могло

обмануть: от меня не укрылось напряженное выражение глаз.

Я не сомневалась, что скоро все выяснится, поэтому тоже пожала плечами и пустилась в объяснения чрезвычайно сложных семейных отношений Дельфинов, попутно помогая Труди переложить теплый хлеб в пластиковые контейнеры.

— Шестеро из девяти... бабушек и дедушек, если можно так выразиться, традиционно сидят с личинками всю первую фазу их развития, а три родителя со своими шестью бабушками и дедами работают над новым крылом семейного жилища, которую займет окрепший молодняк, — объясняла я, как обычно уделяя больше внимания булочкам, чем слушателям. По дальнему концу комнаты пронесся вздох. Я продолжила, но попыталась разглядеть в толпе, кого так расстроил мой рассказ. — Остальные трое, как у них принято, занимаются...

Оказалось, причина не во мне. На меня никто даже не смотрел, все отвернулись в другую сторону. Мой взгляд скользнул по затылкам, к самому выходу...

Джейми цеплялся за руку кого-то, покрытого пылью с головы до ног. Этот кто-то почти сливался со стенами пещеры. Нет, не Джеб — слишком высокий. Джеб стоял за спиной у Джейми. Глаза Джеба сузились, нос наморщился — признак беспокойства... а беспокоился Джеб редко. Однако Джейми просто сиял от радости.

— Начинается, — пробормотал Иен. За треском дров в печи я едва расслышала его голос.

Перепачканный человек, за которого цеплялся Джейми, выступил вперед. Его рука медленно, словно в непроизвольном жесте, поднялась и сжалась в кулак.

Запыленная фигура заговорила твердым, лишенным интонации голосом — голосом Джаред.

— Джеб, что это значит?

У меня перехватило дыхание. Я попробовала сглотнуть — не вышло. Попробовала сделать вдох — и снова неудача. Сердце неровно забилося.

«Джаред, — прозвенел в моей голове восторженный, радостный голос Мелани. Она вновь воспрянула духом. — Джаред вернулся».

— Анни нас учит. Рассказывает обо всей Вселенной, — взалхлеб затараторил Джейми, в возбуждении не замечая искаженного от ярости лица Джаред.

— Анни? — негромко повторил, а точнее почти прорычал Джаред. Позади него столпились другие запыленные силуэты. Я их заметила, лишь когда они отозвались на его рык негодующим эхом.

Светловолосая голова поднялась над застывшими слушателями. Пейдж вскочила на ноги.

— Энди! — воскликнула она и принялась протискиваться к нему. Один из пыльных людей шагнул мимо Джареда и подхватил ее на лету: она чуть не упала, столкнувшись с Уэсом.

— О, Энди! — всхлипнула она. В ее голосе слышались интонации Мелани.

Порыв Пейдж вмиг разрядил атмосферу. Молчавшая толпа зашептала, большинство поднялись со своих мест. Теперь в гуле слышались приветствия, поскольку многие вышли поздороваться с вернувшимися из похода. Я попыталась прочесть выражение их лиц: натянутые улыбки, взгляды украдкой, направленные в мою сторону. Спустя долгую, длящуюся целую вечность секунду — время словно сгустилось, приморозив меня к месту, — я осознала, что выражают их лица: чувство вины.

— Все будет хорошо, Анни, — едва слышно пробормотал Иен.

Я окинула его безумным взглядом, напрасно ища на его лице похожее выражение. Иен настороженно прищурил живые глаза и разглядывал вновь прибывших. Вины в его взгляде не было.

— Люди, какого черта? — прогрохотал новый голос. Здоровяк Кайл выделялся на общем фоне, несмотря на всю маскировку. Он протолкнулся мимо Джареда, направляясь... ко мне.

— Вы позволяете этой твари пудрить вам мозги? Совсем спятили? Или она привела-таки за собой Ищеек? И вы теперь все паразиты?

Вокруг склонились пристыженные головы. Лишь немногие из присутствующих остались стоять, высоко держа подбородки и расправив плечи: Лили, Труды, Хит, Уэс... и немощный Уолтер.

— Кайл, успокойся, — слабым голосом проговорил Уолтер.

Кайл и бровью не повел. Он широкими шагами направлялся ко мне; его глаза, ярко-синие, как у брата, гневно пылали. Но я не смотрела в его сторону — мой взгляд притягивала темная фигура Джареда. Я пыталась разглядеть выражение его лица.

Чувства Мелани рвались наружу, как полноводное озеро, заливающее плотину, еще сильнее отвлекая меня от приближающегося разъяренного варвара.

Иен поднялся прямо передо мной. Я вытянула шею, не выпуская Джареда из виду.

— В твое отсутствие многое изменилось, братишка. — Лицо Кайла удивленно вытянулось.

— Похоже, тут все-таки побывали Ищейки, а, Иен?

— Она не опасна.

Кайл стиснул зубы, и краешком глаза я увидела, как его рука тянется к карману.

Только тогда я обратила внимание на Кайла и сжалась, ожидая, что он вытащит оружие.

— Не мешай ему, Иен, — шепнула я.

Иен не ответил. Как ни странно, мне очень не хотелось, чтобы он пострадал из-за меня. Причем речь шла не об инстинкте, не о вьевшейся глубоко в кровь потребности защищать, какую я испытывала по отношению к Джейми или даже к Джареду. Я просто знала, что Иен не должен пострадать, спасая меня.

В руке Кайла что-то блеснуло. Он направил фонарь Иену в лицо и на миг задержал его там. Иен не отпрянул.

— В чем дело? — Кайл засунул фонарик в карман. — Ты не паразит. Как эта тварь тебя охомутала?

— Успокойся и дай нам все объяснить.

— Нет.

Возглас несогласия шел не от Кайла, а из-за его спины. Под молчаливыми взглядами остальных Джаред медленно направился к нам. Джейми ошеломленно цеплялся за его руку. И я, и даже Мелани, которая сходила с ума, радуясь благополучному возвращению Джареда, безошибочно разобрали выражение его лица, скрытого маской грязи, — беспощадная ненависть.

Усилия Джеба пропали даром. Да, Труд и Лили со мной разговаривали, Иен готов был встать между мной и братом и даже Шэрон с Мэгги не выражали враждебность открыто. Но что с того? Единственный, чье мнение имело значение, только что сделал свой выбор.

— Не надо никого успокаивать, — сквозь зубы проговорил Джаред. — Джеб, давай сюда ружье.

Повисла напряженная тишина, от которой закладывало уши. Достаточно было посмотреть на Джареда, чтобы понять: все кончено. Я знала, что должна сделать, и Мелани полностью со мной согласилась. Я осторожно шагнула в сторону и чуть назад, отойдя от Иена. И закрыла глаза.

— Я его как-то не захватил, знаешь ли, — подчеркнуто растягивая слова, ответил Джеб.

Я чуть приоткрыла один глаз: не ожидавший подобного поворота Джаред шумно дышал и сверлил Джеба взглядом, пытаясь сообразить, так

ли это.

— Отлично, — пробормотал Джаред и сделал еще шаг ко мне. — Так будет медленнее. Хочешь по-людски, я бы на твоём месте поторопился и нашёл ружьё.

— Джаред, давай поговорим! — Иен словно прирос к полу: он уже знал ответ.

— Вижу я, до чего вы договорились, — прорычал Джаред. — Джеб поручил это дело мне, и я принял решение.

Джеб шумно прокашлялся. Джаред развернулся вполоборота и взглянул на него:

— Что? Ты же сам установил правила.

— Гм... в общем, да.

Джаред снова повернулся ко мне.

— С дороги, Иен.

— Ну-ну, погоди-ка чуток, — продолжил Джеб. — Если помнишь, правило звучало так: решение принимает тот, кто имеет право на тело.

На лбу Джареда забилась жилка.

— И?

— Сдается мне, кое-кто имеет не меньше прав, чем ты. А то и больше.

Джаред уставился прямо перед собой, переваривая услышанное. Наконец меж его бровей прорезалась морщина... Дошло! Он перевёл взгляд на Джейми, который все ещё цеплялся за его руку.

Недавняя радость схлынула с побледневшего лица мальчика, в глазах застыл ужас.

— Нет, Джаред, — выдавил он. — Не надо. Анни хорошая. Она мой друг! И Мел! Как же Мел? Не смей убивать Мел! Пожалуйста! Ты... — Голос Джейми сорвался, лицо исказилось от боли.

Я закрыла глаза — не хотелось видеть, как Джейми мучается. Я еле сдерживалась, чтобы не броситься к нему, приказала мышцам застыть, твердила про себя: «Если я подойду, будет только хуже, хуже...»

— Вот видишь, — непринужденно заявил Джеб. — Джейми-то против. И, по-моему, его слово весит не меньше твоего.

В ожидании ответа я снова приоткрыла глаза. Джаред смотрел на Джейми, и лицо его было искажено от боли и страха за мальчика.

— Как ты это допустил, Джеб? — прошептал Джаред.

— Нам надо поговорить, — ответил Джеб. — Только, может, сперва отдохнешь? Примешь ванну, а там, глядишь, и настроение пообщаться появится.

Джаред зло покосился на старика, в его взгляде отразились потрясение

и боль, как у человека, пережившего предательство. Если попытаться охарактеризовать этот взгляд, на ум придут только одни человеческие сравнения: Цезарь и Брут, Иисус и Иуда.

С минуту невыносимое напряжение висело в воздухе, а потом Джаред стряхнул с себя руку Джейми.

— Кайл, — рявкнул Джаред и с гордым видом покинул кухню. Кайл взглянул на брата, скривился и тоже вышел.

Остальные члены экспедиции последовали за ними. Энди не выпускал Пейдж из объятий. Все те, кто опустил глаза, стыдясь, что приняли меня в свое общество, потянулись следом. Со мной остались Джейми, Джеб, Иен, а также Уолтер, Труды, Джеффри, Хит, Лили и Уэс.

Все хранили молчание, пока эхо удаляющихся шагов не стихло вдали.

— Уф! — выдохнул Иен. — Еле выкарабкались. Неплохо придумано, Джеб.

— Чего не выдумаешь, когда жареным запахнет. Впрочем, худшее еще впереди, — отозвался Джеб.

— Думаешь, я не знаю! Надеюсь, ты не оставил ружье где-нибудь на виду?

— Нет. Я предвидел нечто подобное.

— И то хорошо.

Джейми дрожал. Я нашла в себе силы подойти к нему, он обнял меня, и я тоже приобняла его нетвердыми руками.

— Все хорошо, — прошептала я. — Все хорошо. — Даже дурак расслышал бы фальшивые нотки в моем голосе, а Джейми дураком не был.

— Он тебя не обидит, — хрипло проговорил мальчик, борясь с подступившими слезами. — Я ему не дам.

— Т-с-с, — шепнула я.

У меня на лице застыло выражение ужаса. Джаред был прав: как Джеб мог это допустить? Если бы меня убили в первый же день, до того как Джейми меня увидел... Или в первую неделю, пока Джаред держал меня отдельно от всех, до того как мы с Джейми подружились... И если бы я не проговорила о Мелани... Слишком поздно. Я крепче обняла мальчика.

Мелани была ошеломлена не меньше меня.

«Бедный мой малыш».

«Я же тебя предупреждала, не нужно было ему говорить», — напомнила я.

«Что с ним будет, если мы умрем?»

«Ужас. Он получит травму на всю жизнь, он разочаруется...»

«Хватит, я знаю, — перебила Мелани. — Но что же нам делать?»

«Полагаю, не умирать».

Мы с Мелани понимали, что вероятность нашего с ней выживания близка к нулю.

Иен хлопнул Джейми по спине — Джейми покачнулся, и я вместе с ним, отзываясь на каждое его движение.

— Не изводи себя, малыш, — сказал Иен. — Мы с тобой.

— Они просто потрясены. — Я узнала голос Труды. — Если им объяснить, они поймут.

— Объяснить? Кайлу? — пробубнил кто-то.

— Мы знали, что это случится, — пробормотал Джеб. — Теперь главное — переждать грозу.

— Нашел бы ты свое ружье, — спокойно предложила Лили. — Ночка предстоит долгая. Пусть Анни переночует со мной и Хайди...

— Наверное, лучше ее вообще перепрятать, — возразил Иен. — Может, в южных туннелях? Я за ней присмотрю. Джеб, поможешь?

— У меня ее искать не станут, — едва слышно предложил Уолтер.

Его слова заглушил голос вмешавшегося Уэса.

— Я с тобой, Иен. Их же шестеро.

— Нет, — наконец выдавила из себя я. — Нет. Это неправильно. Вы не должны идти друг против друга. Это ваш дом. Вы одна семья. Из-за меня не стоит лезть на рожон.

Я высвободилась из судорожных объятий Джейми, сжала ему запястья.

— Мне нужно побыть одной, — сказала я ему, стараясь не замечать направленных на меня взглядов. — Какое-то время... — Взглядом я отыскала Джеба. — Обсудите все без меня. Это не честно — вы не обязаны обсуждать стратегию на глазах у врага.

— Ну зачем ты так... — сказал Джеб.

— Дай мне время подумать.

Я отпустила руки Джейми и пошла прочь. На плечо мне легла чья-то рука, я вся съежилась...

— Не следует тебе одной бродить, — участливо заметил Иен.

Я наклонилась к нему и прошептала так, чтобы не расслышал Джейми:

— Ты же знаешь, что это вопрос времени. Думаешь, если отсрочить неизбежное, ему будет легче?

Кажется, я знала ответ на свой последний вопрос. Я поднырнула под руку Иена и бросилась к выходу.

— Анни! — окликнул Джейми.

— Т-с-с, — успокоил его кто-то.

Вдогонку за мной никто не мчался. Наверное, им хватило мудрости меня отпустить. Коридор опустел. Если повезет, я срежу угол и незаметно проберусь через темные грядки.

За все время моего пребывания здесь я так и не смогла отыскать выход из пещер. Выполняя те или иные поручения, я, кажется, исходила все туннели и один за другим выучила каждый лаз, каждое отверстие. Теперь, пробираясь по самым темным углам большой пещеры, я лихорадочно соображала: «Где же выход? А если выход отыщется, смогу ли я уйти?»

Уйти... Куда? Что ждет меня снаружи? Пустыня? Ищейка, Целитель, моя Утешительница, прежняя жизнь, которую и жизнью-то можно назвать с натяжкой? Все, что имело для меня значение, находилось здесь. Джейми. Джаред — пускай он готов был меня убить. Как я могу от них уйти?

И Джеб с Иеном. Теперь у меня были друзья: док, Труды, Лили, Уэс, Уолтер, Хит. Удивительные люди, которые нашли в себе силы отбросить предрассудки и разглядеть во мне нечто такое, ради чего стоило сохранить мне жизнь. Даже если ими двигало простое любопытство, они встали на мою защиту, выступили против остальных, хотя все они были одной семьей — дружной семьей выживших. Я задумчиво покачала головой, ощупью передвигаясь вдоль грубого камня.

Из дальней пещеры доносились голоса. Я поспешила дальше: меня не заметили, и я наткнулась на расщелину, которую искала.

Существовало только одно место, куда я могла пойти. Даже если бы я каким-то образом отыскала выход, я все равно направилась бы сюда. Я нырнула в крошечную тьму и быстро зашагала знакомыми коридорами.

Глава 27

Нерешительность

Чутье вело меня назад, в тюремную камеру.

Долгие недели я здесь не появлялась; с того самого утра, как ушел Джаред и Джеб подарил мне свободу. Пока я жива, а Джаред находится в пещерах, мое место тут.

Голубая лампа больше не освещала коридор тусклым светом. Повороты и изгибы дороги, пусть и смутно, но оставались в памяти. Я вытянула левую руку и стала пробираться дальше, ощупывая стену в поисках отверстия. Я еще не решила, заберусь ли обратно в тесную нору... Сперва надо выяснить, где я нахожусь.

Вход нашелся, но оказалось, что забраться в мою бывшую камеру не получится.

Едва пальцы коснулись грубой кромки у верхнего края отверстия, как я обо что-то споткнулась и упала на колени. Руки, инстинктивно вытянутые вперед, с хрустом и треском врезались во что-то чужеродное, непохожее на камень. Я вздрогнула: незнакомый предмет меня напугал. Наверное, свернула не туда и заблудилась. Может, даже попала в чью-то комнату. Я прокрутила в памяти маршрут, соображая, где допустила ошибку, и неподвижно замерла в темноте.

Никакой реакции на мое шумное падение не последовало: ни звука, тишина — как всегда, темно, душно, сыро и так тихо, что сразу стало ясно: здесь никого нет.

Осторожно, стараясь не шуметь, я проверила, где нахожусь.

Руки в чем-то увязли. Я ощупала нечто похожее на картонную коробку, обернутую в тонкую, хрустящую пластиковую пленку, которую и прорвали мои руки. Внутри обнаружился еще один слой еще более хрусткого пластика — маленькие прямоугольники, что шуршали от малейшего прикосновения. Я быстро отдернула руку, опасаясь, что меня заметят.

Я вспомнила, как вроде бы нащупала верхний край норы. Слева высились ряды коробок. До верха штабеля пришлось тянуться — он был на уровне головы. Я ощупью добралась до стены, а потом и до отверстия: оно находилось точно там, где я и предполагала. Я попробовала забраться внутрь и убедиться, что это то самое место — всего секунда на этом вогнутом полу, и я бы знала наверняка, — но прохода не было. Внутри тоже

громоздились коробки.

Оказавшись в тупике, я вслепую двинулась по коридору. Выяснилось, что дальше прохода нет — все было заставлено таинственными коробками.

На полу, помимо сложенных в ряды коробок, оказалась грубая ткань вроде рогожи — тяжелый мешок, в котором что-то негромко пересыпалось. Я помяла мешок — в отличие от шуршания пластика этот тихий звук вряд ли выдал бы мое присутствие.

Вдруг все встало на свои места. Помог запах. Пока я переминала похожую на песок субстанцию внутри мешка, в воздухе едва уловимо повеяло чем-то знакомым. Я словно перенеслась в свою кухню в Сан-Диего, к нижнему шкафчику слева от раковины, и представила мешок риса, пластиковый мерный стаканчик, которым я его насыпала, ряды консервов сзади...

Как только я поняла, что щупаю мешок риса, меня осенило. Место было то самое. Джеб как-то говорил, что в этой части пещер расположен склад, а Джаред как раз вернулся из долгой вылазки... Теперь все, что добыли участники вылазки, перетаскивали в это укромное местечко.

В голове пронеслось сразу несколько мыслей.

Во-первых, я осознала, что вокруг еда — не просто хлеб и жиденький луковый супчик, а ЕДА. Где-то здесь лежало арахисовое масло, шоколадное печенье, картофельные чипсы, «Читос». Тут же представилось, как я нахожу эти вкусности, набиваю ими рот и наедаюсь — впервые с тех пор, как оставила цивилизованный мир. Я тут же устыдилась подобных мыслей. Не для того Джаред рисковал своей жизнью, неделями прятался и воровал. Эта еда предназначалась для других.

Меня тревожило и другое: если перенесли не всю добычу, то Джаред и Кайл наверняка притащат сюда оставшиеся коробки. А вот если они найдут здесь меня, то не требуется особого воображения, чтобы представить себе, что произойдет...

Впрочем, именно за этим я сюда и отправилась: хорошенько все обдумать, в одиночестве подготовиться к неизбежному...

В чернильной темноте я опустилась на пол у стены. Из мешка с рисом получилась вполне сносная подушка. Я закрыла глаза и настроилась на серьезную беседу.

«Ладно, Мел. Теперь что?»

Мелани не спала и сразу же откликнулась. Необходимость борьбы придала ей сил. А когда все было хорошо, она дремала.

«Приоритеты, — решила она. — Что для нас важнее? Выживание? Или Джейми?» Ответ был очевиден.

«Джейми», — с громким вздохом подтвердила я. Шепчущее эхо забилося о черные стены.

«Решено. Под защитой Джеба с Иеном мы, наверное, протянем какое-то время. Джейми это как-то поможет?»

«Г-м-м. А не лучше ли просто сдаться? Вряд ли ему станет лучше, если мы будем тянуть до последнего... Ведь и так ясно, чем все кончится — раньше или позже, не все ли равно?»

Ей мой ответ не понравился. Она мучительно подыскивала другое решение.

«Может, сбежать?» — предложила я.

«Вряд ли получится, — решила Мелани. — И потом, что нам делать там, наверху? Что мы им скажем?»

Мы дружно представили, как будем объяснять долгие месяцы отсутствия. Я могла бы солгать, сочинить что-нибудь, сказать, что ничего не помню. Но перед глазами стояла скептическая ухмылка Ищейки, ее глаза навывкате, разглядывающие меня с подозрением, и я со всей ясностью осознала, что все наши наивные ухищрения ни к чему не приведут.

«Они решат, что я взяла верх, — согласилась Мелани. — Извлекут тебя и подсадят ее».

Я заерзала на каменном полу, словно стараясь отсесть подальше от этой идеи, поежилась и довела ее мысль до логического завершения.

«Она расскажет им об этом месте, и сюда нагрянут Ищейки. — Нас окатила волна ужаса. — Все верно, — продолжила я. — Так что побег исключается».

«Да, — прошептала Мелани, из-за переживаний ее мысли стали едва слышны. — Значит, осталось решить... быстро или медленно. Что его ранит меньше?»

Казалось, пока мы обсуждали практические вопросы, мне, пусть и не без труда, но удавалось поддерживать деловой тон — по крайней мере, в своей части беседы. Мелани усердно следовала моему примеру.

«С одной стороны, по логике, чем дольше мы трое останемся вместе, тем тяжелее Джейми переживет... разлуку. Опять же, если мы не будем бороться, если просто сдадимся... ему это не понравится. Он решит, что его предали».

Я рассмотрела оба предложенных варианта, стараясь мыслить логически.

«Значит, быстро... и при этом придется сделать все от нас зависящее, чтобы не погибнуть?»

«Не сдадимся без боя», — мрачно подтвердила она.

«Без боя... Чудненко». — Я попыталась представить себе насилие в ответ на насилие. Поднять на кого-то руку... М-да, сказать — не делать.

«У тебя получится, — подбадривала Мелани. — Я тебе помогу».

«Спасибо, но как-нибудь обойдусь. Должен же быть другой выход».

«Не пойму я тебя, Анни. Ты отвернулась от своих сородичей, готова жизнь отдать за моего брата, мы с тобой любим одного и того же человека, который собирается нас убить, но при этом ты никак не желаешь поступиться своими бесполезными привычками».

«Я такая, какая есть, Мел. Многое изменилось, только вот через себя я перешагнуть не могу. У тебя свои принципы, у меня — свои».

«Но если мы...»

Наш спор неожиданно прервали. Из коридора донеслось тихое шарканье — звук ботинок на каменном полу.

Я затаила дыхание и прислушалась. Сердце неровно стучало. Надежда, что мне послышалось, вскоре угасла. Через секунду шаги зашуршали снова, все ближе и ближе.

Меня охватила паника, но Мелани сохраняла спокойствие.

«Поднимайся», — приказала она. «Зачем?»

«Драться ты не будешь, так хотя бы сбежишь. Нужно попробовать — ради Джейми».

Я вздохнула — потихоньку, неглубоко, — медленно перекатилась вперед, встала на цыпочки. Мышцы звенели и пружинили, наливаясь адреналином. Я чувствовала, что обгоню любого, кто за мной погонится, только вот куда бежать?

— Анни? — тихонько прошептал чей-то голос. — Анни? Ты тут? Это я.

Голос сорвался, и я его узнала.

— Джейми! — выдохнула я. — Откуда ты взялся? Я же сказала, что хочу побыть одна.

В голосе мальчика послышалось облегчение.

— Тебя все ищут. Ну, то есть все мы — и Труды, и Лили, и Уэс. Только тайком, чтобы остальные не догадались. Никто не знает, что ты пропала. Джеб снова ходит с ружьем. Иен с доктором. Как только док освободится, он поговорит с Джаредом и Кайлом. Дока все послушают, и тебе незачем будет прятаться. Все заняты, а ты наверняка устала...

Он говорил и одновременно потихоньку продвигался вперед, пока не нащупал мое плечо, а за ним и руку.

— Вообще-то я не прячусь, Джейми. Я же сказала, мне нужно подумать.

— Думать можно и при Джебе.
— И куда мне, по твоему, идти? В комнату Джареда? Мое место здесь.
— Уже нет. — В его голосе зазвучало знакомое упрямство.
— И чем же все так заняты? — спросила я, отвлекая его. — Что делает док?

Попытка не удалась, Джейми не ответил. С минуту мы молчали, а потом я дотронулась до его щеки.

— Послушай, ступай к Джебу. Скажи им, чтобы не искали меня. Я тут еще немного побуду.

— А спать как же?

— Раньше же я тут спала... — Он помотал головой.

— Тогда я принесу матрасы и подушки.

— Мне и одного хватит.

— Раз Джаред так по-скотски себя ведет, я с ним жить не буду.

Я мысленно застонала.

— Придется тебе потерпеть храп Джеба. Они твоя семья, твои родные.

— Я сам решу, кто мне роднее.

Тяготила мысль о том, что Кайл в любой момент мог меня обнаружить. Впрочем, скажи я об этом Джейми, он бросится меня защищать.

— Отлично, но сперва спроси у Джеба разрешения.

— Потом спрошу. Сегодня я к нему не поеду.

— Чем занят Жеб?

Джейми не ответил. Похоже, он что-то от меня скрывал и нарочно пропустил мимо ушей мой вопрос. Наверное, остальные тоже меня искали. Может, теперь, с возвращением Джареда, их отношение ко мне переменялось. Я вспомнила, как они себя вели на кухне: опущенные головы, виноватые взгляды.

— Джейми, что происходит? — наредила я.

— Я слово дал тебе не говорить, — пробормотал он. — Вот и не скажу. — Он крепко обнял меня и уткнулся мне в плечо. — Все будет хорошо, — хриплым голосом пообещал он.

Я погладила его по спине, потрепала лохматую шевелюру.

— Ладно, — сказала я, принимая его молчание. В конце концов, у меня тоже были свои секреты. — Не расстраивайся. Все образуется, вот увидишь. Ты справишься. — Мне так хотелось, чтобы эти слова оказались правдой!

— Я уже и не знаю, на что надеяться, — прошептал он. Я уставилась в пустоту, пытаюсь понять, что за тайну он скрывает, как вдруг в дальнем конце коридора блеснул тусклый свет, отчетливо различимый в черном

мраке пещеры.

— Т-с-с, — зашипела я. — Кто-то идет. Быстро, прячься за коробками.

Желтоватый свет с каждой секундой становился все ярче. Я прислушалась, но звука шагов не услышала.

— Я не собираюсь прятаться, — выдохнул Джейми. — Вставай за мной.

— Нет!

— Джейми, — выкрикнул Джаред. — Я знаю, что ты там!

Ноги меня не слушались. Ну почему, почему Джаред? Для Джейми было бы куда легче, если бы меня убил Кайл.

— Уходи! — прокричал в ответ Джейми.

Желтый огонек разросся и превратился в пятно на дальней стене. Из-за угла вышел Джаред. Фонарь в его руке раскачивался взад-вперед, освещая каменный пол. Джаред успел помыться и переоделся в полинявшую красную майку — ту самую, что висела в комнате, где я жила много недель. Выражение лица Джареда тоже было мне знакомо — с самого первого мгновения, как я здесь появилась.

Луч фонаря ударил по глазам и ослепил меня. Свет отразился от серебра, что пряталось в моих зрачках, и Джейми чуть вздрогнул, а потом снова застыл, словно став еще тверже, чем раньше.

— Отойди от твари! — прогремел Джаред.

— Замолчи! — закричал Джейми. — Ты ее не знаешь! Оставьте ее в покое!

Он вцепился в меня изо всех сил, а я тщетно пыталась разжать его пальцы.

Джаред надвигался, словно разъяренный бык. Одной рукой он ухватил Джейми за ворот рубашки, оттащил его от меня и затряс.

— Дурак! Не видишь, как эта тварь тебя использует? — вопил Джаред.

Не размышляя, я втиснулась в разделявшее их узкое пространство.

Как я и надеялась, мое вмешательство заставило его отпустить Джейми. Большого я и не хотела: только бы вдыхать этот родной запах, ощущать очертания широкой груди под футболкой...

— Отстань от Джейми! — Внезапно мне захотелось стать хоть чуточку такой, какой была Мелани: уверенные руки, твердый голос...

Джаред одной рукой сгреб мои запястья и рывком отшвырнул меня к стене. От неожиданности у меня перехватило дыхание. Я ударилась о камень и приземлилась у коробок, с громким треском разорвав целлофан.

Я неуклюже скрючилась на полу, в висках стучало, перед глазами плясали странные огоньки.

— Трус! — заорал Джейми, обращаясь к Джареду. — Да она скорее умрет, чем причинит тебе вред! Когда вы уже от нее отстанете?

Коробки сдвинулись, и рука Джейми легла мне на плечо.

— Анни? Как ты, Анни?

— Все в порядке, — просипела я, стараясь не обращать внимания на тупую боль в голове. В свете фонаря — должно быть, Джаред его обронил — надо мной склонилось обеспокоенное лицо.

— Джейми, уходи отсюда, — прошептала я. — Беги! — Джейми яростно замотал головой.

— Отойди от этой твари! — взревел Джаред.

Джаред схватил Джейми за плечи и потащил прочь. Лавина сдвинутых коробок обрушилась на меня. Я откатилась, прикрыла голову руками. Тяжеленный ящик ударил меня между лопаток, и я вскрикнула от боли.

— Не смей! — взвыл Джейми.

Раздался резкий звук удара, и кто-то охнул.

Пытаясь выбраться из-под тяжелых коробок, я нетвердо приподнялась на локтях.

Ошарашенный Джаред схватился за нос — что-то темное стекало по губам. Джейми разъяренно глядел на Джареда, сжав кулаки, и свирепая гримаса постепенно сползла с его лица. Ее место заняла боль — боль предательства: такое же выражение было у Джареда, когда он увидел меня на кухне.

— Я думал, ты другой, — прошептал Джейми и посмотрел на Джареда, будто тот стоял где-то далеко. Между ними словно пролегла стена: на одной стороне Джаред, на другой — Джейми... совсем один.

На глазах Джейми выступили слезы, и он отвернулся, стыдясь плакать перед Джаредом. Быстрым порывистым шагом он пошел прочь.

«Что ж, мы попытались», — грустно подумала Мелани. Ее сердце обливалось кровью из-за мальчика, и все-таки она страстно желала видеть лицо мужчины. Я уступила.

Джаред не смотрел на меня. Все еще прикрывая нос, он устался в темноту, где исчез Джейми.

— Черт возьми! — внезапно выругался Джаред. — Джейми! Вернись!

Ответа не последовало.

Джаред бросил мрачный взгляд на меня. Ярость его, судя по всему, улеглась, но я попятилась. Он подобрал фонарь и припустил следом за Джейми, расшвыривая преграждавшие путь коробки.

— Прости меня, ладно? Малыш! Только не плачь! — Продолжая выкрикивать сердитые извинения, он повернул за угол и оставил меня в

темноте.

Долгое время я обессиленно дышала: вдох, выдох, снова вдох. Потихоньку восстановив дыхание, я стала подниматься с пола. Ноги дрожали, то и дело грозя подогнуться, поэтому я снова села у стены, доползла до своей «рисовой» подушки, да там и упала, пытаясь критически оценить свое состояние.

Ничего не было сломано — если не считать носа Джаред. Я медленно покачала головой. Джейми сцепился с Джаредом! Такого нельзя допустить. Все неприятности, все несчастья — из-за меня. Я вздохнула и продолжила осмотр: большая ссадина на спине, щека ободрана и кровоточит. От прикосновения рану защипало, на пальцах осталась теплая жидкость. Вот, впрочем, и все. Можно сказать, я отделалась синяками и царапинами.

Как только я это осознала, меня охватило чувство облегчения. Я была жива. Джареду представился шанс меня убить, но он им не воспользовался. Вместо этого он побежал догонять Джейми — мириться. Какой бы вред я ни нанесла их отношениям, видимо, все еще было поправимо.

День выдался долгим — он был долгим еще до того, как объявился Джаред с компанией, а с тех пор, казалось, прошла целая вечность. Я закрыла глаза и уснула на мешке риса.

Глава 28

Неосведомленность

Я проснулась в полной темноте, не понимая, где нахожусь и который час. За прошедшие месяцы я привыкла к солнцу, возвещавшему о наступлении утра. Сперва мне показалось, что еще ночь, но потом почувствовала, как жжет щеку и болит спина, и вспомнила, где я.

Рядом кто-то дышал — тихо и ровно. Я не испугалась: этот звук я узнала бы из тысячи. Среди ночи Джейми прокрался обратно и заснул рядом со мной.

Может быть, его разбудила перемена в моем дыхании; а может, мы просто привыкли просыпаться одновременно, но не успела я продрать глаза, как Джейми встрепенулся.

— Анни? — прошептал он.

— Я тут, рядышком.

Он облегченно вздохнул.

— Темнотища какая, — сказал он.

— Ага.

— Как думаешь, завтрак уже начался?

— Не знаю.

— Что-то я проголодался. Пойдем посмотрим. — Я не ответила.

Он правильно воспринял мое молчание: это был отказ.

— Анни, тебе не нужно тут прятаться, — серьезно заявил он, подождав минуту. — Ночью мы с Джаредом поговорили, и он дал слово, что больше не будет к тебе цепляться.

Я чуть не улыбнулась — надо же, «цепляться ко мне».

— Пойдем? — настаивал Джейми. Его рука отыскала мою.

— Ты правда этого хочешь? — негромко спросила я.

— Да. Все будет, как раньше. — «Мел? Как лучше?»

«Я не знаю». — Мелани разрывалась между стремлением быть объективной и желанием видеть Джареда. «Знаешь, это безумие».

«Ты ведь тоже хочешь его видеть, а вот это уже точно безумие».

— Ладно, Джейми, — согласилась я. — Только пообещай, что не расстроишься, если все будет не так, как раньше, договорились? Если кто-то некрасиво себя поведет... Главное — будь готов ко всему.

— Все будет хорошо, вот увидишь.

Я послушно брела за ним по темному туннелю; он так и не выпустил мою руку. Мы вошли в большую пещеру, и я приготовилась к худшему: люди могли отреагировать на мое появление как угодно. Кто знает, о чем они говорили, пока я спала?

Огород был безлюден, хотя на утреннем небе вовсю светило солнце, которое отражалось в сотнях зеркал и мгновенно меня ослепило.

Джейми не обратил внимания на пустующую пещеру. Его взгляд был прикован к моему лицу. Свет упал мне на щеку.

— Ой! — охнул Джейми. — Как ты? Больно, да?

Я легонько коснулась лица: кровь запеклась вместе с песчинками шершавой коркой. От прикосновения щека заныла.

— Ничего страшного, — прошептала я. От вида пустой пещеры мне стало не по себе — хотелось говорить тише. — Где все?

Джейми пожал плечами, по-прежнему всматриваясь в мое лицо.

— Заняты, наверное, — ответил он, не понижая голоса. Я вспомнила прошлую ночь и нахмурилась: интересно, что это за тайна, о которой он не хочет мне говорить?

«Как думаешь, о чем он умалчивает?»

«Анни, я знаю не больше твоего».

«Ты человек. Где ваша хваленая интуиция?»

«Интуиция? Интуиция мне подсказывает, что мы не так хорошо знаем это место, как нам казалось», — заявила Мелани.

Мы прислушались к зловещей тишине. Из ведущего в кухню коридора послышался привычный обеденный шум. Я с облегчением вздохнула: не то чтобы я по кому-то соскучилась — разумеется, не считая болезненного желания увидеть Джареда, — просто от меня что-то пытались утаить, и безлюдные туннели навевали тревогу.

Кухня была полупуста — непривычно для утренних часов. Впрочем, я не обратила на это внимания: манящий запах, доносившийся из каменной печи, лишал способности мыслить.

— О-о! — воскликнул Джейми. — Яичница! Мальчик устремился вперед, и я охотно направилась за ним. Едва сдерживая урчание в животах, мы почти бегом направились к стойке у печи. На раздаче с пластиковым черпаком в руке стояла мамаша Люсина. Обычно за завтраком было самообслуживание, только вот обычно и завтрак состоял из простого хлеба.

Люсина поглядела на Джейми и сказала:

— Раньше надо было приходиться, вкуснее было.

— Все равно вкуснотища, — с воодушевлением возразил Джейми. — Все уже позавтракали?

— Почти все. Кажется, один поднос отнесли доку и остальным... — Люсина осеклась и впервые посмотрела на меня, а следом за ней на меня посмотрел и Джейми.

На лице Люсины мелькнуло какое-то выражение, но слишком быстро сменилось другим: она заметила отметины на моем лице.

— Много там осталось? — Воодушевление Джейми прозвучало чуть наигранно.

Люсина склонилась над печью и с усилием вытянула металлический противень с раскаленных камней, зацепив его чашкой черпака.

— Сколько ты хочешь, Джейми? Тут полно, — сказала она, не оборачиваясь.

— Представь, что я Кайл, — хихикнул он.

— Порция для большого дяди Кайла, — сказала Люсина, почему-то грустно улыбаясь.

Она до краев и даже с горкой наполнила одну из суповых мисок чуть жестковатым омлетом и вручила миску Джейми.

А потом Люсина снова на меня посмотрела, и я поняла, что означает этот взгляд.

— Давай сядем вон там, Джейми, — сказала я, увлекая его подальше от стойки.

Он удивленно на меня уставился.

— А ты что, не будешь?

— Нет. Все... — Я хотела было добавить «хорошо», но мой желудок предательски заурчал.

— Анни? — Джейми посмотрел на меня и перевел взгляд на Люсину, которая стояла, скрестив на груди руки.

— Я хлеба поем, — пробормотала я, пытаюсь увести его от стойки.

— Нет. Люсина, в чем дело? — Джейми выжидающе смотрел на нее.

Она не пошевелилась.

— Давай-ка я тебя сменю. — Джейми насупился, сжал губы в упрямую линию.

Люсина пожала плечами, положила черпак на каменную стойку и медленно отошла, не удостоив меня взглядом.

— Джейми, — торопливо забормотала я. — Это же не для меня еда. Джаред и остальные рисковали жизнью не для того, чтобы я тут шикавала. Мне вполне достаточно хлеба.

— Анни, не глупи, — сказал Джейми. — Теперь ты живешь здесь, как и все мы. Никто же не возмущается, когда ты стираешь белье и печешь хлеб. И потом, яичница все равно скоро испортится. Если ты не съешь, ее

просто выкинут.

Казалось, взгляды всех присутствующих буравили мне спину.

— Кое-кого это вполне устроит, — сказала я совсем тихо, чтобы услышал только Джейми.

— Даже не думай. — Джейми перескочил через стойку, наполнил омлетом вторую миску и подтолкнул ее ко мне. — И чтобы до последней ложки все съела, — решительно заявил он.

От одного взгляда на миску рот наполнился слюной, но я отодвинула яичницу в сторону и сложила руки на груди.

— Ладно. — Джейми нахмурился, отшвырнул свою миску через весь стол и сложил руки на груди. — Раз ты не ешь, я тоже не буду. — Его живот ответил громким ворчанием.

С минуту мы смотрели друг на друга. От аппетитного запаха в животах у нас дружно урчало. Джейми то и дело поглядывал на еду краешком глаза... и столько тоски и желания было в его взгляде, что в конце концов я не выдержала и сдалась.

— Будь по-твоему! — Я пододвинула обратно его миску, а за ней и свою. Джейми дождался, пока я съем первый кусок, и лишь затем приступил к своей порции. Я ощутила вкус яиц на языке и едва не застонала. Конечно, мне доводилось есть вещи повкуснее остывшего жестковатого омлета, но в то мгновение я так не думала — тело жило настоящим.

Реакция Джейми мало отличалась от моей. Он шустро налег на еду и с дикой скоростью метал в рот омлет. На дыхание времени у мальчика не оставалось, и мне пришлось следить, чтобы он чего доброго не поперхнулся. Сама я жевала медленнее, надеясь, что смогу убедить его доесть мою порцию, после того как он умнет свою.

Едва наше маленькое противоборство закончилось, а голод слегка улегся, я наконец заметила, как ведут себя люди в столовой. По идее, яичница на завтрак после месяцев однообразия должна была поднять всем настроение. Однако в воздухе витал дух уныния, разговоры велись шепотом. Может, причиной тому — вчерашний скандал?

Я оглядела столовую, поймала на себе несколько взглядов, но остальные не обращали на меня ни малейшего внимания, а шепотом разговаривали все. На лицах не было ни злости, ни вины, ни напряжения — ни одной из ожидаемых эмоций, только глубокая печаль и отчаяние. В дальнем углу — как всегда, в стороне ото всех — сидела Шэрон, которая с бесстрастным видом поглощала завтрак. По ее щекам одна за другой катились слезинки, падали прямо в тарелку, а она продолжала есть,

погруженная в свои мысли.

— Что-то случилось с доком? — тревожным шепотом спросила я у Джейми. Возможно, у меня развилась мания преследования, потому что, судя по всему, я тут ни при чем. Царившая в комнате печаль, похоже, имела отношение к другой человеческой драме, до которой меня не допускали. Может, поэтому все и были так заняты? Произошел какой-то несчастный случай?

Джейми посмотрел на Шэрон и вздохнул.

— Нет. С доком все в порядке.

— Тетя Мэгги? Она ранена? — Он покачал головой.

— А где Уолтер? — шепотом допытывалась я. Меня снедало беспокойство при мысли о том, что с кем-то из обитателей подземного городка что-то случилось — даже с теми, кто меня ненавидел.

— Точно не знаю, но, кажется, с ним все в порядке.

Я вдруг поняла, что Джейми печалится вместе с остальными.

— Джейми, что такое? Чем ты расстроен? — Джейми уткнулся в миску с омлетом — теперь он ел медленно, не спеша, — и ничего не ответил. Я попыталась подсунуть ему то, что оставалось в моей миске, но он наградил меня таким свирепым взглядом, что я придвинула миску обратно и больше не спорила.

Мы отнесли наши миски в большое пластиковое ведро с грязной посудой. Оно было заполнено, и я сняла его со стойки. Что бы ни творилось сегодня в пещерах, лучше мне спокойно заняться мытьем посуды.

Джейми пошел следом, держась настороже. Мне это не понравилось. Случись что, я не позволила бы ему выступить в роли моего защитника. Впрочем, как только мы обогнули большое поле, к нам присоединился другой, уже ставший привычным, телохранитель, так что это был спорный вопрос.

Иена с ног до головы покрывала светло-бурая грязь вперемешку с темными пятнами пота. Сквозь бурые полосы на его лице проступало утомление. Он был подавлен, как и остальные. Цвет грязи резко отличался от красноватой грязи пещер — похоже, утром Иен выходил наружу.

— Вот вы где! — Он направился к нам широким шагом, быстро сокращая расстояние. Дойдя до нас, он не замедлил хода, а подхватил меня под локоть и увлек за собой. — Нырять сюда.

Он потащил меня в узкий туннель, ведущий к восточному полю, где почти поспела кукуруза. Скрывшись из зоны видимости, мы остановились у входа. Рука Джейми мягко легла мне на плечо.

Через полминуты в большой пещере слышались чьи-то голоса.

В негромких голосах сквозило уныние и подавленность — совсем как на лицах людей в столовой. Собеседники прошли в двух шагах от расселины, где мы спрятались. Рука Иена на моем локте напряглась, пальцы вжались в ямку над косточкой. Я узнала голоса Джареда и Кайла. Мелани заметалась, пытаясь вырваться, да я и сама ослабила контроль. Мы обе хотели видеть лицо Джареда. Хорошо, что Иен нас удержал.

— ...бесполезно. Сколько можно пытаться? — говорил Джаред.

— Он думал, в этот раз получится. Он был так уверен... Ну... Если однажды он отыщет ответ, это окупит все усилия, — не соглашался Кайл.

— «Если», — фыркнул Джаред. — Хорошо, что мы нашли бренди. Такими темпами док весь ящик выдует к вечеру.

— Он скоро отрубится. — Голос Кайла постепенно стихал вдали. — Надеюсь, Шэрон... — Больше я ничего не разобрала.

Иен выждал еще несколько минут и выпустил мою руку.

— Джаред обещал, — недоуменно протянул Джейми.

— Ага, а вот Кайл — нет, — отозвался Иен.

Они вышли из укрытия. Я медленно последовала за ними.

Иен наконец заметил, чем у меня заняты руки.

— Посуду оставь на потом, — сказал он мне. — Не будем им мешать. Пусть приведут себя в порядок и займутся своими делами.

Я хотела было его спросить, где он перепачкался, но скорее всего он, как и Джейми, не ответил бы. Я взглядела в туннель, что вел в пещеру с реками, и задумалась над происходящим.

Иен сердито фыркнул. Я испуганно посмотрела на него и только тогда поняла, что его так расстроило — он увидел мою щеку и потянулся к моему подбородку. Я дернулась, и он убрал руку.

— Меня от всего этого тошнит. — Судя по его голосу, Иену и впрямь стало дурно. — Но хуже всего то, что если бы я отправился вместе с ними, оказался бы сейчас в числе твоих обидчиков...

Я покачала головой.

— Пустяки.

— И вовсе не пустяки! — пробормотал Иен и обратился к Джейми: — Тебе пора на занятия. Чем быстрее все вернется на круги своя, тем лучше.

— Шэрон сегодня, наверное, будет лютовать, — заныл Джейми.

Иен усмехнулся.

— Придется пострадать за правое дело. Не завидую я тебе.

Джейми вздохнул и поддел ногой грязь.

— Присматривай за Анни.

— Присмотрю.

Джейми побрел прочь, ежеминутно оглядываясь, пока не скрылся в следующем туннеле.

— Давай-ка сюда. — Не успела я и слова сказать, как Иен выхватил у меня ведро с посудой.

— Оно не тяжелое, — сказала я.

— Не стоять же мне с пустыми руками, пока ты таскаешь тяжести. — Он снова усмехнулся. — Считай меня галантным кавалером. Пойдем поболтаем где-нибудь в укромном уголке, пока все не уляжется.

Встревоженная словами Иена, я последовала за ним. Галантный кавалер? У меня?

Он направился напрямик к кукурузному полю — и дальше, через грядки, осторожно пробираясь меж высоких стеблей. Я шла следом, пока он не остановился посредине поля, отставил в сторону ведро с посудой и развалился на сырой земле.

— Да уж, уголок укромный, — сказала я и, скрестив ноги, уселась рядом. — А как же работа?

— Ты слишком много работаешь, Анни. Без выходных, которые есть у всех.

— Зато есть чем занять руки, — пробубнила я.

— Сегодня у всех перерыв, отдохни и ты.

Я удивленно на него посмотрела. В отраженном свете зеркал на кожу ложились двойные тени, похожие на полосы зебры. Под странным узором из теней и грязи на бледном лице Иена проступала усталость.

— Судя по твоему виду, ты работал. — Он прищурился.

— Но теперь-то я отдыхаю.

— Джейми не говорит мне, что происходит, — прошептала я.

— Правильно. И я не скажу. — Он вздохнул. — Ни к чему тебе знать.

Я опустила глаза, разглядывая темно-красную и бурую почву. Под ложечкой засосало. Со мной отказывались делиться... Что могло быть хуже? Я попыталась представить и не смогла. Впрочем, наверное, мне просто не хватало воображения.

— Пожалуй, это не совсем честно, — нарушив долгое молчание, заговорил Иен, — задавать вопрос, ведь я не ответил на твой... Но можно я все-таки спрошу?

Я была рада отвлечься.

— Валяй.

Он не сразу продолжил, и я подняла взгляд, ища причину его сомнений. Иен потупился, рассматривая полосы грязи на тыльной стороне

своих ладоней.

— Я знаю, что ты не лжешь. Теперь я это понял, — тихо произнес он. — И поверю любому твоему ответу. — Он пристально рассматривал перепачканные руки. — Раньше я не принимал всерьез историю Джеба, несмотря на их с доком уверенность... Анни? — спросил он и посмотрел на меня. — Она еще там, с тобой? Девушка, в чьем теле ты находишься?

Это больше не было моим секретом — и Джейми, и Джеб знали правду. Да и какая разница? Я доверяла Иену: он ни за что не проболтается, не поставит под угрозу мою жизнь.

— Да, — призналась я. — Мелани все еще здесь. — Он медленно кивнул.

— И каково вам? Тебе? Ей?

— Это... трудно. Для нас обеих. Поначалу я бы все на свете отдала, только бы она исчезла. А сейчас... Я к ней привыкла. — Я усмехнулась. — Всегда есть с кем поговорить. Мелани гораздо сложнее: она заперта у меня в голове, словно в тюрьме. Но лучше быть узницей, чем исчезнуть насовсем.

— Я не знал, что существует выбор.

— Поначалу выбора не было, но люди обнаружили, что происходит и начали сопротивляться. Наверное, все дело в знании: те, кто понимал, что их ожидает, боролись. В отличие от тех, кого застали врасплох.

— А если бы поймали меня? — Глаза Иена сверкнули.

— Ты вряд ли бы исчез. Только вот многое изменилось. Пойманных взрослых больше не используют в качестве носителей. Слишком много проблем... — Мои губы снова тронула грустная усмешка. — Вот как я — расклеилась, прониклась симпатией к носителю, сбилась с пути...

Иен погрузился в раздумья. Его взгляд то пробежал по моему лицу, то возвращался к кукурузе, а иногда вдруг застывал, устремленный в пустоту.

— И как со мной поступят сейчас, если поймают? — наконец спросил он.

— Думаю, они все равно произведут внедрение, попытаются получить информацию. Вероятно, подсадят Ищейку. — Иена передернуло, а я продолжила: — Носителем ты не станешь. Вне зависимости от того, получают они нужную информацию или нет, тебя... утилизируют.

Слова давались мне с трудом. Меня затошнило. Странно — обычно тошноту вызывали явления из мира людей. Впрочем, раньше, на других планетах, я никогда не смотрела на наши действия с точки зрения тела; не было необходимости. Если тело имело функциональные дефекты, от него быстро и безболезненно избавлялись — утилизировали, как утилизируют

неисправную машину. Какой смысл его хранить? Помимо прочего, иногда тело признавалось негодным из-за некоторых особенностей психики: опасных пристрастий, склонности к насилию — такие неизлечимые состояния делали тело небезопасным для окружающих. Ну и, разумеется, в случаях, когда разум был слишком силен и стереть его не удавалось. Аномалия, свойственная этой планете.

Неукротимость духа как дефект... Внезапно я осознала отратительность подобного подхода.

— А если поймут тебя? — спросил он.

— Если поймут, кто я... Если меня еще ищут... — Я подумала о своей Ищейке, и меня передернуло, как только что Иена. — Меня извлекут и пересадят в другого носителя. В какого-нибудь ребенка. И будут надеяться, что я вновь стану собой. Возможно, отправят на другую планету — подальше от дурного влияния.

— А ты сможешь снова стать собой? — Наши взгляды встретились.

— Я — это я. Я не растворилась в Мелани. Будь я Медведем или Цветком, я чувствовала бы себя точно так же.

— А тебя не утилизируют?

— С Душами так не поступают. У нас не существует смертной казни. Да и других наказаний, если уж на то пошло. Ради моего спасения будет сделано все возможное. Я всегда верила, что так и надо, и лишь теперь поняла, как сильно заблуждалась... Я — живое тому доказательство и вполне заслуживаю казни. Я ведь предатель, верно?

— Нет, пожалуй. Эмигрант, что ли... — Иен поджал губы. — Ты ведь не предала своих, а лишь покинула их общество.

Мы снова замолчали. Мне очень хотелось ему верить. Я размышляла над словом «эмигрант», пытаясь убедить себя, что имею право называться хотя бы так.

Иен громко вздохнул, и я испуганно подскочила.

— Как док протрезвеет, покажем ему твою щеку. — Он потянулся к моему подбородку, и на этот раз я не отдернулась. Он повернул мне голову в одну сторону, в другую, хорошенько рассматривая ссадину.

— Ничего особенного. Выглядит ужасно, но на самом деле вполне терпимо.

— Надеюсь... Вообще-то вид, и правда, тот еще. — Он вздохнул и потянулся. — Хватит нам тут прятаться. Наверняка Кайл давно уже искупался и дрыхнет. Помочь тебе с посудой?

Вместо того чтобы перемыть посуду в ручье, мы с Иеном отправились в темную купальню, где меня бы никто не заметил. В темноте, на пологом

берегу чернильного водоема я отмывала миски, как труженица невидимого фронта, а он смыл с себя следы таинственных утренних занятий, после чего вызвался мне помогать.

Мы вместе домыли последние грязные миски, и Иен отвел меня обратно на кухню, куда потихоньку подтягивался на обед народ. В меню преобладали скоропортящиеся продукты: мягкий белый хлеб, головы сыра чеддер, сочные розовые кольца вареной колбасы. Люди за обе щеки уминали вкусности, и все-таки в воздухе витало уныние. Царила напряженная тишина: ни улыбок, ни смеха.

Джейми ждал меня за нашим обычным местом, скрестив руки на груди. Перед ним возвышались две высокие горки бутербродов. Иен удивленно посмотрел на мальчика, но вопросов задавать не стал, а пошел за своей порцией.

Упрямый мальчишка! Я усмехнулась и потянулась за бутербродом. Едва я откусила кусок, как Джейми вовсю заработал челюстями. Вернулся Иен, и мы молча поглощали вкусную еду: ни на разговоры, ни на что другое отвлекаться не хотелось — ведь для этого пришлось бы освободить рот.

Мне хватило двух бутербродов, а Джейми с Иеном все ели и ели, пока у них не начали лопаться животы. Казалось, Иена вот-вот хватит удар — ему явно стоило больших усилий держать глаза открытыми.

— Пора на занятия, дружок, — обратился он к Джейми. Джейми смерил его оценивающим взглядом.

— Может, я лучше тебя сменяю...

— Иди учись, — быстро проговорила я. Мне хотелось, чтобы сегодня он находился на безопасном расстоянии от меня.

— Позже увидимся, ладно? Не волнуйся о... в общем, не волнуйся ни о чем.

— А то! — Казалось, краткий ответ легче скроет ложь. А может, во мне снова проснулся сарказм.

Как только Джейми ушел, я повернулась к разомлевшему Иену.

— Ты бы отдохнул. Со мной все будет хорошо. Посижу где-нибудь незаметно — в кукурузе или еще где... В общем, не пропаду.

— Где ты спала прошлой ночью? — Глаза Иена пронзительно сверкнули под полуприкрытыми веками.

— А что?

— Я бы там прилег, рядом со мной тебе прятаться не надо.

Мы разговаривали очень тихо, чуть ли не шепотом. Никто не обращал на нас внимания.

— Ты же не можешь следить за мной каждую секунду.

— Пospорим?

Я пожала плечами: оставалось лишь сдаться.

— Я вернулась обратно... в нору. Где меня держали в первое время.

Иен нахмурился: ему это не понравилось. Однако он не стал спорить и направился в коридор, ведущий к складу. На главной площади вовсю бурлила жизнь, возле огорода ходили люди, с мрачным видом глядя под ноги.

В темном туннеле я попробовала еще раз добиться ответа.

— Иен, к чему все это? Чем дольше вы сохраняете мне жизнь, тем большее Джейми перенесет утрату... В конце концов, разве будет не лучше для него, если...

— Анни, ты ошибаешься. Мы же не звери. Мало кто желает тебе смерти.

— Никогда не считала тебя зверем, — тихо сказала я.

— Спасибо. Если бы и считала, я бы тебя не винил. Даже и не думал.

На этом наш разговор оборвался: за поворотом тускло мерцал голубой свет.

— Т-с-с! — выдохнул Иен. — Жди здесь.

Он приостановил меня, а сам двинулся вперед, не боясь, что его шаги услышат, и исчез за углом.

— Джаред? — В голосе Иена послышалось притворное удивление.

Сердце в груди сдавило — скорее от боли, чем от страха.

— Знаю, ты привел с собой тварь, — громко отозвался Джаред. Его слова разнеслись по всему коридору, до самой главной площади. — Ну что же ты, давай, выползай-ка, — с грубоватой издевкой позвал он.

Глава 29

Предательство

Наверное, нужно было броситься наутек. Но меня больше никто не удерживал, и, хотя в холодном голосе Джареда чувствовалось раздражение, он звал меня. Мелани рвалась к нему. Я осторожно шагнула за угол, к голубому свету, и остановилась в нерешительности.

В нескольких футах от меня Иен привстал на цыпочки, готовый перехватить Джареда, если тот на меня бросится.

Джаред сидел на одном из матрасов, которые оставили мы с Джейми. На усталом, изможденном лице горели настороженные глаза, совсем как у Иена.

— Расслабься, — сказал Джаред Иену. — Я просто хочу поговорить. Я дал слово Джейми, а свое слово я держу.

— Где Кайл? — спросил Иен.

— Дрыхнет. Храпит, аж стены трясутся. — Иен не пошевелился.

— Я не вру, Иен. Я не собираюсь ее убивать. Джеб прав. Ситуация дурацкая, все запутались, да только слово Джейми и впрямь весит не меньше моего, а ему хорошенько промыли мозги, поэтому в ближайшее время он вряд ли даст мне добро.

— Никто никому ничего не промывал, — прорычал Иен. Джаред махнул рукой: мол, не суть...

— Так вот, я ничего ей не сделаю. — Впервые за все время Джаред посмотрел на меня, оценивая, как я жмусь к дальней стене, наблюдая, как дрожат мои руки. — Больше я тебя не трону, — сказал он мне.

Я робко шагнула вперед.

— Анни, ты не обязана с ним говорить, если не хочешь, — торопливо сказал Иен. — Ты никому ничего не должна. Помни, у тебя всегда есть выбор.

Брови Джареда сдвинулись, нависли над самыми глазами — похоже, его смутило услышанное.

— Нет, — прошептала я и сделала еще один шаг. — Я с ним поговорю.

Джаред жестом поманил меня к себе. Я медленно, шаг за шагом, подошла и встала в ярде от него. Иен следовал за мной по пятам.

— Хотелось бы поговорить с ней наедине, если не возражаешь, —

обратился к нему Джаред. Иен не сдвинулся с места.

— Возражаю.

— Ничего, Иен. Иди, поспи. Все будет хорошо. — Я легонько потянула его за локоть.

Иен с сомнением всмотрелся мне в лицо.

— Ты что, хочешь умереть? Ради мальчика? — удивился он.

— Нет. Джаред не обманет Джейми.

Джаред посмотрел волком, когда я вот так, не скрывая доверия, произнесла его имя.

— Ну, пожалуйста, — взмолилась я. — Я хочу с ним поговорить.

Иен долго смотрел на меня, а потом ощерился на Джареда и гаркнул приказным тоном:

— Ее зовут Анни, а не тварь. И не вздумай к ней прикасаться. Только попробуй, и я с тебя шкуру сдеру.

При этой угрозе я поморщилась. Иен зашагал в темноту.

Джаред и я смотрели на пустое место, где только что стоял Иен. Я первая подняла глаза на Джареда. Наконец он взглянул на меня, но я отвела взгляд.

— Он что, серьезно? — спросил Джаред. Я решила, что это был риторический вопрос. — Может, присядешь? — предложил он, похлопав по лежащему рядом матрасу.

Я немного поразмыслила, а потом села на край матраса, поближе к входу в нору. Мелани это не понравилось; ей хотелось присесть рядышком, вдохнуть запах и ощутить тепло тела Джареда.

Мне же не хотелось сидеть рядом с ним — и не из-за страха, что он причинит мне боль: Джаред казался очень усталым и измотанным. Я опасалась сближения. Когда он находился рядом, в груди что-то сжималось — я чувствовала, как он меня ненавидит.

Склонив голову набок, Джаред наблюдал за мной; наши взгляды пересеклись, и я почти сразу отвела глаза.

— Прости за вчерашнее. По лицу... Это я зря.

Я уставилась на свои руки, крепко сомкнутые на коленях.

— Не бойся меня.

Я кивнула, не глядя на него. Он крякнул.

— А я думал, ты согласилась со мной пообщаться...

Я пожала плечами. Говорить было трудно, слова застревали в горле: исходящая от Джареда враждебность повисла в воздухе между нами.

Джаред шевельнулся и придвинулся ближе — на радость Мелани. Слишком близко: мысли путались в голове, дышать стало трудно, но

отсесть было выше моих сил. Странно... Мелани, которая так этого ждала, вдруг разозлилась.

«Что?» — я не ожидала столь бурных эмоций.

«Тоже мне, расселся. А ты и рада!» — Впервые с тех пор, как мы вместе покинули цивилизованный мир, от нее повеяло враждебностью. Я была поражена. Это нечестно!

— У меня к тебе только один вопрос, — прервал нас Джаред.

Я посмотрела на него и отвела глаза, стушевалась под жестким взглядом. Еще и Мелани недовольна...

— Тебе, наверное, интересно, какой. Джеб с Джейми всю ночь заговаривали мне зубы...

Я ждала вопроса, разглядывая мешок с рисом у стены напротив — мою вчерашнюю подушку. Боковым зрением я заметила, как он поднимает руку, и вжалась в стену.

— Я тебя не трону, — раздраженно повторил он. Шершавая ладонь легла на мой подбородок — Джаред развернул мое лицо к себе.

От его прикосновения сердце замерло, к глазам подступили слезы. Я сморгнула.

— Анни... — Джаред медленно, неохотно произнес мое имя. Впрочем, голос его звучал ровно. — Мелани жива? Она... часть тебя? Мне нужна правда.

Мелани, как бульдозер, поперла в атаку. Ее попытки прорваться причиняли мне физическую боль — это было похоже на внезапный приступ мигрени.

«Хватит. Разве ты не видишь?»

В линии губ, в жестких морщинках вокруг глаз Джареда словно отпечатался ответ: неважно, что я скажу или что скажет она.

«Он заранее решил, что я лгу, — сказала я Мелани. — Ему не нужна правда, он хочет меня подловить, уличить во лжи, доказать Джебу и Джейми, что я — Ищейка, лишь бы ему разрешили меня убить».

Мелани не желала отвечать, да и верить отказывалась; она отчаянно рвалась на свободу.

Лоб покрылся испариной, меня трясло. Глаза Джареда сузились. Он крепко держал мой подбородок, не давая мне опустить лицо.

«Джаред, я тебя люблю, — попыталась выкрикнуть Мелани. — Я здесь».

Мои губы не дрогнули, зато глаза кричали — странно, что Джаред ничего не заметил.

Время тянулось. Он ждал моего ответа. Мучительно было смотреть

ему в глаза и видеть там приговор. Внутри рвала и метала Мелани — ее ревность ядовитой волной прокатилась по телу, отравила меня.

Невыносимо! Давно подступившие слезы брызнули из глаз, потекли по щекам, закапали на руку Джареду. Выражение его лица не изменилось.

Довольно! Я закрыла глаза и отдернула голову.

Он не ударил меня, а просто опустил руку и разочарованно вздохнул.

Я потупилась, выжидая, когда он уйдет. Стук сердца отмерял секунды. Джаред не двигался. Я не двигалась. Он застыл, словно вырубленный в камне. Это холодное спокойствие шло ему. Оно подходило к новому, жесткому выражению его лица: не человек, кремень.

Мелани задумалась, сравнивая его с тем, прежним Джаредом. В памяти всплыл ничем не примечательный день из прошлого...

— Ах! — дружно стонут Джаред и Джейми.

Джаред лежит на кожаном диване, Джейми растянулся на ковре. Они смотрят по телевизору баскетбольный матч. Паразиты, живущие в этом доме, сейчас на работе, наш джип нагружен под завязку. У нас остается несколько часов на отдых.

В телевизоре два игрока вежливо спорят у боковой линии. Камера близко, и можно различить слова.

— Мне кажется, я коснулся мяча последним. Мяч твой.

— Не уверен. Я не хочу пользоваться необоснованным преимуществом.

— Пусть лучше рефери просмотрят запись. — Игроки пожимают руки, хлопают друг друга по плечу.

— Вот ведь бред, — ворчит Джаред.

— Глаза б мои не видели, — соглашается Джейми точно таким же тоном; с каждым днем он все больше и больше подражает Джареду — одна из форм поклонения герою. — Есть что-нибудь другое?

Джаред переключает каналы и останавливается на соревнованиях по легкой атлетике. На Гаити проходит Олимпиада. Судя по всему, пришельцы от нее в восторге. На многих домах развеваются олимпийские флаги. Только вот кое-что изменилось. Теперь все участники получают по медали. Как трогательно!

Но стометровку им не удалось испортить. Куда интереснее, когда паразиты не состязались друг с другом напрямую. На разных дорожках у них получалось гораздо лучше.

— Мел, иди сюда, расслабься! — зовет Джаред.

Я, как обычно, стою у черного хода: не потому что напугана, не потому что напряжена и готовлюсь убежать — нет, просто по привычке.

Я подхожу к Джареду. Он усаживает меня к себе на колени, упирает свой подбородок мне в макушку.

— Удобно? — спрашивает он.

— Да, — говорю я. Мне на самом деле очень-очень удобно и уютно, даже здесь, в доме пришельцев.

Папа любил всякие смешные словечки — иногда казалось, он говорит на своем, понятном ему одному языке: «опять двадцать пять», «молодо зелено», «любопытная Варвара», «торопулька», «завидки», «спиногрыз» и что-то про яйца, которые не учат курицу. И одним из его любимых выражений было: «Безопасно, как дома».

Папа учит меня ездить на велосипеде, а мама стоит в дверном проеме и волнуется. «Успокойся, Линда, на этих улицах безопасно, как дома», — уверяет папа. Вот он уговаривает Джейми спать без света: «Здесь безопасно, как дома, малыш, никаких монстров на милю вокруг».

А потом однажды ночью мир превратился в самый жуткий кошмар, и эта фраза превратилась в черную шутку для нас с Джейми. Дома стали самыми опасными из известных нам мест. Мы прятались в низкорослых соснах, следили за машиной, выезжающей из гаража дома, что стоит на отшибе, выбирали подходящий момент для вылазки за едой и переговаривались:

— Как думаешь, паразитов долго не будет?

— Вряд ли. Безопасно здесь, как дома. Давай-ка побыстрее сматывать удочки.

И вот я сижу и смотрю телик — совсем как пять лет назад, когда родители сидели в соседней комнате, словно и не было ночей, когда мы с Джейми прятались в канализационных трубах, рядом со стаями крыс, пока паразиты искали воров, которые улизнули с мешком сушеной фасоли и тарелкой остывших макарон.

Я знаю, проведи мы с Джейми хоть двадцать лет, скрываясь в одиночку, мы так никогда и не узнали бы, что это за чувство — ощущение безопасности. Даже не безопасности — счастья. Счастье и спокойствие — две вещи, которых, как мне казалось, у нас больше никогда не будет.

Джареду удалось вернуть нам это чувство — одним лишь своим присутствием.

Я вдыхаю его запах, ощущаю его тепло.

С Джаредом везде безопасно, с ним я повсюду счастлива. Даже в домах.

«Я до сих пор чувствую себя с ним в безопасности, — осознала Мелани, ощутив тепло руки Джареда, находящейся всего в нескольких

дюймах. — Хотя он и не догадывается, что я тут».

Я же не чувствовала себя в безопасности — любовь к Джареду сделала меня уязвимой.

Интересно, полюбили бы мы с Мелани Джареда, будь он всегда таким, как сейчас, а не тем, улыбающимся Джаредом из воспоминаний, который явился в жизнь Мелани, неся в горстях надежду и чудеса. Пошла бы она за ним, если бы он всегда был таким черствым и циничным, если бы потеря жизнерадостного отца и бесшабашных старших братьев сковала бы его сердце таким же льдом, как потеря Мелани?

«Конечно. — Мел ни чуточки не сомневалась. — Я любила бы Джареда, каким бы он ни был... Он мой, даже сейчас».

Мне стало интересно, смогу ли я сказать о себе то же самое. Полюбила бы я его, если бы в воспоминаниях он был таким, как сейчас?

Тут меня прервали. Джаред вдруг заговорил — непринужденно, словно продолжил начатую фразу.

— Значит, из-за тебя Джеб и Джейми считают, что возможно сохранить некое подобие сознания даже после того, как тебя... поймали. Они оба думают, что Мел где-то внутри тебя, не сдастся.

Он легонько постучал костяшками по моему лбу. Я отпрянула, и он сложил руки на груди.

— Джейми думает, что она с тобой разговаривает. — Джаред ухмыльнулся. — Не слишком-то честно так разыгрывать ребенка, впрочем... бессмысленно взывать к совести, если ее нет. Хотя... что-то в теории Джеба есть — это-то меня и убивает! Чего ты добиваешься? Поиски были организованы как-то несерьезно... без особого усердия. Похоже, Ищейки надеялись найти тебя, а не нас. Значит, они не знали, что ты задумала. А может, ты сама по себе? Выполняешь какое-нибудь секретное задание. Или...

Было легче не обращать на него внимания, когда он строил глупые предположения. Я принялась разглядывать коленки... Грязные, как обычно красновато-черные.

— Может, тебя и впрямь убивать не стоит. — Неожиданно пальцы Джареда легонько коснулись моей руки, которая от его слов покрылась гусиной кожей. Голос его зазвучал мягче. — Больше тебя не тронут. Пока от тебя нет неприятностей... — Он пожал плечами. — Я вполне допускаю, что неким извращенным образом они все же правы. Может, и не существует уважительной причины... Разве что Джейми...

Моя голова резко приподнялась — Джаред буравил меня взглядом. Я пожалела, что выдала интерес, и снова уткнулась в колени.

— Меня пугает, что он все больше и больше к тебе привязывается, — пробормотал Джаред. — Надо было взять его с собой. Я и представить не мог... Понятия не имею, что теперь делать. Ему кажется, что Мел жива. Что с ним будет, когда...

Он сказал «когда», а не «если». Неважно, что он пообещал Джейми — по его мнению, отпущенный мне срок подходил к концу.

— Непонятно только, как тебе удалось добраться до Джеба, — рассуждал Джаред, сменив тему. — Джеб старик ушлый, обман насквозь видит. Точнее, видел — до недавних пор. — Он на минуту задумался. — Не в настроении разговаривать, да?

Молчание затянулось. Вдруг Джареда словно прорвало, и слова полились непрерывным потоком.

— Знаешь, что не дает мне покоя? А вдруг они правы? Как, черт возьми, узнать? Их послушать, так все сходится, и это меня бесит. Должно же быть другое объяснение.

Мелани попыталась встрять, но уже не так агрессивно, как раньше, почти без надежды прорваться. Я молчала.

Джаред пошевелился, отодвинулся от стены. Я следила за ним краешком глаза.

— Зачем ты здесь? — прошептал он.

Я заглянула ему в лицо — мягкое, доброе, почти такое же, каким его помнила Мелани. И почувствовала, как теряю контроль, губы задрожали. Из всех сил я старалась не разомкнуть стиснутых рук, но мне захотелось прикоснуться к его лицу. Мне захотелось. Мелани это не понравилось.

«Если не даешь сказать, то хоть руки держи при себе», — прошипела она.

«Я пытаюсь. Прости...» — ответила я. Неловко было причинять ей боль. Мы обе страдали, но по-разному. Кто из нас в ту минуту страдал сильнее — неизвестно. На глаза навернулись слезы.

Джаред с любопытством меня разглядывал.

— Зачем? — мягко спросил он. — Знаешь, Джебу взбрело в голову, что ты здесь из-за нас с Джейми. Бред какой-то...

Рот приоткрылся, и я быстро прикусила губу. Джаред медленно потянулся ко мне и обеими руками прикоснулся к моему лицу. Мои глаза закрылись.

— Может, скажешь?

Голова быстро один раз мотнулась. Кто из нас это сделал: я — давая знать, что не скажу, или Мелани — подсказывая, что не может?

Ладони Джареда обхватили мне подбородок. Я открыла глаза. Его лицо

было совсем рядом, в нескольких дюймах. Сердце дрогнуло, внутри все перевернулось — я попыталась вдохнуть, но легкие не слушались.

Я знала, что сейчас произойдет; точно знала, как он будет двигаться, каким будет прикосновение его губ. И все же он застал меня врасплох — я ожидала чего угодно, но только не этого: его губы прижались к моим.

Думаю, сперва он хотел лишь прикоснуться к моим губам, но все изменилось, когда наша кожа соприкоснулась. Его рот вдруг стал жестким и требовательным, руки вцепились в мое лицо, губы жадно и торопливо двигались. Ощущение было намного сильнее воспоминаний.

Голова куда-то поплыла, тело взбунтовалось. Оно больше не подчинялось мне — наоборот, его слушалась я, не Мелани. В этот миг наше тело было сильнее нас обеих. Наше дыхание смешалось: мое — учащенное, прерывистое, и Джаред — бешеное, почти рычание.

Руки больше меня не слушались. Левая потянулась к его лицу, к волосам, готовясь провести по ним.

Правая оказалась быстрее. И вела ею не я.

Кулак Мелани с глухим хлопком врезался Джареду в челюсть, и его лицо отлетело от меня: плоть против плоти, яростная и свирепая. Силы удара хватило лишь на то, чтобы слегка его оттолкнуть, но едва наши губы разомкнулись, как он отпрянул от меня, и ужас на моем лице отразился в его глазах.

Я уставилась на сжатый кулак — брезгливо, как на скорпиона, вдруг выросшего из моего предплечья. Из горла вырвался вздох отвращения. Я обхватила запястье левой рукой, отчаянно стремясь не допустить, чтобы Мелани использовала мое тело для насилия.

Джаред, не отрываясь, смотрел на кулак, который я удерживала, и ужас на его лице постепенно сменялся удивлением. В ту секунду у него было совершенно беззащитное выражение. Я легко читала мысли, пробегающие по его обескураженному лицу. Такого он не ждал. А ожидания у него имелись, это было яснее ясного. Он устроил мне проверку, испытание, которое четко просчитал и в результатах которого был заранее уверен. Но его ждал сюрприз.

И все-таки прошла я испытание или провалила?

Боль в груди не стала для меня сюрпризом. Я уже успела понять, что «разбитое сердце» — больше, чем метафора.

В ситуации «дерись или беги» передо мной никогда не стоял выбор; я всегда убегала. Между мной и спасительной темнотой выхода из туннеля находился Джаред — пришлось юркнуть в заставленную коробками нору.

Коробки захрустели и затрещали, вдавленные в пол моим весом. Я

пробралась в невозможное пространство, протиснулась между тяжелых ящиков, проламываясь сквозь остальные. Пальцы Джареда царапнули мне ногу — он попытался ухватить меня за лодыжку. Я лягнула здоровенную коробку, которая упала между нами. Джаред замычал, и к горлу подступило удушливое отчаяние. Мне не хотелось снова причинять ему боль; я не собиралась его бить, я просто хотела скрыться.

Карабкаться дальше было некуда. Вместо звука разрываемых коробок до меня донесся звук моих же рыданий. Я услышала прерывистые, рвущиеся из груди всхлипы, и мне показалось, что меня растоптали, изваляли в грязи, унизили. Я была в ужасе от себя, от насилия, которому поддалась — вольно или невольно. Впрочем, рыдала я не из-за этого. Слезы лились из-за того, что это оказалась проверка, а я-то дура, дура влюбчивая, размечталась...

Внутри Мелани корчилась в страданиях; непросто было отделить ее боль от моей. Я смертельно обиделась, потому что поцелуй Джареда оказался ненастоящим; она — потому что ей он показался вполне искренним. Прошло немало времени с тех пор, как рухнул ее мир, но, несмотря на бесконечную череду пережитых ею потерь, она впервые почувствовала себя преданной. Да, ее отец привел Ищеек к детям, но Мелани знала, что это не он. Она ощутила грусть, но не предательство. Ее отец погиб. А вот Джаред... Джаред был жив.

«Никто тебя не предавал, дурочка», — пожурила ее я. Мне хотелось, чтобы ее боль улеглась. Двойные страдания — слишком тяжелый груз, мне и моих достаточно.

«Как он мог? Как?» — выла Мелани, не обращая на меня внимания. Мы не могли сдержать рыдания.

Мы обе находились на грани истерики, и тут прозвучало единственное слово... У входа в нору низкий, хриплый голос Джареда как-то по-детски спросил:

— Мел?

Глава 30

Сдержанность

— Мел? — повторил Джаред, и надежда, которую он так хотел скрыть, окрасила его голос.

Меня душили слезы — я еще не оправилась от потрясения.

— Это же ради тебя, Мел. Ты же знаешь. Не ради этой твари. Ты же знаешь, я целовал не ее.

Всхлипы перешли в рыдания. Почему у меня не получается заткнуться? Я попробовала задержать дыхание.

— Если ты там, Мел... — Он замолчал.

Мелани ненавидела это «если». Наружу вырвался всхлип, я словно хватала ртом воздух.

— Я люблю тебя, Мел, — сказал Джаред. — Даже если тебя там нет, даже если ты меня не слышишь. Я тебя люблю.

Я сдержала дыхание, до крови закусив губу. Физическая боль несколько отвлекала.

Снаружи стало тихо. Я наконец взяла себя в руки и тоже стихла, внимательно прислушалась, сосредоточилась на том, что могла услышать. Я не думала ни о чем, не издавала ни звука.

Тело мое изогнулось в чудовищной, невообразимой позе: голова в самом низу, правая щека прижата к шершавому каменному полу, плечи вдавлены в край коробки, правое — чуть выше. Ноги торчат под разными углами, правая икра уперлась в потолок. Борьба с коробками не прошла даром: по всему телу расплывались синяки. Придется объяснять Иену и Джейми, что я сама себя разукрасила. А как им объяснишь? Признаться, что Джаред поцеловал меня ради эксперимента: подопытному кролику всадили заряд тока и наблюдают за ним?!

И сколько еще мне вот так здесь торчать? Шуметь не хотелось, но спина, казалось, вот-вот не выдержит и сломается. С каждой секундой боль становилась невыносимее. Чем дольше, тем сложнее было ее терпеть. К горлу подкатывал стон.

Мелани было нечего мне сказать. Ярость и облегчение — вот что она чувствовала. Джаред разговаривал с ней! Он поверил в то, что она существует, сказал ей, что любит ее. Но поцеловал-то он меня. Мелани пыталась себя убедить, что переживать не стоит, что на то имелись свои

причины, и на самом деле этот поцелуй был вовсе не тем, чем казался. Ее попытки особым успехом не увенчались. Ее внутренний монолог предназначался не мне: она не желала со мной разговаривать и в прямом смысле от меня отгородилась.

Я ощутила непривычную злость. Не такую, как в начале, когда я боялась Мелани и мечтала, чтобы ее удалили из моего сознания. Нет, я тоже чувствовала, что меня предали. Как она могла винить меня в случившемся? Это же глупо! Нет моей вины в том, что я влюбилась в воспоминания, которыми Мелани же меня и пичкала, что пошла на поводу у этого необузданного тела? Я переживала за Мелани, а вот ей было на меня наплевать. Более того, она злорадствовала. Люди злы.

В тишине у меня по щекам струились слезы, но куда спокойнее, чем раньше. Враждебность Мелани вскипала в моем сознании.

Внезапная невыносимая боль в согнутой, покрытой синяками спине стала последней каплей, переполнившей чашу терпения.

— М-м, — прокряхтела я и оперлась о камень и картон, пытаюсь разогнуться.

Плевать на шум, нужно отсюда выбираться поскорее. Я поклялась себе, что больше никогда не пересеку порог этой проклятой дыры, лучше умру. В буквальном смысле.

Выбраться наружу оказалось гораздо сложнее, чем залезть внутрь. Я крутилась и вертелась, пока не изогнулась, будто скрученный калач, и заплакала, как ребенок, испугавшись, что застряла здесь навсегда.

Мелани со вздохом посоветовала: «Цепляйся ступней за край и оттолкнись посильнее».

Я ее проигнорировала, стараясь протиснуть туловище мимо особенно острого угла. Угол врезался под ребра.

«Не вредничай», — проворчала она.

«Кто бы говорил!»

«Ладно. — Она помедлила, а затем уступила: — Ладно, прости. Честно. Слушай, я человек. Иногда перегибаю палку. Мы не всегда мыслим правильно, да и поступаем тоже». — В ее голосе слышалось сожаление, но она пыталась забыть тот поцелуй, простить его мне — по крайней мере, ей так казалось.

Я уперлась ногой в край и дернула. Коленка уткнулась в пол. Я воспользовалась ею как рычагом и отцепила ребра с острого угла. Стало проще вытащить другую ногу и дернуть еще раз. Руки нащупали пол, я протолкнулась наружу, словно младенец, рождающийся ногами вперед, и вывалилась на темно-зеленый матрас. С минуту я лежала ничком, пытаюсь

отдышаться. Джаред наверняка давным-давно ушел. Я размеренно вдыхала и выдыхала, пока не почувствовала, что готова поднять голову.

Пещера была пуста. Я вздохнула с облегчением, скрывая грусть. Хорошо, что я осталась одна — не так унижительно.

Я свернулась калачиком, спрятала лицо в вонючий матрас. Спать не хотелось, но усталость брала свое. Джаред отверг меня, и это давило тяжким грузом, отнимало силы. Я закрыла глаза и решила думать о вещах, от которых на глаза не наворачиваются слезы — о чем угодно, только не о потрясении, написанном на лице Джареда, когда он от меня отпрянул...

Интересно, что делает Джейми? Он знает, что я тут, или ищет меня? Иена сейчас не добудишься, он был так измотан... А Кайл? Что, если он проснется и начнет поиски? Где Джеб? Я целый день его не видела... Неужели док и вправду напился до беспамятства? На него это не похоже...

Я медленно очнулась, разбуженная ворчанием в желудке. Несколько минут я тихо лежала. День сейчас или ночь? Сколько времени я проспала?

Желудок настойчиво требовал еды, и я встала на колени. Судя по тому, как сильно я проголодалась, спала я долго — наверное, и обед, и ужин пропустила. Я подумала, не съесть ли что-нибудь из хранящихся здесь запасов — в конце концов, я учинила такой разгром, что наверняка найдутся испорченные упаковки. Но осознание этого факта лишь усугубило чувство вины. Лучше уж сходить на кухню за хлебом.

Сквозь огромную боль, что терзала сердце, свербила боль маленькая: я столько времени здесь провела и никто не забеспокоился, не пришел за мной... Какая глупость! С какой стати им за меня переживать?

У входа в пещеру с большим огородом, спиной к человеческому миру, сидел Джейми и ждал меня! Я вздохнула с облегчением. Мои глаза прояснились, и его тоже. С просветлевшим лицом мальчик поднялся на ноги.

— Все хорошо, — сказал Джейми. Хотелось бы мне, чтобы он оказался прав. Он затараторил, перескакивая с одной мысли на другую. — То есть я-то Джареду поверил, а он сказал, что ты хочешь побыть одна, а Джеб сказал, что к тебе нельзя, вот я и остался тут, чтобы быть у него на глазах, и хотя я не думал, что с тобой случилось что-то плохое, все равно в голову лезли всякие мысли, понимаешь?

— Со мной все в порядке. — Я протянула руки, ища утешения. Джейми обнял меня, и я с удивлением обнаружила, что его голова достает мне до плеча.

— У тебя глаза покраснели, — прошептал он. — Он тебя обидел?

— Нет. — В конце концов, нельзя же сказать, что люди намеренно

жестоки с лабораторными крысами — они лишь пытаются получить необходимые данные.

— Не знаю, что ты ему сказала, но кажется, он нам поверил. Ну, про Мел. Как она?

— Она рада, что Джаред поверил. — Джейми удовлетворенно кивнул.

— А ты?

Я растерялась, подыскивая правильный ответ.

— Мне легче сказать правду, чем соврать.

Моя отговорка, кажется, вполне его удовлетворила. Пещеру с огородом озарял угасающий красный свет — над пустыней садилось солнце.

— Я хочу есть, — сообщила я.

— А я так и знал. Вот, кое-какую еду тебе припас. — Я вздохнула.

— Обойдусь и хлебом.

— Анни, прекращай. Иен говорит, ты о себе совсем не думаешь.

Я скривилась.

— Мне кажется, он прав, — промямлил Джейми. — Ты будешь здесь чужой, пока сама так считаешь... Даже если все остальные тебе рады.

— Я всегда буду здесь чужой. И никому я здесь не нужна.

— Мне нужна.

Я не стала спорить, хотя Джейми и ошибался. Нет, он не врал, он искренне верил в то, что говорил, — только вот нужна была ему Мелани. Просто он нас не разделял, хотя должен был бы...

На кухне Труди и Хайди пекли хлеб, по очереди кусая ярко-зеленое сочное яблоко.

— Рада тебя видеть, Анни, — искренне сказала Труди, прикрыв рот рукой: она дожевывала последний кусок. Хайди кивнула, с яблоком в зубах. Джейми толкнул меня в бок: мол, что я тебе говорил? Элементарную вежливость он в расчет не принимал.

— Где ее порция? — первым делом спросил он.

— Все тут. — Труди выудила из печи металлический поднос. — Чтобы не остыло. Наверное, черствое как подметка, но хоть так... все равно лучше, чем обычная наша еда.

С подноса на меня глядел внушительный кусок сочного мяса. У меня потекли слюнки, и я с огромным трудом возразила:

— Здесь слишком много.

— Все, что портится, нужно съесть в первый день, — подбодрил Джейми. — Все едят, пока не затошнит — традиция такая.

— Тебе нужен белок, — добавила Труди. — Мы слишком долго на «пещерном» рационе. Странно, что все еще относительно здоровы.

Я принялась за свой белок, в то время как орлиный взор Джейми провожал каждый кусок от подноса до моего рта. Чтобы сделать мальчику приятное, я съела все до последней крошки — аж живот заболел. К концу моей трапезы на кухню снова потянулся народ, хотя давным-давно стемнело и время ужина прошло. Некоторые держали в руках яблоки — и каждый делил свое яблоко с кем-то еще. Множество глаз с любопытством разглядывали ссадину на моей щеке.

— Что за собрание? — шепотом поинтересовалась я у Джейми.

Джейми наградил меня непонимающим взглядом.

— Твой урок. — Его тон как бы подразумевал «само собой».

— Ты меня разыгрываешь?

— Я же тебе говорил, ничего не изменилось.

Я оглядела узкую комнату. Да, не густо. Отсутствовал док, не было участников вылазки — а значит, и Пейдж тоже. Джеб, Иен, Уолтер. Я недосчиталась еще нескольких: Трэвиса, Кэрол, Рут-Энн. Впрочем, учитывая события минувшего дня, которые кого угодно могли выбить из привычной колеи, слушателей оказалось больше, чем я думала.

— Давайте про Дельфинов, с того места, где мы остановились? — Уэс прервал мои размышления. Он вовсе не горел желанием разузнать побольше о жизни инопланетных видов, а лишь пытался растопить лед.

Все выжидающе смотрели на меня. Видимо, не так уж все и изменилось.

Я взяла из рук Хайди поднос с булочками, повернулась, чтобы поставить его в печь, и начала урок, спиной к слушателям.

— Так вот... Г-м-м... Третья группа бабушек и дедушек... Традиционно они работают на благо общества, на свой лад. На Земле их бы назвали добытчиками, теми, кто содержит семью. В основном это фермеры. Они выращивают фитоморфную культуру, из которой извлекают...

И жизнь пошла своим чередом.

Джейми попытался было отговорить меня спать в кладовой, но вскоре оставил попытки. Для меня просто не находилось другого места. Тем не менее мальчик упрямо заявил, что будет спать там же, где и я. Джареду это наверняка не понравилось, но подтвердить мои догадки не удалось, поскольку ни в эту ночь, ни на следующий день я с Джаредом не сталкивалась.

После того как шестеро участников похода вернулись домой, заниматься обычными делами стало для меня непросто: совсем как в те времена, когда Джеб впервые навязывал людям мое общество, — враждебные взгляды, напряженное молчание. Впрочем, добытчикам

приходилось труднее, чем мне, — я-то уже привыкла, а вот для них стало большим сюрпризом то, как ко мне относились другие. Например, я помогала со сбором кукурузы, и Лили улыбкой поблагодарила меня за принесенную корзину. У Энди глаза полезли на лоб. Как-то раз мы с Трудि и Хайди ждали очереди в купальне, и Хайди принялась возиться с моими волосами, которые отросли и постоянно лезли в глаза. Я хотела их остричь, а Хайди пыталась подобрать мне прическу, перебирая прядки и прилаживая их так и эдак. Тут из купальни вышли Брандт и Аарон. Аарон был самым старшим из участников похода, я его раньше вообще не встречала. Трудि от всей души хохотала над очередным безумием, которое Хайди соорудила на моей бедной голове, а мужчины слегка позеленели и молча прошли мимо.

Разумеется, все это были пустяки по сравнению с рыщущим по пещерам Кайлом. Несмотря на ясный приказ оставить меня в покое, он всем своим видом давал понять, как относится к подобным запретам. К счастью, меня все время окружали люди. Кто знает, как бы Кайл повел себя, окажись я одна? Проходя мимо, он всегда злобно на меня косился, толстые пальцы бессознательно сжимались в кулаки. Страх и паника первых недель в пещерах вернулись, и возможно, я бы им поддавалась — снова начала бы прятаться, избегать открытых мест, — если бы не события, которые для меня стали важнее кровожадных взглядов Кайла.

Люди снова стекались на кухню — даже не знаю, что привлекало их больше: мои истории или шоколадные батончики, которые раздавал Джеб. Я отказалась от лакомства, объяснив недовольному Джейми, что не могу рассказывать и жевать одновременно, — впрочем, упрямый мальчишка все равно припас для меня батончик. Иен занял привычное горячее место у самого огня. Энди пришел с Пейдж и опасливо косился на меня. Остальные участники вылазки, включая Джареда, разумеется, отсутствовали. Док также не явился: возможно, все еще был пьян, или его мучило похмелье. Я в очередной раз не увидела среди слушателей Уолтера.

Впервые задал вопросы Джеффри, муж Труди. Мне было очень приятно, что он присоединился к числу людей, которые меня выносили. Только вот, к сожалению, я не сумела толком ответить на его вопросы, которые напомнили мне вопросы дока.

— Я мало что знаю о технике Исцеления, — призналась я. — Ни разу не обращалась к Целителям, с тех пор как... с тех пор как сюда попала. Я не болела. Знаю одно: мы не выбираем планету, пока не убедимся, что сможем поддерживать тела носителей в идеальном состоянии. Лечится все: от простых порезов и переломов до серьезных заболеваний. Единственной причиной смерти остается старость. Даже здоровые человеческие тела не в

состоянии служить дольше отмеренного срока. Полагаю, невозможно также полностью исключить несчастные случаи, хотя с Душами они происходят гораздо реже. Мы осторожны.

— Вооруженных людей «несчастливым случаем» не назовешь, — пробормотал кто-то. Я переворачивала выпечку и не видела говорившего, и голос тоже не узнала.

— Да, разумеется, — спокойно согласилась я.

— Значит, ты не в курсе, как лечить болезни? — настаивал Джеффри. — А о лекарствах ты что-нибудь знаешь?

Я покачала головой.

— К сожалению, нет. У меня был доступ к информации, но я не слишком-то этим интересовалась. Боюсь, я относилась к таким вещам как к чему-то само собой разумеющемуся. На планетах, где я жила, на здоровье никто не жаловался.

Красные щеки Джеффри вспыхнули ярче обычного. Он опустил глаза и сердито поджал губы. Чем я его обидела?

Хит похлопал Джеффри по руке. В комнате повисло тяжелое молчание.

— М-м... насчет Стервятников... — Иен вымученно попытался сменить тему. — Не знаю, может, я прослушал... ты говорила, что добрыми их не назовешь. Что это значит?...

Я этого не объясняла, впрочем, и Иен, судя по всему, не горел желанием услышать ответ — просто спросил первое, что пришло в голову.

Мой урок закончился раньше обычного. Вопросов приходилось ждать подолгу, и большую часть задавали Иен или Джейми. После вопросов Джеффри остальные погрузились в тягостное раздумье.

— Что ж, завтра вставать ни свет ни заря, работы невпроворот... — прервал очередную неловкую паузу Джеб, давая понять, что можно расходиться. Люди вставали с мест, потягиваясь и разговаривая вполголоса — не как обычно.

— Что я такого сказала? — шепотом спросила я у Иена.

— Ничего. Они задумались о смерти. — Он вздохнул. Мой человеческий мозг вдруг посетило одно из тех озарений, которые называют интуицией.

— Где Уолтер? — спросила я по-прежнему шепотом. Иен снова вздохнул.

— Он в южном крыле. Он... ему нездоровится.

— Почему мне никто не сказал?

— В последнее время тебе... приходилось непросто... Поэтому...

Я нетерпеливо замотала головой.

— Что с ним?

Подошел Джейми, взял меня за руку.

— У Уолтера крошатся кости, — вполголоса сказал он. — Док уверен, что это рак. Финальная стадия, так он сказал.

— Судя по всему, Уолт долгое время скрывал, что ему больно, — мрачно добавил Иен.

Я поморщилась.

— И ничего нельзя сделать? Совсем ничего?

Иен покачал головой, не сводя с меня горящих глаз.

— Мы сделать ничего не можем. Даже если бы мы не торчали здесь, ему все равно ничем нельзя было бы помочь. Мы не умеем лечить эту болезнь.

Я закусила губу, едва сдержавшись, чтобы не высказать мысль, уже готовую сорваться с языка... Разумеется, Уолтеру уже ничем не помочь. Любой из этих людей предпочтет медленную и мучительную смерть, но не уступит свой разум в обмен на лекарство для тела. Я могла их понять... теперь могла.

— Он все время зовет тебя, — продолжил Иен. — То есть иногда он произносит твоё имя; сложно сказать, что он имеет в виду. Док накачал его виски, чтобы заглушить боль.

— Док ужасно переживает, что сам так много пьет, — добавил Джейми. — Тяжелые времена. Хуже некуда.

— Могу я с ним повидаться? — спросила я. — Или остальные будут против? — Иен нахмурился и фыркнул. — Может, кого-нибудь это расстроит?

— Да какая разница? — Иен покачал головой. — Если таково последнее желание Уолта...

— Ты прав, — согласилась я. От слова «последнее» глаза защемило. — Раз Уолтер хочет меня видеть, то не имеет значения, что подумают другие, даже если это кому-то не понравится.

— Не волнуйся. Я тебя в обиду не дам. — Побелевшие губы Иена сложились в тонкую линию.

Мне вдруг стало тревожно, ужасно захотелось посмотреть на часы. Время, которое давно перестало что-то для меня значить, напомнило о себе.

— Еще не слишком поздно? Мы его не потревожим?

— Он спит урывками. Пойдем...

Я сорвалась с места, утягивая за собой Джейми, который все еще цеплялся мне за руку. Меня подгоняло чувство утекающего сквозь пальцы,

как песок, времени, предрешенности и неизбежности конца. Иен быстро догнал меня и пошел рядом.

Мы прошли через озаренную лунным светом пещеру с огородом, где на нас никто не обратил внимания. Меня часто видели в компании Иена и Джейми, и никого не заинтересовала необычность нашего маршрута. Единственным исключением стал Кайл, который застыл на полушаге, завидев брата, идущего рядом со мной. Взгляд его метнулся к руке Джейми, сжимавшей мою, рот злобно ощерился.

Заметив Кайла, Иен расправил плечи — губы, как в зеркале, повторили гримасу брата — и потянулся к моей свободной руке. Кайл притворился, что его вот-вот стошнит, и отвернулся.

В темноте длинного южного туннеля я попыталась высвободить руку, но Иен усилил хватку.

— Не зли его, — пробормотала я.

— Кайл заблуждается. У него, знаешь ли, это вошло в привычку — заблуждаться. Пройдет немало времени, прежде чем он смирится, но это не значит, что он может рассчитывать на поблажки.

— Я его боюсь, — шепотом призналась я. — Не хочу, чтобы у него появился еще один повод для ненависти.

Иен и Джейми сжали мне руки и заговорили одновременно:

— Не бойся, — произнес Джейми.

— Джеб ясно дал понять... — сказал Иен.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я.

— Если Кайл не согласен с правилами Джеба, ему здесь не место.

— Но это же неправильно. Тут его дом.

— Раз он остался... — проворчал Иен, — пусть учится держать слово.

Мы молчали весь остаток пути. Я привычно ощутила свою вину, а вместе с ней — страх и разочарование. Зачем я здесь?

«Потому что здесь твой дом, как ни странно, — прошептала Мелани. Она ощущала тепло рук Иена и Джейми, крепко сплетенных с моими. — Где еще у тебя будет такое?»

«Нигде, — призналась я и окончательно раскисла. — Только это не значит, что здесь мой дом. Твой — да, но не мой».

«Мы с тобой в одной упряжке». «Не напоминай».

Я слышала ее необычайно ясно. Последние два дня Мелани вела себя тихо, выжидая и тревожась, в надежде снова увидеть Джареда. Разумеется, я тревожилась не меньше.

«Может быть, он с Уолтером», — с надеждой подумала она.

«Мы не за этим туда идем».

«Естественно». — В ее тоне слышалось раскаяние, но я поняла, что Уолтер значит для нее куда меньше, чем для меня. Естественно, ей было грустно, что он умрет, только вот она с самого начала смирилась с подобным исходом. Я же никак не могла принять его смерть, даже сейчас. Уолтер был моим другом, не ее. Он защищал меня.

В больничном крыле нас встретил привычный тусклый свет лампы (теперь я знала, что они работают на солнечных батареях, которые днем подзаряжали на свету). Мы дружно зашагали быстрее, и одновременно, не сговариваясь, замедлили шаг.

Я ненавидела эту комнату. Голубоватый полумрак и странные тени от тусклой лампы делали ее зловещей. Здесь даже пахло иначе: удушливый запах долгой болезни, смешанный с жутким перегаром.

С края одной койки свисали ноги похрапывающего дока. Уолтер, высохший и страшно изнуренный, наблюдал за нашим приближением с другой койки.

— Принимаешь посетителей, Уолт? — прошептал Иен. Взгляд Уолтера скользнул в его сторону.

— М-м, — простонал он. На безжизненном лице слабо зашевелились губы, кожа влажно поблескивала в свете ночника.

— Тебе что-нибудь нужно? — прошептала я и высвободила беспомощно повисшие руки.

Глаза под полуопущенными веками шарили в темноте. Я шагнула чуть ближе.

— Я могу хоть что-то для тебя сделать? Хоть что-нибудь?

Блуждающий взгляд Уолтера упал на мое лицо. Сквозь боль и пьяный угар в глазах блеснула надежда.

— Наконец-то, — прерывисто, хрипло выдохнул он. — Я верил, что ты придешь, я так ждал... О, Глэдис, мне столько всего нужно тебе рассказать.

Глава 31

Необходимость

Я недоуменно замерла, а затем быстро обернулась, проверяя, кто стоит сзади.

— Он жену зовет, — едва слышно прошептал Джейми. — Ее поймали.

— Глэдис, — обратился ко мне Уолтер, не замечая моей реакции. — Представляешь, меня угораздило где-то подхватить рак. Ну ты подумай, а! В жизни ни одного больничного не брал... — Голос его становился все тише и тише, пока не замолк совсем, хотя губы продолжали шевелиться. Он так ослабел, что не мог поднять руку, и его пальцы бессильно тянулись к краю койки, поближе ко мне.

Иен подтолкнул меня.

— Что мне делать? — выдохнула я. Выступивший на лбу пот не имел никакого отношения к влажной жаре.

— ...Дед до ста одного годка дожил, — прохрипел умирающий. — Ни у кого в семье не было рака, даже у двоюродных братьев и сестер. Хотя, кажется, у твоей тети Реган был рак кожи?

Он доверчиво взглянул на меня в ожидании ответа. Иен ткнул меня в спину.

— Хм... — промычала я.

— Или это была тетя Билла...

Я в панике метнула взгляд на Иена, но тот лишь пожал плечами.

— Помоги, — одними губами прошептала я.

Он пододвинулся ко мне и перехватил ищущие пальцы Уолтера.

Под побледневшей, прозрачной кожей на тыльной стороне ладони Уолтера слабо пульсировали синие жилки. Осторожно, помня о том, что Джейми сказал про хрупкость крошащихся костей, я коснулась его руки: ладонь невесомая, словно кости внутри полые.

— Ах, Глэдис, как же я по тебе соскучился! Тут хорошо, тебе понравится, даже когда меня уже не будет. Столько людей, с которыми можно поговорить. Ведь ты у меня болтушка... — Голос постепенно стих, сошел на нет, как будто кто-то подкрутил ручку громкости до минимума. Только губы все шевелились, проговаривая слова, обращенные к жене. Рот Уолтера двигался даже после того, как глаза закрылись, а голова скатилась набок.

Иен нашел влажную тряпку и провел ею по блестящему от пота лицу.

— Я не сильна в... искусстве обмана, — прошептала я, не сводя глаз с лепечущих губ умирающего. — Не хочу его расстраивать.

— Тебе не нужно ничего говорить, — успокоил меня Иен. — Он в полубреду.

— Я на нее похожа?

— Ни капли, я видел фотографию. Она рыжая и маленького роста.

— Дай-ка сюда...

Иен передал мне тряпку, и я принялась промокать пот с шеи Уолтера. Заняв руки, я чуть успокоилась. Уолтер продолжал бубнить. Мне показалось, я слышу слова: «Спасибо, Глэдис, так хорошо». Храп дока как-то незаметно прекратился. Внезапно сзади зазвучал знакомый мягкий голос.

— Как он?

— Бредит, — прошептал Иен. — Может, из-за бренди, а может, из-за боли.

— Из-за боли, полагаю. Эх, правой руки не пожалел бы за несколько ампул морфина.

— Может быть, Джаред явит нам еще одно чудо, — прошептал Иен.

— Может быть, — вздохнул док.

Я рассеянно обтирала бледное лицо Уолтера, прислушиваясь из всех сил, но больше они о Джареде не говорили.

«Здесь его нет», — прошептала Мелани. «Ищет лекарство», — согласилась я. «Один», — добавила она.

Я подумала о нашей последней встрече: поцелуй... и как он поверил...

«Наверное, ему нужно побыть одному».

«Надеюсь, он не попытается убедить себя, что ты талантливая актриса и Ищейка в одном лице...»

«Очень даже может быть...» — Мелани тихонько застонала.

Иен с доком негромко перешептывались на посторонние темы — в основном Иен вводил доктора в курс произошедших в пещерах событий.

— Что у Анни с лицом? — шепнул док, но я прекрасно разобрала слова.

— Все то же самое, — глухо произнес Иен. Док недовольно хмыкнул и щелкнул языком.

Иен рассказал ему о сегодняшнем трудном уроке, о вопросах Джеффри.

— Вот если бы в Мелани вселили Целителя... — протянул доктор.

Я вздрогнула, но они стояли сзади и вряд ли заметили.

— С Анни нам повезло, — шепнул в мою защиту Иен. — Никто

другой бы не...

— Знаю, — добродушно перебил доктор. — Жаль только, что Анни совсем не интересовалась медициной.

— Простите, — промямлила я. Бездумно пользуясь преимуществами прекрасного здоровья, я никогда не интересовалась причинами.

Мне на плечо легла рука.

— Тебе не за что просить прощения, — сказал Иен.

Я оглянулась: Джейми свернулся калачиком на койке, где недавно дремал док.

— Уже поздно, — отметил док. — Уолтер никуда не денется, а вам нужно поспать.

— Мы вернемся, — пообещал Иен. — Скажи, что вам принести.

Я осторожно отпустила руку Уолтера, погладила ее. Его глаза распахнулись, в них горела тревога.

— Уходишь? — прохрипел он. — Уже, так быстро? — Я снова взяла его за руку.

— Нет нет, я тут, с тобой.

Он улыбнулся и закрыл глаза. Хрупкие пальцы с силой сжали мне руку. Иен вздохнул.

— Иди, — обратилась к нему я. — Я тебя отпускаю. — Иен оглядел помещение.

— Секундочку! — Он ухватился за ближайшую койку, без труда приподнял легкую раму и перетащил поближе к постели Уолтера. Стараясь не задеть Уолтера, я вытянула руку, показывая, куда ставить. Иен с той же легкостью подхватил меня и усадил на придвинутую койку. Веки Уолтера не дрогнули. Я тихонько охнула: Иен обращался со мной так по-свойски, словно я была человеком.

Иен дернул подбородком в сторону ладони Уолтера, обхватившей мою.

— Заснуть сможешь?

— Да, конечно.

— Тогда сладких снов. — Он наградил меня улыбкой, повернулся и поднял Джейми с соседней койки.

— Пойдем, — пробормотал Иен, легко, будто младенца, унося мальчика на руках. Тихие шаги растворились в тишине.

Док зевнул, прихватил с собой тусклую лампу и направился к самодельному столу, сооруженному из деревянных клетей и алюминиевой дверцы. В темноте лица Уолтера было не разглядеть, словно он уже умер. Я занервничала, но жесткие пальцы по-прежнему крепко сжимали мои, и беспокойство улеглось.

Док возился с бумагами на столе, еле слышно напевая себе под нос. Под тихий шелест страниц я задремала.

Утром Уолтер меня узнал.

Иен вернулся за мной — нужно было убрать сухие стебли с кукурузного поля. Я пообещала принести завтрак доку и, как ни оттягивала этот момент, в конце концов аккуратно высвободила онемевшие пальцы из хватки Уолтера. Его глаза распахнулись.

— Анни, — прошептал он.

— Уолтер? — Я точно не знала, как долго он сохранит ясность сознания и осталась ли у него в памяти прошлая ночь. Его рука хваталась за воздух, поэтому я протянула ему левую ладонь: правая совсем онемела.

— Ты пришла меня навестить. Так приятно. Теперь, когда... остальные вернулись... должно быть, тяжело... знаю... Лицо у тебя...

Его губы с трудом выговаривали слова, а взгляд никак не мог сфокусироваться. Как это было похоже на Уолтера: в первых же словах, обращенных ко мне, слышалась забота.

— Все хорошо, Уолтер. Как ты себя чувствуешь?

— М-м-м... — Он тихонько застонал. — Не очень... Док?

— Я здесь, — пробормотал доктор у меня над ухом.

— Есть еще выпить? — просипел Уолтер.

— Конечно.

Док поднес горлышко бутылки к слабым губам Уолтера и осторожно наклонил: темно-коричневая жидкость тонкой струйкой полилась в рот. Уолтер морщился при каждом глотке, обжигаящем гортань. Часть жидкости стекала из уголка рта по подбородку и на подушку.

— Лучше? — спустя долгое время поинтересовался док.

Уолтер что-то невнятно промычал в ответ и закрыл глаза.

— Еще? — спросил доктор. Уолтер скривился и застонал. Док едва слышно выругался.

— Где же Джаред? — пробормотал он.

Услышав знакомое имя, я напряглась. Мелани встrepенулась и снова задремала. Лицо Уолтера обмякло, голова откинулась назад.

— Уолтер? — прошептала я.

— Потерял сознание от боли. Так даже лучше... — сказал доктор.

К горлу подкатил ком.

— Что мне делать?

В голосе дока сквозило отчаяние:

— То же, что и мне. А именно — ни-че-го. Я бессилен.

— Не переживай ты так, — пробормотал Иен. — Твоей вины здесь

нет. В мире многое изменилось. Никто не ждет от тебя невозможного.

Я обреченно сторбилась. Да, в их мире многое изменилось.

Мне в плечо ткнулся палец.

— Пойдем, — прошептал Иен.

Я кивнула и попыталась высвободить руку. Веки Уолтера приподнялись, невидящий взгляд смотрел на меня.

— Глэдис? Ты тут? — В голосе умирающего звучала мольба.

— Э-э... тут, — нетвердо произнесла я, чувствуя, как его пальцы вновь переплетаются с моими.

Иен пожал плечами.

— Я принесу вам еды, — прошептал он и вышел из комнаты.

Я нервничала, ожидая возвращения Иена: Уолтер принимал меня за жену, снова и снова бормотал ее имя, хотя, похоже, ничего от меня не хотел, за что я была ему признательна. Прошло около получаса, и я нетерпеливо вслушивалась в звук шагов, не понимая, что задержало Иена.

Все это время док стоял у стола, вперив взгляд в пустоту. Каким же беспомощным он себя чувствовал!

И тут послышался какой-то звук — не шаги.

— Что это? — шепотом спросила я у дока. Уолтер снова затих — возможно, впал в беспамятство, — и мне не хотелось его тревожить.

Док склонил голову набок и тоже прислушался.

Непривычный тарахтящий звук, быстрое, монотонное гудение. Мне показалось, оно стало громче, а потом вдруг вновь стихло.

— Странно. Похоже на... — Доктор замолчал и сосредоточенно наморщил лоб: незнакомый гул удалялся.

Мы напряженно вслушивались и различили приближающиеся шаги. Только это была не размеренная, неторопливая походка Иена. Кто-то бежал — нет, неся со всех ног.

Док немедленно отреагировал на опасность и выскочил навстречу. Я сгорала от любопытства, но мне не хотелось убирать руку и расстраивать Уолтера. Оставалось лишь слушать.

— В чем дело, Брандт? — удивленно спросил док.

— Где она? Где тварь? — послышался запыхавшийся мужской голос.

Бег прервался и возобновился снова, чуть медленнее.

— О чем ты? — окликнул доктор у самой двери.

— О паразите! — нетерпеливо прошипел Брандт, врываясь в арочный проем.

Брандт уступал в росте Кайлу или Иену. Всего на несколько дюймов выше меня, он был толстым и крепким, как носорог. Беспокорными

глазами Брандт прочесал комнату, на миг задержал взгляд на моем лице, глянул на лежащего без сознания Уолтера, еще раз оглядел помещение и уставился на меня. Он собрался было шагнуть в мою сторону, но тут доктор нагнал его и вцепился ему в плечо.

— Что ты делаешь? — Голос дока походил на рычание.

Внезапно странный гул вернулся, то затихая, то становясь оглушительно-громким, то стихая вновь. Мы замерли. Тарахтящий гул нарастал, сотрясая воздух.

— Это... вертолет? — шепотом спросил док.

— Да, — прошептал Брандт. — Ищейка — та самая, что искала эту тварь. — Он мотнул головой в мою сторону.

У меня вдруг сжалось горло — дыхание перехватило, закружилась голова.

«Нет. Только не сейчас. Не надо».

«Да что ж ей неймется-то? — заворчала в моей голове Мел. — Почему она не оставит нас в покое?» «Она не должна до них добраться». «Но как нам ее остановить?» «Не знаю! Это я во всем виновата!» «Я тоже, Анни. Мы обе».

— Ты уверен? — спросил док.

— Вертолет завис, Кайл его в бинокль разглядел. Тот же вертолет, что и в прошлый раз.

— Над нами завис? — Док ужаснулся. — Где Шэрон? — Брандт покачал головой.

— Вертолет прочесывает местность в разных направлениях от Пикачо. Похоже, ищет вслепую. Нарезает круги над местом, где мы закопали машину.

— Где Шэрон? — снова спросил док.

— Она с детьми и Люсиной. Все в порядке. Ребята начали паковаться на случай, если придется переезжать, но Джеб говорит, что это маловероятно.

Док выдохнул, медленно подошел к столу и облокотился на него, тяжело дыша, словно только что пробежал стометровку.

— Значит, ничего нового, — пробормотал он.

— Угу. Но на несколько дней придется залечь, — предупредил Брандт. Его взгляд снова шарил по комнате, то и дело возвращаясь ко мне.

— Есть под рукой веревка? — Брандт сдернул простыню с незанятой койки и теперь вертел ее в руках.

— Веревка? — непонимающе отозвался док.

— Для паразитки. Кайл велел ее связать.

По моему телу прокатилась судорога; я непроизвольно сжала пальцы Уолтера, и он захныкал. Я постаралась расслабить мышцы, не спуская глаз с сурового лица Брандта. Тот выжидающе смотрел на дока.

— Ты явился сюда, чтобы связать Анни? — жестко спросил доктор. — А с какой стати вы решили, что это понадобится?

— Ладно тебе, док, не дури. У тебя тут полно трещин в потолке и металлических поверхностей. — Брандт указал на шкаф у дальней стены. — Стоит тебе на минуту отвлечься, и эта тварь подаст сигнал Ищейке.

Я едва не задохнулась от обиды и с громким шумом втянула воздух.

— Видишь? — оживился Брандт. — Расстроилась, что ее план разгадали.

Я готова была погибнуть в пустыне, лишь бы скрыться от неумолимого взгляда выпученных глаз моей Ищейки, а Брандт считает, что я приведу ее сюда, погублю Джейми, Джареда, Джеба, Иена... Я чуть не поперхнулась.

— Ступай, Брандт, — ледяным тоном заявил док. — Я присмотрю за Анни.

Брандт разозлился:

— Да что с вами, ребята? С тобой, с Иеном, с Трудю, с остальными? Загипнотизировала она вас, что ли? Если б не ваши глаза, я бы подумал...

— Ступай и думай, сколько тебе влезет. Только, желательно, где-нибудь подальше отсюда.

Брандт мотнул головой.

— Что приказано, то и делаю.

Док скрестил руки на груди и встал между мной и Брандтом.

— Ты к ней не прикоснешься.

Вдали затарахтели, приближаясь, лопасти вертолета. Мы замерли и затаили дыхание, дожидаясь, пока стихнет гул.

Наконец звук вертолета умолк. Брандт еще раз покачал головой, подошел к столу дока, передвинул стул к стене возле шкафа и плюхнулся на сиденье всем весом. Металлические ножки заскрежетали о камень. Брандт нагнулся вперед, положил руки на колени и уставился на меня, как стервятник, который дожидается последнего вздоха умирающей жертвы.

Доктор стиснул челюсти.

— Глэдис, — пробормотал Уолтер, выныривая из полудремы. — Ты здесь.

Под неотрывным взглядом Брандта я осторожно погладила пальцы умирающего. Уолтер затуманенным взглядом всматривался мне в лицо,

видя несуществующие черты.

— Больно, Глэдис. Так больно.

— Знаю, — прошептала я. — Док? — Доктор уже стоял рядом с бренди наготове.

— Открой рот, Уолтер.

Где-то вдали — и в то же время слишком близко — затарахтел вертолет. Док вздрогнул, и бренди пролилось мне на руку.

Это был ужасный день, худший день моей жизни на этой планете: хуже, чем первый день в пещерах и даже хуже, чем последний знойный день в раскаленной пустыне в ожидании смерти.

Вертолет все кружил и кружил. Иногда наступала тишина, и казалось, что кошмар закончился. Но звук неумолимо возвращался, и перед глазами вставало упрямое лицо Ищейки, глаза навывкате, прочесывающие пустыню в поисках малейших признаков человеческого присутствия. Я попыталась отогнать навязчивый образ и сосредоточилась на воспоминаниях о бесцветном однообразном пейзаже пустыни, словно мои мысли могли передаться Ищейке, нагнать тоску и заставить улететь.

Брандт не сводил с меня подозрительного взгляда. Я все время его чувствовала, хотя почти не смотрела на Брандта. Иен вернулся, принес одновременно и завтрак, и обед. Стало чуть легче. Иен перепачкался, пока упаковывал вещи, готовясь к эвакуации — что бы это ни означало. Куда им было податься? Брандт в двух словах объяснил, зачем пришел. Иен так разозлился, что стал похож на Кайла. Он притащил еще одну койку и сел рядом со мной, заслонив меня от Брандта.

И вертолет, и Брандта с его недоверием можно было вытерпеть. В обычный день — если он еще когда-нибудь настанет, обычный день, — любая из этих двух неприятностей доставила бы мне невообразимые мучения. Сегодня же они не значили ничего.

К полудню док спойл Уолтеру остатки бренди. Почти сразу после этого Уолтер начал ворочаться, стонать и задыхаться. Его пальцы сдавили мои, оставляя синяки, а едва я убирала руку, стоны переходили в пронзительный крик. Один раз я улизнула в туалет; Брандт увязался следом, и Иен, соответственно, тоже. Всю дорогу я почти бежала, но к нашему возвращению стоны Уолтера превратились в звериный вой. Док осунулся от переживаний. Как только я заговорила с Уолтером, он затих — решил, что жена рядом. Это была невинная ложь, ложь во спасение. Брандт раздраженно фыркнул, но злость его ничего не значила. Рядом с болью, которую испытывал Уолтер, меркло все.

Уолтер корчился и стонал, а Брандт метался из угла в угол в другом

конце комнаты, не находя себе места.

К вечеру в лазарет заглянул Джейми, принес еды на четверых. Я побыстрее отправила его с Иеном ужинать на кухню, но предварительно взяла с Иена обещание, что ночью он останется с Джейми, чтобы тот тайком не прокрался сюда. Уолтер заворочался и душераздирающе закричал — похоже, случайно задел сломанную кость. Мне не хотелось, чтобы эта ночь навеки врезалась в память Джейми, потому что в нашей с доком памяти боль Уолтера словно выжгли каленым железом. Возможно, и в памяти Брандта тоже, хотя он и старался отгородиться от криков умирающего, заткнув уши и насвистывая неразборчивую мелодию.

Док же не пытался отстраниться; напротив, он страдал вместе с Уолтером. Крики боли прокладывали на лице врача глубокие борозды, похожие на следы от когтей. Как ни странно, оказалось, что люди, и в частности доктор, способны на подобное сопереживание. В ту ночь я взглянула на дока другими глазами: его сочувствие было так велико, что сердце обливалось кровью. Доктор пропускал через себя чужую боль, и невозможно было представить, что он способен на жестокость. Язык не поворачивался назвать его палачом. Я постаралась вспомнить, на чем основывались мои догадки — как я могла его винить? Должно быть, я просто ошиблась от испуга. После этой кошмарной ночи я больше никогда не усомнюсь в доке! Впрочем, лазарет пугал меня по-прежнему.

Наконец скрылись последние лучи солнца, и вертолет исчез.

Мы сидели в темноте, не решаясь зажечь даже тусклый голубой свет, не в силах поверить, что опасность миновала. Первым это признал Брандт: по видимому, его уже тошнило от лазарета.

— Похоже, сдалась, — пробормотал он, пробираясь к выходу. — Ночью ничего не видно. Пошел я... только прихвачу лампу, чтобы тварь до нее не добралась.

Док не ответил и даже не посмотрел в его сторону.

— Помоги мне, Глэдис, сделай так, чтобы эта боль прошла! — умолял меня Уолтер, стискивая мне руку. Я осторожно вытирала пот с его лица.

Время словно остановилось — казалось, что ночь никогда не кончится. Уолтер кричал все чаще и страшнее. Мелани улизнула, понимая, что ничем не сможет помочь. Я бы тоже спряталась, но Уолтер нуждался во мне. Я осталась наедине с собой, как когда-то мечтала, но мне было очень одиноко.

Сквозь высокие трещины в потолке стал проникать тусклый серый свет. Я то дремала, то выныривала из сна, разбуженная стонами и вскриками Уолтера. Рядом похрапывал док. Я была рада, что он хоть

ненадолго отключился.

Я пыталась успокоить Уолтера, бормоча в полусне слова утешения.

— Я с тобой, рядом, — повторяла я снова и снова, всякий раз как он звал жену. — Ш-ш-ш, все в порядке. — Слова утратили смысл, но все-таки они помогали: мой голос, казалось, успокаивал Уолтера.

Крики и стоны умирающего заглушили приход Джаред.

Джаред долго смотрел, как я сижу у постели Уолтера. Едва осознав, что он в комнате, я решила, что первой его реакцией будет злость. К моему удивлению, Джаред был спокоен.

— Док, — окликнул он и потряс доктора за плечо. — Док, проснись.

Я отдернула руку, оглянулась, не понимая, что происходит, и увидела лицо Джаред — лицо человека, которому принадлежал этот незабываемый голос.

Он пытался разбудить доктора и смотрел на меня. В тусклом свете невозможно было определить выражение его глаз. Непроницаемое лицо.

Мелани встрепелась. Она всматривалась в знакомые черты, пытаясь прочесть его мысли.

— Глэдис, не уходи! Пожалуйста! — От пронзительного вопля Уолтера доктор вскочил, едва не перевернув койку.

Я вложила онемелую руку в шарящие по простыне пальцы умирающего.

— Ш-ш-ш! Ш-ш-ш! Уолтер, я тут. Я никуда не уйду, обещаю.

Уолтер захныкал, как младенец, а я провела влажной тряпичкой по его лбу; всхлип оборвался, закончившись вздохом.

— Что здесь происходит? — шепнул сзади Джаред.

— Анни — лучшее обезболивающее, какое мне удалось найти, — устало проговорил док.

— Что ж, я нашел кое-что поэффективнее, чем ручная Ищейка.

У меня внутри все оборвалось.

«Упрямый идиот, — зашипела Мелани. — Скажешь ему, что солнце садится на западе, все равно не поверит». Но доку было не до моих обид.

— Неужели достал?

— Морфин — немного, правда. Я б давным-давно вернулся, не кружи тут эта Ищейка.

Док немедленно начал действовать. Зашуршала бумага, и доктор восхищенно вскрикнул.

— Джаред, ты волшебник!

— Док, на минутку...

Но док с сияющим изможденным лицом уже вонзил иглу небольшого

шприца в предплечье Уолтера. Я отвернулась. Как можно втыкать что-то под кожу!

Впрочем, действие лекарства сказалось почти сразу. Через полминуты тело Уолтера расслабилось и обмякло, дыхание выровнялось, хрипы ушли. Стиснутые пальцы разжались, освобождая мою несчастную кисть. Правой рукой я помассировала левую, пытаюсь восстановить кровообращение. От кончиков пальцев по коже разбежались иголки.

— Э-э, док, вообще то тут мало, — пробормотал Джаред. Я оторвала взгляд от умиротворенного лица Уолтера.

Джаред стоял ко мне спиной, на лице доктора застыло удивление.

— Мало? Я не думал копить на черный день, Джаред. Да, скоро мы об этом пожалеем, но я не собираюсь продлевать мучения Уолта, пока у нас есть болеутоляющее.

— Я о другом, — сказал Джаред спокойным, ровным тоном. Похоже, он долго обдумывал свою мысль.

Док нахмурился, сбитый с толку.

— Тут хватит дня на три, максимум на четыре, — продолжил Джаред. — Если давать небольшими дозами.

Я не поняла, что имеет в виду Джаред, зато доктор понял.

— А-а! — Он вздохнул и посмотрел на Уолтера. На глаза доктору навернулись слезы. Он словно собрался что-то сказать, но не издал ни звука.

Мне хотелось понять, о чем они говорят, однако в присутствии Джареда я предпочла сдержаться и промолчать, не выказывая излишнего любопытства.

— Его уже не спасти, но можно избавить от страданий.

— Знаю. — Голос доктора дрогнул, как будто его душили слезы. — Ты прав.

«Что происходит?» — спросила я Мелани.

«Они собираются убить Уолтера, — сухо сообщила она. — Морфина как раз хватает для смертельной дозы».

В гробовой тишине мой едва слышный вздох прошелестел громче, чем следовало бы. Меня не волновало то, что подумают эти двое здоровых людей. Я склонилась над подушкой Уолтера, и к моим глазам подступили слезы.

«Нет, — подумала я. — Еще не время. Нет».

«Лучше, чтобы он умер в мучениях?»

«Я просто... не могу смириться... с концом. С неотвратимостью. Я больше никогда не увижусь с другом».

«А у тебя много друзей, с которыми ты можешь увидеться?»

«Таких друзей у меня еще не было».

Друзья с других планет смешались у меня в голове; Души так похожи — можно даже сказать, они друг друга заменяют. Уолтера же не повторить. Когда его не станет, некому будет занять его место.

Я баюкала голову Уолтера, и мои слезы заливали ему лицо. Я пыталась заглушить рыдания, но они прорывались наружу. Я не просто плакала, я оплакивала друга.

«Знаю. У тебя это впервые», — прошептала Мелани, и в ее голосе звучало сострадание. Она мне сострадала — и это тоже было впервые.

— Анни? — окликнул док.

Я лишь покачала головой, не в силах говорить.

— Ты слишком давно тут сидишь. — Мягкая, теплая ладонь доктора легла мне на плечо. — Иди отдохни.

Погруженная в скорбь, я мотнула головой.

— Ты устала. Умойся, разомнись. Поешь в конце концов. — Я пристально посмотрела на дока.

— А к моему возвращению Уолтер будет здесь? — прошептала я сквозь слезы.

Доктор внимательно взглянул на меня.

— Ты этого хочешь?

— Я бы хотела с ним попрощаться. Он мой друг. — Он похлопал меня по руке.

— Знаю, Анни, знаю. И мой тоже. Я не спешу. Сходи, развейся — вернешься, как будешь готова. Уолтер пока поспит.

Измощенное лицо дока светилось искренностью. Я кивнула и осторожно опустила голову Уолтера на подушку. Возможно, вдали отсюда скорбь ослабнет. Я не знала, как справляться с горем: до сих пор я ни с кем еще не прощалась по-настоящему.

Я любила Джареда, пусть и не по собственной воле, и перед уходом взглянула на него. Как мне хотелось к нему прижаться! Мелани мечтала о том же, только по возможности без моего участия в процессе.

Джаред смотрел на меня. Похоже, он целую вечность не спускал с меня глаз и старался сохранить непроницаемое лицо, но я уловила в его взгляде удивление и недоверие. На меня вдруг навалилась усталость. Будь я самой талантливой лгуньей, какой смысл ломать комедию сейчас? Какой смысл «пудрить мозги» Уолтеру, который никогда не сможет за меня заступиться?

Наши взгляды встретились, потом я повернулась и пошла прочь по

темному коридору, куда менее мрачному, чем выражение лица Джареда.

Глава 32

Засада

В пещерах было тихо. Солнце еще не встало, и в лучах рассвета зеркала на площади отсвечивали бледно-серым.

Моя немногочисленная одежда хранилась в комнате Джейми и Джареда. Я прокралась внутрь, радуясь, что точно не встречу Джареда, который остался в лазарете.

Джейми крепко спал, свернувшись калачиком в верхнем углу матраса. Обычно он не ютился в уголках, просто на этот раз на остальной части матраса расположился Иен, раскинув руки и ноги по всей кровати.

Со мной вдруг случилась беспричинная истерика — пришлось заткнуть рот кулаком. Давясь смехом, я быстро подхватила свои шорты и старую футболку, выцветшую от грязи, и с хихиканьем юркнула в коридор.

«Совсем уже того, ку-ку, — вздохнула Мелани. — Тебе нужно проспать».

«Позже посплю. Когда...» — Мелькнувшая в голове мысль быстро привела меня в чувство, и смех прошел.

Я торопливо направилась в купальню. Доку я верила, но... Может быть, он передумал. Может быть, Джаред против моей просьбы. Приходилось спешить.

У похожей на осьминога развилки, объединявшей все спальные коридоры, мне послышался шорох за спиной. В полумраке пещеры я никого не разглядела. Народ потихоньку зашевелился: скоро завтрак, а за ним и очередной трудовой день. Если сегодня закончат расчистку, необходимо будет рыхлить почву на восточном поле. Может, удастся выкроить время и помочь... Позже...

Я шла знакомым маршрутом к подземным рекам, мысли витали далеко-далеко, ни на чем не задерживаясь дольше секунды. Не успевала я сосредоточиться на чем-то одном — Уолтер, Джаред, завтрак, работа, ванна, — как мысль перескакивала, и я теряла нить. Мелани права: мне нужно поспать. Мелани и сама туго соображала. Мысли вращались вокруг Джареда, но ей, как и мне, не удавалось превратить их беспорядочный поток в нечто связное.

Я давно освоилась в купальне, крошечная тьма больше меня не пугала. В пещерах было полно темных комнат и закутков, и большую часть

дня я проводила в темноте. К тому же мне слишком часто доводилось тут бывать — под чернильной гладью озера не таились чудовища, готовые утащить меня под воду.

Впрочем, я прекрасно понимала, что отмокать некогда: скоро проснутся остальные, и многие захотят начать день с умывания. Я принялась за дело — сперва помылась сама, затем приступила к стирке, яростно, изо всех сил оттирая рубашку, словно хотела стереть из памяти события двух последних бессонных ночей. Руки горели, хуже всего пришлось растрескавшейся коже на костяшках пальцев. Как я их ни полоскала, как ни окунала ладони в воду, ощутимого облегчения это не принесло. Я вздохнула и вышла на берег, собираясь одеться.

Сухую одежду я оставила в дальнем углу купальни, у кучки камней. Я случайно задела камешек, поранив босую ногу; он просвистел через всю купальню, отскочил от стены и с громким бульканьем плюхнулся в воду. От неожиданности я подпрыгнула, хотя на фоне реки, ревущей снаружи, плеск был едва слышен. Я всунула ноги в обшарпанные туфли, и тут оказалось, что меня ждут.

— Тук-тук, — позвал знакомый голос из темноты у входа в купальню.

— Доброе утро, Иен, — поздоровалась я. — Я все, освобождаю ванну. Как спалось?

— Иен еще спит, — ответил голос Иена. — Наверное, скоро проснется, так что лучше нам побыстрее с этим покончить.

Волю сковал холод, ноги словно примерзли к земле. Я не могла сдвинуться с места, не могла вдохнуть. Я ведь давно знала, просто забыла за долгие недели его отсутствия... Кайл был не просто похож на брата: в тех редких случаях, когда он говорил нормальным тоном, их голоса звучали одинаково.

Воздуха не хватало. Темная купальня превратилась в ловушку. Кайл сторожил выход. Бежать некуда.

«Тихо, не шуми», — завизжала Мелани у меня в голове. Я и не шумела. Воздуха, чтобы кричать, не было. «Прислушайся».

Я постаралась сосредоточиться, несмотря на страх, который вонзился в сознание миллионом крошечных ледяных иголок. Я ничего не слышала. Ждал ли Кайл моего ответа? Или подкрадывался ко мне в тишине? Я напрягла слух, но шум реки заглушал все звуки.

«Хватай камень. Быстрее!» — велела Мелани.

«Зачем?»

Я представила, как обрушиваю булыжник на голову Кайлу.

«Не могу».

«Тогда мы умрем, — крикнула она. — Я сама. Пусти!»

«Должен быть другой способ», — простионала я и заставила согнуться смерзшиеся колени. Руки пошарили в темноте, подняли с земли большой зазубренный камень и горстку гальки.

Дерись или беги.

В отчаянии я попыталась сломать замки, выпустить Мелани на свободу. Дверца рассудка не открывалась: руки судорожно сжимали бесполезные предметы, которые я никогда не смогу использовать как оружие.

Послышался тихий всплеск: кто-то зашел в ручей, протекавший из озерца в уборную. Всего в нескольких ярдах...

«Отдай мне мои руки!»

«Пробую, не выходит! Забирай!»

Осторожно, по стеночке, я стала пробираться к выходу. Мелани, запертая у меня голове, отчаянно билась в поисках выхода.

Уже не у дальнего ручья, а возле самого входа послышался вздох. Я замерла.

«Где он?»

«Не знаю».

И снова было слышно лишь, как шумит река. А если Кайл пришел не один? Что, если кто-то ждал меня у входа, пока Кайл заходил с другой стороны? Как близко он ко мне подобрался?

Волоски на руках и ногах встали дыбом. Воздух колыхнулся, я словно почувствовала, как Кайл бесшумно крадется. Вход. Я пошла обратно, подальше от места, откуда донесся вздох.

Кайл не мог долго тянуть. Судя по всему, он торопился. Сюда в любую секунду могли войти, только вот вряд ли бы это меня спасло. Вошедший в купальню скорее всего даже не попытался бы остановить Кайла: большинство решили бы, что так будет лучше. Я понимала, что найдется мало людей, готовых встать на мою защиту, и еще меньше — способных это сделать. Разве что Джеб с его ружьем. По силе Джаред не уступал Кайлу, а вот в целеустремленности... Кайл был одержим. Вероятно, сейчас Джаред не стал бы с ним драться.

Раздался какой-то шум. Это звук шагов у выхода или просто воображение разыгралось? Сколько длилось наше молчаливое противостояние? Я понятия не имела, сколько секунд или минут натикало.

«Приготовься!» — Мелани знала, что развязка близка, и ей хотелось, чтобы я покрепче сжала камень.

Я же еще надеялась убежать. Даже пересиль я себя, боец из меня

вышел бы никудышный. Кайл был чуть ли не вдвое тяжелее, а его руки — намного длинней моих. Я подняла руку с зажатой в кулаке галькой и прицелилась в дальний проход, ведущий в туалет. Возможно, если Кайл решит, что я спряталась там, у меня появится надежда на спасение. Я бросила камни и отскочила в сторону: пригоршня гальки застучала о стену.

Обманный маневр сработал — у входа послышался вздох и осторожные шаги, в направлении звука. Стараясь не шуметь, я стала на цыпочках красться вдоль стены.

«А если их двое?»

«Понятия не имею».

Я почти добралась до выхода. Главное — выскочить в коридор, а там ему меня не догнать. Я легче и быстрее...

Шаги зазвучали отчетливее, ноги прошлепали по ручью в дальнем конце купальни. Я стала двигаться быстрее. Внезапно напряженное ожидание прервал мощный всплеск, который сотряс воду и воздух. Меня окатило с ног до головы, я охнула. Во все стороны полетели брызги, волны заплескались о стены.

«Он идет через озеро! Беги!»

Я промедлила всего секунду, но и этого хватило. Сильные пальцы схватили меня за лодыжку. Я дернулась — прочь от озера, к выходу! — споткнулась и полетела вниз. Державшие меня пальцы соскользнули, вцепились мне в туфлю. Я дернула ногой, и туфля осталась у него в руке.

Я лежала на земле, но и мой противник тоже упал. Я принялась карабкаться вперед, обдирая колени об острые камни.

Кайл крикнул, потянулся к моей голой пятке, но ему не за что было уцепиться, и я снова выскользнула. Я рванулась вперед и, не поднимая головы, вскочила на ноги, рискуя упасть в любую секунду: мое тело двигалось почти параллельно полу. Собрав волю в кулак, я удержала равновесие.

Кайл явился в купальню один, у выхода меня никто не поджидал. Адреналин и надежда забурлили по венам — я понеслась вперед и на полной скорости влетела в пещеру с двумя реками, думая лишь о том, чтобы побыстрее добежать до туннеля. Сзади пыхтел Кайл. Я отталкивалась от земли все мощнее, с каждым шагом вырываясь вперед.

Нестерпимая, жгучая боль пронзила ногу...

Сквозь журчание реки я слышала, как падают и катятся по земле два больших камня: один выронила я, а второй бросил Кайл, в попытке меня подбить. Нога подогнулась, увлекая меня вниз, на землю, и в ту же секунду он навалился сзади.

Кайл всем своим весом придавил меня к полу: от толчка я с силой стукнулась головой о камень, в ушах стоял звон. Я упустила свой шанс.

«Кричи!»

Звук, который исторгли мои легкие, напоминал завывание сирены и, кажется, застал врасплох и меня, и моего противника.

Я и сама не ожидала, что умею так визжать — наверняка кто-нибудь услышит. Только бы этим кем-то оказался Джеб! Только бы он захватил ружье!

— Ум-м! — Широкая ладонь Кайла закрыла мне почти все лицо, зажала рот, оборвала мой пронзительный крик.

Не выпуская меня, он перекатился — так неожиданно, что я даже не успела понять, для чего... Голова кружилась, перед глазами все плыло, я не понимала, что происходит, — но тут мое лицо оказалось в воде, и до меня дошло.

Рука Кайла давила мне на шею, окуная мое лицо в неглубокий ручей с прохладной водой, который протекал через пещеру до самой купальни. Задерживать дыхание было поздно, и я вдохнула приличный глоток воды. Как только вода попала в легкие, тело охватила паника. Я и не представляла, что способна на такое: руки и ноги замолотили в воздухе, и рука Кайла соскользнула. Он, видимо, ждал, что я начну вырываться, и попытался ухватить меня поудобнее. Вместо этого, следуя необъяснимому инстинкту, я дернулась в его сторону. Подбородок вынырнул из воды, я успела откашляться и глубоко вдохнула.

Кайл изо всех сил пытался засунуть мою голову обратно в ручей, я же извивалась всем телом, прижимаясь к торсу противника, а вес Кайла работал против него. Вода в моих легких вызвала неконтролируемый кашель и судороги.

— Хватит! — рявкнул Кайл.

Он слез с меня, и я попыталась отползти в сторону.

— Ну уж нет! — процедил он сквозь зубы. Я поняла, что это конец.

Поврежденная нога онемела и не слушалась. Я волокла тело по полу, подтягиваясь на руках и отталкиваясь здоровой ногой, но даже это у меня получалось с трудом: мешал жуткий кашель. Я и закричать-то не могла.

Кайл схватил меня за запястье и рывком поднял с пола. Под весом тела нога подогнулась, и я рухнула на него.

Одной рукой Кайл загреб оба моих запястья, второй обхватил меня за талию, поднял с пола и потащил на себе, как куль с мукой. Я вертелась, молотила здоровой ногой по воздуху.

— Покончим с этим.

Он прыжком перемахнул через узкую речку и потащил меня к ближайшей трещине. Лицо намокло от пара, что клубился над горячим потоком. Кайл собирался бросить меня в темную, раскаленную трещину, заживо сварить в кипящей воде.

— Нет, не-ет! — хрипло закричала я и принялась лихорадочно извиваться. Задев коленом выступ, образованный затвердевшей лавой, я зацепилась за него ногой и попыталась вырваться. Кайл нетерпеливо заворчал и стал отцеплять мою ногу, ослабив при этом хватку. У меня появился шанс — если сработало в первый раз, стоит попробовать снова. Резко перестав вырываться, я подтянула ноги, закинула их ему на бедра, уцепилась здоровой лодыжкой за поврежденную и схватилась покрепче, преодолевая боль.

— Слезь с меня, ты... — Он силился меня скинуть, а мне удалось высвободить одну руку. Я обхватила Кайла за шею и вцепилась в его густую шевелюру: раз уж он собрался скинуть меня в черную реку, придется ему последовать за мной.

Кайл зашипел, отпустил мою ногу и ударил меня под ребра. Я охнула от боли, но другой рукой успела поймать его волосы.

Он обхватил меня двумя руками: смертельная схватка вдруг стала напоминать нежные объятия. Кайл уперся мне в бока, напрягся и оттолкнул меня, вложив в рывок всю свою силу. Пытаясь освободиться от моих рук, Кайл вырывал себе волосы, но упрямо тянул все сильнее.

Под нами журчал кипяток. Пар поднимался густым облаком, и на мгновение его клубы окутали Кайла. Искажённое яростью лицо превратилось в беспощадную звериную маску.

Травмированная нога начала поддаваться. Я попыталась прижаться к Кайлу, но отчаянное желание жить безнадежно проигрывало грубой силе — еще чуть-чуть, и он освободится, а я полечу в шипящую трещину и исчезну.

«Джаред! Джейми!» — Эта мысль, крик боли, принадлежала и мне, и Мелани. Иен, Джеб, док, Уолтер... Никто из них никогда не узнает, что здесь произошло. Прощания не будет.

Кайл резко подпрыгнул и добился своего: я расцепила ноги. Внезапно раздался оглушительный треск, и пол под нами задрожал. Казалось, пещера рушится.

Кайл охнул и отскочил, увлекая меня за собой, потому что мои руки не выпускали его волос. Камень под ногами Кайла с гулом и треском осыпался. Хрупкая кромка расщелины подломилась под нашим общим весом. Кайл отпрыгнул, но обвал продолжился. Камень был быстрее

человека.

Кусок пола треснул под ногой, Кайл упал, я рухнула на него. Кайл ударился головой о каменный выступ и обмяк, его руки безвольно разжались.

Треск не прекращался, под телом Кайла содрогалась земля.

Я лежала на груди Кайла, наши ноги болтались над пропастью, пар оседал на коже миллионом крошечных капель. — Кайл?

Ответа не последовало. Я боялась пошевелиться.

«Слезь с него. Вдвоем вы слишком много весите. Осторожно — используй выступ. Отползи от трещины».

Скуля от страха, слишком напуганная, чтобы думать самостоятельно, я вытащила пальцы из волос Кайла и осторожно перебралась через его бесчувственное тело, используя выступ в качестве опоры. Пол под нами гудел и стонал. Я проползла мимо выступа на твердую землю и, хотя земля больше не тряслась подо мной, принялась карабкаться дальше, в безопасность, к выходу из пещеры.

Снова раздался треск. Я оглянулась: пол продолжал крошиться, одна из ног Кайла почти целиком скрылась в трещине. На этот раз послышался всплеск: камень упал в реку. Земля под Кайлом дрожала.

«Он же упадет», — осознала я.

«Ну и отлично», — огрызнулась Мелани.

«Но...»

«Анни, если он упадет, он не сможет нас убить. А если не упадет, то рано или поздно до нас доберется». «Я не могу...»

«Можешь, можешь. Пошли. Тебе что, жить надоело?» Не надоело. Я хотела жить.

Кайл исчезнет, а значит, у меня больше не будет врагов — по крайней мере, среди этих людей. Конечно, еще остается Ищейка, но Ищейка рано или поздно отстанет, и тогда я смогу долго и счастливо жить с любимыми людьми...

Нога заныла, онемение сменилось болью. Теплая жидкость скатилась по губам. Я машинально слизнула каплю — это моя кровь.

«Пойдем отсюда, Странница. Я жить хочу. Я тоже имею право решать».

Даже с того места, где я стояла, чувствовалось, как дрожит земля. Еще один кусок с плеском упал в реку. Тело Кайла накрылось и дюйм за дюймом поползло в трещину.

«Ну и пусть...» — Мелани знала, о чем говорит. Это был ее мир. Ее правила.

Я всмотрелась в лицо человека, которому предстояло умереть, — человека, желавшего мне смерти. Расслабленное, почти умиротворенное лицо Кайла, лежавшего без сознания, больше не напоминало оскал хищника.

Сходство с братом бросалось в глаза.

«Нет!» — запротестовала Мелани.

Я по-пластунски поползла обратно — медленно, ощупывая каждый дюйм. За выступ я лезть не решилась, поэтому просто обхватила его здоровой ногой, потянувшись к Кайлу и, просунув руки ему под мышки, крепко сцепила их у него на груди.

Я дернула изо всех сил — казалось, руки вот-вот вылетят из суставов, но Кайл не сдвинулся с места. Пол продолжал крошиться со звуком песка, пересыпающегося в песчаных часах. Я рванула еще раз; песок в часах посыпался быстрее. Попытки сдвинуть Кайла ускорили процесс.

Здоровенный кусок пола сорвался в реку, нарушив шаткое равновесие. Кайл начал соскальзывать.

— Нет! — закричала я, и снова мой крик разнесся, как вой сирены. Я распласталась возле выступа: мне удалось удержать Кайла с другой стороны, сцепив руки на широкой груди. Плечи ныли.

— Помогите! — вопила я. — Кто-нибудь! На помощь!

Глава 33

Сомнения

Еще один всплеск. Казалось, мышцы рук вот-вот разорвутся под тяжестью Кайла.

— Анни? Анни!

— На помощь! Кайл! Пол обрушился! Помогите!

Я прижала щеку к камню, уставилась на вход в пещеру и вопила что было сил. Свет над головой стал ярче: занимался рассвет. Я перевела дух. Руки горели.

— Анни! Где ты?

Иен ворвался в пещеру с ружьем наготове. Лицо — сердитая маска, точь-в-точь братец.

— Осторожно! — вскрикнула я. — Пол рушится! Я не смогу долго его держать.

Долю секунды Иен переваривал увиденное. Он-то ожидал увидеть, как Кайл меня убивает. Появись Иен чуть раньше, его ожидания оправдались бы. Иен бросил ружье на пол и размашистым шагом направился ко мне.

— На пол — надо распределить вес!

Он опустился на четвереньки и пополз ко мне. В лучах рассвета его глаза сверкали.

— Не отпускай, — предупредил он. Я застонала от боли.

Еще секунду он оценивал обстановку, а затем скользнул на землю рядом со мной, подтолкнув меня ближе к камню. Его руки доставали дальше моих. Иен перегнулся через меня и обхватил брата.

— Раз, два, три! — прокряхтел он, подтягивая Кайла к каменному выступу, сжимая тело надежным захватом. От резкого движения я впечаталась лицом в камень. Впрочем, этой щеке уже вряд ли что-то могло повредить, учитывая количество украшавших ее шрамов.

— Я втащу его сюда. Отползешь?

— Попытаюсь.

Я убедилась, что Иен держит Кайла, и разжала руки: мышцы облегченно застонали. Извернувшись, я пролезла между Иеном и камнем, старательно избегая опасных мест, и отползла на несколько футов к двери, готовая подхватить Иена, если он начнет соскальзывать.

Иен рывками, фут за футом, подтаскивал к себе тяжелое тело.

Обвалился еще кусок породы, но основание выступа осталось незатронутым. В двух футах от выступа пол просел, образовав ступеньку.

Иен пополз вслед за мной, невероятным усилием мышц и воли волоча за собой брата. Спустя минуту все трое были в коридоре. Мы с Иеном никак не могли отдышаться.

— Какого... черта... тут случилось?

— Мы оказались... слишком... тяжелыми. Пол провалился.

— Что вы делали... у края? С Кайлом?

Я опустила голову и сосредоточилась на дыхании. «Давай же. Скажи ему». «И что тогда будет?»

«Сама знаешь. Кайл нарушил правила. Джеб его пристрелит или выгонит. Но, скорее всего, перед этим Иен выбьет из него всю дурь. С удовольствием на это посмотрю».

Мелани говорила несерьезно — по крайней мере, мне так казалось. Похоже, она злилась из-за того, что я рисковала нашей жизнью ради человека, который горел желанием нас убить.

«Вот именно, — подхватила я. — А если Кайла из-за меня выгонят... или убьют... — Я вздрогнула. — Разве ты не понимаешь, что это бессмысленно? Он же один из вас».

«Речь идет о жизни. Ты ставишь ее под угрозу».

«Это и моя жизнь тоже. А я... ну, я это я».

Мелани раздраженно застонала.

— Анни? — Иен ждал ответа.

— Ничего, — пробормотала я.

— Лгунья из тебя никудышная! — Я не поднимала головы.

— Что он сделал?

— Ничего, — солгала я. Неумело. Иен приподнял мой подбородок.

— У тебя из носа кровь идет. — Он повернул мою голову в одну сторону, в другую. — И на волосах кровь.

— Я... ударилась, когда пол обвалился.

— С обеих сторон? Я пожалала плечами.

Иен долго на меня смотрел. Его глаза тускло поблескивали в темноте туннеля.

— Нужно показать Кайла доку. Кажется, он и впрямь расшиб голову.

— Почему ты его защищаешь? Он же пытался тебя убить. — Это было утверждение, а не вопрос. Гнев на его лице постепенно сменялся ужасом — Иен представил себе, что происходило на крошащемся берегу. Не дождавшись ответа, он прошептал: — Кайл хотел сбросить тебя в реку... — По телу Иена пробежала странная дрожь.

Одной рукой он продолжал обнимать Кайла, потому что не мог пошевелиться от усталости, но внезапно грубо, с отвращением оттолкнул лежащего без сознания брата. Иен пододвинулся ко мне, приобнял за плечи и, неровно дыша, прижал к груди.

Странное ощущение.

— Стоило бы откатить его обратно да сбросить вниз. — Я отчаянно замотала головой, боль запульсировала в висках.

— Нет.

— Сэкономим время. Джеб четко установил правила. Обидишь кого-нибудь — жди наказания. Будет суд.

Я попыталась отстраниться, но он лишь крепче прижал меня к себе — не страшно, не так, как сжимал меня Кайл, но объятия Иена вывели меня из душевного равновесия.

— Нет. Этого не случится, потому что правила никто не нарушал. Просто обвалился пол.

— Анни...

— Он твой брат.

— Он знал, что делает. Да, он мой брат, но что сделано, то сделано, а ты... Ты — мой друг.

— Ничего он не делал. Он человек, — прошептала я. — Это его место, не мое.

— Я не собираюсь с тобой спорить. У нас с тобой разное представление о том, кого считать человеком. Для тебя это слово означает что-то... плохое. Для меня это комплимент, и если исходить из моего определения, ты — человек, а он — нет. После всего, что он сделал.

— Я не считаю, что человек — это плохо. Я вас узнала. Но Иен, он ведь твой брат.

— И мне за него стыдно.

Я снова отодвинулась, и на этот раз он не стал меня удерживать. Я ступила на поврежденную ногу и невольно застонала.

— Все в порядке? — спросил Иен.

— Да, только надо найти дока, а то я, наверное, ходить не смогу. Я... упала и ударилась.

— Что с ногой? — воскликнул Иен. — Дай взгляну.

Я попробовала выпрямить раненую ногу и снова застонала. Он принялся ощупывать мне лодыжку, проверяя кости и связки, осторожно повернул ступню.

— Выше. Вот тут... — Я положила его ладонь на заднюю часть бедра, чуть выше колена. Иен надавил на больное место, и у меня вырвался

очередной стон. — По моему, перелома нет. Всего лишь ссадина.

— По крайней мере, серьезный кровоподтек, — пробормотал он. — Как это случилось?

— Наверное... приземлилась на камень. — Иен вздохнул.

— Ладно, пойдем покажем тебя доку.

— Кайлу он нужен куда больше, чем мне.

— Так или иначе, нужно найти дока или позвать на помощь. Кайла мне не дотащить, а вот тебя — запросто. Ой... погоди-ка.

Он вдруг резко развернулся и нырнул обратно, в купальню. Я решила с ним не спорить. Мне хотелось повидать Уолтера, перед тем как... Док обещал, что дождет меня. Как скоро пройдет действие обезболивающего? Голова раскалывалась. Столько забот навалилось разом, а я так устала. Адреналин схлынул, и я чувствовала себя совершенно опустошенной.

Иен вернулся с ружьем. Я нахмурилась, вспомнив, как совсем недавно мечтала об этом ружье. Мне стало неприятно.

— Пошли.

Без лишних раздумий он протянул мне ружье. Оно легло мне на руки, но я так и не смогла себя заставить сжать пальцы. Я решила, что в качестве наказания мне придется держать эту штуку. Иен фыркнул.

— Тоже мне, вояка... — пробурчал он себе под нос. Он подхватил меня на руки и быстро зашагал вперед.

Чтобы уберечь самые уязвимые части тела — затылок и заднюю сторону бедра — я старалась не прижиматься к нему слишком сильно.

— Где ты одежду-то так намочила? — спросил он. Мы проходили под небольшим отверстием в потолке, и стало заметно, что губы Иена тронула мрачная усмешка.

— Не знаю, — пробормотала я. — Может, пар? Мы снова зашли в темноту.

— Ты туфлю потеряла.

— Эх...

С потолка снова заструились лучи, и глаза Иена сверкнули сапфировым блеском. Мой спаситель серьезно и сосредоточенно смотрел на меня.

— Я... очень рад, что ты не пострадала. Все могло кончиться куда хуже.

Я не ответила. Боялась, что проговорюсь, а он использует мои слова против Кайла.

На полдороге к большой пещере нас нашел Джеб. В его глазах вспыхнул огонек любопытства, едва он увидел меня на руках у Иена —

лицо в крови, открытые ладони опасно придерживают ружье.

— Значит, ты был прав... — Джеба мучило любопытство, но в голосе прозвенела сталь. Под широкой бородой играли желваки. — Выстрела я не слышал. Кайл?

— Он без сознания, — выпалила я. — Нужно предупредить всех: в купальне обрушилась часть пола. Там, наверное, опасно. Кайл сильно ушиб голову, пытаюсь выбраться. Надо срочно показать его доку.

Брови Джеба взметнулись так высоко, что почти коснулись полинявшей банданы на волосах.

— Это ее версия случившегося, — сказал Иен с сомнением в голосе. — И очевидно, она намерена ее придерживать.

Джеб рассмеялся.

— Давай-ка заберу у тебя эту штуку, — обратился он ко мне.

Я охотно рассталась с ружьем. Он снова рассмеялся, заметив выражение моего лица.

— Позову Энди и Брандта, помочь с Кайлом. Мы пойдем следом.

— Как очнется, не спускайте с него глаз, — сурово произнес Иен.

— Само собой.

Джеб отправился за помощью, а Иен торопливо понес меня в больничное крыло.

— Кайл, похоже, серьезно ранен... Джебу надо спешить.

— У Кайла башка потверже любого из здешних камней. — Длинный туннель казался слишком длинным. А что если все мои усилия оказались напрасны и Кайл умирает? Или пришел в себя и снова меня ищет? Что с Уолтером? Спит ли он... или умер? Отказалась ли Ищейка от своей охоты или вернется с рассветом?

«А Джаред, он еще с доком? — добавила к моим вопросам Мелани. — Рассердится ли он, когда нас увидит? Узнает ли меня?»

Мы добрались до освещенной солнцем южной пещеры. Джаред с доком, казалось, никуда не отходили: стояли рядом, облокотившись о самодельный стол дока, и молча наблюдали за спящим Уолтером.

Иен внес меня в гнетущую тишину лазарета, уложил на койку рядом с Уолтером и осторожно выпрямил мою левую ногу. Уолтер посапывал. Часть тревог отступила.

Джаред с доктором удивленно переглянулись.

— Что еще стряслось? — Док склонился надо мной, вытирая кровь с моей щеки.

На лице Джареда застыло изумление, но он держался настороженно и не выдал своих чувств.

— Кайл, — ответил Иен.

— Пол... — поспешно добавила я.

Док растерянно переводил взгляд с меня на Иена. Иен вздохнул и провел ладонью по моему лбу.

— У первой расщелины над рекой обрушился пол. Кайл упал и ударился головой о камень. Анни спасла его никчемную жизнь. Она утверждает, что тоже упала. — Иен многозначительно посмотрел на дока. — «Что-то», — саркастически продолжил он, — крепко приложило ее по затылку. Из носа идет кровь, хотя сам нос и не разбит. Вот тут задеты мышцы. — Он дотронулся до пораненного бедра. — Коленки ободраны, и лицо тоже, хотя, возможно, тут я постарался, когда вытаскивал Кайла из расщелины. Надо было вообще бросить его... — последние слова Иен пробормотал себе под нос.

— А что у нас здесь? — Пальцы доктора добрались до места, куда пришелся удар Кайла. Я охнула.

Док задрал мне футболку, и Джаред с Иеном присвистнули.

— Дай-ка угадаю, — ледяным голосом сказал Иен. — О камень ударились?

— Угадал, — согласилась я сквозь зубы. Док все еще осматривал мой бок, и я с трудом сдерживала стон.

— Похоже, ребро сломано, — пробормотал док. — Жалко, обезболивающего мало.

— Да не волнуйтесь вы, — взмолилась я. — Со мной все в порядке. Как Уолтер, не просыпался еще?

— Нет, действие лекарства пока не прошло. — Доктор согнул мне запястье, потом локоть.

— Все нормально, — пробормотала я.

Мягкий взгляд его добрых глаз встретился с моим.

— Да-да, конечно. Но тебе нужно отдохнуть. Я за тобой присмотрю. Ну-ка, поверни голову.

Я послушно наклонила лицо и тут же скривилась: доктор осматривал рану на щеке.

— Не сюда, — пробормотал Иен.

Джаред метнул на Иена пронзительный взгляд.

— Кайла принесли. Им лучше быть в разных комнатах. — Док кивнул.

— Мудрое решение.

— Пойду приготовлю для нее место. Кайла придется держать здесь, до тех пор... В общем, пока мы не решим, что с ним делать.

Я хотела было возразить, но Иен прижал пальцы к моим губам.

— Хорошо, — согласился док. — Если хочешь, я его свяжу.

— Если придется. Переносить? — Иен бросил тревожный взгляд в сторону коридора.

Док раздумывал.

— Нет, — прошептала я, пальцы Иена по-прежнему мешали говорить. — Уолтер. Я хочу остаться здесь, с Уолтером.

— Анни, сегодня ты спасла всех, кого могла спасти, — сказал Иен, грустно и нежно.

— Я хотела... попрощаться.

Иен кивнул и посмотрел на Джареда.

— Тебе можно доверять?

Лицо Джареда вспыхнуло от гнева.

— Не хочу оставлять ее без защиты, пока подыщу безопасное место, — примирительно объяснил Иен. — Вдруг Кайл уже пришел в себя... Если Джеб его пристрелит, она расстроится. Впрочем, вы с доком с ним справитесь. Да и доктору с тобой спокойнее, от греха подальше.

— Док сам разберется, что к чему, — процедил Джаред.

— В последнее время ей непросто пришлось. Не забывай об этом, — с заминкой произнес Иен.

Джаред кивнул, не разжимая стиснутых зубов.

— Не волнуйся, я за ней пригляжу, — напомнил Иену док.

— Ладно. — Иен нагнулся ко мне, и его лучистые глаза встретились с моими. — Я скоро вернусь. Не бойся.

— Я и не боюсь.

Он коснулся губами моего лба.

Больше всех, наверное, удивилась я, а Джаред едва слышно охнул. Иен отвернулся и пулей выскочил из комнаты.

— Что ж, — шумно выдохнул доктор.

Они с Джаредом долго на меня смотрели. Я слишком устала, и мне было все равно, что обо мне думают.

— Док... — Джаред хотел было сказать что-то важное, но тут из туннеля донесся шум.

Пятеро мужчин ввалились в проем. Джеб и Уэс шли впереди, поддерживая ноги Кайла, Аарон и Энди обхватили торс. Голова Кайла скатилась Энди на плечо.

— Тяжеленный, гад, — пропыхтел Джеб.

Джаред с доком кинулись помогать. Кайла с трудом уложили на койку всего в нескольких футах от моей.

— Сколько он в отключке, Анни? — Док приподнял Кайлу веки,

осмотрел его зрачки.

— М-м... — Я лихорадочно соображала. — Ну, сколько я здесь, да минут десять Иен меня нес, и еще пять...

— То есть, минут двадцать?

— Да, наверное.

Тем временем Джеб поставил свой собственный диагноз: он подошел к лежащему в беспамятстве Кайлу и выплеснул воду из бутылки в лицо здоровяка.

— Джеб! — укоризненно воскликнул док.

Кайл что-то прояммлил, моргнул и слабо застонал.

— Что... Куда она делась? — Он приподнялся на локтях, огляделся. — Пол... шатается...

Звук его голоса заставил меня вцепиться в края кровати. Меня охватила паника, нога заныла. Сумею ли я уковылять? Разве что медленно...

— Не волнуйся, — пробормотал кто-то. Нет, не кто-то — этот голос я узнала бы из тысячи.

Джаред встал между моей койкой и Кайлом, устремив взгляд на здоровяка. Кайл затряс головой и застонал.

— Ты в безопасности, — негромко произнес Джаред, не глядя на меня. — Не бойся.

Я вздохнула.

Мелани хотелось до него дотронуться. Его рука лежала на краю койки, совсем рядом с моей.

«Не надо, — обратилась я к ней. — У меня и так лицо болит».

«Он тебя не ударит».

«Это ты так думаешь. А проверять мне».

Мелани вздохнула; она изнывала от желания прильнуть к Джареду. К сожалению, в этом вопросе наши желания совпадали.

«Дай ему время, — взмолилась я. — Пусть привыкнет. Вот увидишь, рано или поздно он поверит». Она снова вздохнула.

— А, черт! — проворчал Кайл. Из-под локтя Джареда на меня неотрывно смотрели светлые глаза. — Так и не свалилась! — пожаловался он.

Глава 34

Погребение

Джаред метнулся вперед, и его кулак смачно врезался Кайлу в лицо.

Глаза Кайла закатились, рот обмяк. В лазарете воцарилась тишина.

— Гм, с медицинской точки зрения пациенту вряд ли показано подобное обращение, — сказал док.

— Зато мне полегчало, — угрюмо буркнул Джаред.

— Что ж, пожалуй, несколько минут без сознания ему не повредят. — С легкой улыбкой док заглянул под веки Кайла, проверил пульс.

— Что случилось? — прошептал Уэс у меня над ухом.

— Кайл пытался убить тварь, — опередил меня Джаред. — Что и следовало ожидать...

— Не пытался, — пробормотала я.

Уэс вопросительно взглянул на Джареда.

— Похоже, наша тварь альтруистка. Ей проще пожертвовать собой, чем солгать, — отметил Джаред.

— Сколько можно? — возмутилась я. Мое терпение иссякло. Хотелось спать, нога нещадно болела, голова — и того хуже. При каждом вздохе щеку саднило. С некоторым удивлением я осознала, что злюсь, злюсь по-настоящему. — Дальше я терпеть не намерена!

Джаред и Уэс в изумлении уставились на меня. Я не видела остальных, но не сомневалась, что и они растерялись. Разве что Джеб, мастерски владевший собой, сохранил невозмутимость.

— Я женщина, — заявила я. — И мне не нравится, когда меня называют «тварью».

Джаред удивленно заморгал, но затем его лицо снова ожесточилось.

— Из-за тела, которое ты занимаешь? — Уэс осуждающе на него посмотрел.

— Из-за меня, — прошипела я.

— Кто это определил?

— Вы, люди, и определили. Я отношусь к тем представителям моего вида, что производят на свет потомство. Так понятнее?

Как я его! Я почти гордилась собой.

«Имеешь полное право, — подтвердила Мелани. — Он ошибается и к тому же ведет себя по-свински». «Спасибо».

«Между нами, девочками».

Джаред умолк, подыскивая достойный ответ.

— Ты никогда раньше не рассказывала, — пробормотал Уэс. — Как это происходит? — Смуглое лицо Уэса зарделось, словно он только сейчас осознал, что задал вопрос вслух. — Можешь не отвечать, если я спросил о чем-то неприличном.

Я рассмеялась. Настроение скакало без причины. «Совсем ку-ку», как сказала бы Мелани.

— Да нет... ничего такого. В отличие от вас, у нашего вида не существует никаких изощрений и сложностей в этом вопросе. — Я снова засмеялась и покраснела от смущения. Совсем недавно мне самой пришлось столкнуться с этими «сложностями».

«Не забивай голову пошлостями». «Это твоя голова», — напомнила я ей.

— И?... — спросил Уэс. Я вздохнула.

— Лишь немногие из нас становятся... Матерями. Не Матерями даже. Так нас называют, но это лишь потенциал... — От одной мысли я протрезвела. Матерей, выживших Матерей, больше не осталось, только воспоминания о них...

— И у тебя есть потенциал? — холодно спросил Джаред. Остальные внимательно слушали. Даже док прервался, убрав ухо от груди Кайла.

Я не ответила на вопрос.

— Мы... чем-то похожи на ваших пчел или муравьев: много бесполок членов семьи и одна матка...

— Матка? — повторил Уэс, глядя на меня со странным выражением.

— Не совсем. Но на каждые пять, десять тысяч представителей моего вида приходится одна Мать. Иногда меньше. Не существует четких правил.

— А сколько трутней? — поинтересовался Уэс.

— Нет никаких трутней. Нет, говорю же, все намного проще.

Они ждали объяснений. Я сглотнула. Не нужно было поднимать эту тему. Мне больше не хотелось говорить. Пусть бы Джаред и дальше называл меня «тварью», что с того?

Они ждали. Ну вот, сама виновата. Я насупилась и продолжила.

— Матери... делятся. Каждая... клетка, думаю, вы назовете ее так, хотя наше строение отличается от вашего, становится новой Душой. Каждая новая Душа несет в себе частичку материнской памяти, часть ее.

— Сколько клеток? — спросил заинтересовавшийся док. — Сколько детей?

Я пожала плечами.

— Около миллиона.

Глаза слушателей расширились, в них мелькнул испуг. Уэс отодвинулся, и меня это задело. Док присвистнул. Он единственный ждал продолжения. На лицах Аарона и Энди отразилась тревога: они не присутствовали на моих уроках и никогда не слышали, чтобы я так много говорила.

— Как происходит деление? Что для этого требуется? — спросил док.

— Выбор, добровольный выбор. Это единственный случай, когда мы добровольно умираем — ради нового поколения.

— И ты в любой момент можешь принять решение и распасться на клетки, вот так просто?

— Не то чтобы просто, но да.

— Это сложный процесс?

— Решение сложное. А процесс... болезненный.

— Болезненный?

Почему это так его удивило? Разве у людей не так? «Мужчины!» — презрительно фыркнула Мелани.

— Невыносимо болезненный, — сообщила я. — Каждый из нас помнит, что чувствовали наши Матери.

Док завороченно почесал подбородок.

— Интересно, по какому пути проходила эволюция, которая породила общество муравейник с матками-самоубийцами... — Он витал где-то далеко, в своих мыслях.

— Самопожертвование, — пробормотал Уэс.

— Гм, оно самое, — сказал док.

Я закрыла глаза, уже жалея о том, что рассказала. Голова кружилась. От усталости или от раны?

— Ох, — пробормотал док. — Ты ведь спала меньше моего, да, Анни?

— Все в порядке, — пробубнила я, не открывая глаз.

— Вот весело! — брякнул кто-то. — У нас тут мамаша-инопланетянка, которая в любой миг может лопнуть, рассыпаться на миллион гаденьшей.

— Т-с-с!

— Они вас не тронут, — пояснила я. — Без тел носителей они быстро погибнут. — Я содрогнулась, представив невообразимость горя: миллион крошечных, беспомощных Душ, крошечных серебристых малышей, увядающих...

Никто мне не ответил, только послышался вздох облегчения.

Как же я устала! Плевать, что Кайл лежит в трех футах от меня. Плевать, что двое из присутствующих встанут на его сторону, как только он

очнется. Мне хотелось одного — спать.

Само собой, тут и проснулся Уолтер.

— Глэдис? — едва слышно простонал он.

Я вздохнула, перекатилась к нему, поморщилась от боли в ноге и нащупала его руку.

— Здесь, — прошептала я.

— Ах! — В голосе Уолтера слышалось облегчение.

Аарон и Энди возмущенно зашептались, но док их утихомирил:

— Анни отказалась от сна и покоя, чтобы облегчить страдания Уолтера. У нее все руки в синяках. А что вы для него сделали?

Уолтер снова застонал: низкий, утробный звук быстро перерос в тоненькое хныканье. Док поморщился.

— Аарон, Энди, Уэс... сходите за Шэрон.

— Все вместе?

— Выметайтесь, — перевел Джеб.

Ответом стало дружное шарканье удаляющихся ног.

— Анни, — шепнул док мне на ухо. — Уолт мучается. Пожалуй, хватит ему страдать.

Дыхание у меня сбилось, и я медленно разомкнула веки.

— Будет лучше, если он меня не узнает. Пусть думает, что здесь Глэдис.

На лицо Уолтера снизошло умиротворение.

— Прощай, Уолт! Может, еще свидимся... — сказал Джеб и отошел.

— Ты замечательный человек. Нам будет тебя не хватать, — прошептал Джаред.

Док возился с упаковкой морфия. Зашуршала бумага.

— Глэдис? — всхлипнул Уолтер. — Больно...

— Ш-ш-ш. Все пройдет, док тебе поможет.

— Глэдис?

— Да?

— Я люблю тебя, Глэдис, всегда любил.

— Я знаю, Уолтер. Я тоже тебя люблю. Ты же знаешь... — Уолтер вздохнул. Док склонился над Уолтером со шприцем в руках, и я зажмурилась.

— Спи спокойно, друг, — прошептал док.

Пальцы Уолтера расслабились, разжались. Я не выпустила его руки — теперь я цеплялась за нее.

Тянулись минуты. Мое дыхание, прерывистое и неровное, грозило сорваться на всхлипы. Кто-то тронул меня за плечо.

— Вот и все, Анни, — хрипло произнес док. — Он уже там, где нет боли.

Доктор высвободил мою руку и осторожно меня перевернул. В новой позе боль притупилась, но лишь самую малость. Я схватилась за больной бок и не стала сдерживать рыданий, зная, что уже не потревожу Уолта.

— Ладно, давай уж. Я же вижу, иначе ты места себе не найдешь, — проворчал Джаред. Я попыталась открыть глаза и не смогла.

Что-то кольнуло в предплечье. Странно, руку я, кажется, не поранила — да еще в таком странном месте, у самого локтя...

«Морфий», — прошептала Мелани.

Все куда-то плыло. Я попыталась собраться с мыслями, но тщетно: меня уносило все дальше и дальше.

«Никто со мной не попрощался, — тупо подумала я. — От Джареда я и не ждала, но Джеб... Док... Иена не было...»

«Ты не умрешь, — пообещала Мелани. — Просто поспишь».

Потолок надо мной заливал тусклый звездный свет. Ночь. Как много звезд! Интересно, где я? Не видно ни темных стен, ни потолка — одни лишь звезды кругом... Ветер обдувал мне лицо. Откуда-то пахнуло... песком и чем-то еще... чем-то, что я никак не могла распознать. Затхлая вонь исчезла. В сухом, без примеси серы, воздухе, витал запах чистоты.

— Анни? — Кто-то коснулся моей здоровой щеки. Надо мной склонилось побледневшее лицо Иена. Нежное касание пальцев показалось прохладнее ветерка. Где я?

— Анни? Проснулась? Они не станут долго ждать.

— Что? — шепнула я в ответ.

— Вот-вот начнется. Ты же не захочешь пропустить...

— Ну, как там она? — слышался голос Джеба.

— Что начнется?

— Похороны Уолтера.

Я попыталась сесть, но ватное тело не поддавалось. Иен погладил мне лоб. Не обращая внимания на его руку, я закрутила головой, осматриваясь... Я была снаружи.

«Снаружи!»

Слева, точно гора в миниатюре, высилась груда камней, поросшая низкорослым кустарником; справа простиралась пустыня. Люди неловко переминались под открытым небом. Я точно знала, как они себя чувствуют: уязвимыми.

Я снова попыталась встать, хотелось подойти поближе. Рука Иена удерживала меня.

— Ш-ш-ш, — сказал он. — Лежи, лежи.

— Помоги, — взмолилась я.

— Анни? — Ко мне подбежал Джейми.

Кончики пальцев нащупали края лежащего подо мной матраса. Как я сюда попала, неужели я спала под звездным небом?

— Они не стали ждать, — сообщил Джейми Иену. — Скоро закончат.

— Помоги мне подняться, — попросила я. Джейми протянул руку, но Иен покачал головой.

— Нет-нет, я помогу. — Иен осторожно приподнял меня, стараясь не задевать больных мест. Голова у меня закружилась, как попавший в водоворот корабль. Я застонала.

— Что док со мной сделал?

— Вколол немного морфия — все равно тебе нужно было выспаться.

Я нахмурилась.

— Лекарство нужно другим!

— Ш-ш-ш, — сказал Иен.

В тишине раздался чей то голос. Люди окружили неглубокое, темное углубление в скале, сделанное ветром под ненадежной с виду грудой камней.

Я узнала голос Труды.

— Уолтер во всем видел только хорошее. Он нашел бы светлые стороны даже в черной дыре. Мне будет его не хватать.

Труды выступила вперед и бросила в темноту горсть песка, который с едва различимым шуршанием посыпался у нее из руки. Она вновь встала рядом с мужем, и Джеффри шагнул к темному углублению.

— Он разыщет свою Глэдис. Там ему лучше, чем здесь. — Джеффри бросил свою щепоть.

Иен подвел меня поближе, и я рассмотрела угрюмую пещеру. На земле перед нами темнел прямоугольник, вокруг которого полукругом стояли люди.

Здесь собрались все. Вперед выступил Кайл.

Я задрожала, Иен мягко сжал мою руку.

Кайл даже не посмотрел в нашу сторону. Он стоял к нам в профиль; правый глаз заплыл и почти не открывался.

— Уолтер умер человеком, — сказал Кайл. — Большого и желать нельзя. — Он бросил горсть земли в темный прямоугольник.

Кайл присоединился к остальным.

Теперь Джаред встал на краю могилы Уолтера.

— Уолтер был добрейшим человеком. Никто из нас с ним не

сравнится. — И снова с шуршанием посыпался песок.

Джаред похлопал Джейми по плечу, и мальчик шагнул вперед.

— Уолтер был смелым, — сказал Джейми. — Он не боялся умирать, не боялся жить и... он не боялся верить. Он принимал правильные решения. — Джейми бросил горсть песка и отступил, не спуская с меня глаз.

— Твоя очередь, — прошептал он.

Энди, с лопатой в руках, направился к могиле.

— Пойдите! — прозвенел в тишине голос Джейми. — Анни и Иен еще не попрощались.

В толпе зашептались. Мой рассудок бился в черепной коробке.

— Давайте проявим уважение, — сказал Джеб громче, чем Джейми. По мне, так слишком громко.

Сперва я хотела кивнуть Энди, мол, начинай, и собиралась попросить Иена унести меня. В конце концов, это человеческая скорбь, не моя.

Но я тоже скорбела. И мне было что сказать.

— Иен, помоги мне собрать песок.

Иен опустил меня к земле, чтобы я смогла поднять горстку мелких камешков. Он усадил меня на колено и нагнулся сам, за своей щепотью. Затем подвел меня к краю могилы.

Могила, чернеющая под каменной насыпью, казалась бездонной.

Пока я собиралась с силами, Иен произнес:

— В Уолтере было все самое лучшее, самое светлое, что может быть в человеке. — Иен ссыпал песок в яму. Спустя долгое время послышалось шуршание: песок достиг дна.

Иен посмотрел на меня.

Я стояла в абсолютной тишине под покровом звездной ночи. Даже ветер стих. Мой шепот слышали все.

— В твоём сердце не было ненависти. Своим существованием ты доказал, что мы неправы. Мы не имели права вторгаться в твой мир, Уолтер. Я надеюсь, что ваши сказки окажутся правдой. Надеюсь, ты отыщешь свою Глэдис.

Камешки посыпались меж разжатых пальцев и с легким шорохом упали на тело Уолтера, скрытое глубокой, темной могилой.

Иен отступил от края, и Энди взялся за работу, забрасывая могилу светлой, пыльной землей из кучи рядом с пещерой. Земля с лопаты падала с глухим стуком. Я поежилась.

Подождал Аарон с лопатой в руках. И Иен медленно понес меня прочь, уступая место. Позади земля глухо заполняла могилу. Толпа шепотом

обсуждала похороны.

Иен направился к темному матрасу, что лежал на голой земле, неуместный и нелепый. Лицо Иена, покрытое полосами светлой грязи, было встревоженным. Знакомое выражение. Иен уложил меня на матрас, и я отвлеклась. Что мне делать здесь, под открытым небом, — спать? Подошел док, и они с Иеном склонились надо мной.

— Как ты? — спросил док.

Я хотела сесть, но Иен удержал меня за плечо.

— В порядке. Наверное, ходить смогу...

— Не стоит перенапрягаться. Пусть нога несколько дней отдохнет. —

Док с отсутствующим видом приподнял мне правое веко, посветил в глаз тоненьким лучом. На его лице вспыхнуло яркое отражение. Он отпрянул, а вот рука Иена у меня на плече почему-то даже не дрогнула.

— Х-м-м... Как голова? — поинтересовался док.

— Кружится немного. По-моему, рана тут ни при чем, это из-за лекарств, которые вы мне дали. Мне они не нравятся — уж лучше бы болело.

Док поморщился, и Иен тоже.

— В чем дело? — спросила я.

— Собираюсь снова тебе вколоть болеутоляющее, прости уж.

— Но... почему? — прошептала я. — Рана не настолько серьезная. Я не хочу...

— Нужно отнести тебя внутрь, — перебил меня Иен — тихо, словно не хотел, чтобы его услышали. Сзади разговаривали, меж камней гуляло эхо. — Мы пообещали... что ты будешь без сознания.

— Завяжите мне глаза.

Док достал из кармана маленький шприц, заполненный на четверть — им явно уже пользовались. Я прильнула к Иену, его пальцы сжали мне плечо.

— Ты слишком хорошо знаешь пещеры, — пробормотал док. — Некоторые не хотят, чтобы ты догадалась...

— Но куда мне идти? — иступленно зашептала я. — Даже если бы я знала дорогу? Зачем мне уходить?

— Так будет проще... — сказал Иен.

Док взял мое запястье, и я не стала сопротивляться. Игла ужалила кожу. Я отвернулась и посмотрела на Иена. В темноте его глаза посуровели: в моем взгляде ясно читалось «предатель».

— Прости, — пробормотал он, и я погрузилась в забытие.

Глава 35

Испытание

Я застонала. Голова кружилась, мысли путались, подступала тошнота.

— Наконец-то, — с облегчением пробормотал кто-то. Иен. Ну конечно. — Есть хочешь?

При мысли о еде меня чуть не вырвало.

— Ой, прости, пожалуйста. Нам пришлось тебя усыпить, а то у некоторых началась паранойя...

— Все в порядке, — вздохнула я.

— Воды хочешь?

— Нет.

Я открыла глаза, пытаюсь сориентироваться в темноте. Сквозь трещину в потолке над головой сияли две звезды. Все еще ночь... Или это уже следующая ночь?

— Где мы? — спросила я. Какие-то незнакомые трещины — я никогда прежде не видела этого потолка.

— Твоя комната... — Лицо Иена в темноте казалось неясным пятном.

Подо мной — настоящий матрас, под головой — подушка. Рука случайно наткнулась на ладонь Иена, и он легонько сжал мне пальцы.

— Чья это комната на самом деле?

— Твоя.

— Иен...

— Раньше была нашей — моей и Кайла. Пока все не решится, Кайла... держат в больничном крыле. Я перееду к Уэсу.

— Я не хочу занимать твою комнату. А что значит «пока все не решится»?

— Я же говорил, будет суд.

— Когда?

— Зачем тебе знать?

— Потому что если вы затеяли суд, я обязана на нем все объяснить.

— Солгать, ты имеешь в виду.

— Когда? — повторила я.

— На рассвете. Тебя я туда не поведу.

— Ну и не надо, сама доберусь. Вот только голова перестанет кружиться...

— Ты что, серьезно?

— Вполне. Нечестно, что вы не даете мне слова.

Иен вздохнул, отпустил мою руку и медленно поднялся: хрустнули суставы. Сколько времени он просидел вот так, в темноте, ожидая моего пробуждения?

— Скоро вернусь. Ты, может, есть и не хочешь, зато я умираю с голода.

— Да, ночь выдалась длинная.

— Угу.

— Как рассветет, я отправлюсь на суд, не стану тебя здесь дожидаться.

— Не сомневаюсь. — Иен сухо усмехнулся. — Я вернусь до рассвета и провожу тебя, куда ты хочешь.

Он толкнул одну из створок, закрывающих вход в пещеру, переступил порог и прикрыл дверь. Я задумалась: на одной ноге передвигаться непросто. Хорошо бы, Иен поскорее вернулся.

В ожидании я разглядывала звездочки, горевшие на видимом кусочке неба, и постепенно пол перестал раскачиваться. Мне не нравились человеческие лекарства. Боль вернулась, и в довершение всего раскалывалась голова. Время тянулось медленно. Сон не шел: я проспала почти сутки и страшно проголодалась, но надо было дождаться, пока уляжется возмущение в желудке.

Иен вернулся до первых лучей, как и обещал.

— Полегчало? — спросил он, появляясь в проеме.

— Кажется. Я еще не шевелила головой.

— Как думаешь, такая реакция на морфий — это ты или тело Мелани?

— Мелани. Она плохо переносит обезболивающие. Это выяснилось несколько лет тому назад, когда она сломала запястье.

Он на миг задумался.

— Странно это... Общаться с двумя людьми сразу.

— Странно, — согласилась я.

— Еще не передумала? Может, поешь?

— Ой, хлебом пахнет... — Я улыбнулась. — Живот вроде унялся.

— Вот и хорошо.

Тень Иена легла рядом со мной. Он нащупал мою руку и вложил в ладонь булочку.

— Помоги встать, пожалуйста, — попросила я.

Он бережно приобнял меня за плечи и поставил на ноги точным движением, чтобы свести к минимуму боль в боку. К коже прилегло что-то чужеродное, твердое и жесткое.

— Спасибо, — сказала я, стараясь не дышать. Голова слабо кружилась.

Я потрогала бок: между футболкой и кожей обнаружился какой-то посторонний слой.

— У меня сломаны ребра?

— Док точно не знает, но лучше побережься.

— Он работает не покладая рук.

— Это точно.

— Зря я раньше плохо к нему относилась.

— Глупости, — рассмеялся Иен. — Странно, что ты вообще хорошо к нам относишься.

— Это из-за вас. — Я вгрызлась в жесткую булочку, машинально прожевала, проглотила и стала ждать, как отреагирует желудок.

— Не слишком-то аппетитно, знаю, — вздохнул Иен. Я пожала плечами.

— Надо же как-то проверить, тошнит меня или нет.

— Как насчет чего-нибудь повкуснее...

Я с любопытством посмотрела на него, но лица было не разглядеть. Что-то хрустнуло, зашуршало... а потом я почувствовала запах и поняла.

— «Читос»! — вскрикнула я. — Правда? Мне? — Что-то прикоснулось к губам, и я быстро схрумкала предложенное лакомство.

— Я о них мечтала, — вздохнула я, жуя.

Иен засмеялся и вложил пакетик мне в руку. Я быстро опустошила содержимое, а после, пока во рту оставался сырный вкус, доела булочку. Предугадав мою просьбу, Иен протянул бутылку с водой.

— Спасибо тебе. И за «Читос», и за все остальное.

— Анни, я всегда рад помочь.

Я заглянула в его синие глаза, мне казалось, что в словах Иена скрывалось нечто большее, чем простая вежливость. Внезапно меня осенило, что я различаю цвет его глаз. Звезды исчезли из трещины в потолке, в просвете серело утреннее небо. Светало.

— Уверена? — Иен с готовностью подставил руки. Я кивнула.

— Нести меня не нужно. Дойду сама.

— Увидим. — Он помог мне подняться, обхватил меня за пояс одной рукой, а мою руку закинул себе на шею. — Осторожнее. Ну как?

Я заковыляла вперед. Больно, но терпеть можно.

— Отлично, пошли.

«Мне кажется, Иен к тебе равнодушен».

«Равнодушен?» — Я никак не ожидала услышать Мелани, да еще так отчетливо. В последнее время она проявлялась только в присутствии Джареда.

«Между прочим, я тоже тут. Он не забыл?»

«Конечно же, нет. Он доверяет нам больше, чем кто бы то ни было, не считая Джеба и Джейми».

«Я не об этом».

«Что ты имеешь в виду?»

Но она уже исчезла.

Путь оказался долгим. Как ни странно, пришлось идти довольно далеко. Я-то думала, мы направляемся на главную площадь или на кухню — обычные места собраний. Вместо этого мы свернули к восточному полю и пошли дальше, в большую, глубокую черную пещеру, которую Джеб назвал «игровой комнатой». Я не была здесь с моей первой экскурсии. В нос ударил едкий запах серного источника.

В отличие от большинства местных пещер игровая комната была гораздо больше в ширину, чем в высоту. Тусклые голубые лампы не стояли на полу, а крепились под потолком, который нависал всего в нескольких футах над головой, как в жилых домах. А вот стены находились слишком далеко от ламп, и их было не разглядеть. Вонючий источник журчал и булькал где-то в дальнем углу.

Кайл сидел на освещенном месте, обхватив колени длинными руками. Лицо его напоминало суровую маску, а глаз он не поднимал. По бокам — навтыжку, как два охранника, — застыли Джаред и док. Неподалеку, перекинув ружье через плечо, стоял Джеб в нарочито непринужденной позе. Рядом с ним Джейми... нет, пожалуй, это Джеб ухватил Джейми за запястье, и мальчику, похоже, подобное обращение не нравилось. Увидев нас, Джейми улыбнулся, помахал рукой и многозначительно посмотрел на Джеба. Джеб разомкнул пальцы.

Немного в стороне от дока устроились Шэрон и тетя Мэгги.

Иен повел меня к краю освещенного пятна, к остальным — лиц в толпе было не разглядеть. Странно: пока мы пробирались по туннелям, Иен с легкостью почти нес меня. Теперь же он, похоже, устал, рука на моей талии ослабла. Спотыкаясь, я доковыляла до выбранного им места. Он опустил меня на пол и сел рядом.

— Ой, ну тебе и досталось! — шепнул кто-то за спиной. Я обернулась. Трудн пробралась поближе к нам, Джефри и Хит последовали ее примеру.

— Выглядишь паршиво, — сказала она. — Очень больно? — Я пожалала плечами.

— Терпимо.

Значит, Иен специально притворился обессиленным, чтобы люди заметили мои травмы — всем своим видом я словно обвиняла Кайла. Я

посмотрела на него: сама невинность... и нахмурилась.

Лили и Уэс сели рядом с небольшой группкой моих защитников. Появился Брандт, за ним Хайди, Энди и Пейдж. Последним пришел Аарон.

— Все в сборе, — сказал он. — Люсина осталась с детьми. Она не захотела их сюда приводить, так что начинаем без нее.

Аарон сел рядом с Энди, и на короткое время воцарилась тишина.

— Ну что ж, — громко заявил Джеб, так чтобы слышали все. — Предлагаю провести открытое голосование: как решит большинство, так и будет. Но опять же, если решение большинства меня не устроит, я приму свое собственное, потому что это...

— Мой дом... — дружно подхватило несколько голосов. Кто-то захихикал, но вовремя спохватился. Ничего смешного: судили человека по обвинению в убийстве пришельца. Для всех этот день обещал стать кошмаром.

— Кто выскажется в обвинение? — спросил Джеб. Иен привстал. Я вцепилась ему в локоть, но он откинул мою руку и поднялся во весь рост.

— Все очень просто, — начал Иен. Мне хотелось вскочить и закрыть ему рот рукой, но встать не хватило сил. — Моего брата предупреждали, что правила здесь устанавливает Джеб. Анни — одна из нас. И правила, и защита распространяются на нее точно так же, как и на любого из присутствующих. Джеб ясно дал понять: если кому-то не нравится общество Анни, пусть убирается. Кайл предпочел остаться. Он знал тогда, знает и сейчас, какое наказание полагается за убийство.

— Она же выжила, — проворчал Кайл.

— Только поэтому я не прошу о твоей казни, — огрызнулся Иен. — Но жить здесь ты больше не должен. В душе ты убийца.

Иен пристально посмотрел на брата, а затем снова сел на пол рядом со мной.

— А если его поймают?! — возмутился Брандт. — Он приведет тварей сюда, и мы ничего не сможем сделать.

По комнате пробежал шепоток. Кайл метнул взгляд на Брандта.

— Я не дамся живым!

— Тогда это все равно что смертный приговор, — пробормотал кто-то, и одновременно Энди произнес:

— Где гарантии?

— Спокойно, высказываемся по очереди, — предупредил Джеб.

— Я знаю, как выжить снаружи, — процедил Кайл.

— Это риск! — прозвучало из темноты.

Я не могла различить, кто говорит: все голоса для меня слились в

приглушенный шепот.

— А что Кайл такого сделал? Вроде ничего особенного... — раздался чей-то голос.

— Правила здесь устанавливаю я, — напомнил Джеб.

— Она не одна из нас, — возразил кто-то. Иен приподнялся.

— Эй! — не выдержал Джаред. Его голос прогремел так громко, что все вздрогнули. — Мы здесь судим не Анни! Или у кого-то здесь есть что ей предъявить? Тогда просите об отдельном суде. Мы все знаем, что она никому не причинила зла, наоборот, спасла ему жизнь. — Джаред ткнул пальцем в сторону Кайла. Кайл дернулся, словно от удара. — Он пытался сбросить ее в реку, но она, рискуя жизнью, спасла его от мучительной смерти, хотя знала, что, если он погибнет, жизнь ее станет намного безопаснее. И тем не менее она его спасла. Кто из вас поступил бы так же: спас врага? Он пытался ее убить, а она его защищает!

Джаред вскинул руку, показывая на меня. Все взгляды обратились ко мне.

— Анни, ты готова его обвинить?

Я уставилась на Джареда неверящими глазами: он выступил в мою защиту, заговорил со мной, обратился ко мне по имени. Мелани обуревали противоречивые чувства: ее переполняла радость, потому что он вот так, по-доброму, смотрел на нас, его глаза лучились мягким светом, которого в них не было долгое-долгое время. Но он произнес мое, мое имя...

Я не сразу нашла в себе силы заговорить.

— Это все какое-то недоразумение, — прошептала я. — Мы с Кайлом оба упали, потому что обрушился пол, вот и все. — Я говорила шепотом, в надежде, что так легче будет скрыть ложь. Иен фыркнул, сдерживая смех. Я толкнула его локтем... Бесполезно.

Джаред смотрел на меня и улыбался.

— Она лгать не умеет, но пытается его защитить!

— Анни не способна лгать, — добавил Иен.

— Кто сказал, что тварь лжет? Где доказательства? — Мэгги шагнула на пяточок, где сидел Кайл. — То, что в ее устах звучит как ложь, вполне может оказаться правдой.

— Мэг... — открыл рот Джеб.

— Заткнись, Джебедия. Дай мне сказать. Я не понимаю, зачем мы здесь собрались. Ни один человек не пострадал. Ваша хитрая приживалка никаких претензий не имеет. Мы просто теряем время.

— Согласна, — ясным громким голосом произнесла Шэрон. Док бросил на нее взгляд, полный боли.

Труди вскочила на ноги.

— Мы не можем жить под одной крышей с убийцей: рано или поздно он добьется своего!

— Убийство — понятие субъективное, — прошипела Мэгги. — Лично я считаю, что убийство — это когда убивают человека!

Рука Иена мягко легла мне на плечо — я вся дрожала.

— Человек — тоже субъективное понятие, Магнолия. — Джаред наградил ее пристальным взглядом. — И мне всегда казалось, что оно подразумевает хотя бы долю сочувствия и милосердия.

— Давайте голосовать, — сказала Шэрон, опередив мать. — Кто за то, чтобы Кайл остался и не был наказан за это... недоразумение, поднимите руки. — Повторяя употребленное мной слово, она смотрела не на меня, а на Иена.

Руки поползли вверх. Джаред нахмурился.

Я попыталась поднять руку, Иен сжал мои плечи и сердито засопел. Я как могла высоко держала ладонь. Впрочем, в итоге оказалось, что мой голос ничего бы не решил.

Джеб считал вслух.

— Десять... пятнадцать... двадцать... двадцать три. Ясно, большинство.

Неважно, кто как голосовал. Достаточно было и того, что в нашем тесном кружке все стояли, скрестив руки на груди, и выжидающе глядели на Джеба.

Джейми отошел от Джеба, протиснулся между Труди и мной и прижался ко мне, положив руку поверх руки Иена.

— Возможно, вы, Души, были правы насчет нас, — звонко сказал Джейми. — Большинство здесь не лучше, чем...

— Т-с-с, — шикнула я.

— Голосование окончено, — сказал Джеб. Все притихли. Джеб посмотрел на Кайла, на меня, а затем на Джареда. — Ладно. На этот раз я уступлю мнению большинства.

— Джеб, — в один голос заговорили Иен и Джаред.

— Мой дом, мои правила, — напомнил им Джеб. — Никогда не забывайте об этом. А теперь послушай меня, Кайл. И ты, Магнолия, тоже послушай. Любой, кто посмеет поднять руку на Анни, пойдет не под суд, а прямоком в могилу. — Для вящей убедительности Джеб хлопнул по прикладу ружья.

Я вздрогнула.

Магнолия бросила на брата полный ненависти взгляд. Кайл кивнул,

словно соглашаясь с условием.

Джеб оглядел присутствующих, встретился взглядом с каждым из них, кроме тех немногих, кто собрался возле меня.

— Суд окончен, — объявил он. — Ну что, сыграем?

Глава 36

Доверие

Все расслабились, шепоток стал оживленнее. Джейми поджал губы и развел руками.

— Джеб хочет, чтобы все поскорее наладилось, а то и без того тяжело. Похороны Уолтера...

Меня передернуло.

Джеб с улыбкой взглянул на Джаред. Джаред вздохнул, закатил глаза и вышел из пещеры.

— Джаред достал новый мяч? — спросил кто-то.

— Клево! — обрадовался Уэс.

— Играть они собрались... — Трудि покачала головой.

— Хоть напряжение снимем, — тихо ответила Лили, пожимая плечами.

Их негромкие голоса звучали совсем рядом, но до меня доносились и другие, более громкие.

— На этот раз полегче с мячом! — Аарон протянул Кайлу руку. Кайл ухватился за нее и выпрямился, почти касаясь головой висящих на потолке ламп.

— Последний мяч был бракованный. — Кайл улыбнулся старшему товарищу. — Слишком быстро сдулся...

— Чур, Энди — капитан! — прокричал кто-то.

— А у нас — Лили! — Уэс вскочил на ноги.

— Энди и Лили.

— Ага, Энди и Лили.

— Я выбираю Кайла, — быстро сказал Энди.

— Тогда я беру Иена, — не растерялась Лили.

— Джаред.

— Брандт.

Джейми поднялся с земли и привстал на цыпочки.

— Пейдж.

— Хайди.

— Аарон.

— Уэс.

Выкрикивание имен продолжалось. Джейми зарделся: Лили выбрала

его раньше доброй половины взрослых. Даже Мэгги с Джебом разобрали по командам. Количество было равным, пока с Джаредом не вернулась Люсина — ее ребяташки просто скакали от возбуждения. Джаред держал в руке новенький блестящий футбольный мяч; он протянул руку с мячом, и Исая, старший из братьев, запрыгал, пытаясь его выбить.

— Анни? — спросила Лили.

Я покачала головой и кивнула на ногу.

— Ой, я и забыла, извини...

«Я отлично играю в футбол, — проворчала Мел. — Ну... то есть раньше играла».

«Я едва могу ходить», — напомнила я ей.

— Думаю, я пока посижу, — сказал Иен.

— Ни в коем случае, — возмутился Уэс. — У них Джаред и Кайл. Без тебя нам конец.

— Играй, — сказала я. — А я... я послежу за счетом. — Он посмотрел на меня и поджал губы.

— Сегодня я не в настроении.

— Ты им нужен. — Он фыркнул.

— Иен, пойдем, — торопил Джейми.

— Мне хочется посмотреть, — сказала я. — Неинтересно, если у одной из команд слишком большое преимущество.

— Анни! Врун из тебя никакой. — Иен со вздохом поднялся и начал разминаться вместе с Уэсом.

Пейдж установила «ворота» — четыре фонаря.

Я оказалась в самом центре поля, но меня не замечали в полумраке. У всех было приподнятое настроение. Джеб был прав: все нуждались в разрядке. Я подтянула здоровую ногу, оперлась на больную, с трудом стала на четвереньки. Ногу пронзила боль. Я решила рывком выпрямиться и поскакать на одной ноге, но не удержалась и завалилась.

Сильные руки поймали меня. С извиняющейся улыбкой я подняла глаза... Слова комом встали в горле — меня подхватили руки Джареда, и он помог мне доковылять до входа в пещеру.

— Могла бы и попросить, — как ни в чем не бывало заявил он.

— Могла бы... — Я прокашлялась. — Просто не хотелось...

— Привлекать к себе внимание? — В словах Джареда прозвучал не укор, а неподдельный интерес.

Я помотала головой.

— Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь делал что-то из вежливости, против желания. — Не совсем точное описание, но он, похоже, меня понял.

— Джейми с Иеном наверняка бы с удовольствием помогли.

Я оглянулась. В полутьме они даже не заметили моего исчезновения. Они подбрасывали мяч головами: Уэсу мяч попал в лицо, послышался смех.

— Они веселятся. Я не хотела им мешать.

Джаред изучал мое лицо; я вдруг поняла, что нежно улыбаюсь.

— А ты ведь сильно переживаешь за мальчика.

— Да.

— А за мужчину? — Джаред кивнул в сторону Иена.

— Иен... он мне верит. Присматривает за мной. Иногда он очень добр... для человека. — «Почти как Душа», — чуть не вырвалось у меня. Вряд ли Джаред принял бы мои слова за комплимент.

— «Для человека», — фыркнул Джаред. — Никогда не задумывался, как это важно.

Он усадил меня на пороге. Скала здесь образовывала что-то вроде невысокой скамейки, более удобной, чем каменный пол.

— Спасибо, — поблагодарила я. — Знаешь, Джеб поступил правильно.

— По моему, нет. — Тон Джареда был мягче, чем его слова.

— И еще... спасибо, что встал на мою защиту.

— Каждое слово было правдой.

— Я действительно никому не желаю зла. — Я потупилась. — Я не нарочно... Прости, что причинила вам боль своим появлением — тебе и Джейми. Прости.

— Честно говоря... — Джаред с задумчивым видом присел рядом. — С тех пор, как ты здесь, Джейми словно подменили. А ведь я уже начал забывать, как он смеется.

Мы прислушались к залиvistому детскому хохоту, который разносился по пещере.

— Спасибо за твои слова. Я больше всего переживала, что нанесла непоправимый вред.

— Почему?

Я недоуменно посмотрела на него.

— Почему ты его любишь? — произнес он мягко и с интересом.

Я прикусила губу.

— Можешь мне сказать. Я... я... — Он подбирал слова. — Можешь мне сказать, — повторил он.

Я ответила, глядя в пол.

— Отчасти, потому что его любит Мелани. — Даже не поднимая

головы, я почувствовала, как он вздрогнул, услышав ее имя. — Воспоминания... сильная штука. А потом, когда я с ним познакомилась... — Я пожала плечами. — Джейми невозможно не полюбить. Каждая клеточка этого тела проникнута любовью к нему. Раньше я не понимала, как сильно на меня влияет носитель. Может, все дело в человеческом теле, а может — в Мелани.

— Она с тобой разговаривает? — голос Джаред напрягся.

— Да.

— Часто?

— Когда пожелает. Когда ей интересно.

— А сегодня?

— Немного. Она... вроде как на меня злится. — У него вырвался удивленный смешок.

— Злится? На что?

— Из-за... — Интересно, тут могут осудить дважды за одно и то же преступление? — Нет, ничего...

Он распознал ложь и сделал выводы.

— А, из-за Кайла? Она хотела, чтобы его осудили? — Джаред снова рассмеялся. — С нее станется.

— Она бывает... жестокой. — Я улыбнулась, пытаясь смягчить свои слова.

Джаред не обиделся.

— Правда? Например?

— Она хочет, чтобы я боролась за себя. А я... не могу. Я не боец.

— Это заметно! — Кончиком пальца он коснулся ссадины у меня на щеке. — Прости меня, пожалуйста!

— Да ладно тебе, любой на твоём месте поступил бы точно так же. Наверное, очень неприятно...

— Ты бы так не поступила.

— Была бы человеком, еще как поступила бы! И потом, я совсем об этом не думаю... Я вспоминала об Ищейке.

Джаред напрягся. Я улыбнулась, и он чуть расслабился.

— Мелани хотела ее задушить. Она просто ненавидит эту Ищейку. И я ее не виню.

— Она до сих пор тебя ищет. Хотя, похоже, ей все-таки пришлось вернуть вертолет.

Я закрыла глаза, сжала кулаки и постаралась дышать ровно.

— Ничего не могу поделать со страхом, — прошептала я. — Не знаю, почему, но она пугает меня, сильно пугает. Где она сейчас?

— Не волнуйся. Вчера она колесила по шоссе. Ей тебя не найти.
Хотелось бы верить.

— А сейчас... ты слышишь Мелани? — пробормотал Джаред.

Я не открывала глаз.

— Я... ее чувствую. Она внимательно слушает.

— Что она думает? — едва слышно прошептал он. «Это твой шанс, — обратилась я к Мелани. — Что ты хочешь ему сказать?»

Она вдруг насторожилась. Приглашение было слишком неожиданным.

«Почему? Почему он вдруг нам поверил?» Я открыла глаза: Джаред смотрел на меня, затаив дыхание.

— Она хочет знать, почему ты так резко изменил свое отношение. Почему ты нам веришь?

Он на миг задумался.

— Так совпало. Ты очень по-доброму отнеслась к Уолтеру. Я думал, лишь док способен так сопереживать. И ты спасла жизнь Кайлу, хотя большинство из нас на твоём месте бросили бы его на верную смерть, хотя бы для того, чтобы облегчить себе жизнь. И потом, ты врать не умеешь... — Джаред рассмеялся. — Я пытался себя убедить, что это часть какого-то хитрого плана. Возможно, завтра я очнусь и снова так подумаю, но сегодня, когда к тебе стали приставать с обвинениями... В общем, я не выдержал. Я как будто увидел себя со стороны и понял, что на самом деле давно тебе верю, только во мне говорит упрямство. И жестокость. Думаю, я тебе верил, с тех пор как... ну, почти верил... с той самой ночи, когда ты пыталась меня защитить. От Кайла! — Джаред произнес это так, словно Кайл не представлял совершенно никакой опасности. — Только вот, в отличие от тебя, я умею лгать. Лгать самому себе.

— Мелани боится, что ты передумаешь. — Он закрыл глаза.

— Мел.

Сердце в груди заколотилось. Это ее радость заставила его биться быстрее, не моя. Наверняка он догадался, что я тоже его люблю. После вопросов о Джейми он должен был это понять.

— Скажи ей, что я ни за что не передумаю.

— Она тебя слышит.

— Каким образом?

— Она слышит все, что я слышу, и видит все, что я вижу.

— И чувствует все, что ты чувствуешь?

— Да.

Он скорчил неловкую гримасу, снова дотронулся до моего лица, нежно погладил щеку.

— Я так перед тобой виноват!

Кожа вспыхнула под его пальцами, слова согревали еще сильнее. Конечно, он чувствовал себя виноватым. Перед Мелани. Я тут совершенно ни при чем.

— Давай, Джаред! Пошли! — окликнул Кайл беспечно, словно и не было суда, самого важного суда в его жизни. Возможно, он заранее был уверен в исходе дела. Или умел быстро забывать о плохом. Меня он старательно не замечал.

В отличие от остальных.

Джейми следил за нами с довольной улыбкой. Наверное, он радовался.

«Что ты имеешь в виду?»

«Разве не заметно, как он на нас смотрит? Как на вновь обретенную семью!» «А разве не так?»

«С одним нежеланным дополнением». «Все равно это лучше, чем вчера». «Наверное...»

«Не наверное, а точно, — признала Мелани. — Меня радует, что Джаред обо мне знает... и очень не нравится, когда он к тебе прикасается».

«А мне нравится. Слишком нравится. — От прикосновений Джареда по коже бежали мурашки. — Прости».

«Я тебя не виню. Ну, или, по крайней мере, стараюсь».

«Спасибо».

За нами наблюдал не только Джейми.

Джеб смотрел с любопытством, пряча в бороде знакомую ухмылку.

В глазах Шэрон и Мэгги горел огонь. Их выражения были так схожи, что Шэрон, несмотря на юную кожу и блеск волос, выглядела совсем как ее седая мать.

Иен нервничал и тревожно поглядывал в нашу сторону — казалось, он в любой момент готов броситься на мою защиту. Я улыбнулась ему: мол, все хорошо, Джаред меня не обижает. Иен тяжело вздохнул в ответ.

«Думаю, он переживает по другому поводу», — заявила Мелани.

— Сейчас она с тобой разговаривает? — Джаред поднялся на ноги, но по-прежнему не сводил с меня взгляда.

Вопрос отвлек меня, и я не разобралась, что Мелани имела в виду.

— Да.

— Что она говорит?

— Мы обсуждаем, как остальные восприняли... перемену в твоем ко мне отношении.

Я кивком показала на кухню и тетю Мелани. Они дружно отвернулись.

— Крепкие орешки, — признал Джаред.

— Как хочешь! — Кайл направился к мячу, в центр освещенного круга. — Мы и без тебя победим.

— Иду! — Джаред с сожалением посмотрел на меня — на нас — и присоединился к играющим.

За счетом я следила из рук вон плохо. С того места, где я сидела, мяча почти не было видно, вне освещенного круга игроки превращались в размытые фигуры. Я ориентировалась на поведение Джейми: если его команда забивала гол, он издавал победный клич, а если пропускала — разочарованно стонал. Стонал он чаще, чем кричал.

Играли все. Мэгги стояла на воротах команды Энди, а Джеб был вратарем в команде Лили. Оба на удивление хорошо справлялись. В свете фонарей, которые изображали ворота, и Джеб, и Мэгги двигались легко и проворно, словно скинули лет по десять. Джеб смело бросался за мячом, а Мэгги обходилась без подобных крайностей и словно магнитом притягивала невидимый мяч. Почти каждый раз, когда Иен или Уэс били по воротам, мяч приземлялся точнехонько ей в руки.

Примерно через полчаса Труд и Пейдж вышли из игры и направились к выходу, возбужденно переговариваясь. Казалось невероятным, что утро началось с суда, и меня эта внезапная перемена радовала.

Женщины отсутствовали недолго и вскоре вернулись с коробками: батончики мюсли — да еще и с фруктовым наполнителем! Игру прервали. Джеб объявил перерыв, и все поспешили на завтрак.

Вкусности выложили в центр поля. Коробки тут же окружили.

— Анни! — Из толпы вынырнул Джейми с пригоршней батончиков. Под мышкой он зажал бутылку воды.

— Спасибо. Здорово!

— Ага! Жалко, ты не смогла сыграть.

— В следующий раз, — улыбнулась я.

— Вот ты где... — Иен тоже сжимал в горсти лакомства.

— А я первый, — сообщил ему Джейми.

— Ого! — Рядом с Джейми возник Джаред, который тоже захватил слишком много для одного.

Иен с Джаредом обменялись долгими взглядами.

— А где еда? — Кайл стоял над пустыми коробками, его взгляд метался по пещере в поисках преступника.

— Лови, — сказал Джаред, и резко, будто метательные ножи, один за другим бросил батончики.

Кайл с легкостью поймал лакомство и направился к нам — проверить,

не припрятал ли Джаред еще.

— Вот, держи, — сказал Иен и, не глядя на брата, отсыпал тому половину горсти. — Можешь идти.

Кайл его проигнорировал. Впервые за сегодняшний день он посмотрел на меня. В полумраке его зрачки поблескивали черным, выражение лица было непроницаемым.

Я дернулась, чуть не задохнувшись от боли в боку. Джаред и Иен встали вплотную, заслонив меня, как занавес сцену.

— Ну, кому говорят?! — угрожающе произнес Джаред.

— Дайте сказать! — Кайл втиснулся между ними. Ему не ответили.

— Я не раскаиваюсь, — обратился ко мне Кайл. — Я до сих пор считаю, что поступил правильно.

Иен толкнул брата. Кайл отлетел, но снова выступил вперед.

— погоди. Я не закончил.

— Закончил, — твердо сказал Джаред и сжал кулаки. Кожа на костяшках побелела.

Нас все заметили. Комната притихла, веселье от игры улетучилось.

— Нет, не закончил. — Кайл поднял руки, показывая, что сдается, и снова обратился ко мне. — Я не раскаиваюсь, но ты спасла мне жизнь. Не знаю, почему, но спасла. Так что жизнь за жизнь. Я не буду тебя убивать. Я умею платить долги.

— Ты полный придурок, — сказал Иен.

— Втюрился в червяка, братишка? И кто из нас придурок?

Иен рванулся к Кайлу.

— Я скажу тебе, почему, — неожиданно громко сказала я.

Иен, Джаред и Кайл уставились на меня, позабыв о драке. Я нервно прокашлялась.

— Я не дала тебе упасть... потому что я — другая. Я сейчас говорю не о людях в целом, потому что многие из вас на моем месте поступили бы так же. Здесь есть добрые люди. Например, твой брат, Джеб, док... Я не такая, как ты.

Кайл посмотрел на меня и прыснул.

— Да неужели! — только и сказал он, отвернулся и направился за водой. — Жизнь за жизнь, — бросил он через плечо.

Я не знала, стоит ли ему верить — люди так хорошо умеют лгать. Меня терзали сомнения.

Глава 37

Желание

Существовали определенные схемы, гарантировавшие победу. Если Джаред и Кайл играли вместе, их команда выигрывала. Если Джаред играл с Иеном, то побеждала их команда. Мне казалось, что Джареда невозможно обыграть, пока я не увидела, как братья играют вместе.

Поначалу чувствовалась некоторая неловкость: Иен напрягся, оказавшись в одной команде с Кайлом. Но спустя несколько минут схема заработала — схема, существовавшая задолго до моего прибытия на эту планету.

Кайл предугадывал каждое движение Иена, и наоборот. Они понимали друг друга без слов. Джаред перетянул на свою сторону лучших игроков: Брандта, Уэса, Энди, Аарона, Лили и Мэгги на воротах — и все равно Кайл с Иеном одержали победу.

— Ладно, ладно, — сказал Джеб, одной рукой перехватывая мяч, запущенный в ворота Энди, и засовывая его под мышку. — По-моему, ясно, кто победил. Извините, что обламываю весь кайф, но работа ждет... к тому же, если честно, я выжат как лимон.

Послышались вялые возгласы протеста, кто-то застонал, однако в основном люди смеялись. Никто особенно не расстроился из-за того, что веселье подошло к концу. Было ясно, что не один Джеб выдохся: некоторые уселись на корточки прямо там, где стояли, и, опустив голову между коленей, восстанавливали дыхание.

Народ потянулся из пещеры небольшими группками, вероятно, на кухню. Я подвинулась, освобождая проход. В темноте сложно было судить о времени, но по ощущениям приближалось время обеда. В просветы между направляющимися к выходу фигурами я наблюдала за Иеном и Кайлом.

Когда Джеб объявил результат, Кайл поднял руку, подставляя Иену открытую ладонь, но тот с невозмутимым видом прошествовал мимо. Тогда Кайл поймал брата за плечо и развернул к себе. Иен сбросил руку Кайла. Я напряглась: похоже, назревала драка. Кайл выкинул кулак, целясь Иену в живот. Иен с легкостью увернулся, и я поняла, что Кайл бил не всерьез. Он засмеялся, дотянулся своей ручищей до головы Иена и взлохматил шевелюру брата. Иен оттолкнул руку Кайла, с трудом сдерживая улыбку.

— Классно сыграли, братишка, — донесся голос Кайла. — Не разучился еще, смотрю.

— Вот придурок! — ответил Иен.

— Тоже мне, умник нашелся.

Кайл снова ударил, вполсилы. На этот раз Иен перехватил его руку и скрутил брата в борцовском захвате. Он больше не скрывал улыбки, а Кайл ругался сквозь хохот.

Со стороны это выглядело жестоко; я сощурилась, напряженно следя за их возней. В памяти всплыла картина из воспоминаний Мелани: три щенка катаются по траве, яростно тявкают и скалят зубы, словно их самое заветное желание — перегрызть глотку братьям.

«Дурачатся, — подтвердила Мелани. — Братские узы нелегко разрушить».

«И правильно. Так и должно быть. Если Кайл нас все-таки не убьет, они помирятся».

«Ага, если», — мрачно повторила Мелани.

— Проголодалась?

Я подняла глаза, и на короткий мучительный миг сердце замерло. Похоже, Джаред все еще мне верил. Я помотала головой, собираясь с силами для ответа.

— Не знаю, устала что-то. Странно: я ведь ничего не делала.

Он протянул мне руку.

«Не бери в голову, — предупредила Мелани. — Он просто пытается быть вежливым».

«Думаешь, я не понимаю?»

Я ухватила за его руку. Только бы он не заметил, как дрожат мои пальцы! Джаред осторожно помог мне подняться на ноги — точнее, на ногу. Я балансировала на здоровой ноге, не зная, что делать дальше. Джаред смутился, но руки не отпустил. Между нами оставалось свободное пространство. Я покраснела при мысли, как смешно буду выглядеть, скача на одной ноге по пещерам. И хотя я не опиралась на его руку, мои пальцы крепко сжались вокруг его.

— Куда?

— Э-э... — Я задумалась. — Даже не знаю. Кажется, возле норы на складе все еще лежит матрас.

Джаред недовольно нахмурился: эта идея нравилась ему не больше, чем мне.

И тут чья-то сильная рука подхватила меня под локоть, поддержала.

— Я ее отведу, куда надо, — сказал Иен.

Лицо Джареда застыло. Я помнила это выражение: так он смотрел на меня, когда не хотел, чтобы я догадалась, о чем он думает. Только вот сейчас смотрел он на Иена.

— Мы как раз решали, куда. Она устала. Может, в больницу?

Мы с Иеном одновременно покачали головой. Мне не хотелось возвращаться в лазарет, после ужаса проведенных там дней. Особенно теперь, когда пустовала койка Уолтера...

— У меня есть для нее место получше, — сказал Иен. — Эти койки жесткие как камень, а она вся в синяках.

Джаред до боли сжимал мне руку, но я жаловаться не собиралась.

— Может, пообедаешь? — предложил Иену Джаред. — Ты, наверно, проголодался. Я ее отведу, куда скажешь.

Иен мрачно фыркнул.

— Обойдусь. Видишь ли, Джаред, Анни нужен не просто провожатый. Не уверен, что тебе будет... комфортно, вряд ли ты дашь ей то, в чем она нуждается. Понимаешь... — Иен замолчал, наклонился и быстро подхватил меня на руки. Я охнула, когда он случайно задел больной бок. Джаред вцепился в мою ладонь так, что у меня покраснели кончики пальцев. — Пожалуй, на сегодня ей и без того достаточно. Ступай-ка ты на кухню.

Они смотрели друг на друга, а мои пальцы потихоньку немели.

— Давай я ее отнесу, — наконец тихо произнес Джаред.

— Попробуй, — усмехнулся Иен и протянул меня ему. Джаред взгляделся мне в лицо, вздохнул и выпустил мою руку.

«Как же больно!» — пожаловалась Мелани. Она говорила о щемящей боли в груди, покалывание в онемевших пальцах ее не беспокоило.

«Прости. Что поделаешь?»

«Он не твой».

«Да. Я знаю».

«Ох!»

«Прости».

С едва заметной торжествующей улыбкой Иен направился к выходу.

— Пойду-ка я с вами, — сказал Джаред. — Есть разговор.

— Как знаешь.

Мы двинулись по темным туннелям, Джаред беззвучно шел следом, словно его с нами не было. Только возле освещенного кукурузного поля он зашагал рядом. Мы прошли большую пещеру и остались втроем.

— Ты веришь Кайлу? — спросил Джаред Иена. Иен хмыкнул.

— Он гордо именует себя человеком чести. В обычной ситуации я бы

ему поверил, но... В общем, я с него глаз не спущу.

— Хорошо.

— Иен, ничего не случится, — сказала я. — Я не боюсь.

— И правильно. Тебя никто больше и пальцем не тронет. Здесь ты будешь в безопасности.

Было трудно оторвать взгляд от его сверкающих глаз, трудно сомневаться в его словах.

— Да, — согласился Джаред. — Это точно.

Он шел чуть позади, и я не видела выражения его лица.

— Спасибо, — прошептала я.

Иен остановился у красной и серой створок, что загораживали вход в его пещеру.

— Откроешь? — Иен кивнул на дверь.

Джаред не шелохнулся, на его лице опять появилось сдержанное выражение.

— Твоя комната? Хорошенькое ты выбрал место! — скептически заметил Джаред.

— Теперь это ее комната.

Я закусила губу. Я хотела возразить, что комната, конечно же, не моя, но не успела: Джаред продолжил расспрос.

— Где будет жить Кайл?

— С Уэсом, на время.

— А ты?

— Пока не знаю.

Они смотрели друг на друга, как бы оценивая.

— Иен, это... — заговорила было я.

— Ох, извини! — Иен словно только что сообразил, что держит меня на руках, как будто я вдруг стала невесомой и он про меня забыл. — Ты же устала! Джаред, придержи, пожалуйста, дверь.

Джаред резко дернул красную створку и задвинул ее за серую.

В лучах полуденного солнца, льющихся сквозь узкие трещины в потолке, я впервые рассмотрела комнату Иена. Не такая светлая, как комната Джареда и Джейми, она была меньше и более соразмерной — потолок ниже. Округлая — почти как моя старая нора, только раз в десять просторнее. На полу, у противоположных стен, лежало два одинаковых матраса, между ними оставался узкий проход. У дальней стены стоял невысокий деревянный шкаф; с левой стороны на нем высилась стопка одежды, две книги и колода игральных карт. Правая сторона пустовала, но по следам на пыли можно было определить, что недавно здесь лежали чьи-

то вещи.

Иен осторожно опустил меня на правый матрас, устроил поудобнее мою больную ногу и подоткнул под голову подушку. Джаред стоял в проходе, лицом к коридору.

— Так удобно? — спросил Иен.

— Да.

— Устала?

— Ага, только непонятно, с чего бы это. Последние дни я только и делаю, что сплю.

— Телу требуется сон, чтобы были силы на поправку. — Я кивнула. Веки сами собой слипались.

— Чуть позже я принесу тебе поесть, ни о чем не волнуйся.

— Спасибо... Иен?

— Да?

— Это твоя комната, — пробубнила я. — Само собой, ты будешь спать здесь.

— Ты не против?

— Почему я должна быть против?

— Вообще-то, неплохое предложение... Так я смогу за тобой присмотреть. Поспи.

— Хорошо.

Мои веки сомкнулись. Иен погладил меня по руке и встал. Спустя несколько секунд деревянная дверь тихо стукнула о камень.

«Что ты творишь?» — вскинулась Мелани.

«А? Что опять не так?»

«Анни, ты... почти человек. Ты должна понимать: Иен решит, что ты его пригласила».

«Пригласила? — Я не понимала, куда она клонит. — Ничего подобного. Это его комната. Тут две кровати. В пещерах слишком мало жилого места — не занимать же мне одной целую комнату! Само собой, приходится делиться. Иен же понимает...»

«Точно знаешь? Анни, разуй глаза. Он начинает... Как бы получше тебе объяснить? Чувствовать к тебе... то же самое, что ты чувствуешь к Джареду. Разве ты не видишь?»

Я умолкла, ощущая глухие удары сердца.

— «Не может быть», — наконец сказала я.

— Как думаешь, сегодняшние события как-то повлияют на Аарона и Брандта? — тихим голосом спросил Иен за дверью.

— Ты про Кайла?

— Угу. Раньше они ничего не предпринимали, потому что Кайл вызвался сделать черную работу за них.

— А, понял. Я с ними поговорю.

— Думаешь, этого будет достаточно? — спросил Иен.

— Они обязаны мне жизнью. За ними должок, так что мне они не откажут.

— Ты понимаешь, что на кону ее жизнь? — Последовала пауза.

— Мы за ней присмотрим, — наконец сказал Джаред. И снова долгое молчание.

— Есть собираешься? — спросил Джаред.

— Думаю, я пока побуду здесь... А ты? — Джаред не ответил.

— В чем дело? — спросил Иен. — Ты что-то хочешь мне сказать, Джаред?

— Девушка в твоей комнате... — медленно проговорил Джаред.

— Да?

— Это тело ей не принадлежит.

— И?

Голос Джареда стал жестким.

— Руки не распускай!

— Ревнуешь? — фыркнул Иен.

— Ревность тут ни при чем.

— Неужели? — Теперь в голосе Иена проступал сарказм.

— Анни так или иначе прислушивается к Мелани. Это даже можно назвать... дружбой. Только вот, судя по всему, решения принимает Анни. Представь, что ты Мелани. Что бы ты чувствовал на ее месте? Если бы кто-то вот так захватил твое тело? Ты в ловушке, кто-то другой управляет твоим телом, а ты не можешь за себя постоять... Хотел бы ты, чтобы с твоими желаниями — с теми, о которых известно, — считались? Хотя бы другие... люди?

— Ладно, ладно. Я понял, учту.

— Что значит «учту»? — возмутился Джаред.

— Это значит, я подумаю над твоими словами.

— Тут и думать нечего, — твердо возразил Джаред. Я представила выражение его лица — зубы сжаты, на скулах играют желваки. — Тело и запертый внутри человек принадлежат мне.

— Ты уверен, что Мелани все еще чувствует...

— Мелани всегда будет моей. А я — ее. «Всегда».

Внезапно нас с Мелани охватили совершенно разные чувства: она парила, окрыленная, а я...

Мы с нетерпением ждали продолжения разговора.

— Представь себя на месте Анни, — почти прошептал Иен. — Представь: тебя засунули в человеческое тело, выпустили на далекой планете, но оказалось, что среди своих ты чувствуешь себя чужим? У тебя настолько добрая... душа, что ты готов спасти отнятую жизнь, и чуть не погибаешь, пытаясь вернуть девушку обратно в семью? Представь, что ты очутился среди кровожадных инопланетян, которые не испытывают к тебе ничего кроме ненависти, тебя мучают и пытаются убить, снова и снова? — Его голос дрогнул. — И несмотря ни на что, ты спасаешь и лечишь этих людей? Разве ты не заслуживаешь права на жизнь? Неужели ты не заработал хотя бы это право?

Джаред не ответил. У меня на глазах выступили слезы. Неужели Иен так высоко меня ценит? Неужели он и впрямь считает, что я заслужила право жить здесь?

— Ты меня понимаешь? — настаивал Иен.

— Я... я подумаю над твоими словами.

— Подумай.

— И все-таки...

Иен со вздохом его прервал.

— Не волнуйся. Несмотря на тело, Анни все-таки не совсем человек. Похоже, она несколько иначе реагирует на... физический контакт.

Теперь Джаред смеялся.

— Это твоя теория?

— Что смешного?

— Она реагирует на физический контакт, еще как реагирует. — Джаред внезапно стал серьезным. — Вполне по-человечески. Или ее тело реагирует.

Мое лицо вспыхнуло. Иен молчал.

— Ревнуешь, О'Ши?

— Вообще-то да. Как ни странно. — Голос Иена звенел от напряжения. — Как ты это выяснил?

Теперь уже Джаред замялся.

— Я провел... что-то вроде эксперимента.

— Эксперимента?

— Только он пошел не совсем так, как я задумал. Мелани меня ударила... — прозвучал насмешливый голос Джареда, и я мысленно увидела, как в уголках его глаз собрались морщинки.

— Мелани... тебя... ударила?

— Да уж не Анни. Видел бы ты ее лицо...

— Что?

— Эй, Иен, спокойнее, дружище!

— Ты хоть на миг задумался о том, что ты с ней делаешь? — прошипел Иен.

— С Мелани?

— Нет, с Анни, болван!

— С Анни? — спросил Джаред, ошеломленный подобной мыслью.

— Иди отсюда. Поешь. И не подходи ко мне хотя бы пару часов.

Иен резко, но тихо отодвинул створку, проскользнул в комнату и прикрыл дверь. Он встретился со мной взглядом, удивился, что я не сплю, и, похоже, расстроился. В его глазах полыхнул и медленно угас огонь. Он сжал губы, склонил голову набок и прислушался. Я тоже прислушалась, но Джаред беззвучно ушел. Иен еще немного подождал, а затем со вздохом плюхнулся на край своего матраса.

— Кажется, мы разговаривали слишком громко, — сказал он.

— В пещерах хорошая слышимость, — прошептала я. Иен кивнул.

— Ну... — наконец сказал он. — И что ты думаешь?

Глава 38

Чувства

— О чем?

— О нашем с Джаредом... разговоре, — пояснил Иен. Я не знала, что и думать об их разговоре...

Иену каким-то образом удалось увидеть ситуацию моими глазами, глазами инопланетянки. Он считал, что я заслужила право на жизнь.

Но он... ревновал? К Джареду?

Он знал, кто я. Знал, что я — крохотное создание, вплавленное в мозг Мелани. «Червяк», как выразился Кайл. Впрочем, даже Кайл считает, что Иен в меня «втюрился». В меня? Это невозможно. Или Иен хотел знать, что я думаю о Джареде? Что чувствовала во время «эксперимента»? Подробности о моей реакции на физический контакт? Меня передернуло. Или его интересуют мои мысли о Мелани? Мысли Мелани об их разговоре? Согласна ли я с Джаредом насчет ее прав?

Я не знала, что и думать обо всем этом.

— Не знаю, — сказала я.

— Понимаю, — кивнул Иен.

— Все-то ты понимаешь.

Он улыбнулся. Удивительно, как в его глазах сочетались огонь и мягкость. Особенно учитывая их цвет, который больше походил на лед, чем на пламя. Сейчас они излучали тепло.

— Ты мне очень нравишься, Анни.

— Я только сейчас начала замечать. Кажется, до меня долго доходит.

— Я и сам не ожидал. — Мы оба задумались. Он поджал губы.

— И, полагаю, ты пока сама не знаешь, как к этому относиться?

— Нет... то есть, да. Не знаю. Я... я...

— Все в порядке. Ты ведь не ожидала... Должно быть, это очень странно.

— Да, — согласилась я. — Более чем странно. Невозможно.

— Скажи мне одну вещь, — произнес Иен чуть погодя.

— Если я знаю ответ.

— Вопрос несложный.

Он не сразу задал вопрос, а потянулся ко мне и взял меня за руку. Пальцы его левой руки медленно скользнули вверх, от запястья к плечу. Так

же медленно он повел их обратно. Он смотрел не на мое лицо, а на руку — под его пальцами возникали пупырышки гусиной кожи.

— Тебе приятно или не очень? — спросил он. «Неприятно», — настаивала Мел.

«Но это же не больно», — возразила я.

«Он спрашивает не об этом. „Приятно“ значит... Ох, ну ты как ребенок, честное слово».

«Знаешь, вообще-то мне еще и года нет. Или уже есть?» — Я отвлеклась, пытаясь вычислить дату.

Мелани не отвлекалась.

«Когда он говорит „приятно“, он имеет в виду другие ощущения. Помнишь прикосновения Джареда? — Она вызвала в памяти картину: чарующий каньон, догорающий закат, Джаред стоит у нее за спиной, их руки переплелись. По телу прокатилась волна удовольствия. — Вот об этом он и говорит».

«О...»

— Анни?

— Мелани говорит, неприятно, — прошептала я.

— А ты что скажешь?

— Я... я не знаю.

Его глаза лучились теплом, которого я не ожидала увидеть.

— Представляю, как тебе нелегко. — Он меня понимал — это утешало.

— Да. Я запуталась.

Он снова провел пальцами по моей коже.

— Хочешь, чтобы я прекратил? — Я задумалась.

— Да. Твои... пока ты так делаешь... трудно сосредоточиться. И Мелани... сердится. И это тоже мешает думать.

«Да не сержусь я. Скажи ему, чтобы ушел». «Иен — мой друг. Я не хочу, чтобы он уходил». Он отодвинулся, сложив руки на груди.

— Вряд ли она оставит нас наедине хотя бы на минуту, как думаешь?

— Вряд ли, — засмеялась я.

Иен о чем-то задумался и вдруг окликнул:

— Мелани Страйдер!

Мы обе вздрогнули, услышав это имя, а Иен продолжил:

— Если ты не возражаешь, я бы хотел побеседовать с Анни наедине. Существует ли какой-нибудь способ это уладить?

«Ну не наглость ли? Скажи ему, пусть даже не думает. Мне он не нравится». Я поморщилась.

— Что она говорит?

— Не позволяет. — Я попыталась выразиться как можно мягче. — А еще сказала, что ты ей... не нравишься.

Иен рассмеялся.

— Уважаю. Что ж, попытаться стоило. — Он вздохнул. — Вообще лишние уши все портят.

«Это кто здесь лишний?» — взвилась Мелани. Я скривилась, потому что знала, как она сердится — куда злее моего. «Привыкай».

Иен дотронулся до моей щеки.

— Я дам тебе время подумать, разобраться в своих чувствах...

Я попыталась мыслить объективно. Его рука нежно гладила мне щеку. Это было... приятно. Не сравнить с прикосновением Джареда, да и с объятиями Джейми тоже — приятно, но по-другому.

— Наверное, придется долго ждать. Знаешь, это все как-то странно, — сказала я.

Он улыбнулся.

— Знаю.

Он снова улыбнулся, и я вдруг поняла, что хочу ему нравиться. Остальное — рука на моем лице, пальцы на моей руке — оставалось под вопросом. Но мне хотелось ему нравиться, было важно, чтобы он хорошо обо мне думал, поэтому-то я и не решалась сказать правду.

— Знаешь, мне кажется, причина не во мне, — прошептала я. — Это ее тело... Она ведь симпатичная, да?

Он кивнул:

— Да. Мелани очень симпатичная. Я бы даже сказал, красивая. — Его рука потянулась к изуродованной щеке, пальцы нежно погладили покрытую шрамами кожу. — Несмотря на то что я сделал с ее лицом.

В обычной ситуации я бы поспорила с ним, напомнила бы, что он ни при чем. Но от смущения голова шла кругом, и не получалось связать двух слов.

Значит, он считает Мелани красивой? Ну и что? Почему это меня волнует?

«Да уж!» — Мелани тоже не могла разобраться в моих чувствах.

Он откинул мне волосы со лба.

— Но несмотря на ее красоту, она мне чужая. Я не испытываю к ней никаких... чувств, — продолжил Иен.

Мне стало легче. И это еще больше смущало.

— Иен, ты ошибаешься... Никто здесь не воспринимает нас по отдельности: ни ты, ни Джейми, ни Джеб. — Правда вырвалась, я говорила

слишком пылко, не смогла сдержаться. — Ты не можешь ничего ко мне испытывать. Если бы ты держал меня в руке — меня, — тебя бы передернуло от отвращения. Ты бы бросил меня на землю и растоптал.

Иен наморщил высокий лоб, сдвинул черные брови.

— Я... нет, если бы знал, что это ты. — Я невесело рассмеялась.

— Как бы ты узнал? Ты не сможешь нас отличить. — Уголки его рта грустно опустились.

— Это всего лишь тело, — повторила я.

— Ничего подобного, — не согласился он. — Неважно, какое у тебя лицо, важно, что оно выражает. Мне все равно, какой у тебя голос, мне дороги твои слова. Не имеет значения, как ты выглядишь в этом теле, твои поступки говорят сами за себя. Ты прекрасна.

С этими словами он придвинулся, встал на колени рядом со мной и снова взял мою руку.

— Ты самая необычная... — Я вздохнула.

— Иен, а если бы я сюда пришла в теле Магнолии? — Он поморщился и рассмеялся.

— Хороший вопрос. Не знаю...

— Или в теле Уэса?

— Но ты же женщина — ты сама сказала.

— И на всех планетах я выбирала пол носителя, который более-менее соответствовал моему. Мне кажется, это правильно. Но меня вполне могли поместить в мужское тело, и тогда я была бы мужчиной.

— Но ты же не в мужском теле.

— Видишь? О чем я и говорю: тело и душа. В моем случае, разные вещи.

— Без тебя мне это тело не нужно.

— Без этого тела тебе не буду нужна я.

Он снова дотронулся до моей щеки и задержал руку.

— Но это тело — часть и тебя тоже. Отчасти оно — это ты. И, если ты не передумаешь и не предашь нас всех, так будет всегда.

Неизбежность конца. Да, я умру вместе с этим телом. Окончательная смерть.

«А я больше никогда не буду в нем жить», — прошептала Мелани.

«Разве так мы представляли себе наше будущее?» «У нас нет будущего».

— Еще один внутренний диалог? — догадался Иен.

— Мы задумались о смерти.

— Покинув нас, ты могла бы жить вечно.

— Могла бы, — вздохнула я. — Знаешь, из всех видов, которыми мне довелось побывать, не считая Пауков, у людей самый короткий срок жизни. У вас так мало времени.

— А ты не думаешь, что нужно по полной использовать отведенное время? Жить, пока живется? — Иен замолчал и склонился надо мной, его лицо — снег, сапфиры и смоль — заслонило собой комнату.

И опять, как тогда, с Джаредом, все случилось внезапно. Джаред хотя бы был мне знаком. Мелани первой догадалась, что он собирается сделать, всего за миг до того, как губы Иена коснулись моих.

«Нет!»

Этот поцелуй не походил на поцелуй Джареда. С Джаредом мыслей не было, только желание. Тот поцелуй был неуправляем, неизбежен, как искра, соприкоснувшаяся с бензином. С Иеном я даже не знала, что чувствую — все происходило как в тумане. Теплые мягкие губы Иена легонько коснулись моих...

— Приятно или не очень? — спросил он, не отрываясь. «Гадость, гадость, фу!»

— Я... мысли путаются. — Чтобы это сказать, пришлось оторвать от него губы.

— Звучит... обнадеживающе.

Губы Иена прижались сильнее. Он поймал мою нижнюю губу между своих и легонько потянул.

Мелани хотелось его ударить — и намного сильнее, чем когда-то Джареда. Ей хотелось оттолкнуть его и врезать ему по лицу: ужасный образ, который никак не вязался с ощущениями от поцелуя Иена.

— Погоди, — прошептала я.

— Угу...

— Перестань, пожалуйста. У меня мысли путаются. — Он сразу же отсел.

— Хорошо, — тихо сказал он.

Я закрыла лицо руками, жалея, что не могу развеять гнев Мелани.

— Что ж, по крайней мере, меня не ударили, — улыбнулся Иен.

— Она бы не ограничилась избиением. Ох, не выношу, когда она злится. У меня голова начинает болеть. Злость... гадкая вещь.

— Почему же не ударила?

— Потому что я не потеряла контроль. Она вырывается на свободу, только когда меня переполняют чувства.

Я потерла лоб.

«Успокойся, — упрашивала я Мелани. — Он меня не трогает».

«Он забыл, что я здесь? Или ему плевать? Это же я, я!»

«Я пыталась ему объяснить».

«А ты? Ты что, уже забыла Джареда?»

Она забросала меня воспоминаниями, совсем как вначале, только на этот раз они скорее напоминали оплеухи, тысячи оплеух: глаза, улыбка, губы на моих губах, руки на моей коже...

«Конечно, нет. Кстати, тебе же не нравилось, что я его люблю...»

— Она с тобой говорит.

— Скорее, орет на меня, — поправила я.

— Теперь понятно. Если приглядеться, видно, что ты сосредоточена... раньше я как-то не замечал.

— Обычно она ведет себя тише.

— Мел, прости, — сказал он. — Я знаю, тебе, должно быть, невыносимо это терпеть.

Мелани представила, как ее нога врежется в его точеный нос, ломая его и делая похожим на нос Кайла. «Скажи ему, что мне не нужны его извинения». Я поморщилась. Иен то ли улыбнулся, то ли скривился.

— Она не принимает твоих извинений, — покачала головой я.

— Значит, она все-таки может прорваться? Если тебя переполняют чувства?

Я пожала плечами.

— Иногда, если она застает меня врасплох, когда я волнуюсь... Эмоции мешают сосредоточиться. Но в последнее время ей трудно, как будто дверь между нами закрыта. Не знаю почему. Я пыталась ее выпустить, когда Кайл... — Я прикусила язык.

— Когда Кайл пытался тебя убить, — закончил Иен, словно констатируя факт. — Ты хотела ее освободить? Зачем?

Я молча смотрела на него.

— Чтобы дать ему отпор? — угадал он. Я не ответила.

— Ладно. Не хочешь — не говори, — вздохнул Иен. — А почему... дверь закрыта?

Я нахмурилась.

— Не знаю. Может, время проходит... Нас обоих это сильно тревожит.

— Но ведь в прошлый раз она прорвалась, чтобы ударить Джареда.

— Да... — Я содрогнулась, вспомнив, как мой кулак влетел в его челюсть.

— Из-за того что тебя переполняли чувства?

— Да.

— Что он сделал? Просто поцеловал тебя? — Я кивнула.

Иен отстранился и сощурил глаза.

— Что? — спросила я. — Что не так?

— Когда Джаред тебя целует, ты... волнуешься. — Я смотрела на него с тревогой.

«Вот именно!» — злорадствовала Мелани.

— А когда тебя целую я, ты не уверена, нравится ли тебе... — вздохнул Иен. — И тебя не... переполняют чувства.

Похоже, Иен ревновал. Какое странное слово «ревность».

— Прости.

— Не нужно извиняться. Я дам тебе время подумать. Я согласен ждать. Но...

— Что «но»?

— Я знаю, как ты любишь Джейми, — с тяжелым вздохом сказал Иен. — Это ясно как божий день. Наверное, нужно было догадаться, что Джареда ты тоже любишь. Может быть, я не хотел верить. Все сходится. Ты пришла сюда ради них двоих, ты любишь их обоих, как их любит Мелани: Джейми как брата, а Джареда...

Иен отвел взгляд, уставившись на стену надо мной. Мне тоже пришлось отвернуться. Я разглядывала солнечный луч на красной двери.

— Сколько тут от Мелани и сколько от тебя?

— Не знаю. Это важно?

— Да. Для меня — важно, — чуть слышно ответил Иен. Не глядя на меня и, казалось, не замечая, что делает, он снова взял мою руку. На минуту стало тихо. Даже Мелани успокоилась. Хорошо!

А затем словно кто-то щелкнул переключателем: он вдруг снова превратился в обычного Иена и засмеялся.

— Время на моей стороне, — сказал он с улыбкой. — У нас вся жизнь впереди. Когда-нибудь ты оглянешься назад и подумаешь: «И что я только в нем нашла?»

«Мечтать не вредно», — ядовито заметила Мелани. Я рассмеялась вместе с Иеном, радуясь, что он снова шутит.

— Анни? Анни, можно войти? — Голос Джейми донесся из дальнего конца коридора, и топот бегущего вприпрыжку затих у самого входа.

— Конечно, Джейми.

Он еще возился с дверью, а я уже тянулась к нему. В последнее время мы почти не виделись — я была то занята, то без сознания.

— Эй, Анни! Иен! — Джейми сиял от радости, нечесаная шевелюра растрепалась на бегу. Он направился к моей руке, но на пути оказался Иен. Поэтому Джейми пристроился на краешке моего матраса, положив руку

мне на коленку. — Как ты себя чувствуешь?

— Уже лучше.

— Есть хочешь? Там вяленая говядина и вареная кукуруза в початках! Я тебе принесу.

— Позже поем. Ты сам как? Пропал куда-то. — Джейми состроил гримасу.

— Шэрон меня оставила после уроков. — Я улыбнулась.

— Что ты натворил?

— Ничего. Я вообще ни при чем. — Он несколько перестарался, пытаюсь придать лицу невинное выражение, и быстро сменил тему. — Представляешь? За обедом Джаред заявил, что несправедливо выгонять тебя из комнаты, к которой ты привыкла. Сказал, что гостеприимные хозяева так не поступают и что ты должна вернуться обратно! Разве не здорово? Я его спросил, можно ли тебя позвать прямо сейчас, а он подсказал мне, где тебя найти.

— Кто бы сомневался, — пробормотал Иен.

— Анни, ну что? Мы снова будем соседями по комнате!

— погоди, Джейми, а Джаред куда денется?

— Постой-ка, дай угадаю, — перебил Иен. — Джаред сказал, что в комнате найдется место вам троим. Я прав?

— Да. Откуда ты знаешь?

— Да так, угадал.

— Здорово, да, Анни? Все будет как раньше.

По сердцу словно бритвой полоснуло — резкая, незамутненная боль, которую не сравнить с ударом или разрывом.

Джейми с тревогой изучал мое искаженное мукой лицо.

— Ой, нет. Я имел в виду... и тебя тоже. Будет классно. Мы вчетвером, да?

Я попыталась рассмеяться сквозь боль; от смеха стало легче.

Иен сжал мне руку.

— Вчетвером, — промямлила я. — Замечательно. — Джейми ползком пробрался мимо Иена и обнял меня за шею.

— Ну не сердись, не надо!

— За меня не волнуйся.

— Ты же знаешь, я тоже тебя люблю.

До чего острые, пронзительные чувства на этой планете! Джейми никогда не говорил мне этих слов. По телу вдруг разлилось тепло.

«Острые», — согласилась Мелани, морщась от боли.

— Ты вернешься? — упрямился Джейми, прильнув к моему плечу. Я

не знала, что ответить.

— Чего хочет Мелани? — спросил он.

— Она хочет жить с тобой, — прошептала я. Мне не нужно было у нее спрашивать, я и так знала.

— А чего хочешь ты?

— Ты хочешь, чтобы я жила с тобой?

— Ты же знаешь, что хочу. Анни, ну пожалуйста...

— Если тебе того хочется, Джейми... — замялась я. — Ладно.

— Ура! — гаркнул Джейми мне в ухо. — Класс! Пойду скажу Джареду! И поесть принесу... — Он вскочил на ноги, матрас спружинил.

— Спасибо.

— Ты что-то хотел, Иен?

— Ага. Передай Джареду, что у него нет ни стыда ни совести.

— А?

— Не бери в голову. Принеси Анни что-нибудь поесть.

— Конечно. И еще попрошу у Уэса кровать. Кайл сюда вернется, и все будет как надо!

— Отлично, — сказал Иен. Даже не видя его лица, я знала, что он закатил глаза.

— Отлично, — прошептала я, и снова почувствовала острие бритвы.

Глава 39

Беспокойство

— Отлично, — пробурчала я про себя. — Просто отлично.

Иен увязался со мной на обед, широкая улыбка приклеилась к его лицу. Пытается меня развеселить... опять.

«По-моему, в последнее время ты перебарщиваешь с сарказмом», — заявила Мелани.

«Буду иметь в виду».

Всю неделю Мелани почти не подавала голос. Ни ее, ни меня сейчас нельзя было назвать душой компании — мы избегали общения даже друг с другом.

— Привет, Анни! — Иен запрыгнул на стойку рядом со мной. В руке он держал еще дымящуюся тарелку томатного супа. Моя, полупустая, остывала рядом. Я теребила в руках булочку, отрывая от нее по маленькому кусочку.

Я не ответила.

— Ой, да ладно тебе. — Он положил руку мне на колено. Мел вяло запротестовала. Она уже привыкла к таким вещам и давно подрастратила прежний пыл. — Сегодня они вернутся. До заката, вот увидишь.

— Ты говорил это три дня назад, и два дня назад, и вчера.

— У меня хорошее предчувствие, а ты вот хандрить, как человек, — поддел он.

— И вовсе я не хандрю... — Я просто не находила себе места из-за беспокойства, поэтому ни на что другое сил не оставалось.

— Джейми не в первый раз участвует в вылазке.

— Разумеется, мне от этогоnamно-о-ого легче. — И снова сарказм. Мелани права: я слишком им злоупотребляла.

— С ним Джаред, Джеффри и Труды. А Кайл здесь. — Иен засмеялся. — Так что с ними точно ничего не случится.

— Я не хочу об этом говорить.

— Ладно. — Он переключился на еду, оставив меня наедине с моими переживаниями.

Милый Иен! Он всегда старался мне угодить, предугадывал мои желания. А сейчас мы оба понятия не имели, чего мне хочется. Я не хотела лишь одного — отвлечься от дурных мыслей. А Иен неустанно добивался

именно этого.

Прошел месяц с тех пор, как я переехала в комнату Джареда и Джейми. Первые три недели мы жили вчетвером: Джаред спал на матрасе в изголовье нашей с Джейми кровати. Я привыкла к их сопению, и теперь мне было непросто спать одной, в пустой комнате.

Только вот просыпаться каждое утро рядом с Джаредом я так и не привыкла: он желал мне доброго утра, а я отвечала не сразу. Он тоже чувствовал себя не в своей тарелке, но неизменно был вежлив. Мы оба были очень вежливы.

Наш утренний разговор выглядел примерно так: «Доброе утро, Анни, как спалось?» — «Спасибо, хорошо. А тебе?» — «Прекрасно. А... как Мел?». — «У нее все нормально, спасибо».

Постоянное приподнятое настроение Джейми и его счастливая болтовня снимали напряжение, которое постоянно грозило вылиться в нечто большее. Джейми часто говорил о Мелани — да и с Мелани, и в конце концов даже Джаред перестал напрягаться, когда при нем упоминали ее имя. С каждым днем я потихоньку расцветала, жизнь налаживалась. Наверное, мы были счастливы — и Мелани, и я.

А потом, неделю назад, Джаред ушел в короткую вылазку — в основном за новым сельхозинвентарем — и взял с собой Джейми.

— Устала? — спросил Иен.

Я вдруг поняла, что тру глаза.

— Не очень.

— Все еще плохо спишь?

— Слишком тихо.

— Хочешь, я с тобой переночую... Мелани, успокойся. Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду.

Иен всегда замечал, что я ежусь каждый раз, когда Мел злится.

— Они же сегодня вернутся, или нет? — напомнила я.

— Ты права. Наверное, не стоит ничего менять. — Я вздохнула.

— Может, возьмешь выходной?

— Не глупи, — сказала я. — У меня полно сил и желания работать.

Он заулыбался, словно я сказала что-то приятное, то, что он надеялся услышать.

— Отлично. Поможешь мне с проектом.

— С каким?

— Я тебе покажу. Ты закончила? — Я кивнула.

По дороге из кухни Иен взял меня за руку. Мелани почти не возмущалась — привыкла.

— Почему мы идем сюда? — Мы только утром поливали восточные грядки.

Иен загадочно улыбнулся и направился в восточный проход, мимо грядок, к коридору, который вел в «игровую комнату». Как только мы оказались в туннеле, до меня донеслось эхо голосов и характерный стук, который я не сразу узнала. Застоявшийся горьковатый запах серы помог вспомнить.

— Иен, я не в настроении.

— Ты сказала, что у тебя полно сил.

— Для работы, а не для игры в футбол.

— Лили и Уэс расстроятся. Я обещал им сыграть двое на двое. Они сегодня утром переделали кучу дел, чтобы освободить вечер.

— Не дави на жалость! — сказала я.

Мы прошли последний поворот. В голубом свете нескольких ламп мелькали тени.

— А вдруг сработает? — не сдавался Иен. — Давай, Анни. Тебе полезно отвлечься.

Он потянул меня в игровую, где Лили и Уэс уже гоняли мяч по полю.

— Эй, Анни, Иен, — окликнула нас Лили.

— Первая победа за мной, О'Ши! — предупредил Уэс.

— Ты ведь не допустишь, чтобы я проиграл Уэсу? — шепнул Иен.

— Ты и в одиночку его разгромишь.

— А если нет? Я этого не переживу. — Я вздохнула.

— Ладно, так и быть, уговорил.

Иен меня обнял — по мнению Мелани, с излишним рвением.

— Ты у меня — самая любимая во всей Вселенной.

— Спасибо, — буркнула я.

— Готова к позорному поражению, Анни? — поддел меня Уэс. — Планету вы, может, и захватили, а вот в игре мы тебя сделаем.

Иен рассмеялся, а я промолчала. От шутки Уэса мне стало не по себе. Как можно о таком шутить? Все-таки люди — удивительные существа. В том числе и Мелани. Только что она, как и я, пребывала в отвратительном настроении, и вдруг загорелась.

«В прошлый раз мы так и не поиграли, — объяснила Мелани. Я ощутила ее радость: наконец-то она сможет набегаться вдоволь — в свое удовольствие, без страха. Раньше Мел обожала бегать. — Оттого, что мы будем сидеть сложа руки и тосковать, Джаред и Джейми быстрее не вернутся. Отвлечься не помешает...» — Мелани уже оценивала противника, заранее продумывая стратегию.

— Знаешь правила? — спросила меня Лили.

— Помню, — кивнула я.

Я рассеянно согнула ногу в колене и ухватила за лодыжку, растягивая мышцы. Тело помнило эту позу. Я растянула другую ногу и с удовольствием отметила про себя, что она зажила. Синяк на задней стороне бедра пожелтел, почти сошел. Бок давно прошел — ребро все-таки не было сломано.

Две недели назад я мыла зеркала и разглядывала свое лицо: на щеке остался темно-красный шрам, длиной с ладонь, с рубчиками по краям. Мелани он беспокоил куда больше, чем меня.

— Я встану в воротах, — сообщил Иен.

Лили отошла, к мячу подбежал Уэс — сильный противник. Мелани завелась. Ей нравилось соревноваться. Едва началась игра, Уэс отдал мяч Лили и бросился вперед, пытаясь меня обогнать и принять передачу. Времени на размышления почти не оставалось: отрезать Уэса — ага, не ожидал от меня такой прыти! — сделать передачу Иену и метнуться к воротам соперника. Лили слишком выдвинулась вперед. Я ее обыграла, довела мяч до обозначающих ворота фонарей и пробила с ноги. Иен отдал точный пас, и я размочила счет.

Приятно было размять мышцы, пропотеть — от физических нагрузок, а не от жары. Мы с Иеном работали как слаженная команда, мы дополняли друг друга: моя скорость плюс его точность. Когда Иен забил третий гол, Уэсу стало не до издевок.

На двадцать первом голе Лили сдалась. Она запыхалась, а я — нет. Я чувствовала себя великолепно, мышцы разогрелись и стали гибкими.

Уэсу хотелось продолжения, но Лили выдохлась.

— Успокойся, они играли лучше.

— Нас подставили!

— А никто и не говорил, что она не умеет играть.

— Угу, хоть бы предупредили, что она профи. — Мне стало приятно, я не сдержала улыбки.

— Умей проигрывать, — сказала Лили и пощекотала Уэсу бок. Он перехватил ее пальцы и притянул ее к себе. Она рассмеялась, вырываясь, но Уэс обнял ее и смачно поцеловал прямо в смеющийся рот.

Мы с Иеном изумленно переглянулись.

— Ради тебя я проиграю достойно, — сказал ей Уэс, отпуская. На гладкой карамельной коже Лили проступил смущенный румянец. Она взглянула на нас с Иеном, пытаясь определить нашу реакцию.

— А теперь, — продолжил Уэс, — схожу-ка я за подкреплением.

Посмотрим, как твоя футболистка справится с Кайлом. — Он бросил мяч в темный угол пещеры, раздался плеск — мяч упал в воду.

Иен отправился его доставать, а я осталась, удивленно поглядывая на Лили. Лили смутилась, хотя смутить ее было сложно.

— Знаю, знаю...

— И давно... это у вас? — поинтересовалась я. Она скривилась.

— Прости, это не мое дело.

— Все в порядке. Это не секрет — впрочем, какие тут секреты! Просто как-то... непривычно. А вообще-то во всем ты виновата. — Лили улыбнулась, давая понять, что шутит.

И все равно я почувствовала себя немножко виноватой, и даже растерялась.

— Что я сделала?

— Ничего, — успокоила она. — Меня удивило, как Уэс к тебе отнесся. Я и не догадывалась, что в нем столько глубины. Прежде я не воспринимала его всерьез, потому что он для меня слишком молод... Только здесь это не имеет никакого значения. — Она снова улыбнулась. — Жизнь — странная штука. И любовь тоже. Никогда бы не подумала...

— Да. Забавные вещи происходят, — согласился Иен и приобнял меня за плечи. Я не слышала, как он вернулся. — И все-таки это здорово. Ты знаешь, Уэс с самого первого дня с ума по тебе сходит.

— Ага, он мне говорил, да только я не замечала. — Иен рассмеялся:

— Значит, ты единственная, кто был не в курсе. Ну что, Анни, может, пока ждем, сразимся один на один?

Я чувствовала, как загорелась Мел.

— Хорошо.

Он уступил мне мяч и отошел к воротам.

Первый же мяч пролетел между ним и отметкой — гол! Он продолжил с центра поля, я налетела, отобрала мяч — и снова гол.

«Он поддается», — проворчала Мелани.

— Давай же, Иен, играй.

— Играю.

«Скажи ему, что он играет, как девчонка».

— Играешь, как девчонка.

Он рассмеялся, и я снова увела у него мяч. Насмешка не подействовала. И тут мне в голову пришла одна идея; забивая третий гол, я подумала, что, возможно, делаю это в последний раз.

Мел была против.

«Мне это не нравится. Хотя наверняка сработает». Я вернула мяч в

центр поля.

— Выиграешь — можешь спать в моей комнате, пока они не вернутся. — Мне хотелось хоть раз выспаться.

— Играем до десяти. — Он с такой силой запустил мяч, что тот пролетел мимо меня, отскочил от дальней стены за моими воротами и вернулся обратно.

Я посмотрела на Лили.

— Промазал?

— Нет, точно по центру.

— Три — один, — объявил Иен.

Ему понадобилось минут пятнадцать, чтобы выиграть, но, по крайней мере, мне пришлось выложиться по полной.

Я даже выцарапала еще один гол и очень этим гордилась. Наконец он в последний раз увел у меня мяч и отправил прямым в мои ворота. Я хватала ртом воздух. Он даже не запыхался.

— Четыре-десять в мою пользу.

— Отличная игра, — выдохнула я.

— Устала? — спросил он невинно. Вот смешной! Иен потянулся и театрально закатил глаза, изображая бурную страсть. — Я хоть сейчас готов в кроватку...

Я поморщилась.

— Мелани, ну ты же знаешь, что я шучу. Не буянь. — Лили наблюдала за нами с озадаченным видом.

— Джаредова подружка меня недолюбливает, — сказал ей Иен, подмигивая. Ее брови взметнулись.

— Как интересно...

— Куда это Уэс запропастился? — пробормотал Иен, не обращая внимания на недоуменный взгляд Лили. — Пойдем проверим? И пить очень хочется.

— Мне тоже, — согласилась я.

— С собой водички принесете? — Лили даже не пошевелилась, так и осталась лежать на полу, раскинув руки.

Мы вышли в узкий туннель, и Иен приобнял меня за талию.

— Знаешь, — сказал он, — со стороны Мелани это довольно несправедливо: она злится на меня, а мучаешься ты.

— С каких это пор люди стали справедливыми?

— Твоя правда.

— И потом, она бы с удовольствием оторвалась на тебе, если бы я позволила.

Иен рассмеялся.

— Я рад за Лили и Уэса. А ты?

— Конечно, рада. Они оба так счастливы. По-моему, здорово.

— Согласен. Уэс все же добился своего. Это вселяет надежду. — Иен подмигнул мне. — Как думаешь, Мелани будет очень неприятно, если я прямо сейчас тебя поцелую?

Я замерла.

— Наверное. «О, да».

— Определенно. — Иен вздохнул.

И тут из глубины туннеля послышался крик Уэса:

— Они вернулись, Анни, вернулись!

Я рванула с места и чуть не сшибла Уэса с ног. За спиной Иен что-то бубнил про зря потраченные старания.

— Где? — выдохнула я.

— На площади.

Я влетела в комнату с огородом, обшаривая взглядом все вокруг, и почти сразу увидела их. Джейми стоял перед толпой у входа в южный туннель и махал мне рукой.

— Эй, Анни!

Я обежала поле, а Трудि придерживала Джейми за руку, словно не пуская ко мне. Наконец я обняла его и притянула к себе.

— Ох, Джейми!

— Скучала по мне?

— Капельку. А где остальные? Все вернулись? Ничего не случилось? — Кроме Джейми, из всех участников вылазки здесь была только Трудि. Их встретили Люсина, Рут-Энн, Кайл, Трэвис, Виолетта и Рид.

— Все вернулись, живы и здоровы, — успокоила меня Труди.

Я окинула взглядом большую пещеру.

— Где они?

— М-м... моются, разбирают груз.

Я хотела предложить помощь — все что угодно, лишь бы оказаться рядом с Джаредом, убедиться, что с ним ничего не случилось... Но мне все еще не позволяли узнать, откуда заносят добычу.

— Тебе тоже не мешало бы помыться, — сказала я Джейми и, не разжимая объятий, взъерошила его грязные спутанные волосы.

— Ему нужно прилечь, — сказала Труди.

— Труди, — пробормотал Джейми и наградил ее укоризненным взглядом. Труди посмотрела на меня и отвела глаза.

— Прилечь?... — Я чуть отстранилась от Джейми: он ничуть не устал, его глаза сияли, на загорелых щеках выступил румянец. Мой взгляд ощупал его целиком и остановился на правой ноге.

В нескольких дюймах над коленом в джинсах зияла неровная дыра. Ткань вокруг имела красно-бурый оттенок, зловещий цвет тянулся длинным пятном до самого отворота.

«Кровь», — испугалась Мелани.

— Джейми, что случилось?

— Вот спасибо, Труды! — буркнул мальчик.

— Анни бы все равно заметила. Давай хромай, по дороге поговоришь.

Труды взяла его под руку и медленно повела по коридору: он скакал на левой ноге мелкими прыжками.

— Джейми, рассказывай! — Я поддерживала его с другой стороны.

— Да глупо все вышло, я сам виноват.

— Не тани!

— В общем, я споткнулся и порезался. Ножом, — вздохнул Джейми.

Я содрогнулась.

— Тебя нужно срочно показать доку.

— Я как раз оттуда. Мы первым делом к нему заскочили.

— Что он сказал?

— Жить буду. Он промыл и перевязал рану и велел мне отдохнуть.

— И ты до сих пор тут шляешься? Почему не остался в лазарете?

Джейми скорчил гримасу и бросил взгляд на Труды, словно ища поддержки.

— Ему лучше находиться в своей постели, — не растерялась она.

— Ага, — торопливо согласился он. — На этих жутких больничных койках не выспишься!

Я обернулась. Толпа разошлась, но из южного коридора доносились голоса.

«Что случилось?» — забеспокоилась Мелани.

Мне пришло в голову, что Труды врет почти так же беспомощно, как я. Она сказала, что остальные участники вылазки разбирают добычу и моются, но в ее голосе явственно проступили фальшивые нотки. Взгляд Труды метнулся вправо, к южному туннелю.

— Привет, мелкий! Труды, привет! — Нас догнал Иен.

— Привет, Иен! — в один голос поздоровались они.

— Что произошло?

— На нож напоролся, — пробурчал Джейми, потупившись.

Иен засмеялся.

— Ничего смешного, — заметила я серьезно. Мелани, которая сходилa с ума от беспокойства у меня в голове, представила, как отвечает Иену оплеуху. Я ее проигнорировала.

— С кем не бывает, — сказал Иен и легонько ткнул Джейми кулаком в плечо.

— И правда, — пробормотал Джейми. — Где все? — Краем глаза я следила за Труди.

— Они, м-м... они помогают с разгрузкой. — На этот раз ее взгляд надолго остановился на южном туннеле, и Иен сурово нахмурился. Потом Труди сообразила, что я слежу за ее лицом.

«Отвлеки их», — прошептала Мелани. Я быстро взглянула на Джейми.

— Есть хочешь?

— Угу.

— Ты когда-нибудь не хочешь есть? — поддразнил его Иен. Похоже, он снова расслабился.

Обман давался ему лучше, чем Труди. Мы добрались до нашей комнаты, и Джейми с облегчением плюхнулся на матрас.

— Ты точно хорошо себя чувствуешь? — уточнила я.

— Пустяки. Док говорит, через несколько дней все будет в норме.

Я кивнула, хотя он меня и не убедил.

— Пойду искупаюсь, — сказала Труди и вышла. Иен прислонился к стене, он явно никуда не собирался. «Когда врешь, опускай голову», — посоветовала Мелани.

— Иен? — Я разглядывала окровавленную ногу Джейми.

— Да?

— Принеси чего-нибудь вкусненького, а? — Иен пристально посмотрел на меня.

— Хорошо, скоро буду. — Он сделал ударение на слове «скоро».

Я притворилась, будто изучаю рану. Шаги Иена затихли вдали.

— Ты на меня не сердишься? — спросил Джейми.

— Нет, конечно.

— Я знаю, ты не хотела, чтобы я уходил.

— Главное, теперь ты в безопасности. — Я рассеянно погладила его по руке и тряхнула головой: отросшие волосы, которые теперь доставали мне до подбородка, закрыли лицо. Так легче врать.

— Подожди-ка, я кое-что забыла сказать Иену.

— Что? — спросил он, смущенный моим тоном.

— Один побудешь?

— Конечно, — оскорбился он, сбившись с мысли.

Прежде чем он спросил еще что-нибудь, я вынырнула из комнаты. В коридоре никого не было, Иен ушел. Мне следовало поторапливаться: он уже что-то подозревал, поскольку заметил, как я отнеслась к вымученному объяснению Труды. Скоро он вернется.

Стремительным шагом, но не срываясь на бег, я пересекла большую площадь — с уверенным видом, словно по делу. Мне встретилось всего несколько человек: Рид шел в купальню; Рут-Энн и Хайди разговаривали в восточном коридоре; Лили и Уэс, взявшись за руки, стояли спиной ко мне. Никто не обратил на меня внимания. Я сделала вид, что южный коридор меня не интересует, и юркнула туда в последнюю секунду.

В крошечном мраке коридора я бросилась бежать: ноги сами несли меня знакомым маршрутом. Я чувствовала: что-то происходит. Как в прошлый раз, когда Джаред с остальными вернулся из похода, и все ходили расстроенные, док напился, и никто не отвечал на мои вопросы. Все повторялось — от меня скрывали, что происходит. Если верить Иену, мне не надо было знать. По спине побежали мурашки: может быть, и впрямь не надо...

«Надо. И тебе, и мне».

«Я боюсь».

«Я тоже».

Стараясь не шуметь, я побежала в глубь темного туннеля.

Глава 40

Ужас

Услышав голоса, я замедлила шаг. Вряд ли это был док: я еще не подошла к лазарету. Возвращались остальные. Я вжалась в стену и, крадучись, как можно тише, скользнула вперед, прикрыла рот рукой, заглушая звук дыхания.

— Сколько можно! — пожаловался кто-то.

Я не поняла, чей это голос. Видимо, я не слишком хорошо знала говорившего. Может, Виолетта? Знакомые унылые нотки. Значит, мне не показалось — последние сомнения были развеяны.

— Док не хотел. На этот раз Джаред настоял. — Теперь говорил Джеффри, точно он, хотя голос звучал несколько иначе: в нем слышалось подавляемое отвращение. Разумеется, Джеффри участвовал в вылазке вместе с Труди. Они все делали вместе.

— Он всегда был ярым противником этой затеи... — Я узнала голос Трэвиса.

— У него появились... причины, — сердито сказал Джеффри.

Собеседники прошли всего в футах от меня; я прижалась к камням и замерла, не дыша.

— По-моему это мерзко, — пробормотала Виолетта. — Отвратительно. Ничего у нас не выйдет.

Они шли медленно, словно на плечи давил груз отчаяния.

До меня больше не донеслось ни слова. Я стояла неподвижно. Шаги чуть стихли, но дожидаться, когда они совсем уйдут, я не могла. Возможно, Иен меня уже разыскивает.

Крадучись я пробиралась по проходу, и при первой же возможности снова пустилась бежать. Первые проблески дневного света проникли в извилистый туннель, и я перешла на шаг. Я знала: еще немного, и покажется вход во владения дока. Я шла по изгибу туннеля, свет становился все ярче.

Теперь я двигалась осторожно, бесшумно переставляя ноги. Было очень тихо. На миг почудилось, что я ошиблась, и здесь никого нет. Вдали показался вход — белый солнечный свет лился из неровного проема на стену. До моих ушей донесся тихий стон.

Я на цыпочках подошла к самому краю проема и прислушалась.

Стон повторился. К нему добавился еще один звук: тихое, ритмичное постукивание.

— Ну, ну же! — раздался хриплый голос Джеба. — Все хорошо, док. Не принимай близко к сердцу.

Из комнаты доносились приглушенные шаги, шуршание ткани, шорох. Судя по звукам, внутри прибирались.

Пахло странно. Необычный запах... металлический, но не совсем — сложно было определить, на что он похож. Я совершенно точно чувствовала его впервые — и в то же время он казался смутно знакомым.

Я боялась заглянуть в комнату.

«Что они нам сделают? — заметила Мелани. — Прогонят?»

«Ты права».

Если это было худшим, чего мне стоило бояться, то определенно произошли большие перемены. Я сделала глубокий вдох, снова обратила внимание на странный, мерзкий запах и скользнула внутрь.

Никто меня не заметил.

Док опустил на колени, уткнув лицо в ладони, его плечи вздрагивали. Джеб склонился над ним, глядя по спине. Рядом с одной из коек в центре лазарета Джаред с Кайлом раскладывали грубые носилки. Лицо Джареда превратилось в прежнюю суровую маску.

На обеих койках лежало что-то, накрытое темно-зелеными простынями — продолговатое, неправильной формы. Какие то знакомые очертания и изгибы...

В изголовье, на освещенное место, перетащили самодельный стол дока, который серебрился металлическим блеском — блестящие скальпели и всевозможные устаревшие медицинские приспособления, названий которых я не знала.

Но кое-что серебрилось гораздо ярче: мерцающие обрывки серебра, изуродованными спутанными комочками рассыпанные по столу... Тонкие серебряные нити, обнаженные, разорванные, растянутые... Брызги серебристой жидкости запятнали стол, простыни, стены...

Мой истошный вопль разрезал тишину. Лазарет напоминал бойню. Я закричала. Комната завертелась, закружилась вокруг меня, все смешалось, и я потеряла выход. Стены, забрызганные серебром, встали передо мной, отрезая пути к бегству.

Кто-то выкрикнул мое имя, но я не узнала голос. Крик прозвенел слишком громко. Голова заболела. Сочащаяся серебром каменная стена надвинулась на меня, и я упала на пол. Меня подхватили грубые руки.

— Док, помоги!

- Что с ней?
- У нее припадок?
- Что она увидела?
- Ничего. Тела прикрыты.

Ложь! Тела были выставлены на показ, разбросаны страшными, бесстыдными сгустками по блестящему столу — расчлененные, препарированные, изувеченные тела, подвергнутые изощренным пыткам, разорванные на куски...

На столе лежали поникшие рудиментарные щупики передней части детского тельца. Это же ребенок! Кроха! Искалеченный малыш, небрежно брошенный в лужице собственной крови...

Желудок взбунтовался, как и стены, желчь подступила к горлу.

- Анни? Ты меня слышишь?
- Она в сознании?
- Кажется, ее сейчас стошнит.

Последний голос был прав. Крепкие руки поддерживали мою голову, как раз вовремя: я извергла из себя желудочный сок.

— Что делать, док?

— Держи ее — а то еще поранит себя. — Я закашлялась и попыталась вырваться.

— Пустите меня! — с трудом выдавила я. Слова выходили скомкано. — Не трогайте меня! Уберите руки, вы, звери! Палачи!

Я завизжала, извиваясь в сильных руках.

— Анни, успокойся! Ш-ш-ш! Все хорошо! — Голос Джареда. Впервые это не имело значения.

— Чудовище! — крикнула я ему.

— У нее истерика, — сказал док. — Держи ее!

Мне на лицо опустилась хлесткая пощечина. Вдалеке, в мгновенно образовавшемся хаосе, пронесся вздох.

— Что ты делаешь? — взревел Иен.

— Иен, у нее что-то вроде припадка. Док пытается привести ее в чувство.

В ушах звенело, но не от удара, а из-за запаха серебристой крови, стекающей по стенам, — крови Душ. Комната извивалась вокруг меня, как живая. Свет создавал странные узоры, принимая форму монстров из прошлого: Стервятник расправил крылья... Грызодер клацнул грозными клешнями у моего лица... Док улыбнулся и протянул ко мне руку — с кончиков пальцев капало серебро...

Комната медленно крутанулась, и меня поглотила темнота.

Через несколько секунд сознание вернулось. Голова была слишком ясная, и я пожалела, что так быстро пришла в себя.

Меня куда-то переносили в темноте — я раскачивалась взад-вперед.

К счастью, жуткий запах почти исчез. Затхлый, влажный воздух пещер казался свежим и ароматным.

Меня словно баюкали — знакомое чувство. В первую неделю после того, как Кайл меня ранил, я часто путешествовала на руках у Иена.

— Она догадалась. Кажется, я ошибся, — бормотал Джаред.

— Думаешь, она все поняла? — Голос Иена гулко раздавался в тишине туннеля. — Поняла, что док пытается извлечь Души из тел, и испугалась? Испугалась за свою судьбу?

— А ты так не думаешь? — помолчав, спросил Джаред. Иен кашлянул.

— Нет. Не думаю. Да, лично мне противно, что вы... поставляете доку новые жертвы — и это сейчас, после всего! До тошноты противно... Но Анни расстроилась не поэтому. Ты что, слепой? Ты хоть представляешь, что она увидела?

— Но мы же прикрыли тела до того, как...

— Не те тела, Джаред. Конечно, Анни расстроилась бы и из-за трупа человека — она слишком чувствительна; насилие и смерть не вписываются в ее картину мира. Лучше подумай, что для нее значили останки на столе.

Еще мгновение Джаред соображал.

— Ох!

— Да. Представь себе, что ты оказался свидетелем вивисекции: ампутированные конечности, все залито кровью... Для Анни это намного тяжелее, чем для нас. Мы-то уже подготовлены — еще до вторжения, теми же фильмами ужасов, если уж на то пошло. Готов поспорить, за все ее жизни ей ни разу не приходилось сталкиваться ни с чем подобным.

Снова подступала тошнота. Из-за его слов... Жуткое зрелище. Ужасный запах.

— Пусти, — прошептала я. — Поставь меня на пол!

— Я не хотел тебя будить. Извини, Анни. — Слова шли из самого сердца. Иен просил прощения.

— Отпусти меня.

— Ты нездорова. Я отнесу тебя в твою комнату.

— Нет. Да отпусти же!

— Анни...

— Немедленно! — взвизгнула я и стала вырываться. Иен явно не ожидал, что я буду так яростно бороться, и разжал руки. Я упала на четвереньки, вскочила и бросилась бежать.

— Анни!

— Отпусти ее!

— Отстань! Анни, вернись!

Похоже, Иен и Джаред сцепились, но я не замедлила бег. Естественно, они подрались. Люди, что с них взять — насилие доставляет им удовольствие.

Я выбежала на свет, промчалась через большую пещеру, не глядя на встретившихся по пути чудовищ. Я чувствовала на себе их взгляды, но мне было все равно. И еще мне было все равно, куда бежать — куда-нибудь, лишь бы остаться одной. Я избегала людей, наугад сворачивая в пустые туннели.

Сейчас я оказалась в восточном туннеле, по которому сегодня пробегала дважды: первый раз — радостно, теперь — в ужасе. Утренние ощущения от встречи с вернувшимися из вылазки любимыми стерлись из памяти. Теперь все казалось жутким и мрачным — и их возвращение тоже. Казалось, даже камни здесь пропитаны злом.

Впрочем, я выбрала правильную дорогу: сюда никто не заходил.

Я бросилась в конец туннеля, в крошечную темноту игровой комнаты. Неужели еще совсем недавно я могла играть в их игры, верила их улыбкам, не замечая скрывающихся под масками монстров?

Я продвигалась вперед, по щиколотку погрузилась в маслянистую темную воду, попятилась и попыталась на ощупь отыскать стену. Пальцы ухватились за острую кромку грубого выступа. Я спряталась за камень и свернулась калачиком возле него.

«Мы не так поняли. Док не специально, он просто хотел спасти...»

— УБИРАЙСЯ ИЗ МОЕЙ ГОЛОВЫ, — завизжала я.

Я оттолкнула Мелани, заставила ее замолчать, чтобы избавить себя от необходимости выслушивать ее оправдания — и вдруг осознала, насколько она ослабла за месяцы нашей дружбы. Теперь она почти всецело зависела от меня. Это обнадеживало.

Мелани замолчала — она слишком легко сдалась. Вот так бы в самом начале...

Я осталась одна — одна, наедине с болью и ужасом, которые останутся со мной навсегда. Увиденная картина будет преследовать меня до конца моих дней. Мне ни за что от нее не избавиться, она стала частью меня.

Я не знала, как скорбеть. Я не могла на человеческий манер оплакать изуродованного малыша на столе дока, потерянные Души, имен которых мне никогда не узнать... На Истоке мне скорбеть не приходилось. Я не

знала, как это происходит там, на моей родине, поэтому вспомнила планету Летучих мышей. Здесь, в беспросветной темноте, это казалось подходящим вариантом. Летучие мыши выражали скорбь при помощи тишины — они не пели неделями, и тоска по музыке заглушала боль утраты. Там я впервые потеряла друга: нелепая и бессмысленная смерть — он упал с дерева, и мы не успели спасти тело носителя. Уносящаяся ввысь гармония, так бы звали его на Земле. Не совсем точный, зато самый близкий перевод. В его смерти не было ужаса, лишь печаль. Несчастный случай.

Бульканье источника в углу ничем не напоминало наши песни, не мешало мне горевать. Я обхватила себя руками, оплакивая ребенка и вторую погибшую Душу: мои братья и сестры, моя семья... Если бы я отсюда выбралась и предупредила Ищеек, этой кровавой бойни можно было бы избежать!

Мне хотелось плакать, скулить от беспомощности. Но так поступали люди. Поэтому я сомкнула губы и уселась на корточки в углу, не выпуская боль наружу.

Мою тишину, мою скорбь разрушили всего через несколько часов.

Голоса эхом разносились по пещерам, окликали меня, ожидая ответа. Сообразив, что я не отзовусь, принесли фонари: не тусклые голубые лампы, едва освещавшие темную комнату, а фонари с резким желтым светом, что взрезал темноту. Впрочем, отыскать меня удалось лишь с третьей попытки. Почему они не оставят меня в покое?

Луч фонарика выхватил из темноты скорчившийся у камня силуэт, послышался облегченный вздох.

— Нашлась! Скажи остальным, пусть возвращаются! Она в пещере.

Имя говорившего больше не имело значения: очередное чудовище.

— Анни? Анни? С тобой все в порядке?

Я не подняла головы, не открыла глаз — я скорбела.

— Где Иен?

— Как думаешь, может, стоило привести Джейми?

— Он бы не дошел... с его-то ногой...

Джейми. Я вздрогнула, услышав родное имя. Мой Джейми тоже был монстром, таким же, как остальные. Мой Джейми. При мысли о нем я испытывала почти физическую боль.

— Где она?

— Сюда, Джаред. Она не... отвечает.

— Мы ее не трогали.

— Так, дайте мне фонарь, — сказал Джаред. — А теперь все до одного вон отсюда. Инцидент исчерпан. Дайте ей вздохнуть!

Послышалось шарканье — чудовища отошли, но недалеко.

— Я серьезно. Уходите. Вы только мешаете. Ступайте. — Снова зашаркали ноги, сперва медленно, потом шустрее. Чудища покидали комнату, удалялись по коридору.

Воцарилась тишина.

— Ладно, Анни, остались лишь мы с тобой. — Джаред ждал хоть какого-нибудь ответа. — Слушай, я понимаю, для тебя это... очень тяжело. Мы не хотели, чтобы ты видела. Прости меня.

Простить? Джеффри сказал, что это была затея Джареда, который хотел вырезать меня, изрубить на куски, размазать мою кровь по стенам. Он бы искромсал миллион таких, как я, лишь бы найти способ вернуть свое любимое чудовище. Расчленил бы на крошечные сегменты.

Джаред надолго замолчал, по-прежнему ожидая моей реакции.

— Наверное, ты хочешь побыть одна. Я тебя понимаю. Я скажу, чтобы тебя оставили в покое.

Я не пошевелилась. Что-то коснулось моего плеча. Я отшатнулась, наткнувшись на острые камни.

— Прости, — пробормотал Джаред.

Он встал. Свет за закрытыми веками потускнел: Джаред уходил. У входа в пещеру он кого-то встретил.

— Где она?

— Она хочет побыть одна. Не трогай ее.

— Не вставай у меня на пути, Хоу.

— Думаешь, ей нужно твое сочувствие? Сочувствие человека?

— Я не участвовал в этом...

Джаред ответил едва слышно, но до меня донеслось эхо.

— Раньше, но не теперь. Ты один из нас, Иен. Враг. Слышал, что она сказала? «Чудовище». Вот кем мы для нее стали. Ей твое сочувствие не нужно.

— Дай фонарь.

Разговор прекратился. Спустя минуту до меня донеслись шаги — кто-то осторожно пробирался ко мне вдоль стены. Свет упал на мое лицо, снова окрасил веки красным.

Еще чуть-чуть — и ко мне прикоснется монстр... Я вся сжалась.

Послышался тихий вздох, а затем, судя по звуку, кто-то сел на камень неподалеку. Что-то щелкнуло, и свет исчез. В наступившей тишине я долго ждала, когда Иен заговорит, но он молчал.

Я продолжила скорбеть. Иен не лез. Я сидела на земле, во мраке большой дыры и оплакивала потерянные Души рядом с человеком.

Глава 41

Исчезновение

Три дня Иен просидел со мной в темноте, выходил лишь ненадолго — за водой и едой. Я от еды отказывалась, и он тоже прекратил есть, осознав, что мой поднос остается нетронутым вовсе не из-за потери аппетита.

Во время коротких отлучек Иена я справляла естественные надобности — благо, рядом был вонючий ручей. Мой пост длился, и потребность в этих действиях постепенно сошла на нет.

Отказаться от сна не получалось, пришлось устраиваться на голой земле. В первый день, проснувшись, я обнаружила, что моя голова и плечи покоятся у Иена на коленях. Я отпрянула и задрожала — больше он на подобное не решался. Я спала, прислонившись к камням, а бодрствовала в прежней позе — калачиком.

— Послушай, — прошептал Иен после трехдневного молчания. Во всяком случае, мне казалось, что прошло три дня — в темном тихом месте не было возможности отслеживать ход времени.

Я знала, что передо мной стоит поднос с едой. Иен пододвинул поднос к моей ноге. Я отшатнулась.

— Анни, поешь, пожалуйста. Прошу тебя...

Он потянулся ко мне, но я метнулась в сторону.

— Не нужно меня ненавидеть. Прости, пожалуйста, прости. Если б я знал, я бы их остановил. Я не допущу, чтобы это случилось снова.

Иен их не остановит, он такой же, как и все. Джаред говорил, что раньше Иен не возражал. Я была врагом. Даже у самых жалостливых представителей человеческого рода милосердие ограничивалось жесткими рамками и распространялось лишь на им подобных.

Док обладал чувствительным сердцем и никогда бы намеренно не причинил боли другому. Ему было невыносимо наблюдать чужие мучения. Но червяк, сороконожка? Нет, доктора не тронет агония чужого инопланетного существа. Нет нужды волноваться из-за зверского убийства младенца — ведь у крохи нет человеческого рта, он не может закричать от боли...

— Надо было тебя предупредить, — прошептал Иен. Что изменилось бы, услышь я о происшедшем, вместо того чтобы увидеть изуродованные тела собственными глазами? Боль бы унялась?

— Пожалуйста, поешь.

Снова стало тихо. Какое-то время, может быть, час, мы сидели молча.

Иен поднялся и медленно пошел к выходу.

Я запуталась в своих чувствах. В ту секунду я ненавидела тело, к которому была привязана. Но уход Иена меня расстроил... Почему? Я же стремилась остаться одна, так откуда эта боль? Мне хотелось, чтобы монстр вернулся — необъяснимое, кошунственное желание.

Я недолго оставалась одна. Из темноты донеслось задумчивое насвистывание: ко мне приближался Джеб — то ли его привел Иен, то ли Джеб специально дожидался, пока тот уйдет.

Свист прекратился в нескольких футах от меня, раздался громкий щелчок. Луч желтого света обжег глаза. Я заморгала.

Джеб уселся рядом со мной у стены и повернул фонарь лампой вверх: луч фонаря взметнулся к низкому потолку, вокруг нас образовалась широкая сфера рассеянного света.

— Решила заморить себя голодом, да? — Я вперила взгляд в каменный пол.

Если честно, время скорби прошло. Я выплакалась. Я не знала ребенка и другую Душу, которых видела в пещере ужасов. Невозможно оплакивать незнакомцев вечно. Нет, теперь я злилась.

— Если хочешь умереть, есть способы проще и быстрее. — Как будто я не знала!

— Правильно, отдайте меня на растерзание доку, — прохрипела я.

Джеб удовлетворенно кивнул, словно заранее знал, каким будет мой ответ.

— А ты думала, мы сдадимся без боя, Странница? — Голос Джеба был твердым и серьезным как никогда. — Инстинкт выживания не позволяет. Разумеется, мы ищем способ вернуть себе наши разумы. Однажды это может случиться с каждым из нас. Мы и так потеряли слишком много близких и любимых. Нам пришлось нелегко. Каждый очередной провал убивает дока. Но такова реальность, Анни. Это наш мир: война проиграна, мы на грани вымирания и пытаемся спастись.

Джеб впервые обращался ко мне как к Душе, а не как к человеку. Впрочем, мне вдруг пришло на ум, что он всегда осознавал разницу. Просто он был вежливый монстр.

Я не могла не признать: в его словах есть и правда, и смысл.

Шок прошел, и я снова стала собой — Душой, справедливой по природе.

Очень немногим людям удалось взглянуть на происходящее моими

глазами — Иену, по крайней мере. Значит, я тоже могла понять их точку зрения. Они были чудовищами, но иногда даже чудовищ можно оправдать.

Разумеется, они искали ответ в насилии. Они и представить не могли, что существует другой выход. Разве имела я право винить людей, генетически запрограммированных на один-единственный способ решения проблем?

Я прокашлялась, но голос мой по-прежнему хрипел — я слишком долго молчала.

— Расчленив младенцев, вы никого не спасете, Джеб. Теперь они все мертвы.

Он помолчал.

— Мы не отличаем ваших детей от взрослых.

— Знаю.

— Вы наших детей не пощадили.

— Но мы и не пытали их. Мы никогда и никому намеренно не причиняем боль.

— Вы поступаете хуже. Вы нас уничтожаете.

— А вы делаете и то и другое.

— Да, делаем, потому что пытаемся найти ответ. Мы продолжаем бороться единственным известным нам способом. Выбор прост: продолжить попытки или сдаться, опустить руки и погибнуть. — Джеб приподнял бровь и посмотрел на меня, намекая, что именно так со стороны выглядело мое поведение.

Я вздохнула, подняла с пола бутылку воды, оставленную Иеном, и осушила ее за несколько глотков.

— У вас ничего не выйдет, Джеб. Вы можете и дальше резать нас на куски, в итоге вы лишь погубите огромное количество разумных существ обоих видов. Мы не приветствуем убийство, но наши тела тоже кое на что способны. Щупики лишь с виду выглядят как тонкие серебристые волоски, на самом же деле они сильнее ваших органов. Ведь именно это и происходит, верно? Док кромсает моего сородича, который тем временем уничтожает мозг носителя.

— Угу, в кашу, — мрачно согласился Джеб.

Я скривилась, представив себе эту тошнотворную картину.

— Меня тоже от этого тошнит, — признался Джеб. — Док совсем извелся. Каждый раз, когда ему кажется, что отгадка близка, все идет наперекосяк. Он испробовал все варианты — бесполезно: всякий раз мозг носителя превращается в кашу. Ни успокоительное, ни... яд на вас не действуют.

— Конечно, не действуют, — прохрипела я, содрогаясь от новой волны ужаса. — У нас совсем другой обмен веществ.

— Однажды один из ваших, видимо, догадался, что его ждет, и уничтожил мозг носителя изнутри. Док даже не успел усыпить тело. Естественно, это выяснилось только после вскрытия, а со стороны все выглядело как инсульт.

Я была поражена: похоже, им попалась невероятно храбрая Душа. У меня бы не хватило смелости на такой поступок даже под угрозой пыток. Я и представить не могла, что люди рискнут пойти на грубое хирургическое вмешательство — попытка, столь очевидно обреченная на провал, что это не пришло мне в голову.

— Джеб, мы относительно хрупкие создания, целиком зависящие от принуждаемых носителей, а потому выработали определенные методы защиты.

— И это ваше право. Но ты должна понять: мы будем бороться, пока живы. Мы не хотим никому причинять боль, но... Так уж вышло. Люди будут сражаться до конца.

Мы посмотрели друг на друга.

— Так пустили бы меня доку под нож, чего уж там? На что еще я гожусь?

— Анни, не говори ерунды. Мы, люди, не настолько прагматичны — можем быть лучше, а можем быть и куда хуже. Ну, по большей части, хуже. Но мы ценим личность. Вероятно, даже слишком ценим, если уж на то пошло. Если рассуждать отвлеченно... ну, скажем, Пейдж... сколькими людьми она бы пожертвовала ради Энди? Если представить, что все люди равноценны, ответ покажется бессмысленным. И тебя мы ценим... — продолжил Джеб. — Что ж, наверное, если посмотреть на все с человеческой точки зрения, это довольно бессмысленно. Но среди нас найдутся такие, которые поставят тебя выше незнакомого человека. Должен признать, я отношусь к их числу. Я считаю тебя другом, Анни. Конечно, если ты меня ненавидишь...

— Я не ненавижу тебя, Джеб. Просто...

— Да?

— Просто я не понимаю, как жить дальше, если рядом со мной убивают моих сородичей. Уйти же я не могу. Понимаешь, о чем я? Что меня ждет? Скальпель дока? — Я поежилась.

Он с серьезным видом кивнул.

— Вот это уже вопрос существенный. Да, с такой ношей жить нельзя. Сердце екнуло.

— Если честно, я бы предпочла умереть от твоей руки, — прошептала я.

Джеб засмеялся.

— Не торопись, милая. Я никому не позволю стрелять или резать моих друзей. Вдобавок, я тебе верю, Анни. Если ты говоришь, что наши усилия ни к чему не приведут, придется пересмотреть ситуацию. Скажу ребятам, чтобы пока не приводили новых Душ. И потом, у дока нервы ни к черту, он долго не выдержит.

— А вдруг ты врешь. Как я узнаю?

— Значит, придется мне поверить, потому что убивать тебя я не собираюсь. И заморить себя голодом не позволю. Поешь, детка. Это приказ.

Я вздохнула, пытаюсь собраться с мыслями. Я так и не поняла, пришли мы к соглашению или нет. В этом теле все казалось таким запутанным! Мне нравились живущие здесь люди, мы сдружились, но... Друзья чудовища — теперь я увидела их в совсем ином свете.

Джеб сунул мне в руку ломоть кукурузного хлеба, пропитанный краденым медом. Хлеб развалился у меня в ладони, превратившись в липкую кашу. Я снова вздохнула и принялась облизывать пальцы.

— Вот и умница! Ничего, прорвемся. Все наладится, вот увидишь. Постарайся думать о хорошем.

— Думать о хорошем... — Не переставая жевать, я недоуменно покачала головой. Только Джеб...

И тут вернулся Иен. Он вошел в освещенный круг, увидел, что я ем, и просиял... Мне стало стыдно.

Нет, я никому намеренно не причиняла боль, но, отказываясь от еды, я заставила Иена страдать. Человеческие жизни так странно переплетались. Ну и кашу я заварила!

— Вот ты где, Джеб, — негромко произнес Иен, присаживаясь рядом с Джебом. — Джаред сказал мне, что ты здесь.

Я чуть придвинулась к Иену и вложила свою ладонь в его.

— Прости, — прошептала я.

Он осторожно сжал мне пальцы.

— Не извиняйся.

— Я должна была понять. Джеб прав. Конечно, вы боретесь, и вас винить нельзя...

— Это нужно прекратить, ведь теперь среди нас ты. — Да, но мое пребывание здесь вынудило их с удвоенным усердием искать решение проблемы: как извлечь меня и сохранить Мелани, как избавиться от меня и

вернуть ее?

— В войне все средства хороши, — пробормотала я и попыталась улыбнуться.

Иен улыбнулся.

— И в любви. Ты забыла про любовь.

— Ладно, хватит, — пробубнил Джеб. — Я еще не закончил.

Я удивленно на него посмотрела. Что еще произошло?

— Так... — Джеб глубоко вздохнул и поглядел на меня. — Только не пугайся, хорошо?

Я замерла и крепко вцепилась в руку Иена. Иен метнул на Джеба полный тревоги взгляд.

— Ты ей скажешь? — спросил Иен.

— Что? — обмерла я. — Что еще случилось?

— Джейми... — ответил Джеб с непроницаемым лицом. Мой мир перевернулся.

Три долгих дня я была Страницей, Душой во враждебном человеческом мире, и вдруг снова стала Анни, запутавшейся Душой с человеческими эмоциями, слишком сильными, не поддающимися контролю.

Я вскочила на ноги, не выпуская руки Иена, — и чуть не упала. Кружилась голова.

— Ш-ш-ш! Не пугайся, с Джейми все хорошо. Просто он очень за тебя переживает. Он узнал, что произошло, и места себе не находит от беспокойства, — а ему беспокоиться вредно. Я хотел попросить тебя навестить его, только в таком виде тебе идти нельзя. Выглядишь ужасно, еще расстроишь его. Давай поешь как следует.

— Что с его ногой?

— Небольшая инфекция, — пробормотал Иен. — Док прописал ему постельный режим, а то бы мальчишка давным-давно отправился тебя искать. Джаред практически привязал его к кровати.

Джеб кивнул.

— Джаред хотел было явиться сюда и притащить тебя силой, но я его отговорил. Вряд ли мальцу полегчало бы, если бы он увидел тебя в полубморочном состоянии.

У меня кровь застыла в жилах — наверное, воображение разыгралось.

— Его лечат?

— Как? — пожал плечами Джеб. — Ничего, у паренька сильный организм, он справится.

— Что значит «справится»?

— Бактериальная инфекция, — пояснил Иен. — А антибиотиков больше не производят.

— Потому что они не действуют — бактерии умнее ваших лекарств. Должно же быть что-то еще, получше антибиотиков.

— Ну, у нас других лекарств нет! — Джеб развел руками. — Джейми — мальчик сильный. Пусть все идет своим чередом.

— Идет своим... чередом... — Я бормотала слова, как в тумане.

— Съешь что-нибудь, — растормошил меня Иен. — Не стоит показываться Джейми в таком виде.

Я потеряла глаза, стараясь рассуждать здраво: Джейми болен, лекарств нет, остается лишь ждать, справится ли его тело с болезнью. А если не справится?

— Нет! — Я словно вновь стояла на краю могилы Уолтера, прислушиваясь к звуку песка, падающего в темноту. — Нет, — простонала я, отгоняя воспоминание, и на непослушных ногах побрела к выходу.

Иен пошел рядом со мной, по-прежнему сжимая мою ладонь.

Джеб нагнал нас и сунул мне еще еды.

— Поешь-ка, ради мальчика! — попросил он.

Я стала жевать, не ощущая вкуса, и глотала, не чувствуя, как пища опускается в желудок.

— Так и знал, что она перенервничает, — ворчал Джеб.

— Зачем тогда сказал? — разочарованно спросил Иен. Джеб не ответил. Странно... Почему он молчит? Неужели все так плохо?

— Он в больнице? — поинтересовалась я безучастным тоном.

— Нет, нет, — торопливо успокоил меня Иен. — Он у себя в комнате.

Я даже не почувствовала облегчения. Все чувства притупились. Ради Джейми я зайду в любую комнату, даже если она насквозь пропахла кровью.

Пещеры казались незнакомыми. Я едва заметила, что снаружи день. Я не встречалась глазами с попадавшимися по пути людьми, которые останавливались, чтобы на меня посмотреть. Я лишь машинально переставляла ноги, пока не дошла до нужного коридора.

У входа в седьмую пещеру собралось несколько человек. Шелковую ширму убрали, и все заглядывали в комнату Джареда. Мои знакомые, люди, которых я считала своими друзьями... Друзья Джейми... Что они здесь делают? Неужели состояние больного настолько тяжелое, что приходится дежурить у его постели?

— Анни, — сказала Хайди. — Анни пришла.

— Дайте ей пройти! — Уэс похлопал Джеба по спине. — Молодец!

Я протиснулась сквозь толпу. Все расступились; впрочем, я все равно пошла бы прямо на них. Я сосредоточилась на одном — идти вперед, не останавливаясь.

В комнате с высоким потолком было светло. Внутри никто не толпился: видимо, док с Джаредом выставили всех за дверь. Джаред стоял, прислонившись к дальней стене, скрестив руки на груди, — поза, которую он принимал, только когда сильно тревожился. Док стоял на коленях у широкой кровати, где лежал Джейми.

Почему я оставила мальчика одного?

Раскрасневшееся лицо Джейми покрылось испариной. Правая штанина джинсов была обрезана, повязка снята. Рана не такая ужасная, как мне представлялось, — двухдюймовый разрез с ровными краями. Только вот в глаза сразу бросилась пугающая краснота вокруг раны, кожа вспухла и блестела.

— Анни! — выдохнул Джейми, увидев меня. — С тобой все в порядке, хорошо...

Я упала на колени подле его кровати, утягивая за собой Иена, дотронулась до лица Джейми — кожа под моей рукой пылала. Я задела локтем дока, и он быстро вышел, а я даже не разглядела выражение его лица: отвращение было на нем написано или вина.

— Джейми, малыш, как ты?

— Болван я, просто придурок. — Он показал на ногу. — Надо ж было умудриться!

Я нашла у подушки влажную тряпку и вытерла пот со лба Джейми.

— Ты поправишься, — уверенно сказала я.

— Конечно, поправлюсь. Это пустяки. Джаред не пускал меня к тебе. — На его лице вдруг проступила тревога. — Я слышал... Анни, знаешь...

— Ш-ш-ш. Забудь. Если бы я знала, что ты болеешь, я бы уже давно пришла.

— Да не болею я, какая-то дурацкая инфекция. Я рад, что ты пришла. Ненавижу, когда ты где-то пропадаешь.

К горлу подкатил ком. Мой Джейми — чудовище? Никогда!

— Я слышал, ты Уэса обыграла в день нашего возвращения. — Джейми улыбнулся, меняя тему. — Блин, жаль, я не видел! Мелани небось понравилось.

— Да, еще как.

— Как она? Не слишком переживает?

— Конечно, переживает, — прошептала я, следя за тряпкой, которая

путешествовала по его лбу, словно ею водила чужая рука.

Мелани... Куда она подевалась?

Я поискала знакомый голос в голове. Меня встретила тишина. Где Мелани? Кожа Джейми горела у меня под пальцами. Ощущение болезненного жара должно было вызвать у Мелани панику.

— Анни, что с тобой? — спросил Джейми.

— Я... устала. Джейми, прости. — Я задумалась.

— Ты плохо выглядишь. — Мальчик не спускал с меня беспокойных глаз.

Что я наделала?

— Мне бы умыться.

— Знаешь, мне уже лучше. Иди поешь, а то ты какая-то бледная.

— Обо мне не беспокойся.

— Я схожу за едой, — сказал Иен. — Есть хочешь, дружище?

— Э-э... Вообще то не очень. — Странно... Джейми всегда хотел есть.

— Пусть кто-нибудь другой сходит, — попросила я Иена и крепче сжала его руку.

— Да-да, конечно. — Лицо Иена оставалось спокойным, но я почувствовала удивление и тревогу. — Уэс, принеси нам поесть. У Джейми вот-вот проснется аппетит.

Я оценивающе посмотрела на лицо мальчика. Он весь горел, но глаза были ясными.

Ничего страшного, если я оставлю его на минутку.

— Джейми, я схожу умоюсь, ладно? А то я как грязнуля... — Он уловил фальшивую нотку в моем голосе и насупился.

— Конечно, иди.

Я потянула за собой Иена.

— Скоро вернусь, честное слово. — Джейми улыбнулся моей попытке пошутить. Выходя из комнаты, я почувствовала на себе взгляд Джареда. Ну и пусть смотрит!

У выхода остался один Джеб. Остальные разошлись: похоже, решили, что с Джейми все в порядке. В глазах Джеба светилось любопытство, словно он пытался разгадать, что у меня на уме. Он не ожидал, что я так быстро уйду от Джейми и наверняка тоже заметил беспомощность моего оправдания.

Я поспешила прочь от этого испытующего взгляда, увлекая Иена за собой, в пещеру, где смыкались все туннели жилой части, и завела его в первый попавшийся темный коридор. Там оказалось пусто.

— Анни, что...

— Иен, мне нужна твоя помощь! — Мой голос дрожал от напряжения.

— Все, что попросишь. Ты же знаешь...

Я обхватила его лицо ладонями, заглянула в глаза. Их синева почти слилась с темнотой.

— Поцелуй меня! Немедленно. Пожалуйста.

Глава 42

Принуждение

Иена оторопел.

— Что?

— Потом объясню. Знаю, по отношению к тебе это не совсем честно, но... пожалуйста, поцелуй меня!

— А ты не расстроишься? Мелани не рассердится?

— Иен, прошу тебя! — взмолилась я.

Он смущенно обнял меня за талию и прижал к себе. Лицо его было встревоженным, и на миг показалось, что ничего не выйдет. Я-то обошлась бы и без романтики, а вот он...

Иен закрыл глаза, склонился ко мне, и его губы легонько прижались к моим. Затем он слегка отступил и с опаской посмотрел на меня.

Ничего.

— Нет, Иен. Не так. По-настоящему. Чтобы... чтобы мне захотелось тебя ударить, понимаешь?

— Нет. Скажи, что случилось?

Я обхватила его за шею. Странное ощущение: я не знала, как правильно себя вести. Я приподнялась на цыпочки и притянула его голову к себе, чтобы его губы оказались возле моих.

С другими видами так не происходило: чуждое сознание не шло на поводу у плоти. Да, другие виды лучше соизмеряли свои чувственные желания с реальными возможностями тела, но Иен был человеком, и его тело откликнулось.

Мои губы прильнули ко рту Иена. Он попытался отодвинуться, но я не позволила и попыталась воспроизвести его предыдущий поцелуй. Губы Иена раскрылись под натиском моих, и я ощутила странное возбуждение — радость победы. Я прикусила нижнюю губу Иена и с удивлением услышала, как из его горла вырывается низкий, звериный хрип.

Остальное произошло словно непроизвольно: ладонь Иена обхватила мой затылок, другая рука притянула меня так близко, что стало трудно дышать. Я задыхалась, но и он задыхался вместе со мной. Наше дыхание смешалось. Каменная стена вдавилась мне в спину. Он еще крепче прижал меня к себе, и наши тела переплелись.

Мы двое были так близки, что почти стали одним целым. Только мы.

Никого. Одни.

Я сдалась. Наверное, Иен ждал этого момента — видимо, я несколько переоценила силу влечения плоти. Как только мои руки обмякли, он ослабил объятия, хотя и не отодвинул лица: кончик его носа касался моего. Иен тяжело вздохнул, медленно разжал руки и мягко положил их мне на плечи.

— Объясни, — сказал он.

— Она исчезла, — прошептала я, прерывисто дыша. — Я не могу ее найти. Даже сейчас.

— Мелани?

— Я ее не слышу! Иен, как мне вернуться к Джейми? Он поймет, что я вру! Как мне ему сказать, что я потеряла его сестру? Иен, он болен! Я так не могу! Он же расстроится, а ему надо бороться с болезнью!

Пальцы Иена прижались к моим губам.

— Ш-ш-ш, все будет хорошо. Давай подумаем. Когда она в последний раз с тобой говорила?

— Сразу после того, что я увидела... в больнице. Она пыталась их защитить... а я... я на нее заорала... и... и прогнала ее! С тех пор я ее не слышала. Я не могу ее найти!

— Ш-ш-ш, — повторил он. — Успокойся. Чего ты хочешь? Знаю, ты боишься расстроить Джейми, но он в конце концов справится. Подумай, не лучше ли, если...

— Нет! Я не могу уничтожить Мелани! Не могу. Это неправильно! Я же не чудовище!

— Ладно, ладно, не волнуйся. Значит, будем ее искать? — Я торопливо кивнула. Иен вздохнул.

— Значит, нужно... чтобы тебя захлестнули чувства?

— Не знаю, о чем ты. — Вообще-то я знала, просто боялась признаться.

Одно дело целоваться с Иеном — наверное, его поцелуй был бы весьма приятным, если бы не недавнее меня беспокойство. Однако решиться на большее... сознательно... Смогу ли я? Мел придет в ярость, если я использую ее тело подобным образом. А если это единственный способ ее вернуть? Но как же Иен? Он не заслужил...

— Подожди, — сказал Иен. — Я сейчас вернусь.

Он прижал меня к стене, как бы говоря «Никуда не уходи!» и нырнул в темноту коридора.

«Подожди...» Проще сказать, чем сделать. Мне хотелось пойти за ним, посмотреть, что он делает и куда собрался. Нужно было все обсудить,

обдумать, но времени на размышления не оставалось. Меня ждал Джейми, а врать ему я не могла. Нет, даже не меня, он ждал Мелани. Что я наделала? Неужели она и впрямь умерла?

«Мел, вернись! Мелани, ты нужна Джейми. Не мне — ему. Он болен, Мел. Слышишь? Джейми заболел!»

Я разговаривала сама с собой. Слова падали в никуда.

Руки тряслись от страха и переживаний. Сил ждать не было. Казалось, беспокойство нарастает во мне, как давление в воздушном шарике... еще чуть-чуть — и лопну.

Наконец до меня донеслись шаги и голоса: Иен вернулся не один. Я смутилась.

— Считай, что это... эксперимент, — произнес Иен.

— Ты спятил! — послышался голос Джаредда. — Это что, какая-то глупая шутка?

Внутри все оборвалось, захлестнули чувства. Так вот что Иен имел в виду...

Кровь прилила к лицу, горячая, как жар Джейми. Что Иен со мной делает? Захотелось убежать, спрятаться там, где меня никогда и ни за что бы не нашли, даже со всеми фонарями мира. Но я приросла к месту: ноги дрожали и не слушались.

Вдалеке, у развилки, показались Иен с Джаредом. Лицо Иена ничего не выражало; он чуть ли не толкал Джаредда вперед. Джаред нехотя повиновался и сердито смотрел на Иена.

— Сюда! — Иен чуть ли не силком волок ко мне Джаредда.

Я постаралась слиться со стеной. Джаред увидел мое побелевшее от ужаса лицо и остановился.

— Анни, что происходит?

Я испепелила Иена полным укора взглядом, мельком взглянула на Джаредда и тут же отвела глаза. Вместо лица я принялась разглядывать его ноги.

— Мелани исчезла, — прошептала я.

— Ты ее потеряла!

Я беспомощно кивнула.

— Как? — злобно спросил он.

— Точно не знаю. Я на нее прикрикнула... но она всегда возвращается... раньше возвращалась... Ее больше не слышно, а Джейми...

— Она умерла? — В голосе Джаредда звучала еле сдерживаемая боль.

— Не знаю. Я не могу ее найти. — Глубокий вздох.

— Почему Иен считает, что мне нужно тебя поцеловать?

— Не меня, — сказала я тихо-тихо, едва расслышав собственный голос. — Поцеловать ее. Она жутко разозлилась... в прошлый раз. Сразу вынырнула. Может быть... Нет, не стоит. Попробую сама ее отыскать.

Джаред шагнул ко мне.

— Думаешь, если я поцелую Мел, она...

Я даже кивнуть не смогла, только попыталась сглотнуть.

Знакомые руки быстро пробежали по моей шее и легли на плечи. Сердце бешено заколотилось — показалось, что Джаред слышит, как оно бьется. Я не знала, куда деваться от смущения. Вдруг Джаред решил, что это какая-то хитроумная уловка, которую я придумала, чтобы его заманить? Решит, что это моя затея, а не Иена?

Мне вдруг стало интересно, где Иен. Еще не ушел? Какую боль мы ему причиняем?!

Я предугадывала движения Джареда: вот его рука спустилась по моему предплечью к запястью, оставляя за собой огненный след, другая легла мне на подбородок и приподняла лицо. Его щека прижалась к моей. От прикосновения кожа вспыхнула, а Джаред зашептал мне на ухо:

— Мелани, я знаю, что ты там. Вернись ко мне. — Щека Джареда медленно скользнула в сторону, подбородок чуть наклонился, и его рот накрыл мой.

Джаред изо всех старался быть нежным, но тщетно: как и в прошлый раз, у него не получилось сдержаться. Огонь охватил все мое тело, следуя за обжигающими прикосновениями Джареда. Его губы попробовали на вкус каждый дюйм моего лица. Каменная стена вдавилась мне в спину, но боли не было, страсть заслонила все. Тело пылало. Мои пальцы впелись в его шевелюру, притянули его голову еще ближе — хотя ближе, казалось, некуда. Ноги обвились вокруг его торса. Стена послужила опорой. Наши языки переплетались, и по телу, проникая в каждую клеточку, разлилось неистовое желание.

Джаред на миг отстранился, прижав губы к моему уху.

— Мелани Страйдер! — оглушительно рыкнул он. — Ты не бросишь меня! Ты меня любишь? Докажи! Доказывай, черт побери! Мел! Возвращайся! — Губы Джареда снова накиннулись на мои.

«А-а-х!», — тихонько простонал голос у меня в голове.

Мне было не до приветствий. Я вся горела. Огонь распространялся, добравшись наконец в укромный уголок, где съежился безжизненный комочек сознания Мелани. Руки непроизвольно сжались на ткани, задирая вверх футболку Джареда. Его руки жгли мне спину.

«Джаред?» — прошептала Мелани, пытаясь сориентироваться в хаосе, что бушевал в нашем общем сознании.

Мышцы его пресса напряглись под моими пальцами, мои ладони втиснулись между нашими телами.

«Что? Где?» — Мелани боролась.

Я оторвалась от его рта, его губы принялись жарко ласкать мою шею. Я зарылась лицом в его волосы и вдохнула запах.

«Джаред... Джаред! Нет!!!»

Я позволила ей завладеть моими руками, понимая, что должна это сделать, хотя почти не отдавала себе отчет в происходящем. Руки на его животе сердито сжались, пальцы царапнули кожу, а затем с силой отпихнули.

— Нет! — моими губами закричала Мелани. Джаред перехватил ее руки и снова прижал мое тело к стене, не давая упасть. Я повисла на нем; тело отказывалось выполнять противоречивые указания разума.

— Мел? Мел!

— Что ты делаешь?

В стоне Джареда слышалось облегчение.

— Я знал, что у тебя получится! Ах, Мел!

Он снова ее поцеловал, поцеловал губы, которые подчинялись ей, и мы обе почувствовали, как по его щекам катятся слезы.

Она его укусила.

Джаред отпрыгнул, и мое тело обмякшей грудой сползло на пол.

— Узнаю мою девочку, — расхохотался он. — Она с тобой, Анни?

— Да, — выдохнула я.

«Какого черта, Анни?» — взвизгнула она.

«Где ты пропадала? Ты хоть представляешь, через что мне пришлось пройти, чтобы тебя вернуть?»

«Ага, прям измучилась вся, бедняжка».

«О, еще намучаюсь, поверь», — пообещала я.

Знакомое чувство возвращалось. Совсем как раньше... Мелани быстро пробежалась по моим мыслям.

«Джейми?»

«Это я и пытаюсь тебе сказать. Ты нужна ему». «Почему же тогда мы не с ним?»

«Наверное, потому что он слишком юн для подобных зрелищ».

Она копнула чуть глубже.

«Ух ты, и Иен! Хорошо хоть эту часть я пропустила». «Я волновалась. Не знала, что делать».

— Мел? — спросил Джаред.

— Она здесь. Злитесь и хочет видеть Джейми. — Джаред обнял меня и помог подняться.

— Можешь злиться, сколько угодно, Мел, только не исчезай.

«Долго меня не было?»

«В общей сложности три дня».

Ее голос вдруг стал тихим.

«Где я была, не знаешь? Я ничего не помню».

Мы поежились.

— Все в порядке? — спросил Джаред.

— Вроде как.

— Это она со мной говорила? Только что, вслух?

— Да.

— А она... а ты можешь снова ее пустить? — Я была выжатой как лимон.

— Попробую, — со вздохом сказала я и закрыла глаза. «Выглянешь? Поговоришь с ним?» — обратилась я к Мелани.

«Я... Как? Где?»

Я попыталась тихонько удалиться на задворки сознания, освобождая место.

«Давай, — поманила я. — Сюда».

Как Мелани ни старалась, проход, похоже, закрылся.

Губы Джареда с силой прижались к моим. Потрясенная, я распахнула глаза. Его глаза, с золотистыми крапинками, были открыты.

Она дернула головой.

— Хватит! Не прикасайся к ней!

Он улыбнулся, в уголках глаз собрались лукавые морщинки.

— Привет, малыш! «Это не смешно».

Я попыталась отдышаться.

— Ей не смешно.

Рука Джареда осталась на моей талии. На нашей талии. Мы вышли из туннеля к развилке, не встретив никого. Иен ушел.

— Предупреждаю тебя, Мел... — На губах Джареда по-прежнему играла широкая, дразнящая улыбка. — Советую больше не пропадать. Имей в виду, я ни перед чем не остановлюсь, чтобы тебя вернуть.

У меня внутри все похолодело.

«Скажи ему, еще раз до тебя дотронется, придушу». — Но и ее угроза была шутливой.

— Она грозитя тебя убить, — сказала я. — Хотя, по-моему, она

просто шутит.

Он весело рассмеялся.

— Анни, ты всегда такая серьезная?

— Просто вы не умеете шутить, — пробормотала я. Мне их шутки точно не казались смешными.

«А-а, — сообразила Мелани. — Ты страдаешь». «Не хочу, чтобы Джейми видел». «Спасибо, что вернула меня».

«Я не собираюсь от тебя избавляться, Мелани. Прости, но это все, что я могу тебе дать». «Спасибо».

— Что она говорит?

— Да так... Миримся.

— Почему она не смогла заговорить раньше, когда ты ее пускала?

— Не знаю, Джаред. Похоже, для нас обеих тут слишком тесно. Я не могу полностью ей уступить. Даже не знаю, с чем сравнивать... Это все равно, что пытаться задержать сердцебиение. Я не могу заставить себя перестать существовать. Я просто не знаю как.

Он не ответил, и в груди заныло. Наверное, он был бы на седьмом небе от счастья, найди я способ самоустраниться!

Мелани хотелось... нет, не поспорить, а утешить: она мучительно подыскивала слова, способные облегчить мою боль. Нужные слова не желали находиться.

«Иен будет убит горем. И Джейми. И Джеб будет по тебе скучать. У тебя здесь много друзей».

«Спасибо».

Я с радостью вернулась в нашу комнату. Нужно было срочно занять голову другими мыслями, пока я не расплакалась. Не время себя жалеть. Есть дела поважнее моего сердца — и все-таки оно разрывалось от боли.

Глава 43

Отчаяние

Наверное, со стороны я выглядела, как неподвижная статуя: само спокойствие — руки сложены на груди, непроницаемое лицо, от легкого дыхания не шелохнется грудь. Внутри же бушевала буря, мое тело словно распадалось на атомы.

Я вернула Мелани, но это не спасло Джейми. От меня больше ничего не зависело.

В коридоре снаружи толпились люди. Джаред, Кайл и Иен вернулись из безнадежной вылазки с пустыми руками. Ведерко со льдом — вот и все, что им удалось раздобыть за три дня, в течение которых они рисковали жизнью. Труди делала компрессы, прикладывая их ко лбу Джейми, к его шее и груди. Лед ненадолго поможет унять разошедшийся жар, но вскоре растает — через час или около того... Сколько времени пройдет, прежде чем Джейми расстанется с жизнью?

Я бы сама прикладывала лед ко лбу мальчика, но не могла пошевелиться, словно стоит сдвинуться с места — и я распадусь на молекулы.

— Ничего не нашли? — пробормотал док. — Вы проверили?...

— Все места обыскали, — перебил Кайл. — Это же не обезболивающее, не наркотики, которые по понятным причинам хранили в укромных местах. Антибиотики всегда лежали на виду. Их просто выбросили, док. Уничтожили за ненадобностью.

Джаред молча смотрел на мечущегося в горячке ребенка.

Иен встал рядом со мной.

— Не изводи себя так, — прошептал он. — Джейми справится. Он крепкий.

Я не могла ответить. По правде сказать, я и слушала-то с трудом.

Док встал на колени возле Труди, зачерпнул ложкой холодную воду из ведра и по капле влил в приоткрытые губы мальчика. По комнате разнесся хриплый, болезненный звук — Джейми глотал. Его глаза оставались закрытыми.

Мне показалось, что я никогда не сдвинусь с места, врасту в стену. Мне хотелось окаменеть. Если для него выроют могилу в пустыне, пусть меня закопают вместе с ним.

«Почему они ничего не делают?» — прорычала Мелани.

Я была в отчаянии, она же рвала и метала.

«Они пытались».

«Ага, пытались! Ерунда... Джейми не умрет. Пусть организуют еще одну вылазку».

«А смысл? Даже если найдутся просроченные антибиотики, где гарантия, что они подействуют? И потом, антибиотики все равно срабатывают только в половине случаев. Плохое лекарство. Ваша медицина его не спасет. Ему нужно другое. То, что сработает...»

И вдруг меня осенило: ему нужны наши лекарства! Мы с Мел застыли, пораженные простотой и очевидностью этой идеи.

Мои окаменевшие губы разомкнулись.

— Джейми нужны настоящие лекарства — те, что есть у Душ. Мы должны их достать.

— Мы же не знаем, как они действуют, — недоуменно нахмурился док.

— Какая разница? — Гнев Мелани просочился в мой голос. — Действуют, и все. Джейми можно спасти.

Джаред уставился на меня. Я чувствовала на себе взгляды Иена, Кайла, всех присутствующих, но видела одного Джареда.

— Нам их не достать, Анни, — сказал Джеб таким голосом, словно заранее смирился с поражением, сдался. — Для нас открыт доступ только в заброшенные места. В больницах круглые сутки полно твоих сородичей, слишком много глаз. Если нас поймают, это никак не поможет Джейми.

— Конечно, — заявил Кайл. — Вот многоножки сюда доберутся и с радостью его вылечат, сделают Джейми одним из них. Ты этого добиваешься?

Я уставилась было на ухмыляющегося детину, но тело напряглось и дернулось в сторону. Иен положил руку мне на плечо. Вряд ли я набросилась бы на Кайла с кулаками, хотя... как знать? Я была не в себе.

— Все равно в них можно пробраться, — твердо сказала я.

— Можно выбрать удаленное место, — кивнул Джаред. — От ружья слишком много шума, но при численном превосходстве, если взять с собой ножи...

— Нет! — От отчаяния я безвольно опустила руки. — Нет нет, я говорю о другом. Никакой резни...

Меня никто не слушал, потому что Джеб спорил с Джаредом.

— Не выйдет, дружище. Кто-нибудь вызовет Ищеек. Даже если действовать очень быстро, за нами вышлют вооруженный отряд. Придется

бежать, и нас выследят.

— Погоди. А может...

— Я не хочу смерти Джейми, но нельзя рисковать жизнями всех ради него, — сказал Кайл. — Ничего не поделаешь, люди умирают. Что все так разволновались из-за какого-то мальчишки?!

Мне захотелось его придушить, чтобы он подавился своими бесчувственными словами. Мне, не Мелани... Душить, пока его лицо не побагровеет. Мелани чувствовала то же самое, наши желания в кои-то веки совпали.

— Джейми нужно спасти, — повторила я громче.

— Милая, ты предлагаешь просто зайти в больницу и попросить? — устало спросил Джеб.

И тут мне в голову пришла еще одна, простая и очевидная, истина.

— Конечно! Я могу...

В комнате воцарилась мертвая тишина.

У меня в голове возник безупречный, потрясающий план. Я поделилась им с Мелани, и мы решили, что он сработает. Мы спасем Джейми!

— Они доверчивые. Очень. И хотя я не умею врать, мне поверят. Они не привыкли ко лжи. Ну конечно. Я ведь одна из них. Они сделают все, чтобы мне помочь. Я скажу, что поранилась во время похода... улучу минутку и наберу лекарств — сколько смогу незаметно унести. Только подумайте! Лекарств хватит на всех. На долгие годы. И Джейми выздоровеет! Как же я раньше не догадалась? Наверное, даже Уолтера можно было спасти. — Сияющими глазами я посмотрела на присутствующих: отличный, безупречный, идеальный план, настолько очевидный для меня, что я не сразу разобрала выражение их лиц.

На лице Кайла, как в открытой книге, читалась ненависть. Недоверие. Страх. Даже непроницаемое лицо Джеба дрогнуло, в прищуренных глазах сквозило сомнение.

«С ума они посходили, что ли? Чего тут непонятного?»

«Они мне не верят. Они боятся, что я предам Джейми и всех подставлю!»

— Но ведь это единственный способ его спасти... — прошептала я.

— Дождалась своего часа, гадина? — бросил Кайл. — Терпеливая.

Я снова поборолла желание его придушить.

— Док? — взмолилась я.

— Анни, даже если мы тебя отпустим... — Доктор отвел взгляд. — Я не могу полагаться на непроверенные лекарства. Джейми — мальчик

крепкий, его организм победит инфекцию.

— Мы предпримем еще одну вылазку, — прошептал Иен. — Что-нибудь да отыщем. Пока не найдем, не вернемся.

— Этого недостаточно. — Меня душили слезы. Я посмотрела на человека, который, вероятно, страдал не меньше моего. — Джаред, ты-то знаешь... Я никогда, ни за что не причиню Джейми вреда. У меня все получится. Поверьте мне, пожалуйста.

На долгий миг наши взгляды встретились. Джаред вопросительно посмотрел на Джеба, потом на Кайла, на доктора, Иена, Труди. У входа столпились молчаливые зрители — Шэрон, Виолетта, Люсина, Рид, Джеффри, Хит, Хайди, Энди, Аарон, Уэс, Лили, Кэрол. На их лицах, как в зеркале, отражалось выражение Кайла. Друзья стояли вперемешку с врагами, но с каждого лица смотрел Кайл. Джаред окинул их взглядом, опустил глаза на Джейми. Все затаили дыхание.

— Нет, Анни, — тихо произнес Джаред. — Нет. — Раздался дружный вздох облегчения.

У меня подогнулись колени. Я повалилась вперед, подползла к Джейми, отпихнув Труди локтем. Все взгляды обратились на меня. Я сняла компресс со лба мальчика, поменяла лед. Плевать на всех! Я не видела никого и ничего: глаза застилали слезы.

— Джейми, Джейми, Джейми... — причитала я. — Джейми, Джейми, Джейми!

Я повторяла его имя, словно заклинание, и снова и снова прикладывала лед.

Народ потянулся к выходу. Сердитые голоса в коридоре стихали, удалялись. Слов я не разбирала.

«Джейми, Джейми, Джейми...»

— Джейми, Джейми, Джейми...

Комната почти опустела, Иен встал на колени рядом со мной.

— Анни, я тебе верю, но... если ты попытаешься, тебя убьют, — прошептал он. — После случившегося в лазарете люди боятся, что ты захочешь отомстить. Вот увидишь, все обойдется.

Я отвернулась, и он растерянно отступил.

— Прости, детка, — пробормотал в дверях Джеб. Ушел и Джаред. Он никогда не любил Джейми так, как мы. Он это доказал. Ну и пусть!

Док остался, беспомощно наблюдая за моим горем. Я на него не смотрела.

Дневной свет медленно угас, сменился оранжевым, а потом серым. Лед растаял. Джейми сгорал заживо у меня на руках.

— Джейми, Джейми, Джейми... — Мой голос звучал надтреснуто и хрипло, но я не могла остановиться. — Джейми, Джейми, Джейми...

В комнате сгустилась тьма, скрыла лицо Джейми. Он умирал. Когда это случится? Сегодня ночью? Может быть, я вижу его живым в последний раз?

В комнате стояла тишина, которую нарушали только мой тихий шепот да легкое похрапывание дока. Я неустанно водила мокрой тряпкой по горячему телу. Вода высыхала — хоть немного, но охлаждая жар — температура чуть спала. Может быть, сегодня Джейми не умрет. Смогу ли я его удержать? Надолго ли? Завтра. Послезавтра. Я умру вместе с ним. Без Джейми мне не жить.

«Джейми, Джейми, Джейми», — стонала Мелани.

«Джаред нам не поверил», — зарыдали мы в один голос.

Неожиданно док вскрикнул — приглушенно, словно в подушку. В темноте я не сразу различила тень, сгустившуюся над койкой доктора. Док странно задергался, словно огромное многорукое чудовище. Мне стало страшно, и я нагнулась над беззащитной фигуркой Джейми, заслонила мальчика своим телом. Я никуда не убегу, пока он тут лежит. Сердце бешено колотилось, словно собралось выскочить из груди.

Доктор перестал дергаться, послышался громкий, раскатистый храп. Странная тень разделилась, и кто-то подошел ко мне.

— Пошли, — прошептал Джаред. — У нас мало времени. Сердце чуть не разорвалось от радости.

«Он поверил».

Я вскочила на ноги, с трудом разогнула задеревеневшие колени.

— Что ты сделал с доком?

— Хлороформ. Это ненадолго.

Я вылила остатки воды на Джейми, но он даже не пошевелился. Вода впиталась в одежду и матрас. Может, это хотя бы слегка охладит мальчика.

Джаред ощупью продвигался по темным туннелям, вдоль стен, я держалась следом. Мы двигались тихо, но быстро, едва не касаясь друг друга. Пещеру с огородом заливал лунный свет. В полной тишине Джаред остановился. Никого... За спиной Джареда виднелось ружье, на поясе висел нож, в руках — полоска темной ткани.

— Давай, завязывай, — торопливо шепнула я и с готовностью закрыла глаза. Все равно я не собиралась их открывать.

Джаред быстро соорудил крепкий узел, и я крутанулась на месте — один оборот, два, три...

И тут я удивленно охнула — Джаред взвалил меня на плечо, голова

моя перевесилась вниз по его спине, рядом с ружьем; он крепко ухватил меня за бедра и двинулся вперед. Так я и висела, раскачиваясь с каждым его шагом и терлась щекой о его рубашку. Я понятия не имела, в каком направлении он шел, и даже не пыталась угадать. Сосредоточившись на размашистой походке Джаред, я считала шаги: двадцать, двадцать один, двадцать два, двадцать три...

Он шел то вверх, то вниз по извилистым туннелям. Я старалась об этом не думать: четыреста двенадцать, четыреста тринадцать, четыреста четырнадцать...

Мы вышли наружу. Легкие наполнил сухой, чистый ветер пустыни. Было жарко, несмотря на то что время приближалось к полуночи. Джаред снял меня с плеча и поставил на ноги.

— Земля ровная. Сможешь идти с завязанными глазами?

— Да.

Он крепко ухватил меня под локоть и устремился вперед, почти бегом. Мне пришлось нелегко: я то и дело спотыкалась, но Джаред меня ловил, не давал упасть. Постепенно я научилась сохранять равновесие на мелких неровностях. Мы оба запыхались.

— Если... доберемся... до джипа... он стоит... на открытом месте...

Джип? Я ощутила странный прилив ностальгии. Мелани не знала, уцелела ли машина — она не видела джипа с тех пор, как Джаред проводил ее в злополучное путешествие в Чикаго.

— А если... не доберемся?... — спросила я.

— Если нас поймают... тебя убьют. Тут Иен... прав.

Я побежала быстрее — не потому, что боялась за свою жизнь, а потому, что от меня зависело спасение Джейми.

— Сейчас... сниму повязку. Побежишь... быстрее, — подбодрил меня Джаред.

— Ты уверен?...

— Не смотри... по сторонам... Обещаешь?...

— Конечно.

Он развязал узлы: повязка спала с глаз, и я тут же уставилась себе под ноги, стараясь не отвлекаться. Ярко светила луна, мягкий песок тускло поблескивал. Джаред выпустил мою руку и побежал быстрее. Я больше не отставала — мое тело давно привыкло к бегу. Я выбрала привычный темп, примерно шесть минут на милю. Долго поддерживать этот темп я не могла, но останавливаться все равно не собиралась.

— Ты что-нибудь слышишь? — спросил Джаред.

Я прислушалась: звук двух пар ног, бегущих по песку.

— Нет.

Джаред одобрительно хмыкнул. Мне стало ясно, зачем он выкрал ружье: без оружия им нас не остановить. Примерно через час мы с Джаредом замедлили бег. Во рту пекло от жажды. Я не отрывала взгляда от земли и удивилась, когда Джаред неожиданно закрыл мне глаза ладонью. Я споткнулась, и он перешел на шаг.

— Почти пришли... Еще немного... — Не убирая ладони, он подтолкнул меня вперед. Шаги отдавались странным эхом — похоже, посреди пустыни высились скалы.

— Залезай. — Ладонь исчезла с моих глаз. Впрочем, вокруг и так было темно: еще одна пещера, неглубокая. Если обернуться, можно увидеть, что там, снаружи. Я не стала оборачиваться.

Капот джипа смотрел в глубь пещеры. Автомобиль, которого я никогда не видела, выглядел точно так же, как в воспоминаниях Мелани. Я скользнула на сиденье. Джаред уже сидел за рулем. Он наклонился ко мне и снова завязал глаза. Я не шевельнулась, облегчая ему задачу.

Взревел мотор, и я испугалась: это опасный шум — слишком много людей нас ищут.

Джаред быстро сдал задом, ветер ударил в лицо, а сзади послышался странный шум, который не вязался с воспоминаниями Мелани.

— Мы едем в Тусон, — сообщил Джаред. — Обычно мы туда не заглядываем — слишком близко, но сейчас нет времени. На выезде из города есть небольшая больница.

— Святой Марии? — встревоженно спросила я.

— Нет, а что?

— У меня там знакомые. — Джаред на миг умолк.

— Тебя узнают?

— Нет. Мое лицо никому не знакомо. В отличие от людей, у нас нет... разыскиваемых преступников.

— Ладно.

Вопрос Джареда заставил меня задуматься о том, как я выгляжу. Прежде чем я успела поделиться с ним своими опасениями, он вложил мне в руку какой-то крохотный предмет.

— Держи при себе.

— Что это?

— Если они поймут, что ты... с нами, если попробуют... поместить кого-то еще в тело Мелани, сунь в рот и разжуй.

— Яд?

— Да.

Я на миг задумалась, а потом безудержно расхохоталась. Нервы шалили.

— Анни, я не шучу, — сердито сказал он. — Если ты не готова к такому исходу, лучше я отвезу тебя обратно...

— Нет, нет! — Я пыталась взять себя в руки. — Я потому и смеюсь, что вполне готова.

В голосе Джаредда проступили жесткие нотки.

— Не понял юмора...

— Послушай, я бы никогда не решилась ни на что подобное ради миллионов своих сородичей... Даже ради собственных детей. Я слишком сильно боялась окончательной смерти. А теперь я готова умереть ради ребенка с чужой планеты. — Я снова захохотала. — Глупо, правда? Но не переживай, за Джейми я жизнь отдам.

— Я тебе верю.

На миг стало тихо, а потом я вспомнила про свой внешний вид.

— Джаред, в таком виде мне нельзя появляться в больнице.

— У нас припрятана одежда получше... В других машинах. Туда мы и направляемся. Минут через пять приедем.

Я имела в виду другое, но он был прав: мои лохмотья негодились. Надо будет вернуться к этому разговору чуть позже, после того, как увижу себя в зеркале.

Джаред остановил машину, снял с моих глаз повязку. Моя голова машинально дернулась вниз.

— Не волнуйся, — сказал Джаред. — Здесь нас ничто не выдаст, да и попасть сюда не так-то просто.

Мы находились у каменной осыпи. Под некоторыми валунами виднелись темные углубления, но взгляд случайного прохожего не заметил бы в этом ничего подозрительного: что там могло лежать, кроме грязи да обломков породы? В одном из таких карманов и стоял сейчас джип. Он притулился впритык с камнями, и мне пришлось вылезать сзади. На бампере крепилась странная конструкция из цепей и двух грязных кусков брезента, потрепанных и рваных.

— Вот... — Джаред провел меня в мрачную расщелину, длиной в человеческий рост. Под пыльным брезентом обнаружился ворох одежды. Джаред выудил оттуда пару брюк цвета хаки и новенькую футболку с магазинными ценниками, проверил размер и перебросил мне.

— Переодевайся.

Я замялась, покраснела и повернулась к Джареду спиной. Стянула через голову поношенную футболку и быстро, насколько позволяли

неуклюжие пальцы, надела обновку.

Джаред закашлялся.

— Я... Э-э... м-м... Пойду за машиной.

Сбросив изорванные в лохмотья тренировочные штаны, я натянула хрустящие новые брюки. Туфли тоже износились, но их скрывали штанины. Вдобавок удобную обувь не так-то просто найти: придется притвориться, что это моя любимая пара.

Снова заработал мотор — потише, чем движок джипа. Из тени, отбрасываемой здоровенным валуном, выехал неприметный седан. Джаред вылез из кабины и прицепил брезент из джипа к заднему бамперу новой машины. До меня дошло, для чего нужна эта загадочная конструкция: ткань волочилась за машиной, стирая следы колес.

Джаред перегнулся через пассажирское сиденье и открыл дверцу. На сиденье лежал пустой рюкзак. Я кивнула — да, рюкзак мне понадобится.

— Пойдем.

— Постой-ка... — Я пригнулась и оценила свое отражение в боковом зеркале.

Нет, не пойдет. Длинная челка закрывала щеку почти до подбородка, но этого было недостаточно. Я закусила губу.

— Джаред, я не могу выйти с таким лицом. — Рваный шрам змеился через всю щеку.

— В чем дело? — удивился он.

— Ни одна Душа не станет расхаживать со шрамом. Такие вещи у нас лечат. Им станет интересно, откуда я, расспрашивать начнут...

Он удивленно посмотрел на меня и прищурился.

— Надо было об этом думать до того, как я тебя вывел наружу. Если вернемся, все решат, что это был хитрый план, чтобы выведать дорогу.

— Мы не вернемся, пока не отыщем лекарство для Джейми, — решительно заявила я.

— Что ты предлагаешь, Анни?

— Найди камень, — вздохнула я. — Тебе придется меня ударить.

Глава 44

Исцеление

— Анни...

— Быстрее... Я бы и сама, но, боюсь, промажу. Другого способа нет.

— Не уверен, что... смогу.

— Даже ради Джейми? — Я вжалась здоровой щекой в жесткое пассажирское сиденье и закрыла глаза.

Джаред сжал найденный мною острый обломок размером с кулак и минут пять примеривался, взвешивая камень в руке.

— Главное — содрать верхний слой кожи, скрыть шрам. Давай, Джаред, поторапливайся. Джейми...

«Скажи ему, пусть бьет. Да хорошенько, как следует!»

— Бей со всей силы, чтобы с первого раза получилось. Мел говорит...

Тишина.

— Скорее, Джаред.

Он вздохнул. Я почувствовала движение воздуха и покрепче зажмурилась. Что-то хлюпнуло, последовал глухой удар, а когда первый шок прошел, я почувствовала боль.

— М-м-м, — простонала я. Вообще-то я не собиралась издавать никаких звуков, потому что из-за моих стонов Джаред почувствует себя виноватым. Но разве телу прикажешь? Слезы брызнули из глаз, я закашлялась, сдерживая рыдание. В ушах звенело, перед глазами все плыло от удара.

— Анни? Мелани? Простите меня. — Его руки обняли нас, прижали к груди.

— Все хорошо, — проскулила я. — У нас все хорошо. Получилось?

Его рука коснулась моего подбородка, повернула голову. Джаред охнул, казалось, его вот-вот стошнит.

— Я тебе пол лица снес. Прости.

— Нет, это хорошо, так и должно быть. Поехали.

— Ты права. — В его голосе проступала слабость. Джаред бережно усадил меня на сиденье и завел мотор.

Ледяной воздух обдувал лицо, ободранную щеку щипало. Я забыла, как дует из кондиционера в машине.

Мы ехали по гладкой вымоине, которую, похоже, специально ровняли.

Дорога уносилась из-под колес, змеясь меж кустов. Опустив защитный козырек, я заглянула в зеркало. В мрачноватом свете луны мое лицо казалось черно-белым: правая щека черная, чернота стекает по подбородку, капает на ключицу, впитываясь в ворот новой, чистой футболки. Меня замутило.

— Молодец, — шепнула я.

— Очень больно?

— Не очень, — соврала я. — Все равно недолго терпеть. Сколько до Тусона?

Показался асфальт. Сердце заколотилось от страха. Джаред остановил машину в кустах, вылез, снял брезент и цепи, сложил их в багажник, осторожно припарковался, внимательно следя, не едет ли мимо машина. Его рука потянулась к переключателю фар.

— Пстой, — прошептала я. Громче говорить я не могла, чувствуя себя уязвимой. — Давай поведу.

Джаред вопросительно взглянул на меня.

— Я не могу заявиться в больницу пешком, начнутся лишние расспросы. Я поведу, а ты спрячься сзади, будешь указывать дорогу. Там есть чем укрыться?

— Ладно... — Джаред неохотно дал задний ход, снова заехал в кусты. — Я спрячусь, но если ты попробуешь свернуть не туда...

«Ах, вот как...» — Его недоверие ранило Мел не меньше, чем меня.

— Пристрели меня, — холодно приказала я.

Джаред не ответил и вылез, оставив мотор включенным. Я села за руль. Хлопнула дверца багажника. Джаред забрался на заднее сиденье, держа под мышкой плед.

— На дороге свернешь направо, — велел он.

Я слишком долго не водила машину с автоматической коробкой передач и боялась, что отвыкла. Осторожно тронувшись, я удовлетворенно отметила, что не разучилась, и выехала на пустое шоссе. Заколотилось сердце — реакция на открытое пространство.

— Фары, — донесся голос Джареда с заднего сиденья.

Я щелкнула переключателем. Фары казались ужасно яркими.

Мы подъехали совсем близко к Тусону. В ночном небе разливалось желтоватое свечение: городские огни.

— Прибавь скорость.

— Там знак висел, — не согласилась я.

— Души не лихачат? — поинтересовался он.

— Мы послушно выполняем все законы, — нервно хихикнула я. — В

том числе и дорожные правила.

Легкое свечение превратилось в яркие точки. Зеленые знаки информировали о возможных вариантах пути.

— Сверни на Ина-роуд.

Я послушалась. Джаред говорил тихо, хотя в закрытом автомобиле можно было даже кричать.

Незнакомый город пугал: дома, окна квартир, витрины, понимание, что я окружена, что их слишком много. А каково приходится Джареду? Его голос был на удивление спокойным. Правда, в отличие от меня Джаред проделывал безумную вылазку далеко не первый раз.

На дороге появились машины. Свет встречных фар упал на ветровое стекло, и я съежилась от страха.

«Держись, Анни. Будь сильной — ради Джейми. Иначе все напрасно».

«Я смогу. Я справлюсь».

Я сосредоточилась на мыслях о Джейми, и руки увереннее обхватили руль. Джаред направлял меня по спящим улицам. Лечебница оказалась крохотной — наверное, когда-то здесь располагалась не больница, а частная медицинская практика. В вестибюле за стеклянными дверями и в большей части окон горел свет. За стойкой регистратуры стояла женщина. Свет фар не привлек ее внимания.

Я выбрала самый темный угол на парковке, продела руки в лямки поношенного рюкзака — ничего, сойдет. Осталось последнее.

— Дай мне нож.

— Анни... Я понимаю, ты любишь Джейми, но нож-то тебе зачем? Драться ты не умеешь.

— Джаред, это не для них. Мне нужна рана.

— Хватит, у тебя уже есть рана, — вздохнул Джаред.

— Мне нужна рана, как у Джейми. Я слишком мало знаю о методах Исцеления, поэтому должна сама все увидеть. Я бы уже давно это сделала, но боялась, что не смогу вести.

— Нет!

— Давай, быстрее, пока никто не заметил, что я мешкаю. — Джаред быстро обдумал ситуацию. Он был лучшим, потому что умел принимать быстрые и правильные решения. До меня донесся звон стали: Джаред вытаскивал нож из чехла.

— Осторожно. Не слишком глубоко.

— Может, сам сделаешь? — Он резко вдохнул:

— Нет.

— Ладно.

Мне в руку лег мерзкий нож с остро заточенным лезвием и тяжелой рукоятью. Я старалась прогнать из головы лишние мысли, не хотела давать себе шанс струсить. «Порежу руку, а не ногу», — решила я, потому что прятать исцарапанные коленки тоже не улыбалось. Я вытянула левую руку, ухватила за ручку дверцы и выгнулась: если будет слишком больно, вопьюсь зубами в подголовник. Пусть и неуклюже, но крепко я сжала рукоять ножа правой рукой, вдавила острие в кожу предплечья и зажмурилась.

Джаред тяжело дышал. Нужно было торопиться, пока он меня не остановил.

«Представь, что это лопата, а кожа на руке — земля», — сказала я себе и вонзила нож в предплечье.

Вопль вышел слишком громким, несмотря на подголовник. Ладонь разжалась от отвращения, нож выпал из руки и лягнул о пол.

— Анни! — воскликнул Джаред.

Я ответила не сразу, пытаюсь удержать подступающий крик. Хорошо, что я не поранила себя перед тем, как сесть за руль.

— Дай взгляну.

— Оставайся здесь и не шевелись, — выдохнула я. Несмотря на мое предупреждение, сзади зашуршал плед. Я вытянула левую руку вдоль тела, распахнула дверь правой и вывалилась из машины, ощутив прикосновение Джареда к спине — он пытался меня утешить.

— Скоро буду, — выдавила я и ногой захлопнула дверцу.

Я побрела через парковку, борясь с паникой и тошнотой, которые уравнивали друг друга, не давая чему-то одному взять верх. Боль казалась терпимой — или, скорее, ощущения притупились. Я была на грани шока: слишком много боли для одного тела. Теплая жидкость струилась по ладони, капала на асфальт. Интересно, смогу ли я пошевелить пальцами? Пробовать было страшно.

Распахнулись автоматические двери. Женщина в регистратуре — средних лет, с темной шоколадной кожей и несколькими серебряными прядками в черных волосах — вскочила на ноги.

— Какой ужас! — Она схватила микрофон, и следующие слова зазвучали с потолка, многократно усиленные. — Целитель Вязь, срочно подойдите в регистратуру! Серьезная травма!

— Нет-нет... — Я старалась говорить спокойно, хотя еле держалась на ногах. — Ничего страшного, просто несчастный случай.

Женщина отложила микрофон, бросилась ко мне, поддержала меня за талию.

— Ох, милочка, что случилось?

— Глупая ситуация, — пробормотала я. — Я отправилась в поход. Мыла посуду после ужина, поскользнулась на мокрых камнях... А в руке нож...

Наверное, она решила, что я мямлю из-за пережитого потрясения. В ее взгляде не было ни недоверия, ни усмешки — только забота. Иен всегда улыбался, когда я врала.

— Бедняжка! Как вас зовут?

— Завиток на стекле, — сказала я, употребив родовое имя своей прежней семьи на планете Медведей.

— Не волнуйтесь, Завиток на стекле, Целитель сейчас спустится. Вам помогут.

От паники не осталось и следа. Добрая женщина гладила меня по спине — нежно, заботливо. Она не причинит мне вреда.

Целителем оказалась молодая женщина. Ее волосы, кожа и глаза имели одинаковый светло-коричневый оттенок. Она выглядела необычно — одноцветно. Бежевая форма лишь усиливала это странное впечатление.

— Целитель Огненная вязь, — представилась она. — Мы вам поможем. Что случилось?

Женщины повели меня по коридору, а я сбивчиво повторила свой рассказ. Мы зашли в первую дверь, где меня уложили на застеленную бумагой кушетку.

Комната выглядела знакомой. Мне довелось лишь раз бывать в похожем помещении, зато оно часто всплывало в детских воспоминаниях Мелани. Короткий ряд шкафчиков, раковина, где Целитель мыла руки, чистые белые стены...

— Начнем по порядку, — бодро произнесла Огненная вязь и открыла шкафчик, заполненный рядами аккуратно разложенных белых цилиндров. Она быстро, не глядя, вытащила один — похоже, знала, что ей нужно. На пузырьке виднелся ярлычок, но я не смогла прочесть надпись. — Немного обезболивающего не помешает, верно?

Она открутила крышку, а я вчиталась в надпись — два коротких слова: «От боли». И все? Я не ошиблась?

— Завиток на стекле, откройте рот.

Я подчинилась. Целительница вытащила маленький тонкий квадратик, похожий на кусочек салфетки, и положила мне на язык. Квадратик тут же растворился. Вкуса не было. Я машинально сглотнула.

— Лучше? — спросила Целительница.

Действительно, мне тут же стало легче: в голове прояснилось, я смогла

сосредоточиться. Боль исчезла вместе с крошечным квадратиком. Я потрясенно заморгала.

— Да.

— Я знаю, сейчас вы хорошо себя чувствуете, но, пожалуйста, не шевелитесь. Мне нужно обработать ваши раны.

— Конечно.

— Лазурь, принесите воды, пожалуйста. Кажется, у пациента пересохло во рту.

— Уже несу, Целитель Вязь.

Женщина постарше вышла из комнаты.

Целительница открыла еще один шкафчик, тоже заставленный белыми пузырьками, вытащила цилиндрик с верхней полки, и еще один — с другой стороны.

Словно желая мне помочь, она перечисляла названия.

— «Очистка» — «Изнутри» и «Снаружи»... «Заживление»... «Замазка»... Ага, вот оно... «Разглаживание». — Мы же не хотим, чтобы на таком прелестном личике остался шрам?

— Э-э... нет.

— Не волнуйтесь. Шрама не останется.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста.

Она склонилась надо мной с очередным белым цилиндром в руке. Крышечка с легким хлопком поддалась, под ней оказалась насадка аэрозоля. Сперва Целительница опрыснула мне предплечье — рану окутало чистое, без запаха, облачко.

— Наверное, приятно лечить других. — Я выбрала правильный тон: заинтересованный, но не слишком. — С тех пор как меня ввели, я не бывала в Лечебницах. Здесь так интересно.

— Да, мне нравится. — Теперь она спрыскивала лицо.

— А что это вы делаете?

Она улыбнулась. Наверное, я была не первой любопытной пациенткой, задававшей вопросы.

— Это «Очистка», чтобы в рану не попала инфекция. Убивает микробов. А это — «Очистка изнутри», на случай, если инфекция успела проникнуть в организм. Вдохните, пожалуйста.

В руке Целительницы мелькнул белый цилиндрик потоньше, с пульверизатором на конце. Она чуть надавила, распылив облачко легкого тумана вокруг моего лица. Я вдохнула. Туман имел мятный привкус.

— А это «Заживление», — продолжила Огненная вязь, откручивая

крышку следующего пузырька, под которой оказалась пипетка. — Поможет тканям срастись, чтобы заживление прошло правильно.

Она выдавила несколько капель прозрачной жидкости в широкий порез на руке и соединила края раны. Я почувствовала лишь ее прикосновение — боли не было.

— Сейчас закрепим и продолжим. — Очередная емкость была похожа на тубик. Целительница выдавила себе на пальцы полоску густого, прозрачного геля. — Гель склеивает края раны, пока «Заживление» делает свое дело. — Она быстро размазала гель по моей руке. — Что ж, продолжим. С рукой закончили.

Я подняла руку и посмотрела на результат: под блестящим слоем геля виднелась едва заметная розовая полоска. Кровь осталась на коже, но больше не текла. Один взмах влажного полотенца — и следов крови не осталось.

— Повернитесь-ка. Вот так... Хм... Однако... Видно, сильный был удар: не щека, а каша.

— Да. Не повезло.

— Хорошо хоть смогли до нас доехать. Целительница капнула «Заживление» мне на щеку, легонько втерла жидкость кончиками пальцев.

— Ох, обожаю смотреть, как оно действует. Уже намного лучше. Так... по краям... Еще слой. Вот здесь почистим. — Она поработала еще с минуту и улыбнулась. — Красота.

— Вода, — сказала вторая женщина, входя в комнату.

— Спасибо, Лазурь.

— Позовите меня, если вам что-нибудь понадобится. Я буду на входе.

— Спасибо.

Лазурь вышла. Интересно, откуда это имя — с планеты Цветов? Голубые цветы были редкостью, имя подходящее.

— Можете сесть. Как вы себя чувствуете? Я приподнялась.

— Лучше не бывает. — И правда, я словно заново родилась. Резкий переход от боли к приятной расслабленности лишь усилил новое ощущение.

— Все правильно. Ну а теперь добавим немного «Разглаживания». — Целитель открутила крышечку последнего цилиндра, высыпала переливающийся порошок в ладонь и нанесла его мне на щеку. Еще одна горсть предназначалась для моей руки.

— Маленький шрамик на руке останется, — сказала она извиняющимся тоном. — Как тот, на шее. Глубокий порез... — Она развела руками, с рассеянным видом убрала волосы с моей шеи и изучила шрам.

— Хорошая работа. Кто был Целителем?

— Мм... Лицом к солнцу. — Я назвала имя одного из своих студентов. — Я жила в Юрике, штат Монтана. Мне не понравился холод, и я переехала на юг.

Столько лжи. Я почувствовала, как внутри нарастает тревога.

— Я начинала в Мэне. — Похоже, Целительница не заметила моей странной интонации. — Мне тоже показалось, что там холодновато. А вы какое Призвание выбрали?

— Э-э... я официантка. В мексиканском ресторане, в Финиксе. Люблю острую пищу.

— И я тоже. — Огненная вязь спокойно вытерла кровь с моего лица. — Очень хорошо. Не волнуйтесь, Завиток на стекле. Ваше лицо выглядит прекрасно.

— Спасибо, Целитель.

— Да не за что. Хотите еще воды?

— С удовольствием. — Я старалась не терять самообладания, но вода оказалась слишком вкусной. Пожалуй, стакан опрокидывать не стоит: я пила и пила, и никак не могла напиться.

— Принести еще?

— Я... Да, если не трудно. Спасибо.

— Я скоро вернусь.

Едва она вышла из комнаты, я соскользнула с кушетки. Зашуршала бумажная простыня, и мои ноги приросли к полу — Целитель вот-вот появится в дверях! На все про все у меня оставались считанные секунды. Лазурь ходила за водой несколько минут. Возможно, у Целителя на это уйдет столько же. Наверное, прохладная чистая вода далеко от комнаты, в которой я нахожусь. Может быть...

Я рванула с плеч рюкзак, торопливо его развязала и бросилась ко второму шкафчику, в котором заметила сложенное в стопки «Заживление». Я сгребла одну из стопок целиком, и та с легким стуком упала на дно рюкзака.

Что я скажу, если меня поймают? Что совру?

Из первого шкафчика я прихватила два вида «Очистки», за «Очисткой» последовали обе стопки «От боли». Я потянулась было к «Замазке», но мое внимание привлекла надпись на коробке в том же ряду: «От жара». Отлично! Никаких инструкций, только надпись на ярлычке. Я взяла целую упаковку. Человеческому телу они не повредят, в этом я не сомневалась.

Я сгребла всю «Замазку» и две упаковки с «Разглаживанием» и решила больше не испытывать судьбу. Осторожно закрыв дверцы шкафчиков, я

закинула на спину рюкзак, прилегла на кушетку и постаралась придать лицу безмятежное выражение. Целитель не возвращалась.

Я посмотрела на часы: прошла уже целая минута. Интересно, где у них вода? Две минуты. Три.

А вдруг она разгадала мою неумелую ложь?

Я смахнула со лба капельки пота. Что, если Целитель послала за Ищейкой? Я вспомнила о крошечной капсуле у меня в кармане. Я смогу — несмотря ни на что, смогу. Ради Джейми.

Из коридора донеслись шаги.

Глава 45

Успех

Лазурь и Целительница одновременно вошли в комнату. Целительница протянула мне стакан с водой, который показался мне теплее первого — мои пальцы похолодели от страха. Темнокожая женщина вручила плоский треугольник на ручке.

— Я решила, вы захотите взглянуть. — Огненная вязь улыбнулась.

Напряжение схлынуло. Я не увидела ни страха, ни недоверия, лишь доброту Душ, решивших посвятить свои жизни лечению других.

Лазурь передала мне зеркало. Я заглянула в него и невольно ахнула: на меня смотрело лицо, какое я помнила со времен Сан-Диего — лицо, которое тогда я воспринимала как должное. Над правой скулой кожа нежная, гладкая как персик. И только присмотревшись, можно было заметить розоватый оттенок, чуть бледнее смуглой левой щеки. Лицо, принадлежащее Страннице, Душе. Оно казалось уместным здесь, в этом цивилизованном месте, чуждом насилию и страху.

Я вдруг осознала, почему мне не составило труда обмануть этих милых созданий. Я умела с ними говорить, понимала их правила, их законы общения. Ложь, прозвучавшая из моих уст, могла... точнее, должна была оказаться правдой. Я должна была выполнять сейчас свое Призвание — преподавать в университете или обслуживать посетителей ресторана. Спокойная, простая жизнь на благо общества.

— Что скажете? — спросила Целительница.

— Выглядит просто здорово. Спасибо.

— Рада была помочь.

Я еще раз посмотрелась в зеркало, замечая подробности, которые портили безупречную на первый взгляд картину. Волосы выглядели ужасно: спутанные, грязные, с секущимися кончиками. Они не блестели — сказывалось самодельное мыло и скудное питание. И хотя Целительница вытерла кровь, и шея, и лицо все еще были перепачканы в красноватой грязи.

— Наверное, пора завязывать с походами. Мне бы не мешало помыться, — прошептала я.

— Увлекаетесь походами?

— С недавних пор. Меня... тянет в пустыню.

— Храбрая. А мне больше нравится город.

— Я не храбрая — просто мы разные.

Знакомые зеленовато-карие глаза отразились в зеркале: темно-серый ободок, кружок темно-зеленого, и еще один, коричневый — вокруг зрачка. А в глубине слабо мерцал серебряный отблеск.

«Джейми?» — Мелани начинала нервничать: слишком уютно я себя здесь чувствовала. Она ясно видела логику другого пути, открывшегося передо мной, логику, которая ее пугала.

«Я знаю, кто я такая», — сказала я ей.

Я моргнула и перевела взгляд на обращенные ко мне дружелюбные лица.

— Спасибо, — еще раз поблагодарила я Целительницу. — Я, пожалуй, пойду.

— Уже поздно. Переночуйте здесь.

— Я не устала, чувствую себя... превосходно.

— Это обезболивающее, — улыбнулась Целительница.

Лазурь проводила меня к выходу, но в дверях вдруг положила руку мне на плечо. Сердце заколотилось. Неужели она заметила, что мой рюкзак, который недавно был пуст, набит битком?

— Берегите себя, дорогая, — сказала она и похлопала меня по руке.

— Честное слово, больше никаких походов в темноте! — Улыбнувшись, она вернулась за стойку.

Стараясь идти ровным шагом, я пересекла парковку. Хотелось бежать. А вдруг Целитель заглянет в шкафчики и заметит пропажу?

Машина стояла на том же месте, в темном закутке, куда не доставал свет фонарей. В ней никого не было. Дыхание сбилось... Ну конечно, она и должна выглядеть пустой! Так и было задумано. Но я не успокоилась, пока не увидела смутные очертания человеческой фигуры под пледом на заднем сиденье.

Я бросила рюкзак на пассажирское сиденье — внутри обнадеживающе загремело, — забралась внутрь и захлопнула дверцу. Нажимать кнопки блокировки не имело смысла...

— Все в порядке? — хрипло прошептал Джаред, едва дверь захлопнулась.

— Т-с-с! — сказала я, стараясь не шевелить губами. — Подожди.

Я проехала мимо освещенного входа, Лазурь помахала мне рукой, я помахала в ответ.

— Нашла новых друзей?

На темной дороге, вдали от посторонних глаз, я сползла по сиденью.

Руки затряслись. Теперь, когда все осталось позади, я позволила себе расслабиться.

— Все Души — друзья, — ровно сказала я.

— Все в порядке? — повторил он.

— Меня вылечили.

— Дай взглянуть.

Я протянула ему левую руку с еле заметной полоской шрама. Джаред удивленно ахнул, скинул с себя плед и пролез вперед, на пассажирское сиденье. Рюкзак он переложил к себе на колени.

— Твое лицо! — воскликнул он, заметив мою щеку в свете фонаря.

— И лицо вылечили. Естественно.

Рука Джареда нерешительно остановилась в воздухе.

— Больно?

— Нет, конечно. Все как рукой сняло.

Джаред осторожно прикоснулся к моей новой коже. По щеке побежали иголки, но это была лишь реакция на его прикосновение.

— Они что-то заподозрили? Не вызовут Ищеек? — настороженно осведомился он.

— Нет. Я же сказала, они мне поверят. Они даже глаза не проверили. Я была ранена, и мне оказали помощь.

— Что удалось достать? — спросил он, развязывая рюкзак.

— Лекарства для Джейми... если успеем... — Я машинально взглянула на часы на приборной доске, хотя горящие на них цифры не имели значения. — И на потом хватит. Я взяла только самые простые лекарства.

— Успеем, — пообещал он, изучая содержимое рюкзака. — «Разглаживание»?

— А, это необязательно, но я знаю, как им пользоваться, так что...

Он кивнул и продолжил рыться в рюкзаке, бормоча под нос названия.

— «От боли»... И как, помогает?

— Еще как помогает, — засмеялась я. — Поранишься — на тебе продемонстрирую. Шутка.

— Знаю.

Он как-то странно на меня посмотрел — широко распахнутыми глазами.

— В чем дело? — поинтересовалась я. Положим, моя шутка плоха, но не настолько же...

— У тебя получилось. — Его голос звенел от удивления.

— А что, не должно было?

— Да нет, просто... Я не верил, что у нас выйдет.

— Не верил? Тогда почему... Почему ты мне помог?

— Я решил, что лучше погибнуть, но попытаться спасти Джейми, — тихо, почти шепотом ответил Джаред, — чем жить без него!

К горлу подступил комок. Мелани тоже душили эмоции. На мгновение мы стали одной семьей — все мы.

Я прокашлялась. Не стоило переживать из-за пустой, несбыточной мечты.

— Это оказалось просто. Наверное, у любого получилось бы, главное — вести себя естественно. Кстати, Целительница посмотрела на мою шею. — Рука сама потянулась к шраму. — Твой шрам слишком грубый, но теперь, когда у нас есть лекарства, док сможет это поправить.

— Вряд ли у нас получилось бы «вести себя естественно».

Я кивнула.

— Да. Мне проще. Я одна из них. Если бы вы мне доверяли, я бы, наверное, могла достать все что угодно... — Я хихикнула. Стресс проходил, и меня вдруг разобрал смех. Интересно, понимает ли Джаред, что ради него я тоже готова сделать все что угодно?

— Я тебе доверяю, — прошептал он. — Доверяю тебе наши жизни.

И действительно, он доверил мне человеческие жизни: свою, жизнь Джейми, жизни всех остальных.

— Спасибо, — прошептала я.

— У тебя получилось, — задумчиво повторил он.

— Мы его спасем.

«Джейми поправится! — ликовала Мелани. — Спасибо, Анни».

«Ради них — все что угодно», — подумала я и вздохнула, потому что это была чистая правда.

Мы доехали до вымоины. Джаред прикрепил брезент к бамперу и сел за руль: он довезет нас быстрее, дорога ему знакома. Он ловко завел машину в крошечный карман под валуном, ни разу не царапнув боком по камню. Мы пересели в джип и растворились в ночи.

Трясаясь и подпрыгивая, джип несся по бескрайней пустыне. Ветер уносил в ночь ликующий смех Джареда.

— Где повязка? — спросила я.

— Зачем она тебе? Анни, у тебя была возможность нас сдать, ты ею не воспользовалась. Теперь ты одна из нас — и никто не убедит меня в обратном.

Я задумалась.

— По-моему, не все так считают. Некоторые будут против.

— Что ж, им придется смириться.

Я покачала головой, представив, как нас встретят.

— Вернуться будет непросто. Они наверняка подумали, что...

Он сердито сощурил глаза.

— Джаред... Если они... если не захотят выслушать... если не выдержат... — Я внезапно осознала всю серьезность ситуации, испугалась, что не успею всего объяснить, и затараторила: — Сначала дай Джейми «От боли» — просто положи на язык. Потом спрей «Очистка изнутри» — он должен вдохнуть. Пусть док...

— Эй! Ты сама дашь указания...

— Нет, послушай...

— Нет, Анни. Так не пойдет. Я пристрелю любого, кто поднимет на тебя руку.

— Джаред!..

— Не паникуй. Буду целиться в ноги. Потом вылечим, у нас теперь есть лекарства.

— Не смешно.

— Я не шучу.

— Где повязка? — Он сжал губы.

У меня была с собой старая футболка — рваные обноски Джеба. Сойдет!

— Может, это их убедит, и нас пропустят. — Я соорудила широкую повязку и завязала глаза. — А значит, мы быстрее попадем к Джейми.

Мы оба умолкли. Джип подпрыгивал на ухабах. В памяти всплыли похожие ночи, когда в роли пассажира выступала Мелани.

— Я подъеду вплотную. Там есть место, где на пару дней можно спрятать джип. Сэкономим время.

Я кивнула. Сейчас время решало все.

— Почти приехали, — сказал Джаред через минуту и выдохнул. — Нас ждут.

Он завозился и достал с заднего сиденья ружье: щелкнул металл.

— Не стреляй в людей.

— Как получится.

— Стоять, — крикнул чей-то голос. Звук разнесся по пустыне.

Джип притормозил и остановился.

— Свои, — сказал Джаред. — Вот. Смотри. Видишь? Я — это по-прежнему я.

На той стороне чувствовалось замешательство.

— Слушай, я заведу джип в укрытие, ладно? Мы возьем Джейми

лекарства и очень торопимся, так что советую не мешать. С дороги!

Джип рванулся вперед. Звук изменился, появилось эхо — мы въехали в пещеры.

— Так. Пока все идет хорошо. Анни, пойдём.

У меня за плечами уже висел рюкзак. Я выбралась из джипа и попыталась нащупать стену. Джаред поймал мою руку.

— Забирайся! — Он снова взвалил меня на плечо. На этот раз я боялась упасть: Джаред придерживал меня одной рукой — в другой он, по видимому, нес ружье. Впрочем, заслышав топот бегущих ног в коридоре, я подумала о ружье с благодарностью.

— Джаред, ты идиот! — заорал Кайл. — О чем ты думал?

— Кайл, успокойся, — сказал Джеб.

— Она ранена? — волновался Иен.

— С дороги, — ледяным голосом произнес Джаред. — Я тороплюсь. Анни жива и здорова, просто она настояла, чтобы я завязал ей глаза. Как Джейми?

— У него жар, — ответил Джеб.

— Анни достала лекарства! — Джаред двигался быстро, туннель шел под уклон.

— Я ее понесу, — вызвался Иен.

— Ей и тут неплохо.

— Все хорошо, не волнуйся, — сказала я Иену.

Очередной подъем — несмотря на мой вес, Джаред почти бежал. Сзади догоняли остальные. Похоже, мы двигались через главную пещеру: слышались возмущенные возгласы и сердитое перешептывание.

— С дороги, — прогрохотал Джаред, перекрывая остальные голоса. — Где док? С Джейми?

Я не расслышала ответ. Джаред давно мог опустить меня на землю, но он слишком торопился и не хотел терять драгоценные секунды.

Сзади шумели сердитые голоса. Мы вошли в узкий туннель, и эхо стало громче. Отсчитывая про себя повороты, я определила, где мы находимся: Джаред пробежал развязку и свернул в третий проход, ведущий к спальням — их невидимые двери быстро оставались позади.

Джаред резко затормозил, и я соскользнула с его плеча. Он снял с моих глаз повязку.

В нашей комнате горело несколько тусклых голубых ламп. Док застыл посреди спальни — видимо, только что вскочил на ноги. На коленях рядом с ним, прижимая влажную тряпку ко лбу Джейми, стояла Шэрон. Ее лицо, искаженное яростью, было почти невозможно узнать. По другую сторону

от Джейми порывалась подняться Мэгги.

Джейми лежал весь красный и обмякший: глаза закрыты, грудь едва заметно вздымается при вдохе.

— Ты! — выплюнула Шэрон и рывком вскочила с коленей.

Она прыгнула на Джареда, как кошка, стремясь расцарапать ему лицо.

Джаред перехватил руки Шэрон, скрутил их у нее за спиной и оттащил разъяренную девушку в сторону.

Мэгги, казалось, вот-вот бросится на помощь дочери. Джеб обошел Джареда с Шэрон и преградил ей путь.

— Отпусти ее! — крикнул док. Джаред словно не слышал.

— Анни, доставай лекарства!

Док вышел вперед и встал между мной и Джейми.

— Док, — только и смогла выдавить я. Насилие, витавшее в комнате над неподвижным телом Джейми, ужасало. — Мне нужна твоя помощь. Пожалуйста, помоги. Ради Джейми.

Док не пошевелился, он не спускал глаз с Шэрон и Джареда.

— Ну же, док! — Иен подошел ко мне и положил руку на плечо; переполненная людьми тесная комната словно надвинулась на нас, навевая клаустрофобию. — Ты позволишь мальчику умереть из-за ваших предрассудков?

— Предрассудки тут ни при чем. Неизвестно, как незнакомые препараты подействуют на ребенка!

— Хуже уже не будет.

— Док, — сказала я. — Посмотри на меня.

На мои слова отреагировал не только док: Джеб, Иен и даже Мэгги оценивающе меня оглядели — впрочем, Мэгги быстро отвела глаза, злясь, что не сумела скрыть любопытства.

— Как? — потребовал объяснения док.

— Я тебе покажу. Пожалуйста, Джейми незачем мучиться!

Док тяжело вздохнул.

— Иен прав, ему уже ничем не навредишь. Если твои препараты его убьют... — Он пожал плечами, ссутулился и отступил.

— Нет! — закричала Шэрон. Никто не обратил на нее внимания.

Я встала на колени возле Джейми, сдернула с плеч рюкзак, развязала тесемки, порывалась внутри. Вот оно, «От боли»! Яркий луч фонаря осветил лицо Джейми.

— Иен, принеси воды!

Я открутила крышку и подцепила один из крохотных квадратиков. Надавив на подбородок Джейми, я почувствовала, как пылает его кожа. Я

положила квадратик на язык мальчику и, не глядя, протянула руку. Иен передал мне миску с водой.

Осторожно, тонкой струйкой, я влила воду в рот Джейми, помогая лекарству раствориться. Мальчик мучительно сглотнул, вода вместе с лекарством освежила пересохшее горло.

Я лихорадочно сжала пузырек со спреем, сняла колпачок и быстрым движением распылила целебное облачко возле лица Джейми.

Лоб Джейми горел! Я отыскала «Охлаждение», надеясь, что препарат так же прост в использовании. Под откручивающейся крышкой оказались бумажные квадратики, на этот раз светло-голубые. Со вздохом облегчения я поместила один из квадратиков на язык Джейми и влила немного воды в пересохшие губы. Мальчик сразу и почти без усилий сделал новый глоток.

Еще одна рука легла на лоб Джейми — длинные тонкие пальцы... Доктор!

— Док, у тебя есть нож поострей?

— Есть скальпель. Хочешь, чтобы я вскрыл рану?

— Да, нужно ее очистить.

— Я хотел... ее промыть, но боль...

— Он ничего не почувствует.

— Посмотри на него. — Иен склонился над мальчиком и присвистнул.

Болезненный румянец прошел. Загорелое лицо Джейми снова приобрело здоровый смуглый оттенок. Пот еще поблескивал на лбу и бровях, но я знала, что он выступил раньше и просто не успел высохнуть. Мы с доком одновременно потрогали лоб мальчика.

«Получилось!» — И Мелани, и меня захлестнула волна ликования.

— Поразительно, — выдохнул док.

— Жар прошел, но в ране еще может оставаться инфекция. Надо обработать порез.

— Шэрон, передай... — рассеянно произнес доктор и спохватился. — Э-э... Кайл, дай мне, пожалуйста, вон ту сумку.

Я склонилась над воспаленной раной. Иен светил фонариком, а мы с Доком копались каждый в своей сумке. Он достал сверкающий скальпель, от одного вида которого у меня по спине побежали мурашки. Стараясь их не замечать, я приготовила флакон с «Очисткой».

— Он не почувствует? — Док медлил.

— Эй, — прохрипел Джейми. Взгляд широко распахнутых глаз блуждал по комнате и наконец остановился на моем лице. — Анни, привет. Что происходит? Почему все собрались?

Глава 46

Семья

Джейми попытался привстать.

— Полегче, малыш. Как ты себя чувствуешь? — Иен не дал Джейми подняться с постели.

— Я... Лучше не бывает. А почему все здесь? Я не помню...

— Ты болел. Не двигайся, нам нужно закончить лечение.

— Можно воды?

— Конечно, малыш. Держи.

Док изумленно смотрел на Джейми. У меня перехватило дыхание от радости, я едва могла говорить.

— Это «От боли», — прошептала я. — Удивительное лекарство.

— А почему Джаред держит Шэрон? — прошептал Джейми, обращаясь к Иену.

— Она не в духе, — нарочитым шепотом ответил Иен.

— Не вертись, Джейми, — предупредил док. — Мы тебе рану промоем. Ладно?

— Ладно. — Джейми только сейчас заметил скальпель в руке дока.

— Скажешь, если почувствуешь, — сказал док.

— Если будет больно, — поправила я.

С профессиональной сноровкой док быстрым движением надрезал воспаленную кожу.

— Странное ощущение, — сказал Джейми, сосредоточенно разглядывая темный потолок. — Но не больно.

Док сделал крестообразный надрез скальпелем — хлынула кровь и густой гной.

Как только док убрал руку, я разбрызгала «Очистку» по открытой ране. Гной с тихим шипением запузырился и стал таять, почти как мыльная пена под струей воды. Стоявший рядом со мной док учащенно задышал.

— Ты только взгляни!..

На всякий случай я дважды опрыскала область вокруг раны. Краснота спала, остался лишь обычный красный цвет человеческой крови, что вытекала из разреза.

— Так, теперь «Заживление»... — Отыскав нужный пузырек, я поднесла крохотный кончик к разрезу. Прозрачная жидкость закапала в

рану, поблескивая внутри. Кровотечение прекратилось. Я использовала половину пузырька — в два раза больше, чем требовалось.

— Хорошо. Так, док, скрепи, пожалуйста, края.

К этому времени доктор лишился дара речи и замер с открытым от удивления ртом. Он сделал, как я просила: свел края раны вместе.

— Щекотно, — захихикал Джейми. У дока глаза на лоб вылезли.

Я осторожно втерла «Замазку» в кожу вокруг крестообразного разреза, с удовлетворением наблюдая, как края раны срастаются и розовеют.

— Можно посмотреть?

— Дай ему сесть, Иен. Мы почти закончили. — Джейми приподнялся на локтях: ясные глаза светились любопытством, мокрые от пота, грязные волосы спутались в колтуны, но на щеках появился здоровый румянец.

— Сейчас помажу вот этим, — сказала я, втирая в кожу мерцающий порошок, — и шрамик разгладится. Смотри, совсем как у меня. — Я показала ему свою руку.

— Девушкам нравятся шрамы! — засмеялся Джейми. — Анни, где ты раздобыла эти волшебные лекарства?

— Джаред возил меня в город.

— Правда? Класс!

Доктор дотронулся до переливающихся крупинок на моей руке и понюхал пальцы.

— Ты бы ее видел! Она была неподражаема, — раздался над ухом голос Джареда.

Огненная шевелюра Шэрон скрылась за дверью. Мэгги вышла следом. Как печально. Как страшно. Сколько ненависти должно быть в человеке, не способном порадоваться за выздоровевшего ребенка?... Как можно дойти до такого?

— Нет, какова? С наглым видом заявила в больницу к пришельцам, заморочила им головы рассказом о том, как поранилась, и попросила вылечить. А как только они отвернулись, внаглую вынесла все лекарства — прямо из-под носа, понимаешь! — Рассказ Джареда звучал захватывающе. На лице Джейми расплылась широкая улыбка. — И улизнула оттуда с кучей препаратов, которых нам надолго хватит. Оставила козявок с носом, да еще и ручкой им помахала из машины! — Джаред расхохотался.

«Я бы так не смогла, — грустно сказала Мелани. — От тебя куда больше пользы».

«Цыц! — шикнула на нее я. Не время для грусти и ревности. Время радоваться. — Без тебя меня бы здесь не было. Ты тоже его спасла».

Джейми во все глаза смотрел на меня.

— Вообще-то, все было совсем не так увлекательно, — сказала я. Джейми взял меня за руку, и я сжала его ладонь. Сердце переполняли любовь и благодарность. — Все вышло легко. Я ведь тоже «козявка».

— Я совсем не то имел в виду... — начал было извиняться Джаред.

— А как ты объяснила шрам на лице? — спросил док. — Они не спрашивали, откуда...

— Пришлось нанести свежую рану, а заодно и порез — сказала Целителю, что упала на нож. Не хотелось вызывать подозрений. — Я подтолкнула Джейми локтем. — С кем не бывает.

Я словно парила от счастья. Все вокруг как будто светилося изнутри — одежда, лица, даже стены. Люди, столпившиеся внутри и снаружи, шептались и задавали друг другу вопросы, но их голоса казались мне звоном в ушах — вроде тягучего гула, который возникает, если ударишь по колоколу. Воздух мерцал. Реальность исчезла. Остался лишь кружок моих самых любимых людей: Джейми, и Джаред, и Иен, и Джеб. В этот чудесный миг я даже дока любила.

— Свежую рану? — сухо спросил Иен.

Я с удивлением заметила злость в его глазах.

— Пришлось. Нужно было спрятать старый шрам и понять, как вылечить Джейми.

Джаред поднял мою левую руку и провел пальцем по едва заметной розовой полоске на запястье.

— Это было ужасно, — сказал он, и веселость вдруг исчезла из его голоса. — Я думал, она останется без руки.

— Ты себя порезала? — ужаснулся Джейми. Я снова сжала его руку.

— Не волнуйся, все не так страшно. Я знала, что меня быстро вылечат.

— Видел бы ты ее, — тихим голосом повторил Джаред, поглаживая мне руку.

Пальцы Иена провели по моему лицу. Это было приятно, и я прильнула щекой к его ладони. Интересно, отчего мир вдруг стал таким ярким и волнующим: от действия обезболивающего или оттого, что Джейми спасен?

— Больше никаких вылазок, — пробормотал Иен.

— Само собой, она пойдет еще раз, — сказал Джаред, голос его звенел от удивления. — Иен, она абсолютно феноменальна. Это надо было видеть. Эх, как подумаю, какие открываются возможности...

— Возможности? — Иен притянул меня к себе, подальше от Джареда. — Какой ценой? Она чуть руки не лишилась, а ты и рад! — Его голос обвинял, пальцы сдавили мне предплечье.

Гнев как-то не вязался с сияющим ощущением счастья.

— Нет, Иен, Джаред тут ни при чем, — сказала я. — Ты неправ. Это была моя идея.

— Конечно, твоя! — прорычал Иен. — Ты на все пойдешь... Ты на все готова, когда дело касается этих двоих. А вот Джаред должен был тебя остановить...

— Иен, а ты что предлагаешь? — возразил Джаред. — Или у тебя имелся план получше? Если бы Джейми умер, она бы себе не простила!

Голос Иена смягчился.

— Нет... Я одного не понимаю: ты что, сидел и смотрел, как она себя уродует? — Иен скривился и покачал головой. — Что ты за человек такой...

— Практик, — перебил Джеб.

Все подняли глаза. Джеб стоял над нами с громоздкой картонной коробкой в руках.

— Вот поэтому-то у него лучше всех получается доставать нужные вещи. Джаред всегда исполняет то, что должен. И следит, чтобы и другие поступали так же. Между прочим, иногда смотреть сложнее, чем делать самому. Так, ужин давно прошел, а для завтрака еще рановато, но мне кажется, кое-кто тут давно не ел, — без лишних церемоний сменил тему Джеб. — Есть хочешь, малыш?

— Ой... даже не знаю, — признался Джейми. — Хочу, но это даже вроде как... приятно.

— Это «От боли» действует, — сказала я. — Ты должен поесть.

— И попить, — сказал док. — Тебе нужно больше жидкости.

Джеб разжал руки, и тяжелая коробка упала на матрас.

— Я подумал, есть повод отметить. Налетай.

— Ух ты, вкуснятина! — обрадовался Джейми, шаря в коробке, битком набитой туристскими концентратами и консервами. — Спагетти. Здоровско!

— Курицу бы в чесночном соусе, — сказал Джеб. — Соскучился я по чесночку... А вот по чесночному запаху из моего рта вряд ли кто скушает! — Он фыркнул.

Джеб запасся бутылками воды и двумя переносными печурками.

Люди собирались, теснясь на крохотном пространстве. Меня зажало между Джаредом и Иеном, а Джейми я усадила к себе на колени. И хотя Джейми справедливо считал, что вырос и сидеть на чужих коленях ему не к лицу, он не возмущался: наверное, почувствовал, как сильно нам с Мел хочется его обнять — живого и здорового.

Сияющий круг словно разросся, вобрав в себя всех участников полуночной вечеринки — они тоже стали семьей. Джеб не спеша готовил угощение. Страх сменился облегчением и радостью от хороших новостей. Я была рада даже Кайлу, который пристроился с другой стороны от брата.

Мел удовлетворенно вздохнула. Ее переполняли ощущения: тепло мальчика на моих коленях, ласковое прикосновение сидящего рядом мужчины. Счастье не омрачила даже рука Иена, которая по-прежнему обнимала мои плечи.

«Наверное, это „От боли“ так действует», — пошутила я.

«Вряд ли. Лекарство тут ни при чем». «Пожалуй, ты права. Это то, чего у меня никогда не было».

«Это то, что у меня отобрали».

Какая великая сила, таящаяся в человеческой любви, заставила меня отказаться от моих соплеменников? Может, дело в ее непредсказуемости и капризах? Любовь и благожелательное отношение Душ распространяются на всех. Может, мне просто нужна была встряска? Человеческая любовь, коварная, не признавала правил: иногда ее дарили просто так — как это произошло с Джейми; иногда на то, чтобы ее заслужить, требовалось время и тяжелый труд — например, с Иеном; а иногда ее было не добиться никакими стараниями, и такая безнадежная любовь разбивала сердце — с Джаредом.

А может, чувства людей просто были сильнее? Люди умели так яростно ненавидеть, что и любили они, наверное, всем сердцем, страстно и пылко...

Почему я так отчаянно нуждалась в этой любви? Теперь, когда я все-таки ее обрела, стало ясно одно: несмотря на все опасности и боль, она того стоила.

Любовь была всем.

К тому времени как поздний ужин — точнее, ранний завтрак — подошел к концу, усталость взяла свое. Почти все расползлись по спальням, и комната опустела.

Остальные расположились на освободившемся пространстве. Места становилось все больше, и вскоре мы уже лежали. Моя голова оказалась на животе у Джареда — время от времени Джаред сонно ворошил мне волосы. Лицо Джейми уткнулось мне в плечо, а руки обвивали шею, одна моя рука приобняла его, а другую руку прижал к щеке Иен, которому служил подушкой мой живот. Док вытянул худые длинные ноги, уперся ботинком мне в бедро и захрапел. Вполне вероятно, что какая то часть моего тела касалась и Кайла.

Джеб растянулся на кровати и рыгнул. Кайл фыркнул.

— Неплохая выдалась ночка. Не ожидал... — задумчиво произнес Джеб. — Люблю, когда все хорошо заканчивается. Спасибо, Анни.

— М-м-м... — в полусне промычала я.

— В следующий раз... — откуда-то с другой стороны от Джареда подал голос Кайл. Он широко зевнул. — В следующий раз я пойду с ней...

— Следующего раза не будет, — ответил Иен.

— Ну конечно, не будет, — прошептала я, погладив его по щеке. — Я никуда не пойду, пока не понадобится моя помощь. Останусь внутри, если так надо.

— Анни, я не собираюсь тебя запирать, — с раздражением в голосе объяснил Иен. — По мне, так ты вольна идти куда вздумается — хоть катайся по шоссе. Но в вылазках я тебе участвовать не позволю, ради твоей же безопасности.

— Она нам нужна, — жестко сказал Джаред.

— Раньше же справлялись.

— Справлялись? Джейми бы умер, если бы не она. Она может доставать такие вещи, которые кроме нее не достанет никто.

— Джаред, она личность, а не бесчувственное орудие.

— Знаю. Я и не говорил, что...

— По-моему, решение за Анни, — заметил Джеб.

Я удерживала Иена. Джаред ворочался, порываясь встать. Услышав Джеба, они замерли.

— Джеб, так нельзя! — возмутился Иен.

— Почему? У Анни своя голова на плечах. Или за нее будешь решать ты?

— Сейчас объясню почему, — проворчал Иен. — Анни?

— Да, Иен?

— Ты хочешь участвовать в вылазках?

— Раз я могу помочь, конечно.

— Я не это спросил, Анни.

Я замолчала, пытаюсь сообразить, в чем ошибка.

— Видишь, Джеб? Она не думает о своих желаниях, о своем счастье, даже о своем здоровье. Она выполнит любую нашу просьбу, даже если для этого потребуется умереть. Нечестно ее просить. Любой из нас подумал бы о себе и отказался. А она не откажется.

Стало тихо. Иену никто не ответил. Все молчали, и тогда я решила подать голос.

— Неправда, — сказала я. — Я все время думаю о себе. И я... я хочу

помочь. По моему, это важно. Сегодня я счастлива, потому что помогла спасти Джейми. Я тоже имею право на счастье!

— Вот видите? — вздохнул Иен.

— Ну, не могу же я ей запретить, — сказал Джеб. — Она больше не пленница.

— Хотя бы не просите.

Все это время Джаред вел себя очень тихо. Джейми тоже затих, но он-то наверняка спал. А Джаред не спал, я точно знала: его рука что-то вычерчивала на моей щеке — сияющие, горящие узоры.

— Меня не надо просить, — сказала я. — Я сама пойду. Мне было совсем не страшно. Ни капельки. Души добрые, я их не боюсь. Все получилось само собой.

— Само собой? Чуть себе руку не... — Я поспешила вмешаться.

— Это был особый случай, такого больше не предвидится... — Я помолчала и уточнила: — Ведь правда?

— Если она пойдет, я пойду с ней, — со вздохом заявил Иен. — Кто-то же должен защитить ее от самой себя.

— А я пойду, чтобы защитить от нее остальных, — хихикнул Кайл, но тут же ойкнул и застонал.

Интересно, от кого ему досталось на этот раз?

— А я пойду, чтобы привести вас живыми домой, — прошептал Джаред.

Глава 47

Задание

— Слишком просто. Никакого азарта, — пожаловался Кайл.

— Ты сам хотел пойти, — напомнил ему Иен.

Они с Иеном находились в задней части фургона, разбирая крупы, консервы и туалетные принадлежности, которые я только что добыла в магазине. Полуденное солнце пылало над Вичитой. Было не так жарко, как в аризонской пустыне, но более влажно. В воздухе роилась мошкара.

Джаред вел фургон к выезду из города, внимательно следя за тем, чтобы не превысить скорость. Это порядком его раздражало.

— Не надоело ходить по магазинам, Анни? — спросил Иен.

— Да я не против!

— О чем ни спроси, ты всегда не против. Как так?

— Я против... разлуки с Джейми. И против нахождения снаружи, самую малость, особенно днем — как будто клаустрофобия наоборот: все слишком открыто. А тебя это не беспокоит?

— Иногда. Мы редко выходим днем.

— Она хоть размяться может, — пробормотал Кайл. — Не понимаю, зачем ты ее жаловаться вынуждаешь.

— Для разнообразия. Надоело слушать твоё нытье. — Ну все, раз Кайл с Иеном сцепились, то это надолго! Я переключилась на дорогу и сверилась с картой.

— Теперь в Оклахому? — спросила я Джареда.

— И остановимся в нескольких небольших городках по дороге, если не возражаешь, — ответил он, не спуская глаз с дороги.

— Не возражаю.

Во время вылазок Джаред всегда был предельно сосредоточен, не позволял себе никаких дружеских подначек. Иен и Кайл, напротив, беззлобно подшучивали надо мной после очередного успешного выполнения задания. Слово «задание» звучало весьма внушительно, хотя под этим понимался обыкновенный поход в магазин.

Как сказал Кайл, все было слишком просто, никакого азарта: я толкала тележку по проходам между полками, улыбалась Душам в ответ на их улыбки и наполняла тележку продуктами. Разумеется, я не забывала и о прячущихся в фургоне людях — покупала в кулинарии свежие сэндвичи и

что-нибудь на сладкое. Иен обожал мятное мороженое с шоколадной крошкой, Кайлу нравились карамельки, а Джаред ел все, что предлагали: казалось, он давным-давно забыл о любимых блюдах, исповедуя образ жизни, при котором желания не принимаются в расчет и даже насущные потребности тщательно взвешиваются и оцениваются. Да, он умел расставлять приоритеты и абстрагироваться от собственных прихотей, и это стало залогом его выживания.

Порою в небольших городках меня окликали на улицах, заговаривали со мной. Я так хорошо вызубрила роль, что к этому времени, наверное, смогла бы обмануть даже человека.

— Добрый день! Недавно в городе?

— Да. Только что приехала.

— Каким ветром занесло в Байерс?

Я всегда ради предосторожности сверялась с картой, перед тем как выйти из фургона, поэтому название города было мне знакомо.

— Мой муж много путешествует. Он фотограф.

— Чудесно! Человек искусства. Что ж, у нас тут много красивых мест.

Поначалу фотографа изображала я, но выяснилось, что на разговор с мужчинами уходит гораздо меньше времени, если представиться замужней.

— Огромное спасибо за помощь.

— Пожалуйста. Заезжайте к нам еще.

Беседуя с аптекарем в Солт-Лейк-Сити, я поняла, что требуется нам в пещерах.

— Мне кажется, я неправильно питаюсь, — застенчиво улыбнулась я. — Все время перекусываю на ходу, и постоянно тянет на сладкое.

— Тысяча лепестков, вам нужно внимательней отнестись к своему здоровью. Конечно, легче всего пойти на поводу у дурных привычек, но задумайтесь о вашем питании. А пока, вот, возьмите витамины.

«Здоровье». Разумеется, этикетка говорила сама за себя, можно было и не спрашивать.

— Вам со вкусом клубники или со вкусом шоколада?

— Давайте и то и другое.

Обходительная Душа по имени Рожденный на Земле вручил мне два больших флакона.

В общем, никаких острых ощущений. Чувство страха и опасности посещало меня лишь при мысли о крохотной капсуле с цианидом, которую я всегда держала в кармане, под рукой — на всякий случай.

— В следующем городе купи обновки, — сказал Джаред.

— Опять?

— Твоя одежда вся измята.

— Ладно, — согласилась я. Мне не нравились излишества, но неуклонно растущая стопка слегка запачканных вещей не пропадет зря. У нас с Лили, Хайди и Пейдж примерно один размер, и они обрадуются обновкам. Мужчины, участвовавшие в вылазках, редко интересовались одеждой. Каждый набег был вопросом жизни или смерти — об одежде никто не думал, как не думали о мыле и шампунях, которые я набирала в каждом магазине.

— И душ тебе тоже не помешает, — со вздохом сказал Джаред. — Видимо, придется переночевать в гостинице.

В отличие от меня моим спутникам не приходилось так тщательно заботиться о своем внешнем виде. Они носили джинсы и темные футболки — вещи, на которых грязь не видна и которые не привлекали внимание в те короткие моменты, когда нас могли увидеть. Больше всего мужчины ненавидели ночевки в придорожных гостиницах. Сон в логове врага пугал их больше, чем все остальное: Иен говорил, что уж лучше напасть на вооруженную Ищейку, а Кайл так вообще отказался — целый день спал в фургоне, а с наступлением ночи садился нас охранять.

Для меня это было не сложнее, чем ходить по магазинам: я получала ключ от номера, заводила разговор с клерком и рассказывала историю о муже-фотографе и друге, который путешествует вместе с нами (на случай, если кто-нибудь увидит нас втроем). Я выбирала обыденные имена с неприметных планет. Иногда мы были Летучими мышами: Хранитель слов, Поющий песнь яиц и Приют на небесах. Иногда — Морскими водорослями: Колышущиеся глаза, Видящий поверхность и Второй рассвет. Нас никто не пытался выследить, но я каждый раз выдумывала новые имена, потому что Мелани воображала себя героиней фильма про шпионов.

Труднее всего мне было пересилить себя и брать, ничего не давая взамен. Я ни за что не призналась бы в этом в присутствии Кайла, который только и ждал повода усомниться в чистоте моих намерений. Когда я жила в Сан-Диего, меня это не беспокоило: я брала лишь необходимое и возмещала долг обществу своими лекциями в университете. Призвание Учителя не требовало особого напряжения, но я относилась к нему серьезно. Были и другие, более трудоемкие, менее приятные — Души поочередно принимали участие в уборке мусора, например. Теперь я брала намного больше и ничего не отдавала взамен. Так нельзя... я чувствовала себя эгоисткой.

«Ты же не для себя, для других», — в минуты уныния напоминала мне

Мелани.

«Все равно так нельзя. Даже ты это чувствуешь, разве нет?»

«Не бери в голову», — советовала она.

К счастью, наша долгая вылазка подходила к концу: осталось только в последний раз выгрузить добычу из фургона в надежно припрятанный грузовичок. Всего несколько дней с заездом в Оклахому и Нью-Мексико, а дальше — без остановок через Аризону. Снова домой. Наконец-то!

Если мы ночевали в гостиницах, а не в тесном фургоне, то обычно въезжали после наступления темноты и покидали мотель до рассвета, чтобы Души не успели хорошенько нас рассмотреть — излишняя предосторожность. Даже Иен и Джаред начинали это понимать.

После удачного дня фургон ломился от добычи. Кайлу почти не осталось места, а Иен решил, что я устала, и мы остановились у гостиницы пораньше, еще до захода солнца.

Небольшая гостиница была полупуста. Я вернулась в фургон с пластиковой картой ключом, мы припарковались под окнами нашего номера, в пяти-шести шагах от входа, и Джаред с Иеном прошли из фургона напрямик к двери. Тонкие бледно-розовые шрамы на их шеях служили маскировкой. Джаред нес полупустой чемодан. Ни на них, ни на меня никто даже не взглянул. В номере мужчины задернули шторы и немного расслабились.

Иен разлегся на кровати и защелкал пультом от телевизора. Джаред поставил чемодан на стол и достал наш ужин — остывшую жареную курицу из кулинарии. Я села у окна, одним глазом поглядывая на заходящее солнце.

— Анни, согласись: мы, люди, умеем развлекаться... в отличие от вас, — поддразнил меня Иен.

С экрана телевизора хорошо поставленными голосами вещали две Души. О фабуле происходящего догадаться было нетрудно — сюжеты разнообразием не отличались. Мужская особь получает назначение на планету Водорослей, но его жене с планеты Туманов ближе теплокровные носители. Герои стойчески переносят долгую разлуку и — о, чудо из чудес! — воссоединяются на Земле. Все истории Душ имеют счастливый конец.

— Не забывай, на какую аудиторию это рассчитано.

— Твоя правда, но уж лучше бы запустили наши старые шоу. — Иен попереключал каналы и нахмурился. — Раньше некоторые шли.

— Они слишком будоражили зрителей. Пришлось заменить их другими, в которых было меньше... насилия.

— Насилие в «Семейке Брэди»?

Я видела этот сериал в Сан-Диего, а Мелани помнила его с детства.

— Он потворствовал агрессии, — рассмеялась я. — В одной из серий маленький мальчик до крови избивает хулигана — и показано это, словно так и надо поступать.

Иен недоверчиво покачал головой и вернулся к передаче, но смеялся над теми сценами, которые, по замыслу автора, должны были растрогать зрителя.

Я смотрела в окно, наблюдая зрелище, гораздо более интересное, чем предсказуемая история в телевизоре.

За шоссе находился небольшой парк, где с одной стороны раскинулся луг, на котором паслись коровы, а с другой — стояла школа. Рядом со школой была разбита старомодная детская площадка с песочницей, горкой, лесенкой и раскручиваемой вручную каруселью. Само собой, там имелись и качели.

Семья из трех человек решила воспользоваться вечерней прохладой. Темные волосы отца на висках серебрились проседью. Мать выглядела намного моложе. Ее длинные рыжевато-каштановые пряди, собранные в хвост, подпрыгивали при каждом движении. С ними был мальчик — совсем кроха, не старше годика. Отец подталкивал качели сзади; мать стояла спереди и целовала крохотный лобик всякий раз, как малыш подлетал к ней. Ребенок заливался хохотом, пухлые щечки покраснелись. Женщина тоже хохотала от всей души.

— Анни, что там? — Джаред заметил улыбку, которую вызвала у меня эта семейная идиллия.

— За все мои жизни не видела ничего подобного. Передо мной... надежда.

Джаред подошел и встал рядом, заглянув мне через плечо.

— О чем ты? — Он окинул взглядом здание и дорогу, не обратив внимания на играющую семью.

Я поймала его подбородок и повернула в нужную сторону. Он и не подумал отдергивать голову, и от этого внизу живота вдруг разлилось тепло.

— Смотри, — сказала я. — Следи за моим взглядом. Перед нами — единственная надежда на спасение вашего вида.

— Где? — удивился он. Иен прислушался.

— Видишь? — Я указала на смеющуюся мать. — Смотри, как она любит свое человеческое дитя.

Мать подхватила ребенка с качелей и крепко прижала к груди,

покрывая крохотное личико поцелуями. Он гулял и агукал — настоящий малыш, а не миниатюрная копия взрослого, которой он стал бы после «внедрения».

— Человеческий младенец? — обмер Джаред. — Как? Зачем? Давно это происходит?

Я пожала плечами.

— Не знаю, сама впервые вижу. Она не захотела, чтобы из него сделали носителя. Не могу себе представить, чтобы ее... принудили. У нас на матерей практически молятся. Если она решила... — Я покачала головой. — Понятия не имею, как они собираются это решать. На других планетах подобных проблем не возникает. Эмоции человеческих тел сильнее любой логики.

Иен и Джаред, разинув рты, смотрели на межвидовую семью в парке.

— Нет, — пробормотала я себе под нос. — Ни у кого не поднимется рука отнять ребенка у родителей. Вы только на них посмотрите!

Отец обнимал мать и ребенка и смотрел на биологического сына своего носителя с поразительной нежностью.

— Не считая нашей, это первая из открытых нами планет с живородящими носителями. Ваша система далеко не самая простая и производительная. Не знаю, может, дело в этом... или в том, что ваше потомство такое беспомощное... На других планетах размножение происходит при помощи яиц или семян. Родители почти никогда не видят своих детей. Интересно... — Я замолчала, в голове крутились мысли.

Женщина подставила мужу лицо, и тот поцеловал ее в губы. Малыш радостно гукнул.

— Х-м-м... Кто знает, может, наши виды смогут сосуществовать в мире и согласии. Ну не странно ли?

Мужчины, не отрываясь, смотрели на происходящее на их глазах чудо.

Семья уходила. Мать отряхнула с джинсов песок, отец подхватил малыша, и счастливые родители неторопливо направились домой.

Иен громко сглотнул.

Больше мы в тот вечер не разговаривали: все думали об увиденном. Мы легли пораньше, чтобы на рассвете заняться делом. Я спала одна, на дальней от двери кровати. Я чувствовала себя неловко: двое крупных мужчин едва помещались на одной кровати, во сне Иен то и дело раскидывал руки, а Джаред всякий раз награждал беднягу тычком в бок. Оба наверняка предпочли бы делить постель со мной. Я поворочалась-поворочалась, да и свернулась калачиком: наверное, за целый день мое тело устало от бескрайних просторов и теперь ему хотелось тесноты и уюта, —

а может, я так привыкла спать в узком пространстве за пассажирским сиденьем, что разучилась вытягиваться во весь рост.

Впрочем, я знала, почему ни Иен, ни Джаред не предлагали мне поменяться местами. Как-то раз мои спутники с сожалением признали, что мне пора принять душ, а значит, без ночевки в гостинице не обойтись. Вот тогда-то, сквозь шум вентиляции в ванной я услышала, как Иен с Джаредом спорят обо мне.

— Нечестно заставлять ее делать выбор. — Иен старался говорить тихо, но гул вентилятора не перекрывал голосов.

— Почему? Или, думаешь, честнее указывать ей, где спать? Вежливей было бы...

— Кому-то другому — может быть. Но Анни изведется вся, стараясь угодить нам обоим.

— Снова ревнуешь?

— Нет, это не ревность. Просто я знаю, что она думает. — Стало тихо. Иен и впрямь словно читал мои мысли. Он догадывался, что достаточно малейшего намека — и я лягу спать рядом с Джаредом, а потом всю ночь буду ворочаться и переживать: мол, ранила чувства Иена, а Джаред из-за меня несчастен.

— Отлично! — буркнул Джаред. — Учти, будешь ко мне приставать... я за себя не отвечаю, О'Ши.

— Не в обиду будет сказано, Джаред, — фыркнул Иен, — но ты мне и даром не нужен.

Несмотря на легкие угрызения совести, одной мне спалось намного лучше.

Это оказалась последняя ночевка в гостинице.

Дни пролетали быстро, как будто даже секунды торопились домой. Мое тело тянуло на запад, мы все предвкушали возвращение в наш темный многолюдный рай. Даже Джаред стал беспечным.

Смеркалось, последние лучи солнца скрылись за западными горами. Мы с Джаредом, сменяясь, вели фургон, а Иен с Кайлом ехали за нами, в грузовике с добычей, по очереди садясь за руль. Тяжелый грузовик ехал медленно, свет фар в зеркале заднего вида становился все более тусклым, пока не исчез за очередным поворотом.

Мы выехали на финишную прямую. Тусон остался позади. Несколько часов пролетят незаметно, и я увижу Джейми. Мы выгрузим добычу, которую все так ждали, и на лицах встречающих загорятся улыбки. Я настоящей возвращалась домой. «Впервые», — осознала я.

И на этот раз мы везем с собой радость, и только радость — никаких

обреченных на пытки заложников. Я целиком отдалась предвкушению. Казалось, дорога уносится из-под колес слишком медленно... Быстрее бы, быстрее домой!

Сзади вновь появились фары грузовика.

— Наверно, Кайл за рулем, — пробормотала я. — Догоняют.

Неожиданно в темноте завертелись красно-синие огни, которые отражались в каждом зеркале. Цветовые блики танцевали на крыше, на сиденьях, на наших застывших лицах и на приборной доске... Стрелка спидометра ясно показывала, что мы на двадцать миль в час превысили скорость.

Спокойствие пустыни разорвал вой сирены.

Глава 48

Задержание

Красно-синие огни кружились в такт с воплем сирены.

До того как на Землю пришли Души, эти огни и звуки означали одно: закон, стражи порядка, карающая длань правосудия. Но и сейчас мигающие огни и сердитый рев имели все то же значение — те же стражи порядка, та же карающая длань...

Искатели. Ищейки.

Впрочем, теперь они встречались гораздо реже: полицию использовали для спасательных работ и в чрезвычайных ситуациях, а не для борьбы с преступностью. Мигалки остались на каретах скорой помощи и пожарных машинах.

Низкий, обтекаемой формы автомобиль вряд ли предназначался для спасательных работ — он был создан для преследования. Мне никогда не доводилось видеть подобных машин, но я сразу поняла, что происходит.

Джаред застыл, по-прежнему давя на педаль газа. Что делать? Обогнать их на этой развалюхе или спрятать широкий белый кузов в худосочном низкорослом кустарнике? Главное — не выдать, не привести к остальным. Совсем рядом, в нашем пещерном убежище мирно спали ничего не подозревающие люди. Выхода не было.

— Прости меня, Анни, — прошептал Джаред со вздохом. — Я все испортил.

— Джаред?

Он взял меня за руку и убрал ногу с педали газа. Машина начала тормозить.

— Капсула у тебя? — выдавил он.

— Да, — прошептала я.

— Мел меня слышит? «Да», — всхлипнула Мел.

— Да. — Я с трудом сдерживала рыдания.

— Мел, я тебя люблю. Прости.

— Она тебя любит. Больше всего на свете. — Краткий, мучительный миг тишины.

— Анни, я... я хорошо к тебе отношусь. Ты хорошая, Анни. Ты заслуживаешь большего. Лучшей судьбы.

Между пальцев он сжимал крохотный предмет — крохотный и

смертоносный.

— Постой, — охнула я. Он не может умереть.

— Анни, выхода нет. На этой машине нам не оторваться. Если попробуем убежать, на нас устроят облаву. Подумай о Джейми.

Фургон замедлял ход, скатываясь к обочине.

— погоди, я кое-что придумала! — Я быстро нашарила в кармане капсулу, зажала ее в пальцах. — Попробую выкрутиться. Если не получится, сразу же проглочу яд.

— Ищейку тебе не провести!

— Скорее! — Я отстегнула ремень безопасности. — Пересаживайся на мое место. Быстрее, пока нас не видят.

— Анни...

— Одна попытка. Живее!

В мгновение ока мы поменялись местами.

— Пристегни ремень! — бросила я. — Закрой глаза и отвернись.

Он послушался. Даже в темноте наши преследователи заметят свежий бледно-розовый шрам на его шее.

Я устало откинулась на спинку водительского сиденья.

Моему телу предстояло солгать. Главное — правильно выбрать движения, разыграть сценку. Как актеры в телевизоре, только лучше. Как человек.

— Помоги мне, Мел, — прошептала я.

«Я не могу, Анни. Я не знаю, как себя ведут настоящие Души. А вот ты сможешь. Спаси его. Я знаю, у тебя получится».

Настоящая Душа. Нужно просто оставаться собой.

Было поздно, и я устала, так что играть особо не придется. Веки отяжелели, тело вдавилось в сиденье. У меня получится изобразить досаду. Я уже ее чувствовала. Губы сложились в сконфуженную улыбку.

Машина Ищеек притормозила с противоположной стороны, у обочины, лицом к встречному потоку. Из бокового окна хлынул слепящий свет. Я заморгала и нарочито медленно подняла руку, прикрывая глаза. В свете фар от моих зрачков отразился тусклый серебряный зайчик, запрыгал по дороге.

Хлопнула дверца. По асфальту застучали глухие шаги — одна пара ног. Не было звука шагов по земле или камням, а значит, вышел пассажир. Понятно... В машине их, по крайней мере, двое, но допрашивать меня собирался один. Хороший знак, признак доверия и уверенности.

Сверкающие глаза служили мне талисманом: они не оставляли никаких сомнений, они были неизменным компасом, своего рода Полярной

звездой. Телу лгать не потребовалось. Оказалось, достаточно сказать правду. У меня было кое-что общее с тем человеческим ребенком из парка: и он, и я были первыми, до нас не существовало ничего подобного.

Тело Искателя загорело светом, и ко мне вернулось зрение.

Передо мной стоял мужчина — вероятно, средних лет, но возраст было сложно определить: волосы седые, а лицо гладкое, без морщин. Он носил футболку и шорты. Одна рука покоилась на рукояти увесистого пистолета, в другой Искатель держал выключенный фонарь.

— Какие-то проблемы, мисс? — спросил он, приблизившись. — Вы ехали слишком быстро, это небезопасно.

Его глаза все время рыскали: быстро изучили мое нарочито сонное лицо, пробежались по фургону, метнулись в темноту за нашими спинами, окинули освещенный участок шоссе и снова вернулись к моему лицу, а потом все повторилось заново...

Искателя что-то тревожило. Ладони у меня вспотели, а в надтреснутом голосе звучала подступающая паника.

— Простите, пожалуйста, — громким шепотом извинилась я и обеспокоенно взглянула на Джареда, словно проверяя, не проснулся ли он. — Я... я, кажется, заснула — сама не заметила как. Устала слишком.

Я изобразила полную сожаления улыбку. Я знала, что веду себя скованно, как переигравшие актеры из телевизора.

Пытливый взгляд Искателя еще раз пробежал по моему лицу, осмотрел фургон и... задержался на Джареде. Сердце мучительно забилося — казалось, оно вот-вот выпрыгнет из груди. Пальцы крепче сжали капсулу.

— Весьма сожалею о своем безответственном поведении... Разумеется, нельзя садиться за руль, — торопливо зашептала я, пытаясь выдавить очередную улыбку. — Но мы хотели побыстрее добраться до Финикса. Пожалуйста, извините, честное...

— Как вас зовут, мисс?

Во вкрадчивом голосе не ощущалось тепла. Впрочем, Искатель говорил тихо — видимо, понял мой намек.

— Листьями вверх, — сказала я, используя имя из последней гостиницы. Поверит ли он? Или устроит проверку?

— Перевернутый Цветок? — догадался он. Его глаза все так же деловито шныряли.

— Да, я оттуда.

— Моя супруга тоже. Жили на острове?

— Нет, — поспешила ответить я. — На материке, в междуречье.

Он разочарованно кивнул.

— Так мне вернуться в Тусон? — спросила я. — Я вроде бы проснулась... Или вздремнуть прямо тут?

— Нет! — перебил он меня, повышая голос.

От неожиданности я подскочила, и крохотная капсула почти неслышно упала на металлический пол. Кровь отхлынула от лица. «Все пропало!» — мелькнуло в голове.

— Простите, я не хотел вас напугать, — торопливо извинился Искатель; его цепкий взгляд продолжал блуждать по кругу. — Не стоит здесь задерживаться.

— Почему? — с трудом выдавила я, едва сдерживая дрожь в руках.

— Недавно поблизости имел место инцидент... Исчезновение.

— Не поняла... Исчезновение?

— Предположительно, несчастный случай... хотя... существует вероятность... — Он медлил, не желая произносить вслух свои опасения. — В этом районе могут скрываться люди.

— Люди? — пискнула я, слишком громко. Он распознал в моем голосе страх и по-своему его интерпретировал.

— Не волнуйтесь, Листьями вверх, у нас пока нет поводов для беспокойства. Вдобавок нет и никаких свидетельств. Поезжайте в Финикс. Чем раньше вы там окажетесь, тем лучше.

— Конечно. А может, вернуться в Тусон? Это ближе.

— Опасности нет.

— Ну, если вы уверены...

— Уверен, Цветок. Главное, не забредайте в пустыню, — улыбнулся он. Лицо его моментально преобразилось, подобрело, стало похожим на лица других Душ, с которыми мне доводилось общаться. Так вот в чем дело! Он опасался не меня, а за меня. Он не вслушивался в мою ложь. А если бы и вслушивался, то вряд ли бы ее распознал. Еще одна обычная Душа.

— Что вы, я и не собиралась! — Я улыбнулась. — Спасибо, что предупредили. Теперь-то я уж точно не засну. — Я выглянула в окно со стороны Джареда, с опаской всматриваясь в пустыню — пусть Искатель думает, что мне страшно, — и вдруг застыла.

На моем лице проступила неподдельная тревога: в боковом зеркале отражался свет приближающихся фар. Джаред не шелохнулся — только спина чуть напряглась.

Мой взгляд метнулся к Искателю.

— Тут я вам помогу... — Он опустил глаза и с улыбкой копался в карманах брюк.

Я усиленно старалась расслабить мышцы лица, но сосредоточиться не удавалось. Огни в зеркале заднего вида становились все ярче.

— Только не переусердствуйте с дозировкой, а то цикл сна собьете, — продолжал Искатель, роясь в другом кармане. — Оно не опасное, разумеется, иначе Целители его не одобрили бы. А, вот оно: «Бодрость».

Фары приближались, все медленнее и медленнее.

«Только не останавливайся, — молила я про себя. — Проезжай. Проезжай. Проезжай».

«Хоть бы за рулем оказался Кайл», — словно молитву, добавила Мелани.

«Проезжай. Не останавливайся. Проезжай».

— Мисс?

— Э э, «Бодрость»? — недоуменно переспросила я.

— Просто вдохните, Листьями вверх.

Искатель выпустил густое облачко аэрозоля у моего лица. Я послушно наклонилась и вдохнула, одновременно косясь в зеркало.

— С ароматом грейпфрута, — сказал Искатель. — Приятно, правда?

— Очень. — Внезапно голова стала на удивление легкой, мысли прояснились.

Большой грузовик замедлил ход и остановился сзади.

«Нет!» — дружно охнули мы с Мел. Долю секунды я обшаривала взглядом пол, вопреки всему надеясь отыскать капсулу, но не смогла разглядеть даже собственную ногу.

Ищейка рассеянно посмотрел на грузовик и махнул рукой — проезжайте, мол.

Я обернулась с вымученной улыбкой на губах, так и не увидев сидящего за рулем. Свет фар отразился от серебристой радужки моих глаз, рассыпался тусклыми бликами.

Грузовик не тронулся с места. Искатель настойчиво махнул еще раз.

— Проезжай, — пробормотал он себе под нос. «Вперед! Проезжай же! Проезжай!»

Лежавшая рядом со мной рука Джареда сжалась в кулак. Грузовик медленно затарахтел и тронулся с места, проехав между машиной Искателя и фургоном. Фонарик Ищейки высветил два силуэта, два темных профиля. У сидевшего за рулем нос был кривой.

У нас с Мел вырвался вздох облегчения.

— Как себя чувствуете?

— Бодрячком, — сообщила я Ищейке.

— Часа через четыре действие пройдет.

— Спасибо.

Ищейка фыркнул от смеха.

— Это вам спасибо, Листьями вверх. Мы увидели, как вы несетесь по трассе, и уж было решили, что придется иметь дело с людьми. Я аж весь вспотел! Но вы не волнуйтесь, никакой опасности нет. Если хотите, мы вас проводим до самого Финикса.

— Благодарю вас, не стоит. Я справлюсь.

— Было приятно с вами познакомиться. После смены приду домой и расскажу супруге, что повстречал еще одного обитателя планеты Цветов, то-то она обрадуется.

— О, пожелайте ей от меня яркого солнца и долгого дня, — сказала я, переводя на язык землян принятое среди Цветов приветствие.

— Обязательно. Удачного пути.

— Удачной вам ночи.

Он отошел, и мне в глаза снова ударил свет фонаря. Я отчаянно заморгала.

— Перестань, Хэнк! — Искатель прикрыл глаза и повернулся к своей машине. Ночная тьма вновь сгустилась. Я сделала над собой очередное усилие, улыбнулась невидимому Хэнку и трясущимися руками завела мотор.

Ищейки оказались быстрее. Черный автомобильчик с нелепой мигалкой на крыше завелся, резко развернулся, мигнул габаритами и растворился в ночи.

Я вырулила обратно на дорогу. Сердце толкало кровь по венам быстрыми рывками. Бешеная дрожь сотрясала все тело.

— Уехали... — Внезапно оказалось, что у меня зуб на зуб не попадает. Джаред сглотнул.

— На волосок от гибели... — сказал он.

— Я думала, Кайл остановится.

— Я тоже.

Мы разговаривали шепотом, ни один не решался говорить громче.

— Он купился, — заметил Джаред сквозь зубы.

— Ага.

— Еще бы. У тебя настоящий актерский талант.

Я хотела пожать плечами, а в итоге дернулась всем телом — мышцы не слушались.

— Они не могут иначе. Я — это нечто... невероятное. Меня не должно существовать.

— Да, невероятное, — согласился он. — И чудесное. — Его похвала

растопила лед, что сковал грудь и застыл в жилах.

— Ищейки не так уж и сильно отличаются от остальных, — промурлыкала я себе под нос. — И не нужно их бояться.

Джаред задумчиво покачал головой.

— Признайся, ты ведь можешь все на свете? Теперь, когда ты с нами, все изменится... — Он словно говорил сам с собой.

Мне было нечего ответить, а Мелани отчего-то взгрустнулось.

«Ты можешь им помочь. И защитишь их куда лучше, чем я», — вздохнула она.

Впереди замаячили знакомые габаритные огни. Я чуть поддала газу — самую малость, не превышая скорости. Джаред вытащил из бардачка фонарь. Мы подъехали к грузовику, и Джаред поднес фонарь к лицу. Кайл с тяжелым вздохом кивнул. Иен тревожно ерзал на месте, не спуская с меня глаз. Я помахала рукой, и он скорчил рожу.

Мы приближались к тайному въезду в пещеры.

— Может, стоит сгонять в Финикс? — Джаред задумался.

— Нет. Нас могут остановить на обратном пути. Они следят не за нами, а за дорогой.

— Угу, за нами никто не следит. — В этом я не сомневалась.

— Тогда поехали домой.

— Домой, — охотно согласилась я.

Мы выключили фары. Нужно было спешить: до рассвета предстояло доехать до пещеры, разгрузить обе машины и найти место, где их спрятать, потому что за небольшим скальным выступом у входа грузовик не укроешь.

Я подумала о входе в пещеры: тайна, которую я так и не сумела разгадать без посторонней помощи. Джебу хитрости не занимать! Вот, к примеру, ориентиры, которые он когда-то начертил на обложке фотоальбома Мел, — они вели вовсе не к убежищу. Джеб все продумал: следуя его карте, вы так или иначе оказывались на узком пяточке, недалеко от надежно скрытого входа, а уж там Джеб решал, приглашать вас внутрь или нет.

— Как думаешь, что случилось? — прервал мои размышления Джаред.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, Ищейка же говорил, что кто-то недавно пропал...

— Может, он обо мне?

— Анни, недавно! И потом, раньше шоссе не обыскивали — это что-то новенькое. Искали нас. Здесь! — Джаред напряженно сощурился и вдруг

изо всех сил стукнул по приборной доске. — Чем они тут без нас занимались?

— Думаешь, Джеб с остальными что-то натворил? — вскинулась я.

Джаред уставился в звездное небо над пустыней. Непонятно. Даже если кто-то исчез в пустыне, причем тут люди? Происходят же несчастные случаи. Откуда такие выводы? И почему Джаред злился? Наша живущая в пещерах семья старалась не привлекать к себе внимания. Мы соблюдали осторожность.

Они не вышли бы наружу без серьезной причины... Только вот причину они могли придумать сами. И оправдание... Может, док с Джебом решили воспользоваться моим отсутствием? Джеб пообещал, что не будет убивать ни Душ, ни людей, пока я нахожусь под его крышей. Может, он нашел компромисс?

— Что с тобой? — спросил Джаред.

Ком, вставший в горле, не давал ответить. Я помотала головой. Слезы потекли по щекам, закапали с подбородка на колени.

— Давай я поведу.

Я снова помотала головой, и он не стал спорить. Я тихонько проплакала всю дорогу до невысокой горы, под которой укрылась разветвленная сеть наших пещер. На самом деле это был выброс вулканической породы на поверхность — обычный холм, поросший худосочным кустарником и колючей опунцией. Тысячи крохотных окон, невидимые в сетке трещин и расщелин, терялись в вулканической красной породе. Порой над холмом поднимался невидимый дымок. Я вылезла из фургона и прислонилась к дверце, вытирая глаза.

Джаред положил руку мне на плечо.

— Прости. Я не знал про их планы. Понятия не имел. Надо было...

Но он думал так просто потому, что они каким-то образом попались.

Сзади подъехал грузовик. Хлопнули дверцы, Иен и Кайл бросились к нам.

— Что случилось? — Кайл примчался первым.

Иен взглянул на мое заплаканное лицо, текущие по щекам слезы, на руку Джареда у меня на плече, и бросился меня обнимать. Не знаю почему, но я заплакала еще горше, прижалась к Иену, и слезы закапали ему на футболку.

— Все в порядке. Ты справилась. Все позади.

— Иен, дело не в Ищейке, — сухо произнес Джаред, не убирая руки с моего плеча.

— М-м?

— Они специально патрулировали дорогу. Похоже, в наше отсутствие док... работал.

Я поежилась: на миг мне показалось, что я чувствую вкус серебряной крови на языке.

— Нет, ну какого... — От ярости Иен потерял дар речи.

— Красота! — с отвращением произнес Кайл. — Идиоты. Нас не было всего несколько недель, а они умудрились Ищеек на уши поставить. Могли бы нас попросить...

— Заткнись, Кайл, — грубо оборвал его Джаред. — Да уж, некстати это случилось. Надо быстро все разгрузить. Мы даже не знаем, сколько патрулей нас ищут! Давайте разгрузим фургон и позовем подмогу.

Все еще рыдая, я высвободилась из объятий Иена и отправилась помогать. Иен забрал у меня тяжелую упаковку с консервированным супом и заменил ее большой, но легкой коробкой с макаронами. Вслед за Джаредом мы спустились по узкому проходу. Кромешная темнота меня не волновала: я еще не слишком хорошо знала дорогу, но запоминать-то было особо и нечего — прямо вниз, а затем прямо вверх.

На полдороге нас окликнул знакомый голос, по туннелям разнеслось эхо.

— Они вернулись! — кричал Джейми.

Я попробовала вытереть слезы плечом, но не дотянулась. Голубой свет приближался, и Джейми выбежал к нам навстречу.

Его лицо поразило меня. Я думала, он обрадуется нашему возвращению, и пыталась собраться, чтобы его не расстроить... Но оказалось, что Джейми уже расстроен: бледное лицо, покрасневшие от рыданий глаза, следы слез на грязных щеках.

— Джейми? — Мы с Джаредом выронили коробки. Джейми подбежал ко мне и обнял.

— Анни! Джаред! — всхлипывал он. — Уэс! Уэс умер! Его убила Ищейка!

Глава 49

Допрос

Я убила Уэса.

Мои руки, оцарапанные, в синяках, перепачканные красной пылью во время лихорадочной разгрузки, словно были по локоть в крови. Уэс погиб, и в этом виновата я: с тем же успехом я могла собственной рукой нажать на курок.

Разгрузка закончилась, и все мы собрались в кухне, поглощая сыр и свежий хлеб с молоком. Джеб с доком рассказывали Джареду, Кайлу и Иену о произошедшем. Я сидела в стороне, зарывшись лицом в ладони, онемев от горя и вины, не в силах задавать вопросы. Джейми то и дело гладил меня по спине.

Уэса похоронили рядом с могилой Уолтера. Он погиб четыре дня назад, в ночь, когда мы с Джаредом и Иеном наблюдали за семьей в парке. Я больше никогда не увижу своего друга, не услышу его голос...

Слезы закапали на каменный пол.

Энди и Пейдж перегоняли грузовик и фургон на тайную стоянку: нужно было поставить джип на привычное место и до восхода вернуться домой — пешком.

Не было на кухне и Лили.

— Ей... ей нездоровится, — пробормотал Джейми. Ага, могу себе представить.

Аарон и Брандт тоже отсутствовали. У Брандта остался круглый розовый шрам в ямке под левой ключицей. Пуля прошла на волосок от сердца и легких и на вылете застряла в лопатке. Док потратил почти все «Заживление», но поставил Брандта на ноги.

Выстрел, попавший в Уэса, оказался точнее: пуля пронзила смуглый лоб и вылетела из затылка. Док ничего не мог поделать, даже будь у него галлон «Заживления» под рукой.

Трофей, оставшийся на память от этой встречи, болтался в кобуре у бедра Брандта. Брандт с Аароном сторожили туннель, который вел к складу. Склад снова превратился в тюрьму.

Как будто мало было потерять Уэса.

Число обитателей пещер осталось прежним: тридцать пять живых тел. Как-то это неправильно, ведь Уэс и Уолтер умерли. Вместо них появилась

я... И моя Ищейка.

Если бы я отправилась напрямиком в Тусон... Если бы осталась в Сан-Диего... Если бы прилетела не на эту планету, а куда-нибудь еще... После пяти-шести планет было самое время посвятить себя Материнству. Почему я так долго тянула?... Если, если, если... Если бы я не попала сюда, если бы не сообщила ориентиры Ищейке, Уэс остался бы жив. Она долго ломала голову, вычисляя наше местоположение, и наконец ей это удалось. Она позабыла осторожность и ринулась в бой — колесила вокруг на внедорожнике, покрывала шрамами хрупкий пейзаж пустыни, подбиралась все ближе и ближе.

Ищейку надо было как-то остановить.

Я убила Уэса.

«Анни, если бы меня не поймали, я бы не привела нас сюда».

Я не ответила Мелани.

«А если бы мы не попали сюда, Джейми бы умер. И Джаред тоже. Если бы не ты, он бы погиб сегодня ночью».

Смерть повсюду. Куда ни кинь взгляд, везде смерть.

«Почему она за мной увязалась? — стонала я про себя. — Я же не причиняю вред другим Душам. Можно сказать, я их спасаю. Спасаю от скальпеля дока. Зачем она отправилась за мной?»

«Почему ее пощадили? — рывкнула Мел. — Почему не убили сразу? Замучили бы до смерти, мне плевать. Почему она до сих пор жива?»

Страх сдавил грудь. Ищейка выжила и находилась здесь, рядом.

Мне нечего ее бояться.

Разумеется, Ищейки могут устроить облаву — этого боялись все. Люди, следившие за тем, как проходили поиски моего тела, знали, какая она упертая. Она пыталась убедить других, что где-то в пустыне прячутся люди, но никто не воспринял ее слова всерьез, и все разъехались. Она продолжила поиски в одиночестве.

Но теперь она исчезла. Это все меняло.

Ее джип оттащили подальше и бросили в пустыне, вдали от Тусона. Исчезновение Ищейки обставили так же, как мое: раскидали вещи, обертки от еды, обрывки рюкзака. Поверят ли остальные Души в подобное совпадение?

Мы уже знали, что нет. Точнее, не совсем. Они организовали поиски. Возможно, теперь они будут искать тщательнее?

Бояться саму Ищейку бессмысленно — с ней бы справился даже Джейми. Я была сильнее и быстрее, чем она. Меня окружали друзья и союзники, она же была одна — по крайней мере, в пещерах. В любой миг

на нее наставят два пистолета, ружье и ее собственный «глок» — тот самый пистолет, которому когда-то позавидовал Иен, оружие, убившее моего друга Уэса. Ее оставили в живых по одной единственной причине — Джеб решил, что я захочу с ней поговорить. В общем, жить ей оставалось недолго, считанные часы, независимо от того, поговорю я с ней или нет.

Так почему же я не чувствовала себя в безопасности? Откуда это странное нехорошее предчувствие?

Я еще не решила, хочу ли я с ней говорить. По крайней мере, так я сказала Джебу. Я действительно не испытывала ни малейшего желания с ней общаться: жестокое, не ведающее сомнений и страха лицо Ищейки внушало мне ужас. Но если я скажу, что не желаю с ней общаться, ее тут же пристрелят. С тем же успехом я могла спустить курок или скомандовать: «Пли!»

А может, док попытается вырезать ее из человеческого тела. Я вспомнила серебряную кровь на руках моего друга и невольно поежилась.

Мелани заерзала, предчувствуя бурю.

«Анни, не паникуй. Ее просто пристрелят, и все».

Разве это могло меня утешить? Перед глазами крутилась одна и та же сценка: Аарон с пистолетом Ищейки в руках; тело Ищейки медленно оседает на каменный пол, вокруг собирается лужица красной крови...

«Тебе не обязательно смотреть».

«Это их не остановит».

«Мы же хотим, чтобы она умерла. Верно? — заволновалась Мелани. — Она убила Уэса! И потом, ее нельзя оставлять в живых! Просто нельзя!»

Разумеется, Мелани права, права во всем: Ищейку нельзя оставлять в живых. Если ее оставить в тюрьме, она будет рыть носом, пока не сбежит. Если она окажется на свободе, моя семья и дня не проживет.

К тому же она убила Уэса — юношу, которого все любили. Эту утрату невозможно восполнить. Я понимала людей, жаждавших мести, и на самом деле желала Ищейке смерти.

— Анни? Анни?

Джейми тряс меня за руку. Я не сразу поняла, что меня окликают, причем, судя по всему, уже давно.

— Анни? — Джеб склонился надо мной. Его лицо ничего не выражало — фирменная непроницаемая маска, которая означала, что его обуревают чувства. — Ребята интересуются: может, у тебя есть вопросы, которые ты хочешь задать Ищейке?

Я провела рукой по лбу, отгоняя навязчивый образ.

— А если нет?

— Они устали ее охранять. Времена сейчас тяжелые. Они бы предпочли провести это время с друзьями.

Я кивнула.

— Хорошо. Наверное, мне стоит... с ней повидаться. — Я оттолкнулась от стены и поднялась. Руки дрожали, и я сжала их в кулаки.

«У тебя же нет вопросов». «Я что-нибудь придумаю». «Зачем растягивать мучения?» «Не знаю».

«Ты пытаешься ее спасти!» — Мелани кипела от ярости.

«Это невозможно».

«Вот именно. Невозможно. И потом, тебе самой будет легче, если она умрет. Дай им ее пристрелить». Я поежилась.

— Все хорошо? — спросил Джейми. Я кивнула, не доверяя своему голосу.

— Ты не обязана туда идти, — сказал Джейми, пристально глядя мне в лицо.

— Все в порядке, — прошептала я.

Рука Джейми обхватила мою, но я стряхнула его пальцы.

— Джейми, оставайся здесь.

— Я пойду с тобой.

— Ты никуда не пойдешь, — настойчиво повторила я. Наши взгляды встретились, и на этот раз я выиграла спор. Упрямо вздернув подбородок, Джейми прислонился к стене.

Кажется, Иен тоже собрался последовать за мной, но я остановила его взглядом.

Джаред пропустил меня с невозмутимым видом.

— Она все время чем-то недовольна, — негромко сообщил мне Джеб по пути к норе. — Ты себя тихо вела, а эта постоянно чего-то требует: еды, воды, подушку. И угрожает: «Ищейки вас найдут!» — и все в таком духе. Брандт еле сдерживается. Она его уже довела.

Я кивнула. Меня это ни капли не удивляло.

— Бежать, правда, не пыталась — много болтовни, мало дела. Как увидит оружие, сразу затихает.

Я поежилась.

— По-моему, ей до чертиков хочется жить, — пробормотал Джеб себе под нос.

— Ты уверен... что это надежное место? — спросила я, когда мы зашли в темный, извилистый коридор.

Джеб хмыкнул.

— Ну, ты-то дорогу не нашла. Иногда самый надежный способ спрятать вещь — оставить ее на виду.

— У нее мотивация посильнее моей.

— Ребята глаз с нее не спускают. Не волнуйся. Мы почти пришли.

Сколько раз я поворачивала за этот угол, ощупывая внутреннюю часть острого выступа, совсем как сейчас? Я никогда не шла по внешней стене. Она была неровной, с торчащими острыми камнями — я боялась споткнуться и поставить синяк. И потом, тут было короче.

Когда мне впервые объяснили, что туннель вовсе не изгибался буквой «г», а разветвлялся буквой «у» — то есть от основного туннеля отходили два ответвления, — я почувствовала себя одураченной. Джеб прав: иногда самый надежный способ спрятать вещь — оставить ее на виду. В минуты отчаяния, когда я задумывалась о побеге, мне и в голову не приходило, что эта нора, тюрьма, этот темный и мрачный угол, этот каменный мешок, в котором меня похоронили... Да что там, даже умница Мел не догадалась, что меня держали в нескольких шагах от выхода!

К тому же существовал и другой выход: крохотный — по нему приходилось ползти на четвереньках. Когда меня привели в пещеры, я шла, выпрямившись в полный рост, потому-то и не искала нору. И потом, я с самого начала держалась подальше от больницы и никогда не изучала закутки владений дока.

Знакомый, хотя и полузабытый — словно из прошлой жизни — голос прервал мои размышления.

— Не пойму, как вы еще живы, с таким-то питанием. Фу! — Какой-то пластиковый предмет ударился о камень.

За углом показался голубой свет.

— Вот уж не думала, что люди додумаются заморить кого-то голодом. Слишком сложный план для таких тупоголовых созданий.

Джеб хмыкнул.

— Должен сказать, ребята меня впечатлили. Удивляюсь их терпению.

Мы свернули к освещенному тупику. Аарон и Брандт сидели с оружием в руках на довольно большом расстоянии от конца туннеля, где расхаживала Ищейка.

— Наконец-то, — с облегчением пробормотал Брандт. Печаль проложила глубокие морщины на его лице.

Ищейка остановилась.

Я удивилась тому, в каких условиях ее содержали.

Вместо того чтобы поместить ее в крохотную неудобную нору, ей предоставили относительную свободу, отдав целый конец туннеля. На полу

у дальней стены лежали матрас и подушка. Неподалеку валялся пластиковый поднос, опрокинутая суповая миска и корешки хикамы. Немного супа пролилось на пол. Стало понятно, что это был за шум — она выбросила еду, хотя, судя по всему, сперва немного подкрепилась.

Я смотрела на эту, в некотором роде человеческую, картину и ощутила странную боль под ложечкой.

«За что нам такие мучения?» — мрачно пробормотала Мелани.

— Оставить вас с ней на минуту? — спросил Брандт, и боль подступила снова. Говоря обо мне, Брандт никогда не использовал местоимения женского рода, как и все остальные, за редким исключением...

— Да, — прошептала я.

— Осторожно, — предупредил Аарон. — Она та еще злючка.

Никто не двинулся с места. Я кивнула и в полном одиночестве направилась в конец туннеля.

Злобный взгляд Ищейки, словно холодные пальцы, ощупывал мое лицо. Грубая ухмылка исказила ее черты. Ни у одной Души я не видела подобного выражения.

— Ну что же, здравствуй, Мелани, — поддела она меня. — Что так долго не заглядывала? Или твои приятели решили, что тебе удастся меня разговорить? Что я выдам все секреты лишь потому, что у тебя в глазах отражается несчастная Душа, которой промыли мозги и заткнули рот? — Она хохотнула.

Я медленно приблизилась к ней, стараясь убедить себя, что ненависть, сотрясающая мое тело, не имеет ко мне никакого отношения. В двух шагах от нее мое тело напряглось, готовое броситься бежать.

Ищейка не проявляла агрессии, но расслабиться я не могла. Эта встреча ничем не напоминала разговор с Ищейкой на шоссе — не было привычного ощущения безопасности, как при разговоре с доброжелательными представителями нашего рода. И снова меня пронзило странное предчувствие, убеждение, что она переживет меня, переживет надолго.

«Это смешно. Задавай свои вопросы. Ты уже придумала, что спросить?»

— Так что тебе надо? Или ты получила персональное разрешение на убийство? — прошипела Ищейка.

— Меня зовут Анни, — сказала я.

Едва я раскрыла рот, она слегка отпрянула, — словно ожидала, что я закричу. Похоже, мой тихий ровный голос расстроил ее куда сильнее, чем

крик, на который она рассчитывала. Не обращая внимания на злобный взгляд круглых, навывкате, глаз, я изучила ее лицо.

Грязное потное лицо покрывали разводы красной пыли. Если не считать этого, на нем не было никаких отметин. Я снова ощутила странную боль.

— Анни, — бесцветным голосом повторила она. — Ну и чего же ты ждешь, Анни? Тебе дали добро задушить меня голыми руками? Или воспользуешься моим пистолетом?

— Я не собираюсь тебя убивать.

— Допрос устроишь? — ехидно поинтересовалась она. — Где твои инструменты для пыток, человек?

— Я не причиню тебе боли, — поморщилась я. Неуверенность, мелькнувшая в ее взгляде, спряталась за очередной ухмылкой.

— Тогда зачем меня здесь держат? Или они считают, что меня можно приручить, как тебя?

— Нет. Просто тебя не стали... убивать, не посоветовавшись со мной. А мне захотелось с тобой поговорить.

Ее веки прикрыли выпученные глаза.

— И что ты собиралась мне сказать? — Я сглотнула.

— Скажи мне... — Я не могла найти ответа на один-единственный вопрос. — Зачем все это? Зачем ты продолжила поиски? Зачем так упорно меня выслеживала? Я бы никому не причинила вреда. Я лишь хотела... найти свой путь.

Она привстала на цыпочки, заглядывая мне в лицо. Сзади кто-то шевельнулся, но тут Ищейка заорала:

— Потому что я была права! Более чем! Посмотри на них! Шайка убийц! Ишь, затаились! Я так и знала, что ты побежишь к ним! Что станешь одной из них! Я же говорила! Предупреждала!

Внезапно она умолкла и отшатнулась, глядя мне за спину. Я не стала оборачиваться. Джеб же сказал: «Как увидит оружие, сразу затихает». Ищейка пыталась отдышаться, а я изучала выражение ее лица.

— Но тебя не стали слушать, и ты заявила сюда одна...

Ищейка не ответила, отступила на шаг, и по ее лицу пробежала тень сомнения. Теперь она выглядела какой-то уязвимой, словно мои слова сорвали щит, за которым она пряталась.

— Тебе ведь так и не поверили, верно? — Отчаяние в ее глазах подтвердило мои слова. — Так что скоро искать перестанут: тело не найдут, и поиски прекратятся. Мы будем осторожны, как всегда. Нас не отыщут.

Вот тут она по-настоящему испугалась — поняла, что так и будет. А я вздохнула с облегчением: с моей семьей, с моими близкими ничего не случится. Я была права. Им ничто не грозит. И все-таки сердце сдавила тяжесть.

У меня не осталось вопросов. Как только я уйду, она умрет. Дождутся ли они, пока я отойду подальше, чтобы не услышать выстрела? В пещерах такое эхо, что придется отбежать очень далеко...

Я посмотрела на искаженное злобой и страхом лицо. Как же я ее ненавижу! Видеть не могу! Но сила моей ненависти не позволяла ей умереть.

— Не знаю, как тебя спасти, — тихо шепнула я. Почему-то мне показалось, что я вру. — Не знаю, смогу ли я что-нибудь придумать.

— С какой стати тебе меня спасать? Ты одна из них! — Но в глазах Ищейки загорелась надежда. Джеб был прав. Все эти пустые слова, угрозы... Она просто хотела жить.

Я рассеянно кивнула, соглашаясь с ее обвинением.

— И все-таки это я, — пробормотала я. — Я не хочу... не хочу...

Как закончить предложение? Я не хочу, чтобы Ищейка умерла? Нет, не так. Я не хочу... ненавидеть Ищейку? Не хочу желать ей смерти? Если она умрет, в этом будет и моя вина. Если бы я на самом деле не желала ей смерти, нашла бы я способ ее спасти? Неужели ненависть не позволяет мне отыскать ответ, и смерть Ищейки останется на моей совести?

«Ты спятила?» — занервничала Мелани.

Она убила моего друга, застрелила его посреди пустыни, разбила сердце Лили. Она угрожала моей семье. Пока она жива, она опасна — для Иена, для Джейми, для Джареда. Ищейка сделает все, что в ее силах, чтобы покончить с ними.

«Вот именно», — согласилась Мелани. «Но если она умрет, а я не стану ее спасать... кто я тогда?»

«Анни, не теряй головы. Это война. На чьей ты стороне?»

«Ты знаешь ответ».

«Знаю. И ты знаешь, кто ты».

«Да, но... вдруг я сумею спасти ее и всех остальных?»

Дурнота накатила волной: я вдруг ясно увидела ответ, в существование которого так упорно отказывалась верить.

Единственная стена, которой я отгородилась от Мелани, рассыпалась в прах.

«Не может быть! — ахнула Мелани. А потом закричала: — НЕТ!»

Ответ напрашивался сам собой. Ответ объяснял мое странное

предчувствие. Да, я могла спасти Ищейку, но дорогой ценой. Как там говорил Кайл? Жизнь за жизнь.

Ищейка уставилась на меня злыми темными глазами.

Глава 50

Жертва

Мы с Мелани спорили, а Ищейка изучала мое лицо. «Нет! Анни, нет!»
«Мел, не глупи. Ты только представь, какие откроются возможности. Ты ведь об этом мечтала!»

Но даже сейчас, пытаясь думать о хорошем, я представляла весь ужас своего выбора. Этот секрет я должна была защищать ценой своей жизни. На кону стояла информация, которую я обязалась хранить, каким бы невыносимым пыткам меня ни подвергли. Но такой пытки я не ожидала: угрызения совести, смущение, замешательство, любовь к моей человеческой семье. Как больно!.. Если я выдам эту тайну, меня уже не назовешь эмигрантом. Нет, я стану самым настоящим предателем.

«Но не ради нее, Анни! Она того не стоит!» — стенала Мелани.

«Мне подождать? Дождаться, пока они поймают другую, невинную, Душу? Рано или поздно придется принять решение».

«Не сейчас. Подожди. Подумай».

Желудок снова скрутило, я согнулась пополам и глубоко вдохнула. Меня чуть не вырвало.

— Анни? — забеспокоился Джеб.

«Мел, я могла бы на это пойти. Могла бы оправдать ее смерть, будь она обычной невинной Душой. Я бы дала им ее убить. Приняла бы объективное решение».

«Анни, она мерзкая! Мы ее ненавидим!»

«Вот именно. Потому-то я и сужу необъективно. Только подумай, я чуть не проморгала очевидный ответ...»

— Анни, что с тобой?

Ищейка смотрела мне за спину, туда, откуда доносился голос Джеба.

— Все хорошо, Джеб, — выдохнула я. Напряженный, с придыханием голос. Неужели все так плохо?

Взгляд темных глаз Ищейки заметался между нами, и она отпрянула от меня, вжалась в стену. Знакомая поза — уж кто-кто, а я-то ее помнила до мелочей.

Чья-то рука тронула меня за плечо.

— Что с тобой, милая? — спросил Джеб.

— Еще один вопрос, — не переводя дыхания, сообщила я и честно

взглянула в синие, цвета потертых джинсов, глаза. — Мне нужно время подумать. Подождете? Всего минуту?

— Конечно, подождем. Передохни.

Я кивнула и пошла. Сперва я едва передвигала ноги от ужаса, но вскоре зашагала быстрее. Мимо Аарона с Брандтом я почти пробежала.

— Что случилось? — растерянно прошептал Аарон Брандту.

Я не знала, куда деваться. Ноги сами несли меня по коридорам к спальне — я надеялась, что там никого не будет.

Свет звезд едва просачивался вниз сквозь трещины в потолке. В темноте я споткнулась о Лили, которая свернулась в крохотный клубок на полу посреди прохода. Лицо распухло от слез, расширенные глаза смотрели на меня и не узнавали...

— Ради чего? — спросила она. — Когда-то я говорила, что жизнь и любовь продолжают. Только вот ради чего? Не вижу смысла. Больше не вижу. В чем смысл?

Я уставилась на нее, потеряв дар речи.

— Не знаю, Лили. Прости... Боюсь, у меня нет ответа.

— Ради чего? — снова спросила Лили. Ее остекленевшие глаза глядели сквозь меня.

Я осторожно перешагнула через нее и поспешила к себе в комнату. У меня был свой вопрос, который нуждался в ответе. К великому облегчению, комната оказалась пуста. Я ничком плюхнулась на наш с Джейми матрас.

Говоря Джебу, что у меня есть еще один вопрос, я сказала чистую правду. Только я собиралась задать этот вопрос не Ищейке, а себе. Звучал он так: решусь ли я — не могу ли, а решусь ли я это сделать?

Да, я могла спасти жизнь Ищейки — это я знала. Не поставив под угрозу жизни обитателей пещер. Спасения не будет только мне одной. Таковы условия сделки.

«Нет», — Мелани пыталась проявить твердость, несмотря на панику.

«Прошу, дай мне подумать».

«Нет».

«Пойми, Мел! Это неизбежно. Теперь я ясно понимаю. И давным-давно надо было понять. Это же очевидно!» «Ничего подобного».

Я вспомнила наш недавний разговор у постели больного Джейми. Мы помирились, и я сказала, что не смогла бы от нее избавиться, и попросила прощения за то, что не могу дать ей больше. Это была не то чтобы ложь, а скорее... незаконченное предложение. Я действительно не могла дать ей больше, оставаясь в живых.

А вот Джареду я солгала. Я сказала ему, всего несколько секунд

спустя, что не могу заставить себя перестать существовать. В контексте нашего разговора все так и было. Как исчезнуть здесь, внутри Мелани, я не знала. Только не понятно, почему я тогда не заметила столь явную ложь, почему не разглядела такую простую вещь, которую ясно видела сейчас? Разумеется, я все это время знала... знала, как заставить себя перестать существовать.

Дело в том, что я просто не рассматривала подобную возможность, ведь это самое страшное предательство, какое только могла совершить Душа на планете Земля.

Как только люди узнают, что у меня есть ответ — ответ, ради которого они снова и снова убивали, — мне придется заплатить высокую цену.

«Анни, не смей!»

«Разве ты не хочешь освободиться?»

«Я бы не стала тебя просить, — сказала Мелани после долгой паузы. — И не пошла бы на это ради тебя. И уж точно не ради Ищейки».

«Тебе и не нужно просить. Мне кажется, я сама бы вызвалась... рано или поздно».

«Почему?» — Мне показалось, Мел вот-вот всхлипнет. Меня это тронуло. Я-то думала, она обрадуется.

«Отчасти из-за них — из-за Джареда и Джейми. Я могу дать им целый мир: все, что они хотят. Дать им тебя. Я бы, наверное, и сама это поняла... в один прекрасный день. Кто знает? Может, Джаред попросил бы. Ты же знаешь, я не могу ему отказать».

«Иен прав. Ты действительно готова на любые жертвы. Ты не знаешь меры, переходишь грань. Тебя нужно оградить от самой себя, Анни».

«Ах, Иен», — простонала я. В груди кольнуло... У самого сердца. Как странно.

«Ты лишишь его целого мира. Всего, чего он хочет».

«Все равно у нас с Иеном в этом теле ничего не получится: как бы Иен меня ни любил, тело не ответит взаимностью».

«Анни, я... — Мелани подыскивала слова. Я ожидала, что она обрадуется, во всяком случае, отговаривать не станет, а тут... — Я тебе не позволю. Ты намного важнее. В перспективе ты для них гораздо ценнее, чем я. Ты можешь помочь, спасти их. А я не могу. Ты должна остаться».

«Мел, я не вижу другого выхода. И как это я раньше не понимала! Конечно же, я должна уйти. Конечно же, должна вернуть тебя — тебе. Зря мы, Души, прилетели на эту планету. Выбор сделан, правильный выбор: я ухожу. Вы прекрасно справлялись до меня, справитесь и после. Ты столько всего от меня узнала о Душах — ты поможешь остальным. Разве ты не

видишь? Это счастливый конец.

Именно так и должна закончиться эта история. Я дам им надежду. Дам им... нет, не будущее. Наверное, нет. Но хотя бы то, что от меня зависит. Все, что от меня зависит».

«Нет, Анни, нет».

Мелани разрыдалась, мысли ее стали бессвязными. Она так сильно горевала, что на глаза у меня навернулись слезы. Я понятия не имела... Она волновалась за меня почти так же сильно, как я за нее. Я и не догадывалась, что мы с ней любим друг друга. Даже если бы Джаред никогда меня об этом не попросил, даже если бы Джареда не было... Теперь, когда мне открылся этот путь, я не могла его не выбрать. Я слишком сильно ее любила.

Неудивительно, что процент успешных попыток в работе с сопротивляющимися носителями здесь, на Земле, столь ничтожен. Как только мы научились любить наших хозяев людей, надежды не осталось. Существовать, причиняя страдания любимым? Души так не умеют. Душа так жить не может.

Я перевернулась на спину и рассмотрела свое тело в свете звезд.

Грязные, исцарапанные руки казались мне прекрасными. Кожа смуглая, с красивым золотистым загаром; даже в тусклом свете она выглядела чудесно. Обгрызенные ногти гладкие и здоровые, с маленькими белыми полумесяцами у основания. Я пошевелила пальцами, наблюдая, как заработали мышцы и задвигались тонкие косточки. Я изогнула кисти и подняла их над головой: словно две темнокожие стройные танцовщицы закружились на фоне звездного неба.

Волосы отрасли и почти доставали до плеч: Мелани это понравится. Гостиничные шампуни и витаминные добавки за несколько недель вернули прядям шелковистость и блеск.

Я широко раскинула руки и почувствовала их силу — они могли цепляться за скалы, нести тяжелый груз, вспахать поле. Они были сильными и одновременно нежными. Они могли держать ребенка, обнять друга, любить... но это все не для меня. Я тяжело вздохнула, слезы потекли из глаз, скатились по вискам, закапали на волосы.

Я напрягла мышцы ног, почувствовала их силу. Захотелось оказаться в чистом поле и бежать, бежать, бежать... Припустить босиком по пашне, почувствовать под ступней теплую землю. Мчаться наперегонки с ветром, так чтобы волосы развевались за спиной. Танцевать под дождем, полной грудью вдыхая свежий запах.

Ступни медленно вытянулись в ритм дыханию. Носок внутрь и

наружу, согнули и разогнули... Приятное ощущение.

Я коснулась лица кончиками пальцев — теплая, гладкая, нежная кожа. Как замечательно, что я верну Мелани ее прежнее красивое лицо. Я закрыла глаза и разгладила веки.

Мне довелось жить во многих телах, но ни одно из них я не любила так, как это. Ни одно не желала так сильно. И конечно, именно от этого тела я должна отказаться.

Какая ирония! Я засмеялась и сосредоточилась на своих ощущениях: крохотные пузырьки воздуха, клокоча, поднялись из груди к горлу. Смех был как свежий ветерок: он пронесся по телу, сметая тревоги, унося печаль. Почему у других видов нет столь простого и столь эффективного лекарства? По крайней мере, я ничего похожего не помнила.

Я дотронулась до губ и вспомнила поцелуй Джареда, поцелуй Иена... Не каждому доводилось целовать столько красивых тел. За свой недолгий срок я успела куда больше, чем многие.

Как мало я пожила! Около года — точно я не помнила.

Всего один короткий оборот зелено-голубой планеты вокруг неприметной желтой звезды. Самая короткая из всех моих жизней.

Самая короткая, самая важная, самая горестная.

Жизнь, которая навсегда определила мое «я» и привязала меня к одной звезде, к одной планете, к одной маленькой семье...

Еще немножко... что в этом такого?

«Да, — прошептала Мел. — Подожди еще немного».

«Никто не знает, сколько времени нам осталось», — прошептала я в ответ.

На самом деле я знала. Я точно знала, сколько времени у меня остается. И не могла позволить себе ждать. Мое время истекало. Все равно я уйду. У меня осталось слишком мало времени — нельзя терять его попусту. Я не могла изменить себе.

Вздых прокатился по всему телу — от ступней до ладоней. Я встала. Аарон и Брандт не будут ждать вечно. Пришла пора ответить еще на несколько вопросов. На этот раз вопросы предназначались доку.

Повсюду в пещерах меня встречали грустные взгляды, опущенные глаза. Я без труда проскользнула мимо. Никого не волновало, чем я занимаюсь, — разве что Джеба, Брандта и Аарона, а их тут не было.

Чистого поля и дождя в пещерах не нашлось, зато имелся длинный южный туннель. Нестись быстрее ветра не получилось из-за темноты, и я ограничилась легкой пробежкой. Приятно разогреть мышцы.

Я надеялась, что док окажется у себя, а если нет, я бы его дождалась.

Бедный док! Я знала, что он будет один, один-одинешенек. С тех самых пор, как мы спасли Джейми, док спал у себя в лазарете. Шэрон собрала вещи и переехала к матери, а док не хотел спать в опустевшей комнате.

Какая жгучая ненависть! Шэрон не могла простить мужу, что он помог мне вылечить Джейми. Отдавшись ненависти, она гробила свое счастье, а заодно и счастье дока.

Шэрон и Мэгги с каждым днем отдалялись от остальных. Они словно никого не замечали, как когда-то не замечали меня. Интересно, изменится ли что-нибудь с моим уходом, или эта парочка настолько закоснела в своей злобе, что надежды нет?

До чего идиотский способ тратить драгоценное время!

Впервые южный туннель показался мне слишком коротким. Не успела я пробежать и половины, как в арке, с которой начинались владения дока, тускло замерцал свет. Он был у себя.

Я перешла на шаг, не хотелось его пугать: еще подумает, что опять что-то стряслось. Но как только я, запыхавшись, появилась в дверном проеме, он испугался и выскочил из-за стола, выронив из рук книгу.

— Анни? Что случилось?

— Все в порядке, док, — успокоила я.

— Я кому-нибудь нужен?

— Только мне. — Я улыбнулась.

Док остановился в полушаге от меня. Тревога прошла, на лицо вернулось привычное, доброе выражение. Я с трудом вспомнила, как он выглядел всего мгновение назад.

— Ты человек слова, — начала я. Он собрался было ответить, но я жестом остановила его. — Хочу проверить, умеешь ли ты держать свои обещания.

Взгляд доктора вновь стал тревожным и немного смущенным. Я глубоко вздохнула.

— Я знаю, как осуществить то, ради чего ты отнял множество жизней. Знаю, как извлечь Душу из тела, не причинив вреда обоим. Разумеется, я это знаю. Нам всем приходится это выучить, на всякий случай. Однажды, когда я была Медведем, мне пришлось собственноручно выполнить срочное извлечение...

Я смотрела на дока, ожидая реакции. По мере того как приходило понимание, его глаза загорались любопытством.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — наконец выдохнул он.

— Потому что... Я собираюсь поделиться с вами этими знаниями. —

Я предостерегающе вскинула руку. — Но только если взамен ты дашь мне то, что мне нужно. Заранее предупреждаю: условия непростые, как для меня, так и для вас.

— Назови свои условия, — взволнованно сказал док.

— Пообещай, что вы сохраните жизнь Душам, которых извлечете. Дай мне слово — слово, обещание, клятву, как тебе угодно, — что вы обеспечите им безопасный переход в новую жизнь. Это сопряжено с определенной долей риска: придется раздобыть криоконтейнеры и пронести их на межпланетный корабль. Вы должны обеспечить им путевку в новый мир. Они не смогут вам навредить. К тому времени как они долетят до своей следующей планеты, на Земле сменится не одно поколение.

Смягчат ли мои условия чувство вины? Только если док меня не подведет. Я объясняла, а он напряженно думал. Я внимательно наблюдала за его лицом: доктор не рассердился, но в его глазах по-прежнему горел дикий огонек.

— Ты не хочешь, чтобы мы убивали Ищейку? — догадался он.

Я не ответила, потому что он не понял бы ответа — я хотела, чтобы ее убили. В том-то и проблема. Я просто стала объяснять дальше.

— Она будет первой, чем-то вроде пробной попытки. Пока я здесь, мне важно убедиться, что вы все сделаете правильно. Я сама проведу первое извлечение. Как только Ищейка будет в безопасности, я вас научу.

— Как?

— На похищенных Душах. Как раньше. Я не могу гарантировать, что вернется человеческий разум. Я не знаю, можно ли вернуть стертое сознание. Проверим на Ищейке.

Док заморгал, переваривая услышанное.

— Пока ты здесь? Ты что, куда-то собираешься?

Я смотрела на него, дожидаясь, пока до него дойдет. Он непонимающе глядел на меня.

— Ты осознаешь, что я предлагаю? — прошептала я. Наконец в его глазах блеснуло понимание.

— И еще одно, док, — быстро сказала я. — Не отправляйте меня на другую планету. Мой дом здесь, только места для меня в нем нет. Поэтому... Да, некоторые рассердятся, но все же... Не говори им, если считаешь, что они будут мешать. Если нужно, соври. Но я хочу, чтобы меня похоронили рядом с Уолтером и Уэсом. Ты можешь это сделать для меня? Я не займу много места. — Я снова улыбнулась.

«Нет! — рыдала Мелани. — Нет, не смей!»

— Нет, Анни! — потрясенно воскликнул док.

— Док, пожалуйста, — прошептала я и поморщилась: Мелани возражала все громче. — Уэс и Уолтер не будут против.

— Я же не об этом! Анни, не проси, я не смогу тебя убить. Меня тошнит от смерти, я устал убивать друзей... — Голос дока сорвался.

Я положила руку ему на плечо.

— Люди умирают. Такова жизнь. — Что-то подобное говорил Кайл. Ну ни странно ли? Я второй раз за ночь цитирую Кайла!

— А как же Джаред и Джейми? — приглушенным голосом спросил док.

— У них будет Мелани. Они справятся.

— А Иен?

— Без меня ему будет лучше, — сказала я сквозь зубы. Док покачал головой, протер глаза.

— Анни, мне нужно подумать.

— У нас мало времени. Они не будут ждать вечно.

— Я не об этом. Я согласен на твои условия. Только вот я вряд ли смогу тебя убить.

— Все или ничего, док. Решай. И... — Я вдруг поняла, что у меня есть еще одно требование. — Никому не говори о последней части нашего уговора. Никому. Таковы мои условия. Или ты их принимаешь, или сделка не состоится. Хочешь научиться извлекать Душу из человеческого тела?

Док снова покачал головой.

— Мне надо подумать.

— Ты уже знаешь ответ, док. Это то, что ты искал.

Он медленно качал головой, но мы оба знали, что выбор сделан.

— Я схожу за Джаредом, — сказала я. — Быстренько съездим за криоконтейнерами. А ты останови остальных. Скажи... Скажи им правду. Скажи им, что я собираюсь помочь тебе извлечь Ищейку из этого тела.

Глава 51

Подготовка

Джаред и Джейми с обеспокоенными лицами ждали меня у нас в комнате. Наверное, Джаред поговорил с Джебом.

— Ну что? — спросил Джаред, а Джейми вскочил мне навстречу и обхватил руками за пояс.

Я не знала, что им ответить.

— Джаред, мне нужна твоя помощь, — наконец сказала я.

Джаред стремительно вскочил. Джейми встревоженно уставился на меня. Я отвела глаза — не было сил выдержать взгляд мальчика.

— Что сделать? — спросил Джаред.

— Я собираюсь устроить вылазку. Мне бы не помешали... лишние мускулы.

— С какой целью вылазка? — Голос его звучал напористо: Джаред уже переключился на рабочее настроение.

— По пути объясню. Времени в обрез.

— А можно мне с вами? — спросил Джейми.

— Нет, — одновременно сказали мы с Джаредом.

Джейми насупился, разжал объятия и опустил на матрас. Он уткнул лицо в ладони и надулся. Я вынырнула из комнаты и только тогда решилась на него взглянуть. Я сгорала от желания сесть рядышком, обнять Джейми покрепче и забыть обо всем.

Джаред последовал за мной по южному туннелю.

— Почему сюда? — спросил он.

— Я... — Если я попытаюсь соврать или уйти от ответа, он немедленно поймет. — Не хочется наткнуться на Джеба, Аарона или Брандта.

— Почему?

— Еще не время с ними объясняться.

Джаред отреагировал спокойно, пытаюсь понять смысл ответа.

— Не знаешь, где Лили? — сменила я тему. — Наверное, не следует оставлять ее одну. Она словно...

— С ней Иен.

— Это хорошо. Он добрый.

Иен поможет Лили — он именно то, что ей сейчас нужно. А кто

поможет Иену, когда... Я помотала головой, отгоняя горькую мысль.

— С чего такая спешка? Что нужно? — Я вдохнула поглубже.

— Криоконтейнеры.

В южном туннеле было темно, лиц не видно. Несколько минут Джаред молчал, были слышны лишь его шаги. Похоже, он полностью сосредоточился на рейде: любопытство отошло на задний план до выполнения миссии, которая, в сущности, планировалась ради него.

— Где их искать?

— Пустые криоконтейнеры складывают возле Лечебниц, где они и лежат, пока не понадобятся. Если прилетает больше Душ, чем улетает, остается излишек. Их никто не охраняет, и никто не заметит, если часть контейнеров исчезнет.

— Ты уверена? Откуда информация?

— В Чикаго я обратила внимание на длинные ряды криоконтейнеров. Даже в крохотной Лечебнице в Тусоне был небольшой запас, в ящиках возле погрузчика.

— Если они были в ящиках, то как ты сумела определить...

— Ты до сих пор не заметил, что мы просто обожаем этикетки?

— Я в тебе не сомневаюсь, — сказал он. — Просто хотел убедиться, что ты все как следует продумала.

Я уловила подтекст.

— Продумала.

— Тогда давай побыстрее с этим покончим.

Дока в лазарете не было — наверное, следом за мной выскочил к Джебу. Интересно, как другие воспримут новость. Хотелось верить, что им хватит ума не обсуждать этот вопрос под носом у Ищейки. Если Искательница разгадает мой замысел, с нее станется уничтожить мозг носителя... Или решит, что я гнусный предатель и даю людям то, что им нужно, не потребовав ничего взамен, не наложив ограничений?

Возможно, именно к этому все и идет. Кто знает, сдержит ли док слово, когда меня не станет? Он, несомненно, постарается — в это я верила. Приходилось верить. Только вот без чужой помощи ему не обойтись.

На южную сторону каменистого холма, на полпути к невысокой вершине, выходило небольшое отверстие. В него-то мы и протиснулись. Горизонт на востоке посветлел, краешек неба и скал покрыла кровавая полоска рассвета.

Я спускалась, внимательно смотря под ноги: тропинки здесь не было, а камни предательски скользили. Впрочем, даже если бы передо мной проложили вымощенную ровную дорогу, я бы не смогла поднять глаз.

Плечи ссутулились, словно под тяжелой ношей.

Предательница. Не странница, не неудачница — предательница. Я отдавала жизни своих кротких братьев и сестер в злопамятные, целеустремленные руки приемной человеческой семьи. Мои люди имели право ненавидеть Душ. Шла война, и я вручила им оружие. Способ убивать, убивать безнаказанно.

В лучах занимающегося рассвета мы бежали по пустыне — бежали, потому что днем находиться на поверхности было опасно, нас могли заметить Ищейки.

Я обдумывала ситуацию, пытаюсь взглянуть на нее со всех сторон: может, делая свой выбор, я не жертвую собой, а лишь вооружаю людей в обмен на жизнь Ищейки? Нет, это не так. Если бы я пыталась спасти только одну Ищейку, я бы немедленно передумала и повернула назад. Ее жизнь не стоила бесчисленных жизней моих соплеменников. Думаю, Ищейка сама бы со мной согласилась.

Или нет? Мне вдруг стало интересно. Моя Ищейка вовсе не выглядела... как там меня назвал Джаред? Альтруисткой? Возможно, в отличие от большинства Душ, она ценила свою жизнь куда дороже, чем жизнь остальных.

Так или иначе, слишком поздно менять решение. Я продумала не только спасение Ищейки. Во-первых, это происходило бы снова и снова. Если бы я не поделилась с людьми своими знаниями, они бы убивали каждую подвернувшуюся под руку Душу. К тому же я собиралась спасти Мелани, и ее жизнь того стоила. А еще — спасти Джареда и Джейми. Так почему бы не облагодетельствовать и мерзкую Ищейку? За компанию...

Души ошиблись, прилетев сюда. Люди заслужили свой мир. Вернуть его им я не могла, зато могла дать людям надежду. Если бы только знать, что они не будут жестоки!

Мне оставалось лишь положиться на догадку и надеяться на лучшее. Наверное, стоило взять обещание еще с нескольких друзей — так, на всякий случай.

Я гадала, сколько человеческих жизней получится спасти. Сколько Душ... И только себя я спасти не могла.

Мы оба запыхались и громко дышали, но Джаред услышал мой тяжелый вздох и обернулся. Я не стала встречаться с ним взглядом и пристально смотрела под ноги.

Солнце еще не успело подняться над пиками восточных гор, хотя небо уже стало голубым. Мы нырнули в неглубокую пещеру, где был спрятан джип, раньше, чем первые лучи позолотили песок пустыни. Джаред

схватил с заднего сиденья две бутылки с водой, кинул одну мне и уселся у стены. Он в два глотка осушил полбутылки, вытер рот тыльной стороной ладони и обратился ко мне:

— Придется подождать темноты. — Я глотнула из своей бутылки.

— Годится. Теперь им придется нас дожидаться.

— Видел твою Ищейку. — Джаред внимательно наблюдал за мной. — Энергичная дамочка. Шумная. — Он шутливо закатил глаза. — Похоже, ее не устроили предоставленные удобства.

— Могло быть и хуже, — промямлила я и потупилась. Как я ни старалась, мучившая меня ревность просочилась-таки, прорвав оборону.

— Верно, — согласился он.

— Почему вы так к ней добры? — прошептала я. — Она же убила Уэса.

— Ну... ты сама виновата.

Я уставилась на Джареда, с удивлением заметив усмешку: он меня поддразнивал.

— Я?

— Им не хотелось выглядеть чудовищами. — Уголки губ Джареда чуть дрогнули. — Они пытались загладить свою вину, только слегка опоздали — и выбрали не ту Душу. Прости, я не догадался, что это... ранит твои чувства. Я думал, тебе понравится.

— Мне понравилось. — Я не хотела, чтобы кто-то еще страдал. — Доброта — это самое главное. Просто... — Я вздохнула поглубже. — Хорошо, что ты объяснил причину.

Они были добры ко мне, а не к ней. С плеч словно упал тяжелый груз.

— Не слишком-то приятно осознавать, что ты целиком и полностью заслуживаешь называться чудовищем: уж лучше проявить доброту, чем мучиться угрызениями совести. — Он снова улыбнулся и зевнул. Я тоже зевнула.

— Долгая ночь выдалась, — сообщил он. — И следующая обещает быть такой же. Надо поспать.

Я обрадовалась. У Джареда, несомненно, накопилось много вопросов о предстоящей вылазке. К тому же он наверняка уже сопоставил некоторые факты. А мне не хотелось сейчас ничего обсуждать. Я растянулась на ровной полоске песка возле джипа. Джаред лег рядом, совсем рядом — пристроился сзади и прижался ко мне всем телом.

— Вот... — Он просунул ладонь мне под щеку, приподнял мою голову с земли и подложил свою руку вместо подушки. Вторая рука легла мне на талию.

— Спасибо, — ответила я, придя в себя от неожиданности.

Он зевнул. Я почувствовала тепло его дыхания на шее.

— Отдыхай, Анни.

Крепко держа меня (в объятиях? — другого названия я подобрать не могла), Джаред быстро заснул. Я попыталась расслабиться под его теплой рукой, но это получилось не сразу. Его объятие навело меня на размышления, как много он уже понял. Надоедливые мысли крутились и путались в голове. Джаред был прав — ночь выдалась долгой. Только не для меня: оставшиеся мне дни и ночи пролетят как минуты...

...И в следующее мгновение меня разбудил Джаред. Тесную пещерку заливал тусклый оранжевый свет. Закат.

Джаред помог мне подняться на ноги. Молча мы поели и выпили остатки воды. Лицо Джареда было серьезным и сосредоточенным.

— Все еще торопишься? — спросил он, когда мы залезли в джип.

Нет. Мне хотелось, чтобы время остановилось.

— Да. — Какой смысл откладывать? Если мы протянем слишком долго, Ищейка и ее тело погибнут, и передо мной встанет тот же самый выбор.

— Тогда поедem в Финикс. Вряд ли на нас обратят внимание. Им и в голову не придет, что людям могут понадобиться криоконтейнеры. Зачем они нам?

Вопрос был отнюдь не риторический, и я чувствовала, что Джаред снова на меня смотрит. Я не повернула головы, продолжая глядеть прямо перед собой.

Мы сменили автомобиль и выехали на шоссе. Уже совсем стемнело. Джаред предусмотрительно выждал положенные минуты с выключенными фарами. Я насчитала десять проехавших мимо машин. Наконец он вырулил на дорогу.

Поездка в Финикс вышла короткой, хотя Джаред и старался не превышать скорость. Время пролетело, словно Земля стала вращаться быстрее. Мы влились в поток транспорта, двигаясь по шоссе, которое опоясывало раскинувшийся на равнине город. С дороги я увидела больницу. Мы пристроились за одной из машин, не спеша свернули на подъездную дорогу и въехали на основную парковку.

— Куда теперь? — спросил Джаред сухо.

— Посмотрим, можно ли отсюда подъехать к служебному входу. Контейнеры обычно хранят неподалеку от зоны разгрузки.

Джаред медленно вел машину. Души входили и выходили из Лечебницы, некоторые были одеты в медицинскую униформу. Целители.

На нас никто не обращал внимания.

Дорога шла вдоль тротуара, а затем поворачивала на север, огибая больничный комплекс.

— Смотри, «Для грузового транспорта». Нам сюда. Между невысокими зданиями больничного комплекса и служебным гаражом находился склад, где разгружали фургоны с медицинским оборудованием и лекарствами. Я внимательно изучила сложенные в складских отсеках ящики: каждый был промаркирован.

— Не останавливайся... на обратном пути прихватим парочку. Смотри: «Заживление», «Охлаждение»... А это что-то незнакомое — «Спокойствие»?

Все лекарства были подписаны и не охранялись. Когда меня не станет, моя семья сможет обеспечить себя всем необходимым. «Когда меня не станет» — эта фраза, казалось, сопровождала каждую мою мысль.

Мы свернули за следующее здание. Четверо работников разгружали фургон, действуя с особой осторожностью, — и это привлекло мое внимание. Грузчики бережно расставляли коробки на высокой бетонной платформе. Сбоку на картоне мелькнули заветные буквы, но и без надписи было ясно, что в этих коробках находится.

— Здесь разгружают занятые контейнеры, а пустые хранят где-то неподалеку... А! Вон там, с другой стороны, целый ангар.

Джаред на прежней скорости свернул к торцу здания. Он вдруг тихонько засопел.

— В чем дело? — спросила я.

— Смотри-ка. — Он мотнул головой в сторону вывески над зданием: «Родильное отделение».

— Понятно, — улыбнулась я. — Что ж, теперь ты знаешь, где искать.

Он сверкнул глазами и снова переключился на дорогу.

— Придется подождать. Похоже, они уже заканчивают. Джаред сделал еще один круг вокруг больницы и припарковал машину в дальней части большой стоянки, в стороне от огней. Он заглушил мотор, откинулся на спинку сиденья и взял меня за руку. Я знала, что сейчас последует вопрос, и постаралась подготовиться.

— Анни?

— Да?

— Ты собираешься спасти Ищейку?

— Да.

— Потому что это правильный поступок? — попытался угадать он.

— И поэтому тоже. — Он помолчал.

— Значит, ты знаешь, как извлечь Душу, не повредив тело? — Сердце екнуло, и я нервно сглотнула.

— Да. Однажды мне пришлось применить эти знания на практике. Не здесь.

— Где? Расскажи, пожалуйста.

Эту, одну из лучших моих историй, динамичную, захватывающую, я по очевидным причинам никогда не рассказывала людям. Да, Джейми бы понравилось... Я вздохнула и начала вполголоса:

— Однажды на планете Туманов я, мой друг Укрощает свет и наш проводник отправились в долгое путешествие по четвертому великому ледяному полю к одному из самых известных кристальных городов. Не помню имени проводника, а меня там прозвали Живет на звездах. К тому времени я уже имела определенную репутацию.

Джаред хмыкнул.

— Предполагалось, что маршрут безопасен, поэтому мы и отправились втроем. Грызодеры частенько выкапывают в снегу берлоги и прячутся в них — охотятся из засады. Что-то вроде западни: повсюду расстилается нетронутый снег, ты идешь себе спокойно, но внезапно белое поле вокруг тебя взрывается и заслоняет небо. Взрослый Медведь весит примерно как крупный бизон, а половозрелый самец грызодера массой не уступает синему киту. Нам попалась особенно крупная особь. Грызодер выскочил перед проводником, мордой к нам с Укрощает свет. Вообще-то Медведи быстрее грызодеров, только вот у этого хищника было преимущество: зверь напал неожиданно, и его огромная, твердая как камень клешня обрушилась на нас и разрубила Укрощает свет пополам...

Какая-то машина медленно вырулила с парковки и проехала мимо.

— Наверное, нужно было броситься бежать... но мой друг умирал, истекая кровью на снегу, я замешкалась и наверняка погибла бы, если бы грызодера не отвлекли. Позже я узнала, что наш проводник — вспомнить бы, как его звали! — попытался задержать хищника, вцепившись тому в хвост... Когда грызодер выпрыгивает из сугроба, из-за снега ничего не видно, ведь поднимается настоящий буран. Проводник дал нам шанс убежать, он и не догадывался, что Укрощает свет свое отбегал. Грызодер развернулся к проводнику, задел нас второй левой лапой, и меня отбросило в сторону. Верхняя часть туловища Укрощает свет приземлилась рядом со мной. Снег вокруг был весь пропитан его кровью. — Я замолчала и поежилась. — То, что я сделала потом, не имело смысла, потому что под рукой не было тела, в которое я могла переселить Укрощает свет. Мы находились в снежной пустыне, до ближайшего города не добежать.

Конечно, жестоко было извлекать друга без обезболивающего, но я просто не могла смотреть, как он угасает в оторванной половине тела носителя Медведя. На тыльной части ладони, у резака, которым Медведи разрубают лед, — слишком широкое лезвие... Рана вышла огромной. Хотелось верить, что Укрощает свет без сознания и боли не чувствует. Мой друг был еще жив. Нежно коснувшись, я выманила его из мозга Медведя и сунула в яйценосный мешок у себя на брюхе, между двумя самыми горячими сердцами. От холода Укрощает свет не умер бы, но у меня оставалось всего несколько минут, чтобы найти нового носителя. Только где же взять подходящее тело, когда кругом только снег да лед? Появилась мысль подсадить Укрощает свет в мое тело, однако я сильно сомневалась, что смогу ввести его к себе в голову и при этом остаться в сознании... Без лекарств я бы умерла вместе с ним, просто истекла бы кровью: у Медведей, с их количеством сердец, это происходит быстро. Грызодер взревел, под его гигантскими лапами задрожала земля — стало ясно, что он вот-вот учует нас под снегом. Рядом валялось разорванное тело Медведя. Яркая кровь быстро привлекла бы зверя. И тогда мне в голову пришла одна безумная идея... — Я замолчала и тихонько засмеялась. — Носителя Медведя под рукой не было. Свое тело я использовать не могла. Проводник погиб или убежал. Оставалось одно. Это казалось чистой воды безумием, но в ту секунду я думала лишь о том, как спасти Укрощает свет. Мы не были близкими друзьями, но мысль о его неминуемой смерти прямо у меня под сердцами приводила в отчаяние. Грызодер яростно взревел, и я побежала на звук. Направившись напрямик к третьей левой ноге чудовища, зацепила густой белый мех острой стороной всех шести рук и вскарабкалась зверю на спину. Он ревел и крутился, словно щенок, который пытается поймать свой хвост. У грызодеров очень маленький мозг — и умишко соответствующий. Я взобралась на мохнатую спину; цепляясь резаками, побежала по двойному позвоночнику к шее и через несколько секунд добралась до головы хищника. Вот тут-то и начиналось самое сложное: мои резаки были длиной... примерно с твою руку до локтя, а шкура грызодера — в два раза толще. Мне удалось только проредить мех и слегка оцарапать кожу. Грызодер взревел и встал на дыбы. Едва не падая, я вцепилась четырьмя руками ему в шкуру, а зверь выл и крутился, норовя меня стряхнуть. Двумя оставшимися руками я попробовала углубить разрез, по очереди вонзая их в толстую шкуру, и почти отчаялась: шкура казалась непробиваемой. Грызодер словно с цепи сорвался, резко замотал головой, и я чуть не свалилась вниз. Время Укрощает свет подходило к концу. Я безуспешно тыкала резаками в рану. Неожиданно грызодер

плюхнулся в снег, и если бы не логово, которое зверь вырыл для охоты, его туша меня бы раздавила. Мои резакы были у самой шеи хищника, и, как только я ударилась о снег, вес грызодера вогнал лезвия глубоко под шкуру — даже глубже, чем требовалось. Нас обоих оглушило, а я вдобавок оказалась под тушей зверя, который начал кататься по земле. От ужаса я почти утратила способность соображать, но, судорожно вздохнув, все-таки вспомнила про Укрощает свет. Укрыв Душу от холода в мягких ладонях, я перенесла ее из яйценосного мешка в рану на шее грызодера. Зверь встал на дыбы, а затем повалился на снег. Грызодер рвал и метал, рана на шее его только разозлила. Снежная буря, вызванная нападением хищника, уже улеглась, и теперь грызодер прекрасно видел меня, перепачканную его кровью, — у грызодеров очень яркая кровь, такого цвета на Земле нет. Зверь протянул ко мне гигантские клешни, и я подумала: «Ну все, конец». Меня утешало одно: по крайней мере, я боролась. Клешня спикировала в снег, совсем рядом... Я посмотрела на огромную, страшную морду, и чуть не... нет, не рассмеялась. Медведи не умеют смеяться. Но по ощущениям это напоминало смех, потому что на уродливой морде грызодера я увидела смущение, растерянность и стыд. Ни один грызодер никогда ни на кого так не смотрел. Укрощает свет потребовалось некоторое время на то, чтобы освоиться в огромном теле и взять под контроль нового носителя. Несмотря на слишком маленький мозг, мой друг все-таки меня узнал. Я доехала верхом на Укрощает свет до самого города — пришлось зажимать рану на шее моего друга, пока мы не добрались до Целителя. То то было шуму! Меня наградили новым прозвищем — Верхов на звере, но мне оно не понравилось, и я попросила называть меня прежним именем...

В окнах больницы горел свет, мелькали чьи-то силуэты. Джаред сидел, разинув рот, и не сводил с меня глаз.

Это и впрямь была одна из моих лучших историй. Надо бы взять с Мел обещание: пусть расскажет ее Джейми, когда меня не...

— Как думаешь, контейнеры разгрузили? — быстро спросила я. — Давай побыстрее закончим и вернемся домой.

Джаред ошеломленно посмотрел на меня и согласно кивнул.

— Да, давай побыстрее закончим, Странница, Живет на звездах, Верхов на звере. Что тебе стоит утащить несколько неохраемых ящиков? Скукотища!

Глава 52

Извлечение

Мы втащили трофеи через южный вход, хотя это и означало, что до рассвета нам нужно успеть перепрятать джип. Я понятия не имела, представляет ли Ищейка, что ее ждет, но опасалась, что она заподозрит неладное, услышав шум у главного входа, и убьет себя и человека-носителя. Из головы никак не шла рассказанная Джебом история про одного из пленников, который упал замертво — мозг носителя превратился в кашу, хотя внешне не было заметно никаких повреждений.

В лазарете док готовился к операции. На раздвинутом столе установили пропановый светильник — самый яркий из доступных источников света. Скальпели поблескивали в неярких голубоватых лучах солнечной лампы. От всех этих приготовлений мне стало дурно — вспомнился тот день, когда руки дока покрывала серебристая кровь.

— Ну наконец-то! — с облегчением произнес он. Док беспокоился за нас так же, как волновались и остальные всякий раз, когда кто-нибудь покидал пещеры.

— Мы тебе подарок принесли! — Джаред протиснулся следом и, сияя, протянул коробку доку, ярлыком вверх.

— «Заживление»! — радостно вскрикнул док. — Сколько удалось раздобыть?

— Два ящика. А еще обнаружился новый способ пополнять наши запасы; Анни больше не придется себя калечить.

Док пристально на меня посмотрел. Наверное, мы с ним подумали об одном: «Вовремя, потому что Анни здесь больше не будет».

— Достали криоконтейнеры? — спросил он, понизив голос.

Джаред покосился на меня — он уловил и взгляд дока, и витающее в воздухе напряжение.

— Да, — ответила я. — Десять штук. Больше не поместилось в машину. — Пока я говорила, Джаред дернул за тянущуюся за ним веревку. Послышался звук осыпающегося камня, и к ногам Джареда упала вторая коробка «Заживления», а следом и контейнеры. Контейнеры, созданные из вещества, неизвестного на Земле, звякали как металл. Пустые криоконтейнеры можно было спокойно тащить по камням: их конструкция предусматривала куда более серьезные нагрузки. Теперь контейнеры

поблескивали на полу пещеры — ни вмятин, ни царапин.

Док отвязал веревку и покрутил контейнер в руках.

— Десять? — Похоже, количество его удивило. Интересно, доктор считал, что десять — слишком много или слишком мало? — Как их использовать?

— Очень просто. Я покажу.

Док кивнул, не спуская пытливых глаз с чужеродного устройства. Я почувствовала на себе взгляд Джаред, но нарочно смотрела только на дока.

— Как там Джеб, Брандт и Аарон? — спросила я. Док перехватил мой взгляд.

— Они... согласны на твои условия.

— Точно? — Мне все еще не верилось. — Я покажу тебе, как обращаться с контейнерами, но сначала мне надо знать наверняка...

— Я понял, — кивнул док.

Джаред непонимающе смотрел на нас.

— Что ты ему сказала? — осторожно поинтересовался док.

— Что я собираюсь спасти Ищейку. — Я повернулась к Джареду, старательно избегая его взгляда. — Док обещал мне, что, если я покажу, как провести разделение, извлеченные Души будут в целости и сохранности отправлены на новую планету, в новую жизнь. Никаких убийств.

Джаред задумчиво кивнул, и его внимание переключилось на дока.

— Я согласен на эти условия и прослежу, чтобы остальные их выполняли. Я так понимаю, у тебя есть план, как переправить Души с планеты?

— Это просто, не опаснее того, что мы делали сегодня ночью. Только в обратном порядке: не забирать контейнеры, а осторожно вернуть на место.

— Ладно.

— Ты... продумала расписание? — Док пытался говорить равнодушно, но в голосе проступало нетерпение: он вовсе не стремился поскорее меня убить, просто хотел быстрее получить новые знания.

— Нужно отогнать на место джип, — спохватился Джаред. — Подождите, не начинайте без меня.

— Конечно, Джаред, — согласился док.

— Я быстро. — Джаред скрылся в туннеле. В этом я не сомневалась.

Мы с доком помолчали.

— Ты не сказала ему... про Мелани? — спросил док.

Я покачала головой.

— Кажется, он сам понимает, к чему все идет. Наверное, разгадал мой план.

— Не до конца. Он бы не позволил...

— Его никто не будет спрашивать, — перебила я. — Все или ничего.

Док вздохнул, помолчал минуту и посмотрел в сторону главного входа.

— Пойду поговорю с Джебом, готовься пока.

Он взял со стола флакон хлороформа. Я не сомневалась, что у Душ имелись препараты получше. Пока я здесь, надо выяснить, какие именно.

— Кто в курсе?

— Все те же: Джеб, Аарон и Брандт. Они хотят присутствовать.

Меня это не удивило — Аарон с Брандтом никогда мне не доверяли.

— Больше никому пока не говори, ладно? — Док кивнул и растворился в темном коридоре.

Я села у стены, подальше от подготовленной койки, — скоро придет и моя очередь занять это ложе. Пытаясь отвлечься от мрачных мыслей, я вдруг поняла, что не слышала Мелани, с тех пор как... Когда она в последний раз со мной говорила? Во время сделки с доком? Я почувствовала запоздалое удивление: сегодня ночью, когда Джаред обнял меня возле джипа, она не отреагировала...

«Мел?» — Нет ответа.

Не так, как в прошлый раз. Повода для паники не было. Я отчетливо ощущала Мел у себя в голове, но... Почему она не отвечает? Что она задумала?

«Мел? Что происходит?» — Нет ответа.

«Ты сердишься? Прости за то, что было возле джипа». — Это нечестно, я ведь ничего не делала...

Она раздраженно меня перебила:

«Хватит, а? Ничего я не сержусь. Оставь меня в покое».

«Почему ты со мной не разговариваешь?» — Нет ответа.

Я надавила сильнее, уловить ее мысли. Она попыталась меня оттолкнуть, отгородиться стеной, но в стене зияли прорехи — Мелани слишком долго не пользовалась подобной защитой, и я без труда разгадала ее план.

«Ты в своем уме?» — Я старалась обращаться к Мелани спокойно.

«В некотором роде», — огрызнулась она.

«Думаешь, если ты заставишь себя исчезнуть, это меня остановит?»

«А как тебя еще остановить? Есть идея получше?»

«Мел, я тебя не понимаю. Ты что, не хочешь их вернуть? Не хочешь снова быть с Джаредом? С Джейми?»

«Да, но... я не могу... — Она мучительно боролась с очевидностью ответа. — Анни, я не могу позволить тебе умереть. Это выше моих сил».

Я ощутила глубину ее боли, и слезы сами навернулись на глаза.

«Я тоже тебя люблю, Мел. Пойми, для нас обоих тут слишком мало места. В этом теле, в этих пещерах, в их жизнях...»

«Неправда!»

«Слушай, даже не пытайся себя уничтожить! Потому что, если я почувствую неладное, то заставлю дока вытащить меня сегодня же. Или Джареду нажалуюсь. Только представь, как он отреагирует. — Я представила за нее и улыбнулась сквозь слезы. — Помнишь? Он сказал, что пойдет на все, лишь бы ты осталась». — Я вспомнила обжигающие поцелуи в коридоре... подумала о других поцелуях и ночах из ее воспоминаний, и мое лицо вспыхнуло.

«Это удар ниже пояса».

«Зато подействовало».

«Я не сдамся».

«Я тебя предупредила. Больше никакой игры в молчанку».

Мы подумали о других, менее болезненных вещах. Например, куда мы отправим Ищейку. После моего сегодняшнего рассказа Мел была обеими руками за планету Туманов, я же полагала, что лучше подойдет планета Цветов. Во Вселенной не было планеты добрее: долгая жизнь среди Цветов и диета из солнечных лучей — то что доктор прописал.

На ум пришли другие приятные воспоминания — ледяные замки, музыка в ночи, разноцветные солнца. Мелани они казались сказками. Она тоже рассказывала мне сказки: хрустальные башмачки, отравленные яблоки, русалка, которая хотела стать человеком...

Конечно же, у нас не оставалось времени на сказки, потому что начали возвращаться остальные. Джаред управился очень быстро — наверное, просто отогнал джип на северный склон и оставил там под нависающим краем скалы. Он торопился, и потому вернулся через главный вход. До меня донеслись приглушенные, серьезные голоса. Я поняла, что Ищейка с ними — начинался первый этап моей смерти.

«Нет».

«Следи внимательно. Ты будешь им помогать, когда меня не...» «Нет!»

На самом деле я знала, что Мел меня послушается, ей просто не нравилась моя обреченность.

Джаред внес Ищейку в комнату, остальные вошли следом. Аарон и Брандт держали оружие наготове — на случай, если Ищейка притворяется: ну как вдруг вскочит и накинется на них, размахивая крошечными кулачками.

Джеб с доком шли сзади. Лукавый взгляд Джеба был устремлен на

меня — пронизательный старик наверняка догадывался о многом.

Я сосредоточилась на ближайшей задаче.

Джаред на удивление бережно уложил безвольное тело Ищейки на койку. Еще недавно это бы меня задело, но теперь даже показалось трогательным: он делал это ради меня, компенсируя недоданную мне нежность.

— Док, где «От боли»?

— Сейчас принесу.

Интересно, каким станет лицо Ищейки, когда носитель получит свободу? Сохранится ли хоть что-нибудь? Опустеет ли тело, или прежняя хозяйка заявит свои права? Почувствую ли я прежнее отвращение, когда из знакомых глаз на меня посмотрит другое сознание?

— Вот, держи. — Док вложил баночку мне в руку.

— Спасибо.

Я вытащила тонкий бумажный квадратик, отдала контейнер доку и через силу прикоснулась к Ищейке: руки быстро и уверенно положили «От боли» ей на язык. Лицо Ищейки было совсем миниатюрным — рядом с ней я казалась великаншей. Меня всегда отталкивал ее крохотный размер, который совершенно не вязался с характером Ищейки.

Лекарство быстро растворилось во рту Ищейки.

— Джаред, переверни ее на живот, пожалуйста, — попросила я.

Он по-прежнему осторожно, чуть ли не с нежностью, коснулся ее тела. Пропановый светильник озарил лазарет ярким, почти дневным светом. Я невольно посмотрела вверх и увидела, что док прикрыл отверстия в крыше брезентом, не давая свету вырваться наружу. За время нашего отсутствия он успел подготовиться.

В тишине слышалось ровное дыхание Ищейки и напряженные вздохи мужчин. Кто-то переступил с ноги на ногу, под подошвой хрустнул песок. Я почти физически ощущала на коже их взгляды.

Я нервно сглотнула и как можно спокойнее сказала:

— Док, мне нужно «Заживление», «Очистка», «Замазка» и «Разглаживание».

— Вот, пожалуйста.

Я сдвинула жесткие черные волосы Ищейки с розового шрамика у основания черепа.

— Док, может быть, ты сделаешь разрез? Я... не хочу.

— Без проблем.

На соседней койке док выставил в ряд белые цилиндрики лекарств и подошел ко мне. Отблеск скальпеля, мелькнувшего в ярком свете, упал мне

на лицо.

— Подержи ее волосы, вот так. — Я отвела пряди со смуглой шеи.

— Жалко, нельзя помыть руки, — пробормотал себе под нос док.

— Ничего страшного. У нас есть «Очистка».

— Знаю, — вздохнул он. На самом деле доктору нужен был привычный порядок, который помогал очистить голову от лишних мыслей и сосредоточиться.

— Какой длины должен быть разрез? — Док медлил, держа скальпель в дюйме от ее кожи.

Я чувствовала теплое дыхание над ухом: остальные теснились позади, стараясь разглядеть получше, но при этом не коснуться нас с доктором.

— Длины шрама достаточно.

— Точно? — засомневался док.

— Да... Ой, погоди-ка. — Док отступил.

Я поняла, что начала не с того. Руки дрожали — я же ничего не смыслила в ремесле Целителей... Не отрывая взгляда от тела Ищейки, я попросила:

— Джаред, принеси мне один из контейнеров.

— Конечно.

До меня донесся звук его шагов, а затем глухой металлический лязг — выбранный Джаредом контейнер стукнулся о соседние.

— Что теперь?

— Видишь круг на крышке? Нажми на него.

Послышалось тихое гудение: криоконтейнер ожил. Мужчины забормотали и зашаркали, отодвигаясь подальше от незнакомого устройства.

— Хорошо. Там сбоку должен быть переключатель... точнее, что-то вроде диска. Нашел?

— Да.

— Поверни его вниз, до конца.

— Хорошо.

— Каким цветом горит лампочка на крышке?

— Она... Из фиолетовой становится... голубой. Горит голубым.

Я вздохнула. Контейнеры работают.

— Отлично. Открой крышку и жди.

— Как?

— Там, чуть ниже, защелка.

— Нашел.

Щелчок — и механизм зажужжал.

— Холодно.

— А то.

— Как он работает? Где источник питания?

— Я знала ответ, когда была Пауком, — вздохнула я. — Теперь забыла. Док, приступай. Я готова.

— Ну, с Богом! — прошептал док, точным, почти изящным движением надрезая кожу. Кровь потекла из разреза, собираясь на полотенце, заранее подложенное доком.

— Чуть глубже. Под самый край.

— Да, вижу. — Док волновался. Сквозь красноту проглядывало серебро.

— Хорошо. А теперь поддержи волосы.

Док быстро скользнул на мое место. Он идеально соответствовал своему Призванию. Из него бы вышел отличный Целитель.

Я не скрывала от него своих действий — все равно без объяснений их ему не повторить. Аккуратно проведя по гребню крохотного серебряного существа, я почти полностью погрузила палец в теплое отверстие на шее носителя, отыскивала передние щупики и ощутила натяжение прочных нитей, уходящих в мозг. Я осторожно просунула подушечку под серебристое тельце, нащупала передний сегмент и продвинула палец дальше, вдоль густого сплетения натянутых нитей, мимо крохотных, не больше булавочной головки, пучочков. Углубившись примерно на треть, я остановилась. Можно было бы сосчитать все двести семнадцать соединений, но это займет слишком много времени. Есть другой способ. Мои пальцы ласково прикоснулись к крохотному гладкому выступу, который отличал это сплетение от остальных — скорее бусинка, чем булавочная головка. Легкими массирующими движениями я надавила. Души не понимают насилия — только ласку.

— Расслабься, — выдохнула я.

И хотя Душа меня не слышала, она послушалась: натяжение ослабло, нити провисли, скользнули, поспешно возвращаясь в крохотное тельце, которое слегка набухло, вбирая их в себя. Всего несколько ударов сердца — и процесс закончился. Я задержала дыхание, чувствуя, как под моими пальцами трепещет, рвется на свободу Душа. Я позволила ей подняться повыше, а затем нежно обхватила и подняла крохотное, хрупкое тельце — серебристую мерцающую кроху, влажную от крови, которая быстро стекала с гладкой поверхности.

Прекрасная Душа, имени которой я так и не узнала, серебристой волной колыбалась на моей ладони... очаровательная пушистая ленточка,

которая вызвала во мне почти материнскую нежность: я не могла ненавидеть Ищейку в этой форме.

— Сладких снов, кроха, — шепнула я.

Слева от меня тихонько гудел криоконтейнер. Джаред чуть наклонил его, и мне осталось лишь поднести Душу к отверстию, откуда шел ледяной воздух. Душа соскользнула внутрь. Я осторожно опустила крышку, осторожно перехватила контейнер, придала ему вертикальное положение и прижала к груди. Снаружи контейнер был комнатной температуры. Я стала его баюкать, как мать баюкает дитя.

Док уже сыпал «Разглаживание» на соединенные края раны лежащей перед нами незнакомки. Из нас вышла хорошая команда: одна занимается Душой, другой — телом. Каждый при деле.

Док поднял на меня полные радости и удивления глаза.

— Поразительно, — прошептал он. — Невероятно!

— Молодец, — тихонько прошептала я.

— Как думаешь, когда она проснется? — спросил док.

— Сколько хлороформа она вдохнула?

— Немного.

— Что ж, посмотрим, здесь ли она. Придется подождать...

Джаред бережно поднял безымянную женщину на руки, перевернул и уложил на соседнюю койку. Его нежность меня не трогала. Она предназначалась не мне, а человеку, Мелани...

Док пощупал ей пульс, заглянул под веки, посветил фонариком в безжизненные глаза и проверил реакцию на свет. Свет не отразился от зрачков, не ослепил дока. Они с Джаредом обменялись долгими взглядами.

— Получилось... — негромко произнес Джаред.

— Да, — согласился док.

Я не заметила, как рядом возник Джеб.

— Ловко ты это, — шепнул он. Я пожала плечами.

— Малость не по себе? — Я не ответила.

— Да, детка. Мне тоже. Мне тоже.

У меня за спиной Аарон с Брандтом возбужденно перебивали друг друга. Уж кто-кто, а они-то точно чувствовали себя прекрасно.

— Надо сказать остальным!

— Ты только представь...

— Давай сходим за...

— Пошли, я готов...

— Далеко собрались? — одернул Брандта Джеб. — Пока этот криоконтейнер в целости и сохранности не окажется на пути в космос,

никаких операций по извлечению Душ. Верно, Анни?

— Верно, — подтвердила я и крепче прижала к груди контейнер.

Брандт и Аарон угрюмо переглянулись.

Я решила, что нужно обзавестись союзниками. У меня были только Джаред, док и Джеб. И пускай они обладали здесь наибольшим влиянием, дополнительная поддержка мне бы не помешала. Пора поговорить с Иеном... Не только с Иеном, разумеется, но с ним — в первую очередь. Внутри все сжалось, сердце заныло. С тех пор как я оказалась среди людей, мне приходилось делать много неприятных вещей, но ни разу еще мне не было так горько и больно. Даже решение выменять мою жизнь на жизнь Ищейки — а оно далось нелегко — оказалось проще принять, потому что я понимала: в перспективе так будет лучше для всех. Необходимость мучительного, невыносимого прощания с Иеном заслоняла перспективу. Хотелось найти хоть какой-нибудь способ уберечь Иена от боли. Способа не существовало.

Хуже этого было только предстоящее прощание с Джаредом, которое разбередит раны и разорвет сердце — потому что Джаред боли не почувствует. Он обрадуется, а если и пожалеет обо мне, то лишь самую малость.

Что же касается Джейми... я решила, что за меня с ним попрощается Мел.

— Анни! — резко окликнул меня док, склонившийся над койкой незнакомки.

Крохотная смуглая рука, недавно безжизненно свисавшая с края, сжалась в кулак.

— А-а! — раздался стон. Знакомый голос Ищейки... — А-а...

Комната погрузилась в тишину. Все смотрели на меня, словно я лучше всех разбиралась в реакциях людей.

Не выпуская из рук криоконтейнер, я подтолкнула дока локтем.

— Поговори с ней, — прошептала я.

— Э-э... Привет? Вы меня слышите... мисс? Вы в безопасности. Вы меня понимаете?

— А-ах! — застонала девушка. Ее глаза распахнулись и быстро нашли лицо дока. Судя по виду, дискомфорта она не испытывала — «От боли» по-прежнему творило чудеса. Взгляд черных, как оникс, глаз заметался по комнате. Незнакомка заметила меня, узнала, нахмурилась и посмотрела на дока.

— Что ж, приятно снова вернуть свою голову, — сказала она ясным громким голосом. — Спасибо.

Глава 53

Обреченность

Носителя Ищейки звали Лэйси — нежное, мягкое, женственное имя. Лэйси. Как и размеры, оно не подходило хозяйке. Все равно что назвать питбуля Пушком.

Лэйси была не менее голосистой, чем Ищейка, и такой же занудной.

— Вы уж простите, что вам приходится меня выслушивать. — Как будто у нас был выбор! — Я столько лет провела взаперти! Кричала, кричала, но никто меня не слышал. Столько всего накопилось!

Да уж, повезло нам. Я была почти рада, что скоро покину это место. Заодно выяснилось, что я по-прежнему испытывала к ней отвращение, хотя теперь из глаз Ищейки на меня смотрело другое сознание. Потому что, как оказалось, большой разницы в характере Ищейки и ее носителя не было.

— Вот поэтому мы тебя и невзлюбили, — заявила Лэйси в первую же ночь, продолжая говорить о себе во множественном числе. — Как только она поняла, что ты слышишь Мелани, совсем как она — меня, Ищейка перепугалась. Она подумала, что ты догадаешься о ее сокровенной тайне. — Лэйси хрипло хихикнула. — У нее не получалось заткнуть мне рот, поэтому она и стала Ищейкой: надеялась, что это ей поможет. А потом она попросила, чтобы ее прикрепили к тебе следить, как ты справляешься. Она ревновала: ну не дура ли? Ей хотелось быть сильной, как ты. Мы вообще прибалдели, когда Мелани вроде как победила. Только мне кажется, на самом деле победила ты. А что ты здесь делаешь? Почему помогаешь мятежникам?

Я неохотно объяснила, что мы с Мелани подружились. Лэйси это не понравилось.

— Почему? — спросила она.

— Мел добрая.

— Но почему она подружилась с тобой? «По той же причине».

— Мелани говорит, что по той же самой причине.

— Мозги ей промыла, да? — фыркнула Лэйси. «Ух ты, да она похуже, чем первая».

«Да уж, — согласилась я. — Теперь понятно, почему Ищейка так себя вела: постоянно таскать в голове эту дамочку — занятие не из приятных».

Лэйси не нравилась не только я.

— Вы что, не могли найти места получше, чем эти пещеры? Тут же грязно. Может, какой-нибудь дом? То есть как это, по двое в комнате? Какое еще расписание? Не понимаю. Мне что, придется работать? Нет, мне кажется, это вы не понимаете...

На следующий день Джеб устроил ей обычную экскурсию, сквозь зубы объясняя, как мы тут живем. Мы с Иеном и Джейми обедали на кухне, Джеб провел Лэйси мимо и выразительно посмотрел на меня, словно спрашивая, почему я не позволила Аарону ее пристрелить.

Лэйси сопровождали толпы народу: всем хотелось собственными глазами увидеть чудо. Похоже, мало кого волновал ее «трудный» характер — Лэйси везде встречали с распростертыми объятиями. Я ощутила укол ревности. Но ревновать было глупо — Душа не способна ревновать к человеку. Лэйси олицетворяла собой надежду. Ее приняли в семью, и Лэйси пробудет здесь еще долгое время после того, как меня не станет.

«Повезло тебе», — саркастически прошептала Мелани.

Поговорить с Иеном и Джейми о случившемся оказалось куда проще — ни тот, ни другой, пусть и по разным причинам, ничего не заподозрили и не догадывались, что мне придется уйти.

Джейми, в отличие от остальных, относился к нам с Мел как к единому целому. Своим юным, открытым умом он воспринял существование двух личностей в одном теле как факт. Для него мы были двумя людьми. Он, так же как и я, чувствовал присутствие Мел. Он не скучал по ней, зная, что она рядом, и не задумывался о необходимости нашего разделения.

Однако я совершенно не представляла себе, почему не догадался Иен. Может быть, его захватили открывшиеся перед человечеством возможности, перемены, которые ожидали сообщество людей? Если раньше они думали, что рано или поздно их поймут, то теперь появился способ вернуться. Иену казалось естественным, что я спасла Ищейку — это соответствовало его представлениям обо мне. Возможно, верным представлениям. Или же у Иена просто не было времени подумать, осознать всю очевидность происходящего, потому что его отвлекли — и, вдобавок, разозлили.

— Давно надо было его прибить, — бушевал Иен, пока мы собирали вещи, готовясь к вылазке. Моей последней вылазке... Я старалась об этом не думать. — Нет, лучше бы мама утопила его сразу после рождения!

— Он же твой брат.

— Не напоминай. Мне и так хреново.

Все злились на Кайла. Губы Джареда были сжаты в тонкую сердитую

линию, а Джеб чаще, чем обычно, поглаживал ружье. Джеб с нетерпением готовился к рейду: намечалась его первая вылазка со времени моего здесь появления, и он хотел увидеть космодром вблизи. Но из-за Кайла мы все оказались под угрозой. Джеб решил остаться в пещерах и теперь ходил мрачнее тучи.

— Торчи здесь теперь с этой... — бормотал он себе под нос, в очередной раз полируя ствол ружья (Джеб был не в восторге от нового члена нашего сообщества). — Опять все пропущу!

Все знали, где находится Кайл. Как только до него дошло, что Ищейка чудесным образом трансформировалась в девушку Лэйси, он выскользнул через задний ход. Вместо того чтобы собрать отряд единомышленников и требовать казни Ищейки, Кайл как сквозь землю провалился. В его отсутствие Джеб быстро приструнил всех недовольных, а я не расставалась с контейнером и спала чутко, положив его под голову вместо подушки. Вскоре выяснилось, что джипа нет на месте, и Иен логически связал пропажу машины с исчезновением Кайла.

— Он поехал за Джоди! — простонал Иен. Надежда и отчаяние. Я дала им первое, Кайл обеспечил второе. Неужели из-за него все пойдет прахом?

Джаред и Джеб хотели отложить вылазку до тех пор, пока не выяснится, что с Кайлом все в порядке — на это ушло бы дня три, если Джоди все еще жила в Орегоне.

Существовала еще одна тайная пещера, намного меньше размером и без воды, а потому эвакуировать людей в случае опасности можно было только на время. Все горячо обсуждали, стоит ли начинать переезд немедленно или лучше подождать.

Но я торопилась: люди с любопытством разглядывали серебристый контейнер у меня в руках, перешептывались. Чем дольше я держала здесь Ищейку, тем реальнее был шанс, что ее кто-нибудь прикончит. Познакомившись с Лэйси, я начала жалеть Ищейку — она на самом деле заслужила спокойную, безмятежную жизнь на планете Цветов.

Как ни странно, но именно Иен меня поддержал и убедил остальных поспешить с вылазкой. Он не догадывался, к чему это приведет. Я же была ему благодарна за то, что он убедил Джареда поехать со мной, не дожидаясь Кайла. И еще за то, что Иен вернулся к роли телохранителя. Только Иену я могла доверить блестящий ящичек, только ему разрешалось держать в руках хрупкую жизнь, которая нуждается в защите, которую кто-то любит и ждет. Иен мог думать о ней с теплотой, как о друге. Он стал моим лучшим союзником. Я радовалась, что он не догадывается о моих

планах — хоть на время, но это спасало его от боли.

Приходилось спешить, на случай, если Кайл все испортил. Мы отправились в Месу, юго-восточный пригород Финикса, где находился космодром и несколько Лечебниц. То, что нужно: я хотела дать моим людям как можно больше, пока я тут. Если нам удастся захватить Целителя, то его памятью сможет воспользоваться освобожденный носитель — такой человек разбирался бы в лекарствах, знал бы, как их применять, и владел бы информацией о том, где хранятся запасы. Доку бы это понравилось. Я представляла себе, сколько у него накопилось вопросов.

Но сначала мы отправились на космодром.

Жаль, конечно, что Джеб не с нами, но у него еще будет возможность здесь побывать, и не одна. Несмотря на темноту, множество небольших тупоносых ракетшаттлов сновали непрерывным потоком, заходя на посадку и взлетая.

Я сидела за рулем старенького фургона, остальные расположились в кузове, а Иен присматривал за контейнером. Я объехала поле, держась подальше от переполненного местного терминала. Межпланетные корабли взлетали с космодрома намного реже — они стояли чуть в стороне, и ни один пока не готовился к отправке.

— На каждом корабле написано название рейса, — объяснила я своим спутникам, затаившимся в темном кузове. — Так вот, это важно. Нам не нужны корабли, которые летят на планету Летучих мышей или на планету Водорослей — эти планетные системы находятся слишком близко, за десять лет можно долететь туда и вернуться на Землю. Планета Цветов расположена дальше всех, на полет к Дельфинам, Медведям или Паукам уйдет не меньше века. Вот эти планеты и нужно выбирать. — Я медленно подъезжала поближе к аппаратам. — Это легко. Здесь много разного транспорта, и нас не заметят. О! Грузовик с контейнерами! Джаред, помнишь, мы видели такой же в больнице? Там человек на погрузчике... Он их сгружает... — Я поехала еще медленнее, пытаясь разглядеть получше. — Да, вот на этот корабль. Прямо в открытый люк. Сейчас сделаю круг и вернусь, как только он окажется внутри корабля. — Я наблюдала за происходящим в зеркало заднего вида. Возле трубы, соединявшей верх корабля с терминалом, висела табличка. Я улыбнулась, прочитав слово задом наперед. Пунктом назначения этого корабля была планета Цветов. Словно по заказу.

Грузчик скрылся внутри, и я развернула фургон.

— Приготовьтесь! — Я остановилась под цилиндрическим крылом соседнего гигантского корабля, всего в трех-четыре ярдах от грузовика с

контейнерами. Чуть дальше, у старой взлетно-посадочной полосы, работали техники. Прекрасно — я стану еще одной фигурой в ночи.

Я заглушила мотор и вылезла из фургона, стараясь держаться непринужденно, словно работник, занятый делом. Со скрипом распахнулась задняя дверца фургона: индикатор на крышке криоконтейнера светился красным — Душа по-прежнему внутри. Я осторожно подняла контейнер, захлопнула дверцу и не спеша направилась к открытому кузову грузовика. Сердце отчаянно стучало: эта затея, кажется, опаснее, чем выполнение «задания» в Лечебнице. Я заволновалась: пойдут ли люди на такой риск?

«Я тебя не подведу, сама прослежу за всем. А может, ты все-таки передумаешь нас покидать?»

«Спасибо, Мел!»

Пришлось сделать над собой усилие и не оборачиваться на открытый люк, в котором исчез мужчина. Я бережно поставила контейнер в верхний ряд, к сотням таких же.

— Прощай, — прошептала я. — Удачи тебе на следующей планете.

Стараясь не срываться на бег, я направилась обратно к фургону.

Когда я выезжала из-под большого корабля, в фургоне все притихли. У меня бешено колотилось сердце, но я медленно развернула машину и поехала обратно. В зеркале заднего вида отражался по-прежнему пустой люк. Вскоре корабль скрылся из виду — грузчик так и не появился.

Иен забрался на пассажирское сиденье.

— Кажется, ничего сложного.

— Повезло со временем. В следующий раз вам, возможно, придется ждать дольше.

Иен взял меня за руку.

— Ты наш талисман. Теперь, когда она в безопасности, тебе легче?

— Да.

Он вздрогнул, уловив неожиданную фальшивую нотку в моем голосе. Я не стала смотреть ему в глаза.

— А теперь — за Целителями...

Всю дорогу до небольшой Лечебницы Иен молчал.

Я думала, что второе задание окажется опаснее, сложнее. Было решено, что я попытаюсь выманить пару Целителей под предлогом, что в фургоне меня ждет раненый друг: старая уловка, которая безотказно сработает на доверчивых, не ожидающих подвоха Душах.

В итоге мне даже не пришлось заходить внутрь. На парковке два Целителя среднего возраста садились в машину. Мужчина и женщина в

сиреновой форме собирались ехать домой — видно, их смена закончилась. Автомобиль стоял у торца здания. Рядом никого не было.

Иен напряженно кивнул. Я остановила фургон за их машиной, открыла дверцу и выскочила наружу. Целители удивленно на меня посмотрели. В глазах у меня стояли слезы, голос хрипел, и это помогло их одурачить.

— Мой друг в фургоне... Я не знаю, что с ним!

Целители мгновенно бросились на помощь, и я поспешила открыть заднюю дверцу. Иен обошел фургон, Джаред приготовил хлороформ... Дальше смотреть я не стала.

Все заняло считанные секунды: Джаред втащил обмякшие тела внутрь, а Иен захлопнул дверцы. Секунду Иен смотрел на мое заплаканное лицо, а затем сел за руль. Я устроилась рядом.

— Прости, Анни. Я знаю, как тебе тяжело... — Иен взял меня за руку.

— Да.

Он сжал мне пальцы, не представляя, как мне тяжело, и по каким — очень разным — причинам.

— Все прошло хорошо. Из тебя вышел отличный талисман.

Да, оба задания выполнены без сучка без задоринки, все прошло как по маслу. Судьба меня подгоняла.

Иен свернул обратно на шоссе. Через несколько минут вдали показалась знакомая яркая вывеска. Я вздохнула поглубже и вытерла глаза.

— Иен, можно тебя кое о чем попросить?

— Все, что пожелаешь.

— Хочу бургер.

— Да запросто, — рассмеялся Иен.

Мы заехали на парковку, поменялись местами, и я подъехала к окошку приема заказов.

— Ты что будешь? — спросила я Иена.

— Ничего. Дай покайфовать: хоть посмотрю, как ты делаешь что-то для себя. В кои-то веки.

Я не улыбнулась. Для меня это было чем-то вроде последнего обеда приговоренного. Я больше никогда не покину пещеры.

— Джаред, а ты?

— То же, что и ты, только двойную порцию.

В итоге я заказала три чизбургера, три пакетика картошки и три клубничных коктейля. Мы с Иеном снова поменялись местами, чтобы я могла спокойно поесть, пока он ведет машину. Я обмакнула хрустящую картофельную соломинку в клубничный коктейль.

— Фу! — скривился Иен.

— Попробуй. Это вкусно. — Я предложила ему обильно смоченную коктейлем палочку.

Он пожал плечами, отправил угощение в рот и разжевал.

— Интересно... — Я рассмеялась.

Мелани тоже считала, что это гадость, поэтому-то я и выработала эту привычку: давилась, но ела. Как вспомню... я же из кожи вон лезла, чтобы ее позлить. Смешно. На самом деле я не особо проголодалась, просто захотелось напоследок оживить в памяти знакомый вкус и запах. Иен доел за мной половинку чизбургера.

Домой мы добрались без происшествий, не заметили никаких признаков наблюдения или Ищеек. Наверное, они признали, что произошел несчастный случай, и пришли к выводу, что это неизбежно: если долго бродить по пустыне, то рано или поздно жди беды. На планете Туманов ходила похожая поговорка: «Пересеки слишком много ледяных полей и окажешься в животе у грызодера». Как-то так. На медвежьем это звучало красивее. Нас ждал теплый прием.

Я робко улыбнулась товарищам: Трудю, Джефри, Хиту и Хайди. Настоящих друзей оставалось все меньше — нет больше Уолтера и Уэса, Лили куда-то пропала... Мне взгрустнулось. Может быть, мне не хотелось жить на этой печальной планете, где так много потерь? Может, лучше небытие?

Меня расстроила еще одна деталь — пустяк, конечно, но все же... Люсина, Рид и Виолетта стояли рядом с Лэйси и оживленно болтали — судя по всему, расспрашивали новенькую. Лэйси держала на руках Фридома, который ошалел от счастья, что его допустили к разговору взрослых, и даже не пытался слезть. Меня до сих пор и близко не подпускали к ребенку, а Лэйси уже стала своей. Ей доверяли.

Мы направились напрямик к южному туннелю. Джаред с Иеном пыхтели, пригнувшись под весом Целителей. По лицу Иена струился пот: Целитель мужчина весил немало. Джеб разогнал собравшихся у входа в пещеру и присоединился к нам.

Док ждал нас в больнице, рассеянно потирая руки. Казалось, время летит все быстрее. Горела самая яркая лампа. Целителям дали «От боли» и ничком уложили на койки. Джаред обучил Иена обращению с контейнерами. Иен поморщился, когда из контейнера повеяло леденящим холодом. Док разложил лекарства рядом и со скальпелем в руке склонился над женщиной.

— Анни? — спросил он. Сердце мучительно сжалось.

— Док, ты клянешься? Все мои условия? Поклянешься жизнью?

— Клянусь. Я выполню все твои условия, Анни. Клянусь жизнью.

— Джаред?

— Да. Больше никаких убийств, никогда.

— Иен?

— Анни, я их защищу ценой собственной жизни.

— Джеб?

— Это мой дом. Любой, кто нарушит наш договор, будет изгнан.

Я кивнула, к глазам подступили слезы.

— Ладно. Давайте покончим с этим.

Глаза дока вновь загорелись: он занялся разрезом. Наконец внутри показался серебряный блеск, и доктор быстро отложил скальпель.

— Что теперь?

Я положила свою ладонь поверх его.

— Вдоль заднего гребня... Чувствуешь? Нащупай очертания сегментов. Чем ближе к передней части, тем меньше они становятся. Так, на конце ты нащупаешь три... бугорка. Нащупал?

— Да, — выдохнул он.

— Хорошо. Это внешние щупики. Начинай от них. Теперь очень нежно просунь палец под тельце. Найди ряд сплетений нитей — они натянуты, как провода.

Док кивнул.

Я направила его руку, рассказала, как пересчитать узелки, если возникнут сомнения. У нас не было времени считать, потому что кровотечение не прекращалось. Я точно знала, что женщина, в которую внедрили Целителя — если она очнется, конечно, — нам поможет: существуют же кровоостанавливающие средства. Я помогла доктору нащупать самый крупный узелок.

— А теперь мягко потри, по направлению к тельцу. Легонько помассируй.

В голосе дока вдруг появились визгливые, панические нотки.

— Оно шевелится.

— Значит, ты все делаешь правильно. Дай ему время убрать щупики. Подожди, пока оно немного расслабится, а потом бери.

— Хорошо. — Голос дока дрожал. Я потянулась к Иену.

— Дай мне руку.

Пальцы Иена сплелись с моими. Я сложила его ладонь лодочкой и потянула поближе к тому месту, где проходила операция.

— Дай Душу Иену... Пожалуйста, осторожнее.

Из Иена выйдет превосходный ассистент — кто еще с такой

нежностью отнесется к моим родственникам, когда меня не станет?

Док опустил Душу на раскрытую ладонь и тут же занялся человеческим телом.

Иен смотрел на серебристую ленточку, трепещущую в его руке, и его лицо не выражало гадливости — скорее изумление. Я наблюдала за ним, и в груди разливалось тепло.

— Она красивая, — удивленно прошептал он. Независимо от его чувств ко мне, он наверняка ожидал увидеть паразита, многоножку, монстра. Он не подготовился к красоте.

— Я тоже так думаю. Давай-ка запустим ее в контейнер.

Иен на секунду задержал Душу в ладони, словно пытаясь запечатлеть в памяти ощущения, а потом с трогательной нежностью отпустил ее в холод.

Джаред защелкнул крышку контейнера. У меня словно гора с плеч свалилась: дело сделано, время менять решение прошло. Я больше не сомневалась: когда меня не станет, эти четверо позаботятся об извлеченных Душах не хуже меня.

— Осторожно! — воскликнул Джеб и схватил ружье, направив его на кого-то рядом с нами.

Джаред выронил контейнер и прыгнул на Целителя, который сидел на койке и ошарашенно рассматривал нас.

Иен хладнокровно сжимал контейнер с Душой Целительницы.

— Хлороформ! — Джаред схватил Целителя, пытаясь вжать его в койку, но не успел.

Целитель ошеломленно уставился на меня, и на его лице появилось детское, беспомощное выражение. Лучи фонаря отражались от наших с ним глаз, по стенам плясали ромбовидные зайчики.

— Почему? — спросил меня Целитель; лицо его разгладилось, а тело безвольно осело на койку. Две струйки крови вытекли из ноздрей.

— Нет! — Я бросилась к обмякшему телу, понимая, что уже слишком поздно. — Нет!

Глава 54

Забвение

— Элизабет? — спрашивала я. — Энн? Карен? Как тебя зовут? Ну же. Я знаю, ты помнишь.

Тело Целительницы безвольно обмякло на койке. Прошло много времени — я точно не знала, сколько. Всю ночь я провела на ногах. С рассветом док убрал брезент с потолка, и теплые лучи солнца падали сквозь отверстия в потолке, ласкали кожу. Я подвинула безымянную женщину, чтобы свет не раздражал ей глаза, легонько коснулась ее лица и убрала со лба шелковистые каштановые с проседью волосы.

— Джули? Бриттани? Анжела? Патриция? Как же тебя зовут? Поговори со мной, пожалуйста!

Док тихонько похрапывал на одной из коек в темном углу лазарета, остальные давно ушли. Кто-то отправился хоронить мужчину, которого мы потеряли. Я содрогнулась, вспомнив его недоуменный вопрос и как вдруг погасли его глаза.

«Почему?» — спросил он.

Как жаль, что он не дождался ответа: я бы попыталась объяснить, и, возможно, он бы даже понял. В конце концов, разве есть что-то важнее любви? Для Души любовь — смысл существования. Именно любовь всегда была и будет моим ответом. Может, если бы он подождал, он бы тоже дошел до этой истины и не отнял бы жизнь у человеческого тела.

Впрочем, требование вернуть тело, вероятно, показалось бы ему бессмысленным. Это было его тело, а не какая-то отдельная сущность. В понимании Целителя самоубийство не означало убийства — оборвалась только одна жизнь. И, возможно, он был прав. По крайней мере, обе Души выжили. Индикатор на его контейнере тускло мерцал красным — величайшее свидетельство человеческой преданности. Люди сохранили ему жизнь.

— Мэри? Маргарет? Сьюзан? Джилл?

Все ушли, оставив меня со спящим доком и телом женщины, а в воздухе по-прежнему витало напряжение: женщина не просыпалась, хотя действие хлороформа давно прошло. Незнакомка дышала, сердце билось, но все попытки дока пробудить ее окончились ничем. Может, было слишком поздно? Мы ее потеряли? Она умерла? Умерла, как тело

мужчины? Может, все они умерли и их давно нет? Может, остаются только редкие исключения вроде Мелани и Лэйси — непокорные бунтари да крикливые, вздорные создания? Может, носитель Ищейки — аномалия? Вернется ли Мелани, как вернулась Лэйси, или... или даже это под вопросом?

«Я не ушла. Я здесь», — возразила Мелани. Она тоже устала.

«Да, ты здесь. И ты здесь останешься», — пообещала я. Я со вздохом возобновила попытки. Попытки, обреченные на неудачу?

— Я знаю, у тебя есть имя, — сказала я женщине. — Ребекка? Александра? Оливия? Или что попроще... например, Джейн? Джин? Джоан?...

«Лучше, чем ничего, — хмуро думала я. — По крайней мере, я подсказала им, что делать, если их поймают. Хотя бы бунтарям да баламутам помогла».

Этого было недостаточно.

— С тобой каши не сваришь! — Я обхватила руку незнакомки обеими ладонями и принялась растирать. — Хотя бы попробуй, ладно? Моим друзьям и так несладко. Давай их порадуем? И Кайл еще пропал... Мы же не сможем всех эвакуировать, а тебя оставить тут. Я знаю, ты хочешь помочь. Они ведь твоя семья, понимаешь? Люди, как и ты. Хорошие люди. Ну, в большинстве своем хорошие. Тебе понравятся!

Мягко очерченное лицо оставалось безучастным, сознание не возвращалось. Она была красива неброской красотой — аккуратный овал лица, правильные черты. Лет сорок пять, не старше: застывшие черты не позволяли определить точнее.

— Ты им нужна, — умоляла я. — Ты можешь им помочь, ведь ты столько всего знаешь! Док совсем выбился из сил. Док хороший. Ты ведь была Целителем, а значит, в тебе наверняка осталась толика сострадания. Думаю, тебе понравится док. Тебя зовут Сара? Эмили? Кристин?

Я погладила нежную щеку. Никакой реакции! Я снова взяла ее безвольную руку. Сквозь трещины в высоком потолке было видно синее небо. Мысли блуждали.

— Интересно, как они поступят, если Кайл не вернется. Сколько они будут прятаться? Придется ведь искать новый дом, а это непросто, ведь людей много. Хотела бы я им помочь, только как?... Может быть, они смогут остаться... А вдруг у Кайла все получится?

Я горько рассмеялась, подумав о его шансах. Кайл не отличался осторожностью. Наверное, пока все не устаканится, я еще поживу. Если Ищейки устроят облаву, людям пригодятся мои не вызывающие

подозрений глаза. Может, даже придется остаться надолго — эта мысль грела сильнее, чем яркие лучи полуденного солнышка. Я поблагодарила Кайла за спешку и сумасбродство. Сколько времени пройдет, прежде чем можно будет с уверенностью сказать, что опасность миновала?

— Интересно, здесь случаются морозы? Я почти забыла, каково это — мерзнуть. А если пойдет дождь? Наверняка иногда здесь бывают дожди! Тут столько дыр в крыше, нас же зальет. И где тогда спать? — Я вздохнула. — Может, когда-нибудь я выясню сама. Хотя вряд ли. Разве тебе не интересно? Ни капельки? Если проснешься, узнаешь ответы на все вопросы. Мне вот интересно. Может, Иена спросить? Представляю, как здесь все изменится... Забавно. Лето же не может длиться вечно.

Мои мысли витали где-то далеко, уносясь от лежащей на койке женщины в страну под названием «Меланхолия», где в последнее время я стала привычным гостем.

И вдруг пальцы незнакомки шевельнулись. Это едва заметное движение застало меня врасплох. Я уставилась на нее... Видимо, померещилось: ее рука по-прежнему была безжизненной, лицо ничего не выражало. Ну точно, показалось.

— Я упомянула что-то интересное? О чем я говорила? — быстро размышляла я, глядя на ее лицо. — О дожде? Или о переменах? Перемены... Тебя ведь ждут большие перемены, верно? Только сперва желательно проснуться.

Лицо оставалось бесстрастным, рука не двигалась.

— Значит, перемены тебя не интересуют. Что ж, не могу тебя винить. Я тоже не хочу, чтобы произошли перемены. Ты как я? Тоже хочешь, чтобы лето не кончалось?

Не следи я пристально за ее лицом, и не заметила бы, как легонько дрогнули веки.

— Значит, тебе нравится лето? — с надеждой спросила я. Ее губы затрепетали. — Лето?

Рука задрожала.

— Значит, вот как тебя зовут: Лето! Лето, да? Красивое имя.

Рука сжалась в кулак, губы разомкнулись.

— Возвращайся, Лето. Я знаю, ты можешь! Послушай меня. Открой глаза, Лето.

Она заморгала.

— Док! — окликнула я. — Док! Проснись!

— Что случилось?

— Кажется, она приходит в себя. Не спи, Лето! Ты можешь. Я знаю,

это сложно... Лето, Лето, Лето. Открой глаза.

Она поморщилась — от боли?

— Принеси «От боли», док. Быстрее.

Женщина сжала мою руку, ее глаза распахнулись. Сперва взгляд не желал фокусироваться, блуждая по залитой солнцем пещере. До чего странным и непривычным, наверное, показалось ей это место!

— Все будет хорошо, Лето. Ты поправишься. Лето, ты меня слышишь?

Ее взгляд метнулся ко мне, зрачки сузились, она уставилась на меня, отпрянула и завертелась на койке, словно ища выход. Низкий, хриплый, полный ужаса крик сорвался с ее губ.

— Нет, нет, нет! — кричала она. — Не надо больше!

— Док!

Доктор стоял по другую сторону койки, как на операции.

— Все в порядке, мэм, — заверил он. — Вас здесь никто не обидит.

Женщина зажмурилась и прильнула к тонкому матрасу.

— Кажется, ее зовут Лето. — Док окинул меня взглядом.

— Анни, глаза, — выдохнул он.

Солнечный свет падал мне на лицо.

— О-о! — Я выпустила ее руку.

— Пожалуйста, не надо, — взмолилась женщина. — Хватит!

— Ш-ш-ш, — прошептал док. — Лето? А я — док. Тебя не тронут. Все будет хорошо.

Я скользнула в тень.

— Не называйте меня так! — всхлипывала женщина. — Это ее имя! Не мое! Не произносите его!

Я ошиблась с именем!

«Ты не виновата. Девушку вполне могли звать Лето», — возмутилась Мелани.

— Не будем, — пообещал док. — А как тебя зовут?

— Я... я не знаю, — завывала она. — Что случилось? Кем я стала? Не заставляйте меня быть кем-то другим!

Она заметалась на койке.

— Успокойся. Все будет хорошо, обещаю. Отныне ты всегда будешь собой и вспомнишь свое имя. Память вернется.

— Кто ты? — воскликнула женщина. — Кто она? Она... Она такая, как я была раньше. Я видела ее глаза.

— Я доктор, можно док. Я человек, так же как и ты. Видишь? — Он повернул лицо к свету и моргнул. — Мы — это мы. Здесь много людей. Они с удовольствием с тобой познакомятся.

Она снова задержалась.

— Люди! Я боюсь людей!

— Нет, не бойся. Та... личность, что находилась прежде в твоём теле, боялась людей. Она была Душой, помнишь? А теперь вспомни, что происходило до нее? Ты была человеком, и ты снова им стала.

— Я не помню своего имени, — в ужасе проговорила она.

— Ничего, память к тебе вернется.

— Вы врач?

— Да.

— А я... я тоже была... Целителем. Как врач. Ее звали Песня лета. Кто я?

— Мы это выясним. Обещаю.

Я скользнула к выходу. Пусть лучше доку поможет Труди или Хайди — кто-нибудь, чье лицо не будет ее тревожить.

— Она не человек! — торопливо шепнула женщина доку, заметив меня.

— Она друг. Не бойся. Она помогла мне тебя вернуть...

— А где Песня лета? Она испугалась... Люди...

Я выскользнула из комнаты, но услышала ответ дока на ее вопрос.

— Она полетит на новую планету. Ты помнишь, где она жила перед тем, как прилетела сюда?

Я догадывалась, что она ответит: имя говорило само за себя.

— Она была... Летучей мышью? Она умела летать... и петь... Я помню... Но это происходило не здесь. Где я?

Я поспешила по коридору за помощью. В большой пещере горел свет — странно, потому что голосов я не слышала. Обычно сперва доносились голоса, а потом уже появлялся и свет. В самый разгар дня на огороде наверняка кто-то был — или хотя бы проходил мимо.

Яркое полуденное солнце освещало совершенно пустую пещеру. Свежие темно-зеленые усики мускусных дынь казались темнее пересохшей земли. Бочка полна воды, меж грядок валялись шланги, но огород никто не поливал.

Я прислушалась. В огромной пещере стояла мертвая, зловещая тишина. Куда все подевались? Может, эвакуацию провели без меня? Я ощутила внезапный приступ паники. Нет, дока бы ни за что не бросили! Захотелось кинуться обратно по темному туннелю, проверить, не исчез ли док вслед за остальными.

«Дурочка, без нас они никуда не уйдут — ни Джаред, ни Джейми, ни Иен не позволят нас бросить».

«Ты права. Пойдем посмотрим на кухне?»

Я вприпрыжку побежала по безмолвному коридору, тревожась все больше и больше, потому что по-прежнему слышала только громкий стук в висках. Возможно, у меня просто разыгралось воображение. Ну конечно, должна же я слышать хоть какие-то звуки. Надо успокоиться.

Кухня тоже оказалась пустой. На столах стояли тарелки с недоеденным обедом: арахисовое масло, остатки свежего хлеба, яблоки, банки с теплой газировкой. Желудок напомнил о себе: сегодня я ничего не ела, но почти не ощущала голода. Страх был намного сильнее.

«Что если... все эвакуировались, а мы просто не успели?»

«Нет! — вздохнула Мел. — Нет, мы бы что-нибудь услышали! Кто-нибудь сказал бы... Нас бы все искали. Без нас не ушли бы, не может этого быть».

«Может, они сейчас нас ищут».

Я развернулась и бросилась к выходу, вглядываясь в каждую тень. Нужно предупредить дока и побыстрее отсюда выбираться.

«Нет! Они не могли уйти!»

Джейми, Джаред... Их лица ясно стояли передо мной, словно запечатленные на внутренней поверхности век. Лицо Иена... Я добавила к образам Мелани свои: Джеб, Труд, Лили, Хит, Джефри.

«Мы их вернем, — пообещала я. — Выследим по одному и вернем! Я не позволю отнять у меня семью!»

Если у меня и оставались сомнения, в этот миг я их отбросила. За все мои жизни я не чувствовала такой решимости и злобы. Я заскрежетала зубами. И тут из коридора донесся долгожданный шум голосов. Я затаила дыхание, прильнула к стене, скользнула в тень и замерла, прислушиваясь.

«В пещере с огородом. Слышно по эху».

«Похоже, их много».

«Да. Только твои или мои?»

«Наши или чужие», — поправила она.

Я кралась по коридору, стараясь держаться в тени. Теперь голоса звучали отчетливее, и некоторые показались нам с Мел знакомыми. Что бы это значило? Сколько времени понадобится опытной Ищейке, чтобы провести введение?

У входа в большую пещеру я наконец разобрала голоса. У меня словно гора с плеч свалилась: точно такой же гул я слышала в день моего появления в пещерах — гул рассерженных, кипящих от ярости голосов.

Разговаривали люди. Судя по всему, вернулся Кайл.

Я выскочила на свет, и облегчение смешалось с болью: облегчение,

потому что мои люди были в безопасности, а боль... Раз Кайл благополучно вернулся, значит...

«Анни, ты все равно им нужна. Куда больше, чем я».

«Мел, я не сомневаюсь, что найду тысячу причин остаться. Всегда найдется повод».

«Тогда останься».

«Чтобы ты была моей пленницей?»

Мы перестали спорить, вовлеченные в общую суматоху. Кайл вернулся. Я сразу же его заметила: на голову выше остальных, он стоял лицом ко мне, прижатый к стене разъяренной толпой. Шумели все вокруг, кроме самого виновника. Выражение лица Кайла было просящим, примирительным. Он развел руки в стороны, словно пытаясь кого-то или что-то заслонить.

— Успокойтесь, ладно? — Густой бас Кайла перекрыл царившую вокруг какофонию. — Джаред, отойди, ты ее пугаешь!

Мелькнули темные волосы — незнакомое лицо с испуганными черными глазищами выглядывало из-за его плеча.

Джаред, побагровевший от возмущения, находился ближе всех к Кайлу. Ни дока, ни Джеба видно не было.

Джейми повис у Джареда на руке, пытаясь удержать. Иен скрестил руки на груди, напряг плечи. Толпа сердито гудела: люди напирали сзади, перекрикивали друг друга.

— О чем ты думал?

— Как только наглости хватило?

— Мог бы и не возвращаться.

Посреди толпы, рядом с Мэгги, виднелась яркая шевелюра Шэрон. С тех пор как мы с доком вылечили Джейми, мать и дочь почти не принимали участия в жизни сообщества, и странно было видеть их в гуще событий.

«Это из-за драки, — догадалась Мел. — Нет, ну ты посмотри: когда все радовались, они нос воротили, а как склока — тут как тут».

Я подумала, что она, вероятно, права... Как печально...

До меня донесся визгливый голос: Лэйси тоже нападала на Кайла.

— Анни? — Голос Кайла снова разнесся над гулом, взгляд его голубых глаз был прикован ко мне. — Вот ты где! Помоги мне, пожалуйста...

Глава 55

Привязанность

Джеб выступил откуда-то из укромного уголка и расчистил мне путь, орудуя ружьем, как посохом, — он расталкивал людей в стороны, словно пастух, который разгоняет стадо овец.

— Хватит, — осадил он тех, кто еще жаловался. — У вас еще будет возможность задать ему трепку. У каждого будет. Давайте сперва разберемся с главным. Уйди с дороги, говорю!

Шэрон с Мэгги поджали губы и, бросая на Кайла испепеляющие взгляды, потихоньку стали пробираться к выходу. Скорее всего, причиной тому послужило мое появление.

Последними Джеб сдвинул с дороги Иена и Джареда. Проходя мимо, я коснулась их рук, надеясь хоть немного их успокоить.

— Ладно, Кайл, — сказал Джеб, похлопывая стволом ружья по ладони. — Не пытайся найти оправданий, ты сам прекрасно понимаешь, что их нет. Даже не знаю, выгнать тебя или пристрелить, чтоб не мучился.

Из-под локтя Кайла выглянуло маленькое личико — побледневшая смуглая кожа, приоткрытый от ужаса ротик, слезы в темных глазах, длинные черные локоны. Под черным зернышком зрачка тускло блеснуло серебро.

— Давайте-ка все успокоимся! — Джеб повернулся, опустил ружье — и внезапно все стало выглядеть так, словно он охранял Кайла и маленькое личико за его спиной. Джеб сверкнул глазами. — Кайл привел гостью, а вы ее до смерти напугали. Где ваше гостеприимство, люди? А теперь выметайтесь отсюда и займитесь чем-нибудь полезным. Мускусные дыни засыхают, не мешало бы полить.

Ворчащая толпа медленно разошлась, многие уже остыли, успокоились — вроде ничего особенного и не произошло. Ну да, несколько дней пришлось поволноваться, и Кайл повел себя как эгоистичный придурок, но он благополучно вернулся, а все хорошо, что хорошо кончается. Обошлось без эвакуации и без Ищеек. Ну, притащил Кайл еще одного червяка, так что с того: одним больше, одним меньше...

Люди привыкли.

Кто пошел доедать обед, кто отправился на поливку огорода, кто залег досыпать... Вскоре рядом со мной остались лишь Иен и Джейми. Джеб

окинул сердитым взглядом нашу троицу и открыл было рот, чтобы повторить приказ, но тут Иен взял меня за одну руку, а Джейми — за другую. На мое запястье, над рукой Джейми, легла широкая ладонь... Джаред.

Джеб пожал плечами и повернулся к нам спиной.

— Спасибо, Джеб, — сказал Кайл.

— Заткни свой паршивый рот, Кайл. Если ты еще хоть что-то вякнешь, баран недоделанный, я тебя пристрелю.

За спиной у Кайла тихонько захныкали.

— Ладно, Джеб. Оставь свои угрозы на потом, а? Она и так перепугана до смерти. Ты же помнишь, как реагировала Анни.

С этими словами Кайл мне улыбнулся... Вот уж чего я не ожидала.

Он посмотрел на девушку, что пряталась у него за спиной, и я впервые увидела в глазах у Кайла нерастраченную нежность.

— Видишь? Это Анни, я тебе про нее рассказывал. Она нам поможет, вот увидишь. Она тебя в обиду не даст, Санни, и я тоже.

Девушка казалась миниатюрной, но ее округлые формы говорили о зрелости. Она подняла на меня испуганные глазищи. Кайл обнял ее за талию, и Санни прильнула к своему защитнику.

— Кайл прав... — Вот уж никогда не думала, что такое скажу! — Я не дам тебя в обиду. Тебя зовут Санни? — мягко спросила я.

Взгляд женщины метнулся к лицу Кайла.

— Все в порядке. Анни можно доверять. Она такая же, как ты. — Он повернулся ко мне: — Ее настоящее имя длиннее... что-то там про лед.

— Солнечный свет сквозь лед, — шепнула она.

В глазах Джеба вспыхнуло неистребимое любопытство.

— Но вообще-то можешь называть ее Санни, она не возражает, — заверил меня Кайл.

Санни кивнула. Она посмотрела на меня, на Кайла, снова на меня. Остальные мужчины стояли не шевелясь. Девушка немного успокоилась, почувствовав дружелюбную атмосферу.

— Я тоже была Медведем, Санни, — сказала я, стараясь, чтобы она почувствовала себя еще чуточку уютнее. — Там меня называли Живет на звездах, а здесь зовут Страницей.

— Живет на звездах, — прошептала она, и ее огромные глаза непостижимым образом распахнулись еще шире. — Верхом на звере...

— Наверное, ты жила во втором кристальном городе, — вздохнула я.

— Да. Я много раз слышала эту историю.

— Тебе нравилось на планете Туманов, Санни? — быстро спросила я:

не хотелось вдаваться в подробности моей истории. — Ты была счастлива?

Ее лицо скривилось; глаза, неотрывно смотревшие на Кайла, наполнились слезами.

— Прости... — Я взглянула на Кайла, ища объяснений. Он погладил ее по плечу.

— Не бойся, тебя не обидят. Я же обещал.

— Мне здесь нравится, — прошептала она едва слышно. — Я хочу остаться.

От ее слов у меня комок подкатил к горлу.

— Знаю, Санни, знаю. — Кайл нежно прижал ее лицо к своей груди.

У меня защипало глаза, Джеб прокашлялся, а Санни подскочила и съежилась. Представляю, в каком состоянии ее нервы: Души не выносят насилие и агрессию.

Когда-то давно Джаред допрашивал меня и поинтересовался, похожа ли я на другие Души. Так вот, ни я, ни моя Ищейка не походили на остальных, а Санни — воплощение самой сущности нашего мягкого, робкого вида. Мы брали не силой, а числом.

— Прости, Санни, нечаянно получилось, — сказал Джеб. — Пожалуй, нам лучше отсюда уйти.

Несколько человек отирались у входов в туннели, глаза на нас. Под строгим взглядом Джеба Рид и Люсина юркнули в коридор, ведущий на кухню.

— Пойдемте-ка лучше к доку, — со вздохом добавил Джеб, грустно взглянув на перепуганную маленькую женщину: ему так хотелось послушать новые истории!

— Правильно! — Кайл крепко обхватил Санни за тонкую талию и повел к южному туннелю.

Я пошла следом, увлекая за собой остальных. Джеб остановился и легонько подтолкнул Джейми прикладом ружья.

— А почему ты не на занятиях?

— Ох, дядя Джеб, пожалуйста! Пожалуйста! Я не хочу пропустить все интересное.

— Живо в класс.

Джейми жалостливо посмотрел на меня, но Джеб был абсолютно прав: мальчику не стоило это видеть. Я покачала головой:

— Попроси Труды зайти в лазарет. Доку нужна ее помощь.

Джейми понурился. Джаред взял меня за руку.

— Я всегда пропускаю самое интересное, — простонал Джейми, поворачивая в другую сторону.

— Спасибо, Джеб, — сказала я.

— Не за что.

Длинный туннель казался темнее, чем обычно: фигурка идущей впереди женщины словно излучала страх.

— Все хорошо, — шептал ей Кайл. — Никто тебя не обидит, я с тобой.

Кто этот странный человек, занявший место Кайла? Ему глаза проверяли? Неужели все это время Кайл прятал столько пронзительной нежности внутри своего злобного тела? Наверное, это из-за близости Джоди. А как по-доброму он относится к скрывающейся внутри Душе! Я полагала, что он на такое не способен.

— Как Целитель? — спросил меня Джаред.

— Она пришла в себя перед самым вашим приходом, — сказала я.

Все облегченно вздохнули.

— Только она очень напугана и не понимает, где находится, — предупредила я. — Она не помнит, как ее зовут. Док с ней работает. Думаю, она еще больше перепугается, когда увидит вас. Постарайтесь не шуметь и ходите тихонько, хорошо?

— Да, да, — зашептали голоса из темноты.

— Кстати, Джеб, может, спрячешь ружье? Она все еще побаивается людей.

— Э-э... Хорошо, — согласился Джеб.

— Побавляется людей? — прошептал Кайл.

— Мы же злодеи, — ответил ему Иен, сжимая мою ладонь.

Я пожала его пальцы, радуясь его прикосновению. Сколько еще мне осталось ощущать тепло человеческой ладони? Когда я в последний раз пройду по этому туннелю? Может быть, сейчас?

«Нет, еще рано», — прошептала Мелани.

Внезапно меня охватила дрожь; рука Иена снова сжалась, и рука Джареда тоже.

Какое-то время мы шли молча.

— Кайл, — робко позвала Санни. — Я не хочу возвращаться к Медведям.

— И не надо. Выберешь другое место.

— Но я хочу остаться тут.

— Нет. Прости, Санни.

Ее дыхание вдруг сбилось. Я радовалась, что мы идем в темноте — никто не видел слез, которые катились по щекам. Обе мои руки были заняты — и слезы капали мне на футболку.

Вот и конец туннеля. Из лазарета лился солнечный свет, отражаясь от

танцующих в воздухе пылинок. Внутри бормотал док.

— Очень хорошо, — говорил он. — Думай о деталях. Ты вспомнила адрес, значит, скоро вспомнишь имя, ведь так? Как ты? Не больно?

— Осторожно, — прошептала я.

Кайл остановился у края арки — Санни по-прежнему цеплялась за его руку — и пропустил меня вперед. Я тяжело вздохнула и шагнула внутрь.

— Привет, — тихо поздоровалась я. Женщина посмотрела на меня и тихо вскрикнула.

— Все в порядке, — успокоила ее я.

— Это Анни, — напомнил док.

Док сидел рядом с безымянной незнакомкой, держа руку на ее плече.

— Это Душа, — тревожно зашептала женщина.

— Да, но она друг.

Женщина недоверчиво меня разглядывала.

— Док? У нас тут еще посетители? Можно им зайти? — Док посмотрел на женщину.

— Это мои друзья, люди, которые живут здесь, мои соседи. Ни один из них ни за что не причинит тебе вреда. Можно они войдут?

— Ладно, — осторожно кивнула женщина.

— Это Иен, — сказала я, пропуская Иена вперед. — Джаред, Джеб... — Один за другим они входили в лазарет и становились рядом со мной. — А это Кайл и... гм... Санни.

Глаза дока полезли на лоб.

— Есть и другие? — прошептала безымянная женщина. Док прокашлялся, пытаясь взять себя в руки.

— Да. Нас тут много. Все... ну, почти все... люди, — добавил он, глядя на Санни.

— Сейчас подойдет Труди, — сказала я доку. — Может, у нее получится... подыскать помещение для Санни.

— Неплохая мысль, — кивнул док, все еще не сводя удивленных глаз с Санни.

— Кто такая Труди? — прошептала женщина.

— Она очень милая. Она о вас позаботится.

— Она человек или такая же, как эта? — Безымянная женщина кивнула в мою сторону.

— Человек.

Кажется, это ее успокоило.

— Ох! — воскликнула Санни, не спуская глаз с криоконтейнеров, временного пристанища Целителей.

Контейнеры стояли посреди стола дока, индикаторы на крышках тускло светились красным. На полу у стола валялись семь пустых контейнеров. Из глаз Санни брызнули слезы, и она уткнулась в грудь Кайлу.

— Я не хочу улетать! Я хочу остаться с тобой! — проскулила она на ухо своему великану, которому, похоже, всецело доверяла.

— Я знаю, Санни. Прости. — Санни разрыдалась.

Я сглотнула подступившие слезы, подошла к Санни и погладила по ее черным кудряшкам.

— Кайл, мне нужно с ней поговорить, — пробормотала я. Он кивнул и отстранил от себя цепляющуюся за него девушку.

— Нет, нет, — взмолилась она.

— Не волнуйся, — успокоила я. — Он никуда не денется. Я просто задам тебе несколько вопросов.

Кайл подтолкнул Санни ко мне, и она вцепилась в меня. Я отвела ее в дальний угол комнаты, как можно дальше от безымянной женщины, чтобы наш разговор не напугал незнакомку. Кайл пошел следом, не отходя ни на шаг. Мы сели на пол, лицом к стене.

— О господи! — пробормотал Кайл. — Я не знал, что все так выйдет. Хреново-то как.

— Как ты ее нашел? — спросила я. Рыдающая девушка не отреагировала, когда я задала вопрос Кайлу; она просто продолжала плакать у меня на плече. — Что случилось? Почему она в таком состоянии?

— Ну, перед тем как поехать в Портленд, я решил поискать ее в Лас-Вегасе. Понимаешь, Джоди была очень близка с матерью, а Дорис жила в Лас-Вегасе. Я посмотрел на вас с Джаредом и Джейми и подумал, что, может, она там, даже если она больше не Джоди. И я оказался прав — они все жили в старом доме Дорис, вся семья: Дорис, ее муж Уоррен — правда, у них были другие имена — и Санни. Я следил за ними весь день, пока не стемнело. Санни осталась в старой комнате Джоди одна. Как только все заснули, я прокрался в дом, схватил Санни, перекинул ее через плечо и выпрыгнул в окно. Я думал, она начнет кричать, и понесся к джипу как угорелый. Только она не закричала, а наоборот, затихла. Я испугался, что будет... ну, как с тем парнем, которого мы как-то поймали. Помнишь, тебе же рассказывали?

Я поморщилась — у меня были воспоминания посвежее.

— Поэтому я сбросил ее с плеча, а она сидит и смотрит на меня своими глазами. Даже не пискнула. Я отнес ее в джип. Хотел связать, но... жалко ее стало. Она все равно не пыталась убежать. Так что я просто усадил ее в машину и повез. Она долго-долго на меня смотрела, а потом и

говорит: «Ты Кайл», а я ей: «Ага, а ты кто?» — и она мне сказала свое имя. Как там?...

— Солнечный свет сквозь лед, — судорожно прошептала Санни. — Но Санни мне тоже нравится.

— Ну, в общем... — Кайл прокашлялся и продолжил рассказ: — Я думал, она меня испугается. Ничего подобного. Мы с ней разговорились. Оказывается, она обрадовалась, что я приехал.

— Он мне все время снится, — шепнула мне Санни. — Каждую ночь. Я надеялась, что Ищейки его найдут, — я так по нему скучала... Когда я его увидела, я решила, что это просто сон.

Я громко сглотнула.

Кайл провел рукой по ее щеке.

— Она славная девочка, Анни. Надо найти для нее самую лучшую планету.

— Об этом я и хотела ее спросить. Санни, где ты жила?

В лазарет пришла Трудн, зазвучали приглушенные приветствия, но мы не обращали внимания на всеобщее оживление. Мне хотелось посмотреть, что происходит, а вместо этого приходилось сосредотачиваться на плачущей Душе.

— Только здесь и пять жизненных циклов на планете Медведей. Но здесь мне нравится больше. Я и четверти срока тут не прожила!

— Знаю. И понимаю тебя, поверь. А есть другие места, которые ты бы хотела посетить? Планета Цветов, например? Там хорошо, я там была.

— Я не хочу быть растением, — пробубнила она мне в плечо.

— Пауки... — Я тут же осеклась: планета Пауков для Санни не годилась.

— Я устала от холода. И мне нравятся цвета.

— Я знаю, — вздохнула я. — Я не была Дельфином, но говорят, там здорово. Цвет, подвижность, семья...

— Они же далеко. Пока я туда долечу, Кайл... Он... — Она икнула и снова зарыдала.

— А другие места? — настаивал Кайл. — У вас же много разных планет.

Трудн разговаривала с безымянной женщиной — я постаралась не вслушиваться. Пусть люди беспокоятся о себе сами.

— Планет много, но наши корабли летают только на некоторые, — сказала я, качая головой. — И, Санни, прости, но нам придется отослать тебя далеко. Ищейки разыскивают моих друзей, а ты сможешь указать им дорогу.

— Я и дороги-то не знаю, — редела она. Мое плечо насквозь промокло от ее слез. — Он мне глаза завязал.

Кайл смотрел на меня, словно ожидал, что я вот-вот сотворю чудо, и все само собой разрешится. Он ждал волшебства — вроде тех лекарств, которыми я вылечила Джейми. Но я знала, что и чудеса, и счастливые сказки кончились — по крайней мере, для Душ.

Я грустно посмотрела на Кайла.

— Есть только Медведи, Цветы и Дельфины, — сообщила я ему. — Еще Огненный мир... но туда я ее не отправлю.

Девушка содрогнулась, услышав это название.

— Не переживай, Санни. Тебе понравятся Дельфины. Они хорошие. Вот увидишь, тебе понравится.

Всхлипы усилились.

— Санни, я должна тебя спросить о Джоди, — со вздохом продолжила я.

Кайл замер.

— Что? — промямлила Санни.

— Она еще внутри? Ты с ней разговариваешь? — Санни хлюпнула носом и посмотрела на меня.

— Я не понимаю, о чем ты...

— Она когда-нибудь с тобой говорила? Ты читала ее мысли?

— Ее? Моего тела? Ее мысли? У нее их нет. Теперь тут я.

Я кивнула.

— Все плохо? — прошептал Кайл.

— Пока не знаю. Но, вероятно, ничего хорошего. — Кайл прищурился.

— Сколько ты уже здесь, Санни? — Она наморщила лобик.

— Кайл, сколько прошло? Пять лет? Шесть? Ты исчез перед тем, как я вернулась домой.

— Шесть, — ответил он.

— А сколько тебе лет? — спросила я.

— Двадцать семь.

Я удивилась: она выглядела такой юной... Неужели она на шесть лет старше Мелани?!

— Почему это так важно? — спросил Кайл.

— Точно не знаю. Просто, похоже, чем дольше носитель пробыл человеком, тем больше шансов, что... память восстановится. У тех, кто основную часть своей жизни прожил человеком, больше воспоминаний, больше связей, их больше лет называли правильным именем... Не знаю.

— Двадцати одного года достаточно? — спросил он, в его голосе

сквозило отчаяние.

— Мы это выясним.

— Это нечестно, — хныкала Санни. — Почему я не могу остаться? Ты же остаешься!

Я сглотнула.

— Да, это было бы нечестно. Но я не остаюсь, Санни. Мне тоже придется покинуть это тело, и очень скоро. Может быть, мы даже полетим вместе. — Пусть думает, что я полечу вместе с ней к Дельфинам. К тому времени как раскроется правда, у Санни будет другой носитель, с другими эмоциями, не имеющими никакого отношения к человеку, который сидит сейчас передо мной... Возможно. В любом случае, будет уже слишком поздно. — Я должна уйти, так же как и ты. Я тоже верну свое тело.

Ровный, твердый голос Иена разорвал тишину, как удар хлыста.

— Что?!

Глава 56

Слияние

Иен с такой яростью смотрел на нас троих, что Санни затряслась от страха. Странная картина: Кайл и Иен словно поменялись лицами, только лицо Иена даже в гневе было прекрасно.

— Иен, что случилось? — недоуменно спросил Кайл.

— Анни! — прорычал Иен и протянул ко мне руку. Казалось, он едва сдерживается, чтобы не сжать ладонь в кулак.

«Ой-ой-ой!» — испугалась Мел.

Меня охватила безысходность. Я не хотела прощаться с Иеном, но вот пришлось. Ну конечно, пришлось: не могла же я удрать, как вор в ночи, взвалив всю тяжесть прощания на плечи Мелани. Иен схватил меня за руку и потащил, поднимая с пола. Санни, похоже, не собиралась разжимать объятий и повисла на мне. Иен затряс меня, и Санни упала.

— Да что с тобой такое? — возмутился Кайл. Иен ударил Кайла коленом в лицо.

— Иен! — возмутилась я.

Кайл прикрывал рукой нос, силясь подняться на ноги. Санни бросилась к нему и попыталась закрыть его своим крохотным телом. Кайл потерял равновесие и со стоном плюхнулся обратно на пол.

— Пошли, — рявкнул Иен и, не оборачиваясь, потащил меня прочь.

— Иен...

Он грубо дернул меня за собой, не давая и слова сказать. Вот и хорошо, потому что я понятия не имела, что ему говорить. Мимо мелькали удивленные лица. Я волновалась, что безымянная женщина расстроится — она не привыкла к гневу и насилию.

А потом мы резко остановились. Вход загораживал Джаред.

— Иен, ты спятил? — возмутился он. — Что ты с ней делаешь?

— Ты знал? — воскликнул Иен и подтащил меня к Джареду. Сзади кто-то захныкал — Иен их пугал.

— Ты делаешь ей больно!

— Ты знал, что она замышляет? — проревел Иен. Джаред уставился на Иена, и его лицо вдруг словно замкнулось. Он не ответил. Этого Иену хватило.

Кулак Иена стремительно врезался в Джареда, и Джаред отлетел в

темный проход.

— Иен, перестань, — взмолилась я.

— Это ты перестань, — рывкнул он и поволок меня через арку в коридор, а потом дальше — на север.

— О'Ши! — окликнул Джаред.

— Больно, говоришь, делаю? — не замедляя шага, зарычал через плечо Иен. — Свинья ты лицемерная!

Позади не осталось ничего, кроме тишины и темноты. Я бежала, спотыкаясь во мраке, стараясь не отстать. Длинные пальцы Иена плотным кольцом обхватили мое предплечье, сдавив его как тиски. Рука начала неметь. Иен ускорил шаг, и у меня вырвался стон боли.

Иен остановился, хрипло дыша в темноте.

— Иен, Иен, послушай... — я задыхалась, не в силах договорить. Я просто не знала что сказать: перед глазами стояло его искаженное яростью лицо.

Руки Иена оторвали меня от земли и тут же поймали, не давая упасть. Иен подхватил меня на руки и снова побежал. Руки, которые только что были грубыми и злыми, теперь бережно прижимали меня к груди.

Иен пронесся через большую площадь, не обращая внимания на удивленные и даже настороженные лица. Слишком много непривычных, тревожных событий происходило сейчас в пещерах. Люди на площади — Виолетта, Джеффри, Энди, Пейдж, Аарон, Брандт и другие, чьих лиц я не разглядела, — были встревожены. Они удивленно смотрели на Иена, который с перекошенным от ярости лицом стремглав промчался мимо, неся меня на руках.

А потом и они остались позади. Вот и двери, загораживающие проход в их с Кайлом комнату. Иен пнул красную дверь, которая с громким стуком упала на каменный пол, ввалился в комнату и бросил меня на матрас в углу. Грудь Иена вздымалась от ярости и напряжения. Он на миг обернулся, быстрым движением поставил дверь на место и снова сердито уставился на меня. Я тяжело вздохнула и перевернулась на колени, держа руки перед собой, ладонями вверх, и жалея, что они не могут сотворить чуда. Как бы я хотела дать ему хоть что-нибудь, что-нибудь сказать! Но мои руки были пусты.

— Я. Никуда. Тебя. Не пущу. — Его глаза метали синие молнии — я впервые видела, чтобы они сверкали так ярко.

— Иен, — прошептала я. — Пойми... я не могу остаться. Ты должен меня понять.

— Нет! — закричал он.

Я отпрянула, а Иен вдруг рухнул на колени передо мной, уткнулся головой мне в живот и обнял за талию. Его трясло, из груди вырывались громкие, надрывные всхлипы.

— Нет, Иен, нет, — взмолилась я. Лучше бы он злился! — Пожалуйста, не надо.

— Анни, — простонал он.

— Иен, пожалуйста, не переживай так. Не надо. Прости меня, пожалуйста.

Я тоже плакала, меня тоже трясло — или это он так сильно дрожал, не знаю.

— Ты не можешь уйти.

— Я должна, должна, — всхлипывала я. А потом мы долго плакали в тишине.

Наконец Иен вытер слезы, выпрямился и привлек меня к себе.

— Прости, — сказал он. — Я был груб.

— Нет, это ты меня прости. Надо было тебе объяснить, а не ждать, чтобы ты сам догадался. Я просто... не смогла. Я не хотела тебе говорить, не хотела ранить тебя... и себя. Я эгоистка.

— Анни, нам нужно об этом поговорить. Еще не поздно отказаться.

— Поздно.

Он покачал головой и сжал зубы.

— Как давно ты это замыслила?

— С тех пор, как поймали Ищейку, — шепнула я. Он кивнул, знал ответ.

— И ты решила ее спасти, выдав свою тайну. Понимаю. Но это не значит, что ты должна куда-то улетать. Да, ты выучила дока... ну и что? Догадайся я тогда, что ты задумала, я бы ни за что не позволил тебе ему показать. Никто тебя не заставит лечь на эту проклятую койку! Пусть только дотронется до тебя, я ему руки переломаю!

— Иен, пожалуйста...

— Они тебя не заставят, Анни. Слышишь? — воскликнул он.

— Никто меня не заставляет. Я научила дока извлекать Души не для того, чтобы спасти Ищейку, — прошептала я. — То, что Ищейка оказалась здесь, просто... ускорило мое решение. Иен, я сделала это, чтобы спасти Мел.

Он промолчал.

— Иен, она в ловушке. Это как тюрьма, даже хуже. Не знаю, как описать. Она как призрак. А я могу ее освободить. Вернуть ей себя.

— Анни, ты тоже заслуживаешь жизнь. Останься.

— Иен, я люблю Мел.

Он закрыл глаза, и его побледневшие губы стали мертвенно-белыми.

— А я люблю тебя, — прошептал он. — Разве это не важно?

— Конечно, важно. Очень важно, ты же видишь... И это еще одна причина...

Его глаза распахнулись.

— Я совсем замучил тебя своей любовью? Анни, я буду молчать. Я ничего тебе больше не скажу. Если хочешь, будь с Джаредом. Только останься.

— Нет, Иен. — Я прикоснулась ладонями к его лицу. — Я... Я тоже тебя люблю. Я, серебряный червячок у нее в голове. Но мое тело тебя не любит. Я никогда не смогу любить тебя в этом теле, Иен. Я разрываюсь надвое. Это невыносимо.

Я могла бы вытерпеть. Но смотреть, как он страдает из-за ограничений, которые накладывает мое тело? Нет, никогда!

Он снова закрыл глаза. Густые черные ресницы блестели от слез.

«Ладно, давай, — вздохнула Мел. — Делай, что хочешь. Пойду посижу в соседней комнате», — шутливо добавила она.

«Спасибо».

Я обхватила его за шею и прильнула к губам. Он прижал меня к груди. Наши губы слились в поцелуй, и мне вдруг показалось, что этот поцелуй будет длиться вечно, словно разлука над нами не властна. Я почувствовала соленый вкус слез — его и моих.

Что-то изменилось.

Когда тело Мелани касалось тела Джареда, это было как лесной пожар — огонь, который неся по пустыне, пожирая все на своем пути. С Иеном все было иначе, совсем по-другому, потому что Мелани не любила его так, как я. Не лесной пожар, а движение расплавленной магмы глубоко под земной корой — не обжигающее, но неумолимо меняющее облик Земли.

Тело встало между нами, как стена тумана — густая завеса, сквозь которую я наблюдала за происходящим.

Изменилась не Мел, а я. Внутри меня из старого сплава неумолимо формировалось что-то новое, словно под молотом искусного кузнеца... Долгий непрерывный поцелуй завершил процесс: металл зашипел, упал в холодную воду, и в горниле страсти была выкована закаленная сталь — переплавленная Душа.

Я снова заплакала. Иен менялся вместе со мной — этот удивительный мужчина, который был чувствителен и мягок, как Душа, и в то же время оставался по человечески силен и отважен. Он потянулся губами к моим

глазам... Слишком поздно. Все было кончено.

— Не плачь, Анни. Не плачь. Ты останешься со мной.

— Восемь полных жизней, — прошептала я, касаясь губами его щеки; мой голос дрогнул. — Восемь полных жизней, восемь планет, и ни на одной я не встретила того, за кем пошла бы куда угодно. Я так и не встретила любимого. Почему сейчас? Почему ты? Ты даже не Душа. Как я могу тебя любить?

— Это странная Вселенная, — пробормотал он.

— Это нечестно, — пожаловалась я, повторяя слова Санни. Это было нечестно.

В самый последний миг я нашла любовь, и теперь приходилось от нее отказаться — разве это честно? Разве честно, что мои тело и Душа никак не желали примириться? А моя любовь к Мелани? И разве честно, что Иен страдал вместе со мной? Он как никто другой заслуживал счастья. Это было нечестно, неправильно, ненормально. И виновата в его мучениях была я.

— Я тебя люблю, — прошептала я.

— Ты так это говоришь, как будто прощаешься. — Я действительно прощалась.

— Я, Душа по имени Странница, люблю тебя, человек Иен. — Я подбирала слова осторожно, чтобы в них не прокралась ложь. — И буду любить всегда, в любом обличье: Дельфином, Медведем, Цветком, неважно... Я буду всегда любить тебя, всегда помнить. Ты навеки останешься моим единственным.

Его руки напряглись, крепче сжались вокруг меня, и я снова почувствовала его сдерживаемую ярость. Стало трудно дышать.

— Все, больше никаких странствий. Ты останешься здесь.

— Иен...

Теперь его голос звучал сердито и по-деловому.

— И дело не только во мне. Ты — член нашего сообщества, и просто так, без обсуждения, никто тебя не выгонит. Ты слишком много для нас значишь — даже для тех, кто никогда в этом не признается. Ты нам нужна.

— Иен, меня никто не гонит.

— Вот именно — не гонит. И не выгонит никто — даже ты сама.

Иен еще раз меня поцеловал, чуть грубее, еще сердясь. Его рука сжалась в кулак, захватив мои волосы, и слегка потянула, на дюйм отстранив мое лицо.

— Приятно или не очень? — спросил он.

— Приятно.

— Я так и думал, — сдавленно взревел Иен и снова прильнул к моим губам. Сильные руки сжали меня так сильно, что захрустели ребра, а губы яростно набросились на мои. У меня закружилась голова, я стала задыхаться. Иен ослабил объятия и шепнул мне на ухо: — Пошли.

— Куда? Куда ты собрался? — Вот я никуда не собиралась. Это уж точно. И все-таки сердце забилося быстрее, едва я представила, что куда-то иду с Иеном. С моим Иеном. Он был моим, а Джаред не будет никогда. И это тело никогда не будет принадлежать Иену.

— Не мучай меня. Я и так еле соображаю. — Он встал и поднял меня.

— Куда?

— Пойдешь по восточному туннелю, мимо поля, до самого конца.

— В игровую?

— Да. Я подойду позже, только соберу остальных.

— Зачем? — Бред какой-то. Он что, собрался в футбол играть? Снять напряжение?

— Потому что это надо обсудить. Я созываю суд, Странница, и ты подчинишься его решению.

Глава 57

Завершение

В этот раз на суд собралось куда меньше народу: Иен привел только Джеба, дока и Джареда. Иену не пришлось лишний раз напоминать, что Джейми еще слишком юн для подобных мероприятий. За меня с Джейми попрощается Мелани — я не видела другого выхода. И пускай мой отказ выглядел как трусость, это было сильнее меня.

Горела одна голубая лампа, тусклый кружок на каменном полу. Мы сели по краю круга света; я — в гордом одиночестве, лицом к четырем мужчинам. Джеб даже приволок ружье — видно, ему казалось, что ружье сойдет за молоток судьи и придаст официальности нашему собранию.

Запах серы воскресил в памяти дни моей скорби; оказалось, что есть немало нежелательных воспоминаний, по которым я бы точно не стала скучать. Кое-что я бы охотно забыла.

— Как она? — поспешила спросить я у дока. Суд я воспринимала как пустую трату и без того небольшого запаса оставшегося мне времени. Я переживала из-за куда более важных вещей.

— Которая из двух? — устало поинтересовался он. Несколько секунд я в недоумении смотрела на него.

— Санни извлекли? Уже?

— Кайл не мог смотреть, как она мучается. Она была... несчастна.

— Жаль, я не успела попрощаться, — прошептала я. — Надо было пожелать ей удачи. Как Джоди?

— Пока не очнулась.

— А неизвестная?

— Труди ее забрала. Кажется, они пошли на кухню, перекусить. Они подыскивают временное имя: согласись, не очень приятно, когда тебя называют «тело». — Док криво усмехнулся.

— Она придет в себя, вот увидите. — Мне и самой хотелось в это верить. — И Джоди тоже. Все образуется.

Никто не уличил меня во лжи. Они знали, что я просто пытаюсь взять себя в руки.

— Не хочу оставлять Джоди одну, — вздохнул док. — Вдруг ей что-нибудь понадобится.

— Верно, — согласилась я. — Чем скорее мы здесь закончим, тем

лучше.

Неважно, к какому решению придет суд: док уже согласился на мои условия. И все же какая-то наивная часть меня продолжала надеяться на чудо... Она не теряла надежды, что все образуется, что неким чудесным образом я останусь с Иеном, а Мелани — с Джаредом и никто, абсолютно никто не пострадает. Пришла пора спуститься с небес на землю.

— Ладно, — сказал Джаред. — Анни, какова твоя позиция?

— Я верну Мелани. — Коротко и четко, не поспоришь.

— Иен, а ты что считаешь?

— Анни нужна нам здесь, — так же коротко и четко ответил Иен.

— М-да, как все запутано... — задумчиво кивнул Джеб. — Анни, почему я должен принять твою сторону?

— Представь себя на месте Мелани. Ты бы захотел вернуть себе свое тело? Мы не можем отказать Мел в ее законном праве.

— Иен? — спросил Джеб.

— Джеб, мы должны думать об общем благе. Анни столько сделала для нашей безопасности и здоровья! От нее, и ни от кого другого, зависит выживание нашего сообщества. Разве можно сравнивать интересы одного человека и спасение человечества?

«Он прав», — подала голос Мелани.

«Тебя забыли спросить».

— Анни, а Мел что говорит? — спросил Джаред. «Ха!» — сказала Мел.

Я заглянула Джареду в глаза, и произошла удивительнейшая вещь. Новый, только что выкованный душевный стержень вдруг оказался в том крохотном уголке моего тела, который я занимала физически. Остальная часть меня рвалась к Джареду с тем отчаянным безрассудным желанием, которое горело во мне со времени нашей первой встречи. Это тело не принадлежало ни мне, ни Мелани с тех самых пор, как Джаред заявил на него свои права.

Для нас обеих здесь было слишком тесно.

— Мелани хочет вернуть свое тело. Вернуть свою жизнь.

«Лгунья. Скажи им правду», — потребовала Мелани. «Нет».

— Лгунья, — сказал Иен. — Я же вижу, как вы с ней препираетесь. Спорим, она со мной согласна? Она хороший человек. Она знает, как сильно мы в тебе нуждаемся.

— Мел знает все то, что знаю я. Она вам поможет. И безымянная женщина, в которой жила Душа Целителя. Она-то уж точно знает куда больше моего. Вы справитесь, как прекрасно справлялись до меня. И

выживете, как выживали раньше.

Джеб с шумом выпустил из ноздрей воздух и нахмурился.

— Не знаю, Анни. Иен дело говорит.

Я свирепо посмотрела на старика и увидела, что Джаред тоже сверлит его взглядом. Я отвернулась от этих двоих и мрачно взглянула на дока.

Док верно понял мой взгляд и поморщился, словно от боли: он дал слово. Этот суд ничего не мог изменить.

Иен смотрел на Джареда и не заметил, как мы с доктором переглянулись.

— Джеб, — возразил Джаред. — Решение здесь одно, и ты это знаешь.

— Одно, говоришь? По моему, решений уйма.

— Это тело Мелани!

— И Анни тоже...

Джаред чертыхнулся и попробовал зайти с другой стороны.

— Мел заперта в собственном теле, как в ловушке, Джеб. Ее нельзя там оставлять — это равносильно убийству.

На лице Иена вновь проступила ярость.

— А что будет с Анни, ты подумал, Джаред? И со всеми нами, если ты ее извлечешь?

— Тебе вообще на всех наплевать! И до Мелани тебе дела нет, лишь бы сохранить твою драгоценную Анни, а остальное тебя не волнует!

— А тебе плевать на Анни, лишь бы сохранить твою драгоценную Мел — остальное тебя не волнует! А раз мы в равном положении, нужно подумать об общем благе.

— Нет! Нужно подумать о том, чего хочет Мел. Это ее тело!

Иен и Джаред привстали, сжав кулаки, лица перекосились от гнева.

— Прекратите, ребята! Остыньте, — велел Джеб. — Мы на суде, так что давайте сохранять спокойствие и не терять головы. Нужно хорошенько обдумать обе позиции.

— Джеб... — начал Джаред.

— Заткнись! — Джеб пожевал губами. — Ладно, вот как я вижу ситуацию: Анни права... — Иен вскочил на ноги. — Успокойся! Сядь и дослушай до конца.

На напряженной шее Иена выступили жилы, но он неохотно уселся на место.

— Анни права, — повторил Джеб. — Мел нужно вернуть ее тело. Но... — быстро добавил он, потому что Иен снова напрягся, — я не согласен с остальным. Анни, детка, ты нам нужна. Нас разыскивают Ищейки, а говорить с ними можешь только ты. Больше никто. Ты спасаешь

жизни. Я должен думать о благополучии моей семьи.

— Значит, раздобудем для нее другое тело, — процедил Джаред. — Это же очевидно.

Поникшее лицо дока чуть воспрянуло. Мохнатые брови-гусеницы Джеба поползли к линии волос. Глаза Иена расширились. Он поджал губы и уставился на меня, размышляя...

— Нет! Ни за что! — Я исступленно замотала головой.

— Почему, Анни? — спросил Джеб. — По мне, так совсем неплохая идея.

Я нервно сглотнула и сделала глубокий вдох, пытаюсь сдержать истерические нотки.

— Джеб, послушай меня внимательно. Я не хочу, чтобы меня считали паразитом, понимаешь? Думаешь, мне хочется оказаться в новом теле и начать заново? Неужели мне вечно придется жить с чувством вины за отнятые жизни? Вечно терпеть чужую ненависть? Меня и Душой-то уже не назовешь — я слишком сильно люблю вас, грубияны бесчувственные. Я понимаю, что мне здесь не место, и ненавижу себя за это. — Я вдохнула еще раз и заговорила сквозь слезы, которые теперь катились по щекам: — А что, если я изменюсь? Вдруг вы украдете чью-то жизнь, посадите меня в кого-нибудь, а что-нибудь пойдет не так? А если новое тело навяжет мне новую любовь, или меня потянет обратно, к Душам... Что тогда? Представьте, что вы больше не сможете мне доверять. Представьте, что в следующий раз я вас предаю... Я боюсь вам навредить!

Первая часть была истиной, чистой и неприкрытой, а вторая — бессовестной ложью, от начала до конца, но я надеялась, что они не заметят. За бессвязным бормотанием они могли не расслышать ложь, поэтому я принялась всхлипывать. Я бы никогда не причинила им вреда. То, что произошло со мной здесь, останется во мне навсегда, слившись с атомами, из которых состояло мое тельце. Но, возможно, если я дам повод меня бояться, им будет проще меня отпустить...

Моя ложь сработала: Джаред и Джеб обеспокоенно переглянулись. Об этом они не подумали — не предусмотрели. Что если мне нельзя будет доверять, вдруг я превращусь из друга — во врага? Иен обнял меня, прижал к груди, и его футболка намочла от моих слез.

— Все в порядке, милая. Тебе не нужно становиться никем другим. Ничего не изменится.

— Погоди-ка, Анни... — В сообразительных глазах Джеба мелькнула догадка. — Что изменится, если ты поменяешь планету? Ты же так и останешься паразитом, детка.

Иен вздрогнул, услышав обидное слово. Я тоже вздрогнула, потому что Джеб, как обычно, попал в самую точку. Все, кроме дока, знавшего правду, ждали ответа. Правду я сказать не могла.

— На других планетах все по-другому, Джеб. — Я подбирала слова, стараясь избегать прямой лжи. — Там нет сопротивления. И сами носители другие, не такие индивидуалисты, как люди, их эмоции намного спокойнее. Там не появляется ощущения, что крадешь жизнь, там никто не станет меня ненавидеть. А я буду слишком далеко, чтобы причинить вам вред. Это безопаснее для вас...

Последняя часть сильно смахивала на ложь, и я прикусила язык.

Джеб, прищурившись, смотрел на меня. Я отвела глаза, но не удержалась и взглянула на дока, который не спускал с меня полных грусти глаз. Я перехватила взгляд Джаред, устремленный на дока. Неужели Джаред заметил?

— Н-да... Незадача! — вздохнул Джеб и нахмурился, раздумывая над неразрешимой дилеммой.

— Джеб, — в один голос начали Иен и Джаред и замолкли, злобно уставившись друг на друга.

Мы теряли время впустую, а мне ведь оставались считанные часы... Несколько часов, не больше — теперь я знала точно.

— Джеб! — Мой голос был едва слышен за шепотом струящейся воды, и все повернулись ко мне. — Не обязательно решать сейчас. Доку нужно присматривать за Джоди, и я тоже собираюсь ее проведать. К тому же, я весь день не ела. Может, отложим до завтра? А утром ты примешь решение. Будет время все обдумать.

Ложь. Догадаются или нет?

— Неплохая идея, Анни. Похоже, всем нам не помешает короткий отдых. Иди поешь. Утро вечера мудренее.

Я изо всех сил старалась не смотреть на дока, даже когда обратилась к нему.

— Я перекушу и помогу тебе с Джоди. Еще увидимся.

— Ладно, — сказал он обреченно, даже не пытаясь скрыть тревогу в голосе. Неужели так сложно притвориться? Он же человек, а люди отлично умеют врать!

— Проголодалась? — спросил Иен.

Я кивнула, оперлась на протянутую руку и встала. Иен не разжал пальцев, и я поняла, что теперь он меня не отпустит, будет ходить за мной как привязанный. Это меня не беспокоило. Как и Джейми, спал он крепко.

Мы вышли из темной пещеры, и я спиной почувствовала чей-то

взгляд. Интересно, чей?

Осталось сделать несколько вещей. Если точнее, то три — три последних незавершенных дела.

Во-первых, надо поесть: невежливо оставлять Мелани проголодавшееся тело. К тому же мое участие в вылазках привело к тому, что еда стала намного вкуснее. Больше не приходилось давиться, обед превратился в праздник.

Я отправила Иена за едой, а сама осталась ждать посреди поля, где вместо собранной кукурузы колосилась еще не поспевшая пшеница. Иену я сказала правду: я пряталась от Джейми. Мне не хотелось его пугать. Мальчику будет сложнее смириться, чем Иену или Джареду — каждый из них занял свою сторону. Джейми же любил и меня, и Мел. Между нами ему не разорваться...

Иен не стал со мной спорить. Мы ели в тишине, и все это время его рука крепко придерживала меня за пояс.

Во-вторых, я навестила Санни и Джоди.

На столе дока вместо трех мерцающих криоконтейнеров я с удивлением обнаружила только два — контейнеры с Целителями. Док и Кайл склонились над безжизненным телом Джоди. Я немедленно направилась к ним, собираясь поинтересоваться, куда подевалась Санни, но, подойдя ближе, заметила, что Кайл одной рукой придерживает криоконтейнер.

— С ней следует обращаться бережно, — прошептала я.

Док сжимал запястье Джоди, считая про себя. Как только он услышал мой голос, его губы сжались в ниточку, и отсчет начался заново.

— Да, док меня предупредил, — ответил Кайл, не отрывая от Джоди глаз, под которыми расплывались лиловые круги. Опять перелом носа? — Я стараюсь. Просто не хотелось оставлять ее там одну. Она была такой грустной и такой... славной.

— Думаю, она бы это оценила.

Он кивнул, по-прежнему глядя на Джоди.

— Я могу что-нибудь сделать? Как-то помочь?

— Разговаривай с ней: называй по имени, говори о вещах, которые она должна помнить. Даже о Санни говори. Безымянной женщине это помогло.

— Мэнди, — поправил док. — По ее словам, это не совсем точно, но уже близко.

— Мэнди, — повторила я, понимая, что мне вряд ли придется называть ее по имени. — Где она?

— С Труды — хорошо, что ты тогда ее позвала. Лучше помощницы не

придумаешь. Кажется, она повела Мэнди спать.

— Это хорошо. За Мэнди можно не беспокоиться.

— Надеюсь. — Док улыбнулся, но с его лица не сходило угрюмое выражение. — У меня к ней много вопросов.

Я посмотрела на маленькую женщину — невозможно было поверить, что она старше моего тела. Ее лицо выглядело расслабленным и безучастным. Это немного пугало — она казалась такой живой и восприимчивой, когда внутри находилась Санни. А если Мелани...

«Я пока тут».

«Знаю. Ты справишься».

«Как Лэйси». — Она поморщилась, и я тоже. «Только не как Лэйси».

Я легонько коснулась плеча Джоди. Она во многом походила на Лэйси: смуглая, с темными волосами, миниатюрная. Они вполне могли бы оказаться сестрами — только милое, бледное личико Джоди никогда не будет выглядеть отталкивающим.

Кайл держал ее за руку и молчал.

— Вот так, Кайл, — сказала я и снова коснулась ее плеча. — Джоди? Джоди, ты меня слышишь? Кайл тебя ждет, Джоди. Он тут таких дров наломал, пока за тобой ездил! Теперь у всех руки чешутся ему наcostылять. — Я лукаво улыбнулась, глядя на здоровяка: уголки его губ поползли вверх.

— Впрочем, тебя это не удивляет, правда? — прозвучал голос Иена. — Ты же привыкла к его выходкам, верно, Джоди? Рад тебя снова видеть, милая. А вот ты, наверное, не очень. Скажи: «Только избавилась от этого идиота, а тут...»

Пока Иен не открыл рот, Кайл не замечал брата, который, едва войдя, сразу же прицепился к моей руке, как верный пес.

— Ты же помнишь Иена, малыш? Ну, такой дурачок, что ходил по пятам и заглядывал мне в рот. Привет, Иен, — добавил Кайл, не поднимая глаз. — Ничего не собираешься мне сказать?

— Вообще-то нет.

— Я жду извинений.

— Флаг в руки.

— Джоди, этот болван ударил меня по лицу! Просто так — ни с того ни с сего.

— Джоди, ты же знаешь, у него морда кирпича просит.

Они были по-своему приятными, эти братские подначки. В присутствии Джоди они старались не перегибать палку, шутили беззлобно, добродушно. На ее месте я бы уже проснулась, я бы уже улыбалась...

— Продолжай, — шепнула я Кайлу. — Вы все делаете правильно. Она очнется, вот увидишь.

Хорошо бы с ней познакомиться, увидеть, какая она. Пока что при мысли о Джоди перед глазами вставало лицо Санни.

Интересно, как пройдет знакомство с Мелани? Почувствуют ли разницу? Заметят ли они подмену, или Мелани продолжит играть мою роль? Может, она покажется им совершенно не похожей на меня. Может, им придется приспособливаться заново. А может, Мел сразу завоюет их сердца. Я представила себе ее, то есть себя, в окружении дружелюбных лиц. Представила нас с Фридомом на руках, представила радушные улыбки на лицах тех, кто всегда относился ко мне с недоверием.

Почему у меня на глазах выступили слезы? Неужели я так мало для них значу?

«Нет, — успокоила Мел. — Они будут по тебе скучать. Вот увидишь, твой уход станет огромной утратой для всех хороших людей».

Похоже, она наконец смирилась с моим решением.

«Не смирилась, — возразила Мелани. — Просто не вижу другого способа тебя остановить. И еще — я чувствую, что это скоро случится, и мне страшно. Правда, чудно? Я в ужасе».

«Значит, я не одинока».

— Анни? — сказал Кайл.

— Да?

— Прости.

— Гм-м... За что?

— За то, что пытался тебя убить, — бесхитростно объявил он. — Боюсь, я был не прав.

Иен обмер.

— Док, у тебя случайно нет магнитофона под рукой?

— К сожалению, нет. Иен покачал головой.

— Это мгновение нужно сохранить для потомков. Никогда не думал, что доживу до того дня, когда Кайл О'Ши признает свою неправоту. Ну же, Джоди, просыпайся, а то все пропустишь!

— Джоди, детка, защити меня! Скажи Иену, что раньше мне просто не доводилось быть неправым. — Кайл прыснул.

Приятно было сознавать, что перед уходом я завоевала-таки расположение Кайла. На большее я и не надеялась.

Здесь я сделала все, что могла. Не было смысла тянуть дольше. Вернется Джоди или нет — это не имело значения: мой путь был предрешен.

Итак, я приступила к третьему и последнему делу: я солгала.

С глубоким вздохом я устало потянулась.

— Иен, я с ног валяюсь, — сказала я.

Было ли это ложью? Если и так, прозвучала она естественно. Мой последний день длился очень долго. Я вдруг осознала, что не спала всю ночь, со времени нашей последней вылазки; должно быть, я и впрямь еле стояла на ногах.

— Еще бы! — кивнул Иен. — Ты же всю ночь просидела с Цели... с Мэнди?

— Ага, — зевнула я.

— Спокойной ночи, док, — сказал Иен, таща меня к выходу. — Кайл, удачи. Утром мы вернемся.

— Спокойной ночи, Кайл, — пробормотала я. — Пока, док.

Док исподлобья посмотрел нам вслед, но Иен уже повернулся спиной, а внимание Кайла было приковано к Джоди. Я оглянулась и метнула на него твердый взгляд.

Иен шел рядом со мной по темному туннелю, не говоря ни слова. Вот и славно, что он не в настроении болтать — я все равно не смогла бы сосредоточиться на разговоре. У меня внутри все сжималось: все дела закончены, осталось немного подождать и постараться не заснуть. Несмотря на усталость, я думала, что это будет несложно. Сердце бешено стучало, словно кулак бил изнутри по ребрам.

Больше никаких проволочек. Все должно случиться, как задумано, и Мел об этом знала. После сегодняшнего инцидента с Иеном мне стало совершенно ясно, что медлить нельзя, иначе с каждым днем будет все больше слез, споров и драк. Рано или поздно кто-нибудь проговорится, и Джейми узнает правду. Пусть лучше Мелани ему расскажет — только потом, после. Так будет лучше для всех.

«Большое спасибо», — подумала Мел; слова вырвались скомканной скороговоркой, сарказм был смазан страхом.

«Прости. Ты же не очень возражаешь?»

«Как я могу возражать? — вздохнула она. — Я сделаю все, о чем ты попросишь, Анни».

«Позаботься о них за меня».

«Могла и не просить».

«И об Иене».

«Если он позволит. У меня такое чувство, что я не слишком-то ему нравлюсь». «Даже если он не позволит».

«Я сделаю все, что в моих силах, Анни. Обещаю».

Иен остановился в коридоре, у дверей в комнату — красной и серой.

Он вопросительно вскинул бровь, и я кивнула: пусть думает, что я все еще прячусь от Джейми. Тем более что так и есть. Иен отставил красную дверь в сторону, и я вошла внутрь, опустилась на матрас справа и свернулась комочком, прижав трясущиеся руки к колотящемуся сердцу. Иен обнял меня сзади, притянул к себе. Ничего страшного: как только он заснет, сразу раскинется на матрасе. Главное, чтобы он не почувствовал, как я дрожу.

— Все будет хорошо, Анни. Мы найдем решение, я знаю.

— Иен, я люблю тебя — правда, люблю. — Это был единственный способ с ним попрощаться, другого он не принял бы. Позже он вспомнит и поймет. — Я люблю тебя всей душой.

— Я тоже очень сильно люблю тебя, моя Странница.

Он уткнулся носом мне в лицо, нашел губы и поцеловал, долго и нежно; в недрах земли потекла, вздымаясь, раскаленная магма, и землетрясение закончилось — дрожь унялась.

— Все, Анни, спи. До утра подождет.

Я кивнула и со вздохом прижалась к нему щекой.

Иен тоже устал, так что ждать мне пришлось недолго. Я лежала, разглядывая потолок, — кусочек звездного неба в трещинах на потолке изменился. В том месте, где раньше виднелись две звезды, теперь сияли три, мерцая на черном небосклоне. Они не звали меня. Я не скучала по звездам.

Руки Иена обмякли, он перевернулся на спину и что-то пробормотал во сне. Я не могла дольше ждать; мне ужасно хотелось остаться, заснуть рядом с ним, выкрасть у судьбы еще один день. Я осторожно пошевелилась, но Иен и не думал просыпаться. Он дышал ровно и глубоко — не разомкнет глаз до утра. Я коснулась губами его лба и выскользнула за дверь.

Было не очень поздно, и по пещерам еще ходили люди. Откуда-то доносилось эхо приглушенного разговора. До самого входа в большую пещеру я никого не встретила.

Джеффри, Хит и Лили возвращались из кухни. Я опустила глаза, хотя и обрадовалась, увидев Лили. Я украдкой взглянула в ее сторону и отметила про себя, что она наконец перестала горбиться от горя. Лили была сильной, как Мелани. Она тоже справится.

Я с облегчением нырнула в темноту южного коридора — с облегчением и ужасом. Теперь все точно было кончено.

«Мне страшно», — прохныкала я.

Мел не успела ответить, потому что в темноте мне на плечо легла чья-то тяжелая рука.

— Куда собралась?

Глава 58

Конец

Натянутые до предела нервы сдали: я вскрикнула, но из горла вырвался только сдавленный писк.

— Прости. — Джаред приобнял меня, успокаивая. — Не хотел тебя напугать.

— Что ты здесь делаешь? — пробормотала я, переводя дух.

— Слежу за тобой. Я всю ночь за тобой слежу.

— Прекрати.

Он медлил, рука на моем плече не шевелилась. Я поднырнула под нее, но Джаред перехватил мое запястье, вцепившись мертвой хваткой, — так просто не стряхнешь.

— Ты к доку? — бесцеремонно спросил он. Было совершенно ясно, что речь шла не о дружеском визите.

— Куда же еще! — Я не говорила, а шипела, чтобы он не заметил в моем голосе панику. — После того что сегодня было... Дальше будет только хуже и хуже. Тут не Джебу решать.

— Знаю. Я на твоей стороне.

Я разозлилась, почувствовав, что его слова еще способны причинить мне боль; глаза защипало. Я старалась думать об Иене, который был моим якорем, но это оказалось непросто: рука Джареда касалась моей руки, его запах щекотал ноздри, мысли путались. Все равно что пытаться различить в грохоте секции ударных нежный голос скрипки...

— Тогда дай мне пройти, Джаред. Уходи. Мне нужно побыть одной. — Слова прозвучали торопливо, резко и хлестко. Было сразу ясно, что я не лгу.

— Я должен пойти с тобой.

— Скоро ты получишь свою Мелани, — огрызнулась я. — Я прошу всего несколько минут, Джаред. Неужели так трудно?

И снова молчание.

— Анни, я пришел к тебе.

Из глаз брызнули слезы. Я была рада, что здесь темно.

— Это лишнее, — прошептала я. — Не надо. — Конечно, Джареду не следовало здесь находиться. Я доверилась доку. Док дал слово. Я никуда не улечу — не стану Дельфином или Цветком, чтобы вечно оплакивать

потерянную любовь: к тому времени, как я снова открою глаза (если бы они имелись у моего нового носителя), все мои любимые уже умрут. Мое место здесь, на этой планете, откуда меня никто не заставит улететь. Я останусь в неглубокой могиле рядом с моими друзьями — человеческая могила для человека, которым я стала.

— Но Анни, я... Мне так много нужно тебе сказать.

— Джаред, я обойдусь без твоей благодарности.

— Чего ты хочешь? — хрипло, с придыханием, прошептал он. — Я сделаю все, что скажешь.

— Береги мою семью. Не дай их в обиду.

— Конечно, не дам, — отмахнулся он. — Я имею в виду тебя. Что я могу сделать для тебя?

— Джаред, я ничего не беру с собой.

— Даже воспоминания? Чего ты хочешь?

Я смахнула слезы, но за ними потекли другие. Нет, я не могу взять даже воспоминания.

— Что мне для тебя сделать, Анни? — настаивал он.

Я вдохнула поглубже и проговорила, стараясь, чтобы голос не дрожал:

— Солги мне, Джаред. Попроси меня остаться.

На этот раз он не мешкал. Он обнял меня и крепко прижал к груди. Губы коснулись моего лба, и я почувствовала его дыхание на волосах.

Мелани затаила дыхание и снова отстранилась, даря мне свободу последних минут. Может, она боялась его лжи, не хотела, чтобы эти воспоминания встали между ними, когда меня не станет?

— Анни, останься. Останься с нами. Со мной. Я не хочу тебя отпускать. Пожалуйста. Я не знаю, как жить без тебя. Не знаю. Я не могу... не могу... — Его голос дрогнул.

Он лгал вдохновенно. И наверное, он был совершенно во мне уверен, если решился сказать такое...

Я на миг расслабилась в его объятиях, но время торопило... Точнее, истекало.

— Спасибо, — шепнула я и попыталась высвободиться. Его руки удержали меня.

— Я еще не закончил.

Наши лица оказались в нескольких дюймах друг от друга. Он склонился ближе, и я — зная, что близится мой последний вдох на этой планете, — не удержалась и откликнулась. Горючее и пламя — мы вспыхнули.

И все-таки что-то изменилось. Я это чувствовала. Джаред старался для

меня. Лаская это тело, он шептал мое имя — и думал обо мне. Я чувствовала разницу. На краткий миг мы остались вдвоем, Странница и Джаред, два горящих сердца. Джаред лгал без слов, языком тела, лгал как никто в мои последние минуты, и за это я была ему благодарна. Я не могла забрать с собой память о его поцелуе, потому что никуда не улетала. Зато я могла поверить в ложь. Могла на миг поверить, что он будет по мне скучать... глупо, конечно, и все же боль расставания немного улеглась. Сердце замерло.

А вот время, тикающее, как таймер бомбы, неумолимое, — время останавливаться не желало.

Охваченная пламенем, я чувствовала, как секунды уползают, тянут меня в темноту коридора, прочь от пламени. Я заставила себя оторваться от губ Джареда. Мы стояли в темноте, ощущая на лицах теплое дыхание друг друга.

— Спасибо, — повторила я.

— Погоди...

— Нет. Я... я больше не вынесу. Не надо, ладно?

— Ладно, — прошептал он.

— Пожалуйста, оставь меня одну. Мне нужно кое-что сделать.

— Если... если ты точно этого хочешь. — Он умолк, не зная, как поступить.

— Мне это необходимо.

— Тогда я побуду здесь, — прохрипел он.

— Док тебя позовет, когда все закончится. — Его руки не разжимали объятий.

— А ведь Иен меня убьет, когда узнает... И, вероятно, будет прав. И Джейми. Он ни за что нам не простит.

— Мне сейчас не до них. Отпусти меня. Пожалуйста.

Медленно, неохотно Джаред убрал руки — я почти физически осязала его нежелание, и вместо холодной пустоты в груди заплескалось тепло.

— Я люблю тебя, Анни. — Я вздохнула.

— Спасибо, Джаред. Ты знаешь, как сильно я тебя люблю. Всем сердцем.

Сердцем и душой.

В моем случае это были разные вещи. Я слишком долго разрывалась на две половины. Пришла пора воссоединить Душу и тело, вернуть цельную личность. Третий лишний. Даже если этот третий — я.

Тикающие секунды приближали неотвратимую развязку. Джаред меня отпустил, и тело сковал холод. Я отдалялась от Джареда, и с каждым шагом

сердце медленно превращалось в ледышку. Впрочем, у меня разыгралось воображение — на улице стояло лето. Для меня здесь всегда будет лето.

— Джаред, а как вы справляетесь, когда идет дождь? — прошептала я. — Где спят люди?

Он ответил не сразу, и по голосу я догадалась, что его душат слезы.

— Мы... — он сглотнул. — Мы все переселяемся в игровую. Спим на полу, вместе.

Я кивнула. Интересно, каково это, когда столько разных несовместимых характеров оказываются под одной крышей? Ужасно? Или весело? Что-то вроде пижамной вечеринки.

— Почему ты спросила? — прошептал он.

— Просто захотелось... вообразить. Как это выглядит. — Жизнь и любовь продолжатся. Пусть и без меня, неважно — сама мысль наполнила меня радостью. — Прощай, Джаред. Мелани говорит, до скорого.

«Лгунья».

— Подожди... Анни...

Я помчалась по туннелю, боясь поддаться его очаровательной лжи, оставляя позади тишину. Страдания Джареда не бередили мне раны, как боль Иена. Джареду недолго осталось мучиться — до радости ему рукой подать — всего несколько минут... Вот он, счастливый конец!

Южный туннель показался мне длиной в несколько ярдов, не больше. Впереди горел яркий свет: док меня ждал. Расправив плечи, я зашла в комнату, которая всегда меня пугала. Док уже все приготовил. В дальнем темном углу стояли две сдвинутые койки, на которых сопел Кайл, одной рукой сжимая в объятиях безжизненное тело Джоди. Другая его рука по-прежнему баюкала контейнер Санни. Ей бы это понравилось. Жаль, нет способа ей рассказать.

— Привет, — прошептала я.

Док оторвался от своего занятия: он как раз раскладывал на столе инструменты. По его щекам катились слезы.

Я вдруг почувствовала себя храброй. Сердце забило ровнее, дыхание стало глубже и спокойнее — самое трудное осталось позади. Мне приходилось это делать раньше, много раз: я просто закрывала глаза и засыпала. Да, раньше я знала, что открою новые глаза, и все же... Это было знакомо. Бояться нечего.

Я подошла к койке, твердой рукой потянулась за «От боли», положила крошечный квадратик на язык, подождала, пока он растворится. Ничего не изменилось. Боли не было. По крайней мере, физической боли.

— Док, скажи мне одну вещь. Как тебя зовут? — Прежде чем наступит

конец, я хотела получить ответы на все мучившие меня вопросы.

Док вытер глаза тыльной стороной ладони.

— Евстафий. Это имя передается в семье по наследству. Мои родители были так ко мне жестоки, что...

Я рассмеялась и вздохнула.

— Джаред ждет у входа в большую пещеру. Я пообещала ему, что ты его позовешь, когда все закончится. Только дождись... дождись, пока я перестану двигаться — тогда будет поздно что-то менять.

— Я не хочу этого делать, Анни.

— Я знаю. Спасибо, док. Но ты поклялся.

— Пожалуйста...

— Нет. У нас был уговор. Я свою часть выполнила. Ведь так?

— Да.

— Тогда выполни и ты свою. Положите меня рядом с Уолтом и Уэсом.

Док попытался сдержать рыдание, и его худое лицо скривилось.

— Тебе будет больно?

— Нет, док, — солгала я. — Я ничего не почувствую.

Я подождала, когда настанет эйфория, когда все вокруг засияет, как в прошлый раз. Странно... Я не чувствовала разницы. Может, дело было вовсе не в лекарстве, а в любви?

Я снова вздохнула и ничком легла на кушетку.

— Начинай, — сказала я доктору.

Пузырек открылся. Док вылил содержимое на ткань.

— Ты самое благородное и чистое создание в мире. Вселенная без тебя станет мрачнее, — прошептал он.

Это была его речь над моей могилой, эпитафия на моем надгробии.

Хорошо, что я это услышала.

«Спасибо тебе, Анни, сестренка! Я никогда тебя не забуду».

«Будь счастлива, Мел. Радуйся жизни. Цени ее. Ради себя, и ради меня».

«Буду», — пообещала она.

«Прощай», — в унисон подумали мы.

Док осторожно прижал ткань к моему лицу. Я сделала глубокий вдох, стараясь не замечать неприятный едкий запах. Вдохнула еще раз, и надо мной загорелись три знакомые звезды. Они не звали меня — они меня отпускали, отпускали в черную Вселенную, по которой я много раз странствовала. Я погрузилась в черноту, которая вдруг стала светлеть, изменяться. Вместо черной дыры передо мной закружился синий свет — теплая, живая, сверкающая синева... Я поплыла вперед, не испытывая

страха.

Глава 59

Воспоминание

Начало будет похоже на конец. Меня предупреждали.

Но в этот раз конец оказался неожиданным, удивительным. За все девять жизней со мной не случилось ничего подобного. Это было неожиданнее, чем прыжок в шахту лифта. Я-то думала, что больше не будет ни мыслей, ни воспоминаний. Что произошло?

Закатное солнце — все окрашено в розовые тона, они напоминают мне о моей подруге... Как бы ее звали тут? Наверное, что-нибудь, связанное с... бархатцами! Бархатцы и еще бархатцы. Она была прекрасным Цветком. Здесь цветы такие безжизненные, такие скучные. Правда, пахнут приятно. Запахи — это самое замечательное на этой планете.

Сзади приближаются шаги. Опять Прядильщица облаков? Мне не нужна куртка. Тут тепло — наконец-то! — и я хочу проветриться. Я не буду на нее смотреть. Может, она подумает, что я не слышу, и вернется домой. Она так меня оберегает, а ведь я уже взрослая. Она не может вечно со мною нянькаться.

— Простите? — говорит незнакомый голос.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть, и не узнаю лица. Она симпатичная.

Лицо из воспоминания заставляет меня вздрогнуть. Это было мое лицо! Но я не помню, чтобы со мной это происходило...

— Привет, — говорю я.

— Привет. Меня зовут Мелани. — Незнакомка улыбается. — Я недавно переехала и, кажется, потерялась.

— О! А куда тебе надо? Я тебя подвезу. Наша машина...

— Нет, это недалеко. Я собиралась пройти пешком, а теперь не могу найти Беккер-стрит.

Новая соседка — как здорово! Люблю новых друзей.

— Это совсем рядом, — говорю я. — Через два дома отсюда, но можно пройти наискосок. Вон там переулок.

— Может, покажешь? Прости, я не знаю, как тебя зовут...

— Конечно! Я Лепесток в лунном свете, но дома меня зовут Лепя. А ты откуда, Мелани?

Она смеется:

— Ты про Сан-Диего или про Поющий мир?

— И про тот, и про другой. — Я тоже смеюсь. Мне нравится ее улыбка. — На нашей улице живут две Летучие мыши. В желтом доме с соснами во дворе.

— Как-нибудь зайду, познакомлюсь, — мурлычет она, и вдруг ее голос напрягается. Она вглядывается в темный переулок, как будто кого-то ждет.

Там и правда кто-то есть. Двое: мужчина и мальчик. Мальчик теребит длинные темные волосы, он как будто нервничает. Может, он тоже потерялся? Его красивые глаза восторженно распахнуты. Мужчина стоит не двигаясь.

Джейми. Джаред. Мое сердце забилося быстрее, только как-то странно, неправильно. Непривычно тихо... оно скорее трепетало, чем колотилось.

— Лепа, это мои друзья, — говорит Мелани.

— А-а! Привет! — Я протягиваю руку мужчине, он стоит ближе. Мужчина берет мою ладонь и сжимает ее слишком крепко.

Он зачем-то тянет меня к себе. Я не понимаю. Что это? Мне это совсем не нравится. Сердце бьется быстрее, мне страшно. Я никогда еще так сильно не боялась. Я не понимаю.

Его рука взлетает к моему лицу, я охаю, вдыхаю туман, который идет из его руки. Серебряное облачко со вкусом клубники.

— Что?... — хочу спросить я, и все плывет перед глазами. Больше я ничего не вижу.

На этом все.

— Анни? Анни, ты меня слышишь? — спросил знакомый голос.

Это было не мое имя... или мое? Мои уши на него не отреагировали, но что-то откликнулось внутри. Разве я не Лепесток в лунном свете? Не Лепа? Но почему? Почему-то имя Лепа казалось чужим. Сердце забилося быстрее — отголосок страха из воспоминания. Образ женщины с рыжими с проседью волосами и добрыми зелеными глазами проплыл перед глазами. Это моя мать? Но... она же не моя мать, верно?

Тихий голос эхом разнесся вокруг:

— Анни. Вернись. Мы тебя не отпустим.

Голос был одновременно и знакомым, и нет. Он звучал как... Куда делась Лепесток в лунном свете? Я не могла ее отыскать — тысячи пустых воспоминаний; дом, где полно фотографий, но никто не живет.

— Дай ей «Бодрость», — сказал другой, незнакомый, голос. Что-то легонько коснулось моего лица, словно туман. Я узнала запах. Пахло грейпфрутом.

Я глубоко вдохнула, и сознание внезапно прояснилось. Я лежала лицом вниз... и это тоже казалось неправильным.

Меня стало как-то слишком мало. Я словно усохла. Руки казались теплее, чем остальное тело, и вскоре я поняла почему: их держали большие ладони, каждая размером с две моих.

Пахло странно — затхлостью, плесенью... Запах казался знакомым, хотя я точно знала, что никогда в жизни его не чувствовала.

Я ничего не видела, кроме темно-красного цвета — внутренняя сторона век. Мне захотелось открыть глаза, и я попыталась отыскать нужные мышцы.

— Странница? Мы все тебя ждем, милая. Открой глаза. — Я совершенно точно знала этот голос, это теплое дыхание над ухом. Непонятное, щекочущее чувство охватило все мое тело. Незнакомое ощущение. У меня задрожали пальцы, дыхание перехватило. Захотелось увидеть лицо говорившего.

Сознание заполнил яркий цвет, цвет, который позвал меня из небытия — сияющая, мерцающая синева. Вся Вселенная стала ярко-синей...

Наконец-то я вспомнила, как меня зовут. Да, меня звали Странница. Анни. Теперь я вспомнила.

Прикосновение: тепло на губах, на веках. А, мои веки, вот они где! Я поморгала вновь обретенными глазами.

— Она просыпается! — возбужденно вскрикнул кто-то. Джейми. Джейми был здесь. Сердце опять тихонько затрепетало.

Некоторое время глаза привыкали. Слепивший меня синий цвет был тоже какой-то неправильный — не синий даже, а голубой, выцветший. Я хотела яркую синеву.

Чья-то рука дотронулась до моего лица.

— Странница?

Я повернулась на звук. Голова и шея двигались непривычно — ощущение знакомое и незнакомое одновременно.

Я поискала взглядом и нашла ту синеву, которую искала: сапфиры, снег и смоль.

— Иен? Иен, где я? — Голос, донесшийся из моего горла, напугал меня. Слишком высокий, дрожащий. Знакомый голос, но не мой.

— Кто я?

— Ты — это ты, — сказал мне Иен. — Здесь твое место.

Я вытащила руку из гигантской ладони, хотела ощупать свое лицо, но увидела, как ко мне тянется чья-то рука, и застыла.

Чужая рука тоже застыла, повиснув надо мной.

Я попыталась снова двинуть рукой, защититься, и чужая рука надо мной пришла в движение. Я задрожала, рука задрожала.

А-ах!

Я сжала и разжала пальцы, внимательно следя за ладонью.

Неужели эта крохотная ручка принадлежит мне? Передо мной была ладошка ребенка, если не считать длинных, ухоженных бело-розовых ногтей. Гладкая кожа со странным серебристым отливом и совершенно неуместной россыпью золотистых веснушек.

Странное сочетание серебра и золота вызвало в памяти картинку. Перед моим мысленным взором предстало отраженное в зеркале лицо. Я на миг почувствовала себя сбитой с толку — я не привыкла к цивилизации, и в то же время странным образом я не представляла свою жизнь вне ее. Симпатичный туалетный столик, заставленный всевозможными безделушками и хрупкими вещицами. Изобилие изящных флаконов с запахами, которые я любила... Я любила? Или она? Орхидея в горшке. Набор серебряных гребней.

Большое круглое зеркало в кованой раме с орнаментом из роз. Лицо в зеркале — округлое, а не овальное. Миниатюрное личико. Кожа серебрится, словно лунный свет, россыпь золотистых веснушек на переносице. Большие серые глаза в обрамлении пушистых золотых ресниц — серебро Души едва заметно на светлом фоне. Бледно-розовый рот, пухлый, как у малыша. Маленькие ровные белые зубы. Ямочка на подбородке. Золотые вьющиеся волосы окружили лицо ярким ореолом и каскадом ниспадают вниз, за край зеркала.

Мое лицо или ее лицо?

Это лицо идеально подходило Ночному Цветку. словно точный перевод с языка Цветов на человеческий.

— Где она? — произнес тонкий голосок. — Где Лепа? — Ее отсутствие меня пугало. Я никогда не видела более беззащитного существа, чем это луноликое дитя с копной волос, словно сотканных из солнечного света.

— Она здесь, — успокоил меня док. — Спит сладким сном, готовая к путешествию. Мы подумали, ты нам посоветуешь, куда ее лучше отправить.

Я посмотрела в сторону, откуда доносился голос. Воспоминания из прежней жизни возвращались волнами: я вспомнила, как док стоял в лучах солнца с включенным криоконтейнером в руках.

— Док! — охнула я тонким, хрупким голосом. — Док, ты же обещал! Ты поклялся, Евстафий! Почему? Почему ты не сдержал обещание?

Отчаяние и боль казались невыносимыми. Это тело никогда прежде не испытывало подобных мучений. Оно не привыкло.

— Даже честный человек иногда не выдерживает тяжести испытаний, Анни.

— Тяжесть испытаний, — усмехнулся еще один до ужаса знакомый голос. — Я так понимаю, нож у горла засчитывается за «тяжесть испытаний», да, Джаред?

— Ты же знаешь, я бы никогда...

— Ничего не знаю... Выглядел ты убедительно.

— Нож? — Меня затрясло.

— Ш-ш-ш, все хорошо, — прошептал Иен. Его дыхание сдуло несколько золотых прядок мне на лицо, и я стряхнула их привычным жестом. — Ты и вправду думала, что можешь вот так просто взять и бросить нас? Анни! — Он вздохнул, но вздох получился радостным.

Иен был счастлив. С моих плеч словно сняли часть тяжелой ноши.

— Я говорила, что не хочу быть паразитом.

— Пропустите, — приказал мой старый голос. Я увидела свое лицо: сильное, с загорелой кожей, прямыми черными щеточками бровей на миндалевидном овале, каре-зеленые глаза, высокие, резко-очерченные скулы... Увидела чужими глазами, а не в виде отражения, как раньше.

— Анни, послушай. Я точно знаю, чего ты не хотела. Но мы — люди, мы эгоисты и мы вовсе не обязательно поступаем правильно. И мы никуда тебя не отпустим. Смирись.

То, как она говорила, интонация и тембр, а не сам голос — вернули воспоминание о наших с ней молчаливых беседах, о голосе в моей голове, о моей сестренке.

— Мелани? Мел, как ты?

Она улыбнулась и обняла меня — ее сильное, щедрое тело...

— Лучше не бывает. Разве не этого мы добивались? И у тебя все тоже будет хорошо. Мы выбрали тебе тело с умом, а не какое-нибудь первое попавшееся с улицы.

— Дайте я, дайте я расскажу! — влез Джейми, протискиваясь мимо сестры. Вокруг койки собралась толпа. Койка скрипнула и зашаталась.

Я сжала руку Джейми. Ах, у меня такие слабые пальцы! Почувствовал ли Джейми?

— Джейми!

— Привет, Анни! Правда, круто? Ты теперь меньше меня!

Он торжествующе улыбнулся.

— Зато я старше. Мне почти... — Тут я замолчала и не стала

заканчивать предложение. — У меня день рождения через две недели!

Возможно, я запуталась, но дурой я не была. Опыт Мелани не пропал бесследно — я кое-чему у нее научилась. Иен не уступал Джареду в благородстве, и мне не хотелось пережить разочарование, которое выпало на долю Мелани из-за возраста...

Поэтому я солгала, накинув себе лишний годик.

— Мне исполнится восемнадцать.

Краешком глаза я заметила, как удивленно застыли Иен и Мелани. Этому телу было около семнадцати, но выглядело оно значительно моложе.

Я поняла, что остаюсь. Моя маленькая хитрость, упреждающий маневр говорил о том, что я заявляю права на своего мужчину. Я собиралась остаться с Иеном и со своей семьей. К горлу подступил странный комок.

Джейми погладил меня по щеке, снова привлекая мое внимание. Я удивилась, какой большой казалась его ладонь у моего личика.

— Мне разрешили участвовать в вылазке.

— Знаю, — пробормотала я. — Я помню... Ну, то есть Лепа помнит. Она тебя видела. — Я сердито глянула на Мел, но она лишь пожалала плечами.

— Мы старались ее не перепугать, — сказал Джейми. — Она такая... такая хрупкая. И милая. Мы выбирали ее вместе, но решающее слово было за мной! Мел сказала, что нужно выбрать кого-нибудь помоложе — вроде как чем дольше Душа находится в теле, тем лучше... Но не слишком юную: ты бы не захотела стать ребенком. Ну, и Джареду понравилось твое лицо, потому что, как он сказал, тебе невозможно... не доверять. Ты такая хрупкая, невинная... Джаред сказал, что любой, кто тебя увидит, сразу кинется тебя защищать — правда, Джаред? А последнее слово было за мной: я искал того, кто будет выглядеть как ты. А ты как раз и выглядела как ты — похожа на ангела, такая же добрая и красивая. Я знал, что ты красивая. — Джейми улыбнулся от уха до уха. — А Иен не пошел. Он остался сидеть с тобой и сказал, что ему, мол, все равно, как ты будешь выглядеть. Он никого не подпускал к твоему контейнеру, даже Мел и меня. Зато в этот раз док меня пустил, разрешил посмотреть. Это было круто! И чего вы раньше меня не пускали!.. Я только смотрел, помочь мне не разрешили... Все равно Иен тебя от всех охранял.

Иен сжал мою руку и, уткнувшись в копну волос, прошептал — тихо-тихо, так, чтобы слышала только я:

— Я держал тебя на ладони, Странница. Ты прекрасна. — Я прослезилась и захлюпала носом.

— Тебе нравится? — спросил Джейми с тревогой в голосе. — Ты не сердишься? Там же никого нет, кроме тебя?

— Не сержусь, не сержусь, — прошептала я. — И... я пока никого не нашла, только воспоминания Лепы. Она здесь была с тех пор, как... даже не помню. И я не нашла других имен.

— Ты не паразит, — твердым голосом сказала Мелани. Она провела по моим волосам, выбрала прядку и накрутила ее на палец. — Это тело не принадлежит ни Лепе, ни кому-либо другому. Мы долго ждали, Анни. Почти столько же, сколько Джоди. Пытались ее разбудить, но безуспешно.

— Джоди? Что с ней? — по-птичьи пискнула я, из-за тревоги мой голос стал тоньше. Я попыталась подняться, и Иен усадил меня, поддерживая одной рукой. Теперь я видела всех.

Док больше не плакал. Из-за его плеча выглядывал Джеб — лицо одновременно довольное и снедаемое любопытством. Рядом женщина, которую я не сразу узнала — со времени нашей первой и последней встречи, довольно непродолжительной, она словно воспрянула духом, оживилась — Мэнди, бывший Целитель. На губах Джейми играла лучезарная, взволнованная улыбка. Рядом с ним — Мелани. А за ее спиной стоял Джаред, обнимая Мел. Я знала, что, вновь обретя свою любимую Мелани, он никуда ее от себя не отпускал, а если и отпускал, то ненавидел каждый дюйм, пролегший между ним и ее телом — моим телом! Это причиняло мне боль — острую, нестерпимую. Мое новое нежное сердце содрогнулось.

Боль потерь, муки ревности были для этого сердца внове; глупенькое, оно не понимало моих странных воспоминаний.

Я с грустью осознала, что до сих пор люблю Джареда и все еще не стряхнула ярмо ревности к любимому им телу. Я украдкой глянула на Мел. Уголки ее рта, который когда-то был моим, поползли вниз — она догадалась.

Я торопливо рассматривала остальные дружелюбные лица, склонившиеся над моей постелью: Труд и Джеффри. Хит, Пейдж и Энди. Брандт и даже...

Док, помолчав, ответил на мой вопрос:

— Джоди не проснулась. Мы ждали, сколько могли... — Так, значит, Джоди больше нет? Мое неопытное сердце заныло. Бедное, сколько разочарований его ждет!

Хайди и Лили. Лили улыбалась — чуть печально, но тепло.

— Мы могли ее поить, и только. Без пищи мышцы и мозг атрофировались бы рано или поздно...

Новое сердце привыкало к ноющей боли — боли за незнакомую женщину, а глаза продолжали изучать лица собравшихся, как вдруг...

Джоди прильнула к Кайлу и робко улыбнулась мне.

— Санни! — внезапно осенило меня.

— Я осталась, — сказала она почти самодовольно. — Совсем как ты. — Она бросила взгляд на стоическое лицо Кайла, и ее голос вдруг погрузнел. — Но я все равно ее ищу.

— Когда мы поняли, что можем потерять Джоди, Кайл решил вернуть Санни, — спокойно рассказывал док.

Пораженная, я некоторое время смотрела на Кайла и Санни, а затем опустила глаза.

Иен наблюдал за мной со смешанным выражением радости и тревоги. Он казался выше, чем раньше, лицо крупнее. Но глаза оставались такими же синими, какими я их запомнила — якорь, который удерживал меня на этой планете.

— Как ты? — спросил он.

— Я... я не знаю, — призналась я. — Странное ощущение. Еще чуднее, чем при смене вида. Я и представить себе не могла...

Я заглянула ему в глаза, и сердце забилося, только уже не от воспоминаний: меня захлестнуло настоящее чувство, во рту пересохло, стало трудно дышать. Место, где его рука касалась моей спины, словно ожгло огнем.

— Скажи, Анни, ты готова здесь остаться? — прошептал он.

Джейми сжал мне руку. Мелани положила сверху свою и улыбнулась, когда Джаред накрыл ее ладонь своею. Трудн гладила меня по ноге. Джефри, Хит, Хайди, Энди, Пейдж, Брандт и даже Лили светились от радости, глядя на меня. Кайл придвинулся поближе, его глаза лучились. Санни улыбалась заговорщической улыбкой.

Сколько «От боли» дал мне док? Все вокруг переливалось и сияло. Иен откинул облако золотых волос с моего лица и прижал к моей щеке большую ладонь, в которой спокойно поместилось бы все мое лицо, от подбородка до лба. От этого прикосновения по моей серебристой коже словно пробежал электрический заряд. Стало щекотно внизу живота. Щеки зарделись. Сердце, не познавшее боли разочарования, не знало и радости полета. Преодолевая смущение, я ответила:

— Наверное, — прошептала я. — Если это сделает тебя счастливым.

— Так дело не пойдет, — возразил Иен. — Скажи, ты будешь счастлива, если останешься?

У меня получалось выдержать его взгляд не дольше нескольких

секунд; робость, непривычная и сбивающая с толку, заливала лицо румянцем, и я снова и снова опускала глаза.

— Наверное, да, — призналась я. — Мне кажется, я буду очень, очень счастливой.

Счастливой и грустной, радостной и несчастной, уверенной и напуганной, любимой и отвергнутой, терпеливой и яростной, безмятежной и необузданной, воспрянувшей и опустошенной... все вместе. Я прочувствую каждый миг. Все это станет моим.

Иен терпеливо ждал. Я залилась краской и посмотрела ему в глаза.

— Значит, ты остаешься.

Он поцеловал меня на глазах у всех, и я тут же забыла, что в комнате есть кто-то еще. На сердце вдруг стало удивительно легко: ни преград, ни недоразумений, ни обид — только мы с Иеном, я и он; раскаленная магма растеклась по новому телу, плавя последние сомнения.

— Я останусь, — согласилась я. И моя десятая жизнь началась.

Эпилог

Продолжение

Жизнь и любовь продолжались на последнем аванпосте человечества на планете Земля, хотя многое изменилось. Изменилась я.

Это было мое первое перерождение в теле того же вида. Оказалось, что смена тела отнюдь не легче, чем смена планеты, потому что у меня уже сформировались кое-какие представления о том, что значит быть человеком, не говоря уже о завышенных ожиданиях. К тому же от Лепесток в лунном свете мне досталось богатое наследство, и далеко не все оно было приятным.

Я унаследовала долю грусти и тоски по Прядильщице облаков. Я скучала по матери, которую не знала, и переживала из-за того, что она страдает. Казалось, на этой планете не существовало печали без радости, и на каждую радость приходилась уравновешивающая ее печаль — словно кто-то переставлял гирьки на неведомых весах.

Я унаследовала непредвиденные ограничения. В отличие от сильного, быстрого, высокого тела — тела, которое могло пробежать много миль, обходиться без еды и питья, поднимать тяжести и дотягиваться до верхних полок, мое новое тело было слабым — и не только физически. Оно застывало, охваченное болезненной робостью всякий раз, как я в себе сомневалась: судя по ощущениям, в последнее время это происходило по многу раз на день.

Я унаследовала новую для себя роль в человеческом сообществе — за меня переносили тяжести, меня галантно пропускали вперед, мне давали самую легкую работу, и даже ту не позволяли доделать. Хуже того, я действительно нуждалась в помощи. Мои вялые мышцы не были приспособлены к физическому труду — я быстро уставала, и мои попытки это скрыть никого не обманывали. Вероятно, я бы и милю не пробежала без остановки.

Впрочем, дело было не только в физической слабости. Я привыкла к прежнему лицу — несмотря на его красоту, люди смотрели на него со страхом, недоверием и даже с ненавистью. Мое новое лицо при всем желании не могло вызвать подобных эмоций. Меня то и дело трепали по щеке, приподнимали подбородок и постоянно гладили по голове — благо до нее не составляло труда дотянуться (не считая детей, я была ниже всех

ростом). Мои кудри перебирали так часто, что я перестала обращать на это внимание. Те, кто раньше меня сторонился, теперь делали все вышеперечисленное не реже, чем мои друзья. Даже Люсина не сильно возражала, когда ее дети стали бегать за мной по пятам, как восторженные щенки. Фридом при любой возможности забирался ко мне на колени и зарывался носом в волосы. Исайя слишком повзрослел для подобных проявлений привязанности, зато ему нравилось держать меня за руку и болтать о Пауках и Драконах, футболе и вылазках. А вот Мелани дети обходили за милую — мать слишком долго и старательно кормила их страшилками, и теперь никакие уговоры не могли ничего изменить. Даже Мэгги и Шэрон, хоть и старались по-прежнему не смотреть в мою сторону, уже не были столь непреклонны, как раньше.

Изменилось не только мое тело. В пустыню, пусть и с опозданием, пришли муссоны, чему я была только рада.

Во-первых, я никогда раньше не вдыхала запах креозотового кустарника под дождем и знала о нем лишь из обрывков воспоминаний Мелани, а теперь этот запах омыл затхлые пещеры и наполнил их почти прямой свежестью. Он впитался в волосы и преследовал меня повсюду, даже в снах.

Во-вторых, Лепесток в лунном свете всю свою жизнь прожила в Сиэтле: чистая полоса синего неба и палящее солнце стали таким же потрясением для моего нового организма, каким показалась бы завеса тяжелых туч любому обитателю пустыни. После знойного блекло-голубого марева приятное разнообразие облаков завораживало — облака имели объем и двигались, складываясь в разные картинки.

В пещерах Джеба намечалась масштабная перестановка, и переезд в игровую, которая временно превратилась в общую спальню, стал хорошей возможностью подготовиться к более серьезным переменам.

Каждый угол был востребован, пустующих комнат не осталось. И все-таки занять старую комнату Уэса согласились только новенькие: Лэйси и Кэнди, которая наконец-то вспомнила свое настоящее имя. С соседкой Кэнди не повезло, но Целительница ни разу не выказала недовольства.

Было решено, что, когда дожди закончатся, Джейми займет свободный угол в комнате Брандта и Аарона. Мелани с Джаредом переселили Джейми к Иену еще до моего перерождения в теле Лепы. Впрочем, Джейми все прекрасно понимал — как-никак подросток.

Кайл трудился над расширением узкой расщелины, служившей спальней Уолтеру, стараясь успеть к тому времени, как пустыня просохнет. Для одного там было достаточно места, но Кайл не собирался жить один.

По ночам Санни сворачивалась калачиком на его груди, как котенок, который подружился с огромным ротвейлером и безоговорочно ему доверяет. Санни всегда была с Кайлом. Их никто и никогда не видел друг без друга. Кайл, казалось, был совершенно ошеломлен, сбит с толку этими невозможными отношениями и ничего вокруг не замечал. Он все еще не оставлял надежды вернуть Джоди, а пока... пока он нежно прижимал к себе Санни.

До дождей свободного места не оставалось, поэтому я поселилась с доком в лазарете, который больше меня не пугал. На койках было неудобно спать, зато вокруг постоянно происходило что-то интересное. Кэнди помнила подробности из жизни Песни лета лучше, чем детали своей; теперь в лазарете творились чудеса.

После дождей доку больше не придется спать на жесткой койке. В первую же ночь в игровой Шэрон без единого объяснения перетащила свой матрас к матрасу дока. Возможно, ее подтолкнуло восхищение, которое док испытывал к Целительнице, хотя я сомневаюсь, что док замечал, насколько красива Кэнди — его больше интересовали ее феноменальные знания. Но скорее всего, Шэрон наконец нашла в себе силы простить и забыть. По крайней мере, я на это надеялась. Хотелось верить, что даже Шэрон и Мэгги способны смягчиться.

Я тоже собиралась переезжать из лазарета.

Если бы не Джейми, возможно, наш решающий разговор с Иеном так и не состоялся бы. У меня потели ладони и пересыхало во рту от одной мысли о том, чтобы поднять эту тему. Что если чувства, которые я испытала в лазарете, те несколько идеальных минут, последовавших за моим пробуждением, иллюзия? А вдруг память меня подводит? Я знала, что для меня ничего не изменилось, но разве можно с уверенностью утверждать то же самое про Иена? Тело, которое он любил, все еще тут!

Я ожидала, что ему будет неловко — как и всем нам. Если даже мне, Душе, привыкшей к подобным переменам, было сложно, что уж говорить о людях? Я старалась побороть в себе ревность и избавиться от противоречивых отголосков любви, которую я когда-то испытывала к Джареду. Они мне мешали. Мне больше подходил Иен. Но иногда я ловила себя на мысли, что не могу оторвать взгляд от Джареда, — и тогда смущалась и краснела. Я замечала, как Мел, случайно коснувшись руки Иена, вдруг отшатывается, словно вспомнив, кто он такой. Даже Джаред, у которого не было поводов для неуверенности, время от времени украдкой поглядывал на меня. А Иен... Конечно, ему приходилось сложнее всего. Я это понимала.

Мы с Иеном были так же неразлучны, как Санни с Кайлом. Да, Иен постоянно касался моего лица и волос, мы часто держались за руки — но ведь на это тело все так реагировали, испытывая ко мне исключительно платонические чувства. Почему он не поцелует меня еще раз, как в первый день? Возможно, он не мог полюбить меня внутри этого тела, несмотря на то, что остальные это тело обожали.

Вот такая тревога тяжким грузом лежала на сердце в ту ночь, когда Иен перенес мою койку в большую и темную игровую комнату.

Впервые за полгода пошел дождь. Люди со смехом и ворчанием раскладывали подмокшие матрасы, устраиваясь на ночлег. Я увидела Шэрон с доком и улыбнулась.

— Сюда, Анни! — Джейми только что пристроил свой матрас рядом с матрасом Иена и махал мне рукой. — Тут хватит места на троих.

Джейми был единственным, чье отношение ко мне никак не переменилось. Он делал скидку на мое тщедушное телосложение, но никогда не удивлялся, когда я входила в комнату, и не пугался, когда слова Странницы слетали с новых губ.

— Анни, зачем тебе койка? Если сложить матрасы, мы прекрасно поместимся втроем. — Джейми улыбнулся и, не дожидаясь разрешения, стащил с койки матрас. — Ты много места не займешь! — Джейми вытащил койку в проход, пристроился на самом краешке матраса и повернулся спиной к нам. — О, кстати, Иен, — добавил он, не поворачиваясь. — Я тут поговорил с Брандтом и Аароном... Наверное, я к ним перееду. Ох, ну я и умотался! Спокойной ночи.

Я долго смотрела на неподвижный силуэт мальчика. Иен не шевелился — только в отличие от меня вряд ли он паниковал. Хотя, возможно, он просто искал способ выпутаться из создавшейся щекотливой ситуации?

— Гасим свет! — на всю комнату рывкнул Джеб. — Все заткнули дружно жвальца, раз, два!!

Люди засмеялись, но отнеслись к нему серьезно. Одна за другой погасли четыре лампы, комната погрузилась в темноту.

Теплая рука Иена нащупала мою. Неужели он не чувствует? У меня же не руки, а мокрые ледышки... Иен опустился на матрас, увлекая меня за собой. Я послушно легла и устроилась в месте стыка матрасов. Он не отпускал мою руку.

— Удобно? — прошептал Иен. Вокруг нас под шум сернистого источника шептались и другие.

— Спасибо, да, — ответила я.

Джейми перевернулся на другой бок, сдвинул матрас и задел меня.

— Ой, прости, Анни! — шепнул он, и до меня донесся зевок.

Я машинально подвинулась. Иен оказался слишком близко. Я тихонько охнула, налетев на него, но Иен вдруг обнял меня и прижал к груди.

Это было очень странное чувство — объятие было отнюдь не платоническим. Я вдруг вспомнила, как первый раз попробовала «От боли». Я словно металась в агонии и не замечала этого, пока рука Иена не забрала боль. Моя робость вдруг куда-то делась. Я повернулась лицом к нему, он покрепче сжал объятия.

— Удобно? — прошептала я, повторив его вопрос.

— Более чем, — заверил Иен и поцеловал меня в лоб.

Несколько минут мы лежали молча. Большая часть разговоров стихла. Иен склонился так, что его губы оказались у моего уха.

— Анни, как ты думаешь... — еле слышно произнес он и осекся.

— Да?

— Ну, похоже, я остался в комнате один. Это неправильно.

— Угу. Места слишком мало.

— Я не хочу спать в одиночестве, но... — Почему он меня не зовет?

— Но... что?

— Ты уже разобралась в своих чувствах к Джареду? Я знаю, тебе нужно время. Я не хочу тебя торопить.

Я не сразу переварила услышанное, а когда до меня дошло, я захихикала. Мелани почти никогда не хихикала, а вот Лепа это делала часто, и ее тело совершенно не вовремя меня предавало.

— Что? — спросил он.

— Я не хотела тебя торопить... — прошептала я. — Потому что думала, что тебе нужно время, разобраться в своих чувствах к Мелани.

Он вздрогнул от удивления.

— Ты думала?... Но Мелани — не ты. А ты — не Мелани. Я всегда видел разницу.

Теперь я улыбалась в темноте.

— А ты не Джаред.

Его голос немного напрягся?

— Зато Джаред остается собой. И ты все еще его любишь.

Иен опять ревновал? Наверное, не стоило так радоваться отрицательным эмоциям, но я ничего не могла с собой поделать.

— Джаред в прошлом, он — вчерашний день. А ты — настоящее.

Иен на миг затих.

— И будущее, если ты не против, — сказал он дрогнувшим голосом.

— Я — только за.

А потом он поцеловал меня со страстью, максимально допустимой в переполненной людьми комнате... Я вспомнила, как нагло соврала про свой возраст, и довольно улыбнулась.

Дождь когда-нибудь кончится, и тогда мы с Иеном будем вместе — два любящих сердца и два партнера в полном смысле этих слов. Это было обещание и обязательство, которое я брала на себя впервые. Стоило мне подумать об этом, как сердце наполнилось и радостью, и тревогой, и робостью, и отчаянным нетерпением — я почувствовала себя человеком.

После того как между нами произошло объяснение, мы с Иеном стали еще неразлучнее. Поэтому, когда пришло время проверить реакцию Душ на мое новое лицо, он, само собой, вызвался меня сопровождать. Вылазка должна была стать для меня подарком после долгих недель разочарования. Мало того что мое новое тело оказалось слабым и бесполезным для жизни в пещерах... Я поверить не могла, что его отказываются использовать для целей, для которых оно подходило идеально — мое ангельское личико выглядело очень трогательно и незащищено. По-моему, настало время проверить теорию на практике. Я не сомневалась, что могу запросто участвовать в вылазках, совсем как раньше, но Джаред, Джеб, Иен и остальные — все, кроме Джейми и Мел, — спорили дни напролет, пытаясь найти способ обходиться без меня. Это было смешно.

Они посматривали на Санни, но ее кандидатура быстро отпала: во-первых, ей не доверяли, а во-вторых, Санни не желала выходить из пещер. При слове «вылазка» Санни бросало в дрожь. Кайл не мог с нами пойти; однажды, когда он об этом упомянул, у Санни случилась истерика.

В конце концов победил здравый смысл: во мне нуждались. Приятно, когда в тебе нуждаются.

Запасы были на исходе, экспедиция предстояла долгая, серьезная. Как всегда, командовал Джаред, поэтому участие Мел даже и не обсуждалось — было очевидно, что она поедет. Хотя мы и не нуждались в помощи, Аарон с Брандтом вызвались добровольцами: им надоело сидеть взаперти. Мы направлялись далеко на север, и я пришла в возбуждение оттого, что увижу новые места и снова почувствую холод.

Вообще-то это тело не умело справляться с волнением. В ночь, когда мы подъехали к осыпи, где были спрятаны фургон и большой грузовик, я слишком разволновалась. Иен смеялся надо мной, потому что я места себе не находила, закидывая в фургон одежду и разные полезные вещи. Иен взял меня за руку и пригрозил, что привяжет к какому-нибудь столбику, чтобы я не мельтешила перед глазами. Может, я слишком громко шумела? Перестала замечать, что происходит вокруг?

Нет, конечно же, моей вины в случившемся не было. Ловушку расставили заранее: мы попали в нее, как только приехали к насыпи.

Тонкие лучи света рассекли темноту и высветили лица Джареда и Мелани. Мое лицо, мои глаза, которые могли бы нам помочь, остались незамеченными во мраке — их заслонила широкая спина Иена.

Меня не ослепил свет фонарей: в ярком свете луны я увидела, что Ищеек больше — восемь против шестерых. Мне хватило ума обратить внимание на их руки, на поблескивающее в свете луны оружие, направленное на нас — на Джареда и Мел, на Брандта и Аарона, и прямо в центр груди Иена. Наш пистолет остался в фургоне.

Зачем я взяла Иена с собой? Почему он должен умереть?

Растерянный голос Лили звучал у меня в голове: «Ради чего жизнь и любовь продолжают?»

Мое хрупкое сердечко рассыпалось на миллион осколков, и я потянулась в карман, за капсулой.

— Спокойно, не волнуйтесь, — выкрикнул мужчина, по всей видимости возглавляющий группу Ищеек. — Стоп! Не глотать! Господи, да смотрите же!

И он посветил фонариком себе в лицо.

Его лицо, щербатое, обожженное солнцем, походило на камень, изъеденный ветряной эрозией. Всклобоченные темные волосы на висках тронула седина. А его глаза — глаза были темно-карими. Просто темно-карими — никаких зеркальных отражений.

— Видите? — спросил он. — В общем так: вы не стреляете в нас, мы не стреляем в вас. Понятно? — Он бросил пистолет на землю. — Давайте, ребята! — скомандовал он, и остальные принялись убирать оружие в кобуру и чехлы — на поясах, на лодыжках, на спинах... слишком много оружия.

— Мы нашли ваш тайник — кстати, умно придумано, мы по чистой случайности на него наткнулись! Вот и решили вас дождаться и познакомиться поближе. Не каждый же день встречаешь ячейку мятежников... — Он рассмеялся довольным утробным смехом. — Видели бы вы себя со стороны! Что? А вы как думали, вы одни не сложили руки?

Ни один из нас не пошевелился.

— Думаю, они потеряли дар речи, — сказал его спутник.

— Ты ж их до смерти напугал, — произнесла женщина. Они топтались на месте, а мы и пошевелиться были не в силах. Первым пришел в себя Джаред.

— Вы кто? — спросил он. Их главный снова засмеялся.

— Я — Нейт. Приятно познакомиться, кстати... Понимаю, что вы не можете сказать того же самого о себе... Простите... Это Роб, Эван, Блейк, Том, Ким и Рейчел. — Он по очереди показывал на спутников.

Чуть позади держался мужчина, которого Нейт почему-то не представил: ярко-рыжие кудри неизвестного сразу бросались в глаза и вдобавок он был самым высоким в группе. Казалось, он один безоружен. Незнакомец пристально посмотрел на меня, и я отвела взгляд.

— А всего нас двадцать два человека, — подытожил Нейт и протянул руку.

Джаред вдохнул полной грудью и сделал шаг вперед. Едва он пошевелился, остальные члены нашей маленькой группы беззвучно выдохнули.

— Я Джаред. — Он пожал руку Нейту и заулыбался. — Это Мелани, Аарон, Брандт, Иен и Анни. А всего нас тридцать семь человек.

Джаред назвал мое имя, а Иен выставил плечо, пытаясь заслонить меня от посторонних взглядов. Только тогда я осознала, что нахожусь в такой же опасности, в какой находились бы люди, встретить мы Ищеек.

Нейт заморгал, услышав названную Джаредом цифру:

— Ух ты! Впервые нас обошли.

Теперь настал черед Джареда недоуменно моргать.

— Вы нашли еще кого-то?

— Нам известно о существовании еще трех ячеек: одиннадцать человек с Гейл, семь с Расселом и восемнадцать с Максом. Мы поддерживаем связь, а иногда даже обмениваемся кое-какими товарами. — Он снова довольно хохотнул. — Крошка Эллен из группы Гейл пожелала составить компанию нашему Эвану, а Карлос встретил свою Синди у Рассела. Ну и, само собой, Нео очень нам всем помогает. — Он резко замолчал, с опаской озираясь по сторонам, словно сболтнул лишнее и мельком взглянул на рыжеволосого мужчину, который все еще смотрел на меня.

— Может, объясним им? — сказал невысокий темнокожий мужчина, стоявший возле Нейта.

Нейт подозрительно осмотрел нашу немногочисленную команду.

— Ладно, Роб прав. Придется рассказать. — Он вздохнул. — Главное, выслушайте до конца и не дергайтесь раньше времени! Люди иногда расстраиваются почему зря.

— Каждый раз, — пробормотал мужчина по имени Роб. Его рука потянулась к кобуре у пояса.

— Что? — сухо спросил Джаред.

Найт снова вздохнул и указал на высокого мужчину с огненно-рыжими волосами. Мужчина усмехнулся и шагнул вперед. У него были веснушки, как у меня, только в тысячу раз больше. Из-за веснушек, щедро рассыпанных по лицу, его бледная кожа казалась смуглой. Глаза темные — наверное, темно-синего цвета.

— Это Нео. Так вот, он с нами, имейте в виду. Он мой лучший друг, сотни раз мне жизнь спасал. Он член нашей семьи, и мы не переносим, когда его пытаются убить у нас на глазах.

Одна из женщин медленно достала свой пистолет, держа его дулом к земле. Рыжий заговорил довольно приятным мягким баритоном:

— Все в порядке, Нейт. Видишь? — Он показал на меня, и Иен напрягся. — Похоже, не я один тут присоседился.

Нео улыбнулся, пересек полоску «приграничной земли», разделяющей два племени, и протянул мне руку.

Я шагнула вперед, не замечая предостерегающего шепота Иена, — внезапно я почувствовала себя в полной безопасности.

Мне понравилось выражение, которое использовал Нео: «Присоседились».

Нео остановился напротив меня и чуть опустил руку, компенсируя разницу в росте. Я пожала его натруженную ладонь.

— Неопалимый цвет, — представился он.

Мои глаза удивленно распахнулись. Огненный мир — как неожиданно.

— Странница, — назвала себя я.

— Рад знакомству, Странница. Какая... неожиданная встреча. Я-то думал, я один такой.

— Наивный, — сказала я, подумав об оставшейся в пещерах Санни. Видимо, такие, как мы, встречались не так уж редко.

Он удивился:

— Правда? Что ж, возможно, для этого мира еще не все потеряно.

— Это странный мир, — прошептала я, обращаясь скорее к себе, чем к собрату Душе.

— Самый странный из миров, — согласился он.